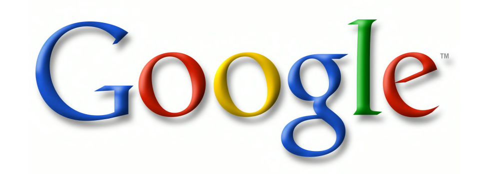

PROPERTY OF
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

1876

№ 2 ФЕВРАЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

NB. Печатаніе «КУЛЬТУРНЫХЪ ЛЮДЕЙ» прервано за болѣзнію автора.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(*См. страницу 3-ю*).

СИЛА ХАРАКТЕРА.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На музыкальныхъ вечерахъ генерала Охлыстышева вдругъ появилась новая личность. Это было сразу замѣчено всей московской родней генерала, которая ѣздила на эти вечера искать жениховъ для своихъ дочерей. Правда, что женихи отыскивались съ трудомъ, потому что всѣ почти пріѣзжавшія туда скрипки и віолончели или не вышли еще годами для женитьбы, или, чтò еще хуже, не имѣли никакого положенія въ обществѣ. Одинъ только, игравшій на цитрѣ, инженеръ Отто, могъ бы составить прекрасную партію, и онъ одинъ долгое время служилъ украшеніемъ этихъ вечеровъ. Въ числѣ музыкантовъ не было больше ни одного, чтò называется, жениха, но въ числѣ прочихъ гостей показывались отъ времени до времени холостые мужчины, которые, впрочемъ, больше играли въ карты и никакого особеннаго расположенія къ женитьбѣ не показывали. Всѣ такія личности были давно на счету, и княгиня Бородинская, славившаяся своимъ умѣньемъ выдавать дочерей замужъ, заставляя молодыхъ людей почти насильно жениться на нихъ, и княгиня даже напрасно уже возила сюда другой годъ двухъ невѣстъ. Она хотѣла уже бросить знакомство съ этимъ домомъ, хотя онъ и приходился ей сродни, когда вдругъ, на одномъ изъ вечеровъ, было замѣчено ею появленіе новой личности. Молодой человѣкъ,

не женатый, брюнетъ, съ самоувѣренной и нѣсколько недовольной миной, былъ ей представленъ, какъ мосье Соловой.

Княгиня внимательно осмотрѣла его. Сюртукъ сшитъ хорошо и какъ-то особенно ловко застегнутъ на нижнія пуговицы, отчего фигура казалась тоньше и стройнѣе; воротнички туго накрахмалены и бѣлѣе снѣгу; на маншеткахъ толстыя золотыя запонки и работа прекрасная. Онъ вынулъ портсигаръ, княгиня посмотрѣла и на портсигаръ—серебряный и работа тоже прекрасная. Словомъ, все на тайный вопросъ, женихъ ли, не женихъ, отвѣчало: женихъ! Одно только нѣсколько обезпокоило княгиню: съ самаго почти начала вечера, мосье Соловой сѣлъ за преферансъ, а, кончивши преферансъ, выпилъ двѣ чашки чаю и тотчасъ же сѣлъ еще на три роббера въ ералашъ. За чаемъ, впрочемъ, она успѣла устроить такъ, что посадила рядомъ съ нимъ одну изъ своихъ дочерей, княжну Ольгу, которую, за ея необыкновенно большіе и выразительные глаза, прозвали газелью. Княжна, когда говорила, постоянно улыбалась, и, по количеству ея улыбокъ, даже не слушая ее, всегда можно было судить о томъ, насколько оживленъ былъ ея разговоръ. На этотъ разъ княжна улыбалась мало. Соловой говорилъ не съ ней, а съ какимъ-то толстымъ мужчиной, и говорилъ-то о предметахъ вовсе ей непонятныхъ, о подсудности, вмѣняемости и наказуемости.

Чай разливала дочь хозяина, Августа. Такое странное имя было ей дано по нечаянному стеченію обстоятельствъ. Отецъ ея строго придерживался правила давать дѣтямъ имена по святцамъ: въ какой день родился ребенокъ, того святаго и имя. Сынъ родился въ день Михаила Архангела—его назвали Михаиломъ; дочь — въ Екатерининъ день и была бы непремѣнно Катериной, да на бѣду такъ звали княгиню Бородинскую, а Охлыстышевъ былъ съ ней въ то время въ ссорѣ, и не то, чтобъ даже въ ссорѣ, а просто переругался такъ, что имени ея слышать не могъ и говорилъ даже: «Если встрѣчу ее гдѣ нибудь, прибью!» На зло ей дочь Катериной онъ не назвалъ, а посмотрѣлъ въ святцы, нашелъ въ этотъ день Августу и велѣлъ крестить дѣвочку Августой. Послѣ онъ съ княгинею помирился, потомъ опять поругался, потому что оба они были характера безпокойнаго и каждый годъ ссорились по нѣскольку разъ; самая продолжительная ссора ихъ длилась, впрочемъ, два года, когда оба они хотѣли жаловаться другъ на друга Государю. Въ этотъ именно промежутокъ и родилась Августа, которой теперь минуло двадцать лѣтъ.

Августа была совершенная брюнетка. Ея волосы черные, матовые, безо всякаго блеску и отлива, какъ въ рамку вставили

ея блѣдное, слегка даже ударявшее въ желтизну лицо. Въ ея лицѣ было что̀-то странное, что̀ сразу врѣзывалось въ памяти всякому, видѣвшему ее хоть мелькомъ. Было въ этихъ чертахъ что̀-то поражавшее однихъ пріятно, другихъ непріятно. Одни восхищались ея необыкновенно красивыми глазами, другіе говорили, что ея тонкія губы придаютъ ей какое-то злое выраженіе. Даже въ красотѣ ея глазъ былъ свой недостатокъ: они мало имѣли блеску; они, какъ и волосы, были черные, но безъ малѣйшей искорки, безъ малѣйшаго луча въ нихъ. Именно только ночь, одна непроглядная, глухая ночь виднѣлась въ этихъ глазахъ. Отъ этого въ лицѣ ея мало было жизни. Она поражала, но не привлекала. Если кто и восхищался ея красотой, то восхищался, какъ хорошей картиной. Полюбуется, отойдетъ и забудетъ. На тонкихъ губахъ ея какъ будто легла навѣки какая-то странная улыбка, даже и тогда, когда она оставалась совершенно серьёзна. Сложена она была очень хорошо и, когда надѣвала открытый лифъ, то многихъ плѣняла красотой своихъ покатыхъ плечъ. Это случалось, впрочемъ, рѣдко, потому что Августа не любила выѣзжать. Въ свѣтѣ про нее говорили, что она корчитъ изъ себя разочарованную, что она неестественна и ужасно много о себѣ думаетъ. Въ обращеніи ея дѣйствительно сквозило что̀-то, какъ будто снисходящее до другихъ, какая-то тайная насмѣшка, не на губахъ только, но и въ голосѣ, и въ жестахъ, несмотря на то, что она со всѣми была необыкновенно вѣжлива и предупредительна. Но какъ-то за самой этой вѣжливостью чувствовалась пустота, полное отсутствіе интереса къ тому, что̀ дѣлалось и говорилось кругомъ нея.

Княгиня Бородинская, ея троюродная тётка, терпѣть ее не могла, но, какъ истая дипломатка, скрывала это: нельзя же ѣздить въ домъ каждую недѣлю и не быть вѣжливой съ хозяевами. Княгиня за чаемъ заняла мѣсто подлѣ самой Августы, надѣясь разузнать отъ нея что̀ нибудь о появившемся на горизонтѣ новомъ женихѣ.

— У васъ новое знакомство, сказала она, показывая глазами на Соловаго, когда онъ пошелъ опять играть въ карты.

— Да̀, отвѣтила Августа односложно.

— Кто его съ вами познакомилъ?

— Это—знакомый Марьи Николаевны.

— Ахъ, вотъ какъ!

Княгиня ужь искала глазами Марью Николаевну. Это была пожилая дама, жившая въ домѣ Охлыстышевыхъ. Обязанность ея состояла въ томъ, чтобы выѣзжать съ Августой, которая никогда почти не выѣзжала. Въ свѣтѣ говорили, что эта дама въ

*

интимныхъ отношеніяхъ съ самимъ генераломъ и полная хозяйка въ домѣ. Она жила у Охлыстышевыхъ уже лѣтъ двѣнадцать, со смерти самой генеральши.

— Вотъ кàкъ! знакомый Марьи Николаевны! Гдѣ же это она съ нимъ познакомилась?

— Онъ—ей родня, кажется.

— Родня!

Фонды Соловаго сразу упали въ глазахъ княгини. Можетъ ли быть чтò нибудь путное въ родствѣ у Марьи Николаевны. Женщина совершенно темнаго происхожденія.

— Чтò онъ служитъ гдѣ нибудь?

— Право не знаю. Я сама его первый разъ вижу.

— Да гдѣ онъ прежде жилъ?

— Кажется, въ провинціи.

— Чтò же у него есть состояніе?

Чтò ты ко мнѣ пристала! подумала Августа, которой нужно было идти къ роялю, гдѣ ее ждали для квартета.

— Право не знаю, сказала она вслухъ.

Пойду лучше узнаю у самой Марьи Николаевны, подумала княгиня и отодвинула свой стулъ отъ чайнаго стола.

Августа пошла въ залу къ музыкантамъ.

— Ну, чтò ты тамъ пропала! встрѣтилъ ее недовольнымъ голосомъ высокій и ужасно нескладный юнкеръ, до сихъ поръ съ азартомъ настроивавшій свою скрипку.—Вѣчно васъ дожидайся!

По тону, какимъ это было сказано, сейчасъ можно было догадаться, что это—братъ. Такъ только братья съ сестрами говорятъ, и въ особенности, братья юные, которые недавно еще попали въ большіе.

— Я не могла уйти. Около меня все время сидѣла тётушка и спрашивала, много ли у Соловаго денегъ.

Стоявшій у рояля инженеръ Отто, тотъ самый, который игралъ на цитрѣ и могъ бы составить прекрасную партію для молòдой дѣвушки, какъ-то особенно поглядѣлъ на Августу при ея послѣднихъ словахъ. Отто былъ молодой человѣкъ невысокаго роста, коренастый, съ головой, крѣпко сидѣвшей на угловатыхъ, совершенно горизонтальныхъ плечахъ, и съ типичными чертами того упрямаго, настойчиваго характера, которому поперекъ дороги не становись. Каріе глаза его глубоко сидѣли въ глазныхъ впадинахъ и изъ-подъ черныхъ, какъ углемъ рисованныхъ бровей глядѣли съ тѣмъ же угрюмымъ упорствомъ, которое дало окраску всей его фигурѣ. Не нужно было знать его біографіи, чтобы угадать, чтò это за характеръ. Волосы у него были цвѣта неопредѣленнаго, скорѣй свѣтлые, чѣмъ темные, и острижены

довольно коротко. Видно было, что наружностью своей онъ не занимался. Руки у него были безобразныя, не краснаго, а какого-то бураго цвѣта съ короткими, какъ обрубки, пальцами. Многіе удивлялись, кàкъ могъ онъ съ такими пальцами играть очень недурно на цитрѣ.

Онъ сталъ помогать Августѣ отыскивать ея ноты.

— Зачѣмъ вы такъ торопитесь? сказалъ онъ, вовсе нелюбезно и не мѣняя своего угрюмаго выраженія.

— Кàкъ же мнѣ не торопиться! Я всѣхъ задерживаю.

— Ну, гдѣ же вы задерживаете? Мы здѣсь не въ оперѣ, можно и подождать.

— Вы посмотрите на моего брата. Я такъ и жду, что онъ прибьетъ меня смычкомъ. А чѣмъ же я виновата? тётушка пристаетъ ко мнѣ цѣлый вечеръ, сколько денегъ у Соловаго.

— Она васъ очень любитъ, должно быть.

— Отчего вы это думаете?

— Ни одного вечера не пропускаетъ.

Августа взглянула на него, и невидимая улыбка скользнула по лицу ея. Отто вдругъ покраснѣлъ и покраснѣлъ глупо ребячески, до самыхъ бровей.—Дуракъ! грянулъ онъ себѣ мысленно:—и я вѣдь ни одного вечера не пропускаю.

— Княгиня бываетъ у насъ потому, сказала Августа:—что у насъ бываютъ молодые люди. А прежде, когда у насъ не бывало никого, она и не ѣздила къ намъ совсѣмъ. Ѣздила только по дорогѣ въ сумасшедшій домъ.

— Кàкъ въ сумасшедшій домъ?

— Дà, у ней тамъ родственникъ какой-то сидитъ. А ѣхать туда мимо насъ.

— Чтò же это такое, господа! крикнулъ опять недовольный юнкеръ.—Будемъ мы нынче играть или нѣтъ? Это—чортъ знаетъ чтò такое! Одинъ изъ товарищей толкнулъ его подъ локоть, показывая на барышень, которыя собирались въ залѣ слушать квартетъ. Играли любители довольно сносно, путалъ только сынъ хозяина, юнкеръ Миша. Онъ съ какимъ-то сосредоточеннымъ озлобленіемъ пилилъ по скрипкѣ, точно желая пропилить ее насквозь, и все выходило у него какъ-то то не въ тонъ, то не въ тактъ. Онъ весь даже побагровѣлъ; его одутловатое лицо сдѣлалось еще болѣе одутловатымъ, и онъ стремительно несся впередъ, останавливаясь только передъ трудными пассажами и перелѣзая черезъ нихъ, какъ черезъ заборъ. Послѣ всякаго такого перелѣзанья, въ квартетѣ чувствовалось нѣкоторое разстройство, потому что прочіе инструменты продолжали играть свое, не зная, что у Миши есть пассажъ и что тутъ нужно его по-

дождать. Всѣ музыканты остались очень недовольны. Августа, какъ только кончилась пьеса, подошла къ брату, еще отдувавшемуся послѣ работы.

— Знаешь, Миша, ты ужасно скверно играешь. Такъ скверно, что силъ нѣтъ никакихъ тебя слушать.

— Ну, знаю; слышалъ. Надоѣло это.

Миша, кажется, самъ сознавалъ, что онъ играетъ ужасно скверно, но соглашаться съ этимъ никогда не соглашался.

— Борисъ Ѳедоровичъ, скажите ему хоть вы, что такъ нельзя играть. Кàкъ же можно такъ играть при обществѣ! Онъ насъ всѣхъ компрометируетъ.

Отто не откликнулся на это воззваніе, а только посмотрѣлъ на Августу; но та, не дожидаясь отвѣта, отошла къ барышнямъ, и слышно было, кàкъ говорила имъ на ихъ комплименты:

— Мы ужасно гадко играли!

— Ахъ, нѣтъ, вы прекрасно играли! Въ одномъ мѣстѣ только немножко... Мнѣ кажется, вашъ братъ еще немножко...

— Онъ вретъ ужасно... Мы никакъ не можемъ его уговорить, чтобы онъ ушелъ изъ нашихъ квартетовъ.

— Нѣтъ, и онъ будетъ потомъ прекрасно играть. Ему нужно только заняться, брать уроки.

— Ахъ, ему и уроки на пользу не идутъ. Онъ нынѣшнимъ лѣтомъ трехъ учителей перемѣнилъ.

— Но за то я слышала, онъ прекрасно играетъ на фортепіано.

— Еще хуже, чѣмъ на скрипкѣ.

Княгиня Бородинская, тотчасъ же послѣ чаю, пошла отыскивать Марью Николаевну, чтобы узнать отъ нея, женихъ Соловой или не женихъ. Марья Николаевна на этихъ вечерахъ хлопотала обыкновенно по хозяйству и выкуривала несметное число папиросъ. Она была, должно быть, прежде недурна собой, но давно ужь бросила заниматься своей наружностью и одѣвалась кое-какъ. Шлейфовъ никогда не носила, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ей приходилось выѣзжать съ Августой, башмаковъ съ каблуками не надѣла бы ни за какія деньги, а всегда ходила въ какихъ-то туфляхъ. Прическу сохранила ту, которая была въ модѣ во времена ея молодости, и дѣлала себѣ изъ волосъ какія-то собачьи уши. Прическа эта ужасно старила ее, и генералъ даже разъ, подъ сердитую руку, сказалъ ей:

— Вы, матушка, съ этой прической, съ позволенія сказать, похожи на просвирню.

Но Марья Николаевна на это обидѣлась, сказала, что она — честная женщина и не позволитъ себѣ такихъ вещей говорить!

и прически не перемѣнила. Вообще, Марья Николаевна любила все дѣлать по своему. Къ старости у нея образовалась посерединѣ лба какая-то шишка, которая, разъ вскочивши, никогда ужь потомъ не сходила. Но она объ этомъ вовсе и не безпокоилась и, когда ей совѣтовали обратиться къ докторамъ, она говорила:

— Мнѣ не замужъ идти—шишка, такъ шишка! Еще рѣзать станутъ, совсѣмъ безъ головы останешься.

Въ свѣтѣ она была почему-то извѣстна, какъ дипломатка.—Это—такая дипломатка! говорили дамы и всегда прибавляли по секрету, что она кажется въ интригѣ съ генераломъ и что Августа ненавидитъ ее.

Когда княгиня Бородинская заговорила о Соловомъ, Марья Николаевна, какъ дипломатка, сейчасъ же поняла, къ чему клонится дѣло, но виду не показала.

— Это—братъ того Соловаго, за которымъ замужемъ моя сестра.

— Они—не калужскіе ли помѣщики?

— Нѣтъ, калужскіе Соловые — это другіе, я ихъ тоже знаю; они—нашимъ не родня. У нашихъ имѣнье въ Южномъ Краѣ.

— Имѣнье есть однакожь! подумала княгиня.

— Что же, мосье Соловой на долго пріѣхалъ въ Москву?

— Да, онъ теперь будетъ тутъ служить.

— А прежде гдѣ же онъ служилъ?

— Да онъ и прежде все тамъ же служилъ, по судебному вѣдомству. Только теперь его перевели въ Москву. Молодой человѣкъ, знаете ли, самъ хлопоталъ. Въ провинціи скучно. А онъ—человѣкъ не такого характера; онъ безъ общества жить не можетъ. Онъ дома развѣ только ночуетъ, а то его и не застанешь никогда.

— Ну, это все, пока не женатъ. Женится, не то будетъ.

Княгиня вздохнула, какъ бы уже видя Соловаго женатымъ и сидящимъ дома.

— Ну, нѣтъ, его развѣ только могила перемѣнитъ.

— А что такое?

— Да ничего. Онъ—хорошій человѣкъ, только для семейной жизни не годится. Онъ на своемъ вѣку службу разъ пятнадцать перемѣнилъ. Съ его способностями онъ бы могъ хорошую карьеру себѣ составить. Это не я одна говорю, да и не потому, чтобы я ему родня была—какая же я ему родня, эдакой родни не оберешься... Нѣтъ, это не я одна, это многіе ему говорили... Только начнетъ служить, пойдетъ прекрасно—съ начальствомъ исторія! перейдетъ на другое мѣсто—другая исторія! Онъ, пред-

ставьте, началъ свою службу въ полку, да еще въ гвардіи, въ Петербургѣ! И прекрасно такъ началъ. Вдругъ, слышимъ, подалъ въ отставку. Что̀ такое? Ка̀къ? Что̀? Братъ поскакалъ въ Петербургъ. Что̀ же вы думаете? Кто-то изъ начальства, генералъ какой-то, сдѣлалъ ему замѣчаніе. Онъ ему не смолчалъ, тотъ разгорячился, этотъ—тоже. Генералъ и кричитъ: «я тебѣ велю сто палокъ дать!» А онъ ему: «не мудрено, говоритъ, ваше превосх—во, вы ихъ сами третьяго дня получили». А нужно вамъ замѣтить, что генерала самого передъ этимъ только что распатронили, гдѣ-то тамъ, высшее начальство, конечно. Ну, и вышла исторія. Чуть было въ солдаты не разжаловали. Братъ ужь хлопоталъ, ѣздилъ; все-таки связи тамъ имѣетъ...

— Молодость! замѣтила княгиня снисходительно.

Въ гвардіи служилъ! братъ связи имѣетъ! имѣнье есть въ Южномъ Краѣ! Не только женихъ, но и женихъ желательный.

— Ну, а что̀ ваша сестра? спросила она, обрадованная своими открытіями и рѣшая въ умѣ, что справляться больше нѐчего, а прямо ловить и ловить немедля.

— Моя сестра тоже скоро пріѣдетъ въ Москву. У нея сынъ очень боленъ; хочетъ показать его здѣшнимъ докторамъ.

— Великъ сынъ вашей сестры? продолжала княгиня, которой рѣшительно было все равно, великъ онъ или малъ.

— Нѣтъ, двухъ лѣтъ всего. Ужасно болѣзненный ребенокъ!

Марья Николаевна обожала свою сестру и дѣтей своей сестры, и потому наводить ее на этотъ разговоръ было небезопасно: она могла никогда не остановиться.

Подъ конецъ вечера слушатели у музыкантовъ все прибавлялись: въ залу приходили изъ-за карточныхъ столовъ окончившіе свою партію. Когда стали играть для финала аррагонскую хоту, въ которой Августа не участвовала, она, какъ хозяйка, пошла въ гостинную занимать барышень и, проходя мимо Отто, сказала ему въ полголоса:

— Идите мнѣ помогать занимать барышень.

Отто, молча, мотнулъ головой и остался на мѣстѣ. Онъ считалъ профанаціей уйти отъ аррагонской хоты, чтобы болтать съ барышнями. Не только самъ не сталъ бы онъ говорить теперь, но онъ изъ себя выходилъ, когда слышалъ, что другіе разговариваютъ во время музыки. Августа успокоивала его тѣмъ, что гости ѣздятъ къ нимъ вовсе не для музыки.

— Кому же пріятно слушать, говорила она:—какъ Миша играетъ на скрипкѣ!

На этотъ разъ помогать Августѣ въ скучной обязанности занимать гостей пришелъ мало еще знакомый ей Соловой. Онъ

только что всталъ изъ-за картъ и, пойманный на полупути княгиней, долженъ былъ примкнуть къ дамамъ.

— Какая прелестная увертюра! сказала ему, улыбаясь, княжна Ольга.

— Я долженъ признаться, что я въ музыкѣ ничего не понимаю.

— Не правда. Кàкъ можно не понимать музыки Глинки!

— Я не знаю; по крайней мѣрѣ, единственный мотивъ, который я могъ удержать въ памяти и вообще отличить его отъ другихъ—это персидскій маршъ. Пожалуй, если играютъ персидскій маршъ, я готовъ слушать. Но все остальное, признаюсь, никакого впечатлѣнія на меня не производитъ.

— Бываютъ минуты, конечно, сказала княгиня, когда человѣкъ не расположенъ слушать музыку, когда она просто даже раздражаетъ его; но вотъ, какъ мосьё Соловой говоритъ, что онъ совсѣмъ не признаетъ ея, этому я тоже позволю себѣ не повѣрить.

И княгиня, сама того не замѣчая, заговорила громко и горячо, заглушая своимъ голосомъ тѣ самые дивные мотивы Глинки, за которые ратовала передъ Соловымъ. А онъ былъ совершенно искрененъ, когда признавался, что, кромѣ персидскаго марша, ничего въ музыкѣ не понимаетъ. Онъ ѣздилъ, правда, въ концерты и имѣлъ даже абонементъ въ оперѣ, но собственно только для того, чтобы посмотрѣть на публику и встрѣтиться иногда съ знакомыми; къ тому же, чтò дѣлалось на сценѣ, онъ оставался совершенно равнодушнымъ.

Когда кончилась аррагонская хота, гости стали разъѣзжаться. Августа проводила, наконецъ, послѣднюю барышню и вернулась въ гостинную, гдѣ остались только домашніе, нѣкоторые товарищи ея брата, Отто и Соловой. Отто говорилъ съ ея отцомъ; Соловой подошелъ къ ней. Они обмѣнялись нѣсколькими незначительными фразами, тѣми фразами, которыя такъ часто говорятся въ началѣ знакомства между молодымъ человѣкомъ и молодой дѣвушкой. Чтò говорится въ это время, обыкновенно бываетъ забыто за другой же день. Но долго помнятся потомъ тѣ первые взгляды, тѣ первыя мысли и ощущенія, которыя шевельнулись при началѣ новаго знакомства. Есть встрѣчи, которыя съ перваго же раза оставляютъ въ душѣ чтò-то новое, какую-то загадку, разрѣшеніе которой ждется въ будущемъ. Есть встрѣчи, рѣдкія, правда, когда невѣдомо, незамѣтно западаетъ въ душу первая искра и долго потомъ, и невидимо тлѣется, пока не вспыхнетъ пожаромъ и не озаритъ новымъ свѣтомъ всю жизнь человѣка. Августа не знала, конечно, и не могла уга-

дать, какое страшное, роковое для нея значенiе будетъ имѣть теперешняя встрѣча ея, сколько слезъ прольетъ она потомъ и какъ тысячу разъ проклянетъ ту минуту, когда увидѣла этого человѣка — ничего этого она не могла предвидѣть, и, однакожъ, что̀-то странное шевельнулось въ ея душѣ, когда она смотрѣла въ свѣтлые, блестящiе глаза этого новаго знакомаго. Чувство это она объяснила себѣ просто любопытствомъ. Она много слышала про Соловаго раньше. Хотя она и уклонялась отъ разспросовъ княгини, но прошлое этого человѣка было ей извѣстно (по крайней мѣрѣ, такъ думала она въ то время), и она сличала теперь портретъ съ оригиналомъ. Онъ ничего не слыхалъ про нее прежде, но былъ замѣтно пораженъ ея наружностью и тоже какъ будто вглядывался въ ея спокойные, темные, какъ ночь, глаза.

II.

Генералъ Охлыстышевъ былъ ужасный спорщикъ. Въ тотъ день, когда ему не съ кѣмъ было поспорить, онъ чувствовалъ себя нехорошо. Обыкновеннымъ его собесѣдникомъ былъ Отто, бывавшiй въ домѣ у нихъ разъ три въ недѣлю, иногда чаще. Какъ только сходились они вмѣстѣ, такъ получаса не проходило, какъ они ужь спорили. Объ чемъ бы рѣчь ни зашла, они со второй фразы переставали ужь соглашаться другъ съ другомъ. Предметовъ спора они и не искали никогда. О чемъ ни заговорятъ—предметъ спора. О погодѣ даже они не могли согласиться между собою. Отто скажетъ, что погода будетъ хороша. «А вы почемъ знаете?» крикнетъ генералъ. «Барометръ показываетъ». «Не вѣрю я вашему барометру. Все—новыя выдумки!»

Съ особеннымъ недовѣрiемъ относился генералъ къ тому, что̀ было открыто наукой послѣ выхода его въ отставку; многое даже совсѣмъ отрицалъ. Россiю онъ помнилъ тоже такою, какою она была еще до выхода его въ отставку, и все, что̀ было сдѣлано потомъ, называлъ глупостями.

— Вотъ, скажетъ:—какъ это въ мое время было, а ныньче ужь и не разберешь...

Онъ, дѣйствительно, давно ужь пересталъ разбирать, что̀ это такое въ Россiи дѣлается. И прежде было земство, и теперь земство; какая между ними разница—чортъ его знаетъ! Земское собранiе, земская управа, земская полицiя—все это онъ зналъ, что разныя вещи, но всегда ихъ путалъ, и при этомъ, по привычкѣ старыхъ брюзгливыхъ людей, сердился не на себя, а на

тѣхъ, кто это выдумалъ. «Лучше, что̀ ли, стало теперь?» спрашивалъ онъ съ азартомъ. И при этомъ глубоко былъ убѣжденъ, что теперь стало не лучше, а хуже, потому что прежде, когда земства не было, онъ служилъ, а теперь, когда земство есть, онъ въ отставкѣ. Ему казалось, что такимъ же гибельнымъ образомъ повліяло оно и на многихъ. Если генералъ все новое бранилъ, Отто напротивъ все хвалилъ, и объ чемъ бы они ни заговорили, никогда согласиться не могли.

На другой день послѣ музыкальнаго вечера, Отто, по обыкновенію, пришелъ послѣ обѣда поспорить съ генераломъ. Его встрѣтила Августа. Генералъ къ нему не вышелъ. Онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и тяжело и сердито вздыхалъ. Онъ ждалъ къ себѣ Марью Николаевну для продолженія начатаго еще утромъ непріятнаго для него разговора. Марья Николаевна просила отказать однимъ жильцамъ, чтобы очистить ихъ квартиру для ея сестры. Старикъ былъ скупъ, жильцы платили ему хорошо, а Марьи Николаевны сестра, пожалуй, и совсѣмъ еще платить не станетъ. Требовать съ нея деньги неловко, а не пускать ее совсѣмъ, казалось, было бы ловко, тѣмъ болѣе, что и предлогъ есть приличный: зачѣмъ же гнать людей, которые до сихъ поръ исправно платили, да и вообще люди прекрасные.

Обдумавши все это, генералъ рѣшилъ: не пущу Марьи Николаевны сестру! Станетъ приставать—откажу! И, ходя по комнатѣ, и вздыхая, онъ повторялъ себѣ: не пущу! не пущу! И этимъ довелъ себя до такого азарта, что, казалось, приди только Марья Николаевна—плохо ей будетъ. Онъ даже съ нѣкоторымъ злорадствомъ ожидалъ ее теперь.

На одну только минуту мысли его развлеклись тѣмъ, что онъ, проходя мимо зеркала, замѣтилъ, что надо бы усы покрасить, давно не красилъ. Онъ не то, чтобы молодился, но у него отъ прошлаго оставалась такая еще молодцоватая фигура, такая лошадиная сила и лошадиное здоровье, что онъ старикомъ себя не считалъ, а, чтобы усы его не выдали, онъ ихъ и красилъ. Онъ даже и въ тайнѣ этого не держалъ, да и нельзя было держать, потому что составы попадались иногда такіе, что ляжешь съ черными усами, а утромъ встанешь съ лиловыми или наоборотъ: прежде чѣмъ усы сдѣлаются черными, надо дня два носить ихъ зелеными. Одно время генералъ до того дошелъ, что, если кто рекомендовалъ ему новый составъ, онъ говорилъ:

— Нѣтъ, покорно благодарю! Вы покрасьтесь-ка сперва сами, а потомъ я на васъ посмотрю, да тогда и выкрашусь.

— Да̀, посвѣтлѣли усы, посвѣтлѣли! думалъ онъ, взглянувши

въ зеркало.—Надо будетъ ужѐ подновить.—А Марья Николаевна ошибется въ своихъ разсчетахъ! сильно ошибется!

Не успѣлъ онъ докончить своей мысли, какъ дверь отворилась и вошла Марья Николаевна. Генералъ нахмурилъ брови. Объясненіе не предвѣщало ничего хорошаго.

— Я опять насчетъ того, чтò я вамъ давеча говорила. Вотъ вы говорите, что это—такіе жильцы, чтò и не сыщешь никогда такихъ. А вотъ давеча Аксинья приходила, говоритъ, что они молока у насъ больше брать не хотятъ. Вы, говоритъ, снятое молоко продаете. Мы, говоритъ, на рынкѣ лучше гораздо найдемъ. Это отъ нашихъ-то коровъ снятое молоко! Да я ото всѣхъ только и слышу, что у васъ, Марья Николаевна, молоко—чистыя сливки! Меня Поповы вонъ сейчасъ умоляютъ, чтобы я никому, кромѣ ихъ, не отпускала. А ваши хваленые жильцы вдругъ черезъ кухарку присылаютъ сказать: снятое молоко продаете! брать не хотимъ! Это—явная придирка! Явно хотятъ вамъ непріятность сдѣлать. Вдругъ прислугѣ говорятъ: вашъ генералъ снятое молоко продаетъ! Да я бы за одно за это ихъ дня держать не стала.

Генералъ не ожидалъ, что дѣло приметъ такой оборотъ, и нѣсколько опѣшилъ.

— Это все—мелочи, дрязги! отрѣзалъ онъ.—Вы меня всегда только съ своими дрязгами раздражаете.

— Чѣмъ я васъ раздражаю! Я вамъ только пришла сказать, что я бы, на вашемъ мѣстѣ, никогда этихъ жильцовъ не стала держать. Они теперь всей Москвѣ будутъ разсказывать, что вы снятое молоко продаете. Да вонъ и на погребѣ у насъ доски лежали, всѣ доски ихъ прислуга растащила. Въ каретномъ сараѣ полъ весь такъ испортили, что весь теперь заново настилай. Кучеръ у нихъ всегда пьяный, того и гляди сожжетъ еще.

— Чтò-жъ вы мнѣ раньше этого не говорили!

— Да гдѣ-жъ раньше! Вотъ вамъ и теперь-то говорить, такъ вы слушать не хотите.

— Нѣтъ, вы, я васъ знаю, вы это нарочно... Вы всегда все сразу накопляете, чтобы мнѣ потомъ больше непріятности сдѣлать.

— Съ вами, Михаилъ Петровичъ, говорить нельзя. Для васъ же хлопочешь, а вы—сейчасъ Богъ знаетъ чтò... Чтò-жъ, вамъ пріятно, чтобы про васъ говорили, что вы жильцамъ снятое молоко продаете. Да, по моему, я бы не только этихъ людей дня одного держать не стала, я бы еще въ судъ на нихъ подала. Эдакія вещи нельзя позволять! Они нынче говорятъ, что вы снятое молоко продаете, а завтра скажутъ, что вы на большой

дорогѣ кого нибудь ограбили. Отъ эдакихъ людей все станется. Этого спускать нельзя! Это всѣмъ поводъ только подавать...

— Что-жь, мнѣ судиться, что ли, съ ними! крикнулъ генералъ.

— Ну, не хотите судиться, такъ откажите отъ квартиры! Что это, въ самомъ дѣлѣ? люди васъ чернятъ, а вы съ ними деликатничаете. Что такое за особенное сокровище! Они еще съ квартирой-то повертятся, побѣгаютъ по Москвѣ, поищутъ другую такую. А вы на ихъ мѣсто сейчасъ найдете жильцовъ. Моя сестра не хуже ихъ платить будетъ.

Платить, однако, будетъ! подумалъ генералъ.

— Да ваша сестра когда пріѣдетъ? спросилъ онъ все еще сердито.

— Да скоро пріѣдетъ. Я вотъ вчера отъ нея письмо получила.

Марья Николаевна пошарила и достала его изъ кармана, но читать не стала, потому что генералъ терпѣть не могъ, когда ему читали чужія письма, да не любилъ, когда и ему писали. Если ему случалось получить письмо, онъ только распечатывалъ его, а потомъ отдавалъ Марьѣ Николаевнѣ, чтобы она прочитала и сказала, что тамъ такое. Зрѣніе у него было плохое, и онъ съ трудомъ разбиралъ писаное. Марья Николаевна, наоборотъ, до страсти любила переписываться и всякую свободную минуту писала то къ сестрѣ, то къ разнымъ знакомымъ. Если она вдругъ скрывалась и никто изъ домашнихъ не видалъ ея, то на вопросъ, гдѣ она, всегда отвѣчали: пишетъ письма!

— Сестра меня даже проситъ задатокъ дать, потому что, говоритъ, когда ты дашь задатокъ, я буду спокойнѣе, что квартира останется за мною.

И Марья Николаевна на мѣсто письма, оказавшагося безполезнымъ, вынула изъ кармана запачканный, замшевый кошелекъ, который не сразу поддался ея усиліямъ открыть его. Генералъ, при видѣ этого кошелька, какъ будто даже вспылилъ.

— Это что такое еще! Какой еще задатокъ? Что вы со мной считаться, что ли, хотите!

— Вы меня знаете, Михаилъ Петровичъ. Мы съ вами не первый годъ знакомы. Я никогда никому не одолжалась. Я—бѣдная женщина, но и своими скудными крохами проживу. И прежде такъ жила, и всегда такъ буду жить. Я никому не одолжалась, а сестра моя и подавно. У ней, слава Богу, есть чѣмъ заплатить. Мужъ свое состояніе имѣетъ.

— Вотъ то-то, сударыня, и глупо вы поступаете, что на сестру, которая въ десять разъ богаче васъ, всѣ свои послѣдніе

гроши тратите. Всегда говорилъ, что глупо, и теперь, извините, скажу. Ваше сестра шляпки себѣ по 25 р. покупаетъ, рюши, трюши, чортъ знаетъ что̀, а вы салопа себѣ сшить не соберетесь...

— Если я что̀ трачу, такъ трачу не на сестру, а на дѣтей.

— Да дѣти-то чьи же, сударыня? вы, что̀ ли, ихъ родили?

— Ну, ужь перестаньте, пожалуйста! Вы пойдете всегда придумывать. Съ вами говорить нельзя.

— Нѣтъ, со мной можно говорить. Я дѣло говорю. Вотъ эта квартира... Отчего я не хотѣлъ вамъ ее уступать? Вы говорите — жильцы. Что̀ мнѣ жильцы? Да чортъ ихъ возьми совсѣмъ! я объ нихъ и не думаю. Я объ васъ думаю. На что̀ вашей сестрѣ такая квартира? По средствамъ ли она ей? Вѣдь ее одно — отопить чего сто̀итъ! Вотъ я объ чемъ думалъ!

Генералъ объ этомъ вовсе и не думалъ, но вообразилъ, что думалъ. Теперь, когда онъ узналъ, что сестра Марьи Николаевны будетъ платить, онъ не такъ уже жалѣлъ прежнихъ жильцовъ, но въ немъ говорило еще чувство страха, что не заставили бы его сбавить съ квартиры. А онъ только-было собирался набавить, потому что всѣ домовладѣльцы въ тотъ годъ набавляли.

Марья Николаевна горячо вступилась за свою сестру и даже нѣсколько преувеличила ея средства, увѣряя, что ей жить койкакъ нельзя и что она приличную обстановку сохраняетъ не для себя, а для мужа, чтобы его не компрометировать.

— Мало ли—къ ней можетъ кто нибудь изъ провинціи пріѣхать! Не принимать же ихъ кой-какъ. Они, пожалуй, рады. Они будутъ потомъ разсказывать, что Соловая въ Москвѣ живетъ Богъ знаетъ какъ.

— Ну, и пусть разсказываютъ. Что̀ она хуже отъ этого будетъ?

Марья Николаевна разсердилась.

— Вы всегда такъ говорите, когда до другихъ дѣло касается, а, коли объ васъ говорятъ, такъ вы всему дому покоя не дадите.

Генералъ тоже разсердился. Чуть было все дѣло не пошло врозь. Марья Николаевна, какъ дипломатка, однако, спохватилась, заговорила о томъ, объ этомъ, два раза уступила, третій разъ промолчала и добилась таки своего: въ тотъ же вечеръ жильцамъ отказала, а сестрѣ написала письмо, что квартира для нея готова.

Генералъ пошелъ къ Отто показать ему новый составъ для усовъ и посовѣтоваться съ нимъ. Хоть онъ и зналъ, что тотъ скажетъ непремѣнно: дряны! шарлатанство! но, все таки, сердце

не выдержало, пошелъ показать ему пузырекъ. Тотъ посмотрѣлъ, развернулъ печатное наставленіе, посмотрѣлъ и на него и молча положилъ на столъ.

— Ну, что̀?

— Ничего. Велите выбросить.

— Да, вѣдь, вы не думайте!.. Это—не какое нибудь... Это—новое средство. Только что открыто. Одобрено медицинскимъ департаментомъ.

— Медицинскій департаментъ одобритъ что̀ хотите. Если кожа съ лица не слѣзетъ, значитъ употреблять можно.

— Ну, да, вѣдь, вы все отрицаете. Вамъ бы только отрицать.

— Ничего я не отрицаю. Я свое мнѣніе говорю.

— Нѣтъ, да, вѣдь, вы ужь со мной никогда не согласитесь. Ужь коли я это средство употребляю, вы по этому самому будете его оспаривать.

— Какое же мнѣ дѣло, что вы его употребляете? Я вижу этотъ составъ и вижу, что это—шарлатанство. Мало ли—вонъ жизненный элексиръ предлагаютъ, развѣ я обязанъ этому вѣрить?

Генералъ привскочилъ.

— Да̀, вотъ вы шутите! А я вамъ скажу, что жизненный элексиръ, это—такая штука!.. Это я на себѣ ужь испыталъ. У меня былъ такой упадокъ силъ... Я этимъ только себя и поддержалъ. Прошлый годъ, въ деревнѣ, дьяконъ знакомый... Погодите, говоритъ, а вамъ пропишу. И далъ мнѣ рецептъ. Въ аптекѣ дѣлать не хотѣли. Я дома самъ сдѣлалъ. Воскресъ, батюшка, изъ мертвыхъ воскресъ! Вотъ Марья Николаевна—свидѣтельница. Здоровъ сталъ, какъ лошадь. Вотъ вы и отрицайте!

Отто этимъ нисколько не тронулся.

— Должно быть, хорошее средство, сказалъ онъ угрюмо:—коли его въ аптекѣ даже и дѣлать не стали.

— Да вы пробовали его?

— Да никогда и пробовать не стану.

— Нѣтъ, а вы сперва попробуйте, да тогда и говорите.

— Съ какой стати я стану всякую дрянь пробовать.

— Вотъ то-то и дѣло, что вы все только отрицаете. Не попробуютъ и отрицаютъ! Вы почему такъ судите? Потому что это дьяконъ прописалъ, человѣкъ не модный, не ученый. А кабы это вамъ какой нибудь Сѣченовъ, который объ мозгахъ писалъ, вонъ этотъ вамъ что̀ хочешь, хоть труху сѣнную пропиши — примете, да еще ка̀къ благодарны будете!

У генерала было два врага въ наукѣ: это—Сѣченовъ, который писалъ объ мозгахъ, и Костомаровъ, который, по его мнѣнію,

отрицалъ царей. Встрѣтивши новаго человѣка, онъ старался подъ рукой узнать, читаетъ онъ Костомарова или нѣтъ; если читаетъ, у него сейчасъ же складывалось такое мнѣніе объ этомъ человѣкѣ:

«Въ Бога не вѣритъ, царей отрицаетъ».

Часа полтора спорили такимъ образомъ гость и хозяинъ. Марья Николаевна ушла писать письмо. Августа сѣла играть съ братомъ въ четыре руки. Вечеръ обѣщалъ пройти такъ, какъ проходили десятки подобныхъ вечеровъ, т. е. часовъ до восьми спорили, въ восемь часовъ пріѣзжала бабушка и генералъ садился съ ней въ пикетъ, а, если не было ея, то съ Марьей Николаевной. Отто тогда приходилъ къ Августѣ и разговаривалъ съ ней. Миша, если не былъ въ училищѣ, то гдѣ нибудь, запершись на верху, игралъ на скрипкѣ, а потомъ возвращался въ гостинную и молчалъ. Характера онъ былъ очень сосредоточеннаго и всегда какъ будто что-то обдумывалъ. Онъ былъ очень несообщителенъ и, если его о чемъ нибудь спрашивали, то онъ отвѣчалъ всегда неопредѣленно:

— Кто-то такое у кого-то такое былъ—она ли у нихъ, они ли у нея. Что-то такое говорили, это ли, то ли—не знаю.

Когда его отправляли съ визитомъ къ тёткамъ или къ бабушкѣ, онъ, возвращаясь оттуда, никогда не могъ сообщить домашнимъ никакихъ новостей.

— Былъ ты у бабушки? спрашивали его.

— Былъ.

— Ну, что-жь?

— Ну, ничего.

— Видѣлъ тамъ кого нибудь?

— Видѣлъ.

— Кого же?

— Да тамъ были разные...

— Что-жь тебѣ бабушка говорила?

— Да много.

Тѣмъ дѣло и кончалось.

Нигдѣ жизнь не шла такъ однообразно и тихо, какъ у Охлыстышевыхъ. Генералъ обожалъ свою Августу, наполнялъ свой кабинетъ ея портретами, но былъ къ ней взыскателенъ и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы она ходила каждый день гулять для здоровья съ Марьей Николаевной, ѣздила съ визитами къ тёткамъ, а къ тѣмъ, которыя не жили въ Москвѣ, писала бы поздравительныя письма, чтобы она каждую недѣлю готовилась къ музыкальнымъ вечерамъ, которыми генералъ очень гордился, хотя онъ въ это время всегда занятъ былъ картами и никогда

даже не слыхалъ, что̀ тамъ играютъ; но ему пріятно было думать, что это играютъ его дѣти. Августа всегда должна была сама разливать чай и всегда имѣть въ рукахъ какую нибудь работу, хотя бы самую безполезную: вышивать сонетки и вязать чепчики для дѣтей неизвѣстныхъ родителей. Она должна была два раза въ недѣлю брать уроки рисованія и разъ въ недѣлю ѣздить въ манежъ. Рисовать она умѣла только цвѣты, да и тѣ никому не показывала, потому, говорила она, что они ужь очень гадки. Верхомъ она ѣздила очень порядочно, и этимъ генералъ тоже весьма гордился. Вообще, ему хотѣлось воспитать изъ нея такую невѣсту, которую, по его собственному выраженію, у него съ руками оторвутъ. Замужъ ее выдавать онъ не торопился, потому что не находилъ еще въ Москвѣ людей достойныхъ ея. Но чтобы Москва, все-таки, не потеряла ея изъ виду, онъ заставлялъ ее нѣсколько разъ въ зиму выѣзжать на большіе балы. Въ такихъ случаяхъ Августу начинали одѣвать съ обѣда, и онъ самъ сидѣлъ въ комнатѣ, пока парикмахеръ причесывалъ ее. Послѣ бала онъ ѣздилъ съ ней по всѣмъ тёткамъ, чтобы узнать, какое впечатлѣніе она произвела. Всякій разъ ему говорили, что она сдѣлала фуроръ, что она была замѣчена цѣлымъ городомъ, и онъ, довольный, увозилъ ее домой. Но Августа оставалась холодна; она ѣхала на балъ точно съ такимъ же выраженіемъ, съ какимъ шла гулять съ Марьей Николаевной по Тверскому Бульвару.

Къ сыну генералъ былъ гораздо равнодушнѣе, чѣмъ къ дочери. У него по этому поводу было даже много споровъ съ Марьей Николаевной, которая Августу не любила, а за Мишу всегда заступалась.

— Ну, что̀ ужь! говорилъ старикъ, когда хотѣлъ досадить ей:—ужь онъ—извѣстный вашъ любимчикъ, но только, какъ говаривалъ одинъ мой знакомый, онъ помады не выдумаетъ.

Ничто такъ не сердило Марью Николаевну, какъ то, когда генералъ говорилъ про сына, что онъ помады не выдумаетъ. По ея мнѣнію, Миша былъ и уменъ, и благороденъ.

Воспиталъ его отецъ на казенный счетъ въ кадетскомъ корпусѣ, потомъ отдалъ въ юнкерское училище.

— Дешево, говорилъ онъ:—а то въ этихъ гражданскихъ училищахъ обдерутъ, какъ липку. Однихъ учебныхъ пособій купить, такъ и то прежде-де надо домъ продать.

Дочь онъ тоже воспиталъ на казенный счетъ въ институтѣ. Вообще, генералъ, хотя имѣлъ деревню, два дома въ Москвѣ и получалъ хорошую пенсію, но считалъ себя человѣкомъ бѣднымъ.

— При нынѣшней дороговизнѣ, говорилъ онъ: — съ моими средствами трудно жить. Сто тысячь доходу надо получать, — вотъ тогда жить можно.

III.

Такое мирное, спокойное теченіе жизни было нарушено вторженіемъ въ этотъ домъ человѣка, который самъ тогда не предвидѣлъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ поведетъ его знакомство съ Охлыстышевыми.

Прошлое этого человѣка было уже нѣсколько извѣстно Августѣ изъ разсказовъ Марьи Николаевны. Въ этихъ разсказахъ Соловой представлялся человѣкомъ съ большими странностями. Про него ходило тысяча анекдотовъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, и всѣ они составлены были на одну тэму: его необыкновенную самоувѣренность и дерзость въ отношеніяхъ къ людямъ. Одно только и можно было подумать, что какая-то удивительно счастливая звѣзда сопровождала его въ жизни и выводила если не съ торжествомъ, то и безъ особеннаго позора изъ такихъ исторій, въ которыхъ всякій другой запутался бы окончательно. Въ провинціи его боялись, потому что люди вообще такъ созданы, что, явись среди нихъ человѣкъ, который ясно покажетъ имъ, что онъ нисколько ихъ не боится, какъ они сами начинаютъ его бояться. Никого общество не давитъ такъ безжалостно, какъ личность, склонившуюся подъ гнётомъ его приговора, струсившую, отступившую передъ возможностью столкновенія. Но кто идетъ напроломъ, кто не только не показываетъ никакого желанія уступить, но самъ еще готовъ на всякаго напасть, тому изъ ста человѣкъ девяносто молча уступаютъ дорогу. По своему положенію въ обществѣ, Соловой ни для кого не могъ быть опасенъ—общество его боялось. Его службѣ въ провинціи предшествовала составившаяся объ немъ репутація. Съ такой репутаціей можно было, какъ со щитомъ, вступать даже въ непріятельскую землю. Если, разсуждали люди, онъ себя не бережетъ, такъ другихъ онъ и подавно беречь не станетъ. Ему, кажется, терять нѐчего, а тому, кто вздумаетъ съ нимъ затѣять исторію, можно еще многое потерять. Поэтому никто съ нимъ исторій и не начиналъ, и ему сходило съ рукъ то, за что̀ другого стерли бы съ лица земли.

Исторія выхода его въ отставку изъ гвардіи, по случаю обѣщанныхъ ему ста палокъ, была уже всѣмъ извѣстна. Послѣ этого, карьера человѣка, казалось бы, навѣки была испорчена; но

ему его счастливая звѣзда помогла какъ-то очень хорошо пристроиться потомъ въ гражданской службѣ. Онъ занялъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при князѣ N. Не прошло шести мѣсяцевъ, какъ и тутъ вышла исторія. Князь однажды торопился сыскать какую-то бумагу и приказалъ Соловому тоже искать ее. Бумага не находилась; князь сердился и начиналъ уже ругаться. Подчиненный сначала все молчалъ. Князь принялся кричать еще сильнѣе.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое! Бумаги сыскать не можетъ! А еще въ гвардіи служилъ. Хорошій чиновникъ! Да мнѣ, при такомъ чиновникѣ, еще тысячу человѣкъ нанять надо, чтобы бумаги въ порядокъ привести!

— Вы, ваше сіятельство, сказалъ ему на это холодно его подчиненный: — наймите еще одного человѣка, который бы за васъ ругался.

Исторія! На другой же день Соловой подалъ въ отставку. Послѣ этого, онъ рѣшилъ бросить совсѣмъ государственную службу, и не прошло года, какъ уже всѣмъ было извѣстно, что онъ съ своимъ сосѣдомъ, очень богатымъ помѣщикомъ, затѣялъ какую-то аферу. Дѣло пошло-было хорошо, какъ вдругъ—опять исторія! Компаньонъ его былъ страстный любитель живописи и считалъ себя художникомъ, хотя едва ли могъ бы даже написать образа̀ для деревенской церкви. Въ часы досуга онъ много рисовалъ и предпринялъ, наконецъ, росписать потолокъ у себя въ залѣ.

— Вотъ, говоритъ онъ разъ Соловому:—велю выбѣлить потолокъ и разрисую его.

— По моему, вамъ не такъ надо сдѣлать, говоритъ Соловой.

— А ка̀къ?

— По моему, вы его прежде разрисуйте, а потомъ ужь велите выбѣлить.

И афера лопнула, и знакомство кончилось. Когда братъ спрашивалъ его потомъ:

— Ну, зачѣмъ ты это сказалъ?

— А отчего-жь мнѣ было не сказать?

И, придерживаясь правила говорить все въ глаза, Соловой оправдывался тѣмъ, что онъ никогда ничего не скажетъ, если предварительно не спросятъ сами его мнѣнія.

И, какъ бы въ подтвержденіе этого, онъ имѣлъ вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ еще исторію. На публичномъ обѣдѣ, данномъ въ честь какого-то отъѣзжавшаго лица, одинъ господинъ, давнишній уже врагъ Соловаго, вздумалъ его сконфузить и заранѣе обѣщалъ всѣмъ своимъ знакомымъ поставить его въ такое положеніе, что

онъ мѣста себѣ нигдѣ не найдетъ. Въ минуту общаго молчанія, заранѣе уже подготовленную, господинъ этотъ обратился къ Соловому и сказалъ ему громко:

— Милостивый государь, правда ли, будто вы всѣмъ разсказываете, что я—воръ?

Соловой слегка привсталъ.

— Вы ошибаетесь, милостивый государь; вамъ невѣрно передали. Я никогда этого не говорилъ. Я слышалъ, дѣйствительно, что весь городъ это говоритъ, но я этого не говорилъ.

Господинъ поблѣднѣлъ; онъ такого оборота не ожидалъ. Вскорѣ послѣ этого, онъ перемѣнилъ службу и уѣхалъ совсѣмъ изъ города. Пока его называли только воромъ, жить было можно, потому что всѣ продолжали оказывать ему уваженіе; но когда онъ увидалъ себя предметомъ насмѣшекъ, жизнь сдѣлалась невыносимой. Насмѣшка убиваетъ наповалъ.

Соловаго послѣ этой исторіи стали бояться еще больше. Про него тогда окончательно утвердилось мнѣніе, что для этого человѣка ничего нѣтъ святаго.

Въ каждомъ почти письмѣ отъ сестры Марья Николаевна что-нибудь узнавала про него и потомъ, по привычкѣ своей, читала это всему дому. Сестра писала разъ:

«Какъ-то, на дняхъ, былъ у насъ вице-губернаторъ, очень милый человѣкъ, а, такъ какъ онъ очень расположенъ къ Николаю Павловичу (такъ звали Соловаго), то и привезъ ему, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, какой-то свой проектъ. Николай Павловичъ читалъ его нѣсколько вечеровъ. Какъ-то, на дняхъ, пріѣзжаетъ къ намъ не самъ вице-губернаторъ, а сестра его, и, какъ я догадалась, по его порученію, чтобы разузнать что̀ и ка̀къ. Она спрашиваетъ Николая Павловича, будто отъ себя, ка̀къ нашелъ онъ сочиненія ея брата. Ка̀къ ты думаешь, что̀ онъ ей на это сказалъ? «Признаюсь, говоритъ:—что трудно не проектъ этотъ написать, а отвѣчать тому, кто его написалъ». Когда мы съ мужемъ стали его укорять и говорили, что вѣрно проектъ не такъ ужь плохъ, коли онъ читалъ его нѣсколько вечеровъ, онъ говоритъ: «я вовсе не проектъ читалъ, а я именно обдумывалъ, что̀ мнѣ на него отвѣтить». Ка̀къ тутъ разговаривать съ такимъ человѣкомъ! Чѣмъ его убѣдить?»

Когда Августа услыхала это, она замѣтила только:

— Онъ, должно быть, очень настойчивъ.

— Онъ всегда все дѣлаетъ по своему, подтвердила Марья Николаевна.—Онъ никогда никакихъ убѣжденій не слушаетъ.

— Большое упрямство! замѣтилъ сидѣвшій тутъ Отто.

Августа посмотрѣла на него.

— Отчего же вы не скажете, что это—сильный, настойчивый характеръ?

— Сила характера не въ томъ состоитъ, чтобы не слушать ничьихъ убѣжденій.

— Но, если у него есть свои убѣжденія?

— Да то-то, есть ли они еще.

— Вы не имѣете никакихъ основаній сомнѣваться въ этомъ.

На щекахъ Отто выступилъ пятнами румянецъ; это случалось съ нимъ всегда, когда ему приходилось въ чемъ-нибудь не соглашаться съ Августой; но угрюмаго выраженія въ голосѣ онъ не перемѣнилъ.

— Вы хотите сказать, что я не знаю этого человѣка. Что-жь изъ этого! Я вовсе не о немъ и говорю. Я говорю только вообще... Вы говорите, что это—характеръ, а по моему никакого тутъ характера нѣтъ.

— Я не сказала «характеръ». Я сказала «настойчивость».

— И настойчивости нѣтъ.

— А что же?

— Такъ, самодурство.

Августѣ, видимо, это не понравилось.

— Вы очень строго судите другихъ.

— Мнѣ все равно. Я и себя также сужу. Гдѣ нѣтъ хорошаго, для чего-жь я буду говорить, что оно есть?

— Вы находите, стало-быть, дурное въ томъ, что человѣкъ говоритъ правду въ глаза?

— Вы, Августа Михайловна, сказали сейчасъ, что видите въ этомъ какую-то настойчивость, силу какую-то... Я вотъ этого не вижу.

— По крайней мѣрѣ, такой человѣкъ, какъ Соловой, смѣло можетъ взглянуть всякому въ лицо. Онъ ни передъ кѣмъ не лицемѣритъ.

Выраженіе Отто сдѣлалось темнѣе ночи.

— Стало-быть, вы находите, что другіе лицемѣрятъ.

Августа не сразу отвѣтила. Она какъ будто вдругъ спохватилась.

— Мало ли, что я нахожу! Что вамъ до этого? Объ васъ я во всякомъ случаѣ, не скажу, чтобы вы когда-нибудь лицемѣрили. Напротивъ, вы-то ужь очень откровенны. Въ васъ это—даже недостатокъ.

— Вы себѣ противорѣчите, замѣтилъ Отто уже спокойнѣе.— То у васъ это—настойчивость, теперь ужь это—недостатокъ...

Такъ, на этотъ разъ, вопросъ о томъ, есть ли у Соловаго характеръ, и остался нерѣшеннымъ.

Въ другой разъ, какъ-то, Марья Николаевна опять читала отрывокъ изъ письма:

«Николай Павловичъ все это время былъ боленъ. Мы съ мужемъ никакъ не могли его уговорить, чтобы онъ перемѣнилъ доктора, который нисколько ему не помогаетъ. Я знаю, говоритъ, что онъ мнѣ не помогаетъ, да онъ, по крайней мѣрѣ— человѣкъ хорошій. И ничего мы не можемъ сдѣлать съ нимъ. Ругаетъ всѣхъ докторовъ, увѣряетъ, что они никогда никому не помогаютъ, что все дѣлаетъ природа, а на докторовъ только сваливаютъ, что они вливаютъ лекарства, которыхъ не знаютъ, въ организмъ, который знаютъ еще меньше. Когда мужъ сталъ ему говорить: «Такъ прогони, по крайней мѣрѣ, хоть этого доктора. Вѣдь это—не докторъ, а коновалъ». Онъ говоритъ: «Нѣтъ, я его не прогоню, потому что, когда мнѣ легче, онъ со мной играетъ въ шахматы. И потомъ онъ—очень честный человѣкъ. Я выздоравливаю отъ одной мысли, что около меня сидитъ честный человѣкъ». Столько намъ было хлопотъ съ нимъ во время его болѣзни, что я теперь только отдыхаю духомъ, когда онъ сталъ поправляться».

Пока Марья Николаевна была въ комнатѣ, Отто и Августа молчали. Когда она ушла, Августа подняла глаза отъ работы.

— Ну, что̀ это, по вашему—упрямство или характеръ?

Отто отвѣтилъ не сразу.

— По моему, это—ни то, ни другое, сказалъ онъ, наконецъ.

— А что̀ же?

— Капризъ больнаго и, въ добавокъ, больнаго, за которымъ много ухаживаютъ.

— А я сужу объ этотъ не такъ.

— Что̀ же, вы тутъ опять находите силу характера?

— Я вижу въ немъ то, чего вы не видите: убѣжденія. Онъ убѣжденъ, что доктора не помогаютъ и не обращается къ нимъ, хотя самъ, можетъ быть, былъ близокъ къ смерти. Еслибъ, какъ вы говорите, у него убѣжденій никакихъ не было, а онъ дѣлалъ это только изъ упрямства, то изъ упрямства онъ могъ бы еще отказать своимъ роднымъ, но не сталъ бы рисковать своею жизнью. Еслибъ это было упрямство, такъ въ рѣшительную минуту онъ бы уступилъ. Когда дѣло идетъ о спасеніи своей жизни, тутъ никакое упрямство ужь не устоитъ. Нѣтъ, если онъ отказывался отъ докторовъ, стало-быть, онъ въ нихъ дѣйствительно не вѣрилъ, стало-быть, это было у него убѣжденіемъ!

И Августа даже одушевилась, не потому, чтобы ей хотѣлось отстоять Соловаго, котораго она никогда еще и не видала, а

просто потому, что ей нравилась ея мысль, что ей хотѣлось выдти изъ этого спора побѣдительницей. Съ Отто это было, впрочемъ, не трудно: онъ совсѣмъ не умѣлъ говорить и, если иногда въ основаніи и былъ правъ, то никогда не могъ этого доказать. Такъ и теперь, онъ вдругъ избралъ ложный путь: онъ сталъ оспаривать, чтобы Соловой имѣлъ право отрицать докторовъ. Если всѣ въ нихъ вѣрятъ, то отчего же онъ одинъ не вѣритъ? Развѣ онъ хочетъ быть умнѣе другихъ? Отто хотѣлъ сказать совсѣмъ не то, но какъ-то ужь такъ вышло. Августа замѣтила ошибку и улыбнулась.

— Я объ этомъ не спорю, Борисъ Ѳедоровичъ. Можетъ быть, его мнѣнія совершенно ложныя, можетъ быть, его родные гораздо болѣе правы, чѣмъ онъ. Но вѣдь онъ-то убѣжденъ, что онъ именно правъ; онъ своимъ мнѣніямъ вѣритъ и слѣдуетъ имъ. Пусть онъ заблуждается. Мы не объ этомъ съ вами говоримъ. Я вовсе не стою и никогда не стояла за то, чтобы Соловой былъ непогрѣшимъ. Я говорю только, что онъ настойчивъ, и это правда.

— Послѣ этого, сказалъ Отто:—если я воображу, что я могу быть китайскимъ императоромъ и меня будутъ убѣждать, что это невозможно, а я буду стоять на своемъ, то это значитъ, что у меня сильный характеръ?

Августа опять улыбнулась. Она никогда въ спорѣ не сердилась.

— Нѣтъ, это будетъ значить, что у васъ слабый умъ. Но при этомъ у васъ все-таки можетъ быть большая настойчивость.

— Позвольте, Августа Михайловна, но почему же вы говорите, что у меня слабый умъ? Я тоже путемъ разныхъ заключеній дошелъ до мысли, что могу быть императоромъ. Другіе думаютъ, что я не могу, а я думаю, что могу. Можетъ быть, другіе ошибаются, а не я. Вѣдь, г. Соловой думаетъ же, что лечиться не надо, когда всѣ другіе находятъ, что надо. Отчего же это у меня слабый умъ, а у него сильный умъ?

Августа при этомъ совсѣмъ разсмѣялась.

— Я объ умѣ Соловаго ничего не говорила. Это вы ужь сами сочинили.

— Но вы говорили, что у него долженъ быть сильный характеръ.

— Говорила.

— Стало быть, онъ уменъ.

— Нисколько не стало быть.

— Какъ? По вашему, значитъ, дуракъ можетъ быть съ большимъ характеромъ?

— Это очень опасно, когда дуракъ съ характеромъ, но это бываетъ.

— Да какъ же вы это можете допустить?

— По моему, умъ и характеръ нисколько другъ отъ друга не зависятъ.

— Умъ и характеръ не зависятъ другъ отъ друга?!

Отто даже вскочилъ. Августа тоже встала.

— Пойдемте чай пить, Борисъ Өедоровичъ.

— Но позвольте, Августа Михайловна, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы прежде разъяснили мнѣ этотъ важный вопросъ.

— Мы съ вами все равно никогда не сговоримся.

Она знала, что онъ такъ скоро отъ спора не отстанетъ, а ей всякій споръ черезъ полчаса начиналъ надоѣдать. На этотъ разъ, Отто ничего больше отъ нея не добился, но съ этихъ поръ всякое почти новое письмо къ Марьѣ Николаевнѣ, гдѣ только упоминалось имя Соловаго, служило предметомъ ихъ несогласій. Послѣдній такой споръ былъ наканунѣ его пріѣзда. Сестра Марьи Николаевны писала. «Николай Павловичъ на дняхъ будетъ у васъ. Я очень просила его о томъ, чтобы онъ держалъ себя скромнѣе, т. е. какъ можно меньше противорѣчилъ старику и былъ бы, по возможности, предупредителенъ съ его дочерью. Я просила его, чтобы онъ сдѣлалъ это для меня, и онъ обѣщалъ. (Это мѣсто Марья Николаевна пропустила, а читала дальше). Передъ отъѣздомъ отсюда онъ не вытерпѣлъ-таки и нажилъ себѣ еще одного врага. Здѣсь есть одинъ офицеръ, ужасный болтунъ и пустой человѣкъ, который ѣздитъ по всѣмъ знакомымъ и, такъ какъ ему дома дѣлать нѣчего, то онъ, когда пріѣдетъ, такъ и сидитъ ужъ часа по четыре, пока все переговоритъ. Не знаю, что ему вздумалось вдругъ явиться къ Николаю Павловичу, котораго онъ до сихъ поръ побаивался, да еще вдобавокъ въ то время, когда тотъ былъ занятъ. Офицеръ болталъ, болталъ, наконецъ, самъ, должно быть, замѣтилъ, что надоѣлъ и спрашиваетъ съ своей обыкновенной улыбочкой: «Я васъ безпокою, можетъ быть?» А тотъ ему очень равнодушно: «Нѣтъ, ничего, продолжайте; я васъ не слушаю». Офицеръ, конечно сейчасъ же уѣхалъ разобиженный и, представь, самъ же это разсказываетъ всему городу. Это, кажется—послѣдняя память, которую здѣсь оставляетъ послѣ себя Николай Павловичъ».

Анекдотъ этотъ почему-то восхитилъ всегда молчаливаго до сихъ поръ Мишу, и онъ, потирая руки, твердилъ только:

— Отлично! Отлично!

А, когда Отто спросилъ его, что̀ же тутъ отличнаго, онъ сказалъ:

— Та̀къ ихъ и надо!

— Вы тоже находите, что это отлично? спросилъ Отто съ нѣкоторой досадой у Августы.

— Я нахожу, что это лучше, чѣмъ сказать: Помилуйте, я очень радъ; вы мнѣ доставляете своимъ присутствіемъ большое удовольствіе! а потомъ, какъ только человѣкъ за двери: Чортъ тебя возьми, ка̀къ ты мнѣ надоѣлъ!

— Зачѣмъ же это? возразилъ Отто угрюмо.—Можно совсѣмъ не знакомиться. А ужь коли познакомился—держи себя вѣжливо.

— Можно не знакомиться, вы думаете? Вы ошибаетесь. У меня есть теперь, по крайней мѣрѣ, десять домовъ, куда я ѣзжу только для того, чтобы сказать себѣ: слава Богу! теперь два мѣсяца могу туда не ѣздить. У меня есть четыре тётки, которымъ я каждый разъ говорю, ка̀къ я рада ихъ видѣть, а я такъ рада ихъ видѣть, что, какъ подходитъ время ѣхать къ нимъ, такъ я себя всегда утѣшаю тѣмъ, что, можетъ быть, еще я заболѣю до тѣхъ поръ и мнѣ тогда не нужно будетъ ѣхать; или, можетъ быть, меня дорогой лошади изъ саней выкинутъ, тогда я тоже вернусь домой. А когда эти тётки ко мнѣ-то пріѣзжаютъ! Это еще хуже! Я должна тогда̀ посадить ихъ на диванъ и сидѣть около нихъ и говорить, какая Мими счастливая, какой у нея хорошій мужъ! и какая Катишь несчастная, у нея мужъ проигралъ всѣ ея бриліанты! И потомъ еще посади ихъ въ карты играть, да каждую въ ту игру, которую она любитъ, да еще двѣ изъ нихъ въ ссорѣ, такъ какъ нибудь рядомъ ихъ не посади. Да потомъ сиди весь вечеръ съ ихъ дочерьми; а онѣ на другой день будутъ говорить: какая скука у этихъ Охлыстышевыхъ! потому что было̀ мало мужчинъ, а онѣ любятъ только туда ѣздить, гдѣ есть мужчины. А вы говорите еще, что можно не знакомиться! Кабы можно, такъ я бы давно и дорогу забыла къ тѣмъ домамъ, гдѣ онѣ живутъ. Я желала бы, чтобы и улицъ-то этихъ въ Москвѣ совсѣмъ не было.

Отто на это сталъ доказывать, что всякое знакомство можно постепенно прекратить, сто̀итъ только показывать холодность.

— Ну, вашъ Соловой по вашему и поступилъ: онъ и показалъ этому офицеру, что ему съ нимъ вовсе не весело.

— Онъ не долженъ былъ дѣлать этого такъ дерзко.

— Я не знаю, что̀ бы вы сдѣлали на его мѣстѣ. Я знаю, что я бы этого не сдѣлала. И, все таки, мнѣ нравится этотъ поступокъ. Я бы очень рада была, кабы могла сказать своимъ тёткамъ: говорите, пожалуйста что̀ хотите, я васъ давно не слу-

шаю. Онѣ бы, конечно, сейчасъ же уѣхали. И онѣ бы тоже очень рады были, потому что онѣ также, я знаю, говорятъ: у Охлыстышевыхъ скука ужасная! Зачѣмъ же мы обманываемъ другъ друга? Я поэтому и уважаю тѣхъ людей, которые говорятъ все прямо. Этотъ офицеръ, конечно, сердится на Соловаго, а Соловой поступилъ съ нимъ честнѣе, чѣмъ тѣ, которые говорили: ахъ, какой противный болтунъ! и потомъ, когда этотъ противный болтунъ пріѣдетъ, встрѣчали его очень любезно. Это—обманъ, и обманъ безполезный!

— Я съ вами согласенъ, что, если можно этого избѣжать, то, конечно, оно такъ... Но тутъ надо знать, съ какой цѣлью это сдѣлано. Эта фраза нарочно сказана, чтобы весь городъ ее потомъ повторялъ.

Августа нахмурилась. Ей не нравилось въ Отто какое-то злорадство въ отзывахъ о человѣкѣ, котораго онъ совсѣмъ не зналъ.

— Онъ не могъ предвидѣть, сказала она:—что этотъ офицеръ будетъ настолько глупъ, что станетъ потомъ повторять эту фразу всему городу.

— Зачѣмъ тутъ офицеръ! А сестра-то Марьи Николаевны на что̀ же?

— Вы предполагаете, что *она* стала бы объ этомъ разсказывать?

— Я совершенно увѣренъ въ этомъ.

— Да̀, ну, въ такомъ случаѣ, мнѣ нѐчего больше сказать. Вы, можетъ быть, лучше знаете сестру Марьи Николаевны. Я не знаю ее совсѣмъ.

И Августа на этомъ сухо закончила разговоръ. Первый разъ между ними легла какая-то тѣнь. До сихъ поръ, они часто не соглашались, и Отто даже часто, въ пылу спора, позволялъ себѣ горячиться, но всегда это кончалось дружелюбно. Только, бывало, наливая ему чай, Августа замѣтитъ:

— Никогда я съ вами больше спорить не буду. А то мы съ вами когда нибудь поссоримся.

И вотъ, теперь они не поссорились, но что̀-то какъ будто измѣнилось въ ихъ отношеніяхъ. Она не обратила на это особеннаго вниманія, но онъ ушелъ печальный и такъ былъ занятъ своими мыслями, что прошелъ, не замѣтивши, мимо воротъ своего дома и сталъ искать его на другомъ концѣ улицы, тамъ, гдѣ его никогда не было.

IV.

Съ пріѣздомъ Соловаго прежній порядокъ въ домѣ Охлыстышевыхъ сталъ незамѣтно измѣняться. Есть люди, которые умѣютъ какъ-то вносить въ чужой домъ свои привычки, заставить другихъ глядѣть на вещи своими глазами. Къ числу ихъ принадлежалъ и Соловой. Онъ никогда ничего особенно не оспаривалъ и не осуждалъ, какъ Отто, но, если ему что не нравилось, онъ способенъ былъ тридцать разъ въ день сказать, что это не такъ.

— По моему, говорилъ онъ:—это вотъ какъ надо сдѣлать.

И не проходило недѣли, какъ всѣмъ въ домѣ начинало казаться, что, дѣйствительно, это такъ надо сдѣлать, какъ онъ говорилъ. Марья Николаевна никому не позволяла дѣлать себѣ замѣчаній и вездѣ любила поставить на своемъ, но, когда Соловой, всякій разъ при видѣ неугасаемой папироски у нея въ рукахъ, начиналъ говорить:

— Помилуйте! Ка̀къ вы можете такъ курить! Вѣдь вы такъ отравите себя.

Она стала какъ будто стѣсняться при немъ и, когда ей хотѣлось накуриться всласть, уходила въ другую комнату. Правда, она замѣчала иногда съ досадой:

— Ахъ, Николай Павловичъ, да ка̀къ это вамъ не надоѣстъ одно и то же повторять!

Но Никалай Павловичъ, она была увѣрена, въ слѣдующій же разъ воскликнетъ съ ужасомъ:

— Ка̀къ, вы еще будете курить?

И хотя бы она опять обидѣлась, онъ на другой день опять скажетъ:

— Помилуйте, да это невозможно! Такъ даже ни одинъ мужчина не куритъ.

И, такъ какъ не было надежды когда нибудь заставить его замолчать, то Марья Николаевна стала скрываться съ папироской въ другихъ комнатахъ.

Генералъ, котораго Отто въ нѣсколько вечеровъ не могъ убѣдить, что надо бросить жизненный элексиръ, вздумалъ-было показать и даже предложить его Соловому. Тотъ спорить не сталъ, но только попросилъ рецептъ и взялъ его съ собой, чтобы показать какому нибудь доктору. На слѣдующій разъ онъ пришолъ и сказалъ, что лекарство это хорошо, но только не для людей, а для лошадей, потому что все тамъ положено въ лошадиной

пропорціи. Генералъ сталъ было оспаривать и даже разсердился на докторовъ, которые ничего не понимаютъ, а ругаютъ только потому, что не они прописали, но Соловой только смѣялся и спрашивалъ:

— Неужели вы будете это принимать?

Генералъ въ сердцахъ сказалъ, что будетъ непремѣнно, но съ тѣхъ поръ дѣлалъ это украдкой, чтобы даже домашніе не замѣтили и не пересказали Соловому, который, какъ онъ былъ увѣренъ, скажетъ съ удивленіемъ:

— Помилуйте! да неужели вы еще не бросили этого лошадинаго лекарства?

Отчего всѣ стали какъ будто бояться Соловаго, въ этомъ никто себѣ даже и отчета не отдавалъ, а между тѣмъ, многое, что̀ до сихъ поръ дѣлалось въ домѣ явно, стало дѣлаться тайно. Этотъ человѣкъ вдругъ втерся, какъ деспотъ, въ жизнь чуждаго ему до сихъ поръ дома. Даже Августа не избѣжала этого необъяснимаго, непонятнаго для нея вліянія. Соловой не любилъ музыки и не понималъ ея, и она часто теперь стѣснялась подойти при немъ къ роялю. Его удивленное выраженіе, когда она бралась за ноты, какое нибудь пустое замѣчаніе его, въ родѣ того, что она можетъ играть полтораста часовъ сряду, не отдыхая, отнимало у нея всякую охоту къ игрѣ. Даже самое молчаніе его казалось ей нѣмымъ укоромъ. Она иногда нарочно, чтобы сдѣлать по своему, возьметъ сонату, да еще изъ самыхъ длинныхъ, и примется играть ее отъ доски до доски. Но ни смыслу въ этой музыкѣ, ни прежняго огня она не находила. И соната вдругъ принимала для нея тотъ образъ, который она должна была имѣть въ глазахъ Соловаго, образъ какихъ-то длинныхъ, скучныхъ этюдовъ, звуковъ безъ связи и безъ красоты. Она живо начала ощущать ту скуку, которую онъ долженъ былъ испытывать въ эту минуту. Если Соловой тогда подходилъ къ ней и спрашивалъ, какъ называется эта пьеса, она чувствовала надъ собой его свѣтлые, всегда какъ будто искривившіеся глаза, которые спрашивали, казалось: неужели вы не можете заняться чѣмъ нибудь другимъ? И Августа, недовольная имъ и собой, отвѣчала ему сухо и часто весь вечеръ потомъ избѣгала всякаго разговора съ нимъ.

Въ душѣ ея зародилось тайное чувство горечи: она, до сихъ поръ ни кому не подчинявшаяся, простить себѣ не могла этой непонятной робости. Что̀ для нея этотъ человѣкъ? И что̀ онъ для ея домашнихъ? Отчего онъ все дѣлаетъ по своему и никогда даже не спрашиваетъ ничьего мнѣнія, а другіе боятся его мнѣнія, боятся его приговора. Его самоувѣренность и полное

какое-то пренебреженіе къ тому, кàкъ могутъ посмотрѣть на него другіе, не нравились ей. Онъ никогда ничѣмъ не стѣснялся, никогда не конфузился. Какъ-то разъ зашелъ объ этомъ разговоръ; онъ сказалъ, что конфузятся только люди самолюбивые, а у него никакого самолюбія нѣтъ. Августа позволила себѣ усомниться въ этомъ.

— Вы не вѣрите, что у меня нѣтъ самолюбія?

Онъ при этомъ посмотрѣлъ на нее въ упоръ своими блестящими глазами.

— Не вѣрю.

— У меня нѣтъ, конечно, никакихъ способовъ убѣдить васъ въ этомъ. Но, между тѣмъ, я самъ глубоко убѣжденъ, что во мнѣ самолюбія нѣтъ. Я это заключаю потому, что мнѣ рѣшительно все равно, кàкъ обо мнѣ судитъ свѣтъ. Мнѣ кажется, что застѣнчивость является совсѣмъ не отъ скромности, какъ это часто предполагаютъ. Застѣнчивые люди всѣ очень самолюбивы. Это я давно замѣтилъ, да это такъ и должно быть. Вы возьмите, чтò такое застѣнчивость? Боязнь показаться смѣшнымъ, боязнь того, чтò обо мнѣ скажутъ другіе. Тутъ главный двигатель—самолюбіе. Чтò, если обо мнѣ скажутъ, что я носъ сморкаю не такъ, какъ должно, или я не довольно уменъ! А когда мнѣ рѣшительно все равно, уменъ я или не уменъ, такъ я вслѣдствіе этого и держу себя свободно. Какая же тутъ можетъ быть застѣнчивость!

— Мнѣ кажется, сказала Августа:—что вы просто пренебрегаете чужимъ мнѣніемъ, а застѣнчивый человѣкъ дорожитъ мнѣніемъ другихъ людей.

— Совершенно вѣрно. Но почему это такъ? Человѣкъ самолюбивый хочетъ постоянно, чтобы другіе думали объ немъ хорошо. Я же объ этомъ вовсе не хлопочу.

Августа улыбнулась.

— Для васъ, значитъ, все равно, если даже объ васъ и дурно будутъ думать?

— Рѣшительно все равно. Какое мнѣ дѣло, скажите, пожалуйста, до того, чтò обо мнѣ будутъ говорить на улицѣ или въ какомъ нибудь домѣ, куда я являюсь только для того, чтобы играть въ карты! Я сяду за карты, просижу весь вечеръ, и, какъ для меня нѣтъ никакого интереса въ томъ, кто такой мой партнеръ, честный человѣкъ или негодяй, такъ и для того, я полагаю, совершенно безразлично, кто бы я ни былъ. Вотъ, если я скверно съиграю и онъ по, моей милости, проиграетъ—вотъ это для него важно, а все остальное ровно ничего не значитъ.

— Но, вѣдь, не все же мы встрѣчаемся съ людьми только для

того, чтобы играть съ ними въ карты. У васъ могутъ быть... отношенія по службѣ.

— Совершенно вѣрно. Но неужели вы думаете, что меня сколько нибудь безпокоитъ мнѣніе обо мнѣ моихъ сослуживцевъ или моего начальства? Помилуйте, да мои сослуживцы смотрятъ на меня только, какъ на человѣка, загородившаго имъ дорогу. Каждый мой шагъ впередъ былъ бы для меня смертельнымъ ударомъ. Правда, что я никогда впередъ не пойду, потому что я вообще не изъ тѣхъ людей, которые составляютъ себѣ карьеру. Я могу другому испортить карьеру... это я могу! Но себѣ я ея никогда не составлю.

— Мнѣ странно, замѣтила Августа:—слышать все это. Нельзя же вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, чтобы вы такъ ужь равнодушно относились ко всему, чтобы не было уже людей, мнѣніемъ которыхъ вы дорожили бы?

— Кто вамъ сказалъ! Есть люди близкіе мнѣ—ихъ немного правда—ихъ мнѣніе для меня очень дорого. Но вѣдь мы заговорили съ вами о самолюбіи. Я вамъ сказалъ, что у меня нѣтъ самолюбія, т. е. мнѣ именно рѣшительно все равно, что̀ обо мнѣ говорятъ на улицѣ. Но дорожить мнѣніемъ человѣка близкаго, это—совсѣмъ другой вопросъ. Тутъ самолюбіе не причемъ.

— Значитъ, есть, все-таки, люди, въ глазахъ которыхъ вы желали бы... казаться хорошимъ человѣкомъ,

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Казаться! Отчего же только казаться? Это скорѣй еще можно сказать про самолюбивыхъ людей. Ихъ цѣль дѣйствительно часто только казаться, потому что они оберегаютъ свою репутацію передъ обществомъ. Общество обмануть можно, но близкаго человѣка нельзя обмануть.

Послѣ этого, Августа нѣсколько перемѣнила свое мнѣніе о немъ. Можетъ быть, онъ, въ самомъ дѣлѣ, думала она, такъ равнодушенъ къ нашимъ приговорамъ, что не даетъ себѣ даже труда розыгрывать ту роль, которую каждый почти изъ насъ розыгрываетъ въ обществѣ. Самъ же онъ любитъ учить другихъ, потому что привыкъ, что другіе ему во всемъ уступаютъ. Онъ просто избалованъ въ этомъ отношеніи.

Августа замѣтила, что отцу ея Соловой не нравится и все-таки онъ какъ будто боится его. По крайней мѣрѣ, прежніе горячіе споры съ Отто, когда спорили и о политикѣ, и объ умозрительной философіи, и о правахъ русскаго дворянства, теперь ужъ съ каждымъ днемъ становились все рѣже и рѣже. И все это съ тѣхъ поръ, какъ Соловой попросилъ разъ позволеніе ни-

когда не участвовать въ разрѣшеніи міровыхъ вопросовъ. Послѣ того, раза два или три пытались завлечь и его въ споръ, но онъ всегда говорилъ:

— Вы меня извините; я никогда не рѣшаю міровыхъ вопросовъ.

И этимъ самымъ наводилъ какой-то холодъ на споривших. Прежде оба, бывало, въ жару спора ходятъ по комнатѣ, и то одинъ, то другой, смотря по тому, кто беретъ верхъ, наступаетъ на противника и прижимаетъ его къ стѣнѣ, а чаще всего въ уголъ между печкой и дверью, гдѣ обыкновенно и оканчивались всѣ споры, потому что дальше идти было некуда. Прежде, бывало, генералъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не поймаетъ противника за пуговицу сюртука и тутъ ужъ начинаетъ высказывать ему самыя сильныя мѣста, полагая, что такъ и понятнѣе будетъ, да и не уйдетъ.

Теперь ужъ все это измѣнилось, по крайней мѣрѣ, при Соловомъ.

Разъ, Отто началъ было при немъ отрицать существованіе бога, но потомъ и самому какъ-то стало неловко. Соловой молчалъ, такъ что нельзя даже было узнать, раздѣляетъ онъ его мнѣніе или нѣтъ, а, между тѣмъ, Отто чувствовалъ тоже почти, что̀ и Августа, когда садилась играть при немъ свои любимыя сонаты. Онъ чувствовалъ себя какъ будто виноватымъ.

Чортъ знаетъ, какъ-то глупо выходитъ! думалъ онъ сконфуженный не яростными нападками генерала, но именно холоднымъ, насмѣшливымъ, казалось ему, молчаніемъ этого посторонняго зрителя. Отто больше еще терялся потому, что онъ говорить не умѣлъ и самъ это чувствовалъ—генералъ тоже былъ плохой ораторъ и въ спорахъ часто прибѣгалъ къ выраженіямъ: «подлецы! мерзавцы! ерунда!»; но Соловой—дѣло другое: онъ, по профессіи своей, долженъ былъ умѣть говорить.

Отто разъ нарочно пошелъ въ окружный судъ послушать, какъ Соловой будетъ говорить обвинительную рѣчь. Дѣло разбиралось пустое: пьяный сотскій велъ въ острогъ двухъ арестантовъ. Одинъ изъ нихъ дорогой увѣрилъ его, что онъ—самъ сотскій. Взялъ у него бумаги и другого арестанта и былъ съ нимъ таковъ. Обоихъ послѣ поймали въ ближайшемъ кабакѣ, а бумаги нашли зарытыми около дороги. Подсудимые еще въ острогѣ во всемъ сознались; но потомъ, повидавшись съ своимъ адвокатомъ, во всемъ заперлись. Дѣло, которое обѣщало кончиться въ двадцать минутъ, длилось три съ половиной часа. Изъ нихъ два часа продолжался допросъ свидѣтелей и часъ рѣчь защитника. Соловой говорилъ всего нѣсколько минутъ, Отто даже удивился,

кàкъ онъ спокойно говоритъ, особенно послѣ того, какъ защитникъ все время металъ свои стрѣлы въ прокурора, такъ что въ публикѣ явилось даже мнѣніе, что между ними должна быть какая нибудь особенная личная вражда. Кто-то даже потомъ спросилъ Соловаго:

— Скажите, пожалуйста, у васъ часто бываютъ съ нимъ такія столкновенія?

— Съ кѣмъ-съ? съ защитникомъ? Я его первый разъ вижу.

— Помилуйте, да за чтò же онъ на васъ такъ набросился? Онъ васъ даже съ мореплавателемъ сравнилъ, который несется безъ руля по бурному океану.

— Это онъ, вѣроятно, всѣмъ прокурорамъ говоритъ. Я, по крайней мѣрѣ, не имѣю удовольствія его знать.

— Но я удивляюсь, знаете ли, кàкъ вы ему не отвѣтили послѣ того, какъ онъ на васъ такъ накидывался.

— Для чего же, помилуйте! Вѣдь, его рѣчь все равно никакого значенія не имѣетъ; вѣдь, ея никто не понялъ.

— Мнѣ кажется, однакожъ, что вамъ все-таки не слѣдовало оставлять ее безъ отвѣта, потому что присяжные, вы видѣли, все—мѣщане и мужики: они, положимъ, даже и не понимаютъ, чтò защитникъ говорилъ, но они слышатъ, что онъ говорилъ цѣлый часъ, а вы вдругъ ему ничего и не отвѣчаете. Человѣкъ развитой, конечно, пойметъ... Но на нихъ, мнѣ кажется, это можетъ повліять.

Соловой потушилъ докуренную папиросу и улыбнулся.

— Вы думаете, что присяжные оправдаютъ ихъ?

— А вы?

— Я совершенно убѣжденъ, что обвинятъ.

— Ну, нѣтъ, это еще сомнительно.

— А вотъ вы увидите. Послѣ такой рѣчи, это ужь замѣчено, подсудимый всегда отправляется на каторгу.

Отто нашелъ знакомаго, который провелъ его въ ту комнату, гдѣ курили прокуроры и члены суда. Увидавши Соловаго, онъ подошелъ къ нему и спросилъ съ своей обыкновенной угрюмостью:

— Вы сами-то, по совѣсти, убѣждены, что они виновны?

— Въ виновности ихъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но я самъ, по совѣсти говорю, оправдалъ бы ихъ за находчивость, а на мѣсто ихъ сослалъ бы защитника за то, что не говори такой чепухи.

— Ужаснѣйшую чепуху говорилъ, подтвердилъ кто-то изъ членовъ.

— Нѣтъ, да и не это даже важно, продолжалъ Соловой, счи-

щая пепелъ съ шитыхъ обшлаговъ своего прокурорскаго мундира.—Не рѣчь важна, ея все равно никто не понялъ. Но, главное, досадно то, что онъ свидѣтелей сбивалъ. У него какая-то удивительная способность выводить свидѣтелей изъ терпѣнія. У него главная цѣль—запутать свидѣтеля. Какъ только онъ его запуталъ, онъ торжествуетъ. А запутать свидѣтеля ничего нѣтъ легче. Представьте себѣ, что васъ спрашиваютъ вдругъ, гдѣ вы были, положимъ, 12-го февраля 1867 года. Понятное дѣло, вы сначала опѣшите, а потомъ скажете: да я не знаю! мало ли, гдѣ я могъ быть! А тутъ къ вамъ пристаютъ: да нѣтъ, вы припомните хорошенько. Вы, понятное дѣло, повторяете опять: да я не помню, гдѣ я былъ! А защитникъ сейчасъ же: господа присяжные, прошу васъ обратить вниманіе на то, что свидѣтель уклоняется отъ показаній!

Въ эту минуту вошелъ самъ защитникъ, высокій мужчина, съ ужасно длинными руками, которыя на четверть аршина высовывались изъ рукавовъ его фрака. Онъ прямо подошелъ къ Соловому.

— Я долженъ немножко извиниться передъ вами. Можетъ быть, рѣзко немножко нападалъ на васъ. Но, знаете ли, это обоюдно. Такова наша профессія.

Соловой серьёзно поклонился.

— Вы могли видѣть по моему молчанію, что я нисколько не считаю себя оскорбленнымъ.

— Дà, но, знаете ли, не всѣ такъ смотрятъ, какъ вы. Иные обижаются. У меня разъ, въ Дмитровѣ, даже по этому случаю вышла исторія съ прокуроромъ.

Долговязый защитникъ, весь обросшій бакенбардами, выглядѣлъ очень смѣшно передъ этимъ невысокимъ брюнетомъ въ прокурорскомъ мундирѣ, съ небольшими усиками и съ обыкновенно блестящими, насмѣшливыми глазами.

Присяжные вынесли приговоръ обвинительный, чтò ужасно сразило защитника и не вызвало никакого особеннаго выраженія на лицѣ прокурора.

Обѣдая въ этотъ день въ Славянскомъ Базарѣ, Отто встрѣтилъ тамъ одного изъ членовъ суда, съ которымъ и разговорился о Соловомъ.

— Хорошо знаетъ свое дѣло, отозвался членъ суда.

— Я думалъ, что онъ краснорѣчивѣе, замѣтилъ Отто.—Онъ мало чтò-то говоритъ.

— Дà, вотъ подите, а никто не проводитъ столько обвинительныхъ приговоровъ, какъ онъ. У насъ есть тутъ товарищъ

прокурора, нѣкто З. Хорошо говоритъ, прекрасно говоритъ, просто заслушаешься, кàкъ говоритъ! — а, глядишь, присяжные и оправдаютъ. Намедни два съ половиной часа говорилъ — оправдали! Просто, говоритъ, послѣ этого служить не стòитъ. Изъ министерства вѣдь выговоры присылаютъ, зачѣмъ много оправдательныхъ приговоровъ. А этотъ, вотъ вы видѣли, четверть часа всего и говорилъ—обвинили!

— Да ничего особеннаго и не сказалъ, замѣтилъ Отто.

— Ничего особеннаго — совершенно вѣрно.

— Онъ тѣмъ беретъ, вмѣшался сидѣвшій до сихъ поръ молча за сосѣднимъ столомъ господинъ:—что въ немъ нѣтъ прокурорскаго азарта, нѣтъ прокурорскаго задора. Мы такъ ужъ привыкли къ этому задору, что, коли прокуроръ на стѣну лѣзетъ, чтобы обвинить, намъ кажется, что это такъ и должно быть. Этотъ вашъ знакомый Соловой, кажется—я его нынче слышалъ, да и прежде нѣсколько разъ слыхалъ — онъ болѣе добросовѣстенъ, чѣмъ другіе. Онъ много не запрашиваетъ; а этимъ всегда выигрываетъ. Онъ дѣло говоритъ. Оттого и мало, что дѣло. Вотъ эдакой трескотни, какъ нынче въ моду вышла, въ ступѣ не утолчешь! это—западная выдумка. Русскій человѣкъ ея не любитъ, а особенно русскій мужикъ. Это во французскихъ, тамъ, въ парижскихъ судахъ хорошо, а у насъ нѣтъ.

— Славянофилъ! замѣтилъ тихо знакомый Отто.—А вѣдь, знаете ли, сказалъ онъ послѣ, когда господинъ, такъ неожиданно вмѣшавшійся въ ихъ разговоръ, кончилъ обѣдъ и ушелъ:—пожалуй, вѣдь этотъ баринъ отчасти и правъ. Съ русскимъ мужикомъ рѣчью ничего не сдѣлаешь, а вѣдь масса присяжныхъ у насъ состоитъ изъ мужиковъ. Соловой, какъ человѣкъ, мнѣ не нравится: дерзкій, кажется, заносчивый, ни съ кѣмъ никогда не уживается, и фанфаронишка, должно быть. Но, какъ прокурора, я его уважаю. Знаетъ свое дѣло. Кàкъ онъ допросъ свидѣтелей ведетъ!.. При немъ предсѣдатель всегда пасуетъ: онъ — предсѣдатель! Такъ допроситъ свидѣтелей, что и рѣчь потомъ не нужна; все дѣло уяснится. Отчего его и защитники-то всѣ боятся! Не рѣчи его—онъ въ рѣчи такъ только легкое повтореніе пройденнаго сдѣлаетъ—а а вотъ именно того, кàкъ онъ слѣдствіе поведетъ. У него свидѣтели-то говорятъ, чтò *онъ* хочетъ, а не то, чтò защитникъ, а потомъ онъ ужъ и не хлопочетъ. Тамъ говори, чтò знаешь, а ужъ искра-то въ душу запала! Присяжный составилъ себѣ свое убѣжденіе. Онъ, хоть и мужикъ, да вѣдь и свидѣтель-то часто показывалъ такой же мужикъ, какъ и онъ.

— Давно онъ служитъ по судебному вѣдомству? спросилъ Отто.

— Kākъ вамъ сказать? Да ужъ года три, должно быть. Его служба по всѣмъ вѣдомствамъ была ознаменована какимъ нибудь скандаломъ. Въ нашемъ, пока, еще ничего, слава Богу. Не знаю, чтò будетъ дальше. Но, по моему, пренепріятная личность; его у насъ никто не любитъ.

— Онъ, кажется, изъ такихъ людей, которые думаютъ, что они съ неба звѣзды хватаютъ, сказалъ Отто уже на лѣстницѣ, застегивая пальто.

— Вотъ именно! Они одни умны; всѣ глупѣе ихъ.

На этомъ знакомые простились.

V.

Сближеніе Августы съ Соловымъ началось незамѣтно для нихъ самихъ; но оно было замѣчено двумя посторонними лицами. Отто и Марья Николаевна, оба слѣдили за ними внимательно, и оба скоро увидали, что подозрѣнія ихъ не напрасны. Хотя побудительныя причины ихъ были совершенно разныя, но цѣль у нихъ была одна: помѣшать этому сближенію. Чтò руководствовало въ этомъ случаѣ Марьей Николаевной—это было извѣстно ей одной; но чувства Отто были очень понятны: онъ любилъ Августу.

Когда онъ первый разъ увидалъ ее въ театрѣ, онъ поразился ея лицомъ. Во всемъ бенуарѣ, гдѣ она сидѣла вмѣстѣ съ княгиней Бородинской, не было никого, кто бы могъ стать рядомъ съ ней. Всѣ бывшія тогда въ театрѣ женщины казались ему такъ вульгарны передъ этой брюнеткой съ двумя толстыми косами, низко лежавшими на шеѣ, и съ полуоткрытымъ напереди лифомъ бѣлаго вечерняго платья. Она была сложена, какъ статуя—безукоризненно. Поворотъ головы, форма ея шеи, ея улыбка, ея взглядъ — все въ глазахъ Отто было прекрасно. Взглядъ ея оставлялъ особенное впечатлѣніе: когда она останавливала на комъ нибудь свои глаза, хотя бы и не дольше, чѣмъ всякая другая женщина, съ непривычки казалось, что она очень долго смотрѣла на васъ. Такое впечатлѣніе оставляютъ только очень большіе, черные глаза. Это, просто—обманъ зрѣнія: взглядъ часто только скользнулъ, но онъ такъ врѣзался въ вашей памяти, воспоминаніе, оставленное имъ, такъ сильно, что вы какъ будто еще чувствуете его надъ собой. При красивой наружности, такой взглядъ очень опасенъ: онъ всегда обѣщаетъ больше, чѣмъ даетъ въ дѣйствительности.

Отто сразу взглянулъ на эту брюнетку, какъ на единственную женщину, обладаніе которой могло бы составить счастіе его жизни. Но, чѣмъ больше счастіе, тѣмъ невѣроятнѣе кажется достиженіе его. Поэтому онъ сталъ смотрѣть на нее не какъ на женщину только, но какъ на божество. Сама по себѣ, ея красота дѣлала, казалось, невозможною мысль, чтобы она когда нибудь снизошла до него. Но эта красота была ограждена еще ея холодностью, не той холодностью, которая заставляетъ женщинъ принимать видъ неприступности или презрѣнія ко всему окружающему, но той ясной, спокойной улыбкой, той привѣтливостью даже, которая, ободряя человѣка съ перваго раза, скоро, однакожъ, открываетъ ему, кàкъ мало надежды обѣщаетъ эта улыбка.

Отто, познакомившись съ Августой ближе, увидалъ, кàкъ трудно будетъ зажечь въ ней ту священную искру, которая зажглась въ немъ самомъ. Но самая эта трудность придавала только новую силу его чувству. Увидать только, кàкъ вспыхнетъ любовь въ этомъ молодомъ сердцѣ, кàкъ заблестятъ эти глаза, кàкъ выступитъ румянецъ на этомъ лицѣ—для этого одного онъ готовъ былъ отдать полжизни.

Изъ божества сдѣлать женщину и назвать ее своею!.. Несчастный! Онъ увидалъ, кàкъ заблестѣли эти глаза и кàкъ вспыхнула любовь въ этомъ сердцѣ; но она вспыхнула не для него.

До сихъ поръ, онъ боялся только одного, что чувство никогда не пробудится въ этой дѣвушкѣ, что она все также будетъ сидѣть около него съ вышиваньемъ, будетъ наливать ему чай и слушать споръ его съ отцомъ, а потомъ, все съ тѣмъ же выраженіемъ, пойдетъ играть съ братомъ въ четыре руки или занимать пріѣхавшихъ къ нимъ гостей. Но онъ не зналъ еще, что есть чувство еще болѣе ужасное: видѣть, что сердце, которое мы усиливались пробудить, заговорило, наконецъ, и заговорило для другого.

Первое отвратительное чувство ревности шевельнулось въ душѣ Отто, когда читались письма объ Соловомъ. Какъ только Августа осмѣлилась найти въ немъ характеръ, Отто уже ненавидѣлъ его. «Какой-то совершенно посторонній человѣкъ; она его въ глаза никогда не видала и уже находитъ въ немъ все прекрасное. Дà, чортъ его возьми совсѣмъ! чтò въ немъ такого хорошаго? Я съ ней другой годъ знакомъ; она во мнѣ никогда ничего хорошаго не нашла. Этотъ, потому что онъ дерзокъ, потому что онъ—нахалъ... этимъ съ разу не нахвалятся. Правда, что съ женщинами нахальство всегда имѣетъ успѣхъ; женщины обожаютъ

нахаловъ. Не можетъ быть, думалъ онъ, однако, чтобы Августа была такова. Она съ разу пойметъ всю фальшь, всю негодность такихъ людей. Пусть только этотъ Соловой явится! Вблизи онъ потеряетъ то обаяніе, которымъ она окружила его издали».

И Соловой явился. Отто всматривался въ него, изучалъ его, какъ мы изучаемъ только самаго дорогого намъ человѣка. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, ка̀къ онъ ходитъ, ка̀къ онъ говоритъ, ка̀къ онъ въ карты даже играетъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ, при первомъ же случаѣ, развѣнчать его въ глазахъ Августы.

Разъ какъ-то зашелъ разговоръ о томъ, кто нравится женщинамъ. Такіе разговоры заходятъ всегда въ обществѣ, гдѣ есть молодыя дамы или дѣвицы. На этотъ разъ, у Охлыстышевыхъ были гости, и въ томъ кружкѣ, гдѣ сидѣли барыни, цѣлые вечера иногда говорили о чувствахъ. Къ этому кружку изъ мужчинъ обыкновенно примыкали только самые сантиментальные, т. е. тѣ, очень юные, которымъ, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлось говорить о своихъ чувствахъ, или старые холостяки, которые тоже не прочь были поговорить о любви, потому что наединѣ женщины ихъ слушать бы не стали, а въ обществѣ слушали. Въ этотъ вечеръ случилось какъ-то, что и Отто, всегда избѣгавшій многочисленнаго женскаго общества, сидѣлъ среди барынь и, по обыкновенію, угрюмо молчалъ. Когда стали говорить о томъ, кто нравится женщинамъ, онъ изъ своего угла вдругъ отозвался:

—Женщинамъ нравятся нахалы.

Августа, до тѣхъ поръ весь вечеръ необращавшая на него вниманія, обернулась въ его сторону.

— Вы думаете, что намъ нравятся нахалы?

— Я въ этомъ убѣжденъ.

— Что̀ же, вы это вывели изъ вашихъ наблюденій?

— Да̀, изъ моихъ наблюденій. Я тысячу примѣровъ видалъ.

Дамы всѣ возстали; но Отто, нисколько не смущаясь и не мѣняя даже своей позы (онъ сидѣлъ, заложивши нога за ногу), продолжалъ свое:

— Порядочный человѣкъ, если онъ дѣйствительно преданъ женщинѣ, никогда отъ нея ничего не добьется. Явится какой-нибудь нахалъ, который никого и ничего не уважаетъ и самъ не заслуживаетъ уваженія, говоритъ ей о своей любви—кончено! Мужа для него броситъ, дѣтей броситъ—все! имя свое отдастъ на позоръ.

Проходившая мимо, съ папироской въ рукахъ, Марья Николаевна, которая шла-было сказать прислугѣ, чтобы свѣчи въ шандалахъ перемѣнили, услыхавши яростныя рѣчи Отто, вдругъ остановилась.

— На кого это вы тутъ такъ? Кто это мужа бросилъ?

— Да никто не бросилъ. Я говорю вообще. Я говорю, что, если мужъ—порядочный человѣкъ, такъ жена его непремѣнно броситъ, потому что встрѣтится какой-нибудь франтъ, фанфаронъ, который всѣхъ презираетъ, а женщины отъ этого думаютъ, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ право всѣхъ презирать. Онѣ на него чуть не молятся, а другой человѣкъ, тотъ, который имя имъ далъ, жизнь свою отдалъ, трудъ свой... этого человѣка счастье разбито.

Марья Николаевна не пошла къ прислугѣ сказать объ свѣчахъ, а сѣла рядомъ съ Отто.

— Ну, это еще неизвѣстно, начала она:—чье счастье разбито. Надо прежде разобрать. Что̀ такое, что онъ имя ей далъ? Что̀ такое за необыкновенное сокровище—ваше имя, что, коли вы его дали кому, такъ эта женщина вѣчная раба вамъ должна быть.

— Кто вамъ говоритъ раба? продолжалъ Отто, тоже разгорячившись.—И кто вамъ говоритъ, что онъ ей имя только далъ? Онъ ей жизнь свою отдалъ. Онъ ея дѣтей воспитываетъ, вся семья на его плечахъ. И, вдругъ, является какой-нибудь господинъ... потому что онъ красивъ, да говорить умѣетъ, можетъ быть, лучше, чѣмъ мужъ, говоритъ — мужа къ чорту! у него только деньги берутъ на содержаніе, а другъ сердца получаетъ все остальное.

Барышни переглянулись, какъ-бы недоумѣвая, прилично-ли имъ это слушать. Дамы улыбались. Августа оставалась серьёзна и молча глядѣла то на разгорячившагося инженера, то на Марью Николаевну. Ее удивило выраженіе лица послѣдней; такое выраженіе бывало у нея только тогда, когда она очень была чѣмъ-нибудь разсержена. Что̀ могло такъ разсердить ее въ этомъ случаѣ?

— Во всемъ всегда винятъ женщину, сказала она съ раздраженіемъ, можетъ быть, незамѣтнымъ для другихъ, но замѣтнымъ для Августы, которая знала ее хорошо.—Подумаешь, какіе безгрѣшные! Да сами-то вы! есть-ли изъ васъ хоть одинъ, у котораго на совѣсти не было бы женскихъ слезъ? А когда вы жену себѣ заведете, такъ вы требуете, вѣдь, чтобъ она вещью вашей была. Да еще часто дѣвушку-то тогда отдадутъ, когда она и не понимаетъ еще, что̀ она дѣлаетъ. Что̀ мудренаго, если она потомъ другимъ увлечется. Тотъ ей, по крайней мѣрѣ, не повторяетъ каждую минуту: я тебѣ имя свое далъ! ты мнѣ всѣмъ обязана!

— Есть случаи, Марья Николаевна, сказалъ Отто нѣсколько спокойнѣе:—когда женщину многое оправдываетъ. Мало-ли! и

молода была, да и разныя обстоятельства... Нѣтъ, но я говорю, что вообще... Если ей приходится выбирать между порядочнымъ человѣкомъ и нахаломъ—она всегда выберетъ нахала.

— Ну, вы опять свое! перебила Марья Николаевна.

— А отчего? продолжалъ Отто.—Оттого что, когда женщину уважаютъ, она это ни во что не ставитъ. Она этого не цѣнитъ. А вотъ, когда ей пренебреженіе показываютъ, когда этотъ же самый человѣкъ, который ей объ любви своей твердитъ, ея имя въ грязь топчетъ—она такого человѣка боготворитъ. Она не понимаетъ, что безъ уваженія любви нѣтъ! Женщины и къ себѣ уваженія не требуютъ, и не требуютъ того, чтобы тотъ человѣкъ самъ былъ достоинъ уваженія. Сдѣлайте какую-нибудь мерзость и скажите, что это изъ любви къ нимъ—онѣ васъ больше еще будутъ любить. Онѣ скажутъ: ты—преступникъ! Я тебя за это еще больше люблю.

— Ну, что же изъ этого? спросилъ вдругъ Соловой. Онъ только что вышелъ изъ-за картъ и подошелъ къ говорившимъ.

— Что изъ этого? повторилъ Отто, взглянувши на него изъ подлобья.—Не знаю, что изъ этого. Я говорю только, что женщина скорѣе полюбитъ негодяя, чѣмъ честнаго человѣка. Заключеніе выводите сами.

— Преступникъ не есть еще негодяй.

— Нѣтъ, какъ же, преступники—все прекрасные люди.

— Не всѣ, но и между ними есть хорошіе люди.

Отто, по привычкѣ своей путаться въ спорахъ, спутался и тутъ. Онъ хотѣлъ говорить совсѣмъ не о преступникахъ, а только объ людяхъ нахальныхъ и пустыхъ, имѣя въ виду самого Соловаго, но вышло вдругъ, что онъ споритъ о преступникахъ. Тутъ онъ чувствовалъ, что будетъ разбитъ; но уступать ужъ не хотѣлъ.

— Въ наше время, стало быть, сказалъ онъ запальчиво:—не стоитъ и хлопотать быть честнымъ человѣкомъ, когда можно и укокошить кого-нибудь и все-таки остаться прекраснымъ человѣкомъ.

— Ужъ не умѣю вамъ сказать, стоитъ ли хлопотать объ этомъ, но думаю, что это не зависитъ отъ воли человѣка. Кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ не совершитъ никогда преступленія? Почемъ я знаю? можетъ быть, я завтра убью кого-нибудь. Почемъ вы знаете, что вы этого не сдѣлаете? По своей профессіи, я много имѣлъ дѣла съ преступниками и видѣлъ, напримѣръ, что убійство въ запальчивости совершали люди, которые во всѣхъ отношеніяхъ заслуживали уваженія. За что же укорять женщинъ, если онѣ такимъ людямъ прощаютъ ихъ вину. Жен-

щина, напротивъ, тѣмъ и велика, тѣмъ и прекрасна, что она умѣетъ прощать тамъ, гдѣ никто не проститъ, гдѣ отъ общества нельзя ждать сострадания.

— Да̀, по вашему выходитъ, что женщины прекрасны для тѣхъ людей, которые въ чемъ-нибудь провинились, а ужь если человѣкъ такъ всю жизнь провелъ, чтобы на его совѣсти не было никакого пятна—такъ этого и любить не стòитъ. По вашему, любовь отдается только падшимъ людямъ. Я вотъ объ этомъ-то и самъ говорю, что женщины все любятъ спасать. По этому они негодяями скорѣе увлекаются, чѣмъ порядочными людьми. Дай, дескать, я его спасу. А тутъ—что̀? и спасать нѐчего; спасенъ ужь человѣкъ.

— Мнѣ кажется, въ этомъ вы ошибаетесь. Хорошіе люди такъ же заслуживаютъ любви и такъ же находятъ ее, какъ и тѣ, которыхъ вы называете падшими людьми.

При этихъ словахъ онъ взглянулъ на Августу. Она тоже взглянула на него, и оба остановились, какъ бы пораженные какимъ-то новымъ, внезапнымъ для нихъ открытіемъ. Первый разъ глаза ихъ встрѣтились не такъ, какъ встрѣчаются глаза двухъ постороннихъ людей: каждый понялъ въ эту минуту, что̀ думалъ другой. Невидимый, неслышный для другихъ былъ въ этомъ взглядѣ вопросъ и отвѣтъ. Вопросъ былъ: нашелъ ли Отто ту любовь, которой онъ заслуживаетъ? Отвѣтъ: нѣтъ, онъ не нашелъ ея. И вдругъ, какъ бы испуганные тѣмъ, что они такъ скоро, такъ неожиданно для себя поняли другъ друга, оба потомъ нѣсколько времени старались не глядѣть одинъ на другого.

Но потомъ, за чаемъ, когда имъ пришлось сидѣть рядомъ, они уже меньше какъ-то стѣснялись, и тотъ молчаливый, но полный тайнаго смысла взглядъ, который сначала такъ испугалъ ихъ, повторился нѣсколько разъ. Оба стали находить въ немъ какую-то особенную прелесть. Посмотрѣть такъ на другого украдкой, какъ будто невзначай, и въ обществѣ десяти-пятнадцати человѣкъ, сказать ему взглядомъ то, что̀ пойметъ только онъ одинъ, то, въ чемъ едва смѣешь еще признаться самому себѣ—все это тѣ чудныя и немногія минуты, въ которыхъ таится обаяніе только что еще зарождающейся любви. Сердце не бьется такъ сильно, какъ потомъ, когда страсть уже охватила человѣка; это— еще пора сомнѣній, пора открытій, и каждая новая искра, заронившаяся въ сердце, разливаетъ такое чудное тепло; такъ радостно становится на душѣ и такъ свѣтло все впереди, гдѣ ждетъ счастье, въ достиженіе котораго еще не вѣрится, что никогда потомъ эти минуты не повторятся. Вся прелесть этихъ

минуть въ новизнѣ, въ томъ, что это невозможное, казалось, счастіе вдругъ сдѣлалось возможнымъ и охватываетъ душу восторгомъ. Послѣ, и къ мысли о счастьи привыкаешь, какъ и ко всякой другой мысли. Человѣкъ ужь не можетъ долѣе оставаться въ возбужденномъ состояніи; за всякимъ порывомъ слѣдуетъ реакція. Послѣ сильнаго восторга, точно такъ же, какъ и послѣ сильнаго отчаянія, человѣкъ впадаетъ въ состояніе какого-то полусознанія, когда на душѣ остается только смутное сознаніе своего счастія или несчастія.

Мечты Отто о томъ, чтобы у Августы блеснулъ въ глазахъ лучъ новой жизни, сбылись, наконецъ, но ка̀къ горько сбылись: этотъ лучъ блеснулъ не для него. Легкій, чуть замѣтный румянецъ выступилъ на щекахъ и даже уши горѣли у нея все время, пока она наливала чай. По одну сторону ея сидѣлъ Соловой, по другую—княжна Бородинская. По общей уловкѣ всѣхъ влюбленныхъ, они въ обществѣ между собой говорили мало: оба говорили съ княжной. У обоихъ, казалось, только и мысли было, что̀ занять княжну. Соловой передавалъ ей сливки, корзинку съ печеньемъ—все, на что̀ только она бы ни посмотрѣла, даже то, что̀ ей вовсе было не нужно, и при этомъ съ восторгомъ глядѣлъ ей въ глаза, чтобы не глядѣть только въ другіе глаза, которые были такъ близки и отъ которыхъ такъ трудно было оторваться.

Послѣ чаю, онъ, противъ обыкновенія, не пошелъ опять играть въ карты, чѣмъ возбудилъ неудовольствіе бабушки (такъ называли всѣ въ домѣ тётку генерала), которая отозвалась о немъ, что онъ—невѣжа. Бабушка вообще его не любила, а особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ на ея слова̀, что всѣ люди ужасно развратились и что ка̀къ это Господь не пошлетъ другого потопа, сказалъ:

— Да зачѣмъ же! вѣдь, и изъ перваго-то толку никакого не вышло.

— Невѣжа! говорила она:—совершенный невѣжа! И, навѣрное, безбожникъ.

Отто былъ тоже безбожникъ; но къ нему она благоволила и говорила всегда:

— Прекрасный молодой человѣкъ!

По большимъ праздникамъ онъ бывалъ у нея съ визитомъ и этимъ ужасно расположилъ ее. Она рѣшила выдать за него Августу, потому что она всякаго человѣка, который ей нравился, предназначала ей въ мужья. Такимъ образомъ, она сватала ее ужь за многихъ, каждый разъ увѣряя, что это—«прекрасный молодой человѣкъ! Нравственный и состояніе имѣетъ!» Но, по-

слѣднее время, она остановилась на двоихъ: это были Отто и еще нѣкто Шеншинъ, очень богатый и очень надменный господинъ, который никакого вниманія на Августу не обращалъ, а когда Августа ей говорила:

— Бабушка, да я ему не нравлюсь совсѣмъ.

Она вскрикивала:

— Пустяки какіе! Чѣмъ это ты можешь не нравиться? Что̀ ты, уродъ, что̀-ли, какой-нибудь? А не нравишься—такъ зачѣмъ же онъ шляется? Ну, такъ отъ дому ему отказать!

Отказавшись отъ картъ, Соловой остался въ гостиной съ дамами. Это тотчасъ же дало поводъ къ разнымъ предположеніямъ. Онъ никогда съ дамами не сидѣлъ и, если не игралъ въ ералашъ, то съ кѣмъ-нибудь изъ мужчинъ говорилъ о подсудности и наказуемости или, наконецъ, просто читалъ какую-нибудь книгу, которую увидѣлъ на столѣ, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что онъ въ гостяхъ. Онъ не сѣлъ около Августы и даже не говорилъ съ ней, но имъ и не нужно было этого: одно присутствіе ихъ обоихъ въ этой комнатѣ проливало на все какой-то радостный свѣтъ. Одинъ слышалъ голосъ другого, и, хотя не съ нимъ говорили, но онъ зналъ, что этотъ голосъ звучалъ для него. Съ каждой минутой все сильнѣй охватывало ихъ это чувство близости! Они сами не понимали, отчего именно съ этого вечера то, что̀ готовилось и таилось въ душѣ давно, но сознавалось только смутно, вдругъ, съ такой ясностью освѣтило теперь ихъ отношенія.

Въ любви бываютъ такіе внезапные повороты, послѣ которыхъ шагъ назадъ уже невозможенъ. До нынѣшняго дня, они могли еще сомнѣваться, могли еще разойтись—теперь это стало невозможно: объясненіе близилось, оно было неизбѣжно. Они переживали послѣднія минуты той невысказанной любви, которая только взглядами допытываетъ страшную и, въ то же время, уже угаданную тайну. Высказанная любовь—уже не то: тамъ она вступаетъ въ новый фазисъ. Она становится серьёзнѣе, глубже, она наводитъ на новые вопросы, открываетъ часто новую жизнь; но ужъ восторгъ и страхъ перваго признанія прошли, и прошли безвозвратно.

Въ своемъ счастьи, Августа не знала хорошенько, что̀ ей дѣлать, ка̀къ выразить пріѣхавшимъ къ ней барышнямъ свою благодарность за то, что онѣ присутствовали теперь при ея счастіи. Ей каза̀лось, что онѣ составляютъ какую-то принадлежность этого счастія, что безъ нихъ было бы не то, совсѣмъ не то. Она упросила, наконецъ, одну изъ нихъ что-нибудь спѣть, и сама пошла ей аккомпанировать. Въ романсѣ, какъ и во всѣхъ почти

романсахъ, говорилось о любви. Соловой подошелъ къ роялю. Августа не смѣла поднять глазъ; она задерживала дыханіе, чтобы не выдать себя; она чувствовала, что грудь измѣняетъ ей, что по тому только, кàкъ она поднимается и опускается, всѣ догадаются, что она любитъ и любима. Она съ ужасомъ думала о томъ, кàкъ послѣ ей нужно будетъ что-нибудь сказать пѣвицѣ: что̀ сказать? Какимъ голосомъ? Развѣ можетъ она говорить теперь?..

А слова пѣвицы—она пѣла о любви—чудными звуками ласкали ея слухъ. Все вдругъ исчезло и подернулось какимъ-то туманомъ. Она была одна! одна съ своей любовью и съ этой музыкой. Барышни, тётушки, сосѣдняя комната съ играющими тамъ въ ералашъ—все это унеслось въ неизмѣримую даль. Близокъ былъ только онъ. Она знала, что онъ стоитъ въ двухъ шагахъ отъ нея. Взглянуть на него, или не взглянуть? Она еще упорнѣе смотрѣла себѣ на пальцы и на клавиши, но какая-то невидимая сила заставляла ее взглянуть туда, гдѣ онъ стоялъ. Долго противилась она, призывая на помощь свою волю, свой разсудокъ: и воля, и разсудокъ измѣнили ей. Она была безсильна, она подняла глаза; онъ смотрѣлъ на нее. Въ немъ также, видно, разсудокъ замолчалъ; всякія посороннія соображенія были ему теперь чужды. Онъ видѣлъ только ее. Слова̀ романса соединяли ихъ; они сблизили ихъ страшнымъ образомъ. Да̀, они были созданы одинъ для другого, и теперь только, подъ звуки этой музыки, каждый изъ нихъ нашелъ того, съ кѣмъ долженъ соединиться на вѣки. Въ этомъ взглядѣ двѣ жизни сливались въ одну.

VI.

Послѣ этого вечера, отношенія ихъ вдругъ перемѣнились. Августа ждала признанія, но признанія не было. Соловой сталъ удаляться отъ нея. Онъ избѣгалъ оставаться съ ней наединѣ и, когда приходилъ теперь, то принималъ всегда озабоченный видъ и разговаривалъ съ Марьей Николаевной о дѣлахъ. У него дѣйствительно были съ ней какія-то денежныя дѣла̀. Онъ ѣздилъ въ банкъ, привозилъ ей бумаги и долго толковалъ съ ней о томъ, на какой городъ и черезъ какую контору сдѣлать переводъ. Иногда для объясненій они запирались въ отдѣльную комнату, но, такъ какъ оба говорили громко, то всѣ въ залѣ знали, о чемъ идетъ рѣчь. Бабушка, которая терпѣть не могла Марью Николаевну и всегда подозрѣвала ее въ томъ, что она

обкрадываетъ генерала, просто въ ужасъ пришла. Она рѣшила, что, вѣрно, Марья Николаевна украла теперь разомъ нѣсколько тысячъ и спѣшитъ ихъ куда-нибудь помѣстить. Всѣмъ, кто только бывалъ, она сообщала объ этомъ, со всѣми совѣтовалась, всѣмъ говорила, что какъ ей жаль генерала, что онъ по міру скоро пойдетъ, наконецъ, рѣшила поѣхать и предупредить его сама.

Съ самаго утра велѣла она закладывать карету и нѣсколько разъ проѣхать лошадей, чтобы онѣ не взбѣсились. Нѣсколько разъ посылала узнавать, какъ на улицѣ, не очень ли холодно, потомъ, немного погодя, посылала опять—не стало ли теплѣе? Сама изъ своихъ рукъ накормила собаченку, которую обожала и вездѣ возила съ собой. Собаченка эта, маленькая, желтая, общипанная, съ подслѣпыми глазами, была страшный уродъ и отличалась тѣмъ, что не имѣла чутья, свойственнаго другимъ собакамъ, и на постороннихъ никогда не лаяла, а лаяла только, когда видѣла большіе сапоги. Бабушка находила, что это—ужасно умная собака, и, изъ вѣжливости, многіе съ ней соглашались.

Девяностолѣтній лакей, бывшій ея крѣпостной, обыкновенно сводилъ барыню подъ руку съ крыльца, причемъ не столько ее поддерживалъ, сколько самъ за нее держался, и сажалъ ее въ карету; потомъ подавалъ ей туда желтую собаченку и влѣзалъ на козлы. Послѣ этого, бабушка всегда спрашивала, не взбѣсятся ли лошади, на что ей говорили, что:

— Будьте покойны, шагомъ поѣдемъ.

И тогда ужь только карета трогалась. Дорогой, бабушка два-три раза останавливала кучера и приказывала ему ѣхать подальше отъ тротуаровъ, потому что ей казалось, что карета раскатится, въ это время дверца отворится, она выскочитъ и ударится головой объ тумбу. Кучера она нашла себѣ такого, что онъ отъ старости едва сидѣлъ на козлахъ. Прежде, у нея былъ молодой кучеръ, но онъ разъ напился пьянъ и погналъ лошадей во весь духъ; бабушка закричала на всю Москву и, наконецъ, кое-какъ, ужь черезъ нѣсколько улицъ, остановила его. Тотъ все смотрѣлъ на нее и глупо улыбался. Наконецъ, спросилъ:

— Али тобя трясетъ?

Бабушка, послѣ этого, сейчасъ же велѣла прогнать его и съ тѣхъ поръ слышать не могла о молодыхъ кучерахъ, потому что они всѣ—пьяницы и грубіяны.

Пріѣхавши къ генералу, она съ особенной торжественностью приказала доложить о себѣ, тогда какъ прежде всегда входила безъ доклада. Лакей, по обыкновенію, отворилъ-было ей дверь въ гостиную, но она не пошла и строго повторила:

— Ступай, доложи!

— Да Марья Николаевна сами тутъ сидятъ-съ.

— Поди, доложи барину. Я пріѣхала къ барину.

Она такъ не любила Марьи Николаевны, что всегда дѣлала видъ, будто не замѣчаетъ ея. Когда Марья Николаевна сидѣла въ комнатѣ, она въ разговорѣ никогда къ ней не обращалась, а всегда къ генералу: «Здравствуй, Мишель!» Или: «Ну, что̀, ка̀къ твое здоровье, Мишель?» И во всѣхъ своихъ фразахъ называла его по имени, чтобы «та, какъ-нибудь, Боже сохрани, не подумала, что она къ ней обращается». Когда она хотѣла что-нибудь похвалить, она всегда говорила:

— Какая славная вещица! Гдѣ это ты купилъ, Мишель?

Хотя знала, что все въ домѣ покупаетъ Марья Николаевна. Когда генералъ ей на это отвѣчалъ:

— Это Марья Николаевна покупала.

Она продолжала хвалить:

— Славная какая вещица! Дорого далъ, Мишель?

И при этомъ никогда даже въ ту сторону не оглядывалась, гдѣ «та» сидѣла.

Увидавши теперь своего врага въ гостиной, она церемонно поклонилась.

— Вы, пожалуйста, не безпокойтесь! Не стѣсняйтесь, пожалуйста. Не тревожьте себя; я пріѣхала къ генералу.

И величественно прошла черезъ эту комнату. Марья Николаевна кроила что̀-то на большомъ столѣ и продолжала свое дѣло. Она знала, что изъ родни генерала многіе считаютъ ее за выскочку и что не разъ уже дѣлались попытки подорвать ея кредитъ у него. Но она, какъ женщина тактическая, и виду не показывала, что ей это извѣстно. Генералъ, сколько ни шумѣлъ, въ концѣ-концовъ, все дѣлалъ по ея, а барыни, пріѣзжавшія ее чернить, увидавши, что она мѣсто свое заняла твердо, сами же потомъ становились съ ней любезны. Извѣстная своей заносчивостью, княгиня Бородинская всегда была съ ней въ ладахъ, и за это Марья Николаевна помогла ей выдать замужъ одну дочь за человѣка, который вовсе и не собирался жениться на ней. Кто зналъ только ближе Марью Николаевну, всѣ отзывались о ней, что она—женщина очень умная и, хотя образованія никакого не получила, но нигдѣ не потеряется и что «ея ужь не переговоришь». Многія барыни, и въ особенности тѣ, которыя прежде громче всего кричали, что она—кухарка и что онѣ не понимаютъ, ка̀къ генералъ могъ взять ее къ себѣ въ домъ, теперь втерлись къ ней въ дружбу и ѣздили за совѣтами. Одна только бабушка осталась при своемъ, что она обокрадетъ когда

нибудь генерала и убѣжитъ съ его деньгами заграницу. Теперь, когда у нея вдругъ пошли денежные счеты съ Соловымъ, она была увѣрена, что минута эта приближается и что племянника надо предупредить.

Когда она вошла къ нему въ кабинетъ, генералъ самъ что̀-то сидѣлъ и считалъ. Первымъ его движеніемъ, при входѣ тётушки, было спрятать деньги. Онъ не любилъ, чтобы кто-нибудь видѣлъ у него много денегъ: могутъ взаймы попросить. И, хотя тетка сама могла бы дать ему взаймы, но онъ, на всякій случай, одну пачку ассигнацій спряталъ. Это были деньги, полученныя съ жильцовъ. Каждое первое число генералъ, не дожидаясь, чтобы ему заплатили, посылалъ Марью Николаевну по всѣмъ квартирамъ собирать деньги у жильцовъ, и самъ съ нетерпѣніемъ дожидался ея, сидя у того окошка, мимо котораго ей нужно было проходить. Ка̀къ ни велика была его привязанность къ ней, но онъ не оставилъ бы у нея ни одной минуты такихъ большихъ денегъ. Поэтому, какъ только она входила въ домъ, онъ тотчасъ же отбиралъ ихъ у нея и шелъ къ себѣ считать.

Если онъ зналъ, что у кого-нибудь въ рукахъ есть его деньги, онъ умиралъ отъ безпокойства. Когда управляющій изъ деревни долго не писалъ ему и до него доходили слухи, что онъ продалъ дрова или хлѣбъ, онъ тотчасъ же писалъ ему, чтобы бросилъ все и ѣхалъ немедленно въ Москву. Тутъ онъ отбиралъ у него деньги и отпускалъ назадъ, счастливый и довольный, хотя тотъ иногда бросалъ дѣло въ самое горячее время и отъ этого самъ же генералъ несъ потомъ большіе убытки. Отъ скупости онъ никогда не ремонтировалъ своихъ домовъ, которые съ каждымъ годомъ становились все грязнѣе, и, когда отъ этого стали падать въ цѣнѣ квартиры, онъ изъ себя выходилъ, кричалъ, что это—стачка, что это все Марья Николаевна виновата. Марья Николаевна тогда обижалась, начинала плакать, говорила, что она—честная женщина и не позволитъ такъ съ собой обращаться, а что лучше бы генералъ велѣлъ потолки покрасить, да лѣстницу починить, потому что по худой лѣстницѣ жильцы не хотятъ ходить, и она, Марья Николаевна, такой квартиры сдавать не берется; ее и такъ ужь разъ назвали шлюхой, а она не хочетъ, чтобы ее называли шлюхой, она—честная женщина! И тутъ ужь она поднимала такую пальбу, что самъ генералъ, струсивши, дѣлался гораздо смирнѣе. Женщины знаютъ, когда имъ можно наступать и когда нужно только обороняться. Если человѣкъ взбѣшенъ, онѣ дадутъ ему сначала высказаться, и тутъ ужь онъ хоть весь домъ разнеси по ча-

стямъ — молчать; нѣкоторыя плачутъ. Но потомъ за то дадутъ себя знать.

Марья Николаевна знала, что, если она не во-время подниметъ пальбу, такъ все дѣло этимъ можетъ испортить. Мужчина сговорчивъ только тогда, когда онъ чувствуетъ свою вину. Когда ему приходится сознаться, что онъ самъ не помнилъ, что̀ говорилъ, онъ какъ-то падаетъ духомъ; онъ готовъ тогда на всѣ уступки. Въ такія минуты, Марья Николаевна знала, что пальбу можно поднимать. Но въ другое время генералъ всегда считалъ себя правымъ, и тогда къ нему не подступайся! тогда съ нимъ ладить можно только хитростью.

Торжественное появленіе тётки въ кабинетъ, какъ мы видѣли, застало генерала врасплохъ. Онъ не любилъ, когда ему мѣшали въ денежныхъ счетахъ, но не принять старухи было нельзя.

— Здравствуй, Мишель! Сиди, сиди, не вставай. Что̀ еще за церемонія! Я къ тебѣ не въ гости, за дѣломъ пріѣхала. Суди меня, старуху, какъ знаешь; можетъ, я отъ старости изъ ума выжила, можетъ, меня и слушать не стоитъ; скажутъ—враки старуха говоритъ, а ужъ я не промолчу. Можетъ, на мои слова̀ плевать будутъ, а я, всетаки, скажу.

Бабушка всегда начинала предисловіями; это генерала ужасно злило; онъ сидѣлъ и молчалъ.

— Что̀ это такое, я на васъ посмотрю? вы точно всѣ съ ума посошли. Что̀ у васъ въ домѣ дѣлается? Вся Москва объ этомъ говоритъ. Ну, дочь твоя молода, ничего не понимаетъ, а ты-то что̀? Ты посмотри на себя въ зеркало! вѣдь ты—сѣдой весь. Дожилъ до сѣдыхъ волосъ, а такія вещи позволяешь.

— Какія вещи? Что̀ такое?

— Что̀ у тебя этотъ прокуроръ-то дѣлаетъ? Что̀ онъ къ тебѣ чуть не каждый день шляется? Ужъ напади онъ на меня, я бы ему показала! Я бы не посмотрѣла, что онъ—прокуроръ. Такого бы ему прокурора задала!

Генералъ вытаращилъ глаза.

— Да какой прокуроръ? Объ комъ вы говорите?

— Да вотъ черномазый-то этотъ. Что̀ я тебѣ еще объяснять стану! Ты и такъ понимаешь.

— Ничего я не понимаю.

— Потому что не хочешь понимать. Вы не любите, когда вамъ правду говорятъ. А я ужъ, всетаки, не смолчу. Ты тамъ можешь на мои слова̀ плевать, а я не смолчу; моя обязанность—тебѣ сказать. Мнѣ дѣтей твоихъ жалко. Можетъ быть, ихъ деньги-то мотаютъ. Коли отецъ молчитъ, такъ бабка не смолчитъ.

— Какія деньги мотаютъ? Ничего я у васъ не понимаю.

— Потому что не хочешь понимать. Какія деньги! Что̀ этотъ прокуроръ съ утра до ночи считаетъ съ этой вашей... Марьей Николаевной? (Всѣмъ другимъ она называла ее Машкой).

— Какое мнѣ дѣло, что̀ они считаютъ! Это—по дѣламъ ея сестры; у ея сестры имѣнье тамъ какое-то закладываютъ. Бумаги ей какія-то покупаютъ. Не знаю, что̀ тамъ у нихъ.

— Бумаги покупаетъ! Вранье какое! Просто, это—деньги не сестрины вовсе, а твои.

— Ка̀къ мои?

— Да такъ, твои. Обобрали у тебя, да и покупаютъ теперь бумаги, а, чтобы не догадались, конечно, на сестру указали. То-то и сестрица-то ея въ Москву собирается! То-то она все другой мѣсяцъ и твердитъ: вотъ ко мнѣ скоро сестра пріѣдетъ! То надо, сё надо. Съ утра до ночи по лавкамъ шляется, для сестрицы покупки дѣлаетъ. Ка̀къ ей не дѣлать! Можетъ, она ей еще десять процентовъ отдастъ, изъ накраденныхъ-то денегъ. Видимыя соучастницы!

Генералъ въ душѣ уже струсилъ немного, что, въ самомъ дѣлѣ, не накрали ли у него денегъ, по виду не хотѣлъ показать.

— У васъ все ужасы разные. Вы любите вездѣ ужасы представлять. Ея сестра везетъ сына лечить, а вы сейчасъ Богъ знаетъ что̀ представляете.

— Сына лечить! Такъ на что̀-жь это прокуроръ-то съ ней деньги считаетъ? Сына лечить—такъ и лечи. А по банкамъ-то зачѣмъ разъѣзжаютъ? Вранье какое! Кабы онъ къ докторамъ ѣздилъ, я бы повѣрила, а то... Видимое вранье!

Генералъ ужасно сталъ безпокоиться, но, всетаки, не хотѣлъ въ этомъ признаться.

— Ну, что̀ вы говорите! Женщина переѣзжаетъ въ Москву, можетъ быть, на всю зиму; я думаю, ей нужны деньги, ка̀къ вы думаете?

— Деньги, батюшка, всякому нужны, а особенно чужія...

Пока этотъ разговоръ продолжался въ кабинетѣ, Августа съ Марьей Николаевной ушли гулять. Онѣ гуляли всегда отъ двухъ часовъ до четырехъ. Послѣднее время, вмѣсто бульвара, онѣ ходили все по лавкамъ: Марья Николаевна исполняла комиссіи своей сестры, которая прислала ей длинный реестръ того, что̀ должно быть куплено къ ея пріѣзду. Это была, повидимому, женщина набалованная, любившая, чтобы ей все было готово. Марья Николаевна изъ себя выходила, чтобы купить все дешевле: во всѣхъ лавкахъ она торговалась ужасно, даже и тамъ, гдѣ продавали безъ запроса. Въ одномъ мѣстѣ она съ купцами бранилась, въ другомъ умоляла, чтобы ей уступили хоть что-нибудь.

Прежде, чѣмъ купить вещь, она побываетъ обыкновенно въ трехъ-четырехъ магазинахъ, все прицѣняется. Уйдетъ изъ лавки, исходитъ еще съ версту и опять вернется назадъ. А когда ей приходилось покупать что-нибудь цѣнное, напримѣръ, мѣхъ для салопа, такъ она покупала его недѣли двѣ-три, пока, наконецъ, по собственному признанію, боялась, что купцы выгонятъ ее изъ лавокъ.

Августа ходила съ ней по магазинамъ молча. Онѣ никогда много между собой не разговаривали, потому что отношенія ихъ всегда были какъ-то холодны, хотя вѣжливо-холодны. Ничего непріятнаго онѣ не сказали бы одна другой, но онѣ не любили другъ друга.

Вернувшись изъ лавокъ, онѣ только-что успѣли разобрать покупки, какъ пришелъ Соловой.

— Откуда? спросилъ его генералъ, который ужь отправилъ тётку домой и, полный смутныхъ подозрѣній, пришелъ поговорить, чтобы развлечься. — Гдѣ былъ нынче?

Не въ банкѣ ли опять? думалъ онъ со страхомъ.

— Сейчасъ изъ мирового съѣзда.

— Интересныя были дѣлà?

— О выбитіи трехъ зубовъ, объ оскорбленіи и по жалобѣ мужика, который жалуется, что его жалобы нигдѣ не принимаютъ.

— Ну, это не—того... А еще нигдѣ не были?

— Былъ; и представьте, какая путаница вышла! У меня былъ переводъ на купеческій банкъ, а я поѣхалъ съ нимъ въ контору Юнкера. На бланку-то не посмотрѣлъ и, такъ какъ мы до сихъ поръ, обыкновенно, всѣ переводы дѣлали на контору Юнкера, то я туда и отправился. Пріѣзжаю, подаю бланку. Только тамъ посмотрѣли на нее, потомъ на меня. «Чтò же вамъ угодно?» «Кàкъ, чтò угодно? деньги получить!» «Да вы изволили посмотрѣть, чтò тамъ написано?» Смотрю... Ахъ, чортъ возьми, переводъ-то на купеческій банкъ!

Генералъ даже не нашелся, чтò и сказать на это.—Опять въ банкѣ былъ! подумалъ онъ съ ужасомъ.

Марья Николаевна замѣтила Соловому, что онъ очень разсѣянъ. Онъ дѣйствительно былъ разсѣянъ. Если ему поручали что-нибудь доставить, записку какую-нибудь или книгу, то онъ всегда оставлялъ ее дома, а потомъ уже, встрѣтившись съ тѣмъ, кому вещь предназначалась, говорилъ:

— А вамъ записку просили передать.

— Гдѣ же она?

— Да я ее дома оставилъ.

Разъ какъ-то онъ спрашивалъ Марью Николаевну:

— А чтò, вы не знаете, Марья Николаевна, писалъ я брату или нѣтъ?

Другой разъ было интересное дѣло въ судѣ, на которое ломился цѣлый городъ. Онъ все собирался пойти послушать, но все думалъ, что успѣется, и пришелъ на другой день послѣ того, какъ присяжные вынесли приговоръ.

Такъ и теперь, просидѣвши ужъ съ часъ и проговоривши объ разныхъ разностяхъ, онъ вдругъ спохватился:

— Ахъ, дà! Нынче Надежда Николаевна пріѣдетъ. Я телеграмму отъ нея получилъ.

Марья Николаевна даже вскочила.

— Кàкъ, сестра пріѣдетъ! Чтò же вы мнѣ ничего не сказали?

— Да вѣдь она еще вечеромъ пріѣдетъ.

— Да кàкъ же это она мнѣ-то не телеграфировала! Ахъ, Боже мой! Надо выѣхать встрѣтить ее.

— Я поѣду встрѣчу ее.

— Ну, хорошо, поѣзжайте вы, а я ужь насчетъ квартиры... Надо, чтобы тамъ протопили хорошенько. Ахъ ты, Боже мой, цѣлый часъ человѣкъ сидѣлъ, не могъ ничего сказать!

И, недокуривши даже папироски, она побѣжала съ открытой головой черезъ дворъ велѣть, чтобы поскорѣй печки въ квартирѣ топили.

На этотъ разъ Августа и Соловой остались одни. Августа замѣтила, что онъ какъ будто чѣмъ-то озабоченъ. Онъ былъ неразговорчивъ, смотрѣлъ сначала въ одно окно, потомъ въ другое, потомъ вдругъ съ большимъ интересомъ принялся читать неразрѣзанную книгу, разрѣзая ее пальцемъ. Августа сначала пробовала заговаривать съ нимъ, но потомъ замолчала и съ притворно спокойнымъ лицомъ углубилась въ свою работу. Въ душѣ ея кипѣлъ и гнѣвъ, и страхъ, и ожиданіе... Кàкъ объяснить себѣ поведеніе этого человѣка? Чтò значали его нѣжные взгляды въ тотъ вечеръ, когда она противъ воли открыла ему свою тайну? Какое право имѣлъ онъ, послѣ этого, такъ явно удаляться отъ нея? Если онъ не любилъ ея, какое право имѣлъ онъ вырвать у нея это безмолвное признаніе? Августа была горда. Съ самой глубины души поднималось кипѣвшее въ ней негодованіе. Она искала все способовъ, чтобы показать этому человѣку, кàкъ недостойно его поведеніе. Способовъ была тысяча, но ни одинъ не казался ей достаточно хорошъ. И, чѣмъ больше она искала, тѣмъ больше путались ея мысли. Она сознавала, что безсильна

придумать что-нибудь такое, что̀ могло бы удовлетворить ее. Поэтому она рѣшилась молчать.

Нѣсколько разъ поднимала она свои черные глаза, но видѣла все то же неподвижно углубленное въ книгу лицо. Когда она оставалась одна, она припоминала потомъ каждую черту этого лица, и тогда она не могла думать о немъ безъ того, чтобы невольная нѣжность не охватывала ея душу. Но теперь, когда онъ сидѣлъ тутъ, сохраняя упорное молчаніе, болѣе занятый книгой, чѣмъ ею, чувство оскорбленнаго самолюбія заговорило громче, чѣмъ любовь. Она дала себѣ слово ни за что̀ не начинать разговора первая, хотя бы это молчаніе продолжалось до другого дня. Не поднимая глазъ, она видѣла, какъ онъ перевертывалъ страницы и перевернулъ, наконецъ, послѣднюю (онъ часто читалъ книги съ конца). Тутъ онъ посмотрѣлъ сначала на часы, потомъ на нее. Она сидѣла отвернувшись отъ него; онъ могъ видѣть только ея шею, ея черныя косы, приподнятые съ боку и нѣсколько спущенные на лобъ волосы и маленькую, закрутившуюся прядку за ухомъ, другая прядка, пониже, сбѣгала подъ воротничекъ. Отъ этихъ черныхъ прядокъ шея ея казалась нѣжнѣе и бѣлѣе. Къ тому же, она носила всегда густые цвѣта, темнозеленый или темносиній, отъ которыхъ цвѣтъ кожи всегда кажетъ нѣжнѣе. Вообще, она умѣла одѣваться къ лицу, и Соловой, требовавшій, чтобъ женщина непремѣнно была хорошо одѣта, замѣтилъ это съ перваго же раза. Она одѣвалась, какъ француженка, съ умѣньемъ, обращая больше всего вниманія на то, чтобы нога была хорошо обута и голова хорошо причесана; во всемъ остальномъ она старалась достичь той аристократической простоты, которая такъ рѣдко дается русскимъ барышнямъ средняго круга. Ее вѣчно видали гуляющей по бульвару въ кругленькой шляпкѣ, надвинутой на глаза, когда всѣ московскія дамы носили шляпы на затылкѣ. Ея сѣренькая кофточка и сѣрыя замшевыя перчатки были замѣчены всѣмъ бульваромъ, и знакомые признавали ее издали по этой кофточкѣ, когда кругомъ всѣ барыни ходили въ гусарскихъ ментикахъ. Августа тратила на туалетъ мало, потому что отецъ былъ скупъ и много не давалъ. Кузины говорили даже, что она отъ этого и не выѣзжаетъ.

Соловой смотрѣлъ на нее нѣсколько минутъ молча, потомъ опять вынулъ часы. Видно было, что передъ этимъ онъ взглянулъ на нихъ машинально.

— Скоро надо ѣхать, сказалъ онъ, отодвигая книгу.

Онъ только и думаетъ о томъ, ка̀къ бы уѣхать! подумала Августа.

*

— Куда же? спросила она равнодушно.—На поѣздъ? Но вѣдь поѣздъ вечеромъ приходитъ.

— Нѣтъ, еще надо съѣздить въ одно мѣсто.

— Вы развѣ обѣдать не останетесь?

— Боюсь опоздать; мнѣ еще даль страшную ѣхать. Туда и оттуда—верстъ пятнадцать. Я послѣднее время ѣзжу, какъ извозчикъ, больше на улицѣ, чѣмъ дома.

— Да̀, вы, дѣйствительно, послѣднее время что̀-то очень заняты.

— Это все по случаю пріѣзда моей родственницы. Надо было устроить ея денежныя дѣла̀.

— На долго она пріѣзжаетъ сюда?

— Право, не умѣю вамъ сказать. Вѣроятно, пробудетъ всю зиму.

— Она—молодая еще женщина?

— Лѣтъ тридцати, двадцати осьми.

— Что̀ она — свѣтская женщина? много выѣзжаетъ?

— Она говоритъ, что не любитъ общества, но это всѣ женщины обыкновенно говорятъ.

— Но жена вашего брата, можетъ быть, составляетъ исключеніе?

— Нѣтъ, я этого не замѣтилъ. По крайней мѣрѣ, тамъ въ провинціи они живутъ всѣ такъ, что или у нихъ гости, или они въ гостяхъ. И, все-таки, вотъ вы услышите, она будетъ говорить, что не любитъ общества.

Августа улыбнулась и промолчала.

— Мнѣ очень интересно, сказала она потомъ:—видѣть жену вашего брата. Я очень много слышала объ ней.

— Отъ Марьи Николаевны, вѣроятно? Вы на ея сужденіе не полагайтесь; она ни о чемъ вѣрнаго понятія дать не можетъ.

— Однако, я отъ нея слышала также много объ васъ, прежде еще, чѣмъ васъ узнала, и вижу, что она представляла васъ довольно вѣрно.

— Она меня представляла? Я воображаю, однако, какое вы мнѣніе обо мнѣ составили по представленіямъ Марьи Николаевны.

— Мнѣніе довольно вѣрное.

— Какое же? Могу я спросить безъ нескромности?

— Можете, только не обижайтесь на отвѣтъ. Вы—человѣкъ, которому нельзя довѣряться.

Онъ съ минуту молчалъ, какъ бы пораженный ея замѣчаніемъ.

— Чѣмъ же это я не оправдалъ довѣрія Марьи Николаевны, что она отзывается обо мнѣ такимъ образомъ?

Слова эти горечью отозвались на сердцѣ Августы. Для него важно то, что̀ думаетъ объ немъ Марья Николаевна, и нисколько не важно то, что̀ думаетъ она.

— Марья Николаевна никогда своего мнѣнія объ васъ мнѣ не высказывала. Я составила его сама изъ ея разсказовъ.

— Что̀ же она могла разсказывать вамъ?

— Очень многое. Разныя подробности вашей жизни. Я вашу жизнь знаю, можетъ быть, лучше, чѣмъ вы думаете.

Соловой пристально посмотрѣлъ на нее. Первый разъ, послѣ того достопамятнаго вечера, онъ такъ прямо и внимательно взглянулъ ей въ глаза. Но въ этомъ взглядѣ она не прочла прежней нѣжности, а что̀-то другое, что̀ сжало ей сердце. Не сказала ли я чего-нибудь лишняго? подумала она и, вмѣстѣ съ этой мыслью, мгновенно вспыхнула. Онъ все также настойчиво смотрѣлъ на нее.

— Мнѣ очень интересно, продолжалъ онъ:—какія же это подробности обо мнѣ могла вамъ сообщить Марья Николаевна?

Августа покраснѣла еще сильнѣе.

— Можетъ быть, я сдѣлала неосторожность, что упомянула объ этомъ. Можетъ быть, вы не желали, чтобъ Марья Николаевна говорила объ васъ, а я невольно выдала ее; но я не думала, чтобы это могло быть для васъ такъ непріятно.

— Отчего вы думаете, что мнѣ это непріятно?

— Я это вижу по вашему выраженію. Но, право, она не говорила ничего особеннаго. Она разсказывала, ка̀къ вы вышли изъ военной службы, объ разныхъ вашихъ исторіяхъ съ начальствомъ... Я не думала, чтобы вы дѣлали изъ этого такую тайну.

Онъ засмѣялся. Взглядъ его потерялъ то напряженное, непріятное выраженіе, которое такъ сконфузило Августу.

— Я вамъ сейчасъ скажу, какую вы ошибку сдѣлали въ представленіяхъ обо мнѣ. Вы слышали тысячу анекдотовъ изъ моего прошлаго и по нимъ составили себѣ понятіе, какъ о такомъ человѣкѣ, для котораго законы не писаны, для котораго ничего святаго нѣтъ. Такъ обо мнѣ въ провинціи и говорили: для него ничего святаго нѣтъ. Но вы забыли, что эти тысячи исторій, хотя бы онѣ даже и справедливы были, случились со мной впродолженіи цѣлой моей жизни, а вамъ представили ихъ такъ, какъ будто со мной каждый день случается по исторіи. У меня были столкновенія, дѣйствительно, но совсѣмъ не такъ часто, какъ вы, можетъ быть, думаете. Когда я былъ помоложе—дѣло другое:

я тогда на всякое сумасбродство былъ способенъ; но теперь и года не тѣ, да и взглядъ на жизнь не тотъ. Теперь ужь настаетъ пора расплаты за прежнія ошибки.

Августа оставила работу и обернулась въ его сторону.

— Всякую ошибку можно поправить, замѣтила она.

— Всякую, вы думаете? Ну, нѣтъ! есть такія, за которыя рано или поздно приходится расплачиваться. Иногда цѣной своего счастья.

— Я не знаю, о какихъ ошибкахъ вы говорите; поэтому, можетъ быть, я и не понимаю васъ.

— Проживите еще десять лѣтъ, сказалъ онъ съ горечью: — тогда и вы увидите то, что̀ каждый изъ насъ, къ сожалѣнію, замѣчаетъ слишкомъ поздно: что надо было совсѣмъ не такъ жить, какъ мы жили. Кто изъ насъ, въ тридцать лѣтъ, не жалуется, что безцѣльно, безтолково убилъ свою молодость? Мы всѣ почти сначала разстроимъ себѣ здоровье, потомъ время потратимъ безъ толку, а потомъ ужь становимся умны. У насъ человѣкъ, когда пріобрѣтетъ себѣ вѣчный хроническій катарръ въ желудкѣ, тогда ужь и начинаетъ понимать жизнь. Только тогда и воли прежней нѣтъ, и сила убита... Что̀ такой человѣкъ можетъ сдѣлать? Будетъ думать только о томъ, чтобы поменьше было тревогъ въ жизни, да побольше покою.

— Что̀ же, спросила Августа тихо:—и вы дошли до той поры, когда въ жизни ищутъ покоя?

— Я жажду его, потому что мое здоровье давно разбито, и мнѣ такая жизнь, какую я веду теперь, давно ужь опротивѣла: она добиваетъ меня. Покой мнѣ необходимъ, но только я едва ли когда-нибудь найду его.

— Отчего же? спросила она, стараясь скрыть овладѣвшее ею волненіе и не поднимая глазъ, чтобы онъ опять не прочелъ въ нихъ горячаго участія къ нему.

Онъ молчалъ и тоже не смотрѣлъ на нее. Въ немъ, видимо, происходила какая-то внутренняя борьба. И это молчаніе было опять такъ похоже на то нѣмое признаніе, которымъ обмѣнялись они въ тотъ достопамятный вечеръ. Августа чувствовала, что сердце остановилось у нея въ груди и что она не можетъ разобрать даже цвѣта той работы, которая лежала у нея на колѣняхъ. Еслибъ онъ только призвалъ ее помочь и поддержать его въ этой жизни, которая стала ему невыносима! Какой свѣтлой дорогой повела бы она его теперь, ка̀къ она окружила бы его тѣмъ покоемъ, котораго онъ тщетно добивался до сихъ поръ!

Но онъ колебался; онъ молчалъ. Онъ не зналъ, съ какой го-

товностью отдалась бы ему эта молодая жизнь, кàкъ по одному слову его она бросила бы все, чтобы жить только для него.

Очарованіе было скоро разрушено.

— Николай Павловичъ еще не ушелъ? спрашивала въ другой комнатѣ Марья Николаевна.

— Чтò вамъ угодно? откликнулся Соловой.

Марья Николаевна вошла запыхавшаяся, съ покраснѣвшимъ отъ мороза лицомъ; она только-что, видно, пробѣжала по двору.

— Кàкъ это? вы еще не уѣхали? Да чтò же это вы сидите? Вы знаете ли, который часъ?

Соловой посмотрѣлъ на часы.

— Успѣю еще, замѣтилъ онъ хладнокровно.

— Вамъ надо еще поѣхать адресъ узнать, объ которомъ Надя просила.

— Я сейчасъ туда и поѣду.

— А оттуда на желѣзную дорогу. Когда же вы успѣете! Надо еще карету для Нади нанять.

Соловой молча взялся за шляпу.

— Да вы вотъ чтò, вы двѣ кареты возьмите, потому что она съ дѣтьми въ одной не усядется.

— Вы напрасно такъ безпокоитесь, сказалъ онъ вдругъ раздражительно:—я знаю, сколько мнѣ каретъ взять—двѣ или одну или двадцать одну.

Марья Николаевна вдругъ притихла. Она его побаивалась.

— Вы, чтò же, спросила она совсѣмъ ужъ другимъ тономъ:— ужò сюда съ Надей заѣдете?

— Я привезу сюда Надежду Николаевну и зайду, конечно.

Онъ молча поклонился и ушелъ.

VII.

Вечеромъ пріѣхала Надежда Николаевна. Миша, который всегда въ сумерки садился играть что-нибудь печальное на скрипкѣ, опрометью бросился вонъ, чтобы не быть свидѣтелемъ при встрѣчѣ двухъ сестеръ. Онъ ужасно не любилъ раскланиваться и никогда безъ надобности не выходилъ къ гостямъ. Изъ боязни, что новая пріѣзжая пойдетъ ходить по всему дому, онъ ушелъ даже въ людскую, увѣренный, что тамъ она его ужъ не найдетъ.

Встрѣча двухъ сестеръ была очень трогательная. Онѣ долго стояли обнявшись и не могли оторваться одна отъ другой, пока

въ комнату не вошелъ самъ старикъ генералъ. Тогда пошли представленія. Пришла Августа, послали-было и за Мишей, но онъ велѣлъ сказать, что его нигдѣ не нашли. Представляли не только пріѣзжую, но и всѣхъ ея дѣтей, которыхъ оказалось четверо; потомъ всѣхъ Марья Николаевна отвела въ приготовленную заранѣе квартиру; потомъ къ чаю опять всѣхъ привела назадъ, кромѣ самаго младшаго, котораго нянька укладывала спать.

Августа съ любопытствомъ смотрѣла на пріѣзжую. Она удивилась ея необыкновенной моложавости. Трудно было повѣрить, что эта женщина ужь двѣнадцать лѣтъ замужемъ и мать четверыхъ дѣтей. У ней еще такой былъ нѣжный цвѣтъ лица и такой блескъ въ глазахъ, что она скорѣй была похожа на молодую, которая недавно пережила свой медовый мѣсяцъ. Одно только немножко выдавало ея года это—излишняя полнота, полнота уже зрѣлыхъ лѣтъ, когда станъ потерялъ свою гибкость. Шея и руки у нея были очень полныя, бѣлыя и красивыя, но фигуры ужь не было; не было той дѣвичьей стройности, которою щеголяла Августа. Одѣта она была въ капотъ, причесана очень просто. Ея темно-бѣлокурые волосы, того густаго, темнаго оттѣнка, который не позволялъ называть ее блондинкой, были гладко зачесаны за уши, открывая бѣлый, нѣсколько сжатый съ боковъ, но очень красивый лобъ. Очень выразительные, голубовато-сѣрые глаза, которыми она быстро взмахивала и въ разговорѣ рѣдко опускала, обдавали какимъ-то нѣжнымъ, теплымъ свѣтомъ. Вся прелесть ея лица была въ этихъ глазахъ. Они придавали ей необыкновенно женственное выраженіе, несмотря на то, что она держала себя очень свободно. Въ ея манерахъ не было той привлекательности, которая была въ ея глазахъ. Даже въ голосѣ ея (она говорила густымъ альтомъ) было что-то жесткое. Но со всѣмъ тѣмъ она была очень симпатична; ея глаза всѣхъ очаровывали.

Тотчасъ же по пріѣздѣ, совсѣмъ еще почти незнакомая въ домѣ, она всѣмъ уже разсказывала разныя исторіи, случившіяся съ ней въ дорогѣ.

— Я телеграмму тебѣ, Маша, не послала; ты не обижайся, пожалуйста, потому что я знаю, что ты—хлопотунья ужасная: ты засуетишься, цѣлый день на мѣсто не присядешь, и къ вечеру у тебя сдѣлается мигрень, и все это безо всякой надобности. Я подумала, что гораздо лучше будетъ послать ее Николаю Павловичу.

— Вотъ ужь нашла человѣка! замѣтила сестра. — Онъ чуть-

было и не забылъ про твою телеграмму; давеча сидѣлъ-сидѣлъ, вдругъ хватился. Слава Богу, что еще во-время, а то съ нимъ бываетъ, что онъ на другой день только вспомнитъ.

Надежда Николаевна засмѣялась.

— Чтò ты мнѣ говоришь! точно я его не знаю. Онъ сейчасъ изъ вагона, вмѣсто моей поклажи, унесъ-было чужую. Насъ ужъ на платформѣ догнали. Позвольте, говорятъ, вы чужія вещи взяли! а онъ, по обыкновенію, не разберетъ ничего и самъ еще имъ говоритъ, что они съ ума сошли, что онъ свои вещи несетъ. Я дергаю его за рукавъ. «Это—не мои вещи, отдайте». Увѣряетъ меня, что мои.

— А все кто виноватъ? вы же, замѣтилъ Соловой.—Зачѣмъ вы столько поклажи съ собой возите? Вѣдь, у васъ цѣлый вагонъ былъ набитъ вашими вещами. У меня иногда одинъ зонтъ съ собой бываетъ, да я и тотъ оставляю въ вагонѣ.

— Есть чѣмъ похвалиться! замѣтила Надежда Николаевна, взмахнувши на него своими сѣрыми глазами.

— Вы на меня не сердитесь, что я такъ, безъ церемоніи? обратилась она уже къ Августѣ, разрѣзая сама хлѣбъ дѣтямъ.— Я терпѣть не могу церемоній, а отъ Маши я слышала, что вы— дѣвушка милая, безъ претензій.

Едва ли ты это слышала, подумала Августа.

— Я у себя тамъ со многими раззнакомилась, потому что ужасно тонныя барыни. Претензіи необыкновенныя! Къ одной зачѣмъ пріѣхала, къ другой—зачѣмъ не пріѣхала, то отчего приняла, то отчего не приняла! А я отъ общества совсѣмъ отвыкла, да и вовсе не люблю общества. Для меня тяжело такое знакомство.

Соловой посмотрѣлъ на Августу, та улыбнулась.

— Чтò такое? вступилась Надежда Николаевна.

— Нѣтъ, ничего; я говорилъ Августѣ Михайловнѣ, что вы общества не любите.

— Вы не вѣрьте ему, пожалуйста! Онъ всегда меня представляетъ какой-то свѣтской львицей. А я по цѣлымъ днямъ сижу дома, вотъ въ этомъ самомъ капотѣ. Еслибъ моя воля была, я бы никогда даже его и не сняла. Чтò такое, въ тридцать лѣтъ, я буду вдругъ порхать, какъ дѣвочка! Моя жизнь ужъ прожита, у меня вонъ ихъ сколько! (она показала на дѣтей). Одного учи, другого лечи... Вотъ должна, по милости ихъ, со всей семьей въ Москву переѣзжать. Маша, не пора ли ихъ увести? Володя совсѣмъ спитъ. Володя, иди, мой другъ, спать. А Олечкѣ надо ванну на ночь сдѣлать, тридцать градусовъ; ты, Маша, посмотри, пожалуйста, хорошенько, а то эта прислуга всегда зря дѣлаетъ.

— Сдѣлаю, все сдѣлаю.

И Марья Николаевна пошла собирать дѣтей, чтобы вести ихъ спать. Сестра проводила ее до дверей, давая наставленія, какъ купать Олечку, потомъ вернулась и стала разсказывать, какъ много хлопотъ съ дѣтьми и какъ никогда не слѣдуетъ довѣрять ихъ прислугѣ. Надежда Николаевна говорила весь вечеръ. Она, видимо, привыкла, чтобы всѣ ее слушали. Она разсказывала о себѣ, о своемъ мужѣ, о своихъ знакомыхъ и, хотя старалась поставить на видъ, что она для себя ужь не живетъ, а живетъ только для семьи, но изъ ея словъ видно было, что это—женщина избалованная, привыкшая повелѣвать. Нѣсколько разъ въ вечеръ она повторила: «Я ужь отжила, я—ужь старуха, мое время ужь прошло!» и Августа, видѣвшая ее первый разъ, ей въ этомъ повѣрила, но кто зналъ ее хорошо, тотъ зналъ, какого высокаго мнѣнія она была о своей красотѣ.

Августа нашла въ ней все привлекательнымъ: ея густой голосъ, ея глаза, ея прическу; ей понравилась даже самая ея манера держать себя въ домѣ такъ, какъ будто она была знакома съ нимъ десять лѣтъ. Въ разговорѣ она уже раза два назвала стараго генерала голубчикомъ и замѣтила ему, что онъ гораздо моложе, чѣмъ она думала. Августѣ она тоже откровенно высказала свое мнѣніе, что она—хорошенькая дѣвушка и предложила даже, если нужно, вывозить ее.

— У меня своя дочь ростетъ, прибавила она: — надо привыкать. Сама танцовать я никогда не любила, но люблю смотрѣть, когда молодежь веселится. Меня всегда сердитъ, когда старье сидитъ за картами и удивляется: «ну, чего они пляшутъ! чего они полъ утаптываютъ! ну, какое тутъ удовольствіе?» Какъ, какое удовольствіе! Да если у меня ноги не ходятъ, развѣ это—резонъ, чтобы и у нихъ ноги не ходили? Мнѣ танцы не доставляютъ удовольствія, но я нисколько не удивляюсь, что они другимъ доставляютъ удовольствіе. Не могу же я, потому что при моихъ лѣтахъ теперь смѣшно было бы прыгать, находить, что какъ это глупо и какъ это смѣшно, когда танцуетъ вотъ такая молодая дѣвушка (она показала на Августу). Можно отказаться отъ нѣкоторыхъ удовольствій, но понимать все-таки, что они существуютъ для другихъ.

— А вы ихъ очень понимаете, замѣтилъ Соловой:—потому что вы еще нынѣшней осенью танцовали въ собраніи. Я помню, еще мы съ братомъ оба заснули тамъ.

— Ахъ, голубчикъ, да неужели же я дѣлала это для себя! Я поѣхала туда, потому что нельзя ужь было не поѣхать. Про

меня и такъ говорили, что я горда и Богъ знаетъ что! что я нигдѣ не показываюсь, нигдѣ не бываю. Это мужу даже могло повредить; я собственно для него это и сдѣлала. Вотъ у насъ всегда такъ! обратилась она уже къ Августѣ.—Поѣхала—зачѣмъ поѣхала! не поѣхала—зачѣмъ не поѣхала! Останься я дома, тотъ же Николай Павловичъ не далъ бы мнѣ покоя: «Да отчего вы не ѣдете? Да что вы сидите! Да вамъ не пятьдесятъ лѣтъ! Да вы изъ себя старуху корчите!» Потомъ милый муженекъ къ нему бы примкнулъ—и крику не оберешься. Поневолѣ ѣдешь! Я разъ больная, едва голову отъ подушки могла поднять, поѣхала на именины, потому что не поѣхать—претензіи! Никто не повѣритъ, что больна была, притворялась! Да я помню, вотъ этотъ самый господинъ (она показала на Соловаго) пришелъ тогда ко мнѣ... одѣвайтесь! «Я больна». Вы совсѣмъ не больны. «Я же вамъ говорю, что я больна». Это вамъ только такъ кажется.

— Вы тогда такъ же были больны, какъ я теперь, замѣтилъ Соловой.

— Ну, скажите пожалуйста! онъ и теперь еще будетъ увѣрять, что я была здорова.

— Разумѣется, вы были здоровы.

Надежда Николаевна пожала плечами.

— Вотъ рекомендую вамъ, вотъ около меня постоянно было такихъ двое: онъ и его братъ. Каково мнѣ было ладить съ такими людьми? Вѣдь это именно нужно наше женское терпѣніе, чтобы уживаться съ ними!

— Пожалуйста, вы не вѣрьте, замѣтилъ опять Соловой:—что у Надежды Николаевны есть какое нибудь терпѣніе. У нея его совсѣмъ нѣтъ.

— Что съ вами сегодня? Вами овладѣлъ духъ противорѣчія. Что, скажите, пожалуйста, обратилась она къ хозяевамъ:—онъ у васъ всегда такой?

— Какой? переспросилъ генералъ, которому безъ картъ начинало ужь дрематься.

— Я говорю всегда то, что есть, началъ Соловой.—Зачѣмъ же вводить людей въ заблужденіе! Здѣсь васъ не знаютъ, могутъ подумать, что вы, въ самомъ дѣлѣ—женщина терпѣливая. Вы не могли даже собственнаго своего сына выучить азбукѣ.

— А назовите мнѣ, пожалуйста, хоть одну мать, которая выучила бы чему нибудь своихъ дѣтей! Это вовсе не оттого, что у насъ терпѣнія нѣтъ, а просто потому, что, если чужой ребенокъ безтолковъ, такъ это мнѣ все равно, а свой—такъ это меня сер-

дить. Я помню, мой Володя... онъ—очень не глупый мальчикъ, а я, бывало, какъ сяду съ нимъ за азбуку, такъ мнѣ кажется, что онъ—и тупой, и непонятливый, ну, просто идіотъ. Я ему говорила даже, бывало: ты, Володя—идіотъ!

— Славная система ученія! замѣтилъ Соловой.

— Потому что мнѣ, какъ матери, понятно, хочется, чтобы ему давалось все легко. Мать всегда думаетъ, что ея дѣти геніальныя. Я поэтому и взяла потомъ гувернантку. Я была мученица; мнѣ все казалось, что у меня сынъ выйдетъ безтолковый. Я въ отчаяніе приходила.

— Да̀, въ отчаяніе-то вы приходили, только изъ этого нисколько еще не слѣдуетъ, чтобы у васъ было терпѣніе.

— Во всякомъ случаѣ, сказала Надежда Николаевна, разгорячившись:—больше, чѣмъ у васъ. На женщинѣ все лежитъ: дѣти больны—она за ними ходитъ! мужъ боленъ—опять она! Ночи не спи; ужь про себя тутъ и забудь, что ты на свѣтѣ существуешь. А жена больна, такъ мужъ и знать ничего не хочетъ: онъ себѣ спитъ за десятерыхъ, да еще попробуй обѣдъ ему не во̀-время подать...

— Не знаю; по крайней мѣрѣ, когда вы были больны, такъ братъ себѣ мѣста нигдѣ не находилъ.

— Я про своего мужа и не говорю ничего; мой мужъ—исключеніе. Я говорю о другихъ мужчинахъ. Вотъ хоть бы объ васъ, напримѣръ.

— Да что̀ же обо мнѣ! засмѣялся Соловой.—Почемъ вы знаете, какой я буду мужъ.

— Вы? Вы—величайшій эгоистъ, какого я только знаю. Если бы у васъ была жена, вы бы ее замучили своими капризами. Той женщинѣ, которую свяжетъ съ вами судьба, нужно терпѣнія больше, чѣмъ какой нибудь другой.

— Вы, однако, хорошо меня рекомендуете. Интересно бы только знать, чѣмъ я заслужилъ такую рекомендацію.

— Мы съ вами оба другъ друга рекомендуемъ; будемъ оба откровенны. Вѣдь, у васъ ужь не ангельскій характеръ! Вѣдь, вы ужь никогда никому ни въ чемъ не уступите. Мужъ мой тоже упрямъ, но съ тѣмъ ладить можно, а съ вами—нѣтъ. Хочу сдѣлать это—сдѣлаю! И тутъ ужь никакія силы, ни земныя, ни небесныя васъ не убѣдятъ.

— Вы серьёзно такого мнѣнія обо мнѣ?

— Очень серьёзно.

— По вашему, стало быть, если я чего нибудь захочу, мнѣ никто въ этомъ помѣшать не можетъ?

Онъ при этомъ посмотрѣлъ на нее черезъ столъ и съ видимымъ любопытствомъ ждалъ ея отвѣта. Она тоже взглянула на него и отвѣтила не сразу.

— Я не знаю, сказала она, наконецъ, смѣясь:—мало ли какіе случаи бываютъ въ жизни! Можетъ быть, и вамъ придется когда нибудь уступить.

— Ка̀къ же вы сейчасъ говорили, что никакія силы, даже небесныя, меня не убѣдятъ?

— Обстоятельства заставятъ уступить. Мало ли что̀ бываетъ въ жизни! Вѣдь вы не всемогущи же, наконецъ!

— Но если я таковъ, какимъ вы меня представляете, такъ я могу и не уступить никакимъ обстоятельствамъ. Вы открыли во мнѣ такую силу характера, какой я самъ въ себѣ не подозрѣвалъ.

— Не характера, а упрямства. У мужчинъ характера нѣтъ! то, что̀ у нихъ называютъ характеромъ, есть упрямство.

Соловой всталъ, чтобы закурить папиросу.

— Вотъ ка̀къ! Вы даже вообще въ мужчинахъ характера не допускаете. Въ комъ же вы его нашли? въ женщинахъ, вѣроятно?

— Да̀, въ женщинахъ, вы не ошибаетесь. Мы вамъ тысячу разъ уступимъ, но въ тысячу первый поставимъ на своемъ! И этотъ тысячу первый разъ будетъ тогда, когда придетъ рѣшительная минута. Когда нужно сдѣлать важный шагъ въ жизни, вы всегда сдѣлаете его такъ, какъ намъ угодно, а не такъ, какъ вамъ. Можетъ быть, мы достигаемъ этого только хитростью, не спорю... Съ вами дѣйствовать откровенно самой любящей, самой преданной женщинѣ—невозможно. Женщина должна хитрить; она иногда поставлена въ необходимость обманывать даже того человѣка, который ей дороже всего на свѣтѣ.

— Мнѣ кажется, замѣтила Августа:—что, гдѣ есть любовь, тамъ обмана не должно быть.

— Милая Августа Михайловна, вы меня извините, но вы—не судья въ этомъ дѣлѣ. Вы еще слишкомъ неопытны. Съ мужчиной, ка̀къ бы вы его ни любили, нельзя иногда не прибѣгнуть къ хитрости. Если вы хотите, чтобы онъ сдѣлалъ что̀ нибудь по вашему, только такимъ путемъ вы и добьетесь этого.

— Отчего же, перебила Августа;—мнѣ кажется, было бы лучше дѣйствовать съ нимъ прямо, честно. Какое же уваженіе, какая же любовь тамъ, гдѣ надо хитрить!

— О, святая простота! Ка̀къ видно, что вы еще не имѣли столкновеній съ людьми. Убѣдить? Убѣдить мужчину? Надо

прежде знать, ка̀къ велико ихъ упрямство, ка̀къ велико ихъ самолюбіе. Онъ не сдѣлаетъ по вашему по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому, что его мнѣніе самое лучшее, его переспорить ужъ нельзя. Онъ никогда не ошибается. Это—разъ; а второе—то, что онъ вамъ изъ самолюбія никогда не уступитъ. Боже васъ сохрани, если вы дадите ему когда нибудь замѣтить, что онъ дѣлаетъ по вашему, а не по своему. Подчиниться женщинѣ? Да это—позоръ! Онъ все наперекоръ сдѣлаетъ, чтобъ только про него не сказали, что онъ находится подъ вліяніемъ женщины. Они всѣ намъ подчиняются, но ни одинъ никогда не сознается въ этомъ.

— Вы, однако, очень лестнаго мнѣнія о силѣ вашего вліянія на насъ, замѣтилъ Соловой.

— Да̀, но чего оно намъ сто̀итъ! Вы не будете спорить конечно, противъ того, что наша привязанность и глубже, и сильнѣе вашей. Мы готовы на всякія жертвы для васъ. Вы поклоняетесь только самимъ себѣ. Для женщины весь міръ въ томъ человѣкѣ, котораго она любитъ. Мужчина прежде всего думаетъ о томъ, чтобы ему было хорошо.

— Позвольте, однако; вы сейчасъ только говорили, что мы всѣ вашу волю творимъ.

— Да̀, но вы развѣ это сознательно дѣлаете? Я объ томъ-то и говорю, чего намъ сто̀итъ наше вліяніе! И вотъ что̀ еще мнѣ всегда казалось странно: наша любовь и искреннѣе, и сильнѣе вашей, а между тѣмъ, все таки подчиняемся не мы вамъ, а вы намъ. Женщина часто отдаетъ вамъ свою жизнь, вы ей вполовину не платите за ея привязанность и все таки глядите на вещи ея глазами. Повидимому, ей бы скорѣй подчиниться вамъ... Отчего же вы ей подчиняетесь? часто даже безъ любви; по крайней мѣрѣ, безъ той любви, которую она вамъ отдала. Отчего нравственная сила всегда на нашей сторонѣ?

— Мнѣ кажется, это очень понятно, сказалъ Соловой.—Если ваша любовь, вы говорите, сильнѣй, такъ она заставляетъ васъ вглядываться въ человѣка, изучать всѣ его слабыя, всѣ его хорошія и дурныя стороны; вся ваша жизнь проходитъ въ изученіи этого человѣка, а онъ, конечно, не можетъ посвятить свою жизнь на изученіе васъ. У него есть другіе интересы. Ну, вы, понятно, и остаетесь въ выигрышѣ. Вы знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло.

— Да̀? Вы такъ это объясняете? Я это объясняю иначе. По моему, у женщины есть именно характеръ, есть нравственная сила, которой у васъ нѣтъ. Объ женской слабости много гово-

рать, и мы ужь привыкли къ тому, что мы—слабыя созданія, а вы—наша опора. Но придетъ критическая минута, и мы посмотримъ тогда, кто скорѣй найдется, женщина или мужчина. Я голову свою даю на отсѣченіе, что мужчина всегда потеряется...

Соловой засмѣялся.

— Если у васъ есть лишняя голова—отдавайте; но если она у васъ одна, то поберегите.

Надежда Николаевна съ недовольнымъ видомъ поглядѣла на него. Щеки у нея раскраснѣлись.

— Я тысячу примѣровъ видѣла, Николай Павловичъ, что женщины выручали изъ бѣды мужчинъ, которые терялись самымъ постыднымъ образомъ.

Она помолчала и потомъ прибавила:

— Да зачѣмъ далеко ходить! Я возьму хоть своего мужа. Никто не откажетъ ему ни въ умѣ, ни въ порядочности; никто не скажетъ, чтобы онъ былъ трусъ или даже малодушенъ. А, между тѣмъ, я видала минуты, когда онъ положительно становился жалокъ—такъ онъ не умѣлъ найтись, такъ онъ падалъ духомъ. Вотъ тогда-то женщина и призывается на помощь. И во всѣхъ семейныхъ бѣдствіяхъ не мужъ жену поддерживаетъ, а жена—мужа! Мужчина, если даже въ денежныхъ дѣлахъ запутается и вдругъ видитъ, что ему грозитъ тюрьма—вы думаете, что онъ станетъ искать способы, чтобы выпутаться изъ этого? Никогда! Онъ рвать на себѣ все будетъ съ отчаянія, онъ петлю себѣ на шею надѣнетъ, но ужь подумать, поразмыслить объ чемъ нибудь... этого онъ ужь не можетъ. Онъ совсѣмъ упалъ духомъ. Женщина въ такихъ случаяхъ—совсѣмъ не то; она въ другихъ случаяхъ можетъ быть капризна, малодушна, но тутъ-то у нея и является сила. Въ отчаяніе женщина ужъ такъ легко не придетъ. А у васъ какое разрѣшеніе вопроса? чуть что̀ запуталось—пулю въ лобъ! Въ карты проигрался—застрѣлился! По службѣ непріятности—застрѣлился! Влюбился неудачно—застрѣлился. И это—характеръ? У васъ, кромѣ упрямства, ничего нѣтъ!

— Стрѣляются нынче—это просто ни на что̀ не похоже, сказалъ дремавшій генералъ.—И все, вѣдь, мальчишки, гимназисты разные...Недавно я читалъ въ газетахъ... Когда это, вчера или третьяго дня... гимназистъ одинъ влюбился въ сорокалѣтнюю барыню и выстрѣлилъ себѣ въ животъ. Ахъ, подлецъ! нашелъ куда стрѣлять—въ животъ! Я еще потомъ Марьѣ Николаевнѣ говорю: слышали, говорю, Марья Николаевна, гимназистъ одинъ въ животъ себѣ выстрѣлилъ. Та вѣрить не хотѣла. Подлецы ужасные!

Тутъ пришла нянюшка спросить у барыни, куда они изволили убрать фланелевыя одѣяльца, да что Марья Николаевна ищутъ ту траву, которую на ночь Олечкѣ завариваютъ, и не найдутъ никакъ.

Надежда Николаевна встала.

— Нѣтъ, видно, самой надо идти. Маша тамъ захлопоталась совсѣмъ. Дайте-ка мнѣ, голубчикъ, мой платокъ, обратилась она къ Соловому.—Я его тамъ на стулѣ бросила.

— Вы утомились, я думаю, послѣ дороги, замѣтила Августа.

— Кто? я-то? Нѣтъ, я никогда не утомляюсь. Я даже и сплю очень мало. У меня удивительная натура: я могу не ѣсть, не спать по нѣскольку дней и здоровѣй буду, чѣмъ кто нибудь. Вообще, здоровьемъ я могу похвалиться. Никакихъ простудъ, ничего этого я не знаю. Въ жизни своей не носила теплыхъ сапогъ, никакихъ теплыхъ платковъ на головѣ...

— И очень дурно дѣлали, сказалъ Соловой, надѣвая ей на плечи шаль.—Вотъ когда на именины ѣхать, такъ вы больны, а такъ вотъ своимъ здоровьемъ рискуете.

— Дà, не хорошо, не хорошо, вступился генералъ, обрадованный тѣмъ, что гостья, наконецъ, уходитъ и ему тоже можно идти спать.—Надо беречь здоровье; для дѣтей надо беречь. У васъ ихъ много.

— Эта барыня черезъ двѣ недѣли послѣ родовъ на балу танцуетъ, продолжалъ Соловой.

— Ахъ, отстаньте вы, пожалуйста! Мало ли чтò! десять лѣтъ тому назадъ было.

— Вотъ это у женщинъ называется характеромъ. «Чтò-жъ такое? Отчего-жъ мнѣ не поѣхать!» Да вы умереть можете. «А, можетъ быть, и не умру».

— Учитель! Вѣчно всѣхъ учитъ. Вотъ не дай Господи съ такимъ человѣкомъ жизнь прожить! Никогда не выходите за него замужъ, сказала она Августѣ, смѣясь.

Августа поблѣднѣла. Чтобы скрыть свое смущеніе, она взяла свѣчку и хотѣла съ этой свѣчкой идти провожать ее.

— Не надо, мой другъ, не надо. Онъ меня проводитъ; пусть его пройдется немного.

Она нѣжно отвела ея руку и обернулась въ сторону Солового, который молча взялъ шляпу.

— Вы ничего больше не надѣнете? спросила ее Августа.

— Ничего. Я всегда такъ хожу.

И въ однѣхъ прюнелевыхъ ботинкахъ, накрывши только пле-

чи шалью, она пошла черезъ дворъ къ себѣ на квартиру. Соловой пошелъ провожать ее.

— Бестія—баба! замѣтилъ генералъ, когда Надежда Николаевна ушла къ себѣ.

И сейчасъ же пошелъ спать; а дочь его долго еще ходила по комнатамъ, пользуясь тѣмъ, что прислуга дожидалась Марью Николаевну и не тушила лампы. Генерала, наконецъ, стали безпокоить ея шаги.

— Чтò ты тамъ ходишь? крикнулъ онъ ей черезъ двери.

— Ничего, я такъ. Марья Николаевна еще не пришла.

Прошло минутъ десять. Она все ходила.

— Да чтò ты, ищешь тамъ чтò нибудь?

— Нѣтъ, ничего; я такъ.

VIII.

Любовь недовѣрчива. Августа стала ужъ сомнѣваться въ томъ, чтобы у Солового было какое нибудь чувство къ ней. На чемъ были построены всѣ ея мечты? На нѣсколькихъ взглядахъ? Но чтò значатъ взгляды? Онъ отлично доказалъ ей теперь, что они ничего не значатъ. И близкое, казалось, счастіе снова ускользало съ ужасающей быстротой.

Каждый новый день не сближалъ, а, напротивъ, отдалялъ ихъ. Она съ ужасомъ думала о томъ, что такъ легко, такъ необдуманно поддалась увлеченію. Надо было прежде увѣриться во взаимности и тогда ужъ отдаваться любви, а до тѣхъ поръ всѣми силами бороться съ ней. А она?.. Чтò она сдѣлала? Она по цѣлымъ днямъ думала о немъ. Августа дала себѣ слово не думать больше о немъ, но какъ только старалась она объ этомъ, такъ онъ тутъ и стоялъ все передъ глазами. Все дѣло выпало у нея изъ рукъ; она увидала, что безсильна противъ этого очарованія. И сознаніе этого безсилія мучило ея душу. Она чувствовала минутами презрѣніе къ себѣ и какую-то ненависть къ тому, кто довелъ ее до этого состоянія; но минуты эти проходили, и одно чувство безотчетной безграничной нѣжности охватывало ея сердце. За чтò она любила его—она и сама не знала; но она любила его и не могла ужъ разлюбить.

Она пробовала разочаровать себя въ немъ, старалась отыскать въ немъ дурныя стороны—нѣтъ, даже самые недостатки его казались ей привлекательны. Если бы она влюбилась въ его

воображаемыя достоинства — ей легче было бы развѣнчать его. Но она любила его такъ, какъ онъ есть, со всѣми его недостатками, и тутъ ужъ не къ чему было прибѣгнуть, чтобы убить въ себѣ чувство! Онъ не былъ идеаломъ ея; онъ вовсе не сосредоточивалъ въ себѣ тѣхъ идеальныхъ понятій о мужчинѣ, которыя всякая дѣвушка создаетъ въ своемъ воображеніи, но въ немъ она нашла что̀-то близкое, родное, на что̀ сразу откликнулось ея сердце. Все влекло ее къ нему, къ нему одному, когда много другихъ мужчинъ проходило незамѣченными у нея на глазахъ. Въ свѣтѣ она видала людей и болѣе красивыхъ, и болѣе блестящихъ, и съ лучшимъ положеніемъ въ обществѣ; но тѣ были ей чужіе, а этотъ—близкій, дорогой...

Не можетъ быть, думала она иногда, чтобы это чувство было только во мнѣ одной. Между нами есть какая-то тайная связь, есть что̀-то, что̀ сближаетъ насъ помимо нашей воли. Не можетъ быть, чтобы судьба, сблизивши насъ на одно мгновеніе, разлучила потомъ навѣки!

Но вспыхивавшая въ ней тогда вѣра въ его любовь также скоро опять и потухала. Онъ ничѣмъ не поддерживалъ ея. Съ пріѣздомъ Надежды Николаевны, онъ даже сталъ рѣже бывать у нихъ, да и во время этихъ рѣдкихъ посѣщеній иногда часъ-другой просиживалъ у своей родственницы, когда она не считала нужнымъ сходить внизъ, въ квартиру генерала. Марья Николаевна сама теперь, съ пріѣздомъ сестры, всякую свободную минуту проводила у нея. Дѣти совсѣмъ перешли на ея попеченіе. Началось разъѣзжанье по докторамъ, отыскиванье учителей. Надежду Николаевну съ утра уже видали въ шляпкѣ, всегда озабоченную. Каждый день ей приводили карету, въ которую она садилась съ больнымъ сыномъ и ѣздила съ нимъ по клиникамъ и по всѣмъ возможнымъ докторскимъ пріемнымъ. Возвращалась оттуда она всегда раздраженная и бранила московскихъ докторовъ.

— Помилуй, Маша, говорила она, когда Марья Николаевна пробовала ее успокоить:—я бы имъ формально запретила лечить. Ка̀къ же, помилуй, ни одинъ болѣзни не умѣетъ опредѣлить. Одинъ говоритъ, что у мальчика золотуха, другой говоритъ искривленіе позвоночнаго столба, третій нашелъ, что у него какая-то перепонка тонка, четвертый говоритъ: «ничего у него нѣтъ! это — ваше воображеніе». Я голову совсѣмъ потеряла. Спрашиваю, чѣмъ кормить ребенка? «Мясомъ кормите». Поѣхала къ другому. «Чѣмъ кормите?» Мясомъ. «Вы бы, гово-

рить, ему еще мышьяку дали». И дерзкіе какіе! Одинъ на меня просто крикнулъ, кàкъ я смѣла замѣтить, что онъ съ ребенкомъ неостороженъ.

Надежду Николаевну больше всего сердило то, что доктора съ ней грубы и непредупредительны. Она въ провинціи была избалована и привыкла къ тому, чтобы всѣ передъ ней преклонялись. Она даже противорѣчій не любила. И вдругъ московскіе доктора даже знать не хотѣли, кто она такая, и оказали ей полное невниманіе. Она разъ, въ гнѣвѣ, принесла и побросала на столъ ихъ рецепты, объявляя, что она сына скорѣй уморитъ, а по этимъ рецептамъ лечить не станетъ. Сестра попробовала было ее уговаривать.

— Оставь, пожалуйста, Маша! Сдѣлай милость, не учи меня. Прописываютъ чортъ знаетъ чтò, чтобы только деньги съ меня взять. Все сейчасъ выкинуть! Гдѣ нянька? Позовите мнѣ няньку. Возьмите сейчасъ всѣ эти пузырьки, стклянки, все выбросьте вонъ! все до тла. Тамъ у меня на коммодѣ банка съ мазью стоитъ, и банку выкинуть!

Марья Николаевна спасла потихоньку отъ крушенія чтò успѣла и спрятала къ себѣ подъ замòкъ. Всѣ рецепты сестра ея собственноручно сожгла въ каминѣ. Она въ этотъ день какъ-то особенно была раздражена: никто ей не могъ угодить. Дѣтей она всѣхъ отослала внизъ къ генералу, потому что они ее раздражаютъ. Вечеромъ, она пришла туда сама и вдругъ съ запальчивостью напала на Марью Николаевну за то, что та не могла выбрать хорошаго учителя для ея сына.

(Всѣ хлопоты по отыскиванью учителей и прислуги лежали на Марьѣ Николаевнѣ).

— Вотъ, Маша, тебѣ вѣдь нельзя сказать, я знаю, что ты сейчасъ обидишься; но помилуй, какого ты дурака взяла для Володи! Онъ мнѣ всѣ нервы разстроилъ. Ходитъ вѣчно грязный, брюки въ сапоги, безъ бѣлья. Какъ-то недавно апельсины подали; я смотрю, онъ съ апельсина кожу содралъ, спряталъ ее въ карманъ, потомъ апельсинъ съѣлъ, потомъ вынулъ кожу и тоже съѣлъ. Помилуй, Маша, кàкъ это можно! Послѣ этого, и Володя мой будетъ кожу съ апельсина съѣдать.

— Ахъ! ну, такъ ищи, матушка, учителей сама, обидѣлась Марья Николаевна.—Я никогда на тебя угодить не могу. Сдѣлай одолженіе, ищи сама.

— И отыщу, конечно. Точно въ Москвѣ трудно сыскать! Завтра же пошлю объявленіе въ газеты.

*

— Я этому деньги впередъ за мѣсяцъ отдала, замѣтила Марья Николаевна.

— Хоть бы за годъ впередъ! Пусть деньги пропадаютъ. Я его больше ни одного дня держать не стану.

— Ка̀къ основательно! сказалъ Соловой, который передъ этимъ только-что пришелъ.—Вотъ женщину-то съ терпѣніемъ сейчасъ видно.

— Убѣдите хоть вы ее! съ отчаяніемъ воскликнула Марья Николаевна.—Просто съ ней ладу никакого нѣтъ. Доктора сквербы, учителя не хороши. Вѣдь эдакъ же нельзя!

— Лѣвой ногой встали нынче, Надежда Николаевна? спросилъ онъ съ усмѣшкой, подавая ей руку.

— Я измучена сегодня. У меня голова кругомъ идетъ. Олечка стала опять хворать. Сонѣ экзаменъ надо держать въ гимназіи; боюсь, что эта еще не выдержитъ. Да просто, я хуже этой Москвы ничего не знаю! Я или уѣду отсюда, или напишу мужу, чтобы онъ пріѣзжалъ.

— Ничего этого не нужно, продолжалъ Соловой хладнокровно.—Да думайте, пожалуйста, поменьше объ воспитаніи вашихъ дѣтей — вы ихъ все равно воспитывать не умѣете. Учителя я вамъ найду; предоставьте это мнѣ.

— Я это ужъ давно слышу.

— Я вамъ сказалъ, что, пока вы будете вмѣшиваться въ воспитаніе дѣтей, я не буду вмѣшиваться. Если вамъ угодно, чтобы я сдѣлалъ что̀ нибудь, предоставьте это мнѣ, потому что, я васъ предупреждаю, я не стану вамъ рекомендовать учителя для того, чтобы вы потомъ отослали его, какъ лакея. Дѣло съ нимъ имѣть буду я, а не вы.

Надежда Николаевна молчала. Ея нѣжные глаза приняли только выраженіе досады.

— Володя, поди сюда, продолжалъ Соловой, обращаясь къ мальчику лѣтъ десяти. Мальчикъ этотъ бѣлокурый, болѣе другихъ дѣтей похожій на мать, ходилъ съ косымъ проборомъ, въ черной бархатной курточкѣ съ бѣлыми отложными воротничками и въ высокихъ сапогахъ. Всѣ дѣти Надежды Николаевны были одѣты щеголевато. Видно, что мать заботилась объ ихъ наружности.

— Володя, чему тебя теперешній твой учитель учитъ?

— Всему.

— Ну, а ка̀къ всему? ариѳметикѣ учитъ?

— Да̀.

— Ну, что̀-жъ, ты хорошо ее знаешь?

— Хорошо. Впрочемъ, нѣтъ, не очень. Онъ мнѣ давеча далъ одинъ на одинъ раздѣлить. Я дѣлалъ-дѣлалъ, у меня и вышелъ милліонъ.

— Вотъ вамъ! воскликнула Надежда Николаевна.—Вы видите, какое это ученіе!

Въ эту минуту въ комнату вошла Августа. Она была очень серьёзна, даже печальна. Она молча заняла свое мѣсто около стола. Соловой украдкой посмотрѣлъ на нее; она не отвѣчала ему на этотъ взглядъ. На лицѣ ея была какая-то сдержанная сосредоточенность, какъ и у брата, когда онъ упорно молчалъ по цѣлымъ часамъ. Родственное сходство ихъ было теперь замѣтнѣе, чѣмъ когда нибудь.

Прошло нѣсколько дней. Разъ какъ-то, когда Надежда Николаевна праздновала свое рожденіе и всѣхъ звала къ себѣ, Соловой зашелъ на минуту къ Охлыстышевымъ съ тѣмъ, чтобы отдать генералу какую-то книгу, которую тотъ у него просилъ. Генералъ еще спалъ послѣ обѣда. Дома была одна только Августа, но и та одѣвалась у себя въ комнатѣ. Соловой оставилъ книгу и хотѣлъ ужъ уйти, когда ему сказали, что барышня проситъ его подождать, онѣ сейчасъ выйдутъ. Онъ удивился и прошелъ въ гостиную, гдѣ нѣсколько времени ходилъ въ полумракѣ, потому что лампы не зажигались по случаю того, что господъ не будетъ дома, а только на одномъ изъ подзеркальныхъ столиковъ горѣла одинокая свѣчка.

Сердце его было не совсѣмъ спокойно. Чтò за странное желаніе вдругъ непремѣнно видѣть его, когда черезъ нѣсколько минутъ они могли увидаться у Надежды Николаевны? Чего она хотѣла отъ него? Онъ перебиралъ въ умѣ своемъ всѣ предположенія: можетъ быть, просьба какая нибудь или порученіе, или просто такъ хотѣла сказать ему нѣсколько словъ, сдѣлать выговоръ, зачѣмъ онъ рѣдко бываетъ. Но все это было мало похоже на нее. Нѣтъ, Августа не такова! онъ зналъ ее. Она не пригласила бы его для того, чтобы просидѣть съ нимъ нѣсколько минутъ въ гостиной. Порученій она ему никогда не давала. Просьба? Но какая... Объ чемъ она могла просить его?..

Она вошла, наконецъ, осторожно притворяя за собой дверь. Ея шелковое платье зашумѣло по полу. Она была одѣта очень парадно, показалось ему; впрочемъ, онъ не могъ разобрать хорошенько, чтò именно было на ней надѣто. Она подошла къ нему молча и также молча подала ему руку. Онъ не могъ разглядѣть ея черты, но рука была холодна. Его удивило ея молчаніе. Она сдѣлала еще два шага и стала теперь въ полъ-оборо-

та къ свѣчкѣ. Огонь освѣтилъ тогда ея шелковое, стального цвѣта платье, бѣлый тюль, густыми складками закрывавшій ея шею и ея профиль, строго-красивый, но безжизненный, какъ у статуи. Только рѣсницы слегка вздрагивали у нея. Не поднимая глазъ, голосомъ тихимъ, но нервнымъ и даже прерывавшимся, наконецъ, сказала ему:

— У меня есть до васъ просьба.

Онъ весь былъ вниманіе, и даже тревога ея частію какъ будто отразилась и на немъ. По ея голосу, по ея выраженію, онъ понялъ, чтó просьба эта будетъ не пустая.

— Чтó вамъ угодно? спросилъ онъ, стараясь ничего еще не выразить, кромѣ вѣжливаго ожиданія.

— Моя просьба довольно странная. Вы очень удивитесь ей.

Она остановилась, какъ будто ожидая помощи съ его стороны, но онъ молчалъ; онъ рѣшительно не зналъ, чтó сказать ей. Она почти съ мольбой взглянула не на него, но куда-то въ сторону, какъ будто призывая теперь эту помощь свыше; но ея не было ни откуда. Надо было докончить то, чтó она начала.

— Я хочу просить васъ, сказала она вдругъ твердо, поднимая на него съ какой-то рѣшимостью свои черные глаза:—чтобы вы нѣсколько времени не ѣздили къ намъ. Для васъ это будетъ очень легко сдѣлать, а для меня это... это очень важно.

Онъ какъ-то даже отшатнулся отъ нея.

— Могу я спросить о причинѣ этой просьбы?

Она почти съ укоризной посмотрѣла на него. Ея лицо сохраняло теперь то строго-печальное выраженіе, которое оно приняло съ той минуты, когда первыя, страшныя словà были сказаны.

— Вамъ нужно знать причину непремѣнно? Хорошо, я вамъ скажу ее, потому что, я увѣрена, вы сдѣлаете то, о чемъ я васъ прошу. Вы сдѣлаете это, потому что вы этимъ спасете меня отъ большаго горя. Причина та, что я люблю васъ, и знаю, что вы меня не любите.

— Но я тоже люблю васъ, сказалъ онъ просто.

Вся рѣшимость мгновенно исчезла съ ея лица. Она вздрогнула и вдругъ, какъ-то широко раскрывши глаза, вся замерла въ нѣмомъ ожиданіи. Ея храбрость, ея отчаяніе — все исчезло; осталась только женщина и женщина испуганная, захваченная врасплохъ. Его словà были совершенной неожиданностью для нея. Она пришла сюда съ тѣмъ, чтобы покончить съ своей любовью и, довѣрившись ему, просить его, чтобы онъ самъ помогъ въ этомъ, какъ единственный человѣкъ, который могъ это сдѣ-

лать. Она шла сюда въ полной увѣренности, что онъ исполнитъ ея просьбу. Она шла не любви его просить, а только его же помощи противъ этой любви. Надежду на взаимность онъ послѣднее время убилъ въ ней своимъ поведеніемъ окончательно. Она видѣла, что эта любовь только губитъ ее и что выходу даже нѣтъ: видя его каждую недѣлю, ка̀къ могла она забыть его, ка̀къ разлюбить его? Ужасъ охватывалъ ее при мысли, что̀ ждетъ ее впереди. Надо было рѣшиться на что̀ нибудь. Она видѣла только одинъ исходъ — признаться во всемъ ему! Онъ не могъ осудить ее за это признаніе... А если-бъ даже и осудилъ, что̀ изъ этого? Онъ не могъ отказать ей въ ея просьбѣ.

Августа была рѣшительна. Она преодолѣла свою гордость и, воспользовавшись первымъ случаемъ, вышла къ Соловому, чтобы высказать ему свою горькую просьбу. Лучше минутное униженіе, думала она, чѣмъ это вѣчное мучительное состояніе, которое убиваетъ мою жизнь, мои силы, мою молодость. Она съ какимъ-то презрѣніемъ къ себѣ входила въ ту комнату, гдѣ стоялъ онъ, ея судья, онъ, который отнынѣ узнаетъ ея тайну и, можетъ быть, мысленно произнесетъ ей свой приговоръ.

И вдругъ она увидала, что не судья стоитъ передъ ней, а опять тотъ близкій, родной человѣкъ, котораго она видѣла въ своихъ мечтахъ. Онъ—ея любовь, ея опора... Онъ самъ смущенный, потерянный стоялъ передъ нею, не зная, что̀ сказать ей еще. Но отчего же такъ мало обрадовало его это признаніе? Отчего не вспыхнулъ огонь въ его глазахъ? отчего не нашелъ онъ словъ, чтобы выразить ей свой восторгъ? Августа не смѣла еще взглянуть на него, но на ея за минуту еще безжизненномъ лицѣ выступилъ румянецъ. Стыдъ и страхъ, и радость все сгущали эту чуть замѣтную сначала краску, пока, наконецъ, не вспыхнуло все лицо, а за нимъ и шея, и уши. Вся она стояла, какъ въ огнѣ.

— Еслибъ я знала, сказала она чуть слышно:—еслибъ я знала, что вы любите меня, я бы никогда вамъ въ этомъ первая не призналась.

— Отчего же? спросилъ онъ такъ же тихо.

— Нѣтъ, я бы не призналась.

Она ждала, что онъ подойдетъ къ ней ближе, что онъ скажетъ ей что̀ нибудь; она ждала отъ него словъ любви, но онъ молчалъ.

Ее удивило его молчаніе. И, по мѣрѣ того, какъ ей видимой становилась его нерѣшительность, ея собственная смѣлость возвращалась къ ней. Она почти съ недоумѣніемъ взглянула на не-

го. Молчаніе это начинало тяготить ее, оно становилось неловкимъ. Неужели онъ ничего больше не находилъ сказать ей? Неужели любовь, одна любовь могла такъ измѣнить его?

Онъ, наконецъ, какъ будто очнулся.

— Что̀ же? спросилъ онъ:—мнѣ можно бывать теперь попрежнему?

Она взглянула на него съ любовью.

— Не попрежнему, а чаще гораздо.

— Нѣтъ, сказалъ онъ рѣшительно:—я не могу бывать чаще. Наши отношенія по виду не должны мѣняться.

— Отчего? спросила она съ изумленіемъ.

— Августа Михайловна... (Онъ остановился и какъ-то мучительно посмотрѣлъ ей въ глаза). Вашъ отецъ никогда не отдастъ васъ за меня.

— Отчего? спросила она все съ тѣмъ же тревожнымъ изумленіемъ.

— Я—человѣкъ безъ состоянія, по крайней мѣрѣ, безъ такого состоянія, какого онъ ищетъ. Онъ ищетъ вамъ другой партіи. Онъ знаетъ, что вы достойны не того, что̀ я вамъ могу предложить. Вы заслуживаете, конечно, лучшей участи.

Августа поблѣднѣла.

— Что̀ же? Мы должны разстаться?

— Никогда! сказалъ онъ горячо.—Никогда! Если вы отдали мнѣ свое сердце, ка̀къ ни мало я заслуживаю его, но если вы отдали мнѣ ваше сердце... вы не посмотрите на мое состояніе. Я слишкомъ хорошо знаю васъ, и, если я кому нибудь покланяюсь, такъ это вамъ, только вамъ однимъ. Я не считалъ до сихъ поръ возможнымъ, чтобы вы могли принадлежать мнѣ. Но теперь, когда вы сами предложили мнѣ это счастіе... Я долженъ сдѣлать все, чтобы достичь его. И я достигну его, если только....

Онъ остановился и какъ бы съ усиліемъ докончилъ.

— Если только вы довѣритесь мнѣ.

— Я вамъ во всемъ довѣрюсь, сказала она, поднимая на него свои просіявшіе радостью глаза.

— Если такъ, я васъ буду просить только объ одномъ: пусть все, что̀ произошло между нами, останется пока тайной для другихъ.

— И даже для отца?

— Для него болѣе, чѣмъ для кого-нибудь. Добровольно онъ васъ не уступитъ мнѣ; но я знаю, ка̀къ мнѣ поступить. Мнѣ нужно только время и... и полная тайна для всѣхъ, кромѣ насъ съ вами.

— Но, вѣдь, когда-нибудь нужно же будетъ открыть, замѣтила Августа нерѣшительно.

— Непремѣнно; но только не теперь.

Она молчала и видимо задумалась.

— Развѣ не лучше, прибавилъ онъ тихо:—если мы одни будемъ знать, кàкъ мы близки, кàкъ мы дороги другъ для друга. Неужели вамъ хотѣлось бы теперь, чтобы наше чувство было извѣстно другимъ?

— Дà, это правда. Мнѣ пріятно, что наша тайна принадлежитъ намъ однимъ. Я не хотѣла бы, чтобы другіе знали объ этомъ.

Онъ обрадованными, нѣжными глазами посмотрѣлъ на нее. Теплота этого взгляда охватила всю душу ея восторгомъ; въ немъ видѣлась такая безпредѣльная любовь къ ней.

Онъ съ какимъ-то усиліемъ отвелъ отъ нея глаза и попробовалъ смотрѣть въ сторону, но потомъ не выдержалъ и опять посмотрѣлъ на нее. Она стояла все тамъ же, около свѣчки, задумчиво опустивъ глаза, а въ зеркалѣ отражался ея профиль, но уже не строгій и печальный, какъ давеча, а какой-то задумчиво-счастливый. Точно великая загадка разрѣшалась теперь въ ея душѣ, и новая, чудная жизнь открывалась впереди, и она остановилась на порогѣ и не знала, уйти ли или оглянуться еще разъ на свое прошлое? Жалѣть ли его, или радостно проститься съ нимъ? Назадъ ли взглянуть, или смотрѣть только туда, въ эту чудную даль?.. И эта даль, которая, въ дѣйствительности, шла только отъ зеркала до противуположной стѣны, необъятной ширью развертывалась передъ ней, и на губахъ остановилась неувѣренная, радостная улыбка...

Онъ прислонился къ двери и смотрѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ, какъ будто готовъ былъ всю жизнь такъ смотрѣть на нее. Потомъ вдругъ, какъ бы очнувшись, сказалъ испуганно:

— Пора идти, однако; насъ тамъ давно, я думаю, ждутъ.

— Дà, отозвалась Августа нерѣшительно:—надо идти.

Ей очень не хотѣлось уходить. Она знала, что не скоро дождется опять случая остаться съ нимъ наединѣ.

— Пойдемте, повторилъ онъ настойчиво.—Мы будемъ цѣлый вечеръ вмѣстѣ, прибавилъ онъ ей въ утѣшеніе.

Зачѣмъ онъ такъ спѣшилъ уйти? Кàкъ могъ онъ думать теперь о постороннихъ вещахъ, когда она ни о чемъ не могла думать, кромѣ него? Онъ какъ будто былъ менѣе счастливъ, чѣмъ она...

Въ передней лакей сказалъ имъ, что сейчасъ отъ Надежды Николаевны присылали.

— За кѣмъ? спросилъ Соловой.

— За барышней. Да и объ васъ спрашивали. Спрашивали, тутъ ли вы. Я сказалъ, что здѣсь. Чтò, барина-то прикажете будить? обратился онъ ужь къ Августѣ.

— Буди, конечно! отвѣчала она, выходя на крыльцо и опираясь на руку того, кто, думала она, будетъ ея поддержкой на всю жизнь.

Конецъ первой части.

С. Смирнова.

БОГАТЫЯ НЕВѢСТЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Анна Аѳанасьевна Цыплунова, пожилая дама.
Юрій Михайловичъ Цыплуновъ, ея сынъ, лѣтъ 30-ти.
Всеволодъ Вячеславичъ Гнѣвышовъ, важный баринъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ, лѣтъ подъ 60-тъ.
Валентина Васильевна Бѣлесова, дѣвица лѣтъ 23-хъ.
Антонина Власьевна Бѣдонѣгова, богатая вдова, купчиха, лѣтъ подъ 40-къ.
Виталій Петровичъ Пирамидаловъ, мелкій чиновникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ подмосковной мѣстности, занятой дачами.

Съ правой стороны (отъ зрителей) чугунная рѣшетка и такія же ворота, за рѣшеткой садъ; съ лѣвой стороны небольшой палисадникъ, обнесенный не высокой загородкой, у загородки скамейка; въ глубинѣ роща.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бѣдонѣгова *сидитъ на скамейкѣ.* Пирамидаловъ *выходитъ изъ чугунныхъ воротъ.*

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Честь имѣю кланяться, Антонина Власьевна. Что̀ вамъ угодно?

Бѣдонѣгова.

Да подойдите поближе, не укушу я васъ.

Пирамидаловъ.

Ахъ, Антонина Власьевна, я съ ногъ сбился. Ихъ превосходительство... на дачѣ ихъ нѣтъ... Вы не видали Всеволода Вячеславича?

Бѣдонѣгова.

Да я и не знаю совсѣмъ, какой онъ такой вашъ Всеволодъ Вячеславичъ.

Пирамидаловъ.

Какъ? Вы не знаете генерала Гнѣвышова, Всеволода Вячеславича?

Бѣдонѣгова.

Да онъ—холостой?

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, женатый.

Бѣдонѣгова.

Такъ зачѣмъ мнѣ и знать-то его! Пойдемте ко мнѣ чай пить.

Пирамидаловъ.

Да, помилуйте, какой чай! Мнѣ Всеволода Вячеславича нужно видѣть; приказали встрѣтить ихъ здѣсь въ 6-ть часовъ. Боюсь, не опоздалъ-ли. (*Смотритъ по сторонамъ*).

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Что вамъ угодно?

Бѣдонѣгова.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, я себѣ никакого удовольствія не вижу.

Пирамидаловъ.

Ахъ, очень жалѣю, очень жалѣю.

Бѣдонѣгова.

Переѣхали на дачу; думала себѣ удовольствіе имѣть, а никакого не вижу.

Пирамидаловъ.

Да ужь я-то не виноватъ, Антонина Власьевна.

Бѣдонѣгова.

Прошлое лѣто здѣсь жила, много удовольствія себѣ видѣла... И вы здѣсь жили. Гдѣ вы теперь живете?

Пирамидаловъ.

Въ Москвѣ, Антонина Власьевна.

Бѣдонѣгова.

А вотъ нынче живу, такъ никакого... Куда вы это все смотрите?

Пирамидаловъ.

Я ужь сказалъ вамъ, что Всеволода Вячеславича дожидаюсь.

Бѣдонѣгова.

Вы фальшивите; въ какую нибудь дѣвушку посматриваете?

Пирамидаловъ.

Ну, вотъ еще! нужно очень. До того ли мнѣ?

Бѣдонѣгова.

Да, право, такъ. Какіе эти мужчины! Увидятъ молоденькую дѣвушку, такъ ужь какъ глаза-то таращатъ. А развѣ не все равно вообще весь женскій полъ?

Пирамидаловъ (*посмотрѣвъ на часы*).

Какъ мнѣ приказано, такъ я и явился: теперь ровно 6-ть часовъ.

Бѣдонѣгова.

Вы не сосѣдку-ли высматриваете?

Пирамидаловъ.

Я вамъ сказалъ, что генерала жду. Какую еще сосѣдку?

Бѣдонѣгова.

А вотъ дача-то напротивъ; вчера переѣхала.

Пирамидаловъ.

Такъ это—моя знакомая; что̀ мнѣ ее смотрѣть-то. Я и такъ каждый день ее вижу, да и всегда, когда мнѣ угодно.

Бѣдонѣгова.

Какого она роду?

Пирамидаловъ.

Роду-то? Роду хорошаго.

Бѣдонѣгова.

Дѣвица?

Пирамидаловъ.

Дѣвица.

Бѣдонѣгова.

А знакомство какое у ней?

Пирамидаловъ.

И знакомство хорошее.

Бѣдонѣгова.

Что̀ жь замужъ нейдетъ?

Пирамидаловъ.

Да почему же я знаю, помилуйте!

Бѣдонѣгова.

Нѣтъ, вы знаете, да только сказать не хотите. Да вѣдь я все вызнаю, все доподлинно: я ея прислугу выспрошу; вы отъ меня своихъ подлостевъ не скроете. Я вотъ позову къ себѣ ея горничную дѣвушку чай пить, вотъ все и узнаю. Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ! (*Пирамидаловъ оглядывается*). Приданое есть за ней?

Пирамидаловъ.

Будетъ приданое богатое.

Бѣдонѣгова.

А будетъ приданое, будутъ и женихи: гдѣ медъ, тамъ и мухи. Виталій Петровичъ, я говорю, что женихи у ней будутъ.

Пирамидаловъ.

А будутъ, такъ будутъ; до меня это не касается.

Бѣдонѣгова.

Ну, какъ чай не касаться? Деньги всегда до людей касаются.

Пирамидаловъ (*про себя*).

Не бѣжать ли въ рощу? (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, потомъ останавливается*). Пожалуй, еще разойдемся; ужь лучше здѣсь подожду.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Что̀ прикажете?

Бѣдонѣгова.

Я сама замужъ хочу идти.

Пирамидаловъ.

Сдѣлайте одолженіе! На здоровье!

Бѣдонѣгова.

Нѣтъ, что̀ же вы такъ? Вы не подумайте...

Пирамидаловъ.

Я ничего и не думаю.

Бѣдонѣгова.

Я отъ скуки.

Пирамидаловъ.

Да отъ скуки ли, отъ веселья ли—мнѣ рѣшительно все равно.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Извольте говорить, я слушаю.

Бѣдонѣгова.

У меня вѣдь деньги есть и даже очень много.

Пирамидаловъ.

Ну, и слава Богу.

Бѣдонѣгова.

И вотчина есть.

Пирамидаловъ.

Какая вотчина?

Бѣдонѣгова.

Домъ каменный съ лавками.

Пирамидаловъ.

Все это прекрасно, Антонина Власьевна. А вотъ, кажется, Всеволодъ Вячеславичъ идутъ.

Бъдонъгова.

Виталій Петровичъ, какъ отпуститъ васъ генералъ, заходите ко мнѣ закусить, мадерцы выпьемъ.

Пирамидаловъ.

Пожалуй, поздно будетъ.

Бъдонъгова.

Да ничего, хоть и запоздаете.

Пирамидаловъ.

Извощика не найдешь; мнѣ въ Москву надо.

Бъдонъгова.

Я вамъ лошадь дамъ; такъ же у меня стоятъ. (*Уходитъ. Гнѣвышовъ и Бѣлесова входятъ, разговаривая. Пирамидаловъ почтительно кланяется*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Пирамидаловъ, Гнъвышовъ и Бълесова.

Гнъвышовъ (*Пирамидалову*).

А! Это—вы?

Пирамидаловъ.

Я-съ, Ваше Превосходительство.

Гнъвышовъ.

Подождите, мой милый! (*Бѣлесовой*). Н... да̀-съ, что̀ же далѣе?

Бълесова.

Это меня начинаетъ безпокоить.

Гнъвышовъ.

Ахъ, мой другъ, ну, сто̀итъ ли безпокоиться!.. Пусть его смотритъ. Не обращать вниманія—только и всего.

Бълесова.

Я стараюсь не обращать на него вниманія, но не могу. Онъ не преслѣдуетъ меня, не встрѣчается со мной; онъ смотритъ всегда издали, изъ-за угла, изъ-за куста: гдѣ-бъ я ни была, я впередъ знаю, что эти неподвижные глаза откуда нибудь смотрятъ на меня, и я сама невольно оглядываюсь и ищу ихъ.

Гнъвышовъ.

Странно, очень странно. Кто онъ такой, вы не знаете?

Бълесова.

Не знаю. Въ лицѣ есть что̀-то знакомое, но никакъ не могу припомнить.

Гнѣвышовъ.

И порядочный человѣкъ?

Бѣлесова.

Что̀ за вопросъ! Развѣ другіе люди существуютъ для меня? Очень порядочный, иначе я не стала бы и говорить.

Гнѣвышовъ.

А давно это?

Бѣлесова.

Не болѣе четырехъ дней.

Гнѣвышовъ.

Гдѣ же вы его видѣли?

Бѣлесова.

Вездѣ, вездѣ. Поѣхала на Кузнецкій Мостъ, выхожу изъ магазина, онъ стоитъ на другой сторонѣ улицы и смотритъ; вчера утромъ ѣздила за фруктами, выхожу изъ лавки, онъ стоитъ и смотритъ; вечеромъ пошла гулять въ рощу и сквозь кусты шиповника видѣла тѣже глаза. Да и сегодня... Этотъ инквизиторскій взглядъ мнѣ становится страшенъ; мнѣ кажется, что онъ устремленъ не на лицо мое, а прямо ко мнѣ въ душу и требуетъ отъ меня какого-то отвѣта, какого-то отчета.

Гнѣвышовъ.

Вы даете значеніе самой пустой, обыкновенной вещи. Вы преувеличиваете, вы ошибаетесь, мой другъ.

Бѣлесова.

Я ничего не преувеличиваю. Конечно, я не знаю, съ какими мыслями онъ смотритъ на меня; я вамъ говорю только о томъ, какое дѣйствіе производитъ на меня его взглядъ. Есть положенія, въ которыхъ долгій и серьёзный взглядъ непереносимъ: въ немъ укоръ, въ немъ обида; онъ будитъ совѣсть. (*Съ упрекомъ*). А вы сами знаете, что мнѣ, для моего спокойствія, надо усыплять совѣсть, а не будить ея.

Гнѣвышовъ.

Вы стали очень нервны. Успокойтесь; все это объясняется очень просто: этотъ молодой человѣкъ влюбленъ въ васъ.

Бѣлесова.

Странная любовь! Онъ не только не ищетъ сближенія со мной, но даже бѣжитъ отъ меня. Сегодня утромъ я пошла въ рощу — ну, разумѣется, увидала его. Онъ стоялъ вдалекѣ, прислонясь къ дереву; мнѣ вдругъ пришла мысль подойти къ нему и заговорить съ нимъ; я пошла ускореннымъ шагомъ, смѣло.

Гнѣвышовъ.

И что̀ же?

Бѣлесова.

Онъ бросился въ кусты и убѣжалъ отъ меня. Мнѣ иногда приходитъ въ голову, не сумасшедшій ли онъ.

Гнѣвышовъ.

Очень можетъ быть. Вотъ вамъ новое доказательство того, какое могущество, какую силу имѣетъ ваша красота: отъ васъ ужь буквально люди сходятъ съума.

Бѣлесова.

Ну, довольно, довольно. Пора чай пить, пойдемте!

Гнѣвышовъ.

Идите, идите; я себя ждать не заставлю. Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ Пирамидалову. (*Бѣлесова уходитъ въ чугунныя ворота*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Гнѣвышовъ и Пирамидаловъ.

Гнѣвышовъ.

Я надѣюсь, мой милый, что вы аккуратно исполнили то, что̀ я вамъ говорилъ?

Пирамидаловъ.

Все исполнилъ, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Вы должны помнить, что для знакомства съ Валентиной Васильевной я желаю людей солидныхъ, семейныхъ—то, что̀ называется людьми вполнѣ почтенными. Нужды нѣтъ, если они будутъ немного стараго покроя—это даже лучше: такіе люди учтивы въ обращеніи и почтительнѣе. Гдѣ же и взять другихъ? Въ этой мѣстности люди свѣтскіе не живутъ; а хорошія семейства средней руки иногда попадаются.

Пирамидаловъ.

Совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Валентина Васильевна желала имѣть дачу въ мѣстности здоровой и подальше отъ города, ни сколько не заботясь о томъ, каковы будутъ ея сосѣди; но это совсѣмъ не значитъ, чтобъ она обрекла себя на одиночество и скуку. Хорошо бы познакомить съ ней какую нибудь пожилую даму, съ которой она бы могла и гулять, и быть постоянно вмѣстѣ. Ну, говорите, что̀ вы узнали о здѣшнихъ дачникахъ!

Пирамидаловъ.

Вотъ, напротивъ, ваше превосходительство, живетъ одна дама, богатая вдова, купчиха Бѣдонѣгова.

Гнѣвышовъ.

Вы съ ней знакомы?

Пирамидаловъ.

Прошлое лѣто познакомился.

Гнѣвышовъ.

Ну, что̀ жь, ка̀къ она?

Пирамидаловъ.

Я полагаю, ваше превосходительство, что для Валентины Васильевны...

Гнѣвышовъ.

Прошу не полагать и заключеній не выводить! Вы только докладывайте по порядку, а это—ужь мое дѣло знать, что̀ нужно и чего не нужно для Валентины Васильевны. Ну, что̀ же, эта вдова, эта дама, ка̀къ вы ее называете... она бѣлится, румянится, пьетъ мадеру?

Пирамидаловъ.

Такъ точно, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Далѣе?

Пирамидаловъ.

Госпожа Цыплунова.

Гнѣвышовъ.

Я кажется, что̀-то слышалъ о Цып... Цып... Ка̀къ?

Пирамидаловъ.

Цыплунова-съ.

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, то—молодой человѣкъ. Онъ былъ мнѣ представленъ; его мнѣ очень хвалили, какъ отлично образованнаго и примѣрно способнаго чиновника. Онъ вашихъ лѣтъ и ужь, кажется, надворный совѣтникъ.

Пирамидаловъ.

Коллежскій, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ (*строго*).

Ну, вотъ видите.

Пирамидаловъ.

Это вы про ея сына изволили слышать. Госпожа Цыплунова—дама очень почтенная-съ.

Гнѣвышовъ.

Да̀... дама... ну, что̀-жь, эта дама... какое у ней знакомство?

Пирамидаловъ.

Никакого-съ. Она ведетъ уединенную жизнь, не знаетъ ни удовольствій, ни развлеченій, живетъ только для сына; а онъ—человѣкъ дикій.

Гнѣвышовъ.

Ка̀къ дикій? Обдумывайте выраженія! Вы всегда прежде подумайте, а потомъ и говорите. Почему онъ дикій?

Пирамидаловъ.

Сидитъ все дома за бумагами да за книгами; не бываетъ нигдѣ въ обществѣ, даже и у товарищей; бѣгаетъ отъ женщинъ. А если съ нимъ женщина заговоритъ, онъ краснѣетъ и конфузится. Онъ все молчитъ-съ.

Гнѣвышовъ.

Неправда, онъ говоритъ прекрасно и даже краснорѣчиво.

Пирамидаловъ.

Да если о дѣлахъ-съ, а съ женщинами ужь не можетъ.

Гнѣвышовъ.

Такъ это—скромный, а не дикій. Ко всѣмъ его прекраснымъ качествамъ это еще новое и очень... очень дорогое, и еще болѣе располагаетъ въ его пользу. Вы не знаете названія вещей. Я вамъ говорю, дикій это... это sauvage... это разрисованный tatoué... это—совсѣмъ другое.

Пирамидаловъ.

Виноватъ, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Ваша развязность можетъ нравиться только такимъ дамамъ, какъ ваша вдова Бѣдонѣгова; а его скромность пріобрѣтаетъ ему расположеніе начальства и вообще лицъ высокопоставленныхъ. Ну, довольно, другихъ сосѣдей я знать не желаю. Вотъ вамъ, мой милый, еще порученіе, постарайтесь исполнить его хорошенько.

Пирамидаловъ.

Слушаю, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Познакомьте меня съ мадамъ Цып... Цып... Ка̀къ?

Пирамидаловъ.

Цыплунова.

Гнѣвышовъ.

Да̀, Цыплунова. Вы ее сначала предупредите, скажите, что я, генералъ Гнѣвышовъ, желаю съ ней познакомиться и познакомить съ ней тоже мою родственницу, которая пріѣхала сегодня на дачу и будетъ жить все лѣто. Слышите, родственницу.

Пирамидаловъ.

Слушаю, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Вы сдѣлайте это сегодня же, сейчасъ же! Постарайтесь, чтобъ я встрѣтилъ васъ съ ней.

Пирамидаловъ.

Вы, ваше превосходительство, вѣроятно пойдете въ рощу.

Гнѣвышовъ.

Совсѣмъ не вѣроятно. Вы слушайте и дѣлайте, что̀ вамъ приказываютъ. Чтобы соображать вѣроятности, надо имѣть больше ума, чѣмъ вы имѣете. Гуляйте здѣсь, мимо дачъ! Въ рощу я вечеромъ не пойду, потому что тамъ будетъ сыро.

Пирамидаловъ.

Я сейчасъ же и отправлюсь прямо къ нимъ на дачу.

Гнѣвышовъ.

Ступайте! (*Уходитъ въ чугунныя ворота. Пирамидаловъ уходитъ въ лѣсъ. За загородкой сада своей дачи показывается Бѣдонѣгова*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бѣдонѣгова, *потомъ* Цыплуновъ и Цыплунова.

Бѣдонѣгова (*громко*).

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ! Ушелъ. Что̀ онъ бѣгаетъ? У меня кажется, ужь чего бы ему лучше! Всѣ бѣгаютъ отъ меня: и Юрій Михайловичъ бѣгаетъ, и Виталій Петровичъ бѣгаетъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я себѣ никаго удовольствія не вижу. (*Входитъ Цыплуновъ и Цыплунова*). Юрій Михайловичъ, Анна Аѳанасьевна, заходите ко мнѣ чайку напиться.

Цыплунова.

Благодарю васъ, мы ужь пили.

Бѣдонѣгова.

Юрій Михайловичъ, вы все обѣщаете, а все не зайдете. Ка̀къ вы оченно милы и ка̀къ вы все обманываете! Зайдите теперь хоть закусить что нибудь, мадерцы...

Цыплуновъ.

Извините-съ... я—человѣкъ занятой-съ... я завтра къ вамъ зайду.

Бѣдонѣгова.

Все завтра, да завтра, а все фальшивите! Ну, что̀, право! Никакого я себѣ удовольствія... (*уходитъ*).

Цыплунова.

Юша, пойдемъ къ ней! Развлекись немного.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Съ какой стати? Что̀ мнѣ дѣлать у нея! Ужъ если мнѣ и дома скучно, такъ у ней еще скучнѣе будетъ. Пойдемте куда нибудь подальше!

Цыплунова.

Да̀, пожалуй! Только я тебѣ, Юша, вотъ что̀ скажу: все бѣгать отъ людей, все одинъ, да одинъ—такъ не годится. Такъ вѣдь, Боже сохрани, можно съума сойти. Надо найти развлеченіе какое нибудь, непремѣнно надо. Ты меня пугаешь; ты сталъ самъ на себя не похожъ, особенно послѣдніе два-три дня.

Цыплуновъ.

Развѣ я перемѣнился?

Цыплунова.

Очень, очень перемѣнился. Поговорилъ бы ты со мной откровенно, успокоилъ бы сердце матери.

Цыплуновъ.

Да объ чемъ говорить-то?

Цыплунова.

Ужь я бы нашла, объ чемъ.

Цыплуновъ (*подумавъ*).

Я готовъ, извольте.

Цыплунова.

Я хорошо вижу—это замѣтно, очень замѣтно—что ты скучаешь.

Цыплуновъ.

Да̀, я не буду скрывать отъ васъ: я скучаю.

Цыплунова.

Послушай, Юша, въ твои года любятъ.

Цыплуновъ.

Да̀, любятъ.

Цыплунова.

Въ твои года женятся.

Цыплуновъ.

Да̀, и женятся.

Цыплунова.

И женатые не скучаютъ, имъ некогда скучать: у нихъ заботы, хлопоты, семейныя радости, дѣти. Кто любитъ свою жену и своихъ дѣтей, тотъ ужь не можетъ скучать.

Цыплуновъ.

Все это правда, правда.

Цыплунова.

Такъ женись!

Цыплуновъ.

Чтò вы, чтò вы!—На комъ? развѣ это возможно?

Цыплунова.

По моему, такъ очень возможно. За тебя пойдетъ всякая невѣста. Чего тебѣ недостаетъ? Ты отлично идешь по службѣ, у тебя добрый характеръ, поведеніе твое безукоризненно. Ты можешь выбрать жену, какую хочешь: и хорошо образованную, и съ деньгами, и красавицу. За кого бы ты ни посватался, за тебя отдадутъ съ радостію.

Цыплуновъ.

Ахъ, не говорите, не говорите! Гдѣ онѣ, эти красавицы, образованныя? Вѣдь ихъ надо искать днемъ съ огнемъ; бывать въ собраніяхъ, въ театрахъ, заводить сотни знакомствъ, бѣгать изъ дома въ домъ. Ну, а способенъ ли я на такіе поиски? Даже изрѣдка, раза два въ годъ, бывать въ обществѣ новыхъ людей, и то для меня—пытка невыносимая. Когда вы меня маленькаго хотѣли отучить отъ робости, вы брали меня съ собой на вечера, на разныя свадьбы и именины; вы помните, кàкъ я велъ себя? Я, бывало, сижу въ углу опустя глаза, ничего и никого не видя. А если вы заставляли меня говорить или танцовать съ какой нибудь дѣвочкой, я краснѣлъ, дрожалъ и чувствовалъ только одно, что у меня горятъ уши. Я постоянно дергалъ васъ за платье, чтобъ скорѣе уѣхать, и только тогда былъ счастливъ, когда, бывало, пріѣду домой и свободно переведу духъ. Таковъ я былъ въ десять, въ пятнадцать лѣтъ, таковъ я и въ тридцать.

Цыплунова.

Такъ предоставь мнѣ найти тебѣ невѣсту.

Цыплуновъ.

Вы найдете, а я, по вашему указанію, долженъ буду полюбить ее? Нѣтъ, это невозможно.

Цыплунова.

Да зачѣмъ непремѣнно полюбить? Довольно, если тебѣ дѣвушка нравится.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, я—не султанъ; я не могу брать въ жены женщинъ, потому только, что онѣ мнѣ нравятся. Я могу жениться только на той, которую очень полюблю.

Цыплунова.

Ты можешь полюбить ее въ послѣдствіи. Ты не бойся, я те-

бѣ не посватаю такую невѣсту, какъ Бѣдонѣгова, хотя она на тебя очень умильно поглядываетъ.

Цыплуновъ.

Кабы вы знали, ка̀къ обидны для меня и оскорбительны эти умильные ея взгляды!

Цыплунова.

Да отчего же, мой другъ?

Цыплуновъ.

Да ка̀къ же не обида! Она такъ смѣло смотритъ въ глаза, такъ увѣрена, что за свои сто тысячъ можетъ купить всякаго.

Цыплунова.

Ты ужь очень строгъ къ людямъ.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, только къ себѣ. Я другихъ никогда не сужу, пусть живутъ, ка̀къ знаютъ, ка̀къ умѣютъ—только бы меня не трогали. Но если кто вздумаетъ подкупить меня, дать мнѣ взятку и вообще склонить меня на какую нибудь подлость — тогда я обижусь глубоко. Ка̀къ? не зная человѣка, подходить къ нему прямо съ грязью и говорить: «позвольте васъ вымазать!»

Цыплунова.

Но послушай, неужели ты не любишь или не любилъ никого? У тебя такое мягкое сердце.

Цыплуновъ.

Мы, идеалисты, любимъ мечту и счастливы только въ мечтахъ.

Цыплунова.

Что̀ же за мечты у тебя, скажи мнѣ, я прошу тебя убѣдительно.

Цыплуновъ.

Какъ всякія мечты, онѣ глупы; но я васъ прошу не смѣяться надъ ними: онѣ мнѣ дороги, и я ими счастливъ. Что̀ дѣлать! я такъ созданъ.

Цыплунова.

Ка̀къ можно смѣяться; что̀ ты мнѣ, чужой, что̀ ли!

Цыплуновъ.

Помните ли вы, лѣтъ десять тому назадъ, у насъ часто бывала одна дѣвочка?

Цыплунова.

Мало ли дѣвочекъ я видѣла на своемъ вѣку?

Цыплуновъ.

Эту забыть нельзя. Ей было лѣтъ тринадцать или четырнадцать, но она была совершенный ребёнокъ: вся прозрачная, то-

ненькіе пальчики... сколько въ ней было дѣтскаго кокетства, ка̀къ она граціозно встряхивала и закидывала за уши свои пепельные волосы.

Цыплунова.

А, помню, это—Бѣлесова Валентиночка, сирота.

Цыплуновъ (*задумчиво*).

Да, Валентиночка.

Цыплунова.

Ты все объ ней-то и думаешь? Въ мечтахъ-то у тебя она—все еще дѣвочка?

Цыплуновъ.

Да̀, ангелъ-дѣво́чка.

Цыплунова.

Ахъ, Юша, съ тѣхъ поръ много воды утекло. Она ужъ теперь большая; перемѣнилась, чай, подурнѣла, какъ это часто бываетъ; пожалуй, и замужемъ. Да кто знаетъ, можетъ быть, ее и въ живыхъ-то нѣтъ.

Цыплуновъ.

Я ее встрѣтилъ недавно, я ее вчера и сегодня видѣлъ.

Цыплунова.

Узнала она тебя? Говорилъ ты съ ней?

Цыплуновъ.

Ахъ, нѣтъ! я испуганъ, ошеломленъ.

Цыплунова.

Чѣмъ?

Цыплуновъ.

Красотой ея. Она, вѣроятно, замужемъ за богатымъ человѣкомъ; какой экипажъ, какой гордый взглядъ!

Цыплунова.

Если ты ее видѣлъ здѣсь, значитъ она живетъ не подалеку на дачѣ. Надо справиться о ней.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, зачѣмъ! Пусть она такъ и останется мечтой моей. Надо въ нее вглядѣться хорошенько; а то теперь въ моемъ воображеніи ея дѣтскій образъ и женскій сливаются въ какомъ-то странномъ сочетаніи: дѣтская чистота какъ-то сквозится изъ подъ роскошной женской красоты. (*Опускаетъ голову въ задумчивости*).

Цыплунова.

Не хорошо это, Юша; ты любишь какую-то мечту, самимъ же созданную, и эта мечта мѣшаетъ тебѣ видѣть другихъ женщинъ, которыя, можетъ быть, гораздо лучше ея и болѣе достойны твоей любви.

Цыплуновъ.

Да̀, да̀, можетъ быть... это все можетъ быть. Но, ахъ.... я пойду.... мнѣ нужно разсѣяться.... я пойду поброжу... я одинъ... (*уходитъ*).

Цыплунова.

Эко горе мнѣ съ сыномъ! Сходитъ съума по женщинѣ, а подойти боится. Да диви бы чужая, а то знакомы были. Надо разузнать хорошенько. У кого бы спросить-то? Спрошу у Пирамидалова; онъ кругомъ Москвы всѣ дачи и всѣхъ дачниковъ знаетъ, да и въ Москвѣ-то отъ него никто не скроется. Никакъ это онъ бѣжитъ. (*Входитъ Пирамидаловъ; Бѣдонѣгова показывается у загородки*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Цыплунова, Пирамидаловъ и Бѣдонѣгова.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ (*отирая потъ*).

Вотъ усталъ, такъ ужъ усталъ.

Бѣдонѣгова.

Зашли бы закусить чего нибудь, мадерцы.

Пирамидаловъ.

Некогда, Антонина Васильевна, некогда. Здравствуйте, Анна Аѳанасьевна! А я васъ искалъ, искалъ, къ вамъ на дачу бѣгалъ.

Цыплунова.

Здравствуйте! А я только сейчасъ объ васъ поминала.

Бѣдонѣгова.

Ну, что̀, право, не зайдете! Зовешь, зовешь, не дозовешься!

Пирамидаловъ.

Какъ всѣ дѣла кончу, непремѣнно зайду.

Бѣдонѣгова.

Ну, хорошо. Смотрите же, я ждать буду. Я вѣдь со всѣмъ расположеніемъ... (*уходитъ*).

Пирамидаловъ (*Цыплуновой*).

Анна Аѳанасьевна, я къ вамъ по порученію отъ генерала Гнѣвышова, отъ Всеволода Вячеславича.

Цыплунова.

Я, Виталій Петровичъ, не имѣю счастія знать никакого генерала Гнѣвышова.

Пирамидаловъ.

Это все равно. Онъ слышалъ объ васъ и знаетъ вашего сына.

Цыплунова.

Ну, такъ что̀ же?

Пирамидаловъ.

Онъ просилъ меня...

Цыплунова.

Васъ просилъ?

Пирамидаловъ.

Дà, мы съ нимъ очень близки. Онъ просилъ меня предупредить васъ, что желаетъ съ вами познакомиться.

Цыплунова.

Да что̀ за церемонія! И зачѣмъ я ему? Мы съ сыномъ—люди скромные и знакомствъ не только не ищемъ, а даже бѣгаемъ отъ нихъ. Такъ вы и скажите вашему генералу.

Пирамидаловъ.

Да позвольте! Вы, Анна Аѳанасьевна, выслушайте сначала! Родственница Всеволода Вячеславича, дѣвушка хорошей фамиліи, переѣхала сюда на дачу, такъ ихъ превосходительство желаютъ...

Цыплунова.

Что̀ мнѣ за дѣло до того, чего они желаютъ!

Пирамидаловъ.

Желаютъ имѣть общество для своей родственницы, компанію.

Цыплунова.

Что̀ вы, что̀ вы, Виталій Петровичъ! Вы, кажется, меня въ компаніонки приглашаете? Я—женщина со средствами, имѣю домъ, хозяйство.

Пирамидаловъ.

Вы не такъ меня поняли. Помилуйте! Вѣдь, нельзя же дѣвушкѣ одной на дачѣ... и погулять не съ кѣмъ...

Цыплунова.

Я и въ провожатыя тоже не пойду. Нѣтъ, вы заговорились. Вы лучше оставьте.

Пирамидаловъ.

Такъ неужели вы отказываетесь?

Цыплунова.

Конечно. Что̀-жь тутъ удивительнаго!

Пирамидаловъ.

Въ какое же вы меня положеніе ставите! Я хотѣлъ услужить ихъ превосходительству; я ужь обѣщалъ за васъ.

Цыплунова.

Напрасно. Вы услуживайте чѣмъ-нибудь другимъ, а меня ужь оставьте въ покоѣ. Мнѣ не до чужихъ; я, на сына глядя, измучилась.

Пирамидаловъ.

Анна Аѳанасьевна, вѣдь вы меня губите, голову съ меня снимаете. Вѣдь мнѣ провалиться сквозь землю—только и осталось.

Цыплунова.

Ужь ка̀къ вамъ угодно.

Пирамидаловъ.

Вы хоть поговорите съ генераломъ.

Цыплунова.

Да не стану я. Объ чемъ мнѣ съ нимъ говорить!

Пирамидаловъ.

Такъ я убѣгу, право убѣгу. И нужно было мнѣ услуги предлагать! Вѣдь онъ—мнѣ не начальникъ, даже не начальникъ, Анна Аѳанасьевна. Такъ, вотъ... слабость. Прощайте! Убѣгу—и ужь сюда ни ногой, и встрѣчаться съ нимъ не стану.

Цыплунова.

Погодите бѣжать-то! Не знали ли вы Бѣлесову Валентину?

Пирамидаловъ.

Бѣлесову? Да это—она самая и есть.

Цыплунова.

Ка̀къ? Что̀ вы? Такъ она...

Пирамидаловъ.

Родственница Всеволода Вячеславича, о которой я вамъ говорилъ.

Цыплунова.

Ахъ, такъ погодите. Я очень рада. Вы бы давно сказали.

Пирамидаловъ.

Ну, ожилъ. Какъ гора съ плечъ. А вотъ и ихъ превосходительство. (*Гнѣвышовъ выходитъ изъ воротъ. Пирамидаловъ бѣжитъ къ нему на встрѣчу*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Цыплунова, Пирамидаловъ и Гнѣвышовъ.

Пирамидаловъ.

Ваше превосходительство, Анна Аѳанасьевна Цыплунова очень-съ...

Гнѣвышовъ (*тихо*).

Это—она?

Пирамидаловъ.

Она-съ. Она очень счастлива, что можетъ сдѣлать угодное вашему превосходительству. (*Гнѣвышовъ, не слушая, снимаетъ шляпу и кланяется Цыплуновой. Дѣлаетъ знакъ рукою, чтобы Пирамидаловъ отошелъ назадъ. Пирамидаловъ, взглянувъ на Цыплунову, пожимаетъ плечами и отходитъ*).

Гнѣвышовъ (*подходя къ Цыплуновой*).

Рекомендуюсь, Всеволодъ Вячеславичъ Гнѣвышовъ.

Цыплунова.

Очень пріятно.

Гнѣвышовъ.

Мы ужь нѣсколько знакомы: я знаю вашего сына. Для васъ, вѣроятно, не рѣдкость—слышать похвалы ему; но я, съ своей стороны, долженъ сказать вамъ, что его начальство имѣетъ о немъ самое лестное мнѣніе.

Цыплунова.

Благодарю васъ.

Гнѣвышовъ.

Вы живете на дачѣ?

Цыплунова.

Да̀, здѣсь на дачѣ. Я для сына больше; онъ не совсѣмъ здоровъ.

Гнѣвышовъ.

Да̀, здѣшняя мѣстность въ санитарномъ отношеніи лучшая изъ подмосковныхъ. Вотъ тоже родственница моя, она дальняя, Валентина Васильевна Бѣлесова.

Цыплунова.

Я ее еще ребенкомъ знала.

Гнѣвышовъ.

Да̀? Ну, вотъ и прекрасно. Ей будетъ очень пріятно, да и вы, вѣроятно, нисколько не прочь отъ того, чтобы возобновить знакомство.

Цыплунова.

Съ удовольствіемъ.

Гнѣвышовъ.

И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, разумѣется?

Цыплунова.

Конечно.

Гнѣвышовъ.

Валентина Васильевна взяла вотъ эту дачу. Дача такъ себѣ, не изъ важныхъ.

Цыплунова.

Здѣсь особенно роскошныхъ дачъ нѣтъ.

Гнѣвышовъ.

Роскоши и не нужно, это—лишнее. Для людей порядочныхъ, если что̀ необходимо, такъ это—комфортъ, удобства; безъ этого ужъ обойтись нельзя. (*Бѣлесова показывается у воротъ своей дачи*). А вотъ и хозяйка этой дачи!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Цыплунова, Гнѣвышовъ, Бѣлесова и Пирамидаловъ.

Цыплунова.

Ка̀къ она похорошѣла!

Гнѣвышовъ.

Да̀, она—красавица положительно. Красота—дѣло хорошее; но нравственныя качества въ человѣкѣ должны стоять выше; и вы увидите...

Цыплунова.

Я подойду къ ней прямо. (*Подходя къ Бѣлесовой*). Здравствуйте, Валентина Васильевна!

Бѣлесова.

Извините, пожалуйста.

Гнѣвышовъ.

Не узнаете старыхъ знакомыхъ, это не хорошо.

Бѣлесова.

Право, я не помню.

Цыплунова.

Не мудрено и забыть; и я бы васъ не узнала—вы тогда были ребенкомъ. Помните, на Арбатѣ, мы жили съ вами въ одномъ домѣ, Цыплунова.

Бѣлесова.

Теперь припоминаю. У васъ былъ сынъ, молодой человѣкъ, Юрій... Юрій...

Цыплунова.

Юрій Михайловичъ. Ну, ужъ теперь онъ не очень молодой... (*Входитъ Цыплуновъ и издали смотритъ на мать и Бѣлесову*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Гнѣвышовъ, Цыплунова, Бѣлесова, Пирамидаловъ и Цыплуновъ; *потомъ* Бѣдонѣгова.

Цыплунова (*увидавъ сына*).

Да вотъ посмотрите сами: онъ очень перемѣнился съ тѣхъ поръ.

Бѣлесова (*взглянувъ на Цыплунова*).

Это—онъ, это—тѣ самые глаза.

Гнѣвышовъ

Очень радъ; тѣмъ лучше, мой другъ. (*Цыплунова знакомъ подзываетъ сына*).

Бѣлесова (*Гнѣвышову*).

Почему же?

Гнѣвышовъ.

Я вамъ послѣ объясню. Занимайтесь съ ними.

Цыплунова (*сыну*).

Юша, я встрѣтила старую знакомую. (*Цыплуновъ молча кланяется Гнѣвышову и Бѣлесовой*).

Гнѣвышовъ (*подавая руку Цыплунову*).

Здравствуйте, молодой человѣкъ. Очень радъ васъ видѣть.

Бѣлесова (*Цыплунову*).

Вы меня узнаёте?

Цыплуновъ.

Узналъ съ перваго взгляда.

Бѣлесова.

Вотъ мы будемъ сосѣдями; можемъ, если вамъ угодно, возобновить старую дружбу.

Цыплуновъ.

О! Что̀ касается меня... (*Взглянувъ на мать, со вздохомъ*). Ахъ маменька!

Гнѣвышовъ (*Бѣлесовой*).

Пригласите ихъ къ себѣ.

Бѣлесова (*Цыплунову*).

Вы помните, ка̀къ вы меня звали?

Цыплуновъ.

Вы мнѣ казались ангеломъ.

Бѣлесова.

Вы звали меня ангельской душкой; а теперь, ка̀къ я кажусь вамъ?

Цыплуновъ.

Вы и теперь мнѣ кажетесь тѣмъ же.

Бѣлесова.

Пойдемте ко мнѣ на новоселье! Намъ есть о чемъ поговорить, вспомнимъ старое... (*Цыплуновой*). Милости прошу. (*Подаетъ руку Цыплунову. Цыплунова, Цыплуновъ и Бѣлесова входятъ въ ворота*).

Гнѣвышовъ (*Пирамидалову*).

Идите за мной! Вы мнѣ будете нужны. (*Идетъ въ ворота, Пирамидаловъ за нимъ. У загородки своего сада показывается Бѣдонѣгова*).

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ! (*Пирамидаловъ, махнувъ рукой, уходитъ*). Вотъ опять его увели отъ меня. (*Громко*). Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Гнѣвышовъ.
Бѣлесова.
Цыплунова.
Пирамидаловъ.
Цыплуновъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гнѣвышовъ и Цыплунова (*входятъ*).

Гнѣвышовъ.

Хорошо молодымъ; они могутъ безъ вреда для своего здоровья быть на воздухѣ, наслаждаться красотой майскаго вечера, а для насъ съ вами въ комнатѣ безопаснѣе. Почти всѣ пожилые люди въ нашемъ климатѣ не свободны отъ ревматизма; вотъ, и я тоже иногда чувствую припадки этой болѣзни, хотя весьма легкіе, но, тѣмъ не менѣе, очень непріятные...

Цыплунова.

Всякая болѣзнь непріятна...

Гнѣвышовъ.

Я лечусь гомеопатіей; совѣтую и вамъ, помогаетъ удивительно...

Цыплунова.

Да̀, говорятъ!.. У Валентины Васильевны, кромѣ васъ, никого родственниковъ нѣтъ?

Гнѣвышовъ.

Ея мать умерла давно, и она осталась круглой сиротой. Моя жена приняла въ ней участіе, полюбила ее, какъ родную дочь; но потомъ стала хворать и уѣхала заграницу...

Цыплунова.

Она и теперь тамъ?..

Гнѣвышовъ.

Она надняхъ пріѣдетъ. Безъ нея Валентина Васильевна оставалась на моемъ попеченіи, и, признаюсь вамъ, эта опека для меня нѣсколько тяжела...

Цыплунова.

Въ какомъ отношеніи?..

Гнѣвышовъ.

Хлопотно, лишнія заботы; не мужское дѣло...

Цыплунова.

А вотъ пріѣдетъ ваша супруга...

Гнѣвышовъ.

Ну, гдѣ ужь ей! Она—совсѣмъ больная женщина... и притомъ выростить дѣвушку до извѣстныхъ лѣтъ—вѣдь, это еще не все, главное-то дѣло, главная забота впереди...

Цыплунова.

Конечно...

Гнѣвышовъ.

Въ концѣ-концовъ, надо ей найти приличную партію, а развѣ это легко...

Цыплунова.

Я съ вами согласна...

Гнѣвышовъ.

Надо изыскать, выбрать человѣка, проникнуть, такъ сказать, въ его душу и совершенно убѣдиться въ его хорошихъ качествахъ, чтобы потомъ не принять на себя тяжелой отвѣтственности. Потому, почтеннѣйшая Анна Ѳеанасьевна, ка̀къ я ни люблю Валентину Васильевну, а, еслибъ мнѣ удалось поскорѣе сдать ее съ рукъ на руки человѣку, вполнѣ ея достойному, я бы перекрестился обѣими руками...

Цыплунова.

Я васъ не понимаю...

Гнѣвышовъ.

Разумѣется, все, что̀ отъ насъ зависитъ и что̀ намъ повелѣ-

ваетъ долгъ, мы исполнимъ, т. е. дадимъ ей богатое приданое. У насъ дѣтей нѣтъ.

ЦЫПЛУНОВА.

Такъ объ чемъ же вамъ безпокоиться? Для невѣсты съ богатымъ приданымъ всегда женихи найдутся...

ГНѢВЫШОВЪ.

Ка̀къ не найтись!.. Да какіе?.. Вотъ въ чемъ вопросъ... вонъ и Пирамидаловъ, пожалуй—женихъ...

ЦЫПЛУНОВА.

Подождите, найдутся и лучше Пирамидалова...

ГНѢВЫШОВЪ.

Въ томъ-то и дѣло, что ждать неудобно. Какъ только пріѣдетъ жена, мы уѣдемъ въ деревню; надо будетъ или оставить Валентину Васильевну здѣсь безъ надзора и попеченій на произволъ судьбы, или взять съ собой и засадить въ глуши...

ЦЫПЛУНОВА.

Да̀, я вижу, что вамъ дѣйствительно много заботы съ Валентиной Васильевной...

ГНѢВЫШОВЪ.

Много, почтеннѣйшая Анна Аѳанасьевна, много. Мы уже опредѣлили, что̀ дать за Валентиной Васильевной; но, еслибъ нашелся человѣкъ очень хорошій, т. е. добрый, не глупый и съ карьерой, я бы увеличилъ и даже удвоилъ приданое. Вотъ что̀, почтенная Анна Аѳанасьевна... вы не удивляйтесь, пожалуйста, тому, что̀ я вамъ скажу...

ЦЫПЛУНОВА.

Сдѣлайте одолженіе, говорите!

ГНѢВЫШОВЪ.

Оно, конечно, странно... что, видя васъ въ первый разъ, я начинаю съ вами очень важный, рѣшительный разговоръ... Положимъ, что я васъ-то не знаю; но я давно знаю вашего сына, давно собираю о немъ справки и ужъ намѣтилъ его. Я знаю даже, что вашъ сынъ любитъ Валентину Васильевну...

ЦЫПЛУНОВА.

Да̀, кажется...

ГНѢВЫШОВЪ.

Ну, вотъ, видите...

ЦЫПЛУНОВА.

Но, вѣдь, этого мало, Всеволодъ Вячеславовичъ...

ГНѢВЫШОВЪ.

Ка̀къ мало? Чего-жъ еще ему нужно?..

ЦЫПЛУНОВА.

Можетъ быть, съ него этого и довольно, но мнѣ мало. Онъ

самъ стòитъ любви, и я бы хотѣла, чтобы и его любили такъ же...

Гнѣвышовъ.

Дà, вы правы.

Цыплунова.

Онъ любитъ Валентину Васильевну, безумно любитъ; но, если онъ женится и не найдетъ взаимности, онъ умретъ отъ горя, отъ отчаянія. Я его знаю и берегу... онъ нѣженъ, какъ ребенокъ; равнодушіе жены убьетъ его.

Гнѣвышовъ.

У насъ вѣдь не Италія... страстной любви негдѣ взять, да и искать ее даже неразумно...

Цыплунова.

Страстной любви и не нужно; я бы хотѣла только, чтобы жена цѣнила его, уважала и такъ же, какъ мать, считала его лучшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Только мнѣ и нужно, и онъ стòитъ этого...

Гнѣвышовъ.

Ну, такъ я вамъ скажу по секрету, что Валентина Васильевна неравнодушна къ вашему сыну...

Цыплунова.

Неужели?..

Гнѣвышовъ.

Сколько я могъ замѣтить, разумѣется. Дѣвушка порядочнаго воспитанія своихъ чувствъ не выкажетъ; но я знаю, что она встрѣтилась съ нимъ сегодня не въ первый разъ; что она видѣла его и вчера, и раньше, и не безъ удовольствія, и что она его отличаетъ. Дайте руку, почтенная Анна Аѳанасьевна! Вы поговорите съ сыномъ, а я поговорю съ Валентиной Васильевной. Я васъ уполномочиваю даже объявить ему, что онъ намъ нравится, мнѣ и Валентинѣ Васильевнѣ. А тамъ ужь—кàкъ ему угодно.

Цыплунова.

Кàкъ я ни рада за сына, но, извините меня, я вамъ пока рѣшительнаго ничего сказать не могу.

Гнѣвышовъ.

Если вамъ угодно знать подробности о приданомъ, пойдемте въ эту комнату; мы тамъ можемъ говорить безъ помѣхи. Васъ, какъ женщину, долженъ интересовать этотъ предметъ; а я, какъ мужчина дѣловой, люблю дѣлать дѣло аккуратно. Я слышу движеніе на террасѣ: вѣроятно, наши молодые люди хотятъ войти въ домъ... Пойдемте!.. (*Уходятъ. Цыплуновъ и Бѣлесова*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бѣлесова, Цыплуновъ и Пирамидаловъ.

Бѣлесова.

Нѣтъ, кàкъ хотите, а я серьёзныхъ людей немножко боюсь...

Цыплуновъ.

Чего бояться ихъ?..

Бѣлесова.

У нихъ какіе-то особые взгляды на жизнь, строгія требованія...

Цыплуновъ.

У серьёзныхъ людей и взгляды на жизнь, и на все серьёзны... они другихъ имѣть не могутъ!..

Бѣлесова.

Ну, и прекрасно... и пусть имѣютъ; да зачѣмъ же они отъ другихъ того же требуютъ? Вѣдь, еслибъ всѣ были серьёзны, было бы очень скучно на бѣломъ свѣтѣ. Не правда ли, а?.. Чтò вы молчите?

Цыплуновъ.

Я слушаю васъ...

Бѣлесова.

Когда на меня смотритъ кто-нибудь строгимъ, испытующимъ взглядомъ, мнѣ такъ и хочется сказать ему: ну, дà, я — легкомысленная женщина; но вѣдь я не мѣшаю вамъ быть серьёзнымъ, не мѣшайте мнѣ быть легкомысленной. Ну, я хочу васъ послушать, я много говорила...

Цыплуновъ.

И говорили очень хорошо... у васъ прекрасныя правила!

Бѣлесова.

Какія это правила? Я ни правилъ никакихъ, ни уставовъ знать не хочу—они очень связываютъ. Я говорю, чтò мнѣ въ голову приходитъ.

Цыплуновъ.

О, тѣмъ лучше... тѣмъ лучше! Значитъ, у васъ прекрасная, богато одаренная натура, и тогда на чтò вамъ какія-нибудь правила!..

Бѣлесова.

Кàкъ вы экзальтированы! Мнѣ кажется, что я—самая обыкновенная дѣвушка. Чтò же хорошаго вы во мнѣ замѣтили?

Цыплуновъ.

О! Вѣдь, я васъ давно знаю, и вы не измѣнились, вы такъ же искренны, какъ и прежде, когда были ребенкомъ. А искренность — рѣдкое и дорогое качество...

Бѣлесова.

Почему же?..

Цыплуновъ.

Ну, представьте себѣ, что человѣкъ, который васъ любитъ, думаетъ видѣть въ васъ серьёзную женщину; вы его сами выводите изъ заблужденія. Ка̀къ онъ долженъ благодарить васъ и уважать...

Бѣлесова.

Да за что̀ же?...

Цыплуновъ.

За то, что вы избавили его отъ обмана и горькаго разочарованія.

Бѣлесова.

Извините меня, мнѣ кажется, этимъ серьёзнымъ людямъ, какъ вы ихъ называете, тоже хочется быть веселыми, да они не умѣютъ; отъ того они такъ и сердятся на веселыхъ людей, такъ и смотрятъ мрачно...

Цыплуновъ.

Можетъ быть, можетъ быть!..

Бѣлесова.

Послушайте, Юрій Михайловичъ, я вамъ задамъ вопросъ: признайтесь, зачѣмъ вы такъ страшно глядѣли на меня, когда встрѣчались со мной?..

Цыплуновъ.

Вы приказываете мнѣ отвѣчать?..

Бѣлесова.

Да̀! Вы любите искренность, такъ будьте сами искренны... Что̀ было въ вашемъ взглядѣ?..

Цыплуновъ.

Робкое обожаніе!..

Бѣлесова.

Только?..

Цыплуновъ.

Я хотѣлъ наглядѣться на васъ, чтобъ яснѣй и дольше удерживать вашъ образъ въ своей памяти...

Бѣлесова.

Значитъ, лучше-бъ мнѣ васъ не спрашивать...

Цыплуновъ.

Почему же?...

БѢЛЕСОВА.

Потому что слышать такіе отвѣты очень неловко...

ЦЫПЛУНОВЪ.

Извините меня...

БѢЛЕСОВА.

Такъ же неловко, какъ всякую похвалу въ глаза, какъ всякую лесть...

ЦЫПЛУНОВЪ.

Я не льщу вамъ...

БѢЛЕСОВА.

Такъ это—признаніе! Это мнѣ еще тяжелѣе слышать...

ЦЫПЛУНОВЪ.

Это признаніе вырвалось невольно. Прошу васъ, не обращайте на него вниманія; оно васъ ни къ чему не обязываетъ. Я только объ одномъ прошу васъ...

БѢЛЕСОВА.

Объ чемъ же?..

ЦЫПЛУНОВЪ.

Позвольте мнѣ иногда глядѣть на васъ такъ близко, какъ я теперь гляжу...

БѢЛЕСОВА.

То-есть, по просту сказать, бывать у меня. Сдѣлайте одолженіе, когда вамъ угодно; я всегда васъ приму съ удовольствіемъ...

ЦЫПЛУНОВЪ.

Благодарю васъ!.. (*Молчаніе*).

БѢЛЕСОВА.

Скажите мнѣ, пожалуйста!.. Человѣкъ порядочный, умный и съ сердцемъ, можетъ ли любить всякую женщину?..

ЦЫПЛУНОВЪ.

Вѣроятно, во всякой найдется что̀-нибудь хорошее, за что̀ можно полюбить ее...

БѢЛЕСОВА.

Ну, положимъ, она—красавица!..

ЦЫПЛУНОВЪ.

Ка̀къ же не любить красавицу?

БѢЛЕСОВА.

Да всякую ли красавицу?..

ЦЫПЛУНОВЪ.

Я васъ не понимаю...

БѢЛЕСОВА

Напримѣръ, красавицу порочную, падшую?...

Цыплуновъ.

Если она не стыдится своего порока, она не стоитъ любви, она заслуживаетъ презрѣнія; но если она сокрушается, раскаявается, то она болѣе всякой имѣетъ право на любовь и сострадание; потому что только любовь можетъ уврачевать ея сердце, растерзанное угрызеніями; одна любовь можетъ спасти ее отъ отчаянія; одна только всепрощающая любовь можетъ помирить ее съ жизнію... Что съ вами?... Вы плачете? О, ангелъ! И мнѣ не благоговѣть передъ вами! Вы съ высоты своей непорочности, своей дѣтской чистоты, роняете свои алмазныя слезы на этихъ несчастныхъ. Вамъ мало того, что васъ обожаютъ; вы хотите знать, имѣютъ ли и эти бѣдныя надежду быть любимыми, не отнято ли у нихъ это благо, безъ котораго жизнь безотрадна, какъ мертвая пустыня...

Бѣлесова (*утирая глаза*).

Да̀, да̀, правда... но довольно! (*погружается въ глубокую задумчивость*).

Цыплуновъ.

О, еслибъ я смѣлъ, я-бъ упалъ въ прахъ передъ вами, чтобъ цѣловать ваши ноги...

Бѣлесова (*разсѣянно*).

Что̀ вы?.. Цѣловать... что̀ цѣловать? Руку, что̀ ли? Такъ извольте... (*подавая руку*). Да не бойтесь! Ну, я прошу васъ... ну, удостойте меня этого поцѣлуя... (*Цыплуновъ съ нѣмымъ восторгомъ цѣлуетъ руку Бѣлесовой. Входитъ Пирамидаловъ и останавливается у двери*).

Пирамидаловъ (*про себя*).

А, вотъ что̀!..

Бѣлесова (*оправившись*).

Вы не обращайте вниманія на мои слезы! У меня очень слабы нервы; я затѣмъ и переѣхала на дачу, чтобы полечиться...

Пирамидаловъ (*про себя*).

Перемѣняютъ разговоръ!.. (*Входятъ Гнѣвышовъ и Цыплунова*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Бѣлесова, Цыплуновъ, Цыплунова, Гнѣвышовъ и Пирамидаловъ.

Цыплунова.

Я сбираюсь домой, Юша!..

Бѣлесова (*Цыплуновой*).

Я провожу васъ до вашей дачи; мнѣ пришла охота погулять... (*Цыплунову*). А вы меня обратно проводите...

Цыплуновъ (*Гнѣвышову*).

Честь имѣю кланяться...

Гнѣвышовъ.

Прощайте! Навѣщайте почаще Валентину Васильевну!.. Постарайтесь, молодой человѣкъ, чтобъ она не скучала на дачѣ!.. (*Бѣлесова, Цыплуновъ и Цыплунова уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гнѣвышовъ и Пирамидаловъ.

Пирамидаловъ.

Ваше превосходительство, Цыплуновъ...

Гнѣвышовъ.

Что̀ Цыплуновъ?..

Пирамидаловъ.

Очень ужь явно ухаживаетъ за Валентиной Васильевной...

Гнѣвышовъ.

Ну, такъ что̀ же? Вамъ что̀ за дѣло?

Пирамидаловъ.

Я считалъ своею обязанностію доложить объ этомъ вашему превосходительству...

Гнѣвышовъ.

Благодарю васъ за извѣстіе! Я очень доволенъ, что Валентина Васильевна нравится Цыплунову...

Пирамидаловъ.

Валентина Васильевна нравится не одному Цыплунову...

Гнѣвышовъ.

Ну, да̀, конечно; но что̀-жь изъ этого?..

Пирамидаловъ.

Валентина Васильевна нравится и мнѣ, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ Цыплунову; но я увѣряю, ваше превосходительство—я даже самому себѣ не смѣлъ признаться въ этомъ...

Гнѣвышовъ.

И прекрасно дѣлали...

Пирамидаловъ.

Ка̀къ же бы я смѣлъ, зная ваши отношенія къ Валентинѣ Васильевнѣ...

Гнѣвышовъ.

А вотъ Цыплуновъ смѣлѣе васъ...

Пирамидаловъ.

На что̀ же онъ можетъ надѣяться?

Гнѣвышовъ.

Онъ можетъ надѣяться быть мужемъ Валентины Васильевны, что̀ не только не противно моимъ намѣреніямъ, но даже очень желательно...

Пирамидаловъ.

Я всегда зналъ, что, рано ли, поздно ли, вы захотите, чтобъ Валентина Васильевна имѣла прочное и солидное положеніе...

Гнѣвышовъ.

Да̀, именно—прочное и солидное.

Пирамидаловъ.

Я зналъ, что это должно случиться; но я думалъ и надѣялся...

Гнѣвышовъ.

Что̀ вы думали, мой любезный, и на что̀ надѣялись?..

Пирамидаловъ.

Что Валентина Васильевна будетъ мнѣ наградою за мою преданность къ вашему превосходительству...

Гнѣвышовъ.

Вы ошиблись...

Пирамидаловъ.

Такое усердіе, такое неусыпное, можно сказать, стараніе... я могъ надѣяться, что ваше превосходительство оцѣните.

Гнѣвышовъ.

Ну, я вамъ самъ буду полезенъ. Вы имѣете мою протекцію, ваши услуги не пропадутъ даромъ. Я готовъ вамъ заплатить, но не такой цѣной. Счастіе милаго существа для меня дорого. (*Строго*). Ея судьбу, милостивый государь, я не могу вручить всякому...

Пирамидаловъ.

Я умоляю, ваше превосходительство! Ваше превосходительство, не заставьте плакать и просить на колѣняхъ!..

Гнѣвышовъ.

Не трудитесь, мой милый, не трудитесь напрасно...

Пирамидаловъ.

Цѣль моей жизни, ваше прев-ство, цѣль моей жизни...

Гнѣвышовъ.

Цѣль вашей жизни: взять большое приданое и получить протекцію черезъ жену?.. Да̀, нынче многіе молодые люди имѣютъ эту цѣль...

Пирамидаловъ.

Но вѣдь я служилъ, не жалѣя себя...

Гнѣвышовъ.

Я вамъ повторяю, что вы не годитесь въ мужья Валентинѣ Васильевнѣ. Намъ нуженъ человѣкъ, такъ сказать, избранный...

Пирамидаловъ.

Но чѣмъ же Цыплуновъ лучше меня?..

Гнѣвышовъ.

Тутъ и сравненія быть не можетъ: у Цыплунова блестящая будущность; онъ скоро займетъ очень выгодное мѣсто въ московскомъ обществѣ, а съ нимъ и жена, разумѣется; а вы, хоть и хорошій, исполнительный чиновникъ, но вы далеко не пойдете...

Пирамидаловъ.

Съ вашей протекціей...

Гнѣвышевъ.

Даже и съ моей протекціей! Ужь самая наружность ваша...

Пирамидаловъ.

Помилуйте, ваше превосходительство! Цыплуновъ и одѣться порядочно не умѣетъ; а я на портныхъ, да на куафёровъ трачу даже болѣе, чѣмъ мои средства позволяютъ...

Гнѣвышовъ.

Я про лицо говорю, про выраженіе!...

Пирамидаловъ.

Очень почтительное, ваше превосходительство, всегда очень почтительное!...

Гнѣвышовъ.

Дà, ужь слишкомъ даже. Вы не обижайтесь: въ васъ есть чтò-то такое, немножко лакейское. Ну, а ужь тутъ, никакія куафюры не помогутъ...

Пирамидаловъ.

Очень жалѣю, ваше превосходительство, что не могъ или не умѣлъ!...

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, вы оставьте этотъ разговоръ. Я сдѣлаю для васъ все, чтò могу... я въ долгу не останусь...

Пирамидаловъ.

Я сегодня болѣе не нуженъ вашему превосходительству?...

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, прощайте! Дà, постойте! Не будете ли вы здѣсь завтра?...

Пирамидаловъ.

Если прикажете...

Гнѣвышовъ.

Побывайте! Мнѣ самому едва ли удастся—такъ вы понавѣдайтесь о здоровьи Валентины Васильевны и, вообще, ка̀къ идутъ дѣла съ Цыплуновыми, и сообщите мнѣ...

Пирамидаловъ.

Слушаю, ваше превосходительство! честь имѣю кланяться...

Гнѣвышовъ.

Прощайте!... (*Пирамидаловъ уходитъ*) золотой человѣкъ; а нельзя... лакей! Говорятъ, что я важенъ очень, повелителенъ... но, поневолѣ будешь важенъ, когда окружаютъ та̀кіе люди, съ которыми нельзя и говорить иначе, какъ начальническимъ тономъ. Заговори съ ними по человѣчески—такъ они удивятся, растеряются... (*Входитъ Бѣлесова*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гнѣвышовъ и Бѣлесова.

Бѣлесова (*садясь въ кресло*).

Ну, вы довольны мной? Я, кажется, въ точности исполняю все, что̀ вамъ угодно.

Гнѣвышовъ.

Очень доволенъ, Валентина, очень доволенъ.

Бѣлесова.

Теперь позвольте васъ спросить: зачѣмъ вы завезли меня въ эту глушь, зачѣмъ вы навязываете мнѣ какихъ-то чудаковъ, которыхъ мнѣ видѣть странно? Я не хочу ихъ обижать, а то бы я сказала другое слово...

Гнѣвышовъ.

Все это дѣлается для вашей пользы, мой другъ...

Бѣлесова.

Для моей пользы?.. Это любопытно.

Гнѣвышовъ.

Наши прежнія отношенія продолжаться не могутъ...

Бѣлесова (*встаетъ*).

Ка̀къ?.. Что̀ такое?.. Почему?..

Гнѣвышовъ.

Сядьте и выслушайте меня спокойно и внимательно...

Бѣлесова (*садясь*).

Ну-съ, я слушаю... только, пожалуйста, не мучьте меня, говорите короче!... Я устала...

Гнѣвышовъ.

Для того, чтобъ я рѣшился оставить васъ, причины должны быть очень важныя; иначе, конечно...

Бѣлесова.

Знаю, знаю! Говорите, что̀ за причины.

Гнѣвышовъ.

Моя жена ѣдетъ въ Москву!...

Бѣлесова.

Ну!...

Гнѣвышовъ.

Она пріѣдетъ завтра... она знаетъ все!...

Бѣлесова.

Ну, и пусть ее знаетъ...

Гнѣвышовъ.

Она ставитъ непремѣнное условіе, чтобъ наша связь была разорвана—въ противномъ случаѣ, она не сойдется со мной...

Бѣлесова.

Да зачѣмъ вамъ сходиться?..

Гнѣвышовъ.

Теперь, это необходимо: она получила большое, громадное наслѣдство...

Бѣлесова.

А!.. Вотъ что̀!..

Гнѣвышовъ.

Мои финансовыя дѣла̀ въ большомъ разстройствѣ...

Бѣлесова.

Да̀, я понимаю. Если васъ заставили выбирать что̀ нибудь одно: меня или деньги, такъ дѣло кончено—вы мной пожертвуете, вы и не задумаетесь даже...

Гнѣвышовъ.

Но! вѣдь, она—жена...

Бѣлесова.

Ахъ, молчи, пожалуйста!.. Очень много ты безпокоился о женѣ, когда у ней денегъ не было. Ну, да что̀ же дѣлать! Рано или поздно, это должно было случиться... Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!.. (*Утирая слезы*). Страстной любви нѣтъ и слезъ будетъ немного... (*съ разстановкой*). Любить тебя было бы глупо, но я все-таки тебя считаю человѣкомъ порядочнымъ и не могу предположить, чтобъ ты меня бросилъ совершенно, обрекъ меня на погибель... Ты, вѣроятно, позаботился о моей будущности...

Гнѣвышовъ.

Да̀, конечно! можешь ли ты сомнѣваться?..

Бѣлесова (*задумчиво*).

Чего я могу ждать отъ тебя? Чего?.. Ты, вѣроятно, предложилъ меня какому нибудь своему старому другу, богатому человѣку... и, конечно, разнѣжился при этомъ случаѣ и сквозь слезы просилъ его любить меня и лелѣять... (*утираетъ слезы*).

Гнѣвышовъ.

Ошибаешься, Валентина, ошибаешься...

Бѣлесова.

Развѣ хуже что̀ нибудь?...

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, лучше! Я хочу, чтобъ ты вышла замужъ.

Бѣлесова (*съ испугомъ*).

Замужъ?!

Гнѣвышовъ.

Да̀, замужъ. Я хочу, чтобъ ты занимала положеніе въ общесвѣ, какое слѣдуетъ тебѣ по твоему рожденію, по твоей красотѣ, по твоимъ способностямъ. Я считаю своей обязанностью возвратить тебя на ту дорогу, съ которой ты, по моей винѣ, уклонилась...

Бѣлесова.

Замужъ! Но, что̀ же у меня есть для того, чтобъ идти замужъ?!

Гнѣвышовъ.

Все есть! Хотя я, въ настоящее время, стѣсненъ въ деньгахъ; но я не забылъ своей обязанности, и у меня 15 т. готовы для васъ. Моя жена... она такъ великодушна, что предлагаетъ столько же, чтобъ...

Бѣлесова.

Чтобъ избавиться отъ меня?..

Гнѣвышовъ (*строго*).

Чтобъ устроить вашу судьбу, другъ мой...

Бѣлесова.

Денегъ вы дадите, я знаю... я въ этомъ не сомнѣваюсь; но гдѣ-жъ у меня тѣ качества, которыя нужны, чтобъ быть хорошей женой? Ка̀къ я буду исполнять обязанности, о которыхъ я понятія не имѣю? Вы ка̀къ меня воспитали? Вы взяли въ свой домъ и баловали, и окружали роскошью бѣднаго ребенка, сироту. Все, что̀ нужно для внѣшности, для умѣнья держать себя, я узнала въ подробности, а что̀ честно и безчестно для женщины—вы отъ меня скрыли. Замужъ!.. Замужъ!.. А что̀ такое мужъ, домъ, семья... развѣ я знаю... развѣ вы мнѣ сказали? Ваша глупая жена всѣми силами старалась развивать во мнѣ гордость, мотовство, суетность; и ка̀къ она радовалась своимъ

успѣхамъ, нисколько не подозрѣвая, что она старается для васъ, что она дѣйствуетъ въ пользу вашихъ сластолюбивыхъ замысловъ. Послѣ такого воспитанія вамъ не трудно было обольстить меня; вамъ стоило только сказать: хочешь ты жить въ бѣдности или въ богатствѣ—и кончено... и я ваша!..

Гнѣвышовъ.

Къ чему эти слова̀, эти упреки, мой другъ!..

Бѣлесова.

Ахъ, ка̀къ я только подумаю, что у меня будетъ мужъ!..

Гнѣвышовъ.

Не бойся! Для такой красавицы, какъ ты, мужъ—не что̀ иное, какъ покорный слуга...

Бѣлесова.

Ну, кого-жъ вы нашли... кто этотъ покорный слуга?.. Ужь не тотъ ли жалкій, полусъумасшедшій господинъ, котораго я видѣла сегодня?...

Гнѣвышовъ.

Да̀, Цыплуновъ... Это—лучшій человѣкъ, какого только можно желать для васъ... вы ошибаетесь, мой другъ!

Бѣлесова.

Нѣтъ, не ошибаюсь! Именно лучшій-то мнѣ и не годится. Вы не дали мнѣ никакого понятія о нравственности, когда я была ребенкомъ, а что̀ было во мнѣ хорошаго отъ природы вы погубили, лишь только я успѣла выдти изъ дѣтства, и теперь торжественно вручаете меня мужу, серьёзному человѣку, пропитанному какими-то строгими правилами, какими-то мѣщанскими добродѣтелями.

Гнѣвышовъ.

Зачѣмъ придавать такое большое значеніе...

Бѣлесова.

Хорошо вамъ говорить! вы уѣдете съ спокойной совѣстью, вы исполнили свою обязанность, а я останусь лицомъ къ лицу съ нимъ, съ этимъ мужемъ... Вѣдь, это—ужасъ... ужасъ!...

Гнѣвышовъ.

Но если вамъ непріятенъ Цыплуновъ, есть другой—Пирамидаловъ готовъ предложить вамъ свою руку...

Бѣлесова.

Фи!.. Что̀ вы! Не оскорбляйте меня, по крайней мѣрѣ... (*задумывается*).

Гнѣвышовъ.

Нѣчего думать! Нѣчего колебаться... Года черезъ три-четыре, Цыплуновъ займетъ видное мѣсто, и, вспомните мои слова̀, очень многія дамы будутъ завидовать вашему положенію...

Бѣлесова.

Но, вѣдь, надо будетъ съ нимъ объясниться, надо открыть ему все... ахъ, мученіе!..

Гнѣвышовъ.

Зачѣмъ, зачѣмъ?.. Ни-ни!..

Бѣлесова.

Кàкъ же можно обманывать!.. Это нечестно!..

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, послѣ, послѣ... Ваше признаніе можетъ затянуть дѣло... Чтò еще скажетъ его мать...

Бѣлесова.

Тебѣ хочется только сбыть меня; а кàкъ я буду развѣдываться съ мужемъ—тебѣ и дѣла нѣтъ...

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ-съ! Я даю вамъ такой совѣтъ, потому что глубоко знаю натуру человѣческую. Такіе люди, какъ Цыплуновъ, только на то и созданы, чтобы прощать. Развѣ вы не видите: его привязанность къ вамъ собачья; вы его можете гнать отъ себя, обижать, какъ вамъ угодно, онъ все больше и больше будетъ любить васъ...

Бѣлесова.

Ну... я подумаю. Прощайте!

Гнѣвышовъ.

Думать некогда. Завтра пріѣзжаетъ моя жена, и мы скоро отправляемся въ деревню, а я хочу, чтобы все это кончилось при мнѣ—иначе, я не буду покоенъ. Прощайте... завтра я не буду у васъ... черезъ день или два, я привезу вамъ деньги. Не думайте, мой другъ, не думайте!..

Бѣлесова.

Не думать... да развѣ это въ моей власти! Какую ночь я я проведу... Мнѣ кажется, я посѣдѣю къ утру.—Уѣзжайте... (*подходитъ къ трюмо*).

Гнѣвышовъ.

До свиданія, мой другъ!

Бѣлесова (*глядя въ зеркало и поправляя волосы*).

Вы разбили меня всю; я въ эти полчаса постарѣла на 5 лѣтъ... прощайте!.. (*подаетъ руку назадъ, не оборачиваясь. Гнѣвышовъ сначала жметъ ей руку, потомъ цѣлуетъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Бѣлесова (*одна*).

Не покончить-ли съ жизнію! (*подумавъ*). Нѣтъ, что̀ за малодушіе!.. Это средство всегда въ моихъ рукахъ, и я всегда имъ могу воспользоваться... да̀, еще успѣю... успѣю, когда нужно будетъ. Я вѣдь—женщина, я любопытна, и страшно мнѣ, и женское любопытство тянетъ меня заглянуть въ этотъ невѣдомый для меня міръ супружества. Ка̀къ ничтоженъ казался мнѣ этотъ человѣкъ, ка̀къ малъ передо мною; и вотъ, теперь, когда я думаю о немъ, мнѣ кажется, что умаляюсь я; а этотъ пигмей ростетъ, принимаетъ грозный видъ... и вотъ, въ моемъ воображеніи рисуется холодное и строгое лицо мужа передъ недостойной женой. Ахъ, страшно... страшно!.. (*садится*). Но что̀ это со мной?... (*хватается за грудь*). Мнѣ тѣснитъ грудь, я умираю... А! Нѣтъ... это... я знаю, это изъ глубины души идутъ благодатныя слезы... Что̀ это за слезы? Слезы обиды, стыда, отчаянія?.. Но какія бы слезы ни были, только бы слезы... слезы.—Рыдай, несчастная.—И если эти слезы не облегчатъ тебя—лучше не живи! (*рыдаетъ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Цыплуновъ.
Цыплунова.
Бѣлесова.
Бѣдонѣгова.
Пирамидаловъ.

Садикъ при дачѣ Цыплуновыхъ: на лѣво крыльцо дома, на право нѣсколько деревьевъ и кустовъ, круглый столъ и садовая мёбель; въ глубинѣ досчатый заборъ и въ немъ калитка.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Цыплуновъ и Цыплунова (*сходятъ съ крыльца*); *потомъ* Пирамидаловъ.

Цыплуновъ.

Повторите мнѣ, маменька, все, что̀ она вамъ сказала, только прошу васъ слово въ слово, не измѣняйте и не прибавляйте ничего.

Цыплунова.

Она сказала мнѣ: «любовь вашего сына меня трогаетъ; еслибъ я знала, что достойна его и могу составить его счастіе, я бъ ни минуты не задумалась».

Цыплуновъ.

Вы не клялись ей, что она была мечтой всей моей жизни, что даже видѣть ее для меня блаженство невыразимое...

Цыплунова.

Ужь это—твое дѣло.

Цыплуновъ.

Что̀ же вы ей сказали?

Цыплунова.

Я поблагодарила ее за расположеніе къ намъ и сказала, что очень рада назвать ее своей дочерью и что пришлю тебя къ ней.

Цыплуновъ.

Ну, я иду, иду.

Цыплунова.

Только ты будь посмѣлѣе. Она говоритъ: «скажите ему, чтобъ не дичился меня, чтобъ онъ шелъ ко мнѣ, какъ къ невѣстѣ».

Цыплуновъ.

Я иду къ невѣстѣ. Маменька! (*обнимаетъ мать и прилегаетъ къ ней на плечо*). Я иду къ невѣстѣ. Дождались вы?

Цыплунова.

Дождалась, мой другъ, дождалась радости. Ты повеселѣешь и я повеселѣю, а то ты ходишь, тоскуешь, неизвѣстно о чемъ, а я тоскую на тебя глядя.

Цыплуновъ.

Ну, прощайте!

Цыплунова.

Приходите вмѣстѣ, приводи и ее съ собой. Она обѣщала къ намъ чай пить.

Цыплуновъ.

Да̀, вмѣстѣ придемъ, теперь ужь все вмѣстѣ. Зачѣмъ намъ разлучаться и что̀ можетъ разлучить насъ! (*идетъ, на встрѣчу ему изъ калитки выходитъ Пирамидаловъ*).

Пирамидаловъ.

А, Юрій Михайловичъ, здравствуйте!

Цыплуновъ.

Здравствуйте, здравствуйте. Вотъ—маменька, а мнѣ некогда (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Цыплунова и Пирамидаловъ.

Цыплунова.

А, это—вы, Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Честь имѣю кланяться, Анна Аѳанасьевна! Куда это Юрій Михайловичъ такъ торопится.

Цыплунова.

Онъ пошелъ къ Валентинѣ Васильевнѣ.

Пирамидаловъ.

Чтò-жъ онъ не сказалъ? Чудакъ, право, чудакъ! Такъ и я туда же. Прощайте!

Цыплунова.

Нѣтъ, ужъ повремените немножко здѣсь.

Пирамидаловъ.

Кàкъ повремените, зачѣмъ?

Цыплунова.

Такъ ужь, я васъ прошу покорно.

Пирамидаловъ.

Да мнѣ нужно, Анна Аѳанасьевна, увѣряю васъ.

Цыплунова.

Ну ужь полчасика—куда ни шло. Вы ее увидите; она сама придетъ сюда съ Юшей.

Пирамидаловъ.

Всеволодъ Вячеславичъ очень занятъ сегодня и не можетъ сюда пріѣхать, такъ вчера онъ просилъ меня, чтобъ я навѣстилъ Валентину Васильевну, ну, и къ вамъ просилъ забѣжать—нѣтъ-ли чего новаго?

Цыплунова.

Какія-жь у насъ могутъ быть новости! я не понимаю васъ.

Пирамидаловъ.

Сватовство не началось-ли?

Цыплунова.

Такъ вы знаете?

Пирамидаловъ.

Еще бы. Развѣ генералъ отъ меня скрываетъ чтò нибудь?

Цыплунова.

А вы когда увидите Всеволода Вячеславича?

Пирамидаловъ.

Завтра утромъ явлюсь къ нему.

Цыплунова.

Такъ скажите ему, что у насъ дѣло кончено.

Пирамидаловъ.

Вотъ ка̀къ! Скоренько, Анна Аѳанасьевна, скоренько.

Цыплунова.

Да чего-жь намъ ждать-то?

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, все таки... Но я удивляюсь, ка̀къ Юрій Михайловичъ со мной не посовѣтовался.

Цыплунова.

До совѣтовъ-ли ему? Онъ такъ счастливъ, что себя не помнитъ.

Пирамидаловъ.

А не мѣшало-бъ меня спросить! я Валентину Васильевну довольно хорошо знаю.

Цыплунова.

Что̀-жь вы знаете?

Пирамидаловъ.

Прежде надо было спрашивать, Анна Аѳанасьевна, прежде. А теперь, хоть спрашивайте, ничего не скажу. Одно только скажу: не мое дѣло. Я, Анна Аѳанасьевна, умѣю молчать, когда нужно.

Цыплунова.

Ну, ка̀къ вамъ угодно: хоть молчите, хоть говорите—намъ все равно.

Пирамидаловъ.

Генералу угодно, вы не прочь, а я—что̀? Я мелко плаваю, слѣдовательно, я долженъ молчать.

Цыплунова.

Ну, такъ ужь и молчите, я васъ покорно прошу.

Пирамидаловъ.

Вы думаете, что такіе высокіе люди, какъ Всеволодъ Вячеславичъ, и ошибаться не могутъ. Нѣтъ, могутъ и очень могутъ.

Цыплунова.

Ничего я не думаю, и думать мнѣ нѐ зачѣмъ.

Пирамидаловъ.

Былъ у него человѣкъ и человѣкъ достойный; дѣло-то безъ хлопотъ бы обошлось; такъ не захотѣлъ Всеволодъ Вячеславичъ, не захотѣлъ-съ (*про себя*). Лакейское лицо, изволите-ли видѣть (*громко*). Ну, а теперь мы еще посмотримъ.

Цыплунова.

Оставимте этотъ разговоръ.

Пирамидаловъ.

Извольте, съ удовольствіемъ. Чтò ужь тутъ. Вѣдь, и я тоже влюбленъ въ Валентину Васильевну и надѣялся...

Цыплунова.

А, понимаю теперь. (*Бѣдонѣгова показывается въ калиткѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Цыплунова, Пирамидаловъ и Бѣдонѣгова.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ, вотъ вы гдѣ, а я васъ ищу. Кàкъ это— идете мимо дачи, и нѣтъ, чтобы...

Цыплунова.

Зайдите, Антонина Власьевна, отдохните!

Бѣдонѣгова.

Да ужь позвольте посидѣть у васъ. Вотъ, далеко-ли прошла, а устала. Я вѣдь на дачѣ живу, никогда не гуляю, а выйду за ворота, посижу на лавочкѣ—и довольно. Я больше для воздуху; потому на воздухѣ мнѣ легче, а въ комнатѣ словно на меня тягость какая нападаетъ.

Цыплунова.

Такъ посидите въ садикѣ, а я пойду объ чаѣ похлопочу. Вотъ вамъ и кавалеръ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пирамидаловъ и Бѣдонѣгова.

Бѣдонѣгова.

Чтò-жь вы это—къ прочимъ людямъ ходите, а ко мнѣ не заглянете?

Пирамидаловъ.

Къ вамъ я послѣ; вотъ всѣхъ обойду, тогда и къ вамъ, мадеры выпить.

Бѣдонѣгова.

Дà, на минуточку-то: нѣкогда ни разговорится, ни чтò, да все домой торопитесь. А вы бы ко мнѣ на весь день когда, такъ, съ утра бы, чтобы ужь какъ слѣдуетъ, неторопясь.

*

Пирамидаловъ.

Ка̀къ можно на весь день? Вы еще на недѣлю скажете! Вѣдь, я—человѣкъ служащій.

Бѣдонѣгова.

Да что̀ ваша служба! Выгоды отъ нея, какъ я посмотрю, большой нѣтъ. Вы, коли захотите, такъ и безъ службы можете себѣ хорошую выгоду имѣть. А вы сами не хотите, бѣгаете по всѣмъ дачамъ, а зачѣмъ неизвѣстно. Если бы вы могли имѣть любовь...

Пирамидаловъ.

Вотъ еще, любовь. Ка̀къ же, нужно очень!

Бѣдонѣгова.

Нѣтъ, вы не говорите! Любовь, коли кто можетъ чувствовать, такъ это даже очень хорошо.

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, ужь, ну ее! До любви ли бѣдному чиновнику!

Бѣдонѣгова.

Но васъ можетъ полюбить богатая женщина, и вы тогда можете имѣть себѣ удовольствіе въ жизни и во всемъ достатокъ.

Пирамидаловъ.

Да нѣтъ, я разочарованъ.

Бѣдонѣгова.

А вы бы попытались—можетъ, и выйдетъ счастье?

Пирамидаловъ.

Я потому въ жизни разочарованъ, что ни что̀ на свѣтѣ не вѣчно.

Бѣдонѣгова.

Ну, ужь это—что̀-жь дѣлать?

Пирамидаловъ.

Жизнь наша скоротечна, а любовь еще скоротечнѣе, особенно у богатыхъ женщинъ. Полюбитъ, ну и блаженъ, во всемъ довольствѣ; а вдругъ увидитъ офицера и разлюбила, и опять—въ бѣдность.

Бѣдонѣгова.

Да̀, это бываетъ. Но и мужчины много фальшивятъ и неглижируютъ, а для женщины дороже всего, чтобъ ужь это постоянно.

Пирамидаловъ.

Вотъ отчего я и не могу любить, и не вѣрю въ любовь, и разочарованъ. Кабы жениться — это другое дѣло.

Бѣдонѣгова.

А что̀-жь? Коли вами будутъ довольны...

Пирамидаловъ.

Скажите, Антонина Власьевна: лакейское ли у меня лицо, или нѣтъ?

Бѣдонѣгова.

Ахъ, что̀ вы, что̀ вы! Самое милое и благородное.

Пирамидаловъ.

У васъ какая вотчина-то?

Бѣдонѣгова.

Домъ съ лавками.

Пирамидаловъ.

А много-ль доходу съ нихъ?

Бѣдонѣгова.

Тысячъ 15, чай, да у меня и окромя... А вы, вотъ, все отъ меня бѣгаете, къ сосѣдкѣ моей, къ Бѣлесовой, ходите. Зачѣмъ вы къ ней ходите?

Пирамидаловъ.

Приказываютъ, такъ поневолѣ пойдешь.

Бѣдонѣгова.

А я про эту сосѣдку все доподлинно узнала.

Пирамидаловъ.

Что̀-жь вы узнали?

Бѣдонѣгова.

Генералъ этотъ—ей не дяденька.

Пирамидаловъ.

А кто же?

Бѣдонѣгова.

А такъ, въ родѣ какъ благодѣтель.

Пирамидаловъ.

Ну такъ что̀-жь за важность! Кому какое дѣло!

Бѣдонѣгова.

Ну, ужь не та честь, что̀ генеральской племянницѣ. Нѣтъ, ужь далеко цѣна другая. Генеральскую племянницу взять всякому лестно, а эту—кому нужно!

Пирамидаловъ.

Не тотъ свѣтъ—не забракуютъ, было бы только приданое.

Бѣдонѣгова.

Само собой, генералъ для нея не пожалѣетъ, если человѣкъ состоятельный; только много не дастъ—не дочь вѣдь, что̀ за крайность изъяниться! А коли и дастъ, такъ приданое будетъ дворянское.

Пирамидаловъ.

Что̀ такое за дворянское?

Бѣдонѣгова.

Дворянское извѣстно—какое: однѣ только моды, а денегъ много не спрашивайте.

Пирамидаловъ.

А протекція—развѣ этого мало?

Бѣдонѣгова.

И съ протекціей тоже вѣдь служить надо, голову свою утруждать, изнурять себя, а настоящаго спокойствія и прохлажденія нѣтъ. А съ деньгами-то самъ себѣ господинъ: захотѣлъ, ну и ходи цѣлую недѣлю дома въ халатѣ. Чтò можетъ быть пріятнѣе! И безъ нея есть невѣсты, и дѣвушки изъ хорошихъ семей и вдовы, а на такой жениться и отъ людей совѣстно.

Пирамидаловъ.

Кому совѣстно, а кому нѣтъ.

Бѣдонѣгова.

Само собой, мало-ль оглашенныхъ-то!

Пирамидаловъ.

Не про оглашенныхъ рѣчь. Вотъ Юрій Михайловичъ Цыплуновъ—и не оглашенный, а людей не совѣстится.

Бѣдонѣгова.

А чтò-жь онъ?

Пирамидаловъ.

Женится на Бѣлесовой.

Бѣдонѣгова.

Да изъ чего же?

Пирамидаловъ.

Изъ приданаго, да изъ протекціи.

Бѣдонѣгова.

Такой гордый-то. Да онъ и на людей не смотрѣлъ. Батюшки, никакъ свѣтъ перевернуться хочетъ!

Пирамидаловъ.

Вотъ на кого у меня злоба-то кипитъ. Ну, кàкъ не скажешь? а скажешь, такъ не нравится. Теперь и въ люди выдетъ, и носъ подыметъ—вотъ чтò обидно-то. А ты пресмыкайся всю жизнь.

Бѣдонѣгова.

Да зачѣмъ, зачѣмъ? И вы можете себѣ линію найти.

Пирамидаловъ.

Какая ужь тутъ линія!

Бѣдонѣгова.

Черезъ женщину, черезъ богатую. (*Въ калитку входятъ Цыплуновъ и Бѣлесова*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Пирамидаловъ, Бѣдонѣгова, Цыплуновъ и Бѣлесова.

Пирамидаловъ (*Бѣдонѣговой*).

Вотъ извольте полюбоваться! Ужъ и прогуливаются вмѣстѣ.

Бѣдонѣгова.

Да что̀ вы какъ будто сердитесь. Аль завидки берутъ? Вотъ и вѣрь мужчинамъ. (*Цыплуновъ, проходя съ Бѣлесовой къ крыльцу, кланяется Бѣдонѣговой*).

Бѣлесова (*Цыплунову*).

Кто эта дама, такая росписанная?

Цыплуновъ.

Сосѣдка наша.

Бѣлесова.

Купчиха, должно быть, лавочница какая-нибудь. Что̀ за знакомство!

Цыплуновъ.

Ка̀къ отъ нихъ избавиться? Насильно врываются.

Бѣлесова.

Я къ вашей маменькѣ пойду, подождите меня здѣсь. (*Уходитъ на крыльцо. Цыплуновъ долго смотритъ ей въ глаза*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Цыплуновъ, Пирамидаловъ и Бѣдонѣгова.

Пирамидаловъ.

Ка̀къ смотритъ-то, ка̀къ смотритъ! Скажите, пожалуйста!

Бѣдонѣгова.

И то. Ахъ, это смѣху подобно! (*Смѣется, Пирамидаловъ смѣется искуственно. Цыплуновъ садится на скамейку поодаль*).

Пирамидаловъ (*громко*).

И меня ловили, да нѣтъ: я мелко плаваю, а я честь берегу.

Бѣдонѣгова.

Потому что она—всякому нужная.

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, говорю, ваше превосходительство, ищите другого! Не безпокойтесь, говорю, найдутся избранники.

Бѣдонѣгова.

Да ка̀къ не найтись! Вотъ и нашлись.

Пирамидаловъ.

Я, говоритъ, дамъ за ней хорошее приданое, буду оказывать вамъ покровительство по службѣ. Нѣтъ, говорю, ваше превосходительство, я вамъ очень благодаренъ, а извините, рѣшиться не могу. Да почему же? Потому что я себѣ цѣну знаю. А вы обо мнѣ ка̀къ бы думали, Антонина Власьевна? Нѣтъ, я за словомъ въ карманъ не полѣзу. Потому, говорю, ваше превосходительство, что у меня много знакомыхъ, товарищей—что̀ они скажутъ! Ка̀къ будутъ смотрѣть на меня! Другому это ни почемъ, а мнѣ дорого: я—молодой человѣкъ, я только жить начинаю.

Бѣдонѣгова.

Да ему, чай, за обиду показалось, что вы такъ говорите?

Пирамидаловъ.

Я говорю: «ваше превосходительство, я ея не обижаю, ну, то есть, эту женщину, понимаете? Я къ ней со всѣмъ уваженіемъ, а жениться—нѣтъ, не могу. Можетъ быть, чрезъ это, говорю, я ваше расположеніе теряю, а ужь нѣтъ, не могу».

Цыплуновъ.

Вы про какую это женщину говорите?

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, мы та̀къ, свой разговоръ ведемъ.

Цыплуновъ.

Да̀, вы говорите между собой, но вы нарочно говорите громко, съ явнымъ намѣреніемъ, чтобы ваши слова̀ доходили до меня.

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, право мы—такъ, вообще.

Цыплуновъ.

Вы нарочно ударяли на тѣ слова̀, которыя должны меня затрогивать въ моемъ настоящемъ положеніи. Я эту манеру знаю. Это—манера мелкихъ завистливыхъ людишекъ. Извольте мнѣ сказать, про какую женщину, про какого генерала вы говорили!

Бѣдонѣгова.

Что̀ это вы такъ пристаете?

Цыплуновъ.

Что̀-жь вы молчите? Отвѣчайте! Вы говорили про Валентину Васильевну?

Бѣдонѣгова.

Да хоть бы и про нее—такъ, вѣдь, не принцесса.

Пирамидаловъ.

Развѣ я не могу говорить про что̀ мнѣ угодно?

Цыплуновъ.

Можете. Теперь: или вы идите сейчасъ же извиниться передъ

ней, или скажите мнѣ прямо, почему нельзя жениться на ней честному человѣку.

Бѣдонѣгова.

Да стòитъ ли она еще того, чтобы изъ-за нея вамъ ссориться! Все-таки вы—товарищи, а она—чтò!

Цыплуновъ.

Вы это слышите. Говорите сейчасъ, почему не честно жениться на Валентинѣ Васильевнѣ, иначе я...

Пирамидаловъ.

Ну, чтò-жь иначе? Чтò иначе?

Цыплуновъ.

Иначе, я просто васъ убью!

Пирамидаловъ.

Я говорилъ только про себя, а другимъ какъ угодно. Я не могу жениться.

Цыплуновъ (*горячо*).

Почему? Говори почему!

Пирамидаловъ (*сердясь*).

Почему да почему! Ну, потому, что не желаю утѣшать покинутыхъ фаворитокъ, не желаю подбирать того, чтò другіе бросаютъ. Я могу найти лучше.

Бѣдонѣгова.

Еще бы не найти!

Цыплуновъ.

Она—покинутая фаворитка? Правда это?

Пирамидаловъ.

Конечно, правда. Надняхъ пріѣдетъ изъ-за границы жена Всеволода Вячеславича—вотъ ему и хочется поскорѣй пристроить Валентину Васильевну.

Бѣдонѣгова.

Да весь свѣтъ про это знаетъ.

Цыплуновъ.

Ну! (*Тяжело вздохнувъ и хватаясь за голову*). Извините меня! (*Идетъ къ крыльцу, съ крыльца сходятъ Цыплунова и Бѣлесова*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Бѣлесова, Цыплунова, Цыплуновъ, Пирамидаловъ и Бѣдонѣгова.

Цыплуновъ (*Бѣлесовой*).

Вы—не родственница Всеволоду Вячеславичу?

Бѣлесова.

Что̀ за вопросъ? Зачѣмъ вамъ?

Цыплуновъ.

Мнѣ нужно знать.

Бѣлесова.

Да развѣ для васъ не все равно? Развѣ вамъ нужно родство?

Цыплуновъ.

Нѣтъ, не все равно. Мнѣ родства не нужно, но знать правду необходимо.

Бѣлесова.

А если необходимо, я вамъ скажу. Нѣтъ, не родственница: я—его воспитанница.

Цыплуновъ.

Да̀, я знаю, были воспитанницей, а теперь?

Бѣлесова.

Что̀ за допросы?

Цыплунова.

Юша, Юша, что̀ съ тобой?

Цыплуновъ (*Бѣлесовой*).

А теперь?

Бѣлесова (*съ волненіемъ*).

Если вы думаете, что я—все тотъ же невинный ребенокъ, котораго вы знали прежде...

Цыплуновъ (*хватаясь за голову*).

Да̀, я думалъ, что вы такъ же чисты.

Бѣлесова.

Такъ вы ошибаетесь... я должна признаться, что я ужь не... дитя.

Цыплуновъ.

Зачѣмъ же вы отъ меня скрыли, что вы утратили, погубили этотъ чистый дѣтскій образъ? Вѣдь я его только и любилъ въ васъ.

Бѣлесова.

Вы меня ни о чемъ не спрашивали; вы мнѣ говорили только что любите меня. И вы должны быть мнѣ благодарны: я сдѣлала вамъ угодное, я позволила вамъ быть близко и любить меня.

Цыплуновъ.

Да, вѣдь, въ моихъ мечтахъ вы были чисты; кругомъ васъ были лучи, сіяніе непорочности.

Бѣлесова.

Вы должны были знать, на комъ вы женитесь

Цыплуновъ.

Вы меня обманули.

Бѣлесова.

Скажите лучше, что вы сами обманулись.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, вы меня обманули.

Бѣлесова.

Чѣмъ?

Цыплуновъ.

Вашимъ ангельскимъ лицомъ: оно у васъ тоже, прежнее.

Бѣлесова.

Я очень рада, что оно не измѣнилось.

Цыплуновъ.

Но вѣдь оно лжетъ! Замажьте его бѣлилами, румянами, чтобъ оно не обманывало.

Бѣлесова.

Фи! Что̀ вы, что̀ вы! Опомнитесь!

Цыплуновъ.

Вамъ жалко его, неправда ли? Да̀, жалко, жалко! Оно прекрасно, оно—такое свѣтлое, чарующее. Такъ оставьте его... но вывѣску, вывѣску, какую-нибудь вывѣску! Длинный хвостъ, особую прическу. Мало ли этихъ примѣтъ, по которымъ любители продажной красоты узнаютъ свой товаръ.

Бѣлесова.

Ахъ! Какое оскорбленіе! Ка̀къ вы злы, ничтожный человѣкъ! Пирамидаловъ, заступитесь хоть вы за меня.

Пирамидаловъ (*подходя къ Бѣлесовой*).

Можно ли такъ оскорблять женщину! Что̀ вы!

Цыплунова.

Юша, Юша, что̀ ты дѣлаешь! Пожалѣй ты хоть самого-то себя.

Цыплуновъ.

Вы уничтожили мечту всей моей жизни, опустошили мою душу.

Бѣлесова (*презрительно*).

Довольно. Пощадите.

Цыплуновъ.

А вы меня щадили? Вы убили, вы утопили въ грязи самую чистую любовь. Я ее лелѣялъ въ груди десять лѣтъ; я ее считалъ своимъ благомъ, своимъ счастіемъ, даромъ небеснымъ. Я благодарилъ судьбу за этотъ даръ.

Бѣлесова (*Пирамидалову*).

Пойдемте. Проводите меня! Убѣжимте изъ этого дома съумасшедшихъ!

Цыплуновъ.

Нѣтъ, это—не домъ сумасшедшихъ, но вы уходите! Это—домъ честныхъ людей, и вамъ здѣсь не мѣсто (*обнимая мать*). Посмотрите, какъ здѣсь все свято, какой здѣсь рай, и признайтесь передъ собой и передъ нами, что вамъ нѣтъ мѣста между мной и моею матерью.

Бѣлесова.

Если бы у меня былъ мужъ или братъ, или хоть молодой преданный любовникъ, я бы не успокоилась до тѣхъ поръ, пока бы васъ не убили.

Цыплуновъ.

Зачѣмъ еще убивать меня? Я убитъ, убитъ вами... вашъ ударъ прямо въ сердце! Вы убили любовь мою: она была для меня дороже жизни, и ея нѣтъ... (*хватается за грудь*) ея здѣсь нѣтъ... нѣтъ и жизни! (*падаетъ безъ чувствъ въ кресло*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Бѣлесова.
Гнѣвышовъ.
Пирамидаловъ.
Цыплуновъ.
Цыплунова.

Комната 2-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Пирамидаловъ (*съ террасы входитъ*) и Гнѣвышовъ.

Гнѣвышовъ.

Ну что?

Пирамидаловъ.

Валентина Васильевна меня видѣть не желаетъ, ваше превосходительство. (*Гнѣвышовъ, тихо подходя къ двери направо, дѣлаетъ знакъ Пирамидалову, чтобы онъ отошелъ къ сторонѣ*). А я, по вашему приказанію...

Гнѣвышовъ.

Молчите! (*Стучится въ дверь*). Валентина, Валентина Васильевна, можно войти! (*Голосъ Бѣлесовой*). «Подождите». (*Отходитъ отъ двери*). Ну, она, кажется—ничего, а кàкъ вы меня испугали!

Пирамидаловъ.

Я счелъ своею обязанностію, сегодня утромъ, доложить подробно вашему превосходительству все, чтò вчера происходило, какъ вы сами изволили мнѣ приказать.

Гнѣвышовъ.

И поспѣшили сюда?

Пирамидаловъ.

Такъ точно, ваше превосходительство, и передалъ Валентинѣ Васильевнѣ, что вы изволите прибыть въ слѣдъ за мною.

Гнѣвышовъ.

Ну, и чтò же?

Пирамидаловъ.

Я и понять не могу, ваше превосходительство...

Гнѣвышовъ.

Да гдѣ же вамъ?

Пирамидаловъ.

Слушать меня не стали, а приказали мнѣ сейчасъ же позвать къ нимъ Цыплунова.

Гнѣвышовъ,

Кàкъ, Цыплунова! этого самаго? Не понимаю, не понимаю.

Пирамидаловъ.

Я говорю: «Валентина Васильевна, кого вы приглашаете? Гдѣ же у васъ самолюбіе! Я васъ не узнаю!» Тàкъ вѣдь я говорилъ, ваше превосходительство?

Гнѣвышовъ.

Ну, ну, далѣе!

Пирамидаловъ.

Да онъ, говорю, не пойдетъ. «Не ваше, говоритъ, дѣло. Прикажите ему отъ меня, чтобъ онъ пришелъ; ну, просите его, ну, умоляйте его». И больше ничего разговаривать не стали, и ушли отъ меня.

Гнѣвышовъ.

Вы ходили?

Пирамидаловъ.

Ходилъ, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Чтò-жь онъ?

Пирамидаловъ.

Ломается: «да зачѣмъ я пойду, да съ какой стати, да что̀ мнѣ тамъ дѣлать?»

Гнѣвышовъ.

Да придетъ онъ или нѣтъ? я васъ спрашиваю.

Пирамидаловъ.

Хотѣлъ придти.

Гнѣвышовъ.

Странно, очень странно.

Пирамидаловъ.

Я вамъ говорилъ, ваше превосходительство, что онъ—дикій, вы мнѣ не изволили вѣрить.

Гнѣвышовъ.

О, мой милый, кто-жь не ошибается! Человѣку свойственно ошибаться. Но я въ винѣ, я и въ отвѣтѣ; я постараюсь поправить эту ошибку.

Пирамидаловъ.

Если что̀ нужно будетъ вашему превосходительству я буду здѣсь въ саду.

Гнѣвышовъ.

Да̀, хорошо, ступайте; я слышу шелестъ платья. (*Пирамидаловъ уходитъ въ садъ. Изъ боковой двери выходитъ Бѣлесова*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Гнѣвышовъ и Бѣлесова.

Гнѣвышовъ.

Здравствуй, Валентина.

Белесова.

Ну что̀ вы? Зачѣмъ вы?

Гнѣвышовъ.

Мой другъ, такой случай!.. не могъ же я...

Бѣлесова.

Вы знаете?

Гнѣвышовъ.

Пирамидаловъ мнѣ передалъ.

Бѣлесова.

Поймите же вы, въ какомъ я положеніи, если вы способны понимать что̀-нибудь.

Гнѣвышовъ.

О, мой другъ, всякій можетъ подвергнуться оскорбленію—никто отъ этого не застрахованъ. Ну, представьте себѣ, я пошелъ прогуляться, и вдругъ на меня изъ подворотни лаетъ собака—неужели же мнѣ этотъ грубый лай принимать за оскорбленіе и обидѣться! А эти глупые упреки, эта мѣщанская брань чѣмъ же лучше собачьяго лая! И тебѣ, Валентина, не только обижаться, но даже и думать объ этомъ не стóитъ.

Бѣлесова.

Стóитъ думать, или не стóитъ, это—ужь мое дѣло. Это для меня теперь—самый важный жизненный вопросъ (*задумчиво*). Но это—не лай... Какая энергія, какое благородство! Я ничего подобнаго въ жизни не видывала. И вмѣстѣ—какая обида, какая обида!

Гнѣвышовъ.

Ну, оставь же! Отнесись къ этому факту съ презрѣніемъ, котораго онъ заслуживаетъ. Презрительность ко всему мелкому и вульгарному—въ твоей натурѣ и она такъ граціозна выходитъ у тебя.

Бѣлесова.

Въ моей натурѣ... Вы говорили, что хорошо знаете человѣческую натуру, и я имѣла глупость вамъ повѣрить.

Гнѣвышовъ.

Я, дѣйствительно, хорошо знаю сердце человѣческое, но могу иногда и ошибаться.

Бѣлесова.

Вотъ тò-то же. Нѣтъ, въ дѣлахъ важныхъ никогда не нужно слушать мудрецовъ и знатоковъ сердца человѣческаго, а надо слѣдовать собственному внутреннему убѣжденію. Въ молодомъ сердцѣ, кàкъ бы оно испорчено ни было, все-таки говорятъ еще свѣжіе природные инстинкты. По вашимъ словамъ, я думала, что Цыплуновъ вѣчно будетъ моимъ покорнымъ рабомъ и что я, разумѣется, ничего не обязана буду чувствовать къ нему, кромѣ презрѣнія. А вышло напротивъ: онъ меня презираетъ.

Гнѣвышовъ.

И это тебя безпокоитъ? Какое ты дитя!

Бѣлесова.

Безпокоитъ, мало сказать. Мучаетъ меня: я вся дрожу, я не спала всю ночь. Я хочу его видѣть.

Гнѣвышовъ.

Ну, зачѣмъ это, зачѣмъ? Ты должна выкинуть изъ головы всякое помышленіе о немъ. Онъ—человѣкъ грубый, для твоей

деликатной натуры не годится; ну, значитъ, съ нимъ и о немъ всякіе разговоры кончены. Я привезъ тебѣ деньги, сколько могъ собрать. На первое время съ тебя будетъ достаточно.

Бѣлесова.

Зачѣмъ ты привезъ именно нынче? Почему ты такъ поторопился?

Гнѣвышовъ.

Надо-жь когда-нибудь; такъ не все ли равно—нынче или завтра... Я обѣщалъ, я долженъ.

Бѣлесова (*съ горечью*).

Нѣтъ, не правда. Ты зналъ, что я оскорблена и хотѣлъ меня утѣшить. Признайся. Дѣтей утѣшаютъ игрушками, конфектами, а женщинъ—деньгами. Ты думалъ, что всякую тоску, всякое горе, всякое душевное страданіе женщина забудетъ, какъ только увидитъ деньги. Ты думалъ, она огорчена, оскорблена, она плачетъ, бѣдная, словами ее теперь не утѣшишь—это трудно и долго, привезу ей побольше денегъ—вотъ она и запрыгаетъ отъ радости.

Гнѣвышовъ.

Ну, это не совсѣмъ такъ!

Бѣлесова (*настойчиво со слезами*).

Нѣтъ, такъ, такъ!

Гнѣвышовъ.

Ты ко мнѣ придираешься.

Бѣлесова.

Мнѣ хочется плакать... Подите прочь!

Гнѣвышовъ.

Ты скажи мнѣ, что̀ тебѣ нужно?

Бѣлесова.

Отъ васъ ничего. Мнѣ нужно видѣть Цыплунова.

Гнѣвышовъ.

Зачѣмъ?

Бѣлесова.

Я не знаю зачѣмъ. Мнѣ хочется и убить его, и оправдаться передъ нимъ, просить у него прощенія.

Гнѣвышовъ.

Какія фантазіи! Ну, видишь, ты сама не знаешь, что̀ ты хочешь.

Бѣлесова.

Не знаю, не знаю. Но я знаю только одно, что, если онъ не сниметъ съ меня этихъ упрековъ, этого позора, я могу дойти до отчаянія и сойти съ ума.

Гнѣвышовъ.

Вы въ ажитаціи, мой другъ, вамъ надо успокоиться. Очень жаль, что вы поторопились послать за Цыплуновымъ—какъ бы это не разстроило васъ еще болѣе. Возьмите деньги, уберите ихъ. Съ этими деньгами ты можешь жить самостоятельно, не нуждаясь ни въ комъ (*подаетъ Бѣлесовой большой конвертъ*).

Бѣлесова (*съ болѣзненнымъ отвращеніемъ*).

Ахъ! (*беретъ деньги и бросаетъ ихъ на столъ*). Еслибъ можно было не брать ихъ!

Гнѣвышовъ.

Вы не оскорбляйтесь! Дѣти берутъ же отъ отцевъ... Оскорбляться тутъ нечѣмъ. Деньги—вещь необходимая. Я къ вамъ какъ-нибудь заѣду на этой недѣлѣ. Часто я у васъ бывать не могу; вчера пріѣхала жена. Впрочемъ, когда она узнала отъ меня, что вы выходите замужъ, гнѣвъ ея разсѣялся, и она шлетъ вамъ цѣлую дюжину поцѣлуевъ. (*Прислушивается*). Онъ здѣсь, онъ здѣсь- я слышу его голосъ. Я подожду, чѣмъ кончится ваше объясненіе.

Бѣлесова.

Только не здѣсь. Подите въ садъ и пошлите его ко мнѣ; сами вы можете войти послѣ. (*Гнѣвышовъ уходитъ. Бѣлесова взволнованная ходитъ по комнатѣ. Входитъ Цыплуновъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Бѣлесова и Цыплуновъ.

Цыплуновъ.

Что вамъ угодно?

Бѣлесова.

А! вы пришли, вы здѣсь, у меня, значитъ—вы признаете себя виноватымъ?

Цыплуновъ.

Нисколько не признаю. Вы меня звали, и я пришелъ.

Бѣлесова.

Вы вчера меня оскорбили; вы думаете, что это такъ пройдетъ вамъ? Вы думаете, что всѣ ваши упреки, всю вашу брань я должна принять, какъ должное, какъ заслуженное, и склонить

голову передъ вами? Нѣтъ, вы ошибаетесь. Вы не знаете моего прошедшаго; вы не выслушали моихъ оправданій и вы осудили, осыпали публично оскорбленіями бѣдную, беззащитную женщину. За упреки вы услышите отъ меня упреки, за брань вы услышите брань.

Цыплуновъ.

Извольте, я выслушаю.

Бѣлесова.

Вы—грубый, вы—дурно воспитанный человѣкъ! У кого вы учились обращаться съ женщинами? Боже мой! И этотъ человѣкъ могъ быть моимъ мужемъ! Теперь я вѣрю вашей матери, что вы чуждались, бѣгали общества—это видно по всему. Нравы, пріемы, обращеніе съ женщинами порядочныхъ людей вамъ совершенно не знакомы. Въ васъ нѣтъ ни приличія, ни чувства деликатности. Какихъ вы женщинъ видѣли? Любопытно знать то общество, то знакомство, въ которомъ вы усвоили себѣ такія изящныя манеры и такую отборную фразеологію.

Цыплуновъ.

Я съ младенчества знаю одну женщину, лучше и выше которой не представитъ никакое общество.

Бѣлесова.

Дà, это—ваша матушка, объ ней рѣчи нѣтъ. Ну, а кромѣ нея? вы видѣли женскій полъ только въ прислугѣ, то есть, горничныхъ, нянекъ, кухарокъ; между ними вы выросли, между ними вы находитесь теперь и никакъ не можете подняться выше нравственнаго уровня этого общества. Къ вашей нянькѣ, которую вы, по своей нелѣпой, неуклюжей и смѣшной страстности, конечно, обожаете, вѣроятно ходилъ пьяный мужъ, бранилъ, а, можетъ быть, и билъ её. Отъ частаго повторенія вамъ это казалось естественнымъ и законнымъ, и вы подумали, что со всякой женщиной можно такъ же обращаться. Теперь вы видите, какимъ ничтожествомъ считаю я васъ, и могу ли я обижаться вашими словами. Если я васъ позвала, то затѣмъ только, чтобы увѣрить васъ, что вчера ваша риторика не произвела того эффекта, на который вы разсчитывали, что брань ваша для меня совсѣмъ не оскорбительна, что она даже не задѣваетъ, не царапаетъ, а только свидѣтельствуетъ о вашей невоспитанности, о пошлости вашего ума и грубости сердца. Ступайте! (*Цыплуновъ съ поклономъ идетъ къ двери*). Постойте! Воротитесь. (*Цыплуновъ возвращается*). Нѣтъ, для меня этого мало!

Цыплуновъ.

Дà, я думаю.

Бѣлесова.

Позовите Всеволода Вячеславича и Пирамидалова и при нихъ просите у меня извиненія.

Цыплуновъ.

Пожалуй! Только это ничему не поможетъ и ничего не исправитъ.

Бѣлесова.

Почему вы такъ думаете?

Цыплуновъ.

Потому что въ словахъ моихъ была правда.

Бѣлесова (*горячо*).

Ка̀къ! Оскорбленная вами женщина ждетъ отъ васъ извиненія, а вы опять съ своей школьной моралью.

Цыплуновъ.

Извольте, я буду просить у васъ извиненія, буду просить униженно, коли вы хотите, даже на колѣняхъ; но это не поможетъ вамъ, вы ошибаетесь. Извиненіе мое можетъ успокоить васъ только на нѣсколько минутъ; горькія слова̀ мои, сказанныя вамъ вчера, всегда останутся съ вами. Никакимъ развлеченіемъ, никакими забавами вы ихъ не заглушите: они будутъ васъ преслѣдовать вездѣ и вызывать краску стыда на лицо ваше; вы будете съ ужасомъ просыпаться ночью и повторять ихъ.

Бѣлесова.

Уйдите, уйдите съ глазъ моихъ!

Цыплуновъ (*поклоняясь*).

Прощайте! (*Идетъ къ двери*).

Бѣлесова.

Ахъ, нѣтъ, постойте, постойте!

Цыплуновъ (*возвращаясь*).

Что̀ вамъ угодно?

Бѣлесова.

Молчите, не говорите ни слова. Слушайте меня.

Цыплуновъ.

Извольте.

Бѣлесова.

Я была дурно воспитана, избалована; я ни чему не училась хорошему, ничего не знала, меня занимали только мелочами. Человѣкъ безъ сердца воспользовался моей вѣтренностію, моей пустотой... обманъ, обольщеніе...

Цыплуновъ.

Позвольте...

Бѣлесова.

Дайте мнѣ высказаться.

*

Цыплуновъ.

Не нужно, не нужно. Вы хотите оправдываться?

Бѣлесова.

Да̀, я хочу оправдаться передъ вами; я хочу, чтобъ вы знали, ка̀къ мало было моей вины... Я скажу вамъ все, все и потомъ подамъ вамъ камень; и посмотрю, подымется ли у васъ рука убить меня.

Цыплуновъ.

Да не трудитесь, не трудитесь! Скажите только два слова: что вы—жертва обмана и обольщенія, и я вамъ повѣрю.

Бѣлесова.

И не будете судить меня?

Цыплуновъ.

Какое я имѣю право теперь судить васъ, когда вы для меня чужая!

Бѣлесова.

Несовсѣмъ.

Цыплуновъ.

Потому-то я и прощаюсь съ вами не совершенно равнодушно: я чувствую, что долженъ пожалѣть васъ и пожелать вамъ возможнаго для васъ счастья.

Бѣлесова.

Однако, вчера не пожалѣли.

Цыплуновъ.

Да вѣдь жалѣютъ только тѣхъ, которые терпятъ, страдаютъ, плачутъ. Ка̀къ можно догадаться, что женщина, которая высоко держитъ голову, у которой гордая и презрительная улыбка на лицѣ, заслуживаетъ сожалѣнія! Вотъ теперь я васъ жалѣю.

Бѣлесова.

И прощаете?

Цыплуновъ.

За что̀?

Бѣлесова.

За то, что я васъ оскорбила сейчасъ.

Цыплуновъ.

О, вздоръ какой! Можно ли сердиться на женщину, когда она взволнована и не владѣетъ собой! Но, если хотите считаться, такъ обида—за обиду, мы квиты. Мнѣ кажется, вы должны быть довольны нашимъ объясненіемъ и можете успокоиться. Прощайте!

Бѣлесова.

Прощайте! Ахъ, нѣтъ, погодите! Еще не все... не все.

Цыплуновъ.

Я слушаю.

Бѣлесова.

Останьтесь хоть на нѣсколько минутъ.

Цыплуновъ.

Зачѣмъ?

Бѣлесова.

Говорите что̀ нибудь... хоть браните меня, да только говорите... Ну, вотъ что̀ скажите мнѣ! Отъ чего это, когда я подумаю, что вы уходите и уходите отъ меня навсегда, у меня какъ будто что̀ отрывается отъ сердца и остается въ душѣ какая-то пустота? Точно меня бросили, кинули одну между чужими... Скажите, отъ чего это!

Цыплуновъ (*подумавъ*).

Не знаю. Скажите яснѣе!

Бѣлесова.

Мнѣ кажется, что, еслибы вы или кто нибудь изъ хорошихъ людей навѣщали меня, хоть изрѣдка, мнѣ было бы лучше, теплѣе на душѣ.

Цыплуновъ.

А, понимаю. Вы начинаете скучать: жизнь безъ всякаго содержанія вамъ надоѣла, и вы почувствовали ея пустоту.

Бѣлесова.

Да̀, кажется, такъ.

Цыплуновъ.

Это—хорошее дѣло.

Бѣлесова.

Ка̀къ же помочь моему горю? Я прошу вашего совѣта—не откажите мнѣ!

Цыплуновъ.

Извольте! Это очень просто. Найдите себѣ занятія, поищите хорошихъ, дѣльныхъ людей для знакомства, больше думайте, читайте, а, лучше всего, познакомьтесь съ какой нибудь доброй, умной женщиной: она васъ научитъ что̀ дѣлать, чтобы избѣжать скуки и тоски.

Бѣлесова.

Мнѣ этого мало.

Цыплуновъ.

Ужь, извините—больше я ничего не имѣю предложить вамъ. Прощайте. (*Идетъ на террасу*).

Бѣлесова (*догоняя Цыплунова*).

Постойте! Подождите! Юрій Михайловичъ! Юрій Михайловичъ! Одну минуту.

Цыплуновъ (*возвращаясь*).

Чтò прикажете?

Бѣлесова (*садясь въ кресло и закрывая лицо руками*).

Я люблю васъ!

Цыплуновъ.

Чтò вы говорите? Такими словами не шутятъ. Посмотрите на меня: я такъ убитъ, такъ жалокъ, что шутить надо мной вамъ непростительно.

Бѣлесова (*плача*).

Да нѣтъ, нѣтъ! правда, правда! я не шучу нисколько.

Цыплуновъ.

Да кàкъ это могло случиться? Когда?

Бѣлесова.

Вчера и сегодня особенно.

Цыплуновъ.

Если это правда, то ужь я не могу, не смѣю васъ такъ оставить; я долженъ позаботиться о васъ, долженъ чтò-нибудь сдѣлать для васъ. (*Входитъ Гнѣвышовъ и Пирамидаловъ и останавливаются у двери*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бѣлесова, Цыплуновъ, Гнѣвышовъ и Пирамидаловъ.

Бѣлесова.

Конечно, я не въ правѣ не только требовать отъ васъ чего нибудь, но даже и надѣяться... Но ужь вы сдѣлали для меня много—вы заставили меня полюбить васъ... Я вижу, чувствую, что эта любовь для меня спасительна; умоляю васъ, не покидайте меня! Мнѣ нужна помощь, нужно участіе...

Цыплуновъ.

Чтò я могу, чтò я въ силахъ...

Бѣлесова.

Ахъ, я знаю, я буду много, много тосковать... о погибшей молодости, о своемъ безумствѣ... Мнѣ нужна будетъ поддержка, душевное участіе и утѣшеніе, которое шло бы отъ сердца... А то вѣдь насъ утѣшаютъ обыкновенно вотъ чѣмъ! (*Указываетъ на конвертъ съ деньгами*).

Цыплуновъ.

Чтò это?

Бѣлесова.

Это—деньги; мнѣ привезъ ихъ сегодня Всеволодъ Вячеславичъ.

Цыплуновъ.

Развѣ у васъ своего ничего нѣтъ? Вы живете на счетъ Всеволода Вячеславича?

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, у нея есть и свои, но немного, а она должна жить прилично.

Цыплуновъ.

Валентина Васильевна, если васъ не оскорбляютъ эти деньги, тогда мнѣ говорить нѣчего.

Бѣлесова.

Нѣтъ, оскорбляютъ. Я иногда плачу; но что̀-жь дѣлать? я, признаюсь вамъ, не имѣю столько силы воли, чтобъ...

Цыплуновъ.

Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ помочь вамъ. Вѣдь, вы меня просили принять въ васъ участіе?

Бѣлесова.

Да̀, просила и теперь прошу.

Цыплуновъ.

Вотъ первое доброе дѣло, которое я могу сдѣлать для васъ. Дайте мнѣ эти деньги!

Бѣлесова.

Извольте!

Цыплуновъ.

Вамъ ихъ не жаль?

Бѣлесова.

Ахъ, нѣтъ, дѣлайте съ ними, что̀ хотите! вы лучше меня знаете, что̀ мнѣ нужно.

Цыплуновъ (*Гнѣвышову*).

Всеволодъ Вячеславовичъ, Валентина Васильевна отказывается отъ вашего подарка; она хочетъ жить на свои средства.

Гнѣвышовъ (*взявъ деньги*).

Да̀, если дѣло принимаетъ такой оборотъ... (*Одобрительно шепчетъ Цыплунову*). Хорошо, молодой человѣкъ, хорошо.

Цыплуновъ.

Потомъ, потомъ... что̀ еще потомъ сдѣлать для васъ? (*Входитъ Цыплунова*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бѣлесова, Цыплуновъ, Гнѣвышовъ, Пирамидаловъ и Цыплунова.

Цыплунова.

Юша, Юша! Онъ и такъ боленъ, бѣдный; зачѣмъ привели его сюда? Извините меня, Валентина Васильевна! Юша, пойдемъ домой!

Цыплуновъ.

Маменька, подите сюда, подите!

Цыплунова.

Чтò тебѣ, другъ мой?

Цыплуновъ.

Маменька, вы такъ меня любите, въ васъ такъ много любви, такое обиліе чувства, что вы можете удѣлить другимъ часть его, не обижая меня. Маменька, есть женщина, которая нуждается въ сочувствіи, въ поддержкѣ...

Цыплунова.

Про кого ты говоришь, другъ мой?

Бѣлесова.

Это я, Анна Аѳанасьевна!..

Цыплунова.

Ахъ, Юша, пойдемъ лучше!

Цыплуновъ.

Маменька, погодите! Эта женщина очень несчастна. Ни одно высокое чувство въ ней не было затронуто. Ей никто никогда не говорилъ о состраданіи, о любви; она не знала даже, что порока нужно стыдиться, а не гордиться имъ...

Цыплунова.

Юша, ты можешь обидѣть ее.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, она теперь не обидится, она любитъ меня... и вы, я знаю, сами ее полюбите за это и сдѣлаете для нея все, чтò можетъ сдѣлать умная, любящая женщина для молодой души...

Цыплунова (*подходя къ Бѣлесовой*).

Вы полюбили моего сына? За чтò же, за чтò же? Онъ такъ обидѣлъ васъ...

Бѣлесова.

Ахъ, дайте перевести духъ; я такъ страдала со вчерашняго вечера... Съ этой обиды я и полюбила его.

Цыплунова.

Какъ это хорошо! Что за ссоры! Вы страдали, онъ тоже страдалъ, и я... (*Говорятъ шепотомъ*).

Гнѣвышовъ (*Цыплунову*).

Молодой человѣкъ! прогоните меня, прогоните насъ! Я очень хорошо понимаю, что мы здѣсь—непрошенные гости, что мы здѣсь лишніе... хе, хе, хе! Но, мы вамъ не помѣшаемъ, мы отойдемъ къ сторонкѣ... (*Крѣпко жметъ руку Цыплунова и, ударяя себя въ грудь, говоритъ торжественно*). Но, молодой человѣкъ, позвольте мнѣ гордиться, что, выбравъ васъ для нея, я не ошибся! Да-съ, не ошибся. (*Дѣлаетъ знакъ Пирамидалову и отходитъ съ нимъ на лѣвую сторону. Бѣлесова съ Цыплуновой тихо разговариваютъ. Цыплуновъ, посреди комнаты, смотритъ на нихъ съ любовью*).

Пирамидаловъ (*Гнѣвышову*).

Ваше превосходительство, вы всегда были моимъ отцемъ, не откажите мнѣ и теперь въ вашемъ расположеніи, въ вашей милости!

Гнѣвышовъ.

Просите, я сегодня въ хорошемъ расположеніи духа.

Пирамидаловъ.

Ваше превосходительство, я женюсь на Антонинѣ Власьевнѣ Бѣдонѣговой—позвольте мнѣ просить васъ быть моимъ посаженнымъ отцемъ. И для меня эта честь выше всякой мѣры, да и по купечеству, вы знаете, ваше превосходительство, какъ важно...

Гнѣвышовъ.

Когда генералъ на свадьбѣ... знаю, знаю! Ну, изволь, мой милый, я сдѣлаю для тебя это удовольствіе...

Бѣлесова (*подходя къ Цыплунову*).

Юрій Михайловичъ, вы часто обнимаете и цѣлуете вашу матушку. Какое это счастіе, и какъ я вамъ завидую! А не все сказали про меня вашей матушкѣ... (*Беретъ за руку Цыплунову*). Вы забыли ей сказать, что я—сирота, совершенно одинокая, но что, еслибъ я нашла руку, которую могла бы поцѣловать съ любовью... (*Хочетъ поцѣловать руку Цыплуновой*).

Цыплунова.

Что вы, что вы, Валентина Васильевна!..

Цыплуновъ.

Нѣтъ, рано еще, рано, не теперь... Вотъ маменька станетъ васъ учить всему доброму, хорошему, а я... а я... буду опять бродить по лѣсу и мечтать о томъ ангелѣ-ребенкѣ, котораго я

любилъ и люблю, образъ котораго въ моихъ глазахъ потускнѣлъ на минуту... И вотъ, когда она васъ научитъ работать, трудиться, когда она научитъ васъ чувствовать такъ, какъ мы чувствуемъ... можетъ быть, и вы полюбите уединенныя прогулки. И вотъ, когда нибудь, послѣ дневнаго труда, взволнованныя сочувствіемъ къ несчастію и горю ближняго, вы выйдете подышать свѣжимъ, вечернимъ воздухомъ и помечтать о лучшей будущности для человѣчества; можетъ быть, я васъ встрѣчу и увижу дѣтскую чистоту и ясность въ прекрасныхъ чертахъ вашего лица: тогда рай, о которомъ я мечтаю, будетъ для меня возможенъ!

КОНЕЦЪ.

А. Островскій.

ЗАПИСКИ ДУРАКА,

СДЕРЖАВШАГО БОЛЬШЕ, ЧѢМЪ ОНЪ ОБѢЩАЛЪ,

ВЕДЕНЫ ИМЪ САМИМЪ,

собраны и дополнены

ЭЖЕНОМЪ НОЭЛЕМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Во французской литературѣ, даже тенденціозной, нельзя не замѣтить извѣстнаго однообразія мотивовъ, особливо въ послѣднее время. Есть нѣсколько направленій, давно уже избитыхъ, по которымъ идетъ и публицистика, и философское мышленіе, и художественная литература. Несомнѣнно, что во Франціи и въ настоящее время появляется больше, чѣмъ въ другихъ западныхъ литературахъ, бойкихъ и замѣчательныхъ книгъ, брошюръ и статей; но ихъ «шаблоны», какъ у насъ выражаются— почти одни и тѣже. Тѣмъ поразительнѣе было встрѣтить въ серьёзномъ и суховатомъ философскомъ журналѣ вещь, написанную на общественно-философскую тэму, въ чисто-беллетристической формѣ, съ печатью новизны и оригинальности...

Вещь эта называется «Записки Дурака». Помѣщена она была въ парижскомъ обозрѣніи, издаваемомъ тамошними послѣдователями Огюста Конта, въ первую половину 1875 года. Сколько мнѣ извѣстно, журналъ этотъ въ первый разъ напечаталъ рядъ статей въ *прозѣ*, имѣющихъ чисто-беллетристическую форму [1].

---

[1] Стихотворенія появлялись не разъ; а недавно напечатана и цѣлая стихотворная комедія, уже извѣстная читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» («У Дидро», «Отеч. Зап.» 1875, № 12).

Сначала даже можно было принять это за своего рода фёльетонъ; но дальнѣйшее чтеніе показало, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ цѣльнымъ, законченнымъ произведеніемъ. И чѣмъ дальше идетъ читатель, тѣмъ больше онъ убѣждается какъ въ этой цѣльности, такъ и въ своеобразной манерѣ автора.

Что-же представляютъ собою эти «Записки Дурака»? Подъ какой родъ произведеній, уже появлявшихся во французской литературѣ, можно ихъ подвести? Въ тѣсномъ смыслѣ—ни подъ какой. Въ послѣднія двадцать лѣтъ сложился во Франціи особый видъ литературной публицистики или, лучше сказать, политической сатиры. Популярной сдѣлалъ ее Лабулэ, авторъ «Парижа въ Америкѣ» и «Принца-собачки». Эти сатиры извѣстны русскому читателю. Въ нихъ общаго съ «Записками Дурака» есть только одно: проведеніе общественнаго идеала посредствомъ литературныхъ пріемовъ; но и самый идеалъ, и пріемы—различны. Лабулэ—либералъ съ американскими вкусами. Порядокъ второй имперіи вызвалъ въ немъ протестъ, направленный не только на политическія стороны французской жизни, но и вообще на французскіе нравы. Если подойти поближе къ его соціальному идеалу, то не трудно увидать, что онъ—иностраннаго происхожденія и, притомъ, гораздо больше отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера. Да и самая форма сатиры заимствована у литературы англо-саксонскаго племени. Своеобразной, чисто французской манеры мы не замѣчаемъ у автора «Парижа въ Америкѣ». Оно и понятно: его лица и подробности обстановки черезъ-чуръ подчинены условіямъ сатирической формы, особенно въ «Принцѣ-Собачкѣ». Всякій сатирикъ находится въ рукахъ своей манеры и не можетъ никогда достичь той простоты и непосредственности, какія являются только въ искреннемъ изложеніи. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ, даже помимо содержанія, «Записки Дурака» занимаютъ совершенно особое мѣсто. Прежде всего, васъ расположитъ къ себѣ общій тонъ этой вещи: тонъ наивный, поразительно простой для французскаго произведенія беллетристическаго склада, почти полудѣтскій. Такъ вообще не пишутъ ни французскіе романисты, ни французскіе легкіе хроникёры. Безъискуственность, наивность изложенія была-бы простымъ неумѣніемъ, еслибы она не являлась продуктомъ художественнаго замысла. Вы не найдете почти ни одной фразы, въ которой бы сказывалась обычная литературная манера французовъ. Такъ могъ дѣйствительно писать свои «Записки» тотъ человѣкъ, отъ имени котораго онѣ ведутся. Авторъ совершенно стушевывается, хотя и послѣдовательно проводитъ чрезъ все произведеніе свою *тэму*...

Въ чемъ же она заключается? Прежде всего замѣтимъ, что французскіе критики называютъ такого рода тенденціозные замыслы «тезисами». Понятно, что, не будь въ «Запискахъ Дурака» никакого тезиса, вещь эта не нашла бы себѣ мѣста на страницахъ философскаго журнала. Основная мысль произведенія: показать на конкретномъ примѣрѣ, какъ слѣдовало-бы очистить и возродить общественный и нравственный бытъ французовъ, посредствомъ простой тихой жизни, среди сельскаго труда, вдали отъ суетности и порчи большихъ центровъ. Какъ читатель видитъ, тезисъ этотъ не особенно новъ, если взять его отвлеченную идею. Можно подумать, пожалуй, что это — опять старомодный натурализмъ Руссо, надѣлавшій не мало вреда не одной Франціи, а всему Западу, своимъ одностороннимъ идеализмомъ. Извѣстно, что Руссо призывалъ все цивилизованное человѣчество къ первобытной жизни на лонѣ природы, возставая противъ всѣхъ культурныхъ формъ, выработанныхъ прогрессомъ, какъ главныхъ препятствій къ нравственному преуспѣянію человѣческой личности. Но его натурализмъ вызвалъ въ западномъ человѣкѣ весьма пагубную односторонность принциповъ и идеаловъ и на долго задержалъ философско-научную разработку общественнаго прогресса. При чтеніи «Записокъ Дурака» можетъ сначала показаться, что ихъ авторъ не хочетъ ничего ни знать, ни признавать, кромѣ занятій земледѣльца и деревенскаго хозяина. И дѣйствительно, онъ выставляетъ этого рода дѣятельность, какъ залогъ здоровья, физической и нравственной силы, спокойствія духа, простоты и матеріальнаго довольства. Вначалѣ, пишущій записки чудакъ пренебрежительно относится не только къ суетѣ большихъ городовъ вообще, но и къ разнымъ либеральнымъ профессіямъ, всего-же сильнѣе — къ литературѣ. Его деревенская односторонность не переходитъ, однако-же, въ окончательный и закоренѣлый, предразсудокъ. Онъ мирится съ литературою, разумѣя подъ нею настоящее художественное творчество. Весь процессъ умственнаго и бытоваго развитія личности, назвавшей самое себя «Дуракомъ», обработанъ не только съ большой послѣдовательностью, но и съ колоритомъ естественности. Литературный вымыселъ построенъ изъ самыхъ простыхъ житейскихъ элементахъ, и лишь въ концѣ разсказа нѣкоторая преднамѣренность рѣзче бросается въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ: если предположить тихую, небойкую, простую натуру, воспитав-

шуюся, по удачному стеченію обстоятельствъ, подъ сильными впечатлѣніями природы и сельской жизни, то ея разростающаяся привязанность къ труду, интересамъ и радостямъ деревенскаго хозяина должна была непремѣнно повести, вначалѣ, къ извѣстнаго рода односторонности. Главный же протестъ, живущій въ типѣ, созданномъ авторомъ, по нашему мнѣнію — тотъ самый, который не переставалъ проявлять себя въ жизни и произведеніяхъ людей, не утратившихъ въ себѣ лучшихъ качествъ французскаго простолюдина. Къ такимъ людямъ, прежде всего, принадлежалъ Прудонъ, не перестававшій всю свою жизнь ратовать за простоту и даже суровость нравовъ, за трудъ... Останься Прудонъ въ деревенской обстановкѣ, онъ, конечно бы, прилѣпился всей душой къ труду и радостямъ хозяина и, быть можетъ, еще съ бóльшей рѣзкостью отстаивалъ бы свои исключительные идеалы. Поэтому-то и нельзя смотрѣть на задачу автора, какъ на чистую эксцентричность. Но новизна ея, какъ ужъ сказано выше, въ текущей беллетристикѣ и журнализмѣ — несомнѣнна. И не только замѣчателенъ въ ней протестъ моралиста, но и общественные-то идеалы являются въ новой, болѣе простой и реальной формѣ. Когда читатель дойдетъ до того мѣста записокъ, гдѣ появляется личность Амедея, ему конечно будетъ ясно, что авторъ хотѣлъ ввести, въ лицѣ этого Амедея, самые здоровые элементы политическаго и общественнаго движенія нашей эпохи. Трудовая ассоціація слагается въ обширной семьѣ, разросшейся около нашего «Дурака», путемъ совершенно естественнымъ, а не путемъ регламентацій — вовсе не какъ теоретическая затѣя. Такъ какъ автору дорогъ принципъ не простаго, случайнаго общежитія, а возможное развѣтвленіе родственнаго союза, то и ассоціація, вводимая имъ въ разсказъ, носитъ на себѣ этотъ *родовой* характеръ. Такой оттѣнокъ въ постановкѣ вопроса коллективнаго труда тѣмъ занимательнѣе для насъ русскихъ, что, въ изслѣдованіяхъ нашего народнаго быта, родовое начало было признаваемо цѣлой школой, какъ главное ядро нашей экономической, правовой и государственной культуры. Я не стану, конечно, входить здѣсь въ разбирательство того, что̀ уже было много разъ обсуждаемо въ спеціальныхъ отдѣлахъ литературы. Я указываю только на этотъ своеобразный оттѣнокъ въ постановкѣ вопроса, интересный и въ другомъ еще отношеніи. Разсказывая

исторію своей семейной или родовой ассоціаціи, авторъ напираетъ на важность физіологической преемственности, передачи здоровья, тѣлесныхъ и духовныхъ силъ. Въ настоящее время вопросъ наслѣдственности и благопріятнаго подбора родичей — одинъ изъ самыхъ живыхъ и многообѣщающихъ для человѣческой культуры и общественнаго довольства. Авторъ «Записокъ» и желалъ бы сильнѣе всего видѣть повсюду образованіе семейныхъ и родовыхъ группъ, развившихся въ здоровыхъ условіяхъ природы, труда и нравственности, представляющихъ собою самостоятельныя общественныя и экономическія единицы, сами себя удовлетворяющія. Трудно не согласиться, что такой идеалъ весьма близокъ къ тому порядку, въ которомъ всѣ лучшія силы человѣка находятъ себѣ самое простое, здоровое и ближайшее удовлетвореніе. Если предположить, что, дѣйствительно, такія семейныя и родовыя группы начнутъ слагаться повсемѣстно, то большіе центры станутъ постепенно терять свое центральное всепоглощающее значеніе, рабочія силы будутъ оставаться дома и находить себѣ прямое примѣненіе, вкусы и потребности получатъ нормальный ходъ. Разумѣется, все это — сладкія грёзы, требующія цѣлыхъ вѣковъ для своего осуществленія; но, въ данномъ случаѣ, важно лишь то, за что̀ держится извѣстный общественный идеалъ. Въ нашемъ авторѣ этотъ идеалъ не насилуетъ никакой нормальной стороны человѣка и стоитъ на самыхъ твердыхъ основахъ человѣческаго прогресса: общеніи съ природой; на трудѣ, руководимомъ наукою, на свободѣ и независимости личности. Два послѣднихъ принципа проводятся авторомъ съ особой силой и ясностью. Обыкновенно, чѣмъ грѣшатъ теоріи соціальнаго благоденствія? Тѣмъ, что въ нихъ научная правда постоянно извращается или приносится въ жертву апріорнымъ построеніямъ ума, а подъ часъ и порывамъ фантазіи. А еще чаще грѣшатъ такія теоріи противъ принципа свободы и независимости лица...

Тутъ надо немного оговориться. Обыкновенный, избитый либерализмъ (особливо тотъ, который засѣлъ въ старую политическую экономію), безъ сомнѣнія, не спасетъ человѣчества! Прикрываясь принципомъ *свободы*, можно объяснить и оправдать всякое общественное зло. Теперь, все трудовое человѣчество ищетъ такихъ формъ совмѣстной жизни, гдѣ бы свобода была

проникнута такимъ же высокимъ, какъ и она, принципомъ *правды* и *справедливости*. Вотъ это-то плодотворное сліяніе двухъ идеаловъ и находимъ мы у автора «Записокъ Дурака». Его нравственную физіономію мы уже сравнивали съ другимъ французскимъ простолюдиномъ. Въ немъ, какъ и въ Прудонѣ, требованія справедливости стоятъ на первомъ планѣ, но не заслоняютъ такой же сильной потребности въ свободѣ. Прудонъ весь свой вѣкъ искалъ гармоніи въ общественныхъ отправленіяхъ на основѣ правды и справедливости, никогда не удовлетворялся софизмами либеральныхъ политико-экономовъ и, въ то же время, не переставалъ бороться со всѣми поборниками теорій, ведущихъ къ соціальному деспотизму, къ суровой регламентаціи, къ приниженію личности, къ казарменному строю общежитія. То же самое, только въ формѣ вымысла, находимъ мы и въ нашемъ авторѣ, съ прибавкою гораздо бо̀льшаго сліянія съ результатами точной науки, гораздо бо̀льшей мягкости, разносторонности, болѣе широкаго отношенія ко всѣмъ родамъ человѣческой дѣятельности. Подъ конецъ «Записокъ» вы приходите вмѣстѣ съ ихъ авторомъ къ весьма цѣльному *синтезу*, сложившемуся незамѣтно, шагъ за шагомъ, изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, приведенныхъ силою жизни и руководящихъ принциповъ къ единству, полнотѣ и совокупности.

II.

Въ чемъ же заключается этотъ *синтезъ?*

Синтезъ этотъ заключается въ соглашеніи между законами природы и соціальными условіями человѣческаго общежитія. Въ немъ, сказать по правдѣ, гораздо больше широты, чѣмъ въ формальной доктринѣ того позитивизма, который исповѣдуется непосредственными послѣдователями Огюста Конта. Авторъ и не выступаетъ въ «Запискахъ Дурака», какъ формальный позитивистъ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ и не принадлежитъ кружку, группирующемуся около журнала, гдѣ напечатано его «Исповѣданіе вѣры». Какъ мнѣ сообщали, это дѣйствительно — пожилой человѣкъ, проведшій свою жизнь вдали отъ Парижа, въ деревнѣ, въ сельской обстановкѣ. Онъ знавалъ когда-то

Огюста Конта, но ученикомъ его не былъ. Тѣмъ знаменательнѣе то міровоззрѣніе, къ которому пришелъ онъ въ послѣднихъ главахъ своего опыта, написаннаго на тэму: кàкъ всего лучше жить и устроиться въ условіяхъ французской дѣйствительности? Онъ показалъ этимъ, что признаетъ универсальность, всеобъемлемость научнаго принципа, лежащаго въ основѣ позитивной доктрины, и не видитъ никакихъ препятствій къ установленію лучшихъ формъ соціальнаго общежитія въ своемъ научномъ міросозерцаніи.

Здѣсь мы касаемся самаго горячаго пункта всѣхъ записокъ: вопроса объ организаціи общественнаго благоустройства. Не трудно предвидѣть, что авторъ не можетъ стоять за такіе теоріи и опыты, въ которыхъ *апріорически* рѣшаются общественныя задачи. Онъ стоитъ за естественное образованіе новыхъ общежительныхъ формъ, какъ мы это видѣли выше, слѣдовательно—остается вѣренъ здоровому соглашенію научнаго принципа съ идеаломъ нравственной и экономической справедливости. Немудрено также, что, при такомъ основномъ грунтѣ, онъ приходитъ къ извѣстнаго рода *оптимизму*, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ записокъ можетъ показаться нѣсколько сладковатымъ. Но этотъ оптизмъ есть не что̀ иное, какъ естественное стремленіе всякаго неисковерканнаго ума искать и находить положительные идеалы въ жизни, не теряться въ массѣ ея противорѣчій, а доискиваться основныхъ законовъ, дѣйствующихъ внѣ нашей воли, и соглашать съ ними то, чего мы сами можемъ достичь мыслью, энергіею, трудомъ, нравственной чистотой. Всякій положительный взглядъ на вещи ведетъ неминуемо къ извѣстнаго рода оптимизму. Но оптимизмъ—оптимизму рознь. Одинъ вытекаетъ изъ односторонняго отношенія къ жизни, изъ недостаточнаго пониманія нуждъ, тягостей и золъ, охватившихъ человѣчество. Другой держится за неустанное стремленіе найдти въ данныхъ условіяхъ жизни возможно бо̀льшую норму. Еслибъ это стремленіе не сидѣло въ человѣкѣ, не былъ бы мыслимъ никакой прогрессъ. Сознанію человѣчества невыносимо было-бы помириться съ тѣмъ, что нельзя ни подъ какимъ видомъ выйдти изъ вѣчныхъ и роковыхъ аномалій дѣйствительности. Авторъ силится доказать, что, еслибы люди, или, лучше сказать, французы (такъ какъ объ нихъ идетъ у него рѣчь) построже держались той связи, которая должна, по его мнѣнію, ставить постоянно человѣка лицомъ къ лицу съ природою и возможно простыми условіями быта, то они, конечно-бы, не насилуя ни себя, ни своихъ ближнихъ, могли создать въ скоромъ времени общество, живущее всѣми лучшими побужденіями, интересами и радостями,

присущими человѣческой натурѣ. Тэма автора развивается на такой почвѣ, которая не у него одного ведетъ къ здоровому оптимизму и къ взглядамъ на формы нашей цивилизаціи, проникнутымъ особаго рода радикализмомъ...

За послѣдніе годы, мы имѣли и въ нашей періодической литературѣ два такихъ-же явленія. Это—хозяйственныя статьи г. Энгельгардта и все то, что графъ Л. Толстой писалъ о деревенской жизни. Укажу, главнымъ образомъ, на статьи г. Энгельгардта для сопоставленія ихъ тона съ основной нотой «Записокъ Дурака». Мнѣ кажется, и тотъ, и другой авторъ проникнуты однимъ и тѣмъ-же чувствомъ необыкновенно яркой и живучей симпатіи къ обработыванію земли, къ простому образу жизни мыслящаго и нравственно развитаго хозяина, къ этой честной формѣ труда, лежащаго въ основаніи всего экономическаго и бытоваго склада данной страны или государства. У г. Энгельгардта чувство это выражается мѣстами съ еще большей образностью, свѣжестью и силой, чѣмъ у французскаго автора. И если мы продположимъ, что такой хозяинъ, какъ г. Энгельгардтъ съ его предварительной подготовкой, прожилъ-бы двадцать, сорокъ лѣтъ, въ такомъ общеніи съ природой и въ такихъ формахъ труда, онъ неминуемо пошелъ-бы еще дальше въ извѣстнаго рода исключительности, какая видна въ немъ теперь и какой мы, къ счастью, не находимъ у автора «Записокъ Дурока». Эта исключительность носитъ на себѣ уже чисто-хозяйственный характеръ. Г. Энгельгардтъ, изучивъ наше полеводство и условія эксплуатаціи, призналъ европейскую науку и европейскій опытъ лишними на очень долгое время. Онъ явился въ деревню бывшимъ профессоромъ химіи, а кончилъ тѣмъ, что распрощался съ книгами и сталъ хозяйничать по-просту, прійдя къ убѣжденію, что иначе дѣло не можетъ идти. А въ нашихъ «Запискахъ» мы видимъ человѣка, съ дѣтства полюбившаго сельскую жизнь и природу и получившаго научное образованіе съ тайною цѣлью примѣнить всѣ результаты своего знанія къ труду земледѣльца и фермера. Но эта существенная разница зависитъ отъ условій культуры, а не отъ намѣреній двухъ дѣятелей. Во Франціи и г. Энгельгардтъ не сталъ-бы такъ скоро забрасывать своихъ книжекъ, а, напротивъ, съ каждымъ годомъ все больше и больше призывалъ бы науку на помощь сельскохозяйственному труду. Чувство же у обоихъ одинаковое, только въ различной мѣрѣ. И тотъ, и другой проникнуты протестомъ противъ искусственности общественной жизни въ большихъ центрахъ во имя идеала болѣе простой и нормальной жизни. И къ этому чувству присоединяется у французскаго автора послѣдова-

тельное и постепенное расширеніе формъ этой простой жизни, все бòльшее и бòльшее усвоеніе результатовъ науки, опытовъ, равноправнаго общежитія, продуктовъ художественнаго творчества, т. е. все бòльшее и бòльшее скрашиваніе жизни на землѣ самыми разумными, здоровыми и плодотворными способами, какіе только возможны въ нынѣшнихъ условіяхъ западной культуры.

Кàкъ же не сказать, что такія вещи, какъ «Записки Дурака», помимо своей новизны и оригинальности для французской литературы, являются и у насъ болѣе чѣмъ встати. Въ нихъ каждый развитой читатель находитъ отвѣтъ, во первыхъ, на тѣ нелѣпыя и пошлыя нападки, мишенью которыхъ служитъ до сихъ поръ и *позитивизмъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова, и вообще научное міровоззрѣніе. И во Франціи, и у насъ не перестаютъ толки о томъ, что новѣйшее направленіе мысли, основанное на безпощадномъ анализѣ всѣхъ явленій природы и жизни, ведетъ неминуемо къ тлетворному скептицизму, къ разрушенію всякихъ основъ, къ потерѣ всевозможныхъ идеаловъ и т. п. И вотъ оказывается, что въ произведеніи, написанномъ на тэму человѣкомъ несомнѣнно новѣйшаго мышленія, не только не видно никакого зловреднаго скептицизма, а, напротивъ, ярко выставляется страстная любовь къ первоначальнымъ, кореннымъ элементамъ жизни; не только не разрушаются насильственно какія бы то ни было здоровыя основы общественности, но видно энергическое стремленіе выбрать изъ нихъ самыя лучшія и придти, съ помощью ихъ, къ возможно нормальной жизни безъ всякихъ искуственныхъ потрясеній и регламентацій; не только не проповѣдуется ненужность какихъ-бы то ни было идеаловъ, но все сводится къ торжеству высшаго идеала, въ которомъ слиты въ одно цѣлое мысль, трудъ, добро и эстетическое наслажденіе. Перечитайте вы хоть нѣсколько разъ эти «Записки Дурака» и вы, конечно, не найдете ни одной болѣзненной ноты, ни одного слова, вылившагося изъ какого нибудь разрушительнаго инстинкта, изъ какого нибудь безнравственнаго или антисоціальнаго побужденія!..

III.

Вещи, въ родѣ «Записокъ Дурака», являются также противовѣсомъ такимъ умственнымъ явленіямъ, какъ недавнія попытки повалить научный строй мысли посредствомъ новой метафизической пропаганды. Мы знаемъ, что новѣйшіе русскіе спири-

*

туалисты дѣлають даже диспуты на ученыя степени предлогами къ изобличенію научной философіи, какъ главной виновницы того мертвящаго направленія, которое ведетъ нашу русскую молодёжь къ безпрестаннымъ *самоубійствамъ!* И, какъ бы желая открыть передъ ними скрижаль завѣта, которая сразу вольетъ въ нихъ возрождающую струю, эти метафизики ставятъ учеными тезисами безсодержательныя разглагольствованія о «всеединомъ духѣ» и «сліяніи научныхъ истинъ съ первобытными откровеніями Востока». Мы знаемъ также, что извѣстная доля *университетской* молодёжи оказалась способной поддерживать своими рукоплесканіями подобныя измышленія. Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, въ этой молодёжи живетъ неудовлетворенное стремленіе къ нравственнымъ и соціальнымъ идеаламъ, и она готова схватиться за первую попавшуюся метафизическую теорію потому только, что въ ней предлагаются такіе-то положительные принципы. Несомнѣнно, что одинъ анализъ и одно отрицаніе уже перестали удовлетворять нашу интеллигенцію. Всѣ хотятъ къ чему-нибудь примоститься, всѣ ищутъ руководящаго начала, всѣ тоскуютъ по идеаламъ. Какое же это направленіе, какъ не *позитивное*, то-есть полагающее, созидающее, творческое? Оно только возродитъ и поддержитъ здоровое чувство жизни, оно только и въ состояніи бороться съ той скукой, съ тѣмъ римскимъ недугомъ, которые и наши беллетристы, и наши публицисты поневолѣ избираютъ своей тэмой за послѣдніе годы все чаще и чаще. Мы не можемъ спорить съ фактами. И въ столицахъ, и въ провинціи самоубійства грозятъ превратиться въ какую-то эпидемію. Люди, только что выступившіе въ жизнь, покончиваютъ съ нею такъ легко, такъ порывисто, а, стало-быть, и такъ безотрадно и безнадежно, какъ это дѣлалось только въ послѣднюю эпоху старо-римской цивилизаціи. Доказывать, что всѣ эти самоубійцы — печальные продукты разъѣдающаго скептицизма, было бы невозможно. Сколько намъ извѣстно, большинству этихъ самоубійцъ и некогда было вобрать въ себя что-либо, похожее на настоящій философскій скептицизмъ. Большинство ихъ погибаетъ, напротивъ, оттого, что они не имѣютъ никакого устоя въ борьбѣ съ тягостями и дрязгами жизни. Въ ихъ нравственномъ организмѣ сразу отсутствуетъ всякое равновѣсіе, всякій регуляторъ. Ни школа, пройденная въ дѣтствѣ и отрочествѣ, ни книжки, попавшіяся имъ въ руки въ юношеской порѣ, не давали имъ никакого вкуса къ самымъ простымъ формамъ жизни и труда, не связывали ихъ съ природой, не воздерживали ихъ отъ пустой суеты большихъ городовъ, не показывали имъ, что, въ большинствѣ случаевъ, погоня за

городской карьерой не можетъ кончиться никакимъ положительнымъ добромъ. Никто, словомъ, не держалъ имъ такихъ рѣчей: «Оглянитесь вокругъ себя, не отрывайте себя отъ настоящей почвы, а, напротивъ, прикрѣпляйте себя къ ней всячески; она васъ лучше прокормитъ; а если вамъ нѣтъ возможности сколько-нибудь развить себя на мѣстѣ, идите временно за наукой, но возвращайтесь поскорѣе и вкладывайте въ землю, въ свой родной грунтъ все то знаніе, какое вы пріобрѣли въ большихъ центрахъ».

У насъ заслышались уже голоса, не только такіе, какъ голосъ г. Энгельгардта, смирившаго свое городское профессорство предъ міромъ крестьянскаго хозяйства, но и другіе, раздающіеся во имя прямыхъ интересовъ нашей молодёжи. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, стремится она такъ неумѣренно въ столицы и пополняетъ собою ряды *умственнаго пролетаріата*; почему она не останавливается передъ вопросомъ: «да полно, найдется ли ей мѣсто, есть ли, наконецъ, такая прямая надобность въ извѣстныхъ формахъ умственнаго труда, искуственно скопляющагося въ городахъ, когда *земля* остается обездоленной, когда никто не возвращается къ ней, никто не желаетъ довольствоваться ея воздѣлываніемъ»?... Начинаютъ у насъ также говорить и о томъ, что самые простые виды труда могли бы съ гораздо бо̀льшимъ толкомъ и пользою быть распредѣлены между такими силами, которыя стремятся попасть непремѣнно въ ряды умственнаго пролетаріата. А сколько-нибудь здоровое развитіе нашего земскаго быта немыслимо безъ противодѣйствія централизму столицъ и въ особенности Петербурга. Десятилѣтняя исторія нашей адвокатуры показала также, что̀ можетъ сдѣлать приманка легкой наживы изъ цѣлаго подбора людей, въ которыхъ чувствовалась гораздо бо̀льшая надобность на другихъ поприщахъ культурной дѣятельности. Сколько этотъ институтъ поглотилъ и теперь поглощаетъ молодыхъ людей съ университетскими дипломами, сколько лишняго народу привлекаетъ онъ къ юридическимъ факультетамъ единственно потому, что сулитъ за порогомъ университета большіе барыши! А тѣмъ временемъ мѣстная земская интеллигенція ничѣмъ не питается; совсѣмъ нѣтъ или очень-очень мало сколько-нибудь образованныхъ людей, довольствующихся ролью воздѣлывателей и устроителей земли. И по общему образованію контингентъ земцевъ весьма слабый, и по хозяйственному. Замѣчательно, что въ наши высшія земледѣльческія школы поступаютъ, главнымъ образомъ, не дѣти землевладѣльцевъ, воспитанныя во вкусахъ и привычкахъ хозяйственной сферы, а такіе молодые люди, которымъ некуда больше дѣваться:

имъ трудно было попасть въ университетъ или медицинскую академію, и, не схватись они за агрономію, какъ за послѣднее средство выбиться на какую-нибудь дорогу, они цѣликомъ очутились бы въ рядахъ недоучившагося пролетаріата, скопляющагося въ большихъ центрахъ.

Когда читатель дочтетъ до конца «Записки Дурака», онъ увидитъ, что авторъ ихъ хотѣлъ строго выдержать не только нравственный, но и мыслительный типъ скромнаго воздѣлывателя земли. Инстинктъ въ лучшихъ его проявленіяхъ и наука въ самыхъ плодотворныхъ ея результатахъ руководили всю жизнь этой человѣчной и трудовой личностью. Ихъ взаимодѣйствіе, ихъ совокупность, ихъ синтезъ окрасили его жизнь въ такой ясный колоритъ, придали ей такую прочность, цѣльность, спокойствіе. Когда наступила минута смерти, семидесятивосьмилѣтній старецъ простился съ жизнью, вѣрный тому широкому научному міровоззрѣнію, къ которому онъ пришелъ медленнымъ, такъ сказать, органическимъ путемъ. Послѣднія его слова не расплываются ни въ какой сладкій идеализмъ. Онъ совершилъ все земное, умеръ легко и, на порогѣ смерти, убѣжденно высказалъ то, что человѣческое знаніе, избранное имъ путеводителемъ къ истинѣ, не можетъ давать ему отвѣтовъ на запросы инстинкта, заходящіе за предѣлъ земнаго...

IV.

Ко всему, что̀ я сказалъ о «Запискахъ Дурака», какъ о литературномъ произведеніи, слѣдуетъ прибавить еще вопросъ: чѣмъ отличается такого рода беллетристика отъ цѣлаго ряда тенденціозныхъ произведеній, появлявшихся у насъ за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ? Наши тенденціозныя повѣсти и романы на первый взглядъ покажутся, пожалуй, менѣе дѣланными; въ нихъ является обыкновенно какой-нибудь кружокъ или слой общества, дѣйствительно существующій, а не такой образцовый мірокъ, какой предлагается намъ «Записками Дурака». Но въ болѣе или менѣе реальной обстановкѣ нашихъ тенденціозныхъ романовъ и повѣстей помѣщены всегда главныя фигуры, на половину или совсѣмъ выдуманныя, то-есть—такія, которыя не могли бы ни подъ какимъ видомъ сложиться въ обстановкѣ, изображаемой авторомъ. Выходитъ отсюда большая художественная и бытовая фальшь. И дѣйствительность окрашивается невѣрно, и главныя дѣйствующія лица теряютъ всякую почву, кажутъ наивнымъ читателямъ искуственные идеалы,

которымъ не будетъ никакой поддержки въ жизни потому, что они построены были на личныхъ, чисто-субъективныхъ идеяхъ и стремленіяхъ. Въ добавокъ, большинство нашихъ тенденціозныхъ романовъ и повѣстей, когда они не впадаютъ въ напускную и фальшивую идеализацію, окрашены въ темный колоритъ, проникнуты той «скукой жизни», которая такъ несвоевременно начинаетъ парализовать наши молодыя силы, доказываютъ и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ неумѣлость, слабость, безсодержательность того, что стремится стать на ноги честнымъ трудомъ, проложить и себѣ, и другимъ новые пути и выходы. Общность впечатлѣнія большинства этихъ произведеній отрицательная, а не положительная, фиктивная, а не реальная, невоспитывающая вовсе чувства бодрости, довольства, неустанной энергіи, скромныхъ желаній, ведущихъ, въ концѣ-концовъ, къ самымъ цѣннымъ результатамъ.

Совсѣмъ не таковы «Записки Дурака». Авторъ ихъ, какъ писатель, дѣйствуетъ гораздо прямѣе, проще, искреннѣе. Онъ не скрываетъ своей тенденціи; онъ знаетъ очень хорошо, что міръ его фермеровъ взятъ не цѣликомъ изъ дѣйствительности, а составленъ изъ разныхъ *возможностей*; но всѣ элементы, изъ которыхъ онъ создалъ свой идеальный мірокъ, не заключаютъ въ себѣ ничего вымышленнаго. Они всѣ на лицо въ современной Франціи. Тамъ крестьянство давнымъ давно самостоятельно, по своимъ политическимъ и гражданскимъ правамъ можетъ достигать самыхъ высшихъ степеней культуры. Любовь его къ родной землѣ, къ ея пріобрѣтенію и обработкѣ извѣстна въ цѣломъ мірѣ. При такой любви, дайте этому крестьянству образованіе, оно болѣе всякаго другого способно будетъ поработать надъ мѣстнымъ земскимъ развитіемъ, отстоять себя отъ захватовъ городского централизма. Во Франціи работникъ, оторвавшійся отъ родной почвы, хотя и страдаетъ часто немощьми пролетаріата, но, по прирожденной даровитости, очень часто пріобрѣтаетъ не только хорошіе техническіе навыки, но и научныя познанія. Такіе рабочіе могутъ весьма легко вносить свою относительную развитость въ сферу тѣхъ воздѣлывателей земли, съ которыми они не разрывали связей своихъ. Во Франціи, наконецъ, демократическій строй жизни дѣлаетъ то, что изъ самыхъ простыхъ семей выходятъ люди, пріобрѣтающіе впослѣдствіи высокое положеніе въ государствѣ, литературѣ, искуствѣ, наукѣ, промышленной сферѣ: стоитъ только припомнить происхожденіе Прудона и Тьера. Стало-быть, нѣтъ ничего невозможнаго въ образованіи такой фамильной или родовой ассоціаціи, гдѣ

бы *деревня* и *городъ* сливались между собою въ своихъ лучшихъ представителяхъ.

Возьмите вы въ отдѣльности каждое лицо эпопеи, разсказанной авторомъ «Записокъ Дурака». Если вы живали во Франціи, вы должны будете сознаться, что всѣ эти лица чисто-французскія, хотя многія изъ нихъ очерчены лишь мимоходомъ. Ихъ происхожденіе, карьера, особенности, общій колоритъ — все это отзывается Франціей, а не вычитано изъ иностранныхъ книжекъ. Даже нѣкоторая сладость общаго тона въ веденіи разсказа нисколько не заимствована: у французовъ извѣстнаго рода оптимизмъ—въ крови. Кромѣ того, авторъ, задавшись замысломъ, который относитъ его произведеніе къ разряду утилитарныхъ, старался вездѣ и во всемъ держаться пріемовъ художественныхъ, а не чисто-публицистическихъ, только слегка облеченныхъ въ литературную форму. Въ этомъ смыслѣ «Записки Дурака» представляютъ нѣсколько частей: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ читатель самъ увидитъ, разсказъ достигаетъ искренности настоящей автобіографіи, проникнутъ тихимъ юморомъ и художественной простотой; въ другихъ «тэма» выступаетъ яснѣе, но опять-таки всегда на реальной подкладкѣ и въ литературной формѣ, ненарушающей рѣзко цѣльности впечатлѣнія.

Мнѣ остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ, который весьма легко можетъ подняться въ умѣ читателя: кто такое авторъ «Записокъ Дурака» — псевдонимъ это или настоящее имя, начинающій писатель или старикъ, изложившій въ связи свои собственныя испытанія и идеалы, просто свободный мыслитель или же ревностный послѣдователь доктрины Ко́нта, принадлежащій къ тѣсному кружкѵ парижскихъ позитивистовъ? Сколько мнѣ удалось узнать объ этомъ отъ людей, участвующихъ въ изданіи журнала «Philosophie positive», тотъ, кто подписалъ «Записки Дурака», выдавая себя за ихъ редактора—самъ авторъ. Подписалъ онъ ихъ своимъ настоящимъ, а не вымышленнымъ именемъ. Остальное я уже сообщилъ отчасти: онъ—очень пожилой человѣкъ и провелъ всю свою жизнь въ деревнѣ въ томъ направленіи, какое онъ выставляетъ своимъ идеаломъ. Онъ добровольно отказался отъ приманокъ столицы, хотя и могъ бы, по своему образованію, искать другой карьеры. Онъ былъ когда-то лично знакомъ съ самимъ Огюстомъ Контомъ, но не принадлежалъ къ кружкѵ позитивистовъ въ смыслѣ формальной доктрины. Онъ ничего и не помѣщалъ теоретическаго въ ихъ журналѣ вплоть до этихъ «Записокъ Дурака», доставленныхъ въ редакцію не прямо авторомъ, а чрезъ его старую знакомую, вдову Огюста Конта, до сихъ поръ живущую въ Парижѣ.

П. Боборыкинъ.

I.

Въ какомъ обществѣ явился я на свѣтъ.

Въ нашемъ семействѣ всегда было много дѣтей; у моей матери ихъ было семнадцать до меня; а я еще родился не послѣднимъ. Еслибъ я сталъ впослѣдствіи важнымъ лицомъ, біографы не замедлили бы сказать, что, съ самаго моего рожденія, можно было уже предвидѣть, кàкъ я проложу себѣ дорогу въ жизни, ибо я появился на свѣтъ въ экипажѣ. Я, въ самомъ дѣлѣ, родился въ экипажѣ или, лучше, въ телегѣ, на соломѣ, между бараномъ и теленкомъ. И вотъ въ какихъ обстоятельствахъ: въ двадцати километрахъ отъ города, гдѣ мой отецъ промышлялъ своимъ ремесломъ, у моей матери была хорошенькая ферма, небольшая, но очень доходная. Эта ферма переходила уже болѣе ста лѣтъ отъ отца къ сыну, по имени Лагорготъ. Лагорготы составляли принадлежность фермы, какъ постройки и деревья; они также пустили свои корни, только гораздо глубже и крѣпче.

Моя мать, которой отецъ предоставилъ управлять этимъ имѣньицемъ, поѣхалъ туда по экстренному дѣлу. Она спокойно возвращалась въ телегѣ фермера, какъ вдругъ болѣе рѣзкій толчекъ вызвалъ мое внезапное появленіе. — *Вотъ такъ работа!* вскричалъ Лагорготъ; но моя мать, нисколько не смутившись, просила его продолжать путь. Лагорготъ же не могъ успокоиться и весь дрожалъ. Его первое слово, когда онъ пріѣхалъ съ поля и увидалъ отца, было опять: *вотъ такъ работа!* (Quel ouvrage!). И отецъ, въ память этого приключенія, прозвалъ меня: *Вотъ такъ работа*.

Это прозвище оставалось за мной лѣтъ до восьми-девяти; но тутъ, должно-быть, стало ясно, что нѣчего мной восторгаться, и меня перестали такъ величать.

Я сказалъ, что въ телегѣ фермера Лагоргота, въ минуту моего рожденія, находились: теленокъ и баранъ. Бѣдныя животныя сочувственно заблѣяли и, полныя вниманія къ намъ съ матерью, прижались другъ къ другу, чтобы дать намъ побольше мѣста.

Мать разсказывала это мнѣ сотни разъ, и ея теплый отзывъ о дружелюбныхъ свидѣтеляхъ моего рожденія внушилъ мнѣ большую любовь къ телятамъ, баранамъ и мужикамъ... Даже теперь, по прошествіи стольких лѣтъ, я не могу смотрѣть безъ удовольствія на деревенскую телегу со скотиной.

II.

Первые признаки моей неспособности.

Не всѣ мои братья и сестры остались живы; но, сколько ихъ осталось, и того довольно было, чтобы составилось рѣдкостное семейство. Когда я родился, уже двѣ изъ сестеръ были замужемъ и матерями. У меня были племянники старше меня. Мое самое отдаленное воспоминаніе: потасовка, въ которой эти самые племянники, старше меня нѣсколькими мѣсяцами, отлупили меня наилучшимъ образомъ; но, какъ кажется, я самъ былъ очень виноватъ: я дѣлалъ имъ гримасы, когда они называли меня «дядюшка». Это обозначеніе меня ужасно пугало. Я ужъ и тогда имѣлъ недугъ не выносить никакихъ званій — недугъ, надѣлавшій мнѣ много вреда въ жизни.

Кромѣ замужнихъ сестеръ, у меня былъ одинъ братъ въ политехнической школѣ, другой въ школѣ правовѣдѣнія, остальные въ коллежахъ экстернами; а самые маленькіе оставались дома.

Всѣ должны были играть роль въ свѣтѣ. Администрація, наука, искуства, политика, индустрія, коммерція дали имъ всѣмъ возможность выдти въ люди. Имя наше, благодаря одному изъ нихъ, стало даже очень извѣстнымъ. Какъ же это такъ случилось, что я одинъ, одинъ изъ всего семейства, остался непримѣченнымъ, до такой степени непримѣченнымъ, что, въ продолженіи долгихъ лѣтъ, многіе изъ моихъ братьевъ даже и не помнили обо мнѣ? Я иначе этого и объяснить не могу, какъ моей врожденной неспособностью переносить расточительную и шумную жизнь. Не они удалялись отъ меня, а я отъ нихъ. Они искали блеска, шума, лихорадочной дѣятельности. Парижъ притягивалъ ихъ. Всѣ или почти всѣ поселились въ немъ, тогда какъ для меня и провинціальный городъ, въ которомъ мы родились, и то былъ слишкомъ шуменъ. Меня влекло въ другую сторону. Я только и мечталъ, что о домашнихъ животныхъ, и, еслибъ какая нибудь фея (какъ дѣлается въ сказкахъ) явилась и предложила мнѣ выборъ: управлять ли колесницей государства, или телегой дяди Лагоргота, я не замедлилъ бы выбрать послѣднюю.

III.

Новыя печальныя явленія.

Несмотря на эти сельскіе вкусы, меня отдали, какъ и всѣхъ моихъ братьевъ, въ коллежъ, гдѣ я ужасно проскучалъ и мало чему выучился. Да, по правдѣ, съ меня многаго и не спрашивали, такъ какъ вскорѣ всѣхъ поразила моя бездарность. Меня не находили ни злымъ, ни порочнымъ; я просто считался мальчикомъ «безъ способностей».

Но здѣсь я сдѣлаю признаніе, которое васъ удивитъ. Еслибъ было въ моей власти пріобрѣсть безъ усилія, безъ труда, безъ скуки «способности» моихъ братьевъ или товарищей, я бы не захотѣлъ этого. Еслибъ кто нибудь, во время моего сна, наградилъ меня этими способностями, я бы тотчасъ, по пробужденіи, все сдѣлалъ, чтобъ освободиться отъ нихъ. Я былъ счастливъ въ моемъ положеніи, счастливъ тѣмъ, что былъ лишенъ всякихъ дарованій. Я радѣлъ о моей бездарности, возращалъ и питалъ ее. И дѣлалъ я это съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ, что оно было тайно.

Домъ, гдѣ мы жили, стоялъ при въѣздѣ въ городъ, на самой дорогѣ. Въ рыночные дни, утромъ на зарѣ, проѣзжали мимо оконъ моей комнатки крестьянскія телеги. На колѣняхъ, на постели, я наслаждался, созерцая ихъ. Весь же остальной день, можно было подумать (и это была правда), что я преспокойно сижу на моей школьной партѣ; но мысленно я скакалъ и прыгалъ у дяди Лагоргота.

Никогда отецъ не журилъ меня, хоть я и былъ единственный изъ всѣхъ его дѣтей, отъ котораго многаго не ожидали.

Время приближалось къ вакаціи и мнѣ шелъ двѣнадцатый годъ, когда одинъ изъ моихъ братьевъ получилъ первую награду въ коллежѣ. Радость въ домѣ была неописанная! Чтобъ почтить торжество побѣдителя, рѣшили провести всѣмъ домомъ недѣлю въ Парижѣ. Но отецъ очень хорошо замѣтилъ, что это путешествіе не было моей сладкой мечтой. — Нужно, чтобъ всѣ остались довольны, сказалъ онъ мнѣ: — что̀ же тебѣ можетъ доставить удовольствіе? Я отвѣчалъ: — Провести вакаціи у дяди Лагоргота. Желаніе мое исполнили; два дня спустя, я выѣхалъ изъ города и явился на ферму счастливый-пресчастливый.

Ахъ, ка̀къ же тамъ было хорошо, ка̀къ славно жилось, ка̀къ свободно дышалось въ поляхъ, подъ старыми деревьями, на бе-

регу рѣки, въ хлѣбахъ, въ лѣсахъ! И ка̀къ повсюду было весело, красиво, радостно! Всѣ чувства были возбуждены звуками, благоуханіями, видами!

Но глубокое впечатлѣніе уваженія, даже обожанія внушали мнѣ скорѣе люди, чѣмъ вещи. Когда каждое утро, на восходѣ солнца, при пѣніи пѣтуха, я видѣлъ, какъ Лагорготъ отдавалъ всѣмъ приказанія, надзиралъ и ускорялъ жнитво; когда я видѣлъ, какъ работники, по одному мановенію его руки, жали и косили; какъ потомъ все это сносили въ риги; когда я видѣлъ въ загонахъ, въ коровникахъ, въ конюшняхъ, въ свиныхъ хлѣвахъ, на птичникахъ, какъ весь этотъ скотъ давалъ ему свою шерсть, молоко, яйца, мясо—дядя Лагорготъ становился, въ моихъ глазахъ, точно владыка всей вселенной!..

Разъ онъ сѣялъ при мнѣ. Онъ бросалъ зерна съ такой широтой и величіемъ, что я преисполнился умиленія, какого въ жизнь мою не чувствовалъ (да простятъ мнѣ) ни къ одному горожанину.

Къ тому же, этотъ хорошій человѣкъ былъ вполнѣ достоинъ уваженія: честный, прямой, во всякомъ дѣлѣ онъ имѣлъ еще ясность, спокойствіе и вѣрность взгляда, что̀ можно найдти и у другихъ крестьянъ, но чего, какъ мнѣ кажется, я не замѣчалъ въ такой степени ни у одного горожанина.

Мнѣ сотни разъ приходилось слышать, что деревенскій людъ—невѣжественъ; но ужь этого, конечно, никакъ нельзя было сказать про дядю Лагоргота. Онъ умѣлъ пахать, боронить, засѣвать землю. Онъ умѣлъ собирать удобренія, ходить за скотомъ. Онъ умѣлъ подрѣзывать, прививать, надрѣзывать деревья. Я даже замѣчалъ, что въ житейскихъ случаяхъ онъ былъ хорошій законникъ.

Я находилъ тоже, что его дурной, а въ сущности, *очень хорошій* крестьянскій языкъ бывалъ забавенъ, а подчасъ и поучителенъ. Самъ онъ былъ оригиналъ, добрый и веселый, и его охотно бы заслушался каждый...

Онъ очень меня полюбилъ: во-первыхъ, отъ того, что я родился на его глазахъ, а, во-вторыхъ—потому, что рано началъ раздѣлять его вкусы. Я не былъ, быть можетъ, способенъ сдѣлаться адвокатомъ, докторомъ, конторщикомъ, промышленникомъ или купцомъ; но «бѣда не велика, говаривалъ онъ отцу:—коли изъ меня выйдетъ хорошій землепашецъ».

Можете судить, ка̀къ я былъ счастливъ, слушая эти слова!

IV.

Мальчишескія глупости, въ ожиданіи лучшаго.

До сихъ поръ я былъ скрытный ребенокъ довольно печальнаго вида. На фермѣ же я сталъ инымъ, т. е. веселѣе и шумливѣе. Веселость моя, какъ всегда у дѣтей, стала сказываться въ разныхъ шалостяхъ: я не былъ святымъ ни въ дѣтствѣ, ни въ зрѣломъ возрастѣ.

Моими товарищами были сперва маленькіе Лагорготы, т. е. Горготенъ—тринадцати лѣтъ и сестра его, Горготина — девяти.

Кромѣ Горготена и Горготины, изъ малолѣтнихъ на фермѣ жилъ еще коровникъ Дезиръ, малый четырнадцати лѣтъ. Никто лучше его не лазилъ по деревьямъ, не раззорялъ гнѣздъ, не ѣздилъ верхомъ, не разставлялъ силковъ, не дѣлалъ рикошетовъ камешками; никто лучше его не умѣлъ удить рыбу, барахтаться въ ручьяхъ, плавать, устраивать плоты, запружать ручьи, прорѣзывать каналы. И какъ же онъ игралъ на рожкѣ! И какіе онъ давалъ намъ уроки (мнѣ, Горготену и Горготинѣ) по всѣмъ этимъ искуствамъ!

Дезиръ, сынъ одной бѣдной и честной крестьянки, еще маленькимъ ребенкомъ былъ пресмышленный. Лагорготъ съ женой призрѣли его лѣтъ пяти. Отъ семи до тринадцати посылали его въ школу; а теперь поручили ему присмотръ за коровами и дали справлять разныя маленькія работы, которыя онъ исполнялъ съ большой понятливостью. Честный, любящій, преданный, безукоризненныхъ правилъ и привычекъ, онъ жилъ какъ родной въ семьѣ Лагоргота; но во всемъ остальномъ былъ онъ—мальчишка-мальчишкой.

За нимъ слѣдовалъ Горготенъ; я говорю *за нимъ*, потому что Дезиръ былъ нашъ глава и по лѣтамъ, и по силѣ, и по дружбѣ къ намъ; онъ десятки разъ становился нашимъ покровителемъ и защищалъ насъ отъ насмѣшекъ, придирокъ и даже побоевъ деревенскихъ мальчишекъ.

Вотъ примѣръ: тётка Лагорготъ подарила ему къ празднику нарядную пару изъ сѣраго полусукна. Горготенъ и я пошли съ нимъ гулять на деревню. На нашу бѣду какой-то трубочистъ, весь въ сажѣ, началъ смѣяться надъ нами. Дезиръ не замедлилъ попотчивать его кулакомъ, и оба наши молодца повалились. Мы успѣли, однако, съ Горготомъ разнять ихъ. Но въ какомъ видѣ предстали новыя штаны, жилетка и куртка бѣднаго

Дезйра? Горготенъ и я были не чище его. Можете судить, какъ встрѣтила насъ тётка Лагорготъ.

Горготина, конечно, вела себя потише насъ, но иногда мы и ее увлекали въ вихрь нашихъ забавъ, и бѣдняжка служила намъ послушной и невинной рабой. Ей-то мы всегда и давали самыя нелѣпыя порученія.

Находилась еще въ домѣ и мамзель Памелà; и я, и Горготенъ, и Дезйръ ненавидѣли ее. А знаете ли за что̀? За ея имя— Памелà, за ея глупые, вытаращенные глаза, за слишкомъ длинныя руки и слишкомъ короткія ноги, и еще за то, что Горготина постоянно возилась съ ней. И вотъ, мы преступно рѣшили: бросить въ рѣку милую дѣвицу.

Мамзель Памелà была кукла, за которой Горготина ухаживала, одѣвала ее и нянчилась съ ней цѣлый день, какъ съ живымъ и дорогимъ существомъ. Это обезьянство маленькой дѣвочки ужасно меня злило, и я первый задумалъ заговоръ и первый выполнилъ его. Увидавъ Памелу̀ одну, лежащую подъ деревомъ, невдалекѣ отъ дома, я живо схватилъ ее въ охабку, и, двѣ минуты спустя, она уже купалась въ волнахъ...

Горготина, не видя ея, стала искать, плакать и убиваться. Ей сказали, что, должно быть, Лорьянъ (маленькая собаченка, которая все рвала и портила въ домѣ) стащилъ и сгрызъ Памелу...

Объ этомъ несчастіи ужь и позабыли, какъ разъ недѣли двѣ спустя, Горготина, идя по берегу рѣки, замѣтила Памелу̀ подъ водой, всю въ лохмотьяхъ и полусгнившую. Она стала звать Дезйра на помощь, Дезйра не оказалось, и я явился спасителемъ; но *какимъ* спасителемъ? Я сталъ дѣйствовать навозными вилами и угодилъ этимъ инструментомъ прямо въ грудь милой утопленницѣ. Несчастная, вытащенная изъ воды, не имѣла больше образа человѣческаго.

Чтобы утѣшить Горготину, мы предложили устроить ея куклѣ великолѣпные похороны. Предложеніе было принято. Разсказать всѣ глупости, какія мы придумали для этихъ похоронъ — нѣтъ возможности. Нужно было добыть катафалкъ, достойный усопшей: двѣ тыквы послужили намъ матеріаломъ. Одна изъ тыквъ, выдолбленная и артистически вырѣзанная, пошла подъ погребальную колесницу, а изъ кожуры другой — мы смастерили колеса и всѣ принадлежности. Памелу̀ положили на постель изъ розъ, и Лорьянъ, богато разукрашенный на этотъ случай, тихо повлекъ ее къ послѣднему жилищу, при звукахъ пѣсенъ. И что̀ это было за пѣніе! Дезйръ, во главѣ шествія, меланхолически игралъ на своемъ рожкѣ; Горготина, полуплача, полусмѣясь,

принимала тоже участіе въ церемоніи. Но каковы были ея гнѣвъ и удивленіе, когда на другой день, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы такъ торжественно сложили ея дорогую куклу, она увидала крестъ, носящій слѣдующую надпись:

Подъ крестикомъ этимъ лежитъ Памела,
Невинна, прекрасна, мила!
Вотъ такъ радость намъ—
Видѣть ее тамъ!!

V.

Возвращеніе въ городъ.

Лагорготъ чуть-было не разсердился, но, при видѣ четверостишія, разсмѣялся и успокоился. Такъ это вѣрно, что въ деревняхъ чувствительны къ хорошимъ стихамъ...

Къ несчастію, вакаціи подходили къ концу, и въ одно осеннее утро мы сѣли съ Лагорготомъ въ телегу изъ-подъ телятъ и возвратились въ городъ.

Еслибъ не сильное желаніе увидать мать, отца и сестеръ, я бы не могъ утѣшиться, что покинулъ ферму. Чтò же касается до господъ моихъ братцевъ, я ожидалъ съ нетерпѣніемъ ихъ разсказовъ о путешествіи, надѣясь разсказать имъ также и о моемъ и показать имъ, какъ моя поѣздка была гораздо лучше ихней. Мнѣ и въ голову не приходило, что въ Парижѣ можно было видѣть что нибудь великолѣпнѣе фермы Лагоргота.

Но мнѣ очень скоро доказали мою наивность.

Братья возвратились изъ Парижа съ такой самоувѣренностью, съ такимъ самодовольнымъ видомъ; манеры сдѣлались у нихъ чрезвычайно вѣжливыя; я же сталъ такимъ простякомъ, увальнемъ и деревенщиной, что просто не зналъ кàкъ мнѣ быть.

Они говорили, говорили съ нескончаемыми похвалами о дворцахъ, садахъ, монументахъ и улицахъ. Но восторгъ ихъ дошелъ до послѣдняго градуса, когда они стали говорить о театрахъ. Они разсказывали всѣ чудеса, описывали декораціи (виды деревень и богатѣйшихъ лѣсовъ). Правда, чтò они видѣли въ живописи и въ подражаніи, то я видѣлъ въ натурѣ, но ни за чтò въ свѣтѣ я не осмѣлился бы заявить имъ мое мнѣніе. Сестры, полныя умиленія, восхваляли мнѣ концерты. Кàкъ имъ сказать, о Боже! что я выучился у коровника играть на рожкѣ? Я бы на всю жизнь осрамился!

Еще одинъ фактъ обрекъ меня на совершенное молчаніе:

братья познакомились съ сыномъ одного вліятельнаго депутата, который, говорили они, можетъ быть назначенъ и министромъ. Этому мальчику было пятнадцать лѣтъ, и объ немъ говорили съ такимъ энтузіазмомъ, что я не смѣлъ и заикнуться о Горготенѣ, Горготинѣ, а тѣмъ менѣе о бѣдномъ Дезірѣ, моемъ учителѣ музыки.

Къ тому же, я видѣлъ, что всѣ находили меня, хоть этого и не высказывали, еще глупѣе, чѣмъ прежде. Въ этомъ я былъ съ ними совершенно согласенъ; но я уже сказалъ: сознаніе того, что я ниже ихъ, не огорчало меня, и мнѣ жилось, по старому, хорошо.

Я возвратился къ моей тихой жизни въ коллежѣ. Заведеніе это казалось мнѣ настолько же скучнымъ, какъ и прежде. Мысль—поѣду ли я на слѣдующія вакаціи на ферму—стала моей главной заботой. Я готовъ былъ на всякія жертвы, чтобъ только получить позволеніе. Я старался изъ всѣхъ силъ угодить отцу. Поведеніе мое было хорошо; но я продолжалъ оставаться въ послѣднихъ по сочиненіямъ. Мозгъ мой не поддавался никакимъ урокамъ. Только въ ариѳметикѣ были у меня порядочныя отмѣтки; Дезірѣ превосходно считалъ; онъ и далъ мнѣ вкусъ къ этой наукѣ, а я не желалъ уступать ему ни въ чемъ. Я про себя рѣшилъ, къ пріѣзду на ферму, стать ему равнымъ, даже въ искуствѣ игры на рожкѣ.

Обычай учениковъ—раздѣлять годъ на два торжественныхъ числа: большія вакаціи и пасхальныя.

Передъ вакаціями Пасхи у насъ случилось немаловажное происшествіе. Я упоминалъ о молодомъ парижанинѣ, съ которымъ познакомились братья. Ну-съ, намъ объявили, что г. Артуръ (такъ его звали) пріѣдетъ къ намъ на всю Святую.

Въ то время, въ провинціи, принимать у себя парижанина была рѣдкость. Путешествовали мало, а о желѣзныхъ дорогахъ еще и не мечтали. Еслибъ кто тогда о нихъ заикнулся, то его сочли бы безумнымъ. Помню смѣхъ и возгласы недовѣрія, какими встрѣтили, нѣсколько лѣтъ спустя, новость, что кто-то выдумалъ возить кареты силой пара по желѣзнымъ и деревяннымъ рельсамъ. Всѣ умные люди рѣшили, въ одинъ голосъ, что подобное предпріятіе невозможно. Я же, ребенокъ «безъ способностей», такъ сильно захотѣлъ, чтобъ открытіе это исполнилось, что началъ живо его представлять себѣ.

Но возвратимся къ нашему молодому Артуру, для котораго, еще за недѣлю, начались приготовленія. Мать и сестры дѣлали изъ этого пріѣзда 15-ти лѣтняго мальчугана нѣчто важное. Правда, мальчуганъ былъ сынъ очень виднаго политическаго ора-

тора, и, къ тому же, какъ я уже сказалъ, парижанъ не каждый день видѣли въ провинціи и не всякій принималъ ихъ, кто желалъ...

И такъ, молодой Артуръ пожаловалъ къ намъ вечеромъ, въ дилижансѣ. Слушая о немъ неустанныя похвалы, я воображалъ его молодцомъ, сильнымъ, веселымъ... Явился г. Артуръ — маленькій, блѣдный, тонкій, тщедушный, близорукій. Лицо его могло бы быть пріятнымъ, но привычка носить лорнетъ заставляла его гримасничать. Чтò же касается до ума, онъ былъ не глупъ и могъ быть еще умнѣе, еслибъ не его болтовня, хотя и забавная, но заимствованная. Правда, что сквозь все это чувствовался добрый мальчикъ. Однако, разныя стороны его характера оскорбляли меня: отсутствіе простоты, доброй воли и скромности. Я никому ничего не сказалъ о моей оцѣнкѣ, но въ моемъ уваженіи гораздо выше стояли Дезйръ и Горготенъ, чѣмъ другъ братьевъ.

Хотя я долженъ былъ пройти чрезъ большой искусъ: Артуръ игралъ на кларнетѣ (онъ игралъ даже съ талантомъ и со вкусомъ, какъ тѣ, кто бралъ хорошіе уроки); не пускаясь ни съ кѣмъ въ споръ, я, всетаки, продолжалъ находить, что нѣтъ ничего подобнаго игрѣ на рожкѣ моего друга Дезйра. Такъ неизгладимы первыя впечатлѣнія. Теперь я увѣренъ, что рожокъ — самый убогій инструментъ, и убѣдился, что Дезйръ былъ и есть (да проститъ онъ мнѣ) жалкій музыкантъ. Сознаю все это; но ничто не можетъ такъ меня растрогать, какъ звукъ этого милаго инструмента гдѣ-нибудь въ долинѣ, вечеромъ. Въ самомъ мрачномъ изгнаніи рожокъ могъ бы возвратить мнѣ отечество. Кларнетъ же — никогда!

Въ заключеніе этой главы прибавлю, кàкъ возили вовсюду молодого парижанина, кàкъ братья показывали ему всѣ достопримѣчательности нашего города и кàкъ, сколько помнится, ничто его сильно не интересовало, ибо ничто въ его глазахъ не могло сравниться съ Парижемъ. Онъ даже и небо охотно бы нашелъ въ провинціи менѣе блестящимъ, чѣмъ въ Палэ-Роялѣ.

Онъ держалъ себя очень вѣжливо; но вѣжливость его была холодная и удаляла меня отъ него. Братья же, напротивъ, очень съ нимъ сошлись.

Гощеніе его, тѣмъ не менѣе, имѣло на меня рѣшительное вліяніе: оно было причиной того, что я еще больше привязался къ деревнѣ, къ фермѣ, къ друзьямъ, съ которыми надѣялся опять свидѣться на большихъ вакаціяхъ.

VI.

Хорошо понятый урокъ.

Пришли большія вакаціи, но я не увидалъ ни друзей, ни фермы... И вотъ, по какой грустной причинѣ:

Незадолго до раздачи наградъ, одинъ изъ моихъ братьевъ, выйдя изъ класса риторики, заболѣлъ и умеръ въ нѣсколько дней.

Эта внезапная смерть мальчика, полнаго жизни, способнаго и трудолюбиваго, повергла отца въ глубокое уныніе; оно меня изумило и тронуло сильнѣе всѣхъ слезъ матери.

Мы только тогда и можемъ понимать, насколько мы дороги нашимъ родителямъ, когда, въ свою очередь, имѣемъ дѣтей. Впрочемъ, я уже и тогда начиналъ понимать, какъ сильна была любовь моего отца къ его дѣтямъ. Да и меня самого и насъ всѣхъ смерть эта огорчила. Она-то мнѣ и показала, какъ крѣпка семейная привязанность. Много уроковъ въ этомъ родѣ проходило мимо моихъ ушей; но этотъ былъ выслушанъ и понятъ.

Дня два-три послѣ катастрофы, мать наказала намъ не дѣлать никакихъ предположеній къ настующимъ вакаціямъ. Она стояла на томъ, чтобы мы всѣ и каждый день собирались вокругъ отца.

VII.

Доброе посѣщеніе.

Въ теченіи этихъ грустныхъ вакацій у меня выдался радостный день. Какъ-то утромъ пріѣхалъ къ отцу Лагорготъ. Я узналъ, что на фермѣ все идетъ хорошо; я расиросилъ его и о людяхъ, и о скотинѣ. Но когда онъ сталъ сбираться, вотъ-то было горе, что не могу съ нимъ уѣхать! Я просилъ его поклонитьтся всей, всей семьѣ. Я проводилъ его до самаго постоялаго двора, гдѣ видѣлъ, какъ онъ усѣлся въ милую тележку. Я поцаловалъ Коко, маленькую, гнѣдую лошадь, на которой бралъ у Дезира мои первые уроки верховой ѣзды. Я шепталъ милому животному поклониться отъ меня *Чернявкѣ* и *Пестренкѣ*, моимъ любимымъ коровамъ.

Это свиданіе съ фермеромъ имѣло для меня самое хорошее по-

слѣдствіе: я опять принялся мечтать о деревнѣ и мнѣ стало лучше житься.

Отецъ, съ своей стороны, возвратился къ работѣ, и мы скоро начали замѣчать нѣкоторую веселость на его лицѣ.

VIII.

Отцовскій промыселъ.

Сказалъ ли я, чѣмъ занимался отецъ? Кажется, нѣтъ, а это не безполезно сообщить.

Сынъ деревенскаго слесаря, онъ пришелъ въ городъ, гдѣ мы потомъ жили, чтобъ продолжать отцовскій промыселъ; тамъ же онъ покончилъ и свое ученіе. Еслибъ онъ удовольствовался познаніями дѣдушки, то никогда бы не овладѣлъ такъ своимъ ремесломъ. Дѣдушка, порядочный замочникъ, не способенъ былъ смастерить и вертела.

Отецъ же, напротивъ, сталъ очень искусенъ въ своемъ дѣлѣ, и хозяинъ, у котораго онъ работалъ, передалъ ему свое заведеніе. Отецъ впослѣдствіи женился на его единственной дочери.

Это было въ то время, когда только-что начали появляться филатурныя машины. Отца призывали нѣсколько разъ чинить ихъ. Онъ скоро понялъ ихъ устройство, сдѣлалъ кое-какія улучшенія и началъ самъ ихъ работать. Постепенно онъ сталъ во главѣ большого заведенія.

Работа давала ему истинное наслажденіе; въ ней онъ находилъ и спокойствіе, и веселость. Любо было на него смотрѣть, какъ онъ по кусочку сбиралъ свои машины.

Онъ просто любилъ желѣзо; стукъ желѣза, запахъ желѣза восхищали его. Онъ намъ сдѣлалъ, на свой ладъ, всю мёбель изъ желѣза. Ко всему-то онъ умѣлъ приспособить слесарное мастерство! И во всемъ этомъ сколько воображенія, старанія, изящества! И какая радость послѣ каждаго новаго успѣха! Нужно ли еще говорить, что онъ обожалъ свое ремесло? Выдѣлывать желѣзо было въ его глазахъ — первымъ искуствомъ. «Желѣзо, говаривалъ онъ:—фундаментъ всего, коли безъ желѣза и землепашество не могло бы существовать».

Но какъ же это такъ случилось, что ни одинъ изъ сыновей не пошелъ по его дорогѣ? Право, не знаю. Никто изъ нихъ объ этомъ даже и не думалъ. Братья мои только и мечтали о Парижѣ. Я — о поляхъ.

Я долженъ еще прибавить одну подробность: отецъ, въ каче-

ствѣ механика, любилъ заниматься небеснымъ механизмомъ, и онъ первый занялся съ нами начатками астрономіи. Онъ устроилъ очень хорошенькую машину, съ помощью которой объяснялъ намъ планетную систему. Я уже сказалъ, что имѣлъ кое-какія наклонности къ математикѣ. Эти первыя познанія въ астрономіи были мнѣ очень полезны: они дали естественный ходъ единственному роду занятій, къ какому я былъ способенъ.

Слѣдующій годъ выдался самый лучшій по ученію въ коллежѣ. Намъ начали преподавать первыя начала физики, и я сталъ заниматься съ охотой, такъ что къ концу года получилъ вторую награду.

Съ появленіемъ интереса къ занятіямъ, пропала и моя дикость съ товарищами. Я началъ принимать участіе въ ихъ играхъ, чего до сихъ поръ не дѣлалъ, и скоро сталъ очень силенъ по части игры въ мячъ, въ кобылку, бѣганья въ запуски; но я, попрежнему, мало разговаривалъ съ ними, потому что въ очень многихъ вещахъ мы не могли сойтись. У нихъ головы были набиты идеями, теоріями, системами. У меня же — скотиной и крестьянами. Въ этомъ я старался скрывать мою отсталость; но въ бѣганьи въ запуски, въ игру въ мячъ, въ кобылку, въ чехарду, въ *дядю Ларивонъ* я бралъ верхъ, и мнѣ этого было достаточно.

Къ концу года награда моя по физикѣ сдѣлала отцу большое удовольствіе, и (представьте мою радость!) меня отпустили на ферму на всѣ вакаціи.

IX.

Опять въ поляхъ.

Я снова увидалъ мою ненаглядную ферму! Въ два года все на ней перемѣнилось, все похорошѣло! Деревья разрослись, бесѣдки стали тѣнистѣе и, о новость! о чудо! — тёлки сдѣлались теперь коровами, а жеребята лошадьми.

Дезирѣ имѣлъ ужь видъ мужчины: онъ начиналъ косить, а иногда даже ѣздилъ и пахать.

Горготенъ и Горготина тоже очень выросли. И нашъ Горготенъ, о несчастный! — забралъ себѣ въ голову быть писакой! Лагорготъ долго сопротивлялся его намѣренію; но, разъ забравши себѣ мысль въ голову, бѣдняга оказался такимъ неспособнымъ къ полевымъ работамъ, что его принуждены были

помѣстить въ писаря къ деревенскому приставу. Дезйръ тоже попробовалъ-было его усовѣщевать, но напрасно.

И такъ, Горготена видали на фермѣ только по утрамъ, по вечерамъ, да въ праздники.

Горготинѣ пошелъ двѣнадцатый годъ; она помогала матери по хозяйству и съ мальчиками ужь не водилась. Я тоже замѣтилъ, не безъ злорадства, что дѣвицу Памелу̀ ни кѣмъ не замѣнили. Наша ехидная выходка положила конецъ царствованію куклы.

Теперь, кромѣ Дезйра, у меня не было товарища на фермѣ. Я не разлучался съ нимъ. Мы работали вмѣстѣ въ поляхъ, на гумнѣ, въ конюшняхъ, въ овчарняхъ — и не безъ успѣха. Къ концу вакацій я бы могъ быть хорошимъ батракомъ и, вѣрьте, я гордился моей способностью. Этотъ сельскій дипломъ, на мой взглядъ, стòитъ другого; а въ то время я, конечно, объявилъ бы вамъ, что предпочитаю его всѣмъ остальнымъ дипломамъ.

Во многихъ я долженъ былъ возбуждать искреннее удивленіе и сожалѣніе; но на этотъ счетъ я имѣлъ рѣдкостную философію. Я просто ни о чемъ не думалъ, а шелъ прямо, руководимый моимъ инстинктомъ и моими вкусами, или, скорѣе, я не шелъ, а остановился и приросъ сердцемъ къ мѣсту, гдѣ обрѣлъ себѣ жизнь и пустилъ тоже свои корни на землѣ Лагорготовъ.

Однако, какъ-то вечеромъ, я и Дезйръ, наигравшись до сыта на рожкѣ, возъимѣли желаніе не окончательно прирости къ землѣ, а, напротивъ, взмахнуть крыльями и вдвоемъ пуститься въ путешествіе. Мы никогда не видали моря, хотя ферма и была отъ него всего въ 26 километрахъ (тогда говорили—*шесть съ половиною лье*). Мы рѣшили отправиться пѣшкомъ, въ одно изъ воскресеній, и взять съ собой Горготена; но Лагорготъ, услыхавъ о нашемъ намѣреніи, посовѣтовалъ поѣхать въ тележкѣ. «На Кокò, сказалъ онъ:—въ какихъ-нибудь три часа, вы будете ужь тамъ, успѣете и погулять, и вернуться засвѣтло». Но онъ наказалъ, чтобъ, кромѣ Дезйра, никто не правилъ, не кормилъ Кокò и не руководилъ нашей экспедиціей и чтобъ къ ночи мы непремѣнно были дома.

Видитъ ли читатель, кàкъ это мы втроемъ пустились въ путь, въ тележкѣ, усѣвшись всѣ на узенькой дощечкѣ; Дезйръ — направо, съ кнутомъ и возжами въ рукахъ, Горготенъ—по серединѣ, я—налѣво; шестнадцать, пятнадцать, четырнадцать лѣтъ, свободные, веселые, улыбающіеся, какъ заря, чтò освѣщала насъ? Мы все приготовили еще на разсвѣтѣ, и, когда солнце стало вставать, мы уже улизнули.

Стóяли первыя числа сентября и день занимался безподобный.

Вслѣдъ за холодкомъ, солнце стало потихоньку грѣть насъ и веселить. Съ удаленіемъ отъ фермы, все возбуждало удивленіе, восторгъ, взаимные разспросы: это что̀ такое? а тамъ что̀? вотъ такъ народъ! Еще бы немножко, и, право, мы готовы были принять себя за открывателей неизвѣданныхъ земель.

Маленькій приморскій портъ, цѣль нашего путешествія, вызвалъ въ насъ еще бо̀льшее удивленіе. Мы приняли за самоѣдовъ, троглодитовъ, топинанбурговъ и за племена еще болѣе чудныя первыхъ моряковъ, какіе намъ повстрѣчались. У нихъ въ ушахъ были серьги! Мы никогда не слыхали, чтобъ мужчины, исключая дикихъ, носили это украшеніе. Мы чуть не расхохотались; но добрыя и открытыя лица моряковъ тотчасъ пробудили въ насъ сочувствіе.

Коли моряки такъ насъ поразили, судите же, каковъ былъ восторгъ при видѣ моря? Поэтъ, романистъ попробовали бы описать вамъ наше впечатлѣніе. Я же воздержусь, не находя этого возможнымъ, даже при талантѣ.

Мы могли наслаждаться зрѣлищемъ расходившагося моря, что̀, однако, не помѣшало Дезѝру (онъ отлично плавалъ) выкупаться, и мы, хоть умѣньемъ и пониже его, рѣшились послѣдовать доброму примѣру; къ тому же, на нашихъ глазахъ плавало человѣкъ двадцать и не старше насъ. Мы въ первый разъ вкусили нѣгу морскаго купанья!

Мы оставили Кокò въ городѣ, въ трактирчикѣ, куда и направились обѣдать: никогда еще никто изъ насъ не имѣлъ такого аппетита.

Мы возвратились опять на берегъ. Сбирали часокъ-другой камешки, тросникъ, раковинки, разныя разности, до тѣхъ поръ неизвѣстныя; между прочимъ, нашли и морскую крапиву (медузы). Къ нашему великому удивленію, мы никакъ не могли разобрать, что̀ это такое.

Возвращеніе домой совершилось также весело, какъ вся поѣздка, и не подало повода, вы сами видите, ни къ какимъ особеннымъ приключеніямъ.

Но это путешествіе на море имѣло на нашу жизнь съ Дезѝромъ благодатное вліяніе, и вотъ почему я вамъ его разсказалъ.

Мнѣ оставалось еще три недѣли прожить на фермѣ. Я весело продолжалъ мое обученіе у Дезѝра; но вышло то, чего мы никакъ не ожидали: пока онъ наставлялъ меня такъ успѣшно въ сельскихъ работахъ, я, съ своей стороны, нисколько объ этомъ и не думая, обучалъ его тоже, но въ другомъ смыслѣ.

Началось это однажды утромъ въ рѣкѣ, гдѣ мы барахтались. Дезѝръ замѣтилъ, что камень подъ водой кажется менѣе тяже-

лымъ, чѣмъ надъ водой. Я ему объяснилъ, что каждая вещь въ водѣ настолько дѣлается легче, насколько она вытѣсняетъ воду.

Въ другой разъ, во время грозы, мои объясненія о громѣ такъ поразили его умъ, что онъ нѣсколько вечеровъ къ ряду все меня разспрашивалъ. Я влагалъ въ мои отвѣты столько послѣдовательности, ясности, прибавляя разные легкіе опыты (не даромъ же я получилъ награду и былъ по этой части самымъ внимательнымъ и понятливымъ ученикомъ), что результатъ моихъ уроковъ превзошелъ всякія ожиданія.

Дезирѣ признавался мнѣ послѣ, что онъ часто проводилъ цѣлыя ночи безъ сна, желая лучше запомнить и затвердить все ему сказанное и столь ему новое.

Къ концу вакацій, когда я сталъ сбираться, онъ мнѣ сказалъ: «Экой ты счастливецъ — ты ѣдешь въ школу». А я отвѣчалъ: «Ты счастливецъ—ты остаешься на фермѣ!»

И, можетъ быть, мы оба были правы.

X.

Экзамены.

Нужно было оставаться еще на два года въ коллежѣ, чтобы выйти съ дипломомъ баккалавра. Отецъ этого желалъ, и мнѣ удалось получить дипломъ послѣ двухъ неудавшихся экзаменовъ. Приготовленія къ этимъ несчастнымъ экзаменамъ могли бы меня свести съ ума; но, при моей бездарности, они только слегка увеличили ее.

По многимъ предметамъ я былъ до отчаянія слабъ. Мнѣ бы не пройти ни съ третьяго, ни съ четвертаго раза, да хорошіе отвѣты по математикѣ и физикѣ и доброе поведеніе расположили ко мнѣ экзаменаторовъ. Изъ словесности, риторики, философіи я такъ отвѣчалъ, что мои отвѣты перешли въ пословицы; они, я думаю, еще до сихъ поръ приводятся, какъ черты поразительной глупости.

Между тѣмъ, въ послѣдніе два года я еще кое-что прибавилъ къ моимъ научнымъ познаніямъ—то, чего тогда и не входило въ программу баккалавра: я сталъ слушать воскресныя публичныя чтенія химіи одного очень хорошаго профессора.

Но въ головѣ у меня сидѣла другая наука, о которой я сейчасъ же и поговорю.

XI.

Продолженіе взаимнаго обученія.

Можетъ, читатель пожелаетъ знать, былъ ли я опять на фермѣ? Еще бы! И то, что̀ началось въ предъидущія вакаціи, то, о чемъ я уже разсказывалъ, продолжалось и въ остальныя двѣ. Дезѝръ посвящалъ меня въ земледѣльческія работы, я же училъ его. Теперь я могъ прибавить къ объясненіямъ физическихъ явленій и начатки химіи. Дезѝръ прекрасно понялъ, если не подробности, то значеніе наукъ. Онъ, конечно, не могъ бы сдать экзамена, но онъ вынесъ изъ этихъ уроковъ, какъ всякій здоровый умъ, понятіе о законахъ вселенной. Я долженъ также прибавить, что онъ, какъ малый понятливый, съумѣлъ сдѣлать изъ своихъ познаній разныя полезныя приспособленія.

Интересъ къ естественнымъ наукамъ, который смутно возбудили во мнѣ впервые животныя на берегу моря, еще усилился подъ вліяніемъ уроковъ Дезѝра. Онъ былъ отличный пчеловодъ. Нѣсколько ульевъ приносили ему, на худой конецъ, двѣсти франковъ въ годъ. Наблюдая и зная превосходно нравы своихъ искусныхъ насѣкомыхъ, онъ и меня заставилъ наблюдать, растолковывая превращенія яйца и личинки въ полное насѣкомое.

А что̀ сталось съ Горготеномъ и Горготиной?

Горготену минуло семнадцать лѣтъ. Онъ продолжалъ работать у своего пристава; свободное время употреблялъ на чтеніе фёльетоновъ, разныхъ книжекъ (юношество тогда еще не курило), бесѣдовалъ о политикѣ, театрахъ — словомъ, сбирался стать однимъ изъ умниковъ мѣстечка. Бѣдняга!

Горготина вдругъ преобразовалась, пока братъ ея и я находились въ состояніи личинокъ. Она внезапно перешла въ прехорошенькую пчелку.

Трудолюбивая, расторопная, всегда веселая, скорая на отвѣты, внимательная по хозяйству, она теперь обращалась съ нами, какъ съ личинками. Мы, хоть годами и были старше ея, но *большая* была она, а мы — *мелкота*. Даже Дезѝръ съ его усиками казался рядомъ съ ней мальчуганомъ. Намъ хотѣлось звать ее мамаша, столько было въ ней чего-то мило-материнскаго.

XII.

Выборъ дѣла.

Отецъ предоставилъ всѣмъ сыновьямъ, по выходѣ изъ коллежа, самимъ выбирать себѣ профессію; пришла и моя очередь. Вопросъ шелъ, конечно, о поступленіи въ высшую школу. Я долго и серьёзно думалъ. Выводъ моихъ размышленій васъ-таки очень удивитъ.

Я сказалъ, что хочу поступить въ медицинскую академію. Ну, возможно ли это было ожидать отъ меня?..

Коли мое рѣшеніе поразило семью и друзей, то что̀ же бы они сказали, еслибъ могли проникнуть въ самую суть моего замысла...

Морская крапива, видѣнная мною въ первый разъ во время нашей прогулки по морскому берегу, о которой я выше разсказывалъ подробно, играла не маловажную роль въ моемъ рѣшеніи. Эти двойственныя существа, которыхъ не знаешь къ чему причислить (они, вѣдь, не принадлежатъ прямо ни къ какому царству природы), эти попытки организаціи, гдѣ животное и растеніе и смѣшаны и являются въ видѣ набросковъ, не представляющихъ ничего прочнаго — сдѣлались для меня, со дня нашего путешествія, предметомъ постоянной думы. Мнѣ казалось, что, изучая ихъ съ нашими теперешними средствами изслѣдованія, мы бы далеко ушли и въ философіи... Дезйръ тоже распрашивалъ меня объ этихъ странныхъ существахъ, и мнѣ ничего такъ сильно не хотѣлось, какъ удовлетворить его и моему любопытству. Вотъ я и вздумалъ изучать морскую крапиву и всѣ животно-растенія. Я былъ убѣжденъ, что въ нихъ-то и выяснится вопросъ о зарожденіяхъ и превращеніяхъ живыхъ существъ...

Но на вопросъ о зарожденіи и развитіи органической жизни въ ея двойномъ проявленіи, въ растительномъ и животномъ, мнѣ не могли дать отвѣтъ ни математика, ни астрономія, ни физика, ни даже химія; для этой разгадки я долженъ былъ подняться до науки, которая все разрѣшаетъ, дополняетъ, т. е. до науки жизни.

Но науку жизни составляютъ анатомія, физіологія и проч., а эти разностороннія познанія я только и могъ пріобрѣсть, что въ медицинской академіи, поэтому—я и рѣшился.

Тамъ разсчитывалъ я научиться лучше знать и ходить за моими милыми животными; законы растительпой жизни мнѣ тоже должны были тамъ разсказать.

Вотъ я и рѣшился подвергнуть себя новой пыткѣ школьнаго ученья, экзаменовъ, столь противныхъ моему неподатливому мозгу и всему моему умственному складу—«безъ способностей». И то сказать, въ этой школѣ мнѣ не приходилось ничего изучать, кромѣ природы; а для этого рода занятій я не былъ бездаренъ.

Отецъ нашелъ необходимымъ напомнить мнѣ о трудахъ, скукѣ и продолжительномъ времени для выполненія моей задачи. Я стоялъ на своемъ. Кончили тѣмъ, что отпустили меня въ Парижъ для слушанія лекцій въ медицинской академіи.

XIII.

Дикость.

Не подумайте, что я стану разсказывать мою студенческую жизнь; она интересна была для меня своими занятіями; для васъ же, она совершенно нелюбопытна.

Помимо работъ, прогулокъ и размышленій, въ Парижѣ потянулось сѣренькое житье. Товарищи принимались раза три, четыре вовлечь меня въ свой вихрь; но я оказался такимъ глупымъ и скучнымъ, что они меня оставили въ покоѣ.

Въ Парижѣ я опять увидѣлъ Артура; меня представили его отцу, уже министру. Я съ тоски умиралъ въ этомъ офиціальномъ домѣ. Мой же старшій братъ, теперь инженеръ, не мало извлекъ себѣ пользы изъ сношеній съ ними. Желали, чтобъ и я послѣдовалъ его доброму примѣру; и каждый умный мальчикъ, конечно, сдѣлалъ бы это; но я не былъ умнымъ мальчикомъ. Я долженъ еще прибавить къ своему собственному обвиненію, что министръ, дома, былъ очень любезенъ. Сынъ его и все семейство приняли меня прекрасно. Со всемъ тѣмъ, я забивался, обыкновенно, въ уголъ, какъ дуралей. У меня, можетъ, были тоже свои честолюбивые замыслы, но министръ ничего не могъ для нихъ сдѣлать. Я держалъ себя вѣжливо, прилично, даже искренно, только всегда избѣгалъ офиціальныхъ пріемовъ и парадныхъ обѣдовъ. Къ дикости моей привыкли и терпѣли ее. Это—одна изъ привлекательныхъ сторонъ Парижской жизни: каждый можетъ себя держать какъ ему угодно.

Я съ любовью принялся за физіологію; но вскорѣ замѣтилъ,

что профессора наши, въ большинствѣ, оказались ниже уровня науки; нѣкоторые даже не совсѣмъ ясно понимали ея значеніе. Сожалѣлъ я и о томъ, что наука на различныхъ курсахъ преподавалась намъ кусочками и что никогда намъ не показывали той связи, которая существуетъ между всѣми ея частями. Я желалъ уже и тогда, чтобъ научное преподаваніе давали намъ въ его цѣломъ и дѣлали бы изъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ нами познаній общій выводъ, ибо мнѣ казалось, что наука должна также порождать свою философію. «Можетъ быть, говаривалъ я себѣ:—часъ философскихъ заключеній еще не пробилъ». И я опять принимался за изученіе подробностей.

Къ тому же, я мало участвовалъ въ философскихъ спорахъ того времени и еще менѣе вмѣшивался въ политическую, литературную или художественную борьбу. Разныя доктрины, какія мнѣ приводилось слышать, казались мнѣ непонятными: такъ умъ мой былъ неспособенъ подняться до извѣстной высоты...

Уже шесть лѣтъ слушалъ я лекціи въ медицинской академіи (не забывая, въ то же время, ни семьи, ни фермы, куда я частенько ѣздилъ), когда подошелъ конецъ срока аренды Лагоргота. Состарѣвшись, онъ предложилъ отцу и матери искать другого въ фермеры, такъ какъ у него въ семействѣ никого не было на его мѣсто. Со стороны казалось, что онъ дѣлаетъ это предположеніе съ большимъ хладнокровіемъ; но въ душѣ онъ былъ ужасно огорченъ. Отецъ съ матерью не менѣе его. Имъ никогда и въ голову не приходило, чтобъ Лагорготы могли оставить ферму; а это, однако, должно было случиться. Въ обоихъ семействахъ горе было большое.

Я же очень обрадовался и написалъ отцу письмо. Оно вызвало безконечныя: *да какъ*, *да нѣтъ*, *да почему*, *да зачѣмъ*, отъ которыхъ я васъ избавлю, и скажу только, что на слѣдующій годъ, на фермѣ мѣсто Лагоргота заступилъ я.

И знаете ли, чтò я еще выкинулъ? Я баккалавръ словесности, баккалавръ наукъ, метившій въ доктора, двадцати шести лѣтъ, женился на Горготинѣ и прибавлю, хоть вы, пожалуй, и станете смѣяться, что мы съ Горготиной были счастливы, какъ два дурака! А чтò вы скажете, если я признаюсь, что, по прошествіи сорока лѣтъ, мы все также счастливы?

Нѣсколько недѣль послѣ нашей женитьбы, мы отпраздновали и другую свадьбу — Дезйрову. Бравый парень и тутъ выказалъ умъ и вкусъ: онъ женился на Туанетѣ, дочери дяди Лаполь, честнѣйшаго человѣка изъ всего округа, но бѣднаго. За Туанетой, кромѣ хорошенькаго приданаго, ничего не дали, тогда,

какъ Дезйръ, благодаря своему трудолюбію, своей порядочности и бережливости, скопилъ капитальчикъ.

А сколько парней на его мѣстѣ, добивались бы непремѣнно дѣвушекъ съ деньгами! Если Туанета ничего не имѣла, зато какое у ней было золотое сердце! Какая прямота! Сколько веселости и чтò за рѣдкое воспитаніе! Послушайте: въ деревенской школѣ она выучилась читать, писать, считать. Уроки матери дали ей практическія познанія, и вотъ ихъ полный перечень: Туанета умѣла шить, мѣтить, вязать, надвязывать, штопать, вышивать, мыть, гладить; она умѣла печь хлѣбъ, дѣлать ватрушки и всевозможныя печенья; она превосходно приготовляла хинное вино, сиропы, настойки, варила варенья; она умѣла бить и солить масло, изготовлять сыръ, стряпала, доила коровъ. Сверхъ всего этого, она была искусная садовница, ходила за больными (скотомъ или людьми) просто изумительно! По кротости, красотѣ и смышлености, я не знавалъ ей равной, кромѣ моей дорогой Горготины.

Поэтому Туанета и Горготина подружились еще въ дѣтствѣ, какъ мы съ Дезйромъ.

Обѣ свадьбы были превосходно отпразднованы. Всѣ сосѣди захотѣли участвовать въ нихъ, и подъ вечеръ пришли величать каждую изъ молодыхъ. Мы съ Дезйромъ задали имъ балъ съ музыкой на рожкахъ.

XIV.

Непредвидѣнное обстоятельство.

Лучше и больше всѣхъ танцовалъ Лагорготъ. Оба нашихъ брака дѣлали его самымъ счастливымъ человѣкомъ: мы условились, что онъ будетъ управлять фермой вмѣстѣ съ нами еще два года. А потомъ мы ему выстроимъ домикъ, рядомъ съ нашимъ, гдѣ онъ поселится съ женой.

Все устроилось какъ нельзя лучше, ибо, несмотря на мои теоретическія познанія, на мои способности къ сельскимъ работамъ, несмотря на мою привычку къ нимъ, я все-таки чувствовалъ, что совѣты старика-фермера намъ необходимы.

Само собою разумѣется, что Туанета и Дезйръ оставались съ нами. И такъ, колонія была въ комплектѣ.

Были ли во всемъ этомъ *хозяева и слуги?*

Для постороннихъ, можетъ быть — да. Для насъ же самихъ, когда мы оставались между собою — нѣтъ. Дезйръ съ Туанетой

получали жалованье; но, кромѣ жалованья и помимо всякихъ договоровъ, они сознавали, что такъ или иначе, но они будутъ имѣть *должную* или, скорѣе, *дружескую* часть въ доходахъ фермы.

Нигдѣ такъ мало не говорили объ ассоціаціи, какъ у насъ, и нигдѣ такъ прочно и такъ крѣпко она не выполнялась. Никакихъ уклоненій, контрактовъ, письменныхъ постановленій. Дружба, взаимная честность, инстинкты труда и согласія: вотъ каково было ея основаніе, но я не думаю, чтобы когда либо одно изъ этихъ словъ было произнесено между нами.

Все, казалось, шло соотвѣтственно нашимъ желаніямъ. Однако, годъ не кончился безъ катастрофы.

Мы были наканунѣ уборки хлѣба, урожай выдался богатый; какъ вдругъ мой отецъ умираетъ скоропостижно отъ апоплексическаго удара. Ему было шестьдесятъ восемь лѣтъ. Онъ возростилъ, воспиталъ и честно пристроилъ четырнадцать человѣкъ дѣтей; но у него самого, кромѣ слесарнаго промысла, ничего не было. Проживи онъ дольше, промыселъ далъ бы ему состояніе. Послѣ смерти отца осталось пятьдесятъ тысячъ франковъ долгу, и распродажа движимаго имущества не могла ихъ покрыть. Мать, не колеблясь ни минуты, объявила, что она продаетъ и ферму. Явились покупщики и предложили 80,000 франковъ. За уплатой долговъ, матери осталось бы отъ 1,500 до 1,600 франковъ годоваго дохода. Четырнадцать человѣкъ дѣтей единодушно рѣшили (это было не такъ трудно) давать ей еще по 200 франковъ въ годъ; но мать, ка̀къ ее ни упрашивали, приняла только 100 франковъ отъ каждаго, что̀ составляло съ ея доходомъ около 3,000 франковъ въ годъ.

— Да на такія деньги, говорила мать:—я стану жить принцессой.

Во всемъ этомъ дѣлѣ не случилось ни единой неловкости; только одного нотаріуса можно было упрекнуть кое въ чемъ, но всѣ его счеты были внимательно просмотрѣны и вывѣрены, благодаря Горготену, который сталъ у него старшимъ писцомъ и я просилъ его наблюдать за продажей.

Отецъ оставилъ по себѣ репутацію честнаго и прямаго человѣка, и мы цѣнили его. Но многіе спрашивали: ка̀къ онъ не сдѣлался милліонеромъ, подобно другимъ промышленникамъ?

Еслибъ этихъ лицъ пригласили посмотрѣть приходныя и расходныя книги, которыя велись въ порядкѣ въ родительскомъ домѣ, они могли бы засвидѣтельствовать, что милліонъ дѣйствительно былъ, да вышелъ. Во-первыхъ, они бы увидали 450,000 франковъ, потраченные на воспитаніе и устройство четырнад-

цати человѣкъ дѣтей; за симъ они бы увидѣли, что, въ продолженіи тридцати лѣтъ, каждое 1-ое января выдавалось 15,000 франковъ рабочимъ въ видѣ наградъ. Эта сумма, безъ нароставшихъ процентовъ, составляетъ вторую половину расхода (какъ видите — помѣщеніе превосходное) въ 450,000 франковъ.

Стало быть отецъ съумѣлъ добыть изъ своего ремесла милліонъ, даже больше, и нашелъ этому милліону употребленіе, самое разумное, прибыльное и плодотворное.

Кто же купилъ ферму? Я и позабылъ сказать; купилъ ее Лагорготъ. Добрякъ, не говоря ни кому ни слова, ни женѣ, ни дѣтямъ, отправился къ нотаріусу въ день распродажи и, покончивъ дѣло, возвратился домой такъ спокойно, какъ будто пріобрѣлъ пару быковъ. Никто изъ насъ не зналъ, что Лагорготъ въ состояніи сдѣлать подобную покупку; а между тѣмъ, онъ заплатилъ хорошо и денегъ не занималъ.

Въ то же время, онъ купилъ Горготену и контору нотаріуса, у котораго тотъ служилъ помощникомъ. Правда, уплата производилась въ видѣ ежегоднаго пансіона предшественнику.

Вотъ всѣ и устроились и примостились. Мать переѣхала въ Парижъ на хлѣбà къ брату-инженеру. Братъ этотъ женился на дочери фабриканта изъ нашего города. Мать знавала ее еще ребенкомъ и очень ее любила. Жена брата была добрая, кроткая и честная женщина.

Другимъ моимъ братьямъ такъ не посчастливилось въ выборѣ женъ. Но я пишу записки не братьевъ, а свои собственныя. Я тоже не стану вторгаться и въ жизнь писарька Горготена, сдѣлавшагося теперь нотаріусомъ Лагорготъ; да будетъ только извѣстно, что онъ одинъ изъ всѣхъ насъ не женился.

Былъ ли онъ отъ этого счастливѣе? Мы это увидимъ впослѣдствіи. Мнѣ не разъ придется возвращаться къ нему.

XV.

Ожиданіе весны.

Читатель, можетъ, теперь подумаетъ, что я стану разсказывать вереницу происшествій каждодневныхъ и предвидѣнныхъ, изъ которыхъ состоитъ жизнь нашего брата землепашца?

Пахота, удобреніе, посѣвъ, жатва, уходъ за скотиной—вотъ чт҆о должно бы было безпрестанно выходить изъ подъ моего пера. Эту ежегодную вереницу земледѣльческихъ работъ я не ста-

ну описывать, хотя наша колонія, благодаря этимъ-то занятіямъ, и полюбила деревенскую жизнь, привязалась къ ней и находила въ ней истинную прелесть.

Но я точно также не могу умолчать о томъ полномъ сознаніи, какое постоянно въ насъ жило, что, занимаясь земледѣліемъ, мы предаемся первому и величайшему искуству. И ошибались же въ насъ! Насъ считали такими приниженными, и никто не понималъ, что подъ этой оболочкой простоты крылось сильное чувство независимости и гордости.

Но возвратимся къ нашей исторіи. Вскорѣ послѣ покупки фермы Лагорготомъ, у насъ случилось происшествіе, которое всѣхъ всполошило: намъ объявили, что, будущей весной, въ концѣ мая, Туанета и Горготина станутъ матерями. — Волненіе несказуемое! и страхъ, и радость!.. Милая весна, дорогой май мѣсяцъ казались намъ такими далекими! Увы! На дворѣ стояла еще только осень!

Осень проползла кое-какъ; но зима выдалась страшно холодная и длинная-предлинная: три мѣсяца морозовъ, снѣга, ужасныхъ дорогъ... казалось, что никогда весна такъ не запаздывала. Кольза и красная дятлина распускались съ необычайной медленностью; мы обвиняли въ нерадѣніи всю природу. Рожь, пшеница колосились — колосились... хотя мы не могли не сознаться, что хлѣбà, кольза и дятлина обѣщали богатую жатву. Луга и фруктовыя деревья тоже не отставали. Въ саду розы показали свои головки и распустились...

Подошли послѣднія числа мая, и, къ нашему удивленію, прошелъ весь мѣсяцъ... Перваго іюня, проснувшись на зарѣ, около трехъ, я отправился въ лугà, уже годные для сѣнокоса, какъ вдругъ завидѣлъ Дезйра, бѣжавшаго во всю прыть. Два, три скачкà, и онъ повисъ у меня на шеѣ; онъ смѣялся, плакалъ, задыхался... Наконецъ я узналъ, что пять минутъ, какъ онъ отецъ. «Мальчикъ?» вскричалъ я. — «Дѣвочка, но такая красавица, какихъ еще не видывали».

Мы бросились къ доктору, къ роднымъ, къ друзьямъ. Горготина прибѣжала первая къ Туанетѣ. Тутъ были и крики, и возгласы удивленія: мы всѣ помѣшались; но какое это было славное безуміе! Хорошо бы въ подобныя минуты никому не избѣгать такого безумія.

И вотъ я сталъ преспокойно строить разные планы; но мнѣ не дали времени долго помечтать. Вечеромъ, управляясь въ хлѣвахъ, я снова завидѣлъ несшагося Дезйра, и на этотъ разъ онъ еще болѣе былъ возбужденъ. Онъ еле могъ выговорить, что Горготина зоветъ меня къ себѣ скорѣй-скорѣй. Я бросился въ

домъ. Было въ самый разъ. Двѣ минуты спустя, я сталъ отцомъ дѣвочки, еще прекраснѣй, какъ мнѣ казалось, дочки Дезйра. Эти двѣ крошки пожаловали къ намъ перваго іюня, на протяженіи пятнадцати часовъ одна отъ другой. Какое радостное число, и что за удачная случайность!!

Обѣ матери принялись сами кормить своихъ дѣтей, и все пошло прекрасно. Но волненіе отцовъ чуть не сложило ихъ въ постель. Къ счастію, жатва приближалась, и намъ было о чемъ подумать, кромѣ нашихъ волненій. Безподобный и обильный сѣнокосъ этого года укрѣпилъ и встряхнулъ насъ.

Все пошло какъ по маслу. Лагорготъ увѣрялъ, что только два раза въ своей жизни онъ видѣлъ такой урожай хлѣба, сѣна и фруктовъ. И намъ казалось, что наши дѣвчурки не мало въ этомъ участвовали.

Въ часы отдыха (хотя ихъ было очень мало), Дезйръ и Туанета заставляли насъ съ Горготиной просто восхищаться ими— такъ они были наивно счастливы своей дочкой; мы были точь въ точь въ такомъ же состояніи наивности съ нашей. Но мы, конечно, этого не сознавали.

Прошло три мѣсяца безоблачнаго счастія. Въ первыхъ числахъ сентября, Туанета почувствовала себя нехорошо. Она рано встала съ постели и не въ мѣру утомилась работами. Нездоровье ея быстро перешло въ изнурительную лихорадку. Такимъ образомъ, дочь осталась безъ материнскаго молока; но Горготина не дала почувствовать этого бѣдняжкѣ. Какъ теперь вижу Горготину (спустя сорокъ лѣтъ), радостно кормящую обѣихъ дѣвочекъ. Я сказалъ *радостно*; но, въ сущности, мы всѣ были грустны и встревожены...

Въ нашемъ околодкѣ служилъ самый дрянной докторишка изъ подъ-лекарей, Балтазаръ-Помпей Лаберлю. Я пригласилъ изъ города одного изъ своихъ бывшихъ товарищей по академіи, къ тому же, я и самъ не все еще перезабылъ изъ моихъ медицинскихъ наукъ. Дурно ли, хорошо ли мы ее лечили, только она у насъ встала молодцемъ. Однако, понадобилось не менѣе двухъ мѣсяцевъ, чтобъ поднять ее на ноги.

Горготина же, какъ и быть должно, продолжала кормить еще полгода обѣихъ малютокъ. Онѣ прекрасно себя чувствовали, и на ферму мало по малу возвратились надежда и веселость.

XVI.

Шуринъ.

Долженъ я сообщить, что къ нашимъ радостямъ присоединялись тоже непріятности, а подъ часъ и горе. Непріятность пришла отъ шурина Горготена. Хотя нотаріусъ Горготенъ составилъ себѣ въ городкѣ репутацію человѣка умнаго, но все его достоинство, какъ и многихъ другихъ, заключалось до сихъ поръ только въ разглагольствованіи. Безалаберность, неумѣлость, высокомѣрное легкомысліе, бездарность проявлялись какъ въ его рацеяхъ, такъ и во всемъ его поведеніи. Тѣмъ не менѣе, онъ положилъ себѣ задачей—руководить мѣстнымъ обществомъ. И право, самыя бойкія головы кантона только его и слушались. Онъ выступалъ ораторомъ по всякому ничтожному случаю. Эта мономанія (ибо это была болѣзнь, нечтò иное) доставляла ему кое-какія передряги по служебному занятію, хотя всѣ и считали его честнымъ и миролюбивымъ; политика уменьшила его практику; но онъ утѣшался репутаціей, которую пріобрѣлъ въ мѣстечкѣ. Къ тому же, у него не было ни семьи, ни дома; жизнь текла по трактирамъ и кофейнямъ. Со всѣмъ этимъ онъ былъ страстный охотникъ до литературы и, какъ я уже сказалъ, сочинялъ пѣсни, собиралъ медали, гербы, старые ларчики; но ни ясной идеи, ни настоящаго знанія, ни труда, ни мышленія, ничего такого въ немъ не значилось.

Чтеніе его составляли романы, газеты, стихи; онъ питалъ большое презрѣніе къ точнымъ наукамъ. Онъ признавалъ за ними ничтожную пользу, исключая той, говаривалъ онъ, которую наука принесла промышленности; но промышленность, по его мнѣнію, только и касалась однихъ промышленниковъ. Его же спеціальность была политика. Онъ также имѣлъ наклонность къ метафизикѣ и любилъ, какъ онъ увѣрялъ, углубляться въ нее. Нужно было его послушать, когда онъ развивалъ вопросъ о соціальной организаціи!

Лагорготъ-отецъ, а иногда и Горготина, дѣлали ему замѣчанія если ужь не на счетъ его идей, раздѣляемыхъ многими другими, то, по крайней мѣрѣ, на счетъ его образа жизни и связей; а онѣ бывали у него довольно печальныя, да еще по сосѣдству отъ насъ. Но вѣдь и то сказать: такой человѣкъ долженъ изучать все на мѣстѣ и имѣть связи вездѣ! Если онъ проводитъ время въ кофейняхъ, это затѣмъ, чтобы наблюдать нравы. Ничто не должно быть чуждымъ такому умному человѣку!...

Изъ всего этого что-же вышло? То, что мы начали менѣе уважать несчастнаго Горготена; шуринъ, къ тому же, самъ все рѣже появлялся на фермѣ. Вдругъ одно важное обстоятельство измѣнило наши чувства къ нему. Въ строеніи, гдѣ мы жили, сдѣлался пожаръ. Къ счастію, оно стояло особнякомъ отъ остальныхъ деревенскихъ службъ. Это случилось вечеромъ, около одиннадцати часовъ. Мы всѣ крѣпко спали и отъ жара и дыма на половину уже задохлись. Кто-то вдругъ вбѣгаетъ въ загорѣвшуюся комнату и, рискуя своей жизнью, кидается сквозь пламя и дымъ къ Горготинѣ, схватываетъ ее и дочь на руки, будитъ и тащитъ меня за собой, концомъ сапога разбиваетъ окно, спускаетъ мать, ребенка и совсѣмъ одурѣвшаго отца. Спуститься изъ окна внизъ ничего не значило, но сколько нужно было храбрости, чтобъ броситься на лѣстницу, охваченную всю пламенемъ—мы могли себѣ это представить только послѣ пожара. Какъ же онъ тутъ случился и въ такой часъ? Изъ сосѣдняго дома, за который ему не мало отъ насъ доставалось, онъ увидалъ опасность... Этому обстоятельству мы были обязаны жизнью. Горготенъ же нашелъ только лишній предлогъ посѣщать чаще этотъ домъ. Онъ былъ ему суевѣрно благодаренъ за наше спасеніе отъ огня и хотѣлъ оправдывать тѣ дурныя знакомства, гдѣ онъ продолжалъ прожигать свою жизнь.

XVII.

Годъ IV.

Четвертый годъ нашего хозяйства начался прекрасной весной, и жатва, какъ и въ предшествующія три лѣта, обѣщала быть великолѣпной; но, въ первыхъ числахъ іюля, выдались нестерпимые жары. 5-го утромъ, невозможно было дышать. Легкій туманъ покрывалъ всю долину. Около полудня стали ходить тучи въ противоположныхъ направленіяхъ, сперва медленно, потомъ скорѣе, а тамъ стали раздаваться и раскаты грома.

Около двухъ часовъ, сильный трескъ поколебалъ землю... Молнія въ одинъ моментъ упала въ пяти мѣстахъ, разбила деревья, ударила въ домъ, зажгла гумно. Тотчасъ же градъ посыпался съ неба будто каменный дождь. Ни посѣвы, ни фрукты, ни деревья, ни животныя, ничто не спаслось. У насъ только однихъ, не говоря ужь о сосѣдяхъ, убило въ равнинѣ пастуха и восемдесять восемь барановъ.

Картина бѣдствія и ужаса: точно насталъ конецъ свѣта и все погибло. Была минута, когда мы думали, что наша деревня

ужь не существуетъ. У большинства домовъ крыши провалились. Но что̀ стало съ полями и жатвой? Все было истреблено; сильнѣйшій дождь полилъ вслѣдъ за градомъ. Вездѣ только и видѣлись, что кучи листьевъ, сучьевъ, зеренъ, земли, песку, каменьевъ. Во многихъ мѣстахъ даже не видно было почвы. Одинъ бѣдняга, возвращаясь вечеромъ къ себѣ, нашелъ безобразную рытвину вмѣсто избенки и садишка, которыя у него были еще утромъ. Нѣсколько женцовъ было убито въ полѣ, какъ нашъ пастухъ. Представьте себѣ: сотни растерянныхъ крестьянъ бѣгутъ осмотрѣть свои поля и, кромѣ раззоренія, ничего не находятъ. Никогда мнѣ не было такъ горько. Животныя и тѣ одурѣли. Цѣлые мѣсяцы прошли, прежде чѣмъ кто нибудь у насъ улыбнулся.

Наша колонія, какъ и всѣ сосѣди, очень пострадала отъ катастрофы, и не знаю, могли ли бы мы такъ скоро подняться безъ помощи Лагоргота, который за этотъ годъ отсрочилъ нашу арендную плату. Но какая нищета вокругъ насъ! И сколькимъ сосѣдкамъ Туанета съ Горготиной помогали тайкомъ.

Кто бы могъ повѣрить, что среди общаго горя у насъ случилась большая радость? Явился второй ребенокъ и, на этотъ разъ—мальчикъ. Старшей дочери было уже два года; съ утра до вечера она вертѣлась съ своей молочной сестрой около Туанеты и Горготины; эти двѣ маленькія съ ихъ крошкой братомъ еще въ люлькѣ шумѣли на весь домъ.

Но я не стану вамъ разсказывать здѣсь о дѣтяхъ. Меня увѣдомилъ братъ-инженеръ, что мать наша очень больна и желаетъ меня видѣть. Я отправился въ Парижъ въ тотъ же день. Мать моя, пораженная ожирѣніемъ сердца, не показалась мнѣ, однако, опасной; но ясно было, что она останется очень слабаго здоровья; жизнь въ Парижѣ ей нравилась и кажется утомила ее. Я предложилъ увезти ее на ферму; но она пріобрѣла свои привычки, живя у старшаго брата, и предложенія моего не приняла. Она пообѣщала пріѣхать къ намъ провести нѣсколько дней съ Горготиной и дѣтьми слѣдующимъ лѣтомъ.

Я былъ въ Парижѣ двое сутокъ, и матери, какъ я и предвидѣлъ, стало уже лучше. Она меня удержала еще на нѣкоторое время. Я, съ своей стороны, не прочь былъ пожить немного въ этомъ Парижѣ, котораго не видалъ около шести лѣтъ. Почти всѣ мои братья тамъ основались, и одинъ изъ нихъ начиналъ играть большую роль. Остальные, хоть и менѣе на виду, занимали довольно важныя мѣста; но они такъ были заняты дѣлами, удовольствіями, сборищами у министровъ, депутатовъ, банкировъ, что мнѣ не удалось повстрѣчаться съ ними со всѣми.

*

Я тоже желалъ видѣть Артура, занимавшаго блестящее положеніе; но это оказалось невозможно.

Я поѣхалъ къ нѣкоторымъ старымъ товарищамъ по медицинской академіи. Я думалъ, въ моей наивности, поговорить съ ними о наукахъ... Однихъ нашелъ я погруженными въ финансовыя операціи, другихъ—въ разсказы о модныхъ танцовщицахъ. Я вездѣ видѣлъ роскошь, нравы и идеи, въ которыхъ ничего не понималъ. Какъ-то разъ вечеромъ, братъ повезъ меня въ театръ Variétés. Я никому не осмѣлился выразить моего мнѣнія о пьесѣ, публикѣ и ея рукоплесканіяхъ. По моимъ манерамъ, по моему разговору (я это хорошо замѣтилъ), я всѣмъ казался какимъ-то чудищемъ. Но что было бы, еслибъ я заикнулся или далъ понять о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ!... У брата я встрѣчался съ политическими дѣятелями дня; съ промышленниками, пользующимися высшими милостями, съ поэтами, съ учеными. Я наблюдалъ ихъ, прислушивался къ ихъ разговорамъ и, въ концѣ концовъ, не зналъ, что мнѣ дѣлать: смѣяться или плакать?! И все таки я чувствовалъ, что промышленность, искуства и науки не замедлятъ передѣлать свѣтъ, и я сильнѣе и сильнѣе убѣждался въ томъ, какую важную роль въ прогрессѣ будетъ играть земледѣліе.

Мнѣ оставалось только одинъ день пробыть въ Парижѣ. Я его весь провелъ съ матерью. Добрая женщина немножко огорчалась, что я вдался такъ въ земледѣліе и поэтому жилъ жизнью, относительно бѣдной и неизвѣстной, тогда какъ ея другія дѣти съумѣли составить себѣ такое блестящее положеніе.

— Коли я счастливъ, матушка? возразилъ я.

— Если счастливъ, другъ мой, такъ я ни о чемъ не сожалѣю...

Мы поцѣловались, и я уѣхалъ, напомнивъ ей ея обѣщаніе побывать на фермѣ. Мнѣ было такъ отрадно очутиться опять у себя дома, около жены и дѣтей. Конечно, я былъ радъ видѣться съ матерью, но я нашелъ ее утомленной, другой, чѣмъ прежде, и въ средѣ, совершенно чуждой нашей. Къ радости свиданія примѣшалась нѣкоторая грусть. Я тоже долженъ сознаться, что шумная жизнь, которую вели мои братья, произвела на меня томительное впечатлѣніе. Мать считала ихъ положеніе лучше моего... Мое же мнѣніе было иное.

Дезиръ, нѣсколько дней спустя, спросилъ, какія я собралъ новости во время моего путешествія.

— Новостей—нѣтъ, но сомнѣній пособиралъ. Мы съ тобой думали, что французы наканунѣ преобразованія; теперь же я сильно сомнѣваюсь, чтобъ оно могло совершиться. Французы,

пока—еще прожорливыя личинки. Заготовимъ пищи для всего этого алчущаго міра. Намъ, въ настоящую минуту, нѣтъ другой роли, какъ возрощать скотину и дѣлать хлѣбъ.

— *Дѣлать хлѣбъ*! Но развѣ хлѣбъ—страдательный продуктъ, который можно, какъ другіе чисто промышленные продукты, удвоивать, утроивать, удесятерять, умножая число машинъ? Для земледѣльческихъ продуктовъ нужна помощь природы; ея желанія, ея требованія, ея взрывы, ея неправильности... Самое трудное искуство—управлять природою и покорять ее; всѣ науки, взятыя вмѣстѣ, математика, астрономія, физика, химія, біологія—недостаточны для этого. Природа, изучаемая во всѣхъ видахъ, все еще ускользаетъ отъ насъ, и многія ея стороны остаются неизвѣстными и непокорными. Оглянись: вотъ теперь, напримѣръ, намъ угрожаетъ плохая жатва, тогда какъ первые годы нашего хозяйства были годы плодородія. Не послѣдуетъ ли за періодомъ плодородія періодъ голода? Эти колебанія не разъ были доказаны, и я побаиваюсь, что мы наканунѣ новаго, а что̀ дѣлать, чтобъ избѣжать его?

Опасенія мои были вѣрны. Послѣ ужасной грозы предшествующаго года, которая разворила нашъ кантонъ, казалось, все измѣнилось. И хлѣба̀, и сѣно, и виноградъ, и лёнъ, и кольза, и скотина—все и всѣ пострадали.

У насъ, послѣ жатвы предъидущаго года, окончательно погибшей, въ это лѣто не уродилось и половины.

— Пожалуй, такъ пойдетъ лѣтъ на пять, сказалъ Лагорготъ. — Дымная-то Дыра пошаливаетъ.

«Дымной Дырой», «Чертова Дыра» тожъ, называлось отверстіе, въ родѣ большой воронки, на одномъ изъ сосѣднихъ холмовъ. Изъ этого отверстія пробивался иногда легкій паръ, подобно тому, какой подымается надъ колодцами. Я думаю, что дыра эта соединялась съ ложемъ ручья, бѣжавшаго въ двухъ льё оттуда; называли его «Шальной Ручей», потому что онъ иногда по пяти, шести лѣтъ не показывался... А Шальной Ручей имѣлъ тоже репутацію предвѣстника голодухи. Должно быть испаренія ручья и выходили изъ Дымной Дыры.

Помимо такихъ предзнаменованій, вѣрно было то, что Шальной Ручей показывался только въ сильные дожди и самое сырое время. Въ тотъ годъ, о которомъ я говорю, явленіе это подтвердилось какъ нельзя лучше: у насъ лили девять мѣсяцевъ непрерывные дожди. Во всемъ округѣ только и была одна порядочная уборка—наша. Бевподобныя запашки (Дезиръ), посѣвы капусты (Лагорготъ), обильное удобреніе, осушеніе и полка (я) вывели насъ изъ бѣды: значитъ, годъ, лично для насъ, не

былъ ужь такимъ бѣдственнымъ; наша жатва, при продажѣ, оказалась среднимъ урожаемъ. Лагорготъ весь блисталъ гордостью: еще бы немножко—и мы бы стали въ его глазахъ, самъ онъ, Дезӥръ и я, первыми людьми въ свѣтѣ.

XVIII.

Посѣщеніе моей матери.

Гордость заѣдала бѣднаго Лагоргота; но она уже доставляла ему и счастіе и несомнѣнно поддерживала въ немъ порядочность. Въ его взглядѣ, пожалуй, была нѣкоторая доля правды. Жизнь на фермѣ мнѣ часто казалась результатомъ любви къ спокойствію: а развѣ это—не начало мудрости?

Неурожай продолжался четыре года. Благодаря хорошей обработкѣ земли, мы, въ нашей колоніи, не сильно его ощущали. Доходъ былъ меньше; но цѣны держались такъ высоко, что для тѣхъ, кто могъ продавать, какъ мы, потеря наличными была не очень значительная.

Въ промежутокъ этихъ четырехъ лѣтъ, у Дезӥра родился мальчикъ. У насъ тоже родился третій ребенокъ, что̀ составляло всѣхъ дѣтей на фермѣ—пятеро. Мы увидимъ позднѣе, что явились и еще дѣти. Не подумайте, чтобъ мы тяготились дѣтьми. Конечно, и у насъ было не безъ хлопотъ, горя и непріятностей; но добродушіе и веселость брали всегда верхъ. Сколько разъ сами горожане говорили намъ, что они только хорошо и веселятся, что̀ у насъ.

На слѣдующій годъ послѣ моей поѣздки въ Парижъ, у насъ много перебывало горожанъ. Сперва это случилось въ очень грустныхъ обстоятельствахъ. Мать моя своего обѣщанія не забыла. Она провела у насъ на фермѣ цѣлый мѣсяцъ, и мы надѣялись удержать ее подольше. Видно было, что Горготина понравилась ей и она полюбила ея расторопность, порядокъ и здравый умъ. И ка̀къ же Горготина была счастлива, когда эта прекрасная женщина называла ее: «дочь моя!»

Но что̀ больше всего плѣняло мою мать, такъ это наши дѣти. Она находила ихъ изъ всей семьи самыми красивыми, здоровыми, смышленными...

Дѣти наши вскормлены были натуральнымъ питаніемъ—молокомъ матери: Потомъ свѣжій воздухъ, солнце, вольная жизнь въ поляхъ, въ травѣ, игры съ настоящими друзьями дѣтства (да не возмутится читатель), съ животными фермы, въ обществѣ которыхъ я тоже имѣлъ счастіе родиться.

И такъ, моей матери жилось съ нами хорошо. Она начинала понимать, что я устроился нехуже другихъ ея сыновей. Стояли послѣднія числа іюня. Какъ-то вечеромъ, мы съ Горготиной отправились показывать ей наши поля; она прекрасно замѣтила преимущества нашихъ работъ, но что̀ ее заставляло больше всего восхищаться, послѣ дѣтей, это, говорила она—молочная и сыроварня Горготины. Она не предполагала, чтобы можно было вложить въ эти вещи столько искуства, знанія и изящества! Прогулка и бесѣда продолжались довольно долго. Это было, какъ я уже упомянулъ, въ дни равноденствія, когда въ нашихъ краяхъ ночи нѣтъ. Все было полно гармоніи, свѣта, благоуханій... Мы двигались бодрые и очарованные.,. Мы прошли съ наслажденіемъ маленькій лѣсокъ. Пѣлъ соловей, мы притихли и долго молчали. Домой возвратились мы лугами, по берегу рѣки. Мать моя съ радостью прогуляла бы всю ночь: такъ ей было пріятно. Предчувствовала ли она, бѣдная, что эта ночь будетъ для нея послѣдней? Я самъ, постоянно наблюдавшій за нею, опасаясь какого нибудь кризиса въ сердцѣ, и то ничего не могъ предвидѣть опаснаго въ этотъ прелестный вечеръ...

Возвратившись на ферму, она поцѣловала задремавшихъ дѣтей, дала мнѣ ихъ поцѣловать и заснула довольная. Это былъ ея послѣдній вечеръ. Утромъ, когда Горготина взошла къ ней въ комнату, она умирала. Позвали меня, всѣ усилія были напрасны—аневризмъ сердца унесъ ее въ могилу.

Въ то время телеграфа не было для частныхъ лицъ; почтовыя сношенія и путешествія дѣлались ужасно медленно. Братья мои явились только на третій день; но они всѣ пріѣхали, а нѣкоторые и съ семействами.

Весь околодокъ былъ на похоронахъ у матери. Братья уѣхали тотчасъ послѣ погребенія: ихъ занятія не позволяли имъ оставаться; за то четыре золовки остались погостить.

По уму, нравамъ, вкусамъ, характерамъ, онѣ не походили другъ на друга; но всѣ четыре были любезны, забавны и красивы. Видно было, что воспитаніемъ ихъ занимались, хотя воспитаніе это дѣлало изъ нихъ нѣчто въ родѣ тепличныхъ цвѣтковъ.

Ни одна изъ нихъ не способна была замѣнить, хоть на одинъ день, Горготины или Туанеты. Онѣ знали только пустыя стороны жизни. Ихъ нельзя бы было заставить разумно понять, что искуство вести хозяйство — есть самое главное изъ искуствъ. Пустота же ихъ, напротивъ, дала намъ понять, что настоящее дѣло не на ихъ сторонѣ и что истиннымъ законамъ свѣта слѣдовали мы, а не онѣ. Эти бѣдняжки, пріятныя въ гостиной, но

положительное ничтожество во всякомъ другомъ мѣстѣ, несомнѣнно были сами — первыя жертвы необдуманнаго воспитанія, гдѣ пріятные таланты господствуютъ и уничтожаютъ природныя способности. Въ другое бы время ихъ наивность, ихъ незнаніе самыхъ простыхъ вещей, ихъ ребячество заставили бы насъ смѣяться. Но на этотъ разъ намъ стало только еще грустнѣе. Къ тому же, онѣ недолго у насъ прогостили; мужья ихъ потребовали внезапно и всѣхъ разомъ.

XIX.

Помощникъ префекта.

Вспыхнула революція... Король, министры, пэры, депутаты, префекты—все разсѣялось. Сколько новыхъ и вакантныхъ мѣстъ! Хаосъ невообразимый! Каждый хотѣлъ получить кусокъ, каждый бѣжалъ за нимъ. Гонка за наградами, за привилегіями, за монополіями! Большія финансовыя и промышленныя дѣла, надежды и сомнѣнія, вожделѣнія и разочарованія, раззоренія и внезапныя наживы—все это понеслось со всѣхъ сторонъ!..

Мои братья ловко съумѣли воспользоваться теченіемъ. Одинъ изъ нихъ—уже извѣстность въ литературѣ—вдругъ сталъ политическимъ дѣятелемъ. Только и слышно было, что о внезапныхъ назначеніяхъ на очень важныя мѣста людей, еще вчера совсѣмъ темныхъ. Не было семьи, гдѣ бы не насчитывали префекта, депутата, сенатора; Горготенъ, нашъ шуринъ Горготенъ, и тотъ попалъ въ мэры своего мѣстечка. И вотъ къ намъ въ помощники префекта назначили одного моего бывшаго товарища по коллежу. Нѣчего говорить, что во всей этой сумятицѣ я только посмѣивался, да продолжалъ ходить за моими быками; но и на мою долю кое-что выпало. Получаю я письмо отъ господина помощника префекта, въ которомъ мнѣ сообщаютъ, что желали бы со мной переговорить и просятъ зайдти въ префектуру.

Являюсь и искренно поздравляю господина помощника префекта. Мнѣ говорятъ, что префектъ (тоже—товарищъ по коллежу) былъ бы весьма счастливъ представить мою кандидатуру въ члены земскаго собранія.

— Милый другъ, отвѣчаю я господину помощнику префекта:— ты забываешь мою неспособность ко всему, что не составляетъ ухода за скотиной, воздѣлыванія земли и работъ по естественнымъ наукамъ.

— Но развѣ администрація не принадлежитъ къ естественнымъ наукамъ?

— Э-э! это еще пока не доказано!.. Но что̀ вѣрно и что̀ ты прекрасно знаешь, это—то, что чиновничья карьера мнѣ совсѣмъ не по нутру, и я всепокорнѣйше прошу избавить меня отъ нея.

— А развѣ не надо помогать друзьямъ, которые запрягаютъ себя въ колесницу государства?

— Что̀ бы ни случилось съ моими старыми товарищами, я постараюсь остаться съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ. Слѣдовать же за ними—нѣтъ! По этой части есть довольно теорій, а я давно ужь объявилъ, что ничего въ нихъ не понимаю и не буду достаточно сметливъ и рьянъ ни для какой партіи. Къ тому же, я имѣю гордость предполагать, что мы, люди природы, выше всякихъ партій, ибо партія, по моему—плодъ мелочныхъ, пагубныхъ традицій, явившихся въ такое время, когда ничего и не подозрѣвали о высшемъ назначеніи нашей эпохи. Какую же роль могу я играть въ борьбѣ партій, кромѣ полнаго невмѣшательства? Для деревень, быть можетъ, также пробьетъ часъ; и тогда, коли я буду живъ, посмотрю: какая роль мнѣ болѣе подходящая, т. е. чѣмъ я могу принести пользу; а пока буду заготовлять хлѣбъ, говядину, широко раскрывать глаза и прислушиваться, что̀ говоритъ природа до тѣхъ поръ, пока всѣ рѣшатся дѣлать тоже—вотъ единственныя вещи, къ какимъ я способенъ, и онѣ меня удовлетворяютъ.

Разговоръ нашъ долго длился и былъ очень оживленъ; мы покончили тѣмъ, что весело вмѣстѣ пообѣдали; помощникъ префекта понялъ, что нѣчего и думать сдѣлать изъ меня оффиціальное лицо. Мы разстались вечеромъ довольно поздно.

XX.

Что̀ объ этомъ думаютъ въ семьѣ.

«Вотъ дуракъ-то нашъ!» — это, съ вашего позволенія, было восклицаніе одного моего братца, когда самъ префектъ, спустя нѣсколько дней, сообщилъ ему въ Парижѣ о моемъ отказѣ сдѣлаться членомъ земства. Я отказался, когда, всеконечно, за моимъ назначеніемъ послѣдовали бы для меня депутатство, знаки отличія и разныя тамъ почести, которыя меня подняли бы до уровня нашей семьи! Но я вѣдь родился дуракомъ и долженъ былъ оставаться таковымъ. Мнѣ это передали, я очень смѣялся и нашелъ мнѣніе брата безподобнымъ. Но въ комъ я возбудилъ истинную жалость и кто презрительно пожалъ плечами, узнавъ о моемъ отказѣ, это—нашъ Горготенъ, приставъ, поэтъ и мэръ. Онъ, помнится, адресовалъ тогда брату патріоти

ческую пѣсню, гдѣ, въ ловкой антитезѣ, сопоставилъ блескъ и славу нашего имени съ моимъ ничтожествомъ. Горготенъ протестовалъ, въ своихъ куплетахъ, противъ моего политическаго равнодушія; но онъ дулся на меня совсѣмъ за другое: я мало интересовался его пѣснями. Даже репутація моего брата, репутація европейская, всесвѣтная не возбуждала во мнѣ никакой гордости; я преспокойно носилъ это славное имя и мечталъ только о томъ, кàкъ воспитывать свиней и телятъ. Не было даже доказано, чтобъ я очень-то восхищался и славными произведеніями моего брата!..

Но чтò бы сказалъ приставъ-поэтъ, еслибъ услыхалъ, что этихъ славныхъ произведеній моего брата я никогда и не читалъ?!

Правда, я зналъ изъ разсказовъ самого же автора, какія онъ развивалъ въ нихъ идеи и въ какой формѣ. Развѣ этого недостаточно?.. Кстати, я ужь тутъ и признаюсь: со дня нашего устройства на фермѣ у насъ не побывало въ рукахъ ни единой литературной книжки; даже фёльетоны и тѣ не читались. Мы получали земледѣльческій журналъ, медицинскій сборникъ, да иногда я привозилъ изъ города кое-какія научныя изданія. Чтò же до поэзіи, романовъ и драмъ, мы предоставляли приставу Горготену питаться ими въ сласть.

Возвратимся къ нашему разсказу. Вскорѣ послѣ смерти матери, мы потеряли и бѣднаго Лагоргота. Воспаленіе грудной плевы и оболочки сердца сломило его въ три дня. Безъ него на фермѣ стало очень пусто; но Туанета съ Горготиной обогатили насъ еще двумя дѣтьми. Серія плодородныхъ годовъ послѣдовала за голодными. Нѣсколько новыхъ желѣзнодорожныхъ линій поставили насъ въ сношенія съ большимъ количествомъ рынковъ. Цѣны на наши продукты годъ отъ году все повышались.

Съ другой стороны, мы теперь могли выписывать изъ сосѣдняго городка прекрасныя удобренія, и нашими полями, лугами, хлѣвами, загонами восхищались во всемъ околодкѣ; но этотъ успѣхъ принесъ намъ новыя непріятности!.. Несомнѣнно, что тишина и спокойствіе—не отъ міра сего!

XXI.

Земледѣльческіе съѣзды.

Въ нашемъ округѣ составилось земледѣльческое общество. Оно принесло съ собою для сосѣдей всевозможныя празднества. Основатель этого общества — онъ, конечно, сталъ и его прези-

дентомъ—былъ мнѣ тоже товарищъ дѣтства. Онъ не сомнѣвался въ моемъ согласіи принять участіе въ обществѣ и предложилъ мнѣ въ весьма любезной формѣ сдѣлаться членомъ, «какъ первому земледѣльцу въ кантонѣ», но онъ позабылъ, что этотъ первый земледѣлецъ кантона былъ ужасный дикарь и что подцѣпить его на удочку трудно. И, такъ какъ меня нельзя было завербовать въ члены общества, то хотѣли имѣть меня, по крайней мѣрѣ, въ числѣ отличившихся экспонентовъ. Безспорно, у насъ на фермѣ былъ самый лучшій скотъ и лучше всѣхъ обработанныя поля: мы должны бы были забрать на конкурсѣ всѣ медали. Но мы этого не сочли нужнымъ и не представили въ комитетъ ни единой курицы. Я и носу не показалъ на празднествѣ. Мы повторили съ Дезиромъ, въ тотъ день, нашу поѣздку на море, взявъ съ собою Туанету, Горготину и четверыхъ дѣтей.

Мы опять увидѣли морскую крапиву. Теперь я могъ объяснить Дезиру странное превращеніе и, такъ сказать, чередованіе этихъ непостоянныхъ созданій, ихъ переходы изъ растительной жизни въ животную.

Мнѣ не слѣдъ здѣсь читать курса научной философіи (до сихъ поръ никто во Франціи и не осмѣливался этого сдѣлать); я только долженъ разсказать послѣдствія моего отказа принять участіе въ земледѣльческихъ съѣздахъ.

Мелочная злоба закипѣла. Нелѣпыя и ехидныя объясненія моего постояннаго нежеланія участвовать въ чемъ либо торжественномъ или оффиціальномъ расходились, и мое поведеніе стало считаться выходками сильнѣйшей оппозиціи. Ну скажите на милость—какая оппозиція? противъ кого, противъ чего оппозиція? И ка̀къ-бы вы думали, читатель, что̀ изъ этого вышло? То, что оппозиціонная партія, которая довольно рѣзко заявляла о своемъ существованіи въ нашемъ округѣ, захотѣла завербовать меня подъ свое знамя. Она, такъ же, какъ и другія, не хотѣла допустить, чтобы можно было жить на бѣломъ свѣтѣ простымъ землепашцемъ и не мечтать о пріобрѣтеніи палочки констэбля, шарика на шапку мандарина или крестика, или пальмы первенства—однимъ словомъ, жить безъ всякихъ другихъ честолюбивыхъ замысловъ, кромѣ воздѣлыванія своихъ полей и желанія оставаться мирно въ своей семьѣ. Господа оппозиціонной партіи еще больше на меня вознегодовали, чѣмъ чиновные господа и господа изъ земледѣльческаго комитета. Я даже узналъ, что въ ихъ тайномъ засѣданіи выданъ былъ мнѣ великолѣпный патентъ на неспособность въ политикѣ, и я подтверждаю здѣсь, безъ всякой задней мысли, что оный патентъ никогда не былъ болѣе заслуженъ.

Сколько непріятныхъ исторій доставила мнѣ моя дикость. Къ

чему всѣ эти вычурныя объясненія по поводу моего поведенія, когда оно было естественнымъ результатомъ всего моего склада или, выражаясь научно, моего мозговаго организма? Я съ самаго дѣтства страшно боялся играть роль *особы*, ибо всегда видѣлъ въ этой роли нѣкоторую долю запугиванія, которое было совершенно противно всѣмъ моимъ инстинктамъ. Братья смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ; а поэтъ-мэръ-философъ-филантропъ Горготенъ не разъ терялъ терпѣніе и на волоскѣ былъ отъ излитія на меня своего негодованія; но я успокоивалъ его поэтическій гнѣвъ однимъ взглядомъ, одной улыбкой. Въ замѣнъ презрѣнія шурина и братьевъ, я пользовался одобреніемъ Дезйра, Горготины, Туанеты и всѣхъ у насъ на фермѣ; этого съ меня было достаточно. И наши поля вспахивались бодро и весело; а ничего такъ въ прокъ полямъ нейдетъ, какъ веселость самого хозяина. Мы продолжали процвѣтать безъ медалей и безъ премій. Ну, какая-бы медаль могла поспорить на всѣхъ рынкахъ съ нашими отборными зернами и скотиной, коли первостатейные продукты конкурса, увѣнчанные всѣми медалями, и тѣ шли на ярмаркахъ послѣ нашихъ? И какая намъ нужда въ этихъ школьническихъ наградахъ, раздаваемыхъ господами экспертами? Мы возвращались съ рынковъ съ кошельками, набитыми звенящими медальками. Вотъ эти медальки и есть награда труженнику. Хорошо-бы только, чтобъ всякая работа приносила побольше этакихъ медалекъ!

Дѣлишки шли, стало быть, недурно; ферма сильно улучшилась. По смерти Лагоргота мы расширили ее, прикупивъ на наслѣдство добрый кусокъ земли. Туанета съ Горготиной составили себѣ блестящую репутацію своей домашней птицей, фруктами, масломъ, кроликами и, при продажѣ, всегда умѣли воспользоваться ею. Мы достигли идеала земледѣлія. У насъ было три жатвы за разъ въ трехъ разныхъ видахъ: жатва въ кошелькѣ, жатва въ амбарахъ и жатва на корню. Подъ конецъ, эта исторія съ господами политиками, слѣдуя выраженію Дезйра, стала насъ забавлять. Дезйръ тоже иногда говаривалъ: «экій отсталый народъ: не видятъ, что политику нужно всю вонъ; а на ея мѣсто пора хоть немножко нравственности».

Ахъ, какъ я желалъ-бы выразить то душевное спокойствіе и довольство, какое насъ наполняло при видѣ нашихъ работъ, нашей скотины, нашихъ дѣтей (теперь съ Дезйровыми ихъ было всѣхъ семеро)! Старшіе умѣли ужь быть полезными: дѣвочки помогали по хозяйству, мальчики въ полевыхъ работахъ; они даже начинали играть на рожкахъ, Дезйръ передалъ имъ свои артистическіе вкусы.

С. А Б.

ФИЗИЧЕСКІЙ ТРУДЪ,

КАКЪ НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ОБРАЗОВАНІЯ.

Мы вовсе не имѣемъ въ виду поднимать въ настоящей статьѣ пресловутый вопросъ о классическомъ образованіи: вопросъ этотъ достаточно исчерпанъ. Съ другой стороны, мы не задаемся также широкою задачею написать цѣлый систематическій трактатъ объ образованіи; это — дѣло спеціалистовъ, присяжныхъ педагоговъ, къ каковымъ мы себя не осмѣливаемся причислить; наконецъ, это—трудъ, который можетъ быть оказался бы намъ даже не по силамъ и не уложился бы въ рамки журнальной статьи. Цѣль наша гораздо скромнѣе: мы хотимъ только указать на одинъ важный пробѣлъ нашего образованія, пробѣлъ, независимый отъ классическаго и реальнаго направленій, а именно—на пробѣлъ физическаго труда, и, затѣмъ, еслибы намъ удалось возбудить общественное вниманіе и вызвать болѣе обстоятельныя изслѣдованія поставленнаго вопроса, то цѣль свою мы почитали бы достигнутою. Считаемъ также не лишнимъ оговориться, что сферою собственно этого вопроса и ограничится наша статья и что мы не коснемся даже ни звуковаго метода, ни пріемовъ нагляднаго обученія съ неизбѣжною «системою кубиковъ и палочекъ», ни какихъ-либо другихъ педагогическихъ орудій и волшебствъ; мы не коснемся даже спора между г. Толстымъ и нѣмецко-россійскими педагогами, спора, такъ неожиданно свалившагося въ нашу тихую литературу и разведшаго въ ней такое сильное волненіе. Г. Толстой вполнѣ выяснилъ свои прекрасныя мысли; мысли эти стали еще яснѣе подъ перомъ его талантливыхъ защитниковъ—слѣдовательно, толковать о нихъ вновь нѣтъ надобности. Читатель, чего добраго, будетъ жаловаться на педагогическую оскомину, а мы непремѣнно хотимъ, чтобы онъ прочелъ нашу статью. Что̀ же касается до заввятыхъ нѣмецко-россійскихъ педагоговъ, то они, повидимому, такъ страстно и безумно влюблены въ свои кубики и палочки,

что, выдержавъ 1,000 ушатовъ холодной воды, врядъ ли протрезвятся отъ 1,001-го, который пришлось бы на нихъ вылить. Сдѣлавъ эти необходимыя оговорки, мы приступаемъ къ предмету и постараемся доказать: 1) что физическій трудъ есть не только лучшее средство для развитія физическихъ силъ подростающихъ поколѣній, но и необходимое условіе правильнаго духовнаго развитія и умственной дѣятельности; 2) что, пріучая подростающія поколѣнія къ физическому труду, мы можемъ ожидать въ высшей степени полезныхъ экономическихъ послѣдствій, а отсюда само собою будетъ слѣдовать, 3) что физическій трудъ долженъ занять въ программѣ каждой школы если не первое, то равное мѣсто съ главными предметами образованія.

Вѣра въ успѣхи положительныхъ знаній позволяетъ надѣяться, что размежеваніе границъ между духомъ и тѣломъ уже кончилось. Метафизическіе туманы, въ теченіи многихъ вѣковъ окутывавшіе человѣческую мысль, почти уже разсѣялись подъ яркими лучами положительныхъ знаній послѣдняго столѣтія, и, если гдѣ-либо еще уцѣлѣли, то развѣ только въ классическихъ закоулкахъ духовныхъ коллегій, окна и двери которыхъ тщательно занавѣшиваются отъ свѣта новой науки. Послѣ того, какъ вопросы о духѣ побывали въ рукахъ у Дарвина, Спенсера, Вирхова, Биля, Велькера, Маудсли, Грасіоле, Льюиса, Гёксли, Фогта и другихъ, даже какъ-то странно было бы начать доказывать, что духъ и тѣло самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ связаны между собою. «Нѣтъ примѣра говоритъ Бэнъ, одинъ изъ членовъ правой стороны новой науки: — чтобы двѣ силы, имѣющія между собою такую тѣсную связь, какъ духъ и тѣло, не оказывали другъ на друга извѣстнаго вліянія и не зависѣли другъ отъ друга». Но мы, въ виду цѣлаго ряда превосходныхъ спеціальныхъ работъ по этимъ вопросамъ, работъ, находящихся у читателя подъ руками, конечно, и не станемъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе предмета, а ограничимся только указаніемъ на наиболѣе наглядные примѣры этой глубокой и всеобъемлющей связи, которую можетъ наблюдать и самъ читатель чуть ли не на каждомъ шагу. За примѣрами ходить не далеко. Всякій, напримѣръ, знаетъ, что расположеніе нашего духа совершенно различно въ состояніяхъ голода и сытости, холода и жара, во время сильной усталости и послѣ отдыха, во время здоровья и болѣзней. Каждому также извѣстно, что мысль, при сильномъ утомленіи, отказывается работать и возобновляетъ свою энергію послѣ сна и отдыха. «Сонъ милѣе отца и матери» говоритъ русская пословица, подмѣтившая его важное значеніе. Утомленіе и истощеніе силъ также

парализуетъ и память—фактъ, сравнительно, рѣдко наблюдаемый въ обыденной жизни, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительный: сэръ Генри Голлэндъ разсказываетъ, что онъ спускался однажды въ гарцскихъ горахъ въ два глубокіе рудника и во второмъ изъ нихъ почувствовалъ такое истощеніе силъ и усталость, что потерялъ память. Зная отлично нѣмецкій языкъ, онъ не могъ вспомнить ни одного слова понѣмецки, и всѣ его усилія были напрасны, пока онъ не выпилъ вина и не принялъ пищи, послѣ чего память возвратилась снова. Словомъ, зависимость между духомъ и тѣломъ можно прослѣдить до самыхъ высшихъ психическихъ движеній: ее можно наблюдать не въ одномъ только случаѣ съ памятью, но и въ эстетическихъ и нравственныхъ чувствахъ, въ справедливости, любви и проч. Отчего голодный, больной и измученный человѣкъ по бòльшей части бываетъ несправедливъ, придирчивъ, капризенъ и т. п.? Отчего пожилая или очень некрасивая женщина никогда почти не является предметомъ страстной любви для мужчинъ, даже для мужчинъ, живущихъ гораздо больше духовною, чѣмъ половою жизнью? Другой рядъ фактовъ, такъ превосходно изслѣдованный Дарвиномъ въ его «Языкѣ чувствъ», показываетъ, что каждому душевному движенію, если только ощущеніе достаточно интенсивно и не задерживается волею (что̀ возможно только при извѣстныхъ условіяхъ и до извѣстныхъ предѣловъ), непремѣнно соотвѣтствуетъ и внѣшнее выраженіе. Душевныя движенія, по словамъ Дарвина, такъ тѣсно связаны съ ихъ выраженіемъ, что едва ли даже они существуютъ, когда тѣло находится въ пассивномъ состояніи. Радость и горе, злоба и любовь, спокойствіе и страхъ выражаются совершенно различно. «Выраженіе всей фигуры человѣка, находящагося въ хорошемъ настроеніи, составляетъ совершенную противоположность съ выраженіемъ человѣка, страдающаго отъ горя» (Дарвинъ). Но этого мало: «Спеціальное дѣйствіе мускуловъ служитъ не только выраженіемъ страсти, но и дѣйствительно составляетъ ея существенную часть. Если въ ту минуту, когда въ чертахъ лица выражается одна страсть, мы захотѣли бы вызвать въ умѣ противоположное чувство, то увидѣли бы, что это невозможно» (Маудсли). Нерѣдко также можно замѣтить, что сосредоточенная мысль вызываетъ извѣстное положеніе тѣла и, очевидно, обусловливается этимъ положеніемъ, такъ какъ, нарушая его, мы нарушаемъ обыкновенно и самый ходъ мысли. Точно также, мысль, способная достаточно возбудить человѣка, возникнувъ въ немъ или будучи сообщена ему, заставляетъ его измѣнить положеніе, въ какомъ онъ находился: встать, если сидѣлъ, остановиться, если шелъ

и т. п. Но особенно наглядные примѣры даетъ намъ патологія человѣка, когда связь между тѣломъ и духомъ, ихъ взаимодѣйствіе и зависимость другъ отъ друга выступаютъ гораздо ярче и рельефнѣе. Съ одной стороны, мы знаемъ, что внезапныя нравственныя потрясенія считаются въ числѣ причинъ паралича, что продолжительный и усиленный умственный трудъ разстраиваетъ здоровье, что страхъ дѣйствуетъ на пищевареніе и т. п., а съ другой—что болѣзни легкихъ отражаются на психическомъ мірѣ человѣка, что энергическое кровообращеніе и дѣятельныя легкія всегда характеризуютъ сангвиника, вспыльчиваго, живого и отважнаго человѣка, что преобладаніе желчи сопровождается злобою, завистью, ненавистью, что преобладаніе лимфы сопровождается вялостью, сонливостью и апатіею, что въ горячечномъ жару мысль теряетъ логичность, что половое излишество приводитъ къ идитіозму, а невозможность удовлетворенія половой потребности кончается сумасшествіемъ и т. д. Что касается собственно душевныхъ болѣзней, то онѣ почти всегда сопровождаются не только видимыми, при анатомическихъ вскрытіяхъ, патологическими измѣненіями мозга, но и измѣненіями общаго здоровья и внѣшняго вида человѣка: опытный психіатръ по однимъ внѣшнимъ признакамъ — выраженію глазъ, лица и манерамъ — узнаетъ больного. Однимъ словомъ, хотя современная наука и не можетъ еще сказать съ точностью, въ чемъ именно заключается и какъ происходитъ процессъ мышленія и вообще духовной жизни, тѣмъ не менѣе, она можетъ уже выставить громадный рядъ фактовъ, которые доказываютъ, что процессы духовной жизни иногда сводятся къ простымъ физіологическимъ процессамъ или, по крайней мѣрѣ, всегда ими обусловливаются и сопровождаются. Дѣятельность мозга требуетъ постояннаго притока къ нему крови. Мы знаемъ, что умственная дѣятельность постоянно сопровождается отдѣленіемъ черезъ почки фосфорно-кислыхъ солей, которыя образуются на счетъ мозговаго фосфора и притекающей къ мозгу крови и количество которыхъ увеличивается по мѣрѣ усиленія дѣятельности. Усиленная умственная дѣятельность проявляется даже внѣшнимъ образомъ, заставляя головныя артеріи биться гораздо сильнѣе, чѣмъ онѣ бьются при обыкновенныхъ условіяхъ, что̀ прямо указываетъ на ея связь съ кровообращеніемъ. Въ то же время, обратныя наблюденія показываютъ, что недостаточный притокъ крови къ мозгу всегда сопровождается и слабою умственною дѣятельностью, что̀ можно наблюдать во время сна и въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, когда кровообращеніе становится медленнѣе. «Многіе примѣры слабоумія имѣютъ причиною дурное

питаніе мозга» (Бэнъ). Словомъ, кровообращеніе играетъ въ психической дѣятельности самую рѣшительную роль: патологическіе приливы крови къ мозгу въ избыткѣ (гиперэміи мозга) и слабое питаніе мозга (анэміи мозга), какъ причины помѣшательства, извѣстны каждому врачу и находятся въ каждомъ учебникѣ. Но одного количества крови и правильно устроенныхъ путей ея движенія еще недостаточно для правильной мозговой дѣятельности: кровь должна имѣть извѣстныя качества; въ ней не должно содержаться нечистотъ и ядовъ самой крови (углекислоты и мочи), дѣйствующихъ подавляющимъ образомъ на мозгъ. А отсюда становится совершенно понятнымъ, что не одна только кровеносная система обусловливаетъ собою нормальныя психическія отправленія, но что здѣсь играютъ важную роль и другіе, связанные съ нею ѳрганы. Возбужденіе и дѣятельность нервной системы, напримѣръ, нрямо зависятъ отъ бо̀льшаго или мѐньшаго окисленія крови, что̀, какъ извѣстно, производится легкими. Органы дыханія имѣютъ самое близкое участіе въ отправленіяхъ нервной системы: не только многія нервныя болѣзненныя состоянія (какъ, напримѣръ, истерика) излечиваются простымъ усиленнымъ притокомъ кислорода къ организму, но изъ царства животныхъ мы даже знаемъ такого рода фактъ, фактъ, замѣченный всѣми зоологами, что къ наиболѣе высокостоящимъ въ умственномъ отношеніи животнымъ, за исключеніемъ, разумѣется, высшихъ млекопитающихъ, принадлежатъ тѣ, у которыхъ наиболѣе развита дыхательная система; таковы, напримѣръ, птицы и насѣкомыя, поражающія насъ понятливостью и сложностью инстинктовъ, несмотря на относительно слабое развитіе у нихъ нервной системы (Вагнеръ). Но хорошія качества крови, кромѣ дыхательныхъ ѳрганов, обусловливаются, въ свою очередь, еще и ѳрганами питанія, движенія и кровь очищающими ѳрганами. То или другое состояніе этихъ ѳргановъ нерѣдко рѣзко отражается на духовномъ состояніи человѣка: такъ, мы знаемъ, напримѣръ, что органическіе пороки сердца и печени влекутъ за собою раздражительность, меланхолію, мизантропію и тому подобныя душевныя разстройства. А Кленке, одинъ изъ психологовъ натурфилософской школы, замѣтилъ даже, что эгоисты съ громаднымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ обыкновенно имѣютъ сильно развитые ѳрганы пищеваренія. Но, если мы остановимся на дѣятельности мозга долѣе, то увидимъ, что она нуждается еще во внѣшнихъ возбужденіяхъ и что ѳрганы чувствъ оказываютъ на нее также самое рѣшительное вліяніе. «Психическій актъ не можетъ явиться въ сознаніи безъ внѣшняго чувственнаго возбужденія» (Сѣченовъ). «Чтобы здраво разсуждать

нужно ясно видѣть, внятно слышать, покойно ощущать и имѣть возможность припоминать впечатлѣнія» (Молешоттъ). Но особенно наглядно выясняетъ значеніе органовъ чувствъ Гёксли въ своемъ «Положеніе человѣка въ ряду органическихъ существъ»: «Человѣкъ нѣмой отъ рожденія говоритъ онъ: — несмотря на количество своего мозга и на переданные ему по наслѣдству инстинкты, былъ бы едва ли болѣе способенъ къ проявленію высшихъ способностей ума, нежели какой-нибудь орангъ или чимпанзе, еслибы оставить его въ исключительномъ сообществѣ такихъ же, какъ онъ нѣмыхъ». Однимъ словомъ, становится очевиднымъ, что, хотя духовная дѣятельность и является непосредственною функціею нервной системы, но что она находится во всесторонней и полной зависимости отъ другихъ органовъ: органовъ чувствъ, дыханія, мускуловъ, главныхъ внутреннихъ органовъ и, вообще, отъ органовъ растительной жизни. Есть всѣ основанія думать, что даже самыя тонкія особенности нашего ума, характера и проч. находятся въ соотвѣтствіи съ особенностями органовъ растительной жизни, съ ихъ состояніемъ и отправленіями. Человѣческій организмъ, хотя и имѣетъ болѣе счастливое устройство, чѣмъ машина, въ которой порча какого-нибудь винта останавливаетъ ходъ машины, тѣмъ не менѣе, относительно солидарности частей, онъ глубоко схожъ съ машиной, и каждое частное поврежденіе отзывается непремѣнно и въ немъ на общей его дѣятельности, внося въ нее дисгармонію. До какой степени велика эта солидарность, можно отчасти видѣть уже изъ одного слѣдующаго примѣра: укалывая кончикъ указательнаго пальца, вы заставляете болѣзненно сократиться всю вашу мускулатуру, причемъ, разумѣется, участвуетъ и вся нервная система; я не говорю уже о серьёзныхъ поврежденіяхъ и страданіяхъ. Вотъ, поэтому-то Бэнъ и имѣлъ полное право сказать, что «умственная сила зависитъ столько же отъ хорошаго состоянія очищающихъ кровь органовъ—легкихъ, почекъ, кожи—сколько и отъ присутствія питательнаго матерьяла, получаемаго изъ пищи». Всѣ органы человѣка должны быть хорошо развиты и должны дѣйствовать исправно, такъ какъ, при такихъ только условіяхъ, мозговая дѣятельность можетъ совершаться правильно; недоразвитія же, уклоненія и, вообще, патологическія ихъ состоянія всегда почти влекутъ за собою и нарушеніе правильнаго хода умственной дѣятельности. Примѣровъ тому множество, и, если мы въ жизни видимъ мало такихъ примѣровъ, то это только потому, что мы недостаточно внимательны и что примѣры эти, въ большинствѣ случаевъ, недостаточно ярки, такъ какъ субъекты, представляющіе собою яркіе примѣры, находятся обыкновенно на попеченіи врачей.

Посмотримъ же теперь, какъ мы поступаемъ для правильнаго развитія дѣтскаго организма. Современная намъ школа, въ противоположность школамъ древняго міра, обращавшимъ очень большое вниманіе на физическую силу и красоту, сосредоточила всѣ свои заботы на развитіи умственныхъ силъ и на сообщеніи дѣтямъ возможно бо̀льшаго количества знаній; заботы же о физическомъ развитіи отошли въ ней на задній планъ, какъ нѣчто второстепенное и вовсе неважное. Правда, что въ современной школѣ мы можемъ встрѣтить гимнастику и гигіену, нововведенія сравнительно недавняго времени, но первая изъ нихъ въ занятіяхъ школы занимаетъ послѣднее мѣсто, а вторая остается совсѣмъ безсильною въ борьбѣ съ рутиною, экономическими разсчетами и господствующею системою образованія, а потому и ограничивается только совѣтами на счетъ цѣлесообразныхъ столовъ, необходимости давать дѣтямъ больше свѣта и воздуха (что̀, при помѣщеніи школъ въ городахъ, почти невозможно) и т. п. Современные педагоги, несмотря на то, что, признаютъ за физическимъ развитіемъ значеніе, что̀, впрочемъ, признавалось и въ древности, никогда не обращали на него серьёзнаго вниманія, никогда не отводили ему должнаго мѣста и продолжали оставаться спиритуалистами, видѣвшими въ ученикѣ одинъ только духъ — духъ, растяжимый до невѣроятныхъ предѣловъ и, по несчастью, связанный съ тѣломъ, способнымъ исключительно только на однѣ шалости, лѣнь и разныя безчинства. Курсъ ученія мы стараемся сдѣлать возможно продолжительнѣе, стараемся нагрузить ученическую голову какъ можно тяжелѣе, заставляя ученика сидѣть по 10-ти и болѣе часовъ за книгою и оставляя ему какъ можно меньше свободнаго времени на игры и физическія занятія. Очевидно, что такимъ образомъ современная школа носитъ еще на себѣ слѣды схоластическихъ теорій. Очевидно, что мы еще находимся, въ данномъ случаѣ, подъ вліяніемъ того историческаго теченія, которое открылось пробужденіемъ человѣческаго духа послѣ сплошнаго и грубаго варварства и выразилось сначала въ видѣ аскетизма, доходившаго, во имя стремленій къ небу, до насильственнаго умерщвленія и бичеванія плоти, а, затѣмъ, подъ вліяніемъ идей эпохи возрожденія наукъ и искусствъ, реформаціи и послѣдующихъ умственныхъ движеній, изъ которыхъ каждое оставляло на жизни, а, слѣдовательно, и на школѣ свой слѣдъ и осадокъ. Всѣ эти движенія, начиная съ средневѣковаго аскетизма, когда все просвѣщеніе сосредоточивалось въ монастыряхъ и находилось въ рукахъ монаховъ, этихъ настоящихъ творцовъ средневѣковой схоластики, учившихъ, что тѣло есть темница для души, до сенсуализма

XVIII столѣтія, когда тѣло окружалось всевозможною роскошью,—имѣли, несмотря на всю свою противоположность, однѣ общія черты, а именно: что духъ противополагался тѣлу и что на развитіе тѣла не обращалось вниманія. И, дѣйствительно, начиная съ средневѣковыхъ университетовъ до школъ, возникшихъ послѣ реформаціи, мы видимъ вездѣ глубочайшее уваженіе къ классическому міру: римскіе и греческіе писатели изучаются, каждое ихъ слово повторяется, какъ великая мудрость, между тѣмъ, все то, что говорятъ классики о физическомъ воспитаніи дѣтей, остается какъ будто незамѣченнымъ и все воспитаніе ограничивается одностороннимъ умственнымъ развитіемъ. Гимнастики, составлявшей обязательный предметъ обученія для каждаго аѳинянина и спартанца, въ школахъ среднихъ вѣковъ нѣтъ. Одни только рыцари, пріучаясь къ турнирамъ, занимаются верховою ѣздою, плаваніемъ и фехтованьемъ, а, съ паденіемъ рыцарства, этого послѣдняго обломка грубой силы, прекращаются и эти занятія. Въ систему воспитанія протестантскихъ гимназій гимнастика также не входитъ: Лютеръ смотритъ на нее только, какъ на развлеченіе, отвлекающее отъ болѣе вредныхъ развлеченій. Голоса Троцендорфа и Меркуріалиса, написавшаго въ 1573 г. цѣлыхъ 6 томовъ о гимнастикѣ и доказывавшаго необходимость воскресить ее, остаются голосами въ пустынѣ. Вообще, воспитаніе въ XVI и XVII столѣтіяхъ, за исключеніемъ іезуитскихъ коллегій, гдѣ были введены физическія упражненія, не обращало никакого вниманія на физическое развитіе человѣка. Такое одностороннее направленіе воспитанія, въ связи съ невоздержною и изысканною жизнью, принесли въ высшей степени грустные результаты—разслабленіе организма тогдашняго человѣка. Лучшіе умы конца XVII и начала XVIII вѣковъ замѣтили это, и Монтань, Локкъ, Мильтонъ, Франке, Фуллеръ и многіе другіе, несмотря на различіе своихъ педагогическихъ воззрѣній, въ одинъ голосъ начинаютъ вспоминать изреченіе древнихъ, что «въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ» и начинаютъ настаивать на необходимости тѣлесныхъ упражненій. Несмотря, однако, на всю логику доказательствъ, усилія ихъ остаются напрасными: общество не слушаетъ ихъ и воспитаніе не измѣняется. Наконецъ, уже во второй половинѣ XVIII столѣтія, Жанъ-Жаку Руссо удается, своими отчаянными проклятіями цивилизаціи, обратить вниманіе общества на физическое воспитаніе дѣтей. «Невоздержность, говоритъ онъ: — возбуждаетъ страсти и истощаетъ тѣло; убиваніе плоти, посты производятъ то же самое. Чѣмъ слабѣе тѣло, тѣмъ оно болѣе господствуетъ, и, чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ лучше повинуется». Послѣдователи Руссо, Базедовъ,

Вольке, Кампе и другіе, основываютъ, такъ называемую филантропическую систему воспитанія, краеугольнымъ принципомъ которой является гармоническое развитіе естественнаго, тѣлесно-духовнаго человѣка, т. е. выдвигается тотъ же самый идеалъ, чтò былъ и въ Аѳинахъ. За ними являются Зальцманъ, Гутсъ-Мутсъ, Нахтигаль и, наконецъ, цѣлая серія нѣмецкихъ педагоговъ: Песталоцци, Фребель, Шварцъ, Нимейеръ, Дистервегъ и другіе, которымъ больше всего обязана современная педагогика своими успѣхами и которые, занимаясь разработкой теоріи воспитанія, постоянно высказывали, что воспитаніе должно быть «сообразно съ природой человѣка», что «при воспитаніи, всѣ силы человѣка, какъ физическія, такъ и духовныя, должны приниматься въ разсчетъ одинаково и развиваться равномѣрно» и что физическія упражненія должны быть введены въ школу. Въ народныхъ школахъ, устроенныхъ Песталоцци, учитель и ученики занимались гимнастикою ежедневно. Въ дѣтскихъ садахъ Фребеля явились дѣтскія гимнастическія игры. Гимнастика распространилась снова въ Германіи, во Франціи, въ Англіи, Швейцаріи, Даніи и другихъ странахъ. Вездѣ почти устроились гимнастическія общества и въ школахъ была введена гимнастика. Въ особенности, прославилась въ этомъ отношеніи Швеція, благодаря поэту Лингу и его послѣдователямъ, которые изучили каждое гимнастическое движеніе по отношенію къ его вліянію на мускулы, нервы и внутренніе òрганы человѣка и создали особую систему гимнастики, которая до сихъ поръ считается лучшею. Такимъ образомъ, человѣческая мысль освободилась отъ оковъ схоластики и сдѣлала завоеваніе — завоеваніе, конечно, не новое, потому что то же самое, къ чему пришли теперь лучшіе современные педагоги, высказывалось, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, еще Гиппократомъ, Солономъ, Ликургомъ, Аристотелемъ, Платономъ, Пиѳагоромъ (который самъ былъ учителемъ гимнастики), Плутархомъ и даже древними персами и египтянами; но, тѣмъ не менѣе, все-таки было сдѣлано завоеваніе, и завоеваніе важное.

Чтò касается собственно нашего отечества, путешествующаго обыкновенно въ хвостѣ европейской цивилизаціи и такъ часто устроивающаго для себя по разнымъ поводамъ привалы, то мы, и въ данномъ случаѣ не измѣнили своему обычаю и шли позади Европы. У насъ, до половины шестидесятыхъ годовъ, по свидѣтельству нашего оффиціальнаго òргана—«Журнала Минист. Народ. Просвѣщ.» [1] — физическое развитіе учащихся было въ

[1] «Журн. Минист. Народ. Просв.», Декабрь 1864 г.

полномъ пренебреженіи. И наоборотъ: объ умственномъ развитіи мы даже черезчуръ много старались. Скрывалась ли при этомъ ехидная мысль догнать и даже перегнать Европу — не знаемъ; только педагоги наши въ спиритуалистическомъ рвеніи превзошли всѣхъ европейскихъ педагоговъ: они накладывали въ головы ребятъ съ какою-то непонятною жадностью все, что̀ попадалось имъ подъ руку, накладывали безъ всякой системы, безъ всякаго плана, лишь бы только положить побольше. Усердіе ихъ въ данномъ случаѣ было такъ велико, что даже удивительно: они, кажется, совершенно искренно были убѣждены, что голова ребенка есть нѣчто въ родѣ резиноваго мѣшка, который можетъ растягиваться, и нисколько при этомъ не думали, что оказываютъ медвѣжью услугу ближнему. Для того, чтобы убѣдиться во всемъ этомъ, сто̀итъ только взглянуть на громадные курсы нашихъ гимназій, университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Программа каждаго изъ нихъ представляла собою настоящую плюшкинскую кучу. Дѣти просиживали у насъ по 15-ти и болѣе лѣтъ на школьной скамейкѣ, обростали усами и бородой и зачастую выходили изъ школы уже людьми не первой молодости, съ разстроеннымъ здоровьемъ и получивъ глубокое отвращеніе къ умственнымъ занятіямъ. И послѣдній результатъ, т. е. то, что человѣкъ, выходя изъ школы, закрывалъ навѣки всѣ книги и становился неспособнымъ сдѣлать что нибудь въ области знанія, былъ прямымъ и совершенно естественнымъ плодомъ педагогической жадности и спиритуализма. Гумбольдтъ пришелъ въ изумленіе, взглянувъ на программу нашего морского кадетскаго корпуса, и откровенно сознался, что онъ никогда не изучалъ такой массы предметовъ; между тѣмъ, изъ морского корпуса не вышло ни одного Гумбольдта, да и изъ другихъ заведеній вышло мало именъ, внушающихъ уваженіе къ своимъ умственнымъ силамъ и способныхъ занять хотя бы даже скромное мѣсто въ ряду европейскихъ ученыхъ. Русскіе, впрочемъ, давно уже извѣстны за границею, какъ диллетанты, или говоря нѣсколько вѣжливѣе, какъ энциклопедисты, какъ люди, знающіе всего по немногу, имѣющіе понятіе обо всемъ и ничего не знающіе основательно. Да и не мудрено, что они заслужили такую славу. Вотъ, напримѣръ, программа одного изъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, константиновскаго межового института, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ теченіе 8-ми-лѣтняго курса воспитанники изучали тамъ: 1) Законъ Божій, 2) русскій языкъ («грамматику во всемъ пространствѣ и основанія риторики»), 3) французскій или нѣмецкій языкъ, 4) исторію—всемірную и русскую, 5) географію, 6) статистику, 7) ариѳметику, 8) алгебру,

9) геометрію, 10) плоскостную тригонометрію, 11) сферическую тригонометрію, 12) аналитическую геометрію, 13) дифференціальное и интегральное исчисленія, 14) практическую астрономію, 15) теорію и практическое употребленіе инструментовъ для магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій, 16) низшую геодезію, 17) глазомѣрную съемку, 18) высшую геодезію, 19) высшія геодезическія вычисленія, 20) математическую географію, 21) межевые законы и межевое дѣлопроизводство, 22) межевое судопроизводство, 23) общій обзоръ судопроизводства и государственныхъ, и губернскихъ учрежденій, 24) физику, 25) практическую механику, 26) химію, 27) минералогію, 28) геогнозію, 29) агрономію, 30) таксацію, 31) линейное черченіе, 32) основы сельской и городской архитектуры и построеніе мостовъ, 33) чистописаніе, 34) рисованіе, 35) ситуацію, 36) тактику, 37) полевую фортификацію, 38) артиллерію, 39) военную администрацію, 40) рекрутскую школу, ротное ученье безъ ружья и гарнизонную службу; кромѣ того, воспитанники обучались пѣнію и практическимъ работамъ на обсерваторіяхъ: метеорологической, магнитной, астрономической и въ фотографическомъ павильонѣ. Вотъ чему обучались, читатель, наши межевые инженеры или, проще сказать, землемѣры! Какое вліяніе оказывалъ подобный курсъ на ихъ умственное развитіе и здоровье — неизвѣстно, а насколько хорошо изучали они всѣ вышеперечисленныя науки, можете себѣ и сами представить. Тѣ же самые порядки были и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ, и въ другихъ заведеніяхъ, съ нѣкоторыми, разумѣется, измѣненіями. Между тѣмъ, въ западно европейской литературѣ гораздо раньше этого времени уже высказывались совершенно иныя мысли. Песталоцци писалъ, напримѣръ, слѣдующее: «Нашему времени выпала доля набивать головы дѣтей науками, чтобы они могли оставаться слабыми и, въ то же время, казаться сильными, не обнаруживая, однако, своей силы. Греки этого не дѣлали: воспитанные, они образовывали изъ дѣтей, дѣйствительно, людей взрослыхъ, совершеннолѣтнихъ. И, затѣмъ уже, болѣе крѣпкіе молодые люди сами, естественно, стремились достигнуть высшей степени развитія, на которую и возводило ихъ научное образованіе. Къ этому же, я думаю, нужно бы стремиться и намъ и насколько это возможно, достигать тѣми же средствами, какими пользовались и греки». То же самое говорилъ и Дистервегъ, доказывая, что необходимо, «подобно древнимъ, раньше обращать вниманіе воспитываемаго молодаго поколѣнія на общественную жизнь», что необходимо выводить дѣтей «изъ-за школьной скамейки и вводить ихъ въ жизнь природы, что необходимо заботиться объ

ихъ тѣлесномъ развитіи и, вообще, воспитывать болѣе для жизни, чѣмъ для школы и знанія, какъ это дѣлается теперь». Какъ бы въ аккордъ съ знаменитыми педагогами, высказывались и ученые, пользовавшіеся такою громкою извѣстностію, какъ, напримѣръ, Биша, который доказывалъ, что человѣкъ не можетъ одновременно отличаться во всѣхъ наукахъ, что «всестороннія познанія въ одномъ и томъ же человѣкѣ—химера, что это противорѣчитъ его организаціи, что, если исторія и представляетъ нѣсколько необыкновенныхъ геніевъ, пролившихъ равный свѣтъ на многія науки, то они составляютъ только исключеніе изъ общихъ законовъ», и что, во всякомъ случаѣ, «не слѣдуетъ никогда засаживать человѣка разомъ за нѣсколько занятій, если желаешь успѣховъ его во всѣхъ» [1]. Послѣднюю истину Биша называлъ «самымъ важнымъ закономъ общественнаго воспитанія». Но мы шли, какъ я замѣтилъ уже нѣсколько выше, въ хвостѣ европейской цивилизаціи, и совѣты знаменитыхъ ученыхъ и педагоговъ были для насъ еще преждевременны. Насъ нисколько не смущало или, лучше сказать, мы и не замѣчали даже, что дѣти наши разстроиваютъ здоровье, отвыкаютъ отъ жизни и не пріобрѣтаютъ ни основательныхъ знаній, ни хорошаго умственнаго развитія. Наконецъ, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ мы рѣшились пересмотрѣть нашъ гимназическій уставъ и замѣнить его новымъ, выработывавшимся въ теченіи 8-ми лѣтъ, бывшимъ на разсмотрѣніи лучшихъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ педагоговъ, но, несмотря на это, къ сожалѣнію, вовсе несогласованнымъ съ требованіями европейскихъ врачей-гигіенистовъ. Въ теченіи послѣдующихъ 10 лѣтъ, мы исправляли и дополняли этотъ новый уставъ, измѣняли программу гимназій, преобразовывали высшія учебныя заведенія и устроивали низшія школы по всѣмъ правиламъ яко бы раціональной педагогики; педагоги наши сочиняли разные учебники и пособія, гдѣ больше всего прикладывали стараній къ тому, чтобы приготовить науку подъ разными вкусными соусами, толковали о дидактикѣ, методикѣ и проч. и проч. Но, несмотря на все это, несмотря даже на признаніе за гимнастикою пользы и на предписаніе врачамъ «наблюдать, чтобы въ помѣщеніи учебныхъ заведеній и въ распредѣленіи времени занятій соблюдались чистота и, по возможности, гигіеническія условія», мы все-таки остались спиритуалистами и почти ничего не сдѣлали для здоровья и правильнаго развитія нашихъ дѣтей. Признанная нами гимнастика превратилась въ развлеченіе, въ барское заня-

[1] «Физіол. изслѣд. о жизни и смерти». С.-Петерб. 1875 г., стр. 111—115.

тіе, въ самый послѣдній предметъ школы. Курсъ нашихъ гимназій и высшихъ учебныхъ заведеній даже увеличился: ученики сидятъ теперь отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ въ гимназіяхъ и отъ 4-хъ до 7-ми лѣтъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ [1], проходятъ ту же массу предметовъ и слушаютъ по 4—5 лекцій въ день, не считая приготовленія уроковъ и вообще домашнихъ занятій, которыя занимаютъ не меньше времени. Насъ не смущаетъ нисколько то обстоятельство, что гимназіи наши выпускаютъ иногда только по 1 да по 2 воспитанника съ аттестатомъ зрѣлости и что выпускъ въ 10—15 человѣкъ считается уже блистательнымъ результатомъ; насъ не смущаетъ нисколько масса ежегодно исключаемыхъ изъ гимназій и высшихъ учебныхъ заведеній... Мы объясняемъ себѣ такое явленіе лѣнью современной молодёжи, хотя это объясненіе гораздо болѣе кратко, чѣмъ убѣдительно. Мы не задаемся вопросомъ: посильна ли для ребенка и юноши та умственная работа, которую мы даемъ ему? Нагружая духъ, мы не хотимъ знать, что̀ дѣлается въ это время съ тѣломъ, и не хотимъ понять, что, въ то время, какъ слабѣетъ тѣло, слабѣетъ и самый духъ. Конечно, патологія школы—область еще темная не только у насъ, но и въ самой западной Европѣ. У насъ совсѣмъ нѣтъ работъ въ этомъ направленіи, если только не считать труда д-ра Эрисмана, изслѣдовавшаго зрѣніе въ петербургскихъ гимназіяхъ и нѣкоторыхъ частныхъ пансіонахъ—труда весьма обстоятельнаго, но, по незначительности поля изслѣдованія, составляющаго только каплю въ морѣ. За границею, благодаря иниціативѣ частныхъ врачей, сдѣлано за послѣднія 10—15 лѣтъ гораздо больше, и читатель, конечно, не посѣтуетъ на меня за то, что я приведу изъ брошюры Р. Вирхова «О нѣкоторыхъ вредныхъ вліяніяхъ школъ на здоровье», въ которой сведены въ одни отдѣльныя изслѣдованія нѣкоторые факты, доказывающіе вредъ педагогическаго спиритуализма. Вирховъ, прежде всего, останавливается на наиболѣе распространенной школьной болѣзни, а именно—на болѣзни глазъ, и приводитъ въ доказательство опыты д-ра Германа Кона, «Опыты, рѣшительные по методу и по точности наблюденій», которые тотъ произвелъ въ 1867 году въ Бреславлѣ надъ 10,060 учениками (въ 33-хъ школахъ) и, кромѣ того, изслѣдовалъ глаза 410 бреславльскихъ студентовъ. Изъ 10,060 учениковъ у 17,1% зрѣніе оказалось ненормальнымъ, и причина такого

---

[1] Въ гимназіяхъ 7-лѣтній курсъ замѣненъ 8-лѣтнимъ и дозволяется два раза оставаться на другой годъ въ классѣ; курсы бо̀льшей части высшихъ учебныхъ заведеній измѣнены изъ 4-лѣтнихъ въ 5-лѣтніе, и также дозволяется по два года оставаться на одномъ и томъ же курсѣ два раза.

факта, очевидно, лежала въ школѣ и въ школьныхъ занятіяхъ. Въ этомъ убѣждаютъ слѣдующіе доводы: число учениковъ съ ненормальнымъ зрѣніемъ распредѣлялось по школамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ сельскихъ училищахъ	5,2%
Въ городскихъ элементарныхъ школахъ . .	14,7%
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ . . .	19,2%
Въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ	21,9%
Въ реальныхъ школахъ	24,1%
Въ гимназіяхъ	31,7%

Но этого мало: ухудшеніе зрѣнія возрастало пропорціонально классамъ, то-есть увеличивалось вмѣстѣ съ пребываніемъ дѣтей въ школѣ, а именно:

	I классъ.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.	VI классъ.
Гимназіи	12,5	18,2	23,7	31,0	41,3	55,8%
Элементарныя школы	—	—	2,9%	4,1	9,8	9,8%

Изъ обширныхъ таблицъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги д-ра Кона, можно даже видѣть, что вмѣстѣ съ классами не только повышалось число близорукихъ, но что и самая степень близорукости увеличивалась. Что касается до 410 студентовъ, то они только еще болѣе подтвердили сдѣланные выводы: у 68% изъ нихъ было найдено ненормальное зрѣніе. Кромѣ глазъ, дѣти страдаютъ въ школѣ еще приливами крови къ головѣ, которые Вирховъ дѣлитъ на пассивные и активные. Первые происходятъ отъ продолжительнаго наклоненія туловища и головы впередъ, отъ сжатія грудобрюшной преграды и напряженія вниманія, которое, замедляя дыханіе, замедляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и возвращеніе крови изъ головы къ сердцу, а вторые — отъ напряженной дѣятельности мозга. Въ результатѣ этихъ приливовъ получаются три болѣзни: а) головная боль, b) кровотеченіе изъ носу и с) зобъ. Изъ 731 ученика невшательской Collège municipale д-ръ Гильомъ нашелъ головныя боли у 269, то-есть у 40%, причемъ особенно страдали дѣвочки и младшіе ученики. Въ школахъ Дармштадта и Бессунгена, изъ 3,564 учениковъ 974 человѣка жаловались д-ру Беккеру на головныя боли, причемъ въ I-мъ классѣ гимназіи больныхъ было 80,8%, и Беккеръ прямо указываетъ на «продолжительность занятій», какъ на причину этой болѣзни. Кровотеченіемъ изъ носу страдали 21% учениковъ, изслѣдованныхъ Гильомомъ, и 11,3% учениковъ, изслѣдованныхъ Беккеромъ, причемъ послѣдній замѣчаетъ, что кровотеченіе чаще встрѣчается «въ высшихъ классахъ, и преимущественно въ тѣхъ школахъ, гдѣ воспитанниковъ держатъ дольше въ классахъ и гдѣ они рѣже пользуются движеніемъ на

воздухѣ». Зобъ найденъ былъ Гильомомъ у 56% учениковъ. По тщательнымъ наблюденіямъ этого врача, зобъ вовсе не составляетъ эндемической болѣзни въ Невшателѣ, какъ объ этомъ говорили: вначалѣ, онъ часто исчезаетъ самъ собою во время каникулъ, а запущенный—дѣлается хроническимъ. Кончая обозрѣніе этихъ трехъ болѣзней, Вирховъ говоритъ слѣдующее: «можно утверждать съ полною увѣренностью, что школа благопріятствуетъ имъ и часто бываетъ прямою ихъ причиною». Посмотримъ теперь на искривленіе позвоночнаго столба (scoliosis),—болѣзнь, по единодушному признанію всѣхъ ортопедовъ, начинающуюся въ школьные года и происходящую отъ неправильнаго положенія тѣла и односторонней дѣятельности мускуловъ во время занятій: писанія, чтенія, благоправныхъ женскихъ рукодѣлій, слушанія лекцій и т. п., когда тѣло неизбѣжно принимаетъ неправильное положеніе и когда происходитъ, вслѣдствіе этого, давленіе на внутреннія части организма, неправильность питанія и замедленіе развитія костей съ одной стороны. «Неоспоримо, говоритъ Вирховъ:—что при этомъ самые позвонки претерпѣваютъ извѣстныя измѣненія, которыя дѣлаются постоянною ихъ формою. Эти измѣненія совершаются во время роста, когда, какъ извѣстно, позвонки не развились еще окончательно [1]. Поэтому они легко принимаютъ ненормальную форму и измѣняютъ свое взаимное положеніе». Изъ 731 воспитанника, изслѣдованныхъ Гильомомъ, у 218 человѣкъ, то-есть у 30%, оказалось искривленіе позвоночнаго столба. Выпуклость позвоночнаго столба гораздо чаще встрѣчается въ правую сторону, что̀ прямо соотвѣтствуетъ положенію тѣла во время занятій: изъ 742 случаевъ искривленій, которые наблюдалъ Адамсъ, 619 искривленій было въ правую сторону. Врачи, говоримъ мы, съ рѣдкимъ единодушіемъ приписываютъ scoliosis школѣ. «Когда почти 90% искривленій начинается въ школьное время, говоритъ Фарнеръ:—и искривленія эти въ точности соотвѣтствуютъ положенію тѣла во время писанія, то, въ виду такихъ фактовъ, мы въ правѣ обвинять школу, какъ главную причину ихъ». Д-ръ Баровъ изъ 282 случаевъ искривленій 218 случаевъ, то-есть около 80%, прямо отнесъ къ исключительному вліянію школы. Но, вмѣстѣ съ ненормальнымъ развитіемъ позвоночнаго столба, «подвергаются такимъ же измѣненіямъ, по свидѣтельству Вирхова, и кости грудной клѣтки и таза, даже кости лица, чѣмъ производится чувствительное дѣйствіе и на внутреннія ча-

[1] Искривленіе позвоночнаго столба, по опредѣленію большинства врачей-спеціалистовъ, происходитъ между 10 и 14 годами.

сти, заключающіяся въ этихъ полостяхъ». Опыты Шильдбаха вполнѣ подтвердили это: спирометрическія измѣренія показали ему, что количество вдыхаемаго воздуха у дѣтей отъ 13-ти до 17-ти лѣтъ, страдающихъ scoliosis'омъ, уменьшается на $^1/_3$ и даже на $^1/_2$ противъ нормы. Но этого мало: слова Вирхова подтверждаются еще и цѣлымъ рядомъ болѣзней грудныхъ внутренностей и подбрюшины. Статистическія таблицы Берли, составленныя въ 1863 г. Энгелемъ, показали, что чахотка, какъ легочная, такъ и гортанная, обнаруживается въ школьные годы и сопровождается смертностью, усиливающеюся въ періодѣ отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ и дѣлающею «поразительные успѣхи» отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ. На 100 умершихъ отъ легочной чахотки приходилось:

Въ возрастѣ отъ 5-ти до 10-ти лѣтъ	4,81%
» » » 10-ти до 15-ти »	12,96%
» » » 15-ти до 20-ти »	31,88%

Но это—только отъ одной легочной чахотки: сестра ея, горловая чахотка, имѣла свои особыя жертвы. «Только тифъ и холера, говоритъ Вирховъ:—даютъ, приблизительно, бо̀льшія цифры смертности для этого періода жизни». «Чахотка, продолжаетъ онъ далѣе:—появляется или, по крайней мѣрѣ, усиливается вслѣдствіе посѣщенія школъ», и въ число непосредственныхъ ея причинъ, рядомъ съ дурнымъ воздухомъ, пылью и плохою вентиляціей, ставитъ и «ослабленіе дѣятельности дыхательныхъ о̀рлановъ вслѣдствіе продолжительнаго сидѣнія». Рядомъ съ чахоткою развивается нерѣдко и золотуха: д-ръ Кармихель говоритъ, что въ одной приходской школѣ изъ 24-хъ хорошо кормимыхъ и одѣваемыхъ дѣвочекъ 7 заболѣли золотухой потому, что оставались все время въ комнатѣ; почти къ тому же пришелъ и д-ръ Арноттъ, наблюдавшій золотуху въ одной изъ школъ Норвуда съ 600 мальчиками. Кромѣ золотухи, въ школахъ часто встрѣчаются кашель, горловая боль—эти обыкновенныя дѣтскія болѣзни—жаба и проч. Д-ръ Вернуа, въ своемъ докладѣ о состояніи гигіены въ французскихъ лицеяхъ, даже ставитъ жабу и воспаленіе гортани во главѣ всѣхъ школьныхъ болѣзней. Затѣмъ, продолжительное сидѣнье, замедляя обращеніе крови въ нижней части живота, производитъ страданія печени, желудка, селезенки, почекъ и другихъ внутреннихъ о̀рлановъ. Гастъ, Вирховъ и другіе врачи указываютъ, какъ на постоянныя явленія въ школахъ: на потерю аппетита, неправильность испражненій, худое качество крови, усталость во всемъ тѣлѣ, худобу, блѣдность и апатію, причемъ причинами этихъ явленій называютъ «недостатокъ свѣжаго воздуха, недостатокъ въ цѣлесообразныхъ

движеніяхъ и умственное напряженіе». Продолжительное умственное возбужде́ніе, въ связи съ долгимъ сидѣньемъ на мѣстѣ, дѣйствуютъ также весьма раздражительно на половые о̀рганы, такъ что школа даетъ значитъ импульсъ и располагаетъ дѣтей и къ половымъ болѣзнямъ. Заразительныя болѣзни: скарлатина, корь, оспа, коклюшъ, поносъ, тифъ и проч. находятъ въ школѣ, благодаря дурнымъ гигіеническимъ условіямъ и упадку физическихъ силъ дѣтей, богатую жатву и распространяются школами. Вотъ что̀, читатель, говорятъ намъ лучшіе европейскіе врачи-спеціалисты: ортопеды, офталмологи, гигіенисты и проч.! Вотъ какіе поразительные результаты обнаружены ими при первыхъ ихъ шагахъ въ область школьной патологіи и статистики, дальнѣйшая разработка которыхъ, сдѣлавшаяся жгучимъ вопросомъ времени, разумѣется, покажетъ намъ еще болѣе поразительные плоды современной спиритуалистической школы! Работы Кона подверглись, въ 1870 году, строгой критикѣ доктора Эрисмана, который доказалъ, что Конъ употреблялъ далеко не совершенный методъ изслѣдованія и не соблюдалъ, при изслѣдованіи, всѣхъ необходимыхъ условій, вслѣдствіе чего «получилъ слишкомъ малыя числа міоповъ и гиперметроповъ и призналъ множество ненормальныхъ глазъ за нормальные». Дальнѣйшія работы, вѣроятно, обнаружатъ вліяніе школъ и на умственныя силы дѣтей—вліяніе, которое должно быть въ особенности пагубнымъ. Уже и теперь есть врачи, какъ напр. Ф. Гейеръ, которые обличаютъ школу въ падучей болѣзни, въ пляскѣ Св. Витта и помѣшательствѣ. Въ этомъ же смыслѣ высказывается и профессоръ Бокъ; онъ говоритъ, что школьныя болѣзни, поражая «самые важные о̀рганы растительной и животной жизни», каковы позвоночникъ, легкія, глаза и проч., «поражаютъ преимущественно мозгъ, нервную систему и кровь (ея составъ и обращеніе)». Изъ нервныхъ болѣзней Бокъ указываетъ: на головную боль, головокруженіе, шумъ въ ушахъ, судорожное состояніе и въ особенности на эпилепсію, пляску Св. Витта и меланхолію. Будемъ ждать, для того чтобы ощупать то, что̀ видимъ уже глазами и слышимъ ушами. Предполагать, что русская школа не производитъ такихъ же вредныхъ вліяній на молодое поколѣніе было бы, по меньшей мѣрѣ, неосновательно.

Наблюденій надъ здоровьемъ нашихъ дѣтей, какъ я замѣтилъ выше, мы еще не дѣлали; но изслѣдованіе зрѣнія въ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ, произведенное Эрисманомъ въ 1870 году, дало болѣе высокія цифры ненормальныхъ глазъ, чѣмъ заграничныя изслѣдованія д-ровъ Э. Егера, Кона и другихъ, что̀, впрочемъ, можетъ быть отчасти зависѣло и отъ болѣе

точныхъ пріемовъ наблюденія Эрисмана. Изъ 4,358 учениковъ, изслѣдованныхъ имъ, оказалось:

Міоповъ (близорукихъ).	1,317	30,2%.
Гиперметроповъ (дальнозоркихъ). . .	1,889	43,4%.
Амбліоповъ (слабовидящихъ)	20	0,5%.
Эмметроповъ (нормально видящихъ). .	1,132	26%.

Очень жаль, что, за неимѣніемъ подъ руками книги Кона, мы не можемъ сдѣлать полнаго сопоставленія цифръ, полученныхъ имъ, съ цифрами Эрисмана, но уже по одному числу близорукихъ можно видѣть, что мы превзошли въ міопіи Европу. Изъ вышеприведенныхъ общихъ цифръ ненормальнаго зрѣнія, полученныхъ Кономъ, собственно близорукихъ учениковъ было: въ сельскихъ школахъ 1,4%, въ городскихъ элементарныхъ школахъ 6,7%, въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ 7,7%, въ реальныхъ школахъ 19,7% и въ гимназіяхъ 26,2%. Что же касается до общихъ выводовъ Эрисмана, то они совершенно согласны съ выводами Кона, а именно: порча глазъ происходитъ въ школѣ и усиливается въ числѣ и степени пропорціонально времени пребыванія въ школѣ. «Міопы, по словамъ Эрисмана, представляютъ, начиная съ низшаго и до высшаго класса, непрерывный, восходящій рядъ отъ 13,6% до 42,8%». Въ нѣкоторыхъ же классахъ 3/4 учениковъ близоруки. «Результаты моихъ изслѣдованій, говоритъ Эрисманъ въ концѣ своей книги:—приводили меня въ ужасъ многочисленностью учащихся юношей съ пострадавшими глазами».

Вотъ въ какомъ состояніи находится зрѣніе нашихъ дѣтей! Еслибы были произведены изслѣдованія надъ ихъ здоровьемъ въ другихъ направленіяхъ, то, конечно, мы увидѣли бы и еще цѣлый рядъ картинъ искаженія человѣческаго образа—картинъ, отъ которыхъ дѣйствительно можно прійдти въ ужасъ и въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отразилось бы все наше невѣжество. А пока нѣтъ этихъ изслѣдованій, мы рекомендовали бы всѣмъ нашимъ родителямъ и педагогамъ, въ особенности имѣющимъ шаловливыхъ и лѣнивыхъ дѣтей, которыхъ они исправляютъ, выписать и положить у себя на столѣ если не спеціальныя работы надъ школьнымъ здоровьемъ д-ровъ Гильома, Кона, Мейера и другихъ, то хоть небольшую брошюрку Вирхова, дабы, заглядывая въ оную, они хоть сколько нибудь обуздывали свое педагогическое рвеніе. «Домъ и семья, говоритъ Вирховъ:—несутъ на себѣ такую же, если только не бо̀льшую отвѣтственность за здоровье дѣтей, какъ и школа, что впрочемъ нисколько еще не оправдываетъ послѣдней». И вы, гг. родители, не удивляйтесь тому, что многія изъ дѣтскихъ болѣзней начина-

ются у дѣтей еще въ то время, когда они находятся подъ кровомъ вашего родительскаго дома, не удивляйтесь потому, что это достовѣрно дознано Адамсомъ, Кноромъ, Бокомъ и другими врачами. Не удивляйтесь также и тому, если вамъ скажутъ, что болѣзни вашихъ дѣтей происходятъ, прежде всего, отъ вашего недомыслія. Въ словахъ этихъ будетъ правда, потому что вы— еще бóльшіе спиритуалисты, чѣмъ педагоги, и, добиваясь имѣть умныхъ, развитыхъ и благонравныхъ дѣтей, вы начинаете пичкать ихъ книгами и стѣснять ихъ свободу съ самаго ранняго возраста.

Ребенокъ скачетъ и прыгаетъ — вы говорите, что онъ шалитъ; ребенокъ кричитъ — вы говорите, что онъ шалитъ; ребенокъ хочетъ копать землю, рубить или таскать дрова — вы говорите, что онъ шалитъ; ребенокъ убѣгаетъ изъ душной и тѣсной комнаты въ садъ, въ лѣсъ, въ лугъ—вы опять говорите, что онъ шалитъ. Взамѣнъ всего этого, вы рекомендуете ему книгу или заставляете его сидѣть смирно и заниматься какими нибудь кубиками и палочками. Вы не понимаете, что вовсе не потому прыгаетъ и суетится ребенокъ, что хочетъ шалить, а потому же самому, почему вы хотите ѣсть, пить и спать. Попробуйте, когда вашъ желудокъ будетъ заявлять объ адмиральскомъ часѣ, увѣрить себя, что вы хотите только шалить... Это будетъ очень поучительно! Въ томъ-то и бѣда, что себя вы отлично понимаете, а ребенка съ его насущными и настоятельными потребностями не понимаете; не понимаете того, что, строго говоря, вовсе не ребенокъ хочетъ шалить, а организмъ его требуетъ дѣятельности, упражненія, требуетъ ихъ, какъ необходимыхъ условій для своего развитія, и требуетъ такъ же, какъ въ другихъ случаяхъ требуетъ пищи, сна и т. п. Голодъ, доведенный до крайней степени, заставляетъ человѣка бросаться на дорогихъ ему людей. Утомленный продолжительной безсоницей солдатъ спитъ среди грома пушекъ и во время похода; говорятъ даже были примѣры, что рабы спали подъ ударами розогъ, а преступники среди мученій пытки [1]. Конечно, потребность въ движеніи не выражается такъ настоятельно, какъ потребность въ снѣ и пищѣ, потому что, она съ одной стороны, нейтрализуется растительными процессами и движеніями внутреннихъ óргановъ, а съ другой—не стѣсняется, да и врядъ ли даже можетъ быть такъ абсолютно стѣснена, какъ потребность во снѣ и пищѣ (трудно придумать условія, въ которыхъ организмъ оставался бы въ состояніи абсолютной невозможности двигать-

---

[1] Бишà «Физіол. изслѣд. и т. д.» стр. 33.

ся); но тѣмъ не менѣе это есть настоятельная потребность, и отказъ въ ней всегда сопровождается вредомъ для организма, который нисколько не уменьшается отъ того, что близорукіе люди его не замѣчаютъ. Взгляните на новорожденное животное: оно также двигается, мускулы его также находятся въ постоянной дѣятельности, ему также хочется все видѣть, осязать и проч. Конечно, ребенокъ можетъ прыгнуть и разбить вашу лампу; конечно, онъ своимъ крикомъ мѣшаетъ вамъ; конечно, при копаніи земли, онъ можетъ испачкаться, а, взявши топоръ, можетъ повредить руку; но зачѣмъ же ваша жизнь такъ плохо устроена, что ребенокъ, съ самаго дня своего рожденія, находится въ ней, какъ нога родовитаго китайца въ колодкѣ. Онъ не виноватъ, что вы произвели его на свѣтъ; онъ не виноватъ, что вы не пашете земли и не живете въ деревнѣ, гдѣ онъ могъ бы дышать и двигаться свободнѣе и гдѣ, вообще, ему жилось бы лучше и привольнѣе, а занимаетесь акціонернымъ любостяжаніемъ, плодами котораго онъ, можетъ быть, даже и не воспользуется, или состоите въ какомъ нибудь департаментѣ умопомраченія и живете въ вѣчно заражонной атмосферѣ и невозможной тѣснотѣ. Тито Поччіардини, описывая фамилистерію, устроенную Годэномъ въ Гизѣ, говоритъ, что тамъ всѣ дѣтскія потребности настолько хорошо удовлетворены, что не видишь слезъ и не слышишь даже плача грудныхъ дѣтей. Замѣтимъ при этомъ, между прочимъ, что развивать дѣтскія легкія можно не однимъ только крикомъ, какъ это рекомендуютъ нѣкоторые врачи и практикуютъ нѣкоторые родители, а какимъ либо и другимъ способомъ, или, если и крикомъ, то, во всякомъ уже случаѣ—не крикомъ, вызываемымъ страданіями ребенка. Но не въ этомъ собственно дѣло, а въ томъ, что можно же такъ устроить дѣтскую жизнь, что дѣтскія потребности будутъ удовлетворены; можно же, наконецъ, понять то, что, разъ дѣтскія потребности удовлетворены, незачѣмъ дѣтямъ шалить и капризничать! Къ сожалѣнію, этого многіе не знаютъ, не понимаютъ и, главное, не хотятъ понимать, будучи убѣждены, что ребенкомъ руководятъ въ шалостяхъ дурныя намѣренія и злая воля. Глубочайшій обскурантизмъ, въ связи съ рабскимъ поклоненіемъ обычаю и разными болѣе или менѣе неблаговидными привычками, производятъ въ насъ нежеланіе отрѣшиться отъ традицій спиритуалистической педагогики и приводятъ насъ въ воспитаніи дѣтей къ тому, что мы поистинѣ можемъ сказать: не вѣдаемъ, что̀ творимъ. Мы знаемъ, что морить человѣка голодомъ—жестоко и составляетъ даже предусмотрѣнное закономъ преступленіе, мы знаемъ, что выколоть человѣку глазъ или вы-

вернуть руку—также жестоко и также составляетъ преступленіе; но мы не хотимъ знать, что лишать ребенка необходимой ему физической дѣятельности также жестоко и составляетъ совершенно такое же преступленіе, хотя, къ сожалѣнію, закономъ и не предусмотрѣнное. И, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь происходитъ такой же вредъ для человѣческаго здоровья, здѣсь также нарушаются не только естественныя, но и гражданскія права человѣка, такъ какъ ребенокъ—такой же гражданинъ, какъ и мы. Мы можемъ останавливать ребенка, когда онъ приноситъ вредъ себѣ или другимъ людямъ, но какое имѣемъ мы право воспрещать ему дѣлать то, что̀ не только не вредитъ ни ему, ни другимъ, но даже полезно для него и для общества, такъ какъ для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ, ему необходимо возможно шире развернуть свои силы! Запрещая ребенку возиться съ огнемъ, мы еще знаемъ, почему мы поступаемъ такъ; но, запрещая ему пѣть, кричать, прыгать и бѣгать—мы, конечно, не знаемъ, почему мы поступаемъ такъ. По всей вѣроятности, и даже съ увѣренностью можно сказать, что руководствуемся при этомъ мы только тѣми соображеніями, что умныя дѣти обыкновенно сидятъ за книжкою, что крикъ безпокоитъ насъ, а прыганье и бѣганье грозятъ нашимъ лампамъ, пепельницамъ и чернильницамъ. И, кромѣ недомыслія, въ связи съ эгоистическими побужденіями и заботами о цѣлости домашней утвари, дѣйствительно не найдешь причинъ, которыя заставляли бы насъ совершать возмутительныя насилія надъ дѣтскою природою. Передъ нами стоятъ слѣдовательно: съ одной стороны — лампа и пепельница, а съ другой — настоятельная потребность дѣтскаго организма, здоровье ребенка и, вообще, все его будущее... Пусть будутъ цѣлы лампы и пепельницы, говоримъ мы, а дѣти страдаютъ... Вотъ вамъ и логика! Повторяемъ еще разъ, что законы роста и развитія организма требуютъ упражненія о̀ργановъ движенія, чувствъ и проч., т. е. вообще упражненія всего организма, съ чѣмъ тѣсно связана и вся душевная дѣятельность человѣка. Оставляя о̀рганы въ теченіи продолжительнаго времени въ бездѣйствіи, мы замедляемъ ихъ развитіе; мы можемъ даже довести ихъ до потери способности къ отправленіямъ и задержать ихъ ростъ, если будемъ угнетать и разстроивать ихъ дѣятельность. Припомнимъ Каспара Гаузерз, котораго нашли въ 1828 году, на большой дорогѣ около Нюрнберга, куда онъ былъ выброшенъ неизвѣстными благодѣтелями. Ему было на видъ лѣтъ 20, а, между тѣмъ, онъ не умѣлъ ни говорить, ни ходить, ни смотрѣть, потому что всѣ 20 лѣтъ его продержали въ темной комнатѣ, гдѣ онъ ничего не видѣлъ. Врачи и ученые, осматри-

вавшіе его, думали сначала, что онъ притворяется; но затѣмъ, когда стали его обучать, то онъ выучился управлять своими чувствами и движеніями, какъ и другіе люди. Онъ выучился даже читать, и, еслибы неизвѣстный убійца, застрѣлившій этого таинственнаго человѣка, не прекратилъ его жизнь, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ сдѣлалъ бы и дальнѣйшіе успѣхи въ развитіи. Тоже самое, что̀ было съ Гаузеромъ, происходитъ въ той или иной степени, въ томъ или другомъ видѣ, и съ нашими дѣтьми, съ тою развѣ только разницею, что Гаузеръ можетъ быть представлялъ собою субъекта, у котораго только было задержано и замедлилось развитіе, а наши дѣти представляютъ собою несомнѣнныя и часто неисправимыя органическія уродства и искаженія.

Затѣмъ, никто изъ насъ не подумаетъ о томъ, что, можетъ быть, дѣти перестали бы даже и лѣниться, если бы мы дали полное удовлетвореніе ихъ потребности въ физической дѣятельности и не заваливали ихъ непосильными умственными занятіями. Мы не замѣчаемъ того, что шалунъ и лѣнтяй—два понятія, два свойства дѣтей, которыя, обыкновенно, встрѣчаются рядомъ. Мы не замѣчаемъ того, что наиболѣе талантливыя дѣти бываютъ по бо̀льшей части шалунами и лѣнтяями: Шекспиръ, Ньютонъ, Гиббонъ, Нибуръ, Гердеръ, Франклинъ, Байронъ и многіе другіе замѣчательные люди приводили въ отчаяніе своихъ учителей лѣнью... Что̀ касается насъ, то мы даже увѣрены, что, если бы дѣти были вполнѣ удовлетворены со стороны физической дѣятельности, то между ними не было бы лѣнтяевъ; лѣнтяй составлялъ бы аномалію, крайне рѣдкое и несчастное исключеніе — исключеніе совершенно такое же, какъ и ребенокъ - сидѣнь, который предпочитаетъ цѣлый день сидѣть на мѣстѣ и не двигается и къ которому мы обыкновенно приглашаемъ врача. Мы высказываемся съ такою увѣренностью потому, что отсутствіе потребности въ умственной дѣятельности совершенно неестественно и, при нормальныхъ условіяхъ, также трудно-вообразимо, какъ и отсутствіе въ потребности движенія, въ пищѣ, въ стремленіи видѣть окружающій міръ и отдавать себѣ отчетъ въ впечатлѣніяхъ. Ка̀къ и на что̀ именно будетъ направлена эта потребность — вопросъ уже другой, который гораздо больше зависитъ отъ человѣка; руководящаго воспитаніемъ ребенка, чѣмъ отъ самого ребенка, дѣло только въ томъ, что потребность эта должна и непремѣнно будетъ проявляться, потому что она, въ свою очередь, есть неотъемлемое, физіологическое свойство матеріи. Каждое впечатлѣніе, получаемое ребенкомъ изъ внѣшняго міра, непремѣнно

отражается въ его сознаніи, каждый такой процессъ непремѣнно сопровождается извѣстною тратою нервнаго вещества и слѣдующимъ за нею возстановленіемъ, которое у ребенка всегда происходитъ въ избыткѣ (если только трата не была чрезмѣрно велика) и даетъ ему тѣмъ самымъ матеріалъ и импульсъ для новыхъ впечатлѣній и новой дѣятельности сознанія. Посмотрите, съ какою жадностью набрасывается, напримѣръ, ребенокъ на новые для него предметы и стремится познать ихъ всѣми своими чувствами; посмотрите, какая разница энергіи у ребенка усталаго и возстановившаго свои силы!

Съ другой стороны, потребность въ физической дѣятельности настолько сильна и необходима для дѣтскаго организма, что, отказывая въ ней, мы или вынуждаемъ ее прорываться неправильнымъ, безполезнымъ и нерѣдко даже вреднымъ образомъ, или же заставляемъ организмъ чахнуть, увядать и болѣть, что̀ дѣйствуетъ, разумѣется, вредно и на мозговую дѣятельность ребенка, для которой необходимъ обмѣнъ матеріи, а, слѣдовательно, и достаточная физическая дѣятельность. Отношеніе между тою и другою непремѣнно должно быть правильнымъ, т. е. наивыгоднѣйшимъ для ихъ наилучшаго взаимодѣйствія въ борьбѣ человѣка за счастье; и, легко можетъ быть, что организмъ ребенка безсознательно стремится къ установленію этого отношенія, постоянно нарушаемаго воспитаніемъ и совершенно уже нарушеннаго у человѣка взрослаго подъ вліяніемъ современной цивилизаціи.

Врачи, пролившіе столько свѣта на школьную жизнь, къ сожалѣнію, только отчасти коснулись этого весьма важнаго и интереснаго вопроса и не разсмотрѣли его болѣе обстоятельно.

Всѣ они находили причины дѣтскихъ болѣзней: въ дурномъ устройствѣ школъ, въ слишкомъ продолжительномъ сидѣньи за уроками и недостаткѣ движенія; но никто изъ нихъ не обратилъ должнаго вниманія на направленіе и складъ современной общественной жизни, которыми опредѣляются цѣли, характеръ и духъ самой системы воспитанія; никто изъ нихъ не обратилъ должнаго вниманія на удовлетвореніе потребности дѣтскаго организма въ физической дѣятельности, на направленіе этой дѣятельности и на ея вліяніе на духовную жизнь ребенка. Врачи требовали въ школѣ высокихъ оконъ, столовъ и скамеекъ, «основанныхъ на анатомическихъ и физическихъ законахъ», разсаживали учениковъ по росту, по аккомодативной способности глазъ, представляли проекты столовъ съ пюпитрами, съ подвижными верхними досками и подножками, съ выпуклыми и прямыми спинками, съ «научными дифференціями и дистанція-

*

ми» и проч., и проч. Во французской литературѣ явилось описаніе разныхъ образцовъ мёбели, а въ германской и швейцарской литературахъ даже поднялась цѣлая мёбельная полемика: одни стояли за столы системы Фарнера, другіе за столы Бухнера и Кунце, третьи за столы Фарентрана и т. д. Нѣкоторые изъ врачей думали даже предотвратить всѣ школьныя болѣзни раціональными столами, хорошею вентиляціей, размѣрами оконъ и вообще гигіеническимъ устройствомъ школъ. Все это, разумѣется, очень важно и, какъ показалъ опытъ, непремѣнно сопровождается нѣкоторымъ уменьшеніемъ вредныхъ вліяній школъ на здоровье, но именно—только нѣкоторымъ уменьшеніемъ и только нѣкоторыхъ вредныхъ вліяній, потому что главный корень золъ лежитъ не въ нихъ, а въ самой системѣ воспитанія, въ самъ складѣ общественной жизни и условій существованія современнаго человѣка. Что можетъ, напримѣръ, подѣлать школьная гигіена съ близорукостью городскихъ школьниковъ, когда городскіе жители, вообще, страдаютъ близорукостью сравнительно съ жителями деревень и въ особенности съ жителями степныхъ мѣстностей? Кромѣ близорукости, города имѣютъ еще, какъ извѣстно, и другія, присущія исключительно городамъ, болѣзни, что можно видѣть изъ медицинской статистики городовъ. Въ высокихъ и большихъ школьныхъ комнатахъ, конечно, воздухъ будетъ болѣе чистъ, чѣмъ въ низкихъ и маленькихъ, но онъ не будетъ чище городского воздуха вообще, а чище деревенскаго и подавно. Но, оставляя даже въ сторонѣ общія болѣзни, мы можемъ видѣть, что школьная гигіена безсильна въ борьбѣ и съ спеціально школьными болѣзнями. Мишель Леви говоритъ, что въ политехнической школѣ, въ теченіи 1850—52 г., было 586 воспитанниковъ, и изъ нихъ лечилось въ лазаретѣ 425 человѣкъ, т. е. около 72½%, а чувствовали себя нездоровыми, имѣя возможность не ложиться въ лазаретъ, 650 человѣкъ, т. е. 111%, между тѣмъ, по словамъ того же Леви, гигіеническія условія въ политехнической школѣ «были соблюдены превосходно».

Слѣдовательно, причины такихъ грустныхъ результатовъ, очевидно, лежали въ школьныхъ занятіяхъ. Да оно такъ и должно быть. Пускай комнаты велики и высоки, пускай въ классѣ стоятъ столы системы хоть самаго Фарнера, но если ученики будутъ сидѣть за уроками 10 часовъ въ день, то повѣрьте, что ни чистый воздухъ, ни столы Фарнера не предохранятъ ихъ отъ болѣзней глазъ, позвоночника, груди и проч. Если бы дѣти не сидѣли даже больше часа подрядъ на мѣстѣ и, въ перемѣнахъ между уроками, продѣлывали, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ,

гимнастическія упражненія, какъ эта принято въ нѣкоторыхъ заграничныхъ школахъ, то и тогда вредное вліяніе школъ на здоровье не прекратилось бы. И не прекратится оно до тѣхъ поръ, пока умственныя занятія будутъ чрезмѣрно велики, а потребность въ физической дѣятельности будетъ стѣсняться и оставаться неудовлетворенною. Вольныхъ гимнастическихъ движеній въ теченіи нѣсколькихъ минутъ недостаточно для ребенка. Это могутъ говорить только педагоги спиритуалистическаго направленія, да и то только измѣряя дѣтей на свой аршинъ. Гимнастика была введена въ европейскихъ школахъ гораздо раньше того времени, чѣмъ врачи, изслѣдованія которыхъ мы приводили, изслѣдовали школьное здоровье; но, играя въ школахъ ничтожную роль, при очень большихъ умственныхъ занятіяхъ, она не принесла существенной пользы, такъ какъ иначе мы не увидѣли бы тѣхъ грустныхъ результатовъ, которые получились. Въ нашихъ гимназіяхъ гимнастическія занятія также недостаточны (2 раза въ недѣлю по 1-му часу), а умственныя велики, и опять получается тоже: мы не видимъ ни одного свѣжаго и бодраго дѣтскаго лица, а видимъ все вялыя, блѣдныя и старческія лица. Между тѣмъ, гдѣ физическія упражненія достаточны — получаются совершенно иные результаты. Доказательство этому можетъ дать намъ, напримѣръ, Англія, въ которой, больше всѣхъ континентальныхъ государствъ, обращено вниманіе на физическую сторону воспитанія. Тамъ въ школахъ введены гимнастическія игры: игра въ мячъ ручной и дутый (fives, football), гребля (boating), бѣганье въ запуски (hare and hounds) и въ особенности игра — всѣмъ играмъ игра — «благородный и ученый крикетъ». Мы обращаемъ особенное вниманіе читателя на то значеніе, какое придаютъ англійскіе педагоги и англійское общество этимъ играмъ. Игры эти вовсе не составляютъ одного только необязательнаго развлеченія, но «составляютъ особый трудъ, обязательное занятіе, налагаемое обычаемъ и требуемое начальствомъ школы» [1]. Два или три раза въ недѣлю, классы кончаются въ полдень, и все время послѣ обѣда идетъ на физическія упражненія. Но и въ прочіе дни ученики по нѣскольку часовъ предаются имъ. Въ Гарроу, наприм., а равно и во многихъ другихъ школахъ, обязательная игра въ дутый мячъ происходитъ 3 раза въ недѣлю, при чемъ на нее употребляется по $1^1/_2$ часа времени, да, кромѣ того, на крикетъ идетъ 15 часовъ въ недѣлю; въ Итонѣ крикетъ занимаетъ 27 часовъ въ недѣлю; въ

[1] Деможо и Монтуччи «Отчетъ о сред. учеб. завед. въ Англіи». Москва, 1870 г., стр. 21.

Винчестерѣ, по меньшей мѣрѣ, 3 часа въ день и т. д. «Въ нашихъ школахъ, говоритъ одинъ изъ учителей Итона:—игры выступаютъ на первый планъ; книги отходятъ на второй». Крикетъ — эта цѣлая особая наука, которая преподается особыми учителями. Отличившіеся уважаются. «Глава одинадцати въ крикетѣ, капитанъ гребныхъ лодокъ на Темзѣ — личности въ Итонѣ гораздо болѣе почетныя, нежели ученикъ, болѣе другихъ отличавшійся въ главномъ конкурсѣ на преміи по словеснымъ и математическимъ наукамъ. Въ библіотекѣ школы Гарроу, на ряду съ портретами лордовъ Байрона, Пальмерстона, Дальгауза, бывшихъ учениковъ заведенія, намъ съ гордостью указывали на почетный щитъ, третій разъ выигрываемый этою школою на состязаніи въ стрѣльбѣ (shootfor) между большими публичными школами» [1].

Смотря на все это, читатель, даже знающій эксцентричность англичанъ, приходитъ въ изумленіе, потому что это—настоящія олимпійскія игры, которыя пользуются въ общественномъ мнѣніи глубокимъ уваженіемъ и почетомъ. Одна школа вызываетъ другую на состязаніе; нѣсколько мѣсяцевъ идутъ приготовленія учениковъ, состоящія въ ежедневныхъ физическихъ упражненіяхъ для развитія мускуловъ: день состязанія, это—великое торжество не только для школы, но и для всего общества. Страсть къ атлетическимъ играмъ развита не въ однихъ только гимназіяхъ, но и въ университетахъ: такъ, напр., два самые большіе университета, Оксфордъ и Кэмбриджъ, ежегодно собираются въ мартѣ мѣсяцѣ для состязанія въ гонкѣ судовъ на Темзѣ. Вотъ какъ Деможо и Монтуччи описываютъ день ихъ состязанія: «На это время вся столица молодѣетъ и забываетъ на два, на три дня политику и дѣла. Дамы и дѣвицы наряжаются въ университетскіе цвѣта. Въ обществѣ только одинъ предметъ разговора, въ общественномъ мнѣніи существуютъ только двѣ партіи, два оттѣнка: темно-синій—Оксфорда и свѣтло-синій — Кэмбриджа». Педагоги видятъ въ атлетическихъ играхъ не только могучее средство для физическаго развитія, но и важное, даже необходимое пособіе нравственнаго воспитанія. Вотъ какъ говоритъ, напр., по этому поводу Алфредъ Карверъ, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ профессоровъ классическихъ наукъ въ школѣ Св. Павла: «Не говоря уже о физической силѣ, обыкновенной спутницѣ силы нравственной, я полагаю, что настоящій мужественный и сильный закалъ характера пріобрѣтается гораздо болѣе на плацу для игръ, нежели въ классной

[1] Деможо и Монтуччи «Отчетъ о средн. учебн. зав. въ Англіи». Москва, 1870 г., стр. 22.

комнатѣ. Я не высоко цѣню мальчика, не питающаго пристрастія къ играмъ и развлеченіямъ; такой мальчикъ рѣдко пристрастится и къ работѣ». Другой педагогъ, Джонъ Роджерсонъ въ школѣ Мерчистона, говоритъ слѣдующее: «физическое развитіе учениковъ я считаю дѣломъ первой важности. Мы уже другой разъ беремъ теперь медаль, на которую ежегодно конкурируютъ всѣ школы, находящіяся въ окрестностяхъ Эдинбурга». Благодаря такому отношенію къ физическому воспитанію со стороны англійскаго общества и педагоговъ, мы видимъ въ Англіи и совершенно иные результаты. Вотъ въ какихъ чертахъ Деможо и Монтуччи передаютъ свои впечатлѣнія: «Благодаря физическому воспитанію, поддерживаемому здоровой и простой пищей, англійское юношество съ побѣдоносною энергіей развивается въ своей странѣ, несмотря на вѣчно туманное и влажное небо. Пріятно видѣть эти прекрасныя юныя тѣла, высокія и стройныя, эту силу взрослаго въ еще неразвившемся станѣ юноши; пріятно видѣть мускулы столь полные и гибкіе, такой свѣжій румянецъ здоровья и столь скромныя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и столь исполненныя достоинства позы. Съ одного взгляда на эти молодыя, но мужественныя лица читаешь на нихъ какъ привычку идти на встрѣчу усталости и опасности, такъ и простое, благородное мужество, естественное и свободное отъ надменности». Что̀ касается до успѣховъ англійскаго юношества въ научномъ образованіи, то они нисколько не меньше, чѣмъ и въ другихъ странахъ. Дать почетное мѣсто физическимъ упражненіямъ вовсе еще не значитъ дать перевѣсъ грубой физической силѣ надъ силою духовною. При трезвомъ взглядѣ на воспитаніе и разумномъ обращеніи педагоговъ, это можетъ быть скорѣе средствомъ поддерживать и развивать духовныя силы дѣтей. Но, во всякомъ случаѣ, это есть самое вѣрное и дѣйствительное средство для того, чтобы предотвратить вредное вліяніе школъ на здоровье.—Отчего же, однако, спроситъ читатель:—физическія упражненія, которыя введены у насъ и въ школахъ другихъ европейскихъ странъ, въ видѣ рекомендуемой врачами гимнастики, не дѣлаютъ своего дѣла? А оттого, читатель: 1) что на нихъ не обращено должнаго вниманія и 2) оттого, что они введены въ видѣ гимнастики, т. е. въ формѣ въ высшей степени безсмысленной. Мы не понимаемъ всего важнаго значенія, какое играетъ развитіе физическихъ силъ въ жизни человѣка, и находимся, съ одной стороны, какъ я сказалъ нѣсколько выше, подъ вліяніемъ спиритуалистическихъ ученій прошлаго, а съ другой—подъ вліяніемъ склада новой общественной жизни, въ которой такъ же можно жить безъ труда, какъ и въ средніе

вѣка жили монахи, питаясь молитвами. Врачи наши, понимающіе нѣсколько больше насъ важность физическихъ упражненій, рекомендують гимнастику; но врядъ ли они подумали, что упражняться въ недѣлю два часа недостаточно, а заставить ребенка каждый день заниматься такимъ скучнымъ, однообразнымъ упражненіемъ не имѣетъ смысла. Взрослому человѣку можетъ быть и достаточно ежедневно расправлять свои члены въ теченіи 10 минутъ—ребенку этого мало; взрослый человѣкъ сознаётъ, для чего онъ дѣлаетъ гимнастику—ребенокъ, обыкновенно, не сознаетъ этого и смотритъ на нее, какъ на обязательное занятіе. Діэтетическая гимнастика составляла у древнихъ грековъ только часть гимнастики, которая, кромѣ того, раздѣлялась еще: на военную, атлетическую и эстетическую (орхестика). Гимнастика не составляла въ Греціи только предметъ воспитанія, но и тѣснымъ образомъ была связана съ жизнью. Она производилась на чистомъ воздухѣ, въ особо-устроенныхъ, окруженныхъ роскошными колонадами зданіяхъ и состояла: въ бѣганьи, прыганьи, метаньи диска, бросаньи копья и единоборствѣ. На гимнастическихъ упражненіяхъ обыкновенно присутствовали ораторы, философы и ученые. Олимпійскія игры составляли народный праздникъ; побѣдитель пользовался громаднымъ уваженіемъ, и заслужить имя періодоника считалось наибольшею честью для гражданина Греціи. Городъ, гдѣ онъ родился и воспитался, встрѣчалъ его тріумфомъ, съ музыкой и пѣніемъ, и гордился его побѣдой. Иногда даже разрушались городскія стѣны въ знакъ того, что городъ, имѣющій такихъ людей, не нуждается въ защитѣ. Словомъ, гимнастика носила въ Греціи «вовсе не школьный, а общенародный, широкообщественный характеръ» [1]. Въ Англіи, какъ мы видѣли, происходитъ отчасти тоже самое: тамъ гимнастика состоитъ не въ безцѣльныхъ упражненіяхъ, а въ играхъ, составляющихъ для упражненій и цѣль и средство, въ играхъ, которыя поддерживаются обществомъ и, такъ или иначе, связаны съ жизнью. Оттого-то тамъ физическія упражненія и ведутся такъ дѣятельно. Въ другихъ странахъ гимнастика не имѣетъ такого содержанія, а потому и не развивается: нѣмецъ слишкомъ тяжелъ и глубокомысленъ для игры въ крикетъ: французу нѣкогда заниматься играми, а мы, вѣроятно, подражаемъ глубокомыслію нѣмцевъ. Когда военныя стремленія новой Германіи потребовали воиновъ, то нѣмцы обратили особенное вниманіе на гимнастику, примѣненную къ военнымъ цѣлямъ, и легко можетъ быть, что гим-

[1] «Руков. къ гимнастикѣ» В. Ухова. С.-Петерб. 1870 г.

настика снова будетъ процвѣтать тамъ, какъ нѣкогда процвѣтала у древнихъ германцевъ, перескакивавшихъ, по свидѣтельству Тацита, съ такимъ искуствомъ черезъ воткнутые въ землю мечи и копья. Наши военныя школы также обращаютъ на гимнастику гораздо больше вниманія, чѣмъ школы гражданскія... Но, да не подумаетъ читатель, что мы рекомендуемъ ввести нѣмецкую военную гимнастику, возвратиться къ атлетическимъ играмъ классической Греціи или ввести въ наши школы благородный и ученый англійскій крикетъ. Мы далеки отъ этой мысли, такъ же, какъ и отъ желанія ввести въ наши школы нѣмецкій завоевательный духъ, ввести систему прислужничества (fagging) младшихъ учениковъ старшимъ и постриженія старшихъ учениковъ въ мониторы и префекты надъ младшими, какъ это дѣлается въ Англіи; мы далеки отъ этой мысли такъ же, какъ и отъ желанія вернуть времена славной Спарты, съ ея атлетами и грубымъ варварствомъ, съ ея презрѣніемъ къ наукѣ и съ ея мастигофорами (розгоносцами), которые на праздникахъ Артемиды Орфійской сѣкли дѣтей, пріучая ихъ къ перенесенію боли, причемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ засѣкали на смерть. Атлеты, въ наше время, ни на что не нужны; теперь даже для войны требуются люди, болѣе развитые умственно, чѣмъ сильные физически. Знаніе и трудъ—главныя задачи нашей жизни—должны быть и главными задачами нашей школы. Но, сообщая дѣтямъ знанія, школа должна помнить изреченіе Плутарха, что «для души никогда не слѣдуетъ забывать тѣла», потому что иначе ослабѣваетъ и самая душа, а относительно тѣла должны быть приложены старанія къ тому, чтобы оно было хорошо развито и пріучено къ труду. Современные педагоги не должны быть новыми мастигофорами и не должны новыми спиритуалистическими розгами засѣкать дѣтей на смерть. Они должны быть чужды самомнѣнія и увлеченій, должны не забывать, что діэтетика, хотя и сдѣлала значительные успѣхи, но ушла еще не Богъ вѣсть какъ далеко, что педагогика, въ которую діэтетика входитъ, какъ составная ея часть—еще меньше разработанная наука, въ особенности въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ она соприкасается съ психологіей. Они должны чутко прислушиваться къ каждому послѣдствію воспитанія, къ каждому новому опыту, къ каждому завоеванію другихъ наукъ, изучающихъ человѣка и человѣческое общество; они должны зорко слѣдить за каждымъ лучемъ свѣта, упавшимъ въ ихъ темную область; первые должны предупреждать вредныя вліянія на маленькое человѣчество, указывая этотъ вредъ обществу! Между тѣмъ, наши педагоги настолько далеки отъ подобнаго отношенія къ дѣлу воспитанія,

что не только ни къ чему не прислушиваются, но не видятъ даже у себя подъ носомъ продуктовъ своего усердія — массы слѣпыхъ, горбатыхъ и чахоточныхъ дѣтей; я не говорю уже о дѣтяхъ оглупѣвшихъ, которыя, по всей вѣроятности, составляютъ еще бо̀льшую массу, но которыя, благодаря тому, что глупость часто бываетъ трудно замѣтить, могутъ быть и не замѣчаемы педагогами. Съ подобными, сравнительно, строгими требованіями я и не обращаюсь къ нашимъ педагогамъ, но горбатыхъ и слѣпыхъ, кажется, они должны видѣть и, если не видятъ, то только потому, что относятся къ дѣлу воспитанія крайне небрежно. Проглотивъ нѣмецкій аршинъ, они вообразили, что проглотили всю человѣческую премудрость, и до такой степени сковали себя поклоненіемъ нѣмецкимъ педагогамъ, что потеряли всякую автономію, всякую способность къ самостоятельности. Начинаютъ ли нѣмецкіе педагоги, подобно нѣкоторымъ нянькамъ, разжовывать пищу и кормить дѣтей съ пальца—начинается тоже самое и у насъ; поощряетъ ли нѣмецкая школа роскошь и барство—поощряемъ таковыя и мы; вводится ли тамъ что-нибудь въ программу—вводится тоже самое и у насъ, и вводится съ такою пунктуальностью, что, право, ничего не было бы удивительнаго, еслибы нѣмецкія школы ввели у себя преподаваніе хиромантіи, магіи и алхиміи и, вслѣдъ за ними, ввели бы тоже самое и мы. По крайней мѣрѣ, это было бы въ порядкѣ вещей. И, предлагая обратить бо̀льшее вниманіе на физическое развитіе нашего молодаго поколѣнія и ввести съ этою цѣлью въ школу физическій трудъ, мы сильно сомнѣваемся, чтобы у насъ могла произойти какая-либо реформа въ этомъ направленіи, пока не будетъ сдѣлана такая же реформа въ системѣ нѣмецкаго воспитанія—слишкомъ ужь велико у насъ недовѣріе къ собственнымъ силамъ, слишкомъ ужь привыкли мы ходить позади своей бонны и вѣрить въ ея непогрѣшимость. Между тѣмъ, обратить вниманіе на физическое развитіе составляетъ положительную необходимость, потому что жизнь современнаго человѣка принимаетъ все болѣе и болѣе одностороннее направленіе, сопровождающееся крайне вредными послѣдствіями. Цивилизація и соціальныя условія, заставляя человѣка приспособляться къ тѣмъ или другимъ занятіямъ, къ тѣмъ или инымъ условіямъ жизни, оказываютъ замѣчательное вліяніе на развитіе о̀ргановъ его тѣла: они расширяютъ кругъ дѣятельности однихъ, стѣсняютъ дѣятельность другихъ и видоизмѣняютъ дѣятельность всѣхъ. Еслибы эти видоизмѣненія дѣятельности о̀рлановъ клонились къ усовершенствованію организма или увеличивали сумму счастья какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и общества, то нѣчего было

бы и говорить: тогда все шло бы къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ, и оставалось бы только наслаждаться жизнью. Еслибы, наконецъ, эти видоизмѣненія всегда были обусловлены безъисходною необходимостью, вызываемою внѣшними дѣятелями, положимъ, борьбою за существованіе съ природою или безъисходными условіями общественнаго строя, то и тогда не о чемъ было бы говорить, и оставалось бы только заботиться объ уменьшеніи вредныхъ вліяній. Но видоизмѣненіе дѣятельности органовъ, которое мы видимъ, по бо̀льшей части сопряжено съ прямымъ вредомъ и даже съ искаженіемъ человѣческаго организма, а соціальный порядокъ и цивилизація далеко не всегда бываютъ продуктомъ сознательной и безошибочной работы ума человѣческаго, а обыкновенно являются плодомъ сложныхъ условій: исторической жизни, географическаго положенія, климата, наконецъ, плодомъ ошибокъ и зачастую даже плодомъ каприза и своекорыстія правящихъ классовъ. Современное человѣчество, какъ всякому извѣстно, дѣлится рѣзкою чертою на два противные лагеря, на двѣ части, изъ которыхъ: одна часть живетъ исключительно физическимъ трудомъ и приближается къ состоянію машины, къ состоянію рабочаго животнаго, средняя продолжительность жизни котораго очень не велика, которое страдаетъ отъ множества болѣзней, другая же часть живетъ исключительно духовною жизнью, и, хотя живетъ сравнительно дольше и неизмѣримо лучше, но также страдаетъ отъ многихъ спеціально ей присущихъ болѣзней, также слаба и безсильна даже въ области духа, потому что очень бѣдна еще знаніемъ, потому что не отрѣшилась еще отъ варварства, несправедливости и проч. Здѣсь насъ занимаетъ преимущественно человѣкъ послѣдней категоріи, человѣкъ, такъ сказать, культурный, цивилизованный, интеллектуальный, который не только составляетъ преимущественный предметъ заботъ нашей школы, но который и руководитъ образованіемъ всей націи и вноситъ въ школу свое міросозерцаніе. Современный цивилизованный человѣкъ такъ устроился въ жизни, что можетъ на легальномъ основаніи не трудиться физически для того, чтобы существовать, хотя машинъ для такого состоянія пока изобрѣтено еще недостаточно. Онъ сидитъ въ банкирской конторѣ, на каѳедрѣ, въ судѣ, въ разныхъ департаментахъ, комитетахъ и т. д. Онъ можетъ получать превосходное содержаніе, имѣя только голову и правую руку для писанія, а иногда, какъ, напримѣръ, адвокату, не нужно даже и правой руки и достаточно имѣть одинъ языкъ. Ноги такому человѣку не нужны, и, если встрѣчается въ нихъ надобность, то развѣ только для прогулокъ (можно даже и прогуливаться въ экипа-

жѣ), а въ лѣвой рукѣ не предстоитъ даже и такой надобности. Словомъ, онъ отчасти уже предвкусилъ, такъ сказать, то отдаленное будущее цивилизаціи, тотъ несомнѣнный и заманчивый идеалъ прогресса, который существуетъ только въ мечтахъ экономистовъ и предполагаетъ, что все будетъ дѣлаться машинами; но, предвкушая этотъ идеалъ, онъ поступилъ, какъ невѣжда, потому что принесъ вредъ не только другимъ, но даже и себѣ. Подобное состояніе человѣка положительно неестественно и неразумно ни съ физіологической, ни съ какой другой стороны. Не говоря уже о какихъ-либо другихъ послѣдствіяхъ, мы видимъ, что къ 30—35 годамъ такой человѣкъ либо окончательно теряетъ здоровье—становится нервнымъ, слабогрудымъ, геморроидальнымъ, лысымъ, беззубымъ и т. д., либо заростаетъ жиромъ и обращается въ откормленное животное, что̀ также есть скорѣе болѣзнь, чѣмъ признакъ здоровья, и что̀ почти всегда есть вѣрный признакъ прекращенія умственнаго роста, бодрости и энергіи и признакъ начала умственной лѣни и сна. Человѣкъ, начинающій жирѣть, мнѣ всегда напоминаетъ дерево, начинающее рости кроной вслѣдствіе того, что у него обрѣзали вершину. Между тѣмъ, воспитаніе въ такомъ порядкѣ вещей разъигрываетъ весьма видную роль: культивируя человѣка до 20—25 лѣтняго возраста, т. е. въ теченіи болѣе половины средней продолжительности жизни, оно его отучаетъ отъ труда, дѣлаетъ неспособнымъ къ труду и способнымъ только къ распредѣленію богатствъ. Но, можетъ быть, педагоги знаютъ, что, при такихъ условіяхъ воспитанія, несмотря на физическое разстройство и нѣкоторые частные случаи умственной слабости, человѣкъ въ общемъ выводѣ все-таки становится наиболѣе способнымъ къ умственной дѣятельности? Черепъ человѣка, подъ вліяніемъ цивилизаціи, дѣйствительно измѣнился: «Мозгъ цивилизованнаго человѣка, говоритъ Спенсеръ:—почти на 30% больше мозга дикаря и представляетъ большую разнородность — особенно въ распредѣленіи изгибовъ»; по свидѣтельству Брока, черепа парижанъ XIX ст. значительно разнятся отъ череповъ XII ст.; даже черепа рабочихъ, взятые имъ съ кладбища бѣдныхъ, значительно отличались отъ череповъ зажиточныхъ ихъ современниковъ. Можетъ быть, поощренные подобными успѣхами, педагоги думаютъ даже произвести надъ человѣкомъ опытъ, желая приспособить его строеніе къ наилучшей умственной дѣятельности (вырабатываютъ же изъ себя люди акробатовъ, бойцовъ и скороходовъ, а изъ животныхъ—мясныхъ животныхъ, молочныхъ и проч.)? Опытъ великій и достойный самаго глубокаго сочувствія! Въ какомъ направленіи пойдетъ измѣненіе органи-

заціи и какова будетъ конечная форма этого измѣненія—сказать напередъ, разумѣется, довольно трудно: можетъ быть, голова больше увеличиваться не будетъ и усовершенствуетъ только свою внутреннюю конструкцію; можетъ быть, увеличится и голова еще процентовъ на 30, возростутъ внутренніе ѳрганы, вырабатывающіе и снабжающіе мозгъ кровью, а тѣло, и въ особенности ѳрганы движенія, уменьшатся (руки у аристократіи значительно уменьшились; можетъ быть, онѣ даже атрофируются подобно крыльямъ страусовыхъ птицъ); можетъ быть, нервная система децентрализуется — разовьются нервные узлы, или же произойдетъ нѣчто иное, даже теперь непредусмотримое... Наконецъ, и организмъ человѣка долженъ приспособляться къ необходимымъ внѣшнимъ условіямъ, къ необходимому или болѣе или менѣе правильному общественному порядку, а не къ злоупотребленіямъ... Но не будемъ уклоняться въ сторону. По всей вѣроятности, подъ вліяніемъ цивилизаціи, организмъ человѣка дѣйствительно долженъ будетъ претерпѣть нѣкоторыя измѣненія; по всей вѣроятности, при нѣкоторомъ измѣненномъ строеніи, онъ можетъ проявить и наибольшую силу мысли; но мы не думаемъ, чтобы тѣ опыты, которые производятся педагогами, могли привести къ желательному результату. И методъ, и направленіе этихъ опытовъ не могутъ быть оправданы сколько-нибудь состоятельными доводами, да и врядъ ли, наконецъ, искривленіе позвоночника, близорукость, чахотка и проч. суть признаки умственнаго роста. Мы видимъ въ этомъ скорѣе признаки незнанія основныхъ законовъ біологіи: незнаніе, напримѣръ, того, что спеціализированіе каждаго ѳргана становится возможнымъ исключительно только вслѣдствіе связи его съ остальными ѳрганами; что дифференцированіе и интегрированіе ѳргановъ въ такихъ сложныхъ организмахъ, какъ человѣческій, идутъ рядомъ и взаимно обусловливаютъ другъ друга; что въ каждомъ видѣ организмовъ есть извѣстный предѣлъ для различныхъ уклоненій отъ нормы, а потому и для измѣненія строенія; что, если есть возможность быстро и въ любомъ направленіи подвинуть структурныя и функціонныя измѣненія къ этому предѣлу, то, для того, чтобы эти измѣненія пошли дальше въ томъ же направленіи и настолько измѣнили бы организмъ, чтобы среднее его состояніе достигло рубежа этой границы», необходимо очень долгое время [1]. Поступая иначе, т. е. игнорируя естественные законы и желая замѣнить столѣтія днями, мы разрушаемъ организмъ и показываемъ только свое

[1] Спенсеръ «Основ. Біологіи» т. I, стр. 136, т. II, стр. 286—288.

неумѣнье держать въ рукахъ ножъ и не порѣзаться, стрѣлять изъ ружья и не застрѣлиться.

Не будемъ оспоривать того, что возростаніе мозга и большая сложность его строенія суть положительные результаты умсувеннаго прогресса, хотя, строго говоря, теоріи мозговыхъ извилинъ, абсолютной и относительной величины мозга—и не вполнѣ еще законченныя теоріи [1]. Не будемъ также сомнѣваться, что результаты эти произведены исключительно умственными занятіями, хотя и здѣсь должны были вліять отчасти другія причины. Но во всемъ этомъ, все таки, еще нѣтъ достаточныхъ основаній для заключенія, что увеличеніе и усовершенствованіе мозга произошло и не можетъ иначе происходить, какъ только на счетъ упадка и разстройства такихъ важныхъ органовъ тѣла, какъ позвоночникъ, легкія, глаза и другіе органы, страдающіе въ школѣ; даже если бы процессъ возрастанія умственныхъ способностей шелъ дѣйствительно въ связи съ упадкомъ и разстройствомъ этихъ органовъ, то и тогда мы были бы не вправѣ утверждать, что это есть единственный или сколько нибудь цѣлесообразный путь. Обращаясь къ главному дѣятелю органическаго прогресса—питанію, мы видимъ слѣдующее: если, при недостаткѣ питанія или когда установилось уже опредѣленное отношеніе между усвоеніемъ и тратою организма, какъ, напримѣръ, въ зрѣломъ возрастѣ, умственное развитіе одного какого нибудь органа можетъ совершаться на счетъ другихъ, то, при избыткѣ питанія, въ молодомъ возрастѣ, возростаніе и усовершенствованіе усиленно упражняемыхъ частей возможно и «безъ положительнаго вычета отъ другихъ частей» [2]. Здѣсь можетъ происходить, по выраженію Спенсера, только отрицательный вычетъ, т. е., что часть, усиленно упражняемая будетъ развиваться не на счетъ другихъ органовъ, а на счетъ избытка питанія, и, притомъ, не только не нарушая отправленій другихъ важныхъ органовъ, но и оставляя необходимое количество питанія для ихъ развитія и новыхъ приспособительныхъ измѣненій, которыя необходимы какъ для сохраненія біологическаго равновѣсія организма, такъ и для дальнѣйшаго развитія самого усиленно упражняемаго органа. Не надо, говоримъ мы, никогда упускать изъ

---

[1] Такъ, напримѣръ, мозгъ осла и барана гораздо богаче извилинами, чѣмъ мозгъ бобра и кошки—животныхъ, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе интеллектуальныхъ; мозгъ умнѣйшаго существа—человѣка абсолютно гораздо меньше мозга большихъ млекопитающихъ (слона, кита и др.); наибольшую относительную величину мозга (относительно тѣла) мы также встрѣчаемъ не у человѣка, а у нѣкоторыхъ обезьянъ.

[2] Спенсеръ «Основ. Біол.» т. I, стр. 142.

виду, что возрастаніе и совершенствованіе какого нибудь отдѣльнаго органа тѣсно обусловлено дѣятельностью другихъ органовъ, выполненіемъ ими разнообразныхъ другихъ отправленій, отъ которыхъ зависитъ собственное отправленіе этого органа, и что эти другіе органы также должны развиваться, т. е., также должны быть упражняемы и возстановляемы питаніемъ. Такимъ путемъ, т. е., на счетъ избытка питательнаго вещества и безъ вреда для организма, вѣроятно, и шло бы возрастаніе и совершенствованіе мозга цивилизованнаго человѣка подъ вліяніемъ умственныхъ занятій, еслибы человѣкъ относился къ своимъ дѣйствіямъ болѣе сознательно. И такое прогрессированіе мозга было бы не только наиболѣе безвреднымъ, но и наиболѣе успѣшнымъ. Можетъ быть даже, такимъ путемъ оно шло и въ дѣйствительности, постоянно нарушаемое и искажаемое, шло урывками, неправильными скачками, пользуясь минутами, свободными отъ стѣсненія; можетъ быть, даже только такимъ путемъ и произошло положительное возрастаніе и усовершенствованіе мозга, а всѣ вліянія, нарушавшія ходъ этого процесса, только затрудняли мозговое развитіе, дѣлали его неправильнымъ, искривляли, такъ сказать, мозгъ и покрывали его наростами, если только можно такъ выразиться за недостаткомъ болѣе точныхъ представленій и терминовъ. И дѣйствительно, обращаясь опять къ питанію, мы можемъ видѣть, что, если отправленія какого либо органа настолько чрезмѣрны, что возстановленіе его тратъ не можетъ происходить вполнѣ (вслѣдствіе ли недостатка пищи, или вслѣдствіе недостаточности времени для ея усвоенія), то это сопровождается либо прекращеніемъ роста, либо неправильнымъ развитіемъ органовъ и вообще всего организма. Люди и животныя, подвергающіеся въ слишкомъ раннемъ возрастѣ непосильнымъ работамъ, перестаютъ рости. Это—фактъ общеизвѣстный. Отдѣльные органы такихъ несчастныхъ особей нерѣдко пріобрѣтаютъ въ высшей степени уродливыя формы, а зачастую уродуется и весь ихъ организмъ. Почему, при абсолютной невозможности полнаго возстановленія тратъ, становится невозможнымъ возрастаніе и правильное развитіе органа—понятно: нѣтъ матерьяла, нѣтъ возможности для новой постройки, возстановленіе всегда предшествуетъ возростанію. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для полнаго возстановленія чрезмѣрно упражняемаго органа требуется не только избытокъ, но и часть питанія, необходимая для возстановленія другихъ органовъ, должно происходить въ той или иной степени тоже самое; здѣсь только комбинаціи условій могутъ быть нѣсколько сложнѣе: чрезмѣрно упражняемый органъ можетъ не быть въ состояніи возстановлять свои траты потому,

что другіе, тѣсно связанные съ нимъ ȯрганы не могутъ оставаться совсѣмъ безъ возстановленія, въ особенности въ то время, когда сами они усиленнымъ отправленіемъ чрезмѣрно упражняемаго ȯргана вынуждены функціонировать усиленнѣе; или же, если, вслѣдствіе стѣсненія, вслѣдствіе насилія надъ ними, они и будутъ отдавать часть своего питанія чрезмѣрно упражняемому ȯргану, то скоро сами придутъ въ разстройство и въ упадокъ, а это неминуемо отразится и на особенно упражняемомъ ȯрганѣ и т. д. Можно же, наконецъ, понять, что позвоночникъ, легкія, глаза и другіе ȯрганы, страдающіе въ школѣ—вовсе не рудиментарные, вовсе не безполезно-функціонные и даже не второстепенные ȯрганы, искаженіе которыхъ не отражалось бы на дѣятельности и развитіи мозга. Чтȯ собственно происходитъ въ данномъ случаѣ съ мозгомъ, какія претерпѣваетъ онъ измѣненія—сказать съ точностью, разумѣется, нельзя, при настоящихъ нашихъ знаніяхъ: можетъ быть, происходитъ молекулярное или химическое перерожденіе мозговаго вещества, можетъ быть, измѣняется составъ крови, а, можетъ быть, и дѣйствительно происходятъ въ мозгу наросты, отложенія и утолщенія—не тѣ, которые уже извѣстны медицинѣ, а аналогичные съ тѣми, которые происходятъ въ костной и мышечной тканяхъ вслѣдствіе механическихъ поврежденій и внутреннихъ болѣзненныхъ процессовъ, при чемъ, замѣтимъ между прочимъ, механическія поврежденія здѣсь, конечно, нельзя понимать въ смыслѣ вывиховъ и переломовъ, а надо понимать въ смыслѣ поврежденій, происходящихъ вслѣдствіе переполненія кровяныхъ сосудовъ и быстрыхъ перерывовъ питанія. Но, чтȯ бы тамъ ни было, это все равно, когда вредъ очевиденъ и великъ, а причина вреда извѣстна. Примѣровъ, гдѣ чрезмѣрныя умственныя занятія приводили какъ разъ къ противуположнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которые ожидались педагогами, много. Подобно тому, какъ люди, обременяемые въ раннемъ возрастѣ непосильною физическою работою, болѣютъ, перестаютъ развиваться и рости, точно также и дѣти, обременяемыя усиленными умственными занятіями, подвержены не только общимъ, но и спеціально мозговымъ болѣзнямъ (воспаленіе мозговой оболочки, головная водянка и т. п.), а мозгъ ихъ зачастую перестаетъ рости и остается весьма маленькимъ (mikrocéphalie). «Вредъ, который причиняется мозгу ребенка въ періодъ его пребыванія въ школѣ неправильнымъ обращеніемъ какъ со стороны родителей, такъ и со стороны учителей и въ особенности большимъ количествомъ различныхъ одновременно преподаваемыхъ предметовъ, утомляющихъ ребенка, отзывается въ высшей степени пагубно въ его жизни и по

выходѣ изъ школы. Отсюда начало такъ называемымъ нервнымъ раздраженіямъ, душевнымъ болѣзнямъ, самоубійствамъ, умственной и нравственной слабости и прочее. Одновременное занятіе многими предметами только убиваетъ въ ребенкѣ свѣжесть ума, ревность и охоту къ ученію.» [1] Какъ должны были бы поразить насъ эти слова Бока, еслибы мы не были заядлыми спиритуалистами!.. Но мы—заядлые спиритуалисты и не внемлемъ ни голосу науки, ни голосу дѣйствительности и съ безпримѣрною храбростью и самоувѣренностью продолжаемъ наши опыты. Замѣтимъ, между прочимъ, что даже въ самомъ порядкѣ преподаванія у насъ нѣтъ ни чувства мѣры, ни толку: всѣ лекціи (3, 4, 5) у насъ обыкновенно читаются до обѣда съ небольшими перемѣнами, т. е. почти подрядъ. Мы не желаемъ знать, что подобный порядокъ преподаванія совершенно не согласенъ съ процессомъ человѣческой мысли и крайне вредитъ и умственнымъ способностямъ дѣтей, и успѣху самыхъ занятій. Мысль наша обыкновенно дѣйствуетъ вспышками, скачками и притупляется отъ продолжительной работы: оставляя занятія и возвращаясь къ нимъ, перемежая занятія отдыхомъ, прогулкой или сномъ, мы можемъ гораздо легче, больше и лучше работать, чѣмъ сидя за занятіями долго. Обусловливается этотъ процессъ человѣческой мысли тѣмъ же самымъ физіологическимъ процессомъ возстановленія: умственная дѣятельность производитъ въ нервномъ веществѣ измѣненія, за которыми оно теряетъ способность измѣняться, пока продукты разложенія не будутъ удалены кровью и пока ассимиляція пищи не возобновитъ его силъ.—Если занятія очень продолжительны и тяжелы, а для ассимиляціи пищи мало времени, то происходитъ притупленіе умственныхъ способностей (занятія идутъ плохо); а, повторяясь часто, это притупленіе, разумѣется, дѣлается хроническимъ. Да и вообще слѣдуетъ сказать относительно всякой продолжительной и усиленной односторонней дѣятельности, что она крайне вредна и нецѣлесообразна какъ по отношенію къ человѣку, такъ и по отношенію къ работѣ. «Всѣмъ извѣстно, говоритъ Спенсеръ:—что ноги, утомленныя долговременною ходьбою, и руки, долгое время управлявшія веслами, теряютъ свои силы; глаза ослабѣваютъ отъ непрерывнаго чтенія или письма; напряженное вниманіе, не прерываемое отдыхомъ, такъ обезсиливаетъ мозгъ, что дѣлаетъ его неспособнымъ къ мышленію». [2] Чрезмѣрно усиленное отправленіе можетъ производить столь значительныя траты, что

---

[1] Бокъ «О физическ. и умств. развитіи ребенка въ школьномъ возрастѣ», стр. 23.

[2] «Основ. Біологіи», глав. V, стр. 123.

возстановленіе долгое время не въ состояніи бываетъ пополнить ихъ: глаза теряютъ силу на мѣсяцы и годы и иногда даже навсегда; «мозгъ также часто утомляется до такой степени, что и долговременное бездѣйствіе не въ состояніи бываетъ возстановить его силы.» [1] Прослушавъ это изъ устъ самого Спенсера, вотъ вы и представьте себѣ теперь, читатель, такое состояніе, когда умственныя занятія велики, когда въ обыкновенные суточные періоды возстановленіе не происходитъ вполнѣ, а между тѣмъ, завтра человѣка заставляютъ снова чрезмѣрно работать; представьте себѣ цѣлый рядъ такихъ дней, цѣлый сложный рядъ такихъ дѣйствій и воздѣйствій на организмъ! Какъ можетъ опротивѣть при этомъ работа, какое глубокое органическое отвращеніе можетъ почувствовать къ ней человѣкъ! А, съ другой стороны, представьте себѣ какова будетъ работа такого человѣка вообще, производящаяся имъ при такихъ условіяхъ! Не здѣсь ли, главнымъ образомъ, и лежитъ разъясненіе того интереснаго факта, на который мы указали выше, а именно: что большинство молодежи, по выходѣ изъ школы, закрываетъ навѣки всякія книги. Не здѣсь ли точно также находитъ себѣ объясненіе и другой фактъ, фактъ какого-то безсилія, какой-то безталанности нашихъ умственныхъ произведеній? Съ физическимъ работникомъ происходитъ тоже самое въ отношеніи физической его стороны. «Наиболѣе частая причина такъ называемаго паралича отъ истощенія или атрофіи мышцъ, по словамъ Спенсера, заключается въ чрезмѣрности упражненій; доказательствомъ этому служитъ то, что болѣзнь является всего чаще у людей, занимающихся трудными ручными ремеслами, и обыкновенно поражаетъ прежде всего мышцы, болѣе всего напрягавшіяся въ работѣ». [2] Мы забѣжимъ здѣсь нѣсколько впередъ и остановимся нѣсколько подробнѣе на данномъ вопросѣ, пользуясь тѣмъ, что вопросы тѣла болѣе разработаны, чѣмъ вопросы духа, и представляютъ собою болѣе доступный и наглядный разрядъ явленій, а это, опираясь на общіе законы роста и развитія, даетъ возможность сдѣлать нѣкоторое заключеніе, которое, будучи гипотетичнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе будетъ подтверждать общую нашу аргументацію.—Смотря на физическаго работника, мы не видимъ въ немъ, по крайней мѣрѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, ни особенно большихъ мускуловъ, ни силы, которыми поражаетъ насъ гимнастъ, не видимъ въ немъ даже ловкости послѣдняго и той точности

---

[1] «Основ. Біологіи», глав. V, стр. 125.
[2] ibid, стр. 125.

въ работѣ, какую встрѣчаемъ, напримѣръ, у художника, скульптора и гравировщика, занимающаго середину между художникомъ и рабочимъ. Гимнастъ легко побѣдитъ нѣсколько человѣкъ рабочихъ, а заставьте рабочаго, взятаго, положимъ, отъ горна, выковать колесо къ вашимъ карманнымъ часамъ или выгравировать картину, то и подавно увидите, что это для него будетъ очень трудно, даже невозможно. Но, въ тоже самое время, мы видимъ рабочихъ, работающихъ чрезвычайно много на фабрикахъ и привыкшихъ къ нѣкоторымъ довольно точнымъ манипуляціямъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе раздѣленія труда, рабочему приходится производить только одну какую либо работу. Существуетъ даже мнѣніе, и мнѣніе весьма распространенное, что, при такихъ условіяхъ, работа человѣка становится наилучшею и наиболѣе производительною. И въ этомъ мнѣніи, къ сожалѣнію, есть нѣкоторая доля истины, а именно: приспособленіе человѣка къ извѣстной дѣятельности... Слава Богу только, что это — не цѣлая истина, а только часть ея, только нѣкоторая ея доля. Работа, при такихъ условіяхъ, должна быть очень плохою и далеко не наиболѣе производительною. Приспособляясь къ извѣстнымъ манипуляціямъ (положимъ — къ производству булавочныхъ головокъ), работникъ, правда, пріобрѣтаетъ извѣстную ловкость и точность въ работѣ, но упражненіе одной только группы мышцъ мѣшаетъ ему достигнуть той высокой степени развитія этихъ качествъ, какую мы встрѣчаемъ, положимъ, у того же скульптора или художника, мускулы которыхъ навѣрное развиты всестороннѣе и управляются болѣе развитою нервною системою. «Для комбинированныхъ движеній, говоритъ Брюкке:—т. е. тѣхъ, при которыхъ участвуетъ нѣсколько мускуловъ, существуетъ общій законъ, состоящій въ томъ, что, если такое движеніе требуетъ хотя нѣкотораго усилія, то въ немъ принимаютъ участіе не только тѣ мускулы, которые могутъ произвести его, но и всѣ тѣ, которые такъ или иначе могутъ ему содѣйствовать».[1] Ergo, мускулы должны развиваться разносторонне даже для успѣшнаго дѣйствія одной только ихъ группы. Съ другой стороны, слишкомъ продолжительная дѣятельность мышцъ, утомляя и истощая ихъ, также мѣшаетъ имъ развиваться и приводитъ ихъ къ состоянію безсилія. Затѣмъ слѣдуетъ еще сказать относительно самаго процесса продолжительной работы вообще, а именно—что онъ далеко не въ теченіи всего времени идетъ одинаково: вначалѣ работа идетъ успѣшно, а затѣмъ, по мѣрѣ утомленія мышцъ,

---

[1] Брюкке «Учебникъ физіологіи», С.-Петербургъ 1876 г. томъ I, стр. 253.

падаетъ и, за извѣстнымъ предѣломъ ихъ усталости, становится далеко не столь производительною, какою была вначалѣ. Еслибы пользоваться только первою частью работы и затѣмъ смѣнять людей, то, въ общемъ выводѣ, работа выиграла бы какъ въ качествѣ, такъ и въ количествѣ, при чемъ, разумѣется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тѣ смѣны рабочихъ, которыя какъ будто въ этихъ видахъ приняты на фабрикахъ, далеко не достигаютъ цѣли, потому что и періоды работы смѣнъ, и общая сумма часовъ дневнаго труда чрезмѣрно велики для работниковъ. Упадокъ силъ и недостаточное возстановленіе ихъ покоемъ и пищею дѣлаютъ то, что даже и первый періодъ работы идетъ плохо. Наилучшія условія для хорошей работы были бы слѣдующія: когда мускулы хорошо и всесторонне развиты, когда они управляются хорошею нервною системою, когда, затѣмъ, они приспособлены къ извѣстной работѣ (а, при такихъ условіяхъ, приспособленіе дается легко и не потребуетъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ требуетъ теперь) и когда время работы таково, что не переходитъ предѣловъ извѣстной усталости мускуловъ... Объ этомъ не безъинтересномъ предметѣ мы поговоримъ, впрочемъ, впослѣдствіи, и поговоримъ болѣе обстоятельно, а теперь мы и такъ уже довольно далеко уклонились отъ главнаго предмета нашей рѣчи — человѣка интеллектуальнаго. Но, возвращаясь къ человѣку интеллектуальному, мы, однако, не можемъ, прежде всего, не спросить читателя: не является ли у него и изъ разсмотрѣнія процессовъ физическаго труда того же самаго предположенія насчетъ недоброкачественности и непроизводительности умственнаго труда, о чемъ мы говорили выше, т. е. не находится ли въ тѣхъ же самыхъ невыгодныхъ условіяхъ и умственный трудъ? Не вправѣ ли мы будемъ точно также предположить, опираясь на общіе законы органическаго роста и развитія, что, подобно тому, какъ не имѣетъ сильныхъ и ловкихъ мускуловъ физическій работникъ, не имѣетъ сильнаго и глубокаго ума и умственный работникъ? Доказать это съ очевидностью анатомическаго факта, съ точностью математической теоремы, конечно, пока еще нельзя, но есть, какъ мы уже видѣли, достаточно основаній этому. Наконецъ, подобное предположеніе даже не ново; съ нимъ выступаетъ впервые не авторъ настоящей статьи, а были и прежде него люди, и люди болѣе компетентные, чѣмъ онъ, которые думали также: такъ, напримѣръ, нельзя не указать въ этомъ случаѣ на Биша̀, хотя Биша̀ подошелъ къ вопросу и съ совершенно другой стороны. Факты, остановившіе на себѣ вниманіе Биша̀ и послужившіе основаніемъ для его предположенія, настолько

интересны, что нельзя пройдти ихъ молчаніемъ. Имѣя парные и симетричные органы, человѣкъ въ тоже время развиваетъ ихъ далеко неравномѣрно: такъ, напримѣръ, одинъ глазъ видитъ лучше, чѣмъ другой, одна рука сильнѣе другой, одно легкое превышаетъ другое и т. д., даже мозгъ не симетриченъ — одно полушаріе преобладаетъ надъ другимъ. Преобладаніе одной, и обыкновенно правой половины надъ лѣвой, есть, очевидно, слѣдствіе бо̀льшаго упражненія этой половины, которое произошло сначала, можетъ быть, случайно или подъ нѣкоторымъ вліяніемъ внутреннихъ несиметричныхъ органовъ, каковы, напримѣръ, желудокъ, селезенка и печень, а затѣмъ дальнѣйшее упражненіе упрочило выборъ, сдѣлалось обычаемъ, перешло въ школу и стало передаваться потомству [1]. Ребенокъ долженъ держать ложку, перо и мѣлъ въ правой рукѣ; долженъ наклоняться нѣсколько влѣво во время писанія, долженъ здороваться правой рукой и т. п. Останавливаясь на этихъ фактахъ, въ особенности на неравномѣрности органовъ чувствъ, такъ тѣсно связанныхъ съ мозгомъ, и разсуждая, что впечатлѣніе и сознаніе предшествуютъ мышленію, Биша̀ заключилъ, что и мозгъ человѣка неравномѣрно сознаётъ, а, слѣдовательно, и т. д. И въ самомъ дѣлѣ: когда уши передаютъ различно одинъ и тотъ же звукъ, то въ сознаніи получается диссонансъ; когда одинъ глазъ передаетъ впечатлѣніе краснаго цвѣта, а другой желтаго, какъ это бываетъ при нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзняхъ, то зрѣніе смутно; когда одинъ глазъ лучше видитъ на 10 дюймовъ, а другой на 8, то также должно получаться до нѣкоторой степени неясное впечатлѣніе. Отправляясь тѣмъ же путемъ далѣе, неизбѣжно приходишь къ тому, что, если впечатлѣнія передаются мозгу смутныя и если, наконецъ, одна его половина больше другой, то должно быть смутнымъ и сознаніе, а отправленіе неправильнымъ. Тѣ люди, у которыхъ разница глазъ велика, очень часто для того, чтобы лучше разсмотрѣть предметъ, начинаютъ пользоваться болѣе яснымъ впечатлѣніемъ одного глаза, т. е. или закрываютъ одинъ, болѣе слабый глазъ, или же отводятъ его въ сторону (косятъ); но это—еще вопросъ, говоритъ Биша̀, можетъ ли мозгъ закрывать или отводить одну свою половину. А тамъ, гдѣ это трудно, какъ, напримѣръ, въ органахъ вкуса и обонянія, смутныя ощущенія получаются довольно часто. Мнѣніе это сначала надѣлало было переполохъ въ ученомъ мірѣ, но затѣмъ

[1] Наслѣдственность, впрочемъ, здѣсь, вѣроятно, играетъ малую роль; такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по тому, что новорожденный ребенокъ дѣйствуетъ одинаково обѣими руками и изъ него легко сдѣлать лѣвшу, заставляя употреблять лѣвую руку вмѣсто правой.

все скоро успокоилось; въ особенности сильно успокоило слѣдующее обстоятельство: умеръ Биша̀, и, когда товарищи вскрыли его ученый, логически мыслившій черепъ, то увидѣли замѣчательное неравенство полушарій мозга!.. Немедленно же было рѣшено, что Биша̀ собственнымъ своимъ мозгомъ опровергъ свою теорію. Но вопросъ отъ этого не упразднился и не подвинулся впередъ, ибо разсужденіе въ родѣ того, что Эпименидъ, критянинъ, говоритъ, что всѣ критяне лгутъ, а, такъ какъ самъ онъ—критянинъ, слѣдовательно, и онъ лжетъ, а если, онъ лжетъ и т. д., врядъ ли могутъ рѣшать какіе-либо вопросы. Успокоиться, конечно, было пріятно; но выиграла ли отъ этого истина: сравнительная анатомія, находя неравенство симетричныхъ органовъ у некоторыхъ животныхъ, напримѣръ, неравенство легкихъ у нѣкоторыхъ пресмыкающихся и млекопитающихъ, наталкивалась въ то же время и на такіе факты, что у птицъ, гдѣ дыхательная система гораздо больше развита, легкія почти равны между собою; физіологія, указывая на то, что пораженіе одной почки и одной ушной железы усиливаютъ другую почку и другую желѣзу, не доказывала, въ то же время, что происходитъ пораженіе и одной половины мозга и что всякое такое нарушеніе отправленій не нарушаетъ ихъ правильности и т. д. Даже новѣйшіе успѣхи анатоміи и физіологіи мозга не дали еще положительнаго разъясненія вопросу, возбужденному Биша̀. Мы не будемъ, разумѣется, вдаваться въ подробности этого вопроса, потому что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, и завлекло, бы при томъ, въ область слишкомъ спеціальную. Мы указали на выводы Биша̀ только какъ на фактъ, который, хотя и косвеннымъ образомъ, но подтверждаетъ нашу гипотезу насчетъ умственной несостоятельности цивилизованнаго человѣка. Мы почти увѣрены, что мозгъ цивилизованнаго человѣка развитъ неправильно и находится въ болѣзненномъ состояніи, что, если и встрѣчаются личности съ хорошимъ развитіемъ, то это только—рѣдкіе счастливцы, которые проскользнули между зубцами ужасной, оглупляющей машины, зовущейся умственнымъ воспитаніемъ, и которые все-таки несутъ на себѣ слѣды ея объятій — все-таки не представляютъ собою людей цѣльныхъ и правильно развитыхъ. Вообще, человѣку цивилизованному слѣдовало бы гораздо меньше гордиться своимъ интеллектуальнымъ ростомъ, слѣдовало бы поскорѣе отказаться отъ односторонней умственной дѣятельности и обратить какъ можно больше вниманія на физическое развитіе потому, что тогда онъ несомнѣнно выигралъ бы и въ умственномъ отношеніи. Человѣкъ съ плохою грудью, слабыми глазами и больною печенью, конечно, можетъ быть очень талантли-

вымъ и умнымъ человѣкомъ, но можно думать, что онъ былъ бы еще талантливѣе и умнѣе, еслибы имѣлъ хорошую грудь, здоровые глаза и исправную печень. Возраженіе, которое нерѣдко представляютъ противъ этого, а именно, что нѣкоторые великіе люди и ученые не отличались здоровьемъ, были физически слабы и имѣли даже органическіе пороки—слишкомъ слабо. Мы не знаемъ, вопервыхъ, насколько были слабы ихъ физическія силы и каковы были ихъ органическіе пороки, а также и того—когда именно пострадало ихъ здоровье, такъ какъ они могли потерять его уже развившись; вовторыхъ, они могли вырости въ исключительныхъ условіяхъ и быть исключительными личностями; въ-третьихъ, нельзя доказать, что они достигли наивысшей степени своего развитія и не могли бы быть еще выше при хорошемъ здоровьи, и, наконецъ, въ-четвертыхъ—ужь, конечно, не потому и стали они великими людьми, что имѣли дурную организацію и пороки, хотя кого-нибудь хромая нога или дурная физіономія, можетъ быть, и заставили больше учиться, чѣмъ бѣгать на неудачныя любовныя свиданія. Слѣпорожденные и глухонѣмые, конечно, не остаются на всю жизнь въ младенчествѣ, но, во всякомъ случаѣ, это—люди, недоразвившіеся до той высоты, до какой могли бы достигнуть. Слѣпыхъ отъ рожденія и глухонѣмыхъ что-то и не видно на аренѣ духовной дѣятельности. Хотя мы и видимъ, что у слѣпаго усиливается слухъ, а у нѣмаго зрѣніе, хотя мы и знаемъ слѣпыхъ пѣвцовъ и музыкантовъ и глухихъ рисовальщиковъ, но создали ли они хоть одно классическое произведеніе, которое могло бы соперничать съ произведеніями Моцарта, Бетховена, Микель-Анджело и другихъ великихъ творцовъ искуства? Можно даже утверждать, что они и не могутъ никогда создать великаго произведенія (опять-таки при условіи, если они не лишились органа уже въ зрѣломъ возрастѣ), потому что они не получаютъ изъ внѣшняго міра такихъ сильныхъ и полныхъ впечатлѣній, какія получаетъ человѣкъ, владѣющій всѣми органами чувствъ. Надо помнить, что органы чувствъ взаимно дополняютъ дургъ друга: обоняніе дополняетъ вкусъ, зрѣніе — слухъ, осязаніе — зрѣніе и т. п., и, главное, что развитіе мозга тѣсно связано съ развитіемъ органовъ чувствъ.

Укажемъ еще на одинъ чрезвычайно интересный фактъ самаго близкаго соотношенія между мозгомъ и мускулами.

Фактъ этотъ сообщается Е. Геккелемъ въ его «Generelle Morphologie der Organismen» по поводу связи между волею и питаніемъ и состоитъ въ слѣдующемъ: Геккель сталъ упражнять мускулы своихъ рукъ и могъ на себѣ прослѣдить вліяніе ихъ

развитія на духовныя способности. «Объемъ мускула моей руки, говоритъ онъ, совершенно неразвитаго, въ теченіе полутора года увеличился почти вдвое. Такой необыкновенный ростъ мускуловъ и происходившее въ связи съ нимъ упражненіе воли (Willens-vorstellung) дѣйствовали обратно.съ бо́льшею силою на остальныя отправленія моего мозга, и въ особенности на мыслительную способность. Имъ бо́льшею частью я обязанъ (разумѣется, дѣйствовали и другія причины), что господствовавшія въ моемъ мозгу дуалистическія и теологическія заблужденія начали уступать мѣсто монистическому міровоззрѣнію и причиннымъ представленіямъ и, наконецъ, должны были совершенно очистить поле сраженія». Кто знаетъ: можетъ быть, и дуализмъ совершеннаго человѣка, разладъ между его словомъ и дѣломъ, несправедливость и экономическія безобразія, даже упадокъ нравственности и духовныхъ идеаловъ заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ изнѣженности тѣла и въ отсутствіи физической дѣятельности? Физическій трудъ, введенный въ нѣкоторыхъ душевныхъ больницахъ для излеченія сумасшедшихъ, оказалъ блистательные результаты и сдѣлался спутникомъ психіатріи. Ньютонъ, Уаттъ, Стефенсонъ, Смитонъ, Брумъ, Пиль, Грэмъ, Пальмерстонъ, Борнсъ, А. Клеркъ, Вальтеръ-Скоттъ, Барроу и многіе другіе замѣчательные люди Англіи дѣятельно занимались физическими упражненіями. Воспитаніе должно развивать всего человѣка, не давая преобладанія и не подавляя какой-либо стороны его существа, говоритъ С. Смайльсъ. «Если вы станете, продолжаетъ этотъ писатель, такъ много наблюдавшій внутренній міръ человѣка: — развивать только физическую сторону человѣка, то получите атлета или дикаря; если обратите вниманіе исключительно на нравственную силу, то воспитаете идеалиста, а если усилите развитіе однихъ умственныхъ способностей, то получите больнаго чудака или сумасшедшаго». Всѣ эти послѣдствія, ярко выражающіяся въ крайнихъ членахъ односторонняго дѣйствія на природу человѣка, разумѣется, мало замѣтны въ среднихъ членахъ; но можно же по крайнимъ членамъ выводить среднія величины и составлять о нихъ себѣ понятіе. Если мало у насъ окончательно сумасшедшихъ и больныхъ чудаковъ, зато много болѣе или менѣе чудаковъ, болѣе или менѣе сумасшедшихъ и еще того больше болѣе или менѣе дураковъ». Но мы, какъ я уже говорилъ не разъ, не обращаемъ ни малѣйшаго вниманія на то, что̀ дѣлается: не ведемъ школьной статистики, игнорируемъ школьныя болѣзни и не доискиваемся ихъ причинъ, не обращаемъ вниманія на число ежегодно исключаемыхъ изъ учебныхъ заведеній и т. д. Конечно, «дитя не

плачетъ — мать не разумѣетъ», но какъ дитя будетъ плакать о томъ, что оно тупѣетъ, что таланты его гибнутъ, что тѣло его слабѣетъ? Попробовалъ бы какой нибудь питомецъ подойти къ своему воспитателю и сказать: «я чувствую, что я глупѣю отъ вашихъ занятій», или — «я чувствую, что становлюсь идеалистомъ!» Чтò бы ему сказалъ на это педагогъ?! Наконецъ, ребенокъ самъ не замѣчаетъ того, что онъ тупѣетъ: ослабленіе памяти, мысли и вообще духовной жизни не сопряжено съ страданіями; слабость мускуловъ также не чувствительна и не составляетъ страданія. Все это становится замѣтнымъ только тогда, когда разрѣшается какою нибудь болѣзнью и когда ребенокъ поступаетъ въ больницу. А къ другому плачу дѣтей, въ видѣ жалобъ на экзамены, въ видѣ блѣдности ихъ лицъ и проч., мы не прислушиваемся. Въ томъ то и горе, что дитя наше сильно плачетъ, а мы—мать—не разумѣемъ. Слышать этотъ плачъ только умы наиболѣе чуткіе, и потому-то они и возстаютъ противъ чрезмѣрныхъ и одностороннихъ умственныхъ занятій. «Изъ нашихъ цивилизованныхъ женщинъ, говорилъ давно уже Зальцманъ:—множество истеричныхъ, изъ ученыхъ $^2/_3$—ипохондрики, а $^5/_6$, благодаря испорченному зрѣнію, не въ состояніи видѣть всѣхъ красотъ, находящихся въ мірѣ». «Обращая бòльшее вниманіе на законы здоровья, высказываетъ г. Спенсеръ по поводу необходимости физическаго воспитанія:—мы, кажется, слабѣе нашихъ предковъ, которые во многихъ отношеніяхъ дѣйствовали вопреки законамъ здоровья; а, судя по внѣшности и частнымъ болѣзнямъ возрастающихъ поколѣній, они, повидимому, будутъ еще менѣе крѣпки, чѣмъ мы». И главную причину этого явленія Спенсеръ видитъ «въ чрезмѣрной умственной дѣятельности». Диттесъ доказываетъ въ своемъ «Grundriss der Erziehungs- und Unterrichtslehre», что «нынѣшнее поколѣніе изуродуется физически и нравственно программой воспитанія, обращающей преимущественное вниманіе на то, чтобы было какъ можно больше предметовъ и часовъ ежедневныхъ занятій». Противъ обширности программъ французскаго классическаго образованія чуть ли не ежедневно возбуждаются протесты. Лучшіе врачи считаютъ положительною необходимостью ограничить для дѣтей время умственныхъ занятій: Гейеръ считаетъ крайне вреднымъ, если дѣти отъ 7 до 9 лѣтъ будутъ заниматься болѣе 2 часовъ въ день, отъ 9 до 12 лѣтъ болѣе 3 часовъ, отъ 12 до 15 лѣтъ болѣе 3 часовъ передъ обѣдомъ и 2 послѣ обѣда; Шреберъ идетъ еще дальше и запрещаетъ дѣтямъ до 10 лѣтъ заниматься болѣе 2 час. въ сутки, а съ 10 лѣтъ болѣе 3 час., причемъ между уроками долженъ быть антрактъ, по крайней мѣрѣ, въ

$^1/_2$ часа; Бокъ для дѣтей до 8 лѣтъ «цѣлый часъ умственный работы» находитъ «утомительнымъ; для нихъ достаточно $^1/_2$ часа такой работы» и т. д. Многіе врачи, какъ мы уже говорили, приписываютъ увеличившееся число самоубійствъ и душевно больныхъ вліянію одностороннихъ умственныхъ занятій; а нѣкоторые писатели даже говорятъ о вырожденіи человѣческаго рода подъ вліяніемъ школъ. Кажется, въ виду такихъ фактовъ можно усомниться въ пользѣ спиритуалистическихъ опытовъ надъ дѣтьми, которые производятся педагогами. Кажется, можно отнестись къ этимъ опытамъ съ недовѣріемъ, когда они не только не достигаютъ цѣли—получить наиболѣе интеллектуальнаго человѣка, но приводятъ какъ разъ къ противуположнымъ результатамъ и портятъ жизнь цѣлымъ поколѣніямъ. Да и вообще слѣдуетъ сказать, что въ воспитаніи слѣдуетъ быть осторожнѣе: сегодня педагоги производятъ одни опыты, а завтра могутъ вообразить, что для усовершенствованія человѣческаго организма необходимо, чтобы человѣкъ леталъ по воздуху и плавалъ въ водѣ, и начнутъ развивать у дѣтей крылья и жабры, пуская ихъ летать съ колоколень и погружая въ глубину морскую для плаванія. Надо, по крайней мѣрѣ, сообразоваться съ знаніемъ и не ставить его ниже своихъ фантазій.

Полагаемъ, что всѣхъ вышеизложенныхъ доводовъ будетъ достаточно, чтобы понять всю важность физическаго развитія и обратить на него вниманіе въ нашихъ школахъ. Самымъ лучшимъ средствомъ для этого будетъ — физическій трудъ. Гимнастика, какъ мы сказали нѣсколько выше, не имѣетъ никакой связи съ жизнью и не приноситъ плодовъ. Въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ введена она въ нашихъ школахъ, она—недостаточна, а заставлять дѣтей по нѣскольку часовъ въ день махать руками, вертѣть головой и лазить по лѣстницамъ было бы непростительно. Такія упражненія положительно не соотвѣтствуютъ потребностямъ дѣтскаго возраста и, кромѣ того, крайне безсмысленны, также безсмысленны, какъ переливаніе воды изъ одной бочки въ другую или верченіе одного пальца вокругъ другого. Вертѣть головой и махать руками можно только по приказанію, и ученики чувствуютъ очень мало склонности къ такъ-называемымъ вольнымъ движеніямъ, что̀ знаютъ, надѣемся, всѣ учителя гимнастики. Все это, говоримъ мы, чрезвычайно вредно въ педагогическомъ отношеніи: все это утомляетъ ребенка, наводитъ на него скуку, заставляетъ небрежно относиться къ дѣлу и пріучаетъ къ механичности, къ совершенно безсознательнымъ дѣйствіямъ. Кромѣ того, гимнастика, по самому существу ея за-

нятій, не можетъ быть продолжительной, такъ какъ требуетъ (въ особенности, гимнастика на снарядахъ) слишкомъ большаго напряженія мускуловъ и можетъ, въ такомъ случаѣ, принести скорѣе дѣтямъ вредъ, чѣмъ пользу. Д-ръ Бокъ, въ своей книгѣ «О здоровомъ и больномъ человѣкѣ», совѣтуетъ заниматься гимнастикою съ крайнею осторожностью и предупреждаетъ насчетъ вреда, который могутъ принести неправильно расположенныя и не въ мѣру употребляемыя гимнастическія упражненія. Изъ этихъ вредныхъ послѣдствій достаточно указать слѣдующія: слабость или паралличное состояніе, какъ слѣдствіе непомѣрныхъ усилій; ненормальное питаніе ѳрлановъ движенія, въ ущербъ другимъ ѳрганамъ и дѣятельности мозга, чрезмѣрное уничтоженіе крови, а отсюда малокровіе и блѣдность; усиленное біеніе сердца, вслѣдствіе слишкомъ частаго и сильнаго возбужденія; аневризмъ; ненормальное увеличеніе легкихъ отъ чрезмѣрной дѣятельности и тѣлесное безобразіе, вслѣдствіе неравномѣрнаго развитія отдѣльныхъ частей тѣла. Танцовщицы съ громадно-развитыми ногами и узенькою грудью и гимнасты съ саженными плечами и жиденькими ножками представляютъ собою не одно только некрасивое зрѣлище по внѣшности, но и внутреннее, болѣзненное уродство. Между тѣмъ, предотвратить увлеченіе на гимнастикѣ, при развитіи одной какой-либо части тѣла, почти невозможно. Съ одной стороны, для того, чтобы регулировать упражненія и правильно развивать ребенка, нужны образованные гимнасты, знающіе физіологію тѣла и анатомическое строеніе человѣка, а, съ другой стороны, пришлось бы втиснуть дѣтей въ такія колодки, которыя врядъ ли даже были бы оправданы нашими педагогами, втиснувшими ихъ въ нравственныя колодки. Кромѣ того, гимнастическія занятія почти всегда сопровождаются несчастными случаями. Хотя статистическихъ данныхъ по этому поводу и нѣтъ еще, но число страдающихъ велико: такъ, напримѣръ, профессоръ Лесгафтъ, осматривавшій въ прошломъ году гимнастику въ Лейпцигѣ, говоритъ, что тамъ ежегодно бываетъ 7% однихъ только крупныхъ повреждений, въ родѣ перелома рукъ, ногъ и т. п. Затѣмъ гимнастика можетъ принести и еще одинъ вредъ, а именно: развитіе физической силы, за неимѣніемъ выхода, обыкновенно прорывается въ кулачный бой, въ драку, въ соперничество, въ военныя стремленія и т. д. Гимнастическія игры имѣютъ тѣ же самыя послѣдствія: кулачные поединки и многоборство въ Греціи извѣстны каждому; въ англійскихъ школахъ также процвѣтаетъ боксъ, и кулачная расправа сильнѣйшихъ съ слабѣйшими дохо-

дитъ до возмутительной тираніи [1]. Вообще, избытокъ физической силы, не находя себѣ правильнаго приложенія, принимаетъ грубую форму. Физическій же трудъ, давая правильный исходъ силѣ, въ то же время не заключаетъ въ себѣ всѣхъ тѣхъ недостатковъ гимнастики, на которые мы указали выше. Онъ не требуетъ такого сильнаго напряженія мускуловъ, какого требуетъ гимнастика, и развиваетъ ихъ постепенно. Онъ не дѣлаетъ изъ человѣка силача и атлета, который можетъ показать какую-нибудь любопытную штуку на брусьяхъ, а дѣлаетъ изъ него здороваго человѣка, способнаго къ труду. Силачъ и атлетъ, по большей части, оказываются плохими работниками. Вѣроятно, происходитъ это вслѣдствіе того, что мускулы ихъ выработаны такъ, что могутъ отдѣлять много силы разомъ, послѣ чего ослабѣваютъ и не могутъ отдѣлять ее постепенно, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Привычка, конечно, приспособляетъ ихъ къ работѣ, но можно предполагать, что въ самомъ строеніи мышцъ гимнаста есть какая-то особенность отъ мышцъ работника. Можетъ быть, дальнѣйшіе успѣхи физіологіи и обнаружатъ это. Если же такой глубокой разницы нѣтъ, то можно думать, что гимнастика, которая рѣдко ведется раціонально, развиваетъ не всѣ, а только нѣкоторые, главные мускулы. Подобное предположеніе также весьма вѣроятно. Гимнастика переняла у труда всевозможные роды движенія, но все-таки

---

[1] Въ англійскихъ школахъ выработался даже цѣлый кодексъ наказаній для младшихъ учениковъ, состоящихъ fag'ами у старшихъ, въ чемъ, впрочемъ, не мало виновата и самая система мониторства, дозволяющая наказывать младшихъ учениковъ. Деможо и Монтуччи описываютъ слѣдующія изъ этихъ наказаній, составляющихъ грязное пятно на англійской цивилизаціи и нравахъ: 1) пощечины (buck-horsing) состоятъ въ томъ, что виновный долженъ вытянуть руки по швамъ и подставить лицо подъ дюжину ударовъ, поперемѣнно систематически даваемыхъ ему съ правой и съ лѣвой стороны. 2) Битье палкою (canning) состоитъ въ слѣдующемъ: мальчикъ долженъ согнуться такъ, чтобы, не сгибая колѣнъ, дотрогиваться до ногъ, а старшій бьетъ его въ это время палкою по спинѣ. «Наказываемый шатается, колѣни его подгибаются, но его приводятъ снова въ требуемое положеніе и продолжаютъ бить, если находятъ нужнымъ». 3) Удары по рукѣ и дубленье (tanning)—простое и сложное, изъ которыхъ простое дубленье состоитъ въ ударахъ лаптою по икрамъ, которые иногда бываютъ такъ сильны, что «сдирается кожа и выступаетъ кровь», а сложное дубленье, кончающееся нерѣдко увѣчьями, заключается въ томъ, что мальчикъ высоко поднимаетъ одну ногу и кладетъ ее на столъ, а старшій, съ разбѣга, ударяетъ его ногою по выставленной ногѣ. И это повторяется нѣсколько разъ. (Деможо и Монтуччи. Глава IX, стр. 58—59). Вообще, въ англійскихъ школахъ, отражающихъ въ себѣ принципы аристократическаго самоуправленія этой страны, по словамъ авторовъ цитируемаго нами сочиненія, «новички стоятъ въ основаніи пирамиды (такъ полюбившейся нашему соотечественнику—г. Стронину) и выносятъ на себѣ всю ея тяжесть».

вполнѣ замѣнить собою трудъ не можетъ какъ въ силу практическихъ затрудненій, такъ и по причинѣ своихъ специфическихъ свойствъ. Наиболѣе односторонняя, и потому наихудшая, военная гимнастика отличаетъ человѣка, занимавшагося ею, угловатостью формъ и движеній и въ бо́льшинствѣ случаевъ дѣлаетъ солдата неспособнымъ къ труду, хотя нѣкоторые нѣмецкіе ученые, въ угоду эпохѣ, недавно и доказывали обратное. Отставные солдаты — лучшее доказательство этому. Мы должны еще сказать, что силачи и атлеты обыкновенно представляютъ собою людей крайне ограниченныхъ умственно, чего нельзя сказать про работниковъ, хотя чрезмѣрный и продолжительный трудъ, въ концѣ-концовъ, и дѣлаетъ тоже самое, т. е. притупляетъ ихъ умственныя способности. Говоря это, мы подчеркиваемъ слова, что это производитъ только чрезмѣрный и продолжительный трудъ, который, кромѣ того, изнуряетъ еще и самое тѣло и составляетъ для человѣка въ высшей степени мучительное страданіе. Какъ физическій, такъ и умственный трудъ, могутъ сдѣлаться для человѣка наслажденіемъ, поддерживая своимъ взаимодѣйствіемъ его организмъ въ наилучшихъ условіяхъ для существованія и дальнѣйшаго совершенствованія. Таковыми они и должны быть при болѣе цѣлесообразномъ и равномѣрномъ распредѣленіи ихъ между людьми. И школа, прежде всего и больше всего, должна подумать о возстановленіи нарушеннаго равновѣсія. Нерѣдко можно слышать мнѣніе, что физическій и умственный трудъ антагоничны, взаимно исключаютъ другъ друга, но это несправедливо. Это мнѣніе выведено эмпирически изъ условій настоящаго труда: разумѣется, человѣкъ, работающій 15—16 часовъ въ сутки, будетъ не въ состояніи заниматься еще умственно; тоже самое будетъ и съ человѣкомъ, занимавшемся 15—16 часовъ умственно; онъ не только не будетъ способенъ на физическій, но и на умственный трудъ. Вообще, здѣсь происходитъ то, что человѣкъ утомляется отъ продолжительныхъ занятій и становится неспособнымъ къ какой бы то ни было дальнѣйшей дѣятельности. Но совсѣмъ не то будетъ при другихъ условіяхъ труда. Между физическимъ и умственнымъ трудомъ есть, безъ всякаго сомнѣнія, такое наивыгодное соотношеніе, при которомъ они не только не будутъ взаимно исключать другъ друга, но, съ одной стороны, физическій трудъ будетъ содѣйствовать умственному совершенству человѣка и бо́льшей продуктивности и доброкачественности умственнаго труда, а, съ другой стороны—умственный трудъ будетъ оказывать совершенно такое же вліяніе на физическій трудъ. Такое состояніе человѣка есть наиболѣе пра-

вильное, и при немъ онъ будетъ чувствовать себя наилучшимъ образомъ.

Физическій трудъ можетъ вполнѣ замѣнить школьную гимнастику. Занятій для дѣтей можно найдти множество—дѣти очень любятъ работать, въ особенности помогая старшимъ и когда видятъ въ работѣ цѣль; мы сами отъучаемъ ихъ отъ работы, не желая, чтобы они ходили перепачканными, занозили себѣ руку и т. п. Одни ремесла представляютъ собою цѣлую серію такихъ занятій. Педагоги признаютъ ремесла, но только въ принципѣ (какое это великолѣпное слово для всякихъ обходовъ!) а на практикѣ, за исключеніемъ выпиливанія разныхъ пустяковъ, находятъ ихъ вредными, такъ какъ они яко бы односторонне развиваютъ мускулы человѣка и сопряжены съ различными болѣзнями. Одно какое-нибудь ремесло, дѣйствительно, можетъ односторонне развивать мускулы человѣка, но ремеслъ такъ много, ремесла такъ разнообразны и расположить ихъ всегда можно въ такой цѣлесообразной постепенности, что развитіе можетъ происходить самымъ разносторроннимъ образомъ. Всего скорѣе одностороння та мысль, которая диктуетъ подобное возраженіе. Что̀ же касается болѣзней, то, конечно, если мастерскія будутъ устроены плохо, если работами не будетъ руководить знающій человѣкъ, то болѣзни будутъ происходить; но если мастерскія будутъ устроены хорошо и руководить дѣломъ будутъ люди толковые, то откуда же, скажите пожалуйста, можетъ произойдти напасть? Ищите вреда каждой школьной мастерской, прежде всего, въ неумѣньи раціонально ее устроить и вести работы. Наконецъ, еслибы отъ несоблюденія всѣхъ необходимыхъ условій даже и происходилъ какой-нибудь вредъ, то врядъ ли онъ былъ бы больше того вреда, какой мы нынѣ встрѣчаемъ въ нашихъ школахъ. Наконецъ, есть занятія, которыя и всесторонне развиваютъ мускулы человѣка и производятся на чистомъ воздухѣ; таковы, напримѣръ: садоводство, огородничество, земледѣліе и т. п. Неужели школа не можетъ устроить у себя практическаго поля или огорода для работъ? Еслибы земледѣліе, въ связи съ практическими работами, было введено во всѣхъ нашихъ гимназіяхъ взамѣнъ нѣкоторыхъ изъ читаемыхъ тамъ предметовъ, то кромѣ пользы отъ этого ничего не могло бы произойдти, такъ какъ, вмѣстѣ съ физическимъ развитіемъ, гимназисты получали бы и сельско-хозяйственныя знанія, въ которыхъ мы такъ сильно нуждаемся. Можетъ быть, до̀рого будетъ стоить заводить мастерскія и поля для работъ? Ни въ какомъ случаѣ не дороже того, что̀ мы платимъ теперь нашимъ педагогамъ за искривленіе позвоночниковъ и близорукость нашихъ дѣтей. Кто хотѣлъ что-либо сдѣ-

лать въ этомъ смыслѣ—тотъ дѣлалъ, а, сдѣлавъ, не раскаявался. Вотъ что̀, напримѣръ, говоритъ г. Крэйгъ, воспитатель въ школѣ ралагайнской земледѣльческой ассоціаціи, въ Ирландіи, гдѣ былъ введенъ земледѣльческій трудъ и гдѣ дѣти рабочихъ сдѣлали очень большіе научные успѣхи: «Я нахожу, что самый дѣйствительный дѣятель въ воспитаніи нравственныхъ привычекъ молодыхъ людей есть физическій трудъ, перемежающійся съ умственнымъ упражненіемъ. Обыкновенно, школьное время я раздѣлялъ: полтора часа на умственное занятіе и полтора часа на воздѣлываніе земли. Если погода не благопріятствовала садовымъ и полевымъ занятіямъ, упражненіе переводилось въ мастерскую. Эта система основана для того, чтобъ быть отлично примѣнимой для возбужденія спеціальныхъ способностей учениковъ. Я нашолъ также—и это было подтверждено другими — что время, которое дѣти могутъ охотно и успѣшно посвящать полезному вниманію къ урокамъ, хорошо распредѣлить по слѣдующей таблицѣ: отъ 5-ти до 7-ми лѣтъ—15 минутъ, отъ 7-ми до 10-ти лѣтъ—20 м., отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ—25 м. и отъ 15-ти до 16-ти лѣтъ — 30 минутъ. Чередованія уроковъ съ работой, сверхъ того, очень благопріятны для здоровья, такъ же, какъ и для нравственнаго расположенія юношей, пріучаемыхъ къ ремесленнымъ упражненіямъ. Успѣхъ Ealing Grave .Shool указалъ путь и, въ дѣйствительности, велъ къ практическимъ методамъ воспитанія, которые теперь употребляютъ въ реформаторскихъ школахъ. Не только необходимо упражнять интеллектуальныя силы молодыхъ людей, но желательно, чтобъ каждому юношѣ предоставлялся случай выказать свои спеціальныя способности прежде, чѣмъ онъ остановится на какомъ-нибудь спеціальномъ занятіи, ремеслѣ или профессіи. Хорошій лингвистъ можетъ сдѣлаться дурнымъ лекаремъ, а искусный механикъ — несчастнымъ чертежникомъ. Въ обыкновенныхъ школахъ обыкновенно происходитъ большая и серьёзная потеря умственной силы, вслѣдствіе до сихъ поръ высказываемаго равнодушія къ главнымъ и спеціальнымъ способностямъ юношества» [1]. Въ Америкѣ, странѣ нѣсколько болѣе просвѣщенной, чѣмъ мы, и гдѣ добываніе средствъ къ существованію помощью молотка, пилы или струга не считается унизительнымъ, физическій трудъ давно уже введенъ даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, въ знаменитомъ итакскомъ, или, что̀ тоже, корнэлевскомъ университетѣ устроены различныя мастерскія, въ которыхъ работаютъ студенты съ цѣлью сохранить и

---

[1] «Исторія Ралагайнской кооперативной земледѣльческой ассоціаціи» Вильямъ Пэръ.

укрѣпить здоровье и заработать себѣ денегъ на жизнъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Гиппо [1]: «Предчувствуя близость революціи, Ж. Ж. Руссо желалъ, чтобы его молодой человѣкъ выучился столярному ремеслу, дабы не быть застигнутымъ въ расплохъ среди общаго переворота соціальныхъ условій. Но это было только крайнимъ средствомъ и, во всякомъ случаѣ, исключительнымъ. Причины, на которыхъ основывается въ Соединенныхъ Штатахъ уваженіе къ труду, гораздо проще: тамъ трудъ былъ и еще долго будетъ высшею необходимостью и даже закономъ жизни. Молодые люди, изучающіе въ итакскомъ университетѣ высшую математику, философію или исторію, нисколько не краснѣютъ проводить нѣсколько часовъ въ мастерскихъ, чтобы честно заработать въ нихъ необходимыя деньги для пріобрѣтенія того знанія, которое впослѣдствіи приведетъ ихъ, можетъ быть, къ самымъ высшимъ должностямъ государства. Пятая часть студентовъ воспользовалась, въ 1868 году, результатами своего труда. За исполненныя ими работы университетъ заплатилъ 15,000 фр., и профессора могли замѣтить, что тѣ, которые такимъ образомъ отдавались физическому труду, наравнѣ съ другими пользовались лекціями, читаемыми во всѣхъ классахъ. Три часа ручнаго труда нисколько не повредили умственному труду». Но не въ одномъ итакскомъ университетѣ введены такія работы, а и въ пенсильванской земледѣльческой коллегіи, въ кентукскомъ университетѣ, въ ленсингской земледѣльческой коллегіи, въ штатѣ Мичигэнъ, и во многихъ другихъ школахъ. Въ кентукскомъ университетѣ физическій трудъ введенъ даже обязательно: всѣ студенты должны работать 2 часа въ сутки на фермѣ подъ надзоромъ смотрителя земель и садовъ; а тѣ, которые хотятъ заработывать средства къ существованію, работаютъ 4 часа и получаютъ за каждый часъ отъ 20-ти до 50-ти сантимовъ. Польза такихъ работъ въ особенности очевидна въ техническихъ и земледѣльческихъ школахъ: профессора единодушно утверждаютъ, что студенты изучаютъ предметы гораздо лучше, пріобрѣтаютъ любовь къ дѣлу и выходятъ съ полными теоретическими и практическими свѣдѣніями. Но, кромѣ этого, студенты выносятъ изъ коллегій еще хорошее здоровье и руки, привыкшія къ труду.

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ, какого рода могли бы быть послѣдствія отъ введенія въ школы физическаго труда.

---

[1] Гиппо «Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ».

СТИХОТВОРЕНІЯ ДРАНМОРА[1].

I.

О, что̀ за время! Ка̀къ все странно, смутно въ немъ!
Такъ скупо радостью и свѣтомъ надѣляя,
Оно, однакоже, идетъ своимъ путемъ,
Безостановочно, усталости не зная,
Въ ту сторону, гдѣ солнечный восходъ...
Да̀, все впередъ, впередъ, впередъ
Спѣшитъ загадочное время,

[1] Помѣстивъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» нѣсколько стихотвореній изъ Дранмора, въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго, и печатая еще нѣсколько произведеній того же писателя въ переводахъ гг. Михаловскаго и Вейнберга, редакція считаетъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Дранморъ (псевдонимъ), родомъ швейцарецъ, живущій въ Южной Америкѣ и пишущій на нѣмецкомъ языкѣ, пріобрѣлъ извѣстность въ нѣмецкой литературѣ съ 1861 г., когда онъ издалъ сборникъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Поэтическіе отрывки» (Poetische Fragmente). Этотъ сборникъ былъ принятъ нѣмецкою критикою съ большимъ сочувствіемъ и сразу поставилъ Дранмора въ ряду замѣчательныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Мастерской стихъ, проникающій всѣ эти произведенія элегическій тонъ, полный искренности и задушевности и чуждый всякой сантиментальности, философское настроеніе, соединенное съ поэтическимъ творчествомъ, оригинальность взглядовъ и пріемовъ, съ которыми Дранморъ трактуетъ о тэмахъ, повидимому, исчерпанныхъ поэтами всѣхъ временъ и народовъ,—всѣ эти качества не могли не обратить вниманія на него, какъ на поэта, въ произведеніяхъ котораго слышится вѣяніе какого-то новаго духа. Одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ выразился о нихъ такимъ образомъ: «Только двѣ породы людей подвергнутъ ихъ непримиримому преслѣдованію: это — ханжи и цехъ посредственныхъ поэтовъ по ремеслу. И тѣмъ, и другимъ мы скажемъ, вмѣстѣ съ Гервегомъ: посторонитесь, господа; дайте просторъ паренію свободной души». Другой критикъ сказалъ, что Дранморъ глубиною духа и мыслей возвышается какъ великанъ надъ нашими (нѣмецкими) дюжинными лириками». Перлами «поэтическихъ отрывковъ» нѣмецкая критика признала стихотворенія подъ слѣдующими заглавіями: «Хижина рыбака», «Листокъ изъ временъ юности», «Perditta», «Возвращеніе на родину», «Febre amarella» и «Ночная вахта». Это послѣднее стихотвореніе исполнено высокаго лиризма и проникнуто величественнымъ

Съ вѣсами и съ мечемъ. И, видя это, мы
 Несемъ бодрѣй и легче бремя
Испуга и стыда, давящее умы,
Гнетущее сердца въ тѣ горькія мгновенья,
Когда передъ врагомъ они съ полей сраженья,
Разбитыя, бѣгутъ...
 Богатство мудреца —
Такая мелкая, ничтожная монета!
Удѣлъ мыслителя — глумленіе глупца,

міросозерцаніемъ. Поэтъ бодрствуетъ на палубѣ корабля, бросившаго якорь у острова св. Елены. Тишина звѣздной тропической ночи, видъ утеса, бывшаго могилой знаменитаго изгнанника, внушаютъ ему цѣлую массу впечатлѣній, чувствованій и думъ. Все это изливается съ какою-то порывистою страстностью въ стихахъ, въ которыхъ слышится и вдохновенный гимнъ свободѣ, всеобщему миру, прогрессу и знанію, и горькая иронія надъ кровавою славою завоевателей, и хватающая за сердце грусть тамъ, гдѣ поэтъ касается своего внутренняго міра, своего одиночества и своихъ неудовлетворенныхъ стремленій.

Еще болѣе впечатлѣнія произвелъ другой сборникъ стихотвореній Дранмора, появившійся въ 1867 году, подъ названіемъ «Requiem», съ эпиграфомъ: «Ueber den Tod soll man weder lachen noch weinen», т. е. смерть не должна возбуждать ни смѣха, ни слезъ» (старинное изрѣченіе). Въ этомъ сборникѣ, прежде всего, поражаетъ оригинальность тэмы. Тэма эта — апоѳеоза смерти, смерти самой въ себѣ, какъ предѣла всякихъ страданій, какъ единственнаго и лучшаго утѣшенія для человѣчества, какъ сна, не возмущаемаго никакими грезами, какъ властительницы міра, какъ разрушительницы, создающей новую жизнь. По выраженію самого поэта, реквіемъ есть «заупокойная месса, въ которую преобразилось, мало по малу, все, къ чему онъ стремился, чего надѣялся, что̀ пріобрѣлъ, будучи переработано въ горнилѣ его думъ, въ сокровеннѣйшей глубинѣ его существованія». Дѣйствительно, въ Дранморѣ мы видимъ—какъ грустный оттѣнокъ, замѣтный съ самыхъ раннихъ его стихотвореній, переходитъ все въ болѣе и болѣе мрачный колоритъ; какъ его рефлексія становится все глубже, лиризмъ—серьёзнѣе, пока все вынесенное имъ изъ жизненнаго опыта и размышленій не выразилось въ его реквіемѣ. Во вступительномъ стихотвореніи къ этому сборнику, поэтъ, обращаясь къ смерти, говоритъ, что онъ желаетъ быть ея пѣвцомъ и пророкомъ, чтобы увѣнчать ее розами. Нельзя сказать, чтобы это «увѣнчаніе розами» удалось поэту вполнѣ. Несмотря на прославленіе смерти, которую онъ «издавна лелѣетъ въ груди своей, какъ задушевный образъ, озаренный звѣзднымъ сіяніемъ, и которая наполняетъ его сердце такимъ сладостнымъ утѣшеніемъ», Дранморъ называетъ ее въ другомъ мѣстѣ «незаслуженнымъ жребіемъ»: возмущается тѣмъ, что послѣ тысячи бурь, опасностей, битвъ со стихіями, человѣкъ исчезаетъ безслѣдно въ глубинѣ океана; онъ приходитъ въ ужасъ отъ мысли, что тѣло человѣка, «это зерно, такъ медленно возростающее, должно медленно истлѣть въ могилѣ». Словомъ, и въ реквіемѣ, по временамъ, звучитъ то же отчаяніе, которое въ стихотвореніи, принадлежащемъ къ «Поэтическимъ отрывкамъ» (переведенномъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ заглавіемъ «Дума») заставило Дранмора воскликнуть:

Къ чему-жъ борьба, наука, вдохновенье,
Когда нашъ вѣкъ одну минуту длится?

Проклятіе толпы, теперь, когда для свѣта
Владыкою верховнымъ сталъ Маммонъ...
Несчастный праведникъ! Что можетъ сдѣлать онъ,
Чье сердце откликъ дастъ на всѣ его мученья
Теперь, въ дни общаго броженья,
Когда на площадяхъ, на улицахъ, въ домахъ,
Предъ золотымъ тельцомъ все падаетъ во прахъ;
Когда вездѣ гнѣздо свиваетъ
Неумолимый демонъ тотъ,

Все это — лишь желаніе забыться,
Поспѣшный бѣгъ предъ словомъ: «истребленье»!

И въ заключительномъ стихотвореніи реквіема вся эта прелесть смерти сводится къ тому, что, вмѣстѣ съ наслажденіями жизни, кончаются и страданія, такъ какъ смерть уничтожаетъ сознаніе—и поэтъ заканчиваетъ мольбою, «чтобы его братья, преданные землѣ, были *безсознательно счастливы*».

Эти внутренніе контрасты темы съ ея выполненіемъ, эти порывы души, вопреки своему невѣрію стремящейся пробиться за ту грань, которую указала для нея матеріалистическая философія, и при этомъ звучный, полный силы, точно выкованный стихъ—производятъ на читателя поразительное впечатлѣніе. Но и въ реквіемѣ, и во всѣхъ стихотвореніяхъ Драммора есть еще одна черта, въ высшей степени симпатичная: они проникнуты любовью къ человѣчеству. Несмотря на горькія жалобы Драммора на бездушіе, лицемѣріе, предательство и ничтожество людей, отъ которыхъ, повидимому, онъ перенесъ много горя, онъ примиряется съ ними. Въ этомъ отношеніи, характеристичны два его стихотворенія: одно въ реквіемѣ, гдѣ онъ говоритъ, что онъ часто давалъ обѣтъ ожесточиться противъ людей, извѣдавъ всю ихъ низость, но, едва проходили его страданія, онъ каждаго желалъ прижать къ своей груди. Другое—въ «Поэтическихъ отрывкахъ», подъ названіемъ «Сплинъ», гдѣ онъ говоритъ, что его гнѣвъ противъ людей превратился, наконецъ, въ печаль, такъ какъ и «онъ самъ, къ сожалѣнію, созданъ изъ той же глины». Словомъ, онъ не давитъ своихъ ближнихъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, подобно, напримѣръ, Байрону, и находитъ человѣчество не «злымъ, а только слабымъ».

Таковъ духъ произведеній Драммора, представляющихъ законченное цѣлое, далѣе котораго онъ не пойдетъ, если вѣрить вышеприведеннымъ словамъ поэта, что весь его внутренній міръ преобразился въ заупокойную мессу, и увѣренію, что онъ навсегда разстался съ поэзіей, «прекраснымъ сномъ юности», выставленному эпиграфомъ къ полному собранію его сочиненій, изданному въ Берлинѣ въ 1873 г. Было бы желательно, чтобы Драмморъ нарушилъ этотъ зарокъ, потому что подобные ему самобытные, оригинальные поэты во всякихъ литературахъ представляютъ рѣдкое явленіе.

Въ заключеніе скажемъ, что многія стихотворенія Драммора не могутъ быть переведены вполнѣ, а другія и вовсе не могутъ быть переведены для русскаго читателя, и, кромѣ того, при преобладаніи въ нихъ рефлексіи, нѣкоторыя изъ нихъ, блестя, по мѣстамъ, первостепенными достоинствами, въ другихъ частяхъ своихъ растянуты и многословны, и обѣ эти причины заставляютъ переводчика или сокращать ихъ, или удерживать только главную мысль, относясь совершенно свободно къ формѣ ея выраженія. И вообще, этотъ писатель представляетъ большія трудности для перевода.

*

И, торжествуя, ослабляетъ
Ума свободнаго полетъ?..
Увы! прельстителя медовыя слова
Такъ соблазнительны! Кружится голова
Такъ сладостно отъ нихъ! И съ каждымъ днемъ все шире,
Все больше цехъ глупцовъ — и въ хаотичномъ мірѣ
Воздушныхъ призраковъ теряетъ человѣкъ
Свое достоинство и честь свою на вѣкъ!..
Куда я ни взгляну — вездѣ притворства маска,
Обманъ самихъ себя, тщеславье, мишура,
Скелетовъ позлащенныхъ пляска...
Но, съ ними на ряду, и свѣтлый трудъ добра,
И къ солнцу истины полётъ орлиный знанья...
Куда я ни уйду, — вездѣ передо мной
Коварство гнусное и эгоизмъ сухой;
Но, съ ними на ряду, и гнѣвныя созданья
Голодной нищеты...
Да̀, все еще темно,
Загадочно и странно это время,
Рукой котораго ужь столько свершено,
Которое несетъ съ глубокимъ стономъ бремя
Тяжелыхъ старыхъ узъ, и все-таки спѣшитъ,
Спѣшитъ гигантскими шагами
Туда, гдѣ солнце, облаками
Не омраченное, блеститъ...
Придетъ, придетъ пора, когда позоръ неволи
Земля, воспрянувши, растопчетъ наконецъ!
«E pur si muove» [1] — такъ сказалъ пророкъ-мудрецъ
Въ предвидѣньи для ней иной и лучшей доли.
И только эта мысль — пытливому уму
Надежда, вѣра и отрада;
Она одна даетъ ему
Бальзамъ цѣлительный отъ яда
Душевной скорби; съ нею онъ,
Среди мучительныхъ сомнѣній,
Порою твердо убѣжденъ,
Что для грядущихъ поколѣній
Заблещутъ всей своей красой
Лучи добра надъ мірозданьемъ,
И къ нимъ духъ новый съ новымъ знаньемъ
Сойдетъ живительной росой!..

---

[1] «А все-таки она (земля) движется!» — извѣстныя слова̀ Галилея.

II.

Обширенъ міръ земной и разстилаетъ онъ
Свои сокровища предъ нашими глазами.
Кто хочетъ завладѣть роскошными плодами,
Пусть прямо въ бой идетъ, всегда вооруженъ
Запасомъ свѣжихъ силъ; кто ищетъ охраненья
Природныхъ правъ своихъ, пусть растоптать спѣшитъ
Рой гадовъ мерзостныхъ, что̀ вьется и шипитъ
Въ пыли, у ногъ его... Бойцу для нападенья
Дорога трудная; преслѣдуя врага,
По страшнымъ крутизнамъ, по дебрямъ и болотамъ
Онъ пробирается; усталая нога
Скользитъ надъ безднами; покрытый кровью, по̀томъ,
То падая безъ силъ, то вновь спѣша впередъ,
Съ нечеловѣческимъ усильемъ побѣдитель
Срываетъ наконецъ давно желанный плодъ...

Призывъ мой лишь къ тебѣ, безтрепетный воитель,
Герой открытаго сраженія, — не къ вамъ,
Пираты жалкіе, способные врагамъ
Мстить только воровски, изъ подленькой засады!..
Межъ сотней доблестныхъ едва-ль одинъ боецъ
Съ побѣдой изъ борьбы выходитъ, наконецъ!
Кровавые труды, невѣрныя награды —
Вотъ весь его удѣлъ. На голову кладутъ
Страдальцу тернъ сухой, но не вѣнокъ лавровый;
Изъ лѣстницъ, на̀ небо ведущихъ, подаютъ
Обломки жалкіе... Измученный, суровый,
Разочарованный, безплодно погубя
Всѣ силы лучшія, онъ слышитъ вкругъ себя
Не хоры ангеловъ, а говоръ заурядный
Безчувственной толпы... Порою лишь прохладный
Оазисъ встрѣтится въ пустынѣ, и потомъ —
Могила тихая съ глубокимъ, вѣчнымъ сномъ...
А гдѣ же прочіе? Разсѣяны, разбиты...
Тотъ — жалкій хлѣбъ кропитъ слезами въ нищетѣ;
Тотъ — бродитъ по свѣту безъ крова, безъ защиты;
Тотъ, самъ себя забывъ, блуждаетъ въ темнотѣ,
Полу-разрушенный, съ разсудкомъ омраченнымъ...
Но лучше сохранять энергію въ борьбѣ

И смѣло, глубокò смотрѣть въ глаза тебѣ,
О древне-ѳивскій сфинксъ! чѣмъ быть лишь обыденнымъ
Нулемъ среди людей и робко не дерзать
Твои мудреныя задачи разрѣшать...

Смерть трупы громоздитъ безъ устали на трупы.
Но благороднѣе отдаться въ руки ей,
Всѣ силы истощивъ, чѣмъ задохнуться тупо
Въ ярмѣ невольника, подъ гнусный звонъ цѣпей...
Обширенъ міръ земной, и въ немъ сокровищъ много.
Пароль у насъ: «впередъ, хотя темна дорога!»
Дà, братья, все впередъ, хотя-бъ лишь одному
Изъ всѣхъ мильоновъ Богъ судилъ разсѣять тьму
И, міръ освободя отъ всѣхъ скорбей и болей,
Взойти съ побѣдою на жизни Капитолій!..

Петръ Вейнбергъ.

III.

Къ смерти.

О смерть, моихъ властительница думъ,
Конецъ надеждъ, порывовъ и желаній,
Вопросъ души, тревожащій нашъ умъ,
Колеблющій твердыню нашихъ знаній;
Чей образъ былъ такъ отъ меня далёкъ
Въ дни юности, когда я жилъ мечтами,
Когда моей души живой потокъ
Наполненъ былъ весенними дождями;
Которой такъ боялся прежде я,—
Хотя мнѣ жизнь за гробомъ обѣщали, —
Привыкнувши къ утѣхамъ бытія,
Къ его страстямъ, заботамъ и печали;
Которой я теперь съ надеждой жду,
Какъ сна, гдѣ насъ не потревожатъ грёзы,
Чтò всё уйметъ въ груди: любовь, вражду...
И навсегда осушитъ наши слезы!
Кàкъ часто я взывалъ къ тебѣ въ тиши,
Желалъ твоихъ таинственныхъ объятій!
О, смерть! бальзамомъ будь для ранъ души,
Отрадою моихъ скорбящихъ братій.
Тебя, тебя я буду прославлять!

Позволь мнѣ быть, въ смиреніи глубокомъ,
Твоимъ пѣвцомъ, глашатаемъ, пророкомъ,
Чтобъ розами твой образъ увѣнчать;
Превознести ту творческую силу,
Чтò бытіе истлѣвшему даётъ,
Жизнь новую изъ праха создаётъ,
Ввергая все живущее въ могилу...
. . . .
. . . .
Свой Requiem тебѣ я посвятилъ...
Въ немъ каждый стихъ пропитанъ сердца кровью,
Всѣмъ существомъ моихъ душевныхъ силъ
И къ ближнему глубокою любовью.

* *
*

IV.

Къ чему слова напрасныя поэта?
И пѣснь его—кому теперь нужна,
Когда не льститъ она капризамъ свѣта
Иль если въ ней насмѣшка не слышна?
Дà, въ наши дни, чреватые грозою,
Въ нашъ зрѣлый вѣкъ, кто станетъ прибѣгать
Къ поэзіи, чтобы ея струёю
Своей души заботы облегчать?
Я не хочу быть гостемъ нежеланнымъ
И съ лирою не выступаю въ свѣтъ
Ни какъ герольдъ тревоги, съ кликомъ браннымъ,
Ни какъ любви чувствительный поэтъ.
Была пора: я съ гордымъ ликованьемъ
Глядѣлъ на міръ сквозь утренній туманъ;
Теперь — одинъ, одинъ исходъ мнѣ данъ:
Жить внутреннимъ глубокимъ созерцаньемъ.
Дней юности прошелъ счастливый сонъ,
Давно уже мнѣ чуждо наслажденье;
Борьба съ собой и самоотреченье,
Духъ жертвъ — вотъ мой теперешній законъ.
И все, къ чему душа моя стремилась,
Въ горнилѣ думъ моихъ преобразилось
Въ торжественный заупокойный звонъ...
Еще не все въ моей груди погасло,

Не весь огонь, что̀ нѣкогда пылалъ,
Къ которому никто не подливъ масла —
Его я самъ лелѣялъ и питалъ.
Нѣтъ, сердце, нѣтъ! въ тебѣ еще мелькаютъ
Струи огня отъ пламени того,
И искры вверхъ, сверкая, вылетаютъ
По временамъ изъ пепла твоего.
Не много ихъ, другія догорѣли, —
Зима близка и я стою у цѣли,
Къ которой всѣ живущіе придутъ;
И, можетъ быть, напрасенъ былъ мой трудъ.
Мнѣ кажется, что свѣтъ меня осудитъ
И обвинять тебя съ насмѣшкой будетъ
Его сухой, холодный приговоръ,
За то, что́ ты ужь слишкомъ сильно билось,
Что не совсѣмъ ты въ пепелъ превратилось,
Не унялось еще до этихъ поръ!
Смущусь ли я холодностію вѣка?
Нѣтъ, до конца я буду продолжать:
Пѣвцы должны для блага человѣка
Свѣтъ истины и правды прославлять.
Смерть близится, а съ ней — предѣлъ сознанья
Передо мной, какъ призракъ, возстаетъ;
Но страстное, тоскливое желанье
Влечетъ меня, по прежнему, впередъ.
Мнѣ не дано того огня святого,
Не мой удѣлъ—тотъ вдохновенный даръ,
Чтобъ молніей пророческаго слова
Въ сердцахъ людей производить пожаръ.
Вамъ первенство, свѣтильники созданья,
Цари ума! призванье ваше въ томъ,
Чтобы людей, томимыхъ жаждой знанья,
Поить своимъ божественнымъ виномъ.

Д. Михаловскій.

ЗАПИСКИ БАРОНА АНДРЕЯ ЕВГЕНІЕВИЧА РОЗЕНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(1800—1827).

ГЛАВА I.

Дѣтство и молодость.

Дѣтство.—Ректоръ Радекеръ и школа.—Опредѣленіе въ кадетскій корпусъ.—М. Клингеръ и М. С. Перскій. — Выпускъ. — Лейб-гвардіи финляндскій полкъ.—Отпускъ и братъ мой Отто.—Н. И. Гречъ.—Исторія въ лейб-гвардіи семеновскомъ полку.—И. В. Васильчиковъ.—Походъ гвардейскаго корпуса.—Лемзаль.—Креславль.—Полоцкъ.—Бѣшенковицы.—Ищелна.—Минскъ.—Вильно.—Литва.—Другая дорога.—Луга.

Въ Эстляндской Губерніи, въ родовомъ имѣніи Ментакѣ, родился я въ 1800 году. Издавъ уже часть записокъ отца моего, считаю излишнимъ здѣсь распространяться о родителяхъ моихъ. Скажу только, что, съ чувствомъ самой искренней благодарности и благоговѣнія, вспоминаю ихъ ежедневно; они сдѣлали все, что возможно было по ихъ средствамъ, для моего воспитанія. До двѣнадцатилѣтняго возраста учился я дома у гувернантки изъ Дерпта, Шарлотты Заамень, которая добросовѣстно и довольно успѣшно обучала меня начальнымъ основаніямъ учебныхъ предметовъ, такъ что, при вступленіи моемъ въ нарвское народное училище, я былъ въ числѣ старательныхъ и знающихъ учениковъ.

Родители мои, особенно незабвенная для меня нѣжная и благоразумная мать, имѣвшая больше досуга, чѣмъ отецъ, занятый службою по выборамъ и управлявшій своими помѣстьями, шили мнѣ съ младенчества святую вѣру и нравственн

лигіозныя понятія, такъ часто измѣняющіяся въ теченіи жизни отъ обстоятельствъ, отъ общества, отъ чтенія, отъ сомнѣній, были глубоко запечатлѣны въ сердцѣ моемъ, не отъ молитвъ, вытверженныхъ наизусть, не отъ чтенія и толкованій священнаго писанія, но отъ ежечаснаго живаго примѣра благочестія въ практической жизни моихъ родителей, отъ всегдашней покорности ихъ волѣ Божіей, отъ обходительности ихъ съ людьми и прислугою.

Съ тѣхъ поръ не преставалъ молиться; съ тѣхъ поръ сохранялъ я религіозное чувство вопреки всѣмъ треволненіямъ въ юности, въ возмужалости и въ старчествѣ; съ тѣхъ поръ я не разставался съ этимъ сокровищемъ, безъ котораго невозможно быть постоянно спокойнымъ и довольнымъ. Куда итти, когда въ болѣзни совѣщаніе самыхъ опытныхъ врачей опредѣляетъ, что нѣтъ надежды на возвращеніе здоровья?—Что̀ дѣлать, когда отлучаютъ человѣка отъ семьи и отъ общества и запираютъ его въ тѣснотѣ и въ темнотѣ?—Къ кому обратиться, когда человѣкъ правый, по подозрѣнію или по злобѣ человѣка вліятельнаго и коварнаго, терпитъ гоненіе и разореніе?—Къ кому прибѣгнуть, когда въ своей семьѣ позоръ или обида, по коимъ нѣтъ ни гражданскаго, ни уголовнаго иска, нѣтъ заступничества отъ общества?—Всегда и во всѣхъ случаяхъ—прямо къ Спасителю: онъ спасетъ непремѣнно, а до окончательнаго спасенія онъ успокоитъ и укрѣпитъ васъ. Спросите у всѣхъ много потерпѣвшихъ и пострадавшихъ, они скажутъ вамъ то-же; спросите и у счастливцевъ, обращающихся къ Господу съ благодарностью, они скажутъ вамъ то-же, что ихъ счастье скрѣпляется отъ вѣры и молитвы.

Въ 1812 году, когда гвардія двинулась на достославную битву противъ Наполеона, былъ я помѣщенъ въ нарвское народное училище, гдѣ учился съ ровесниками изъ всѣхъ сословій цѣховъ и гильдій. Ректоръ Радекеръ, классически ученый, преподавалъ неутомимо, съ любовью къ своему высокому призванію. Нельзя безъ особеннаго уваженія вспоминать этого совѣстливаго труженика. Онъ училъ въ народномъ училищѣ языкамъ латынскому, нѣмецкому, исторіи и географіи. Каждый день уроки начинались въ 7 часовъ утра хоральнымъ пѣніемъ псалма или молитвы и объясненіемъ катехизиса. Кромѣ 6-ти часовъ въ день въ народномъ училищѣ, давалъ онъ частные уроки на квартирѣ своей два часа до обѣда, и два часа вечеромъ. Безпрерывныя занятія повредили его зрѣнію; за постоянные труды свои имѣлъ онъ только необходимо нужное для содержанія своего семейства и никогда не роптал, никогда не просилъ прибавки жалованья, никогда не пропускалъ урока. Каждый ученикъ

платилъ ему въ годъ пять рублей и одну сажень дровъ. Какое могло быть возмездіе для него?—развѣ успѣхи благонравныхъ учениковъ?—но развѣ множество заботъ бòльшаго числа лѣнивцевъ и шалуновъ не превышало радостей отъ учениковъ хорошихъ?

Добрый, честный Радекеръ! твоя награда въ твоей душѣ и въ мирѣ внутреннемъ, отъ сознанія строгаго исполненія обязанностей учителя. У тебя не было карманныхъ часовъ, ты не могъ глядѣть на минутную стрѣлку, да она и не позвала-бы тебя на развлеченіе, она не указала-бы тебѣ сколько ты выработалъ цѣлковыхъ; ты переходилъ отъ урока къ уроку по звону часовъ колокольныхъ.—Дайте на каждый уѣздъ по десяти Радекеровъ, которые, кромѣ наукъ, передали бы ученикамъ своимъ исполненіе обязанностей, совѣстливость во всемъ, и въ десятокъ лѣтъ увидѣли-бы дѣятелей новаго поколѣнія, которые щедро вознаградили-бы труды и обезпечили-бы охотно всѣ нужды полезнѣйшаго класса людей—наставниковъ и учителей.

Въ Нарвѣ жилъ я въ домѣ купца Г. Гётте, тогда извѣстномъ по свѣтской обходительности хозяйки, по истинной любезности и образованности ея пяти дочерей и единственнаго сына, моего соученика. Жители городскіе, пріѣзжіе изъ сосѣднихъ помѣстій, офицеры проходящихъ войскъ, охотно посѣщали этотъ домъ. Праздники Рождества и Пасхи и каникулы провожалъ я у родителей въ деревнѣ, въ Ментакѣ. Поѣздки эти для меня очень памятны: лѣтомъ случалось путешествовать съ обратными подводами, доставлявшими вино въ Нарву, а мнѣ поручено было получить деньги. Для всякой предосторожности просилъ я зашить эти деньги въ боковой карманъ моей куртки, которой не снималъ до прибытія домой. Ночлегъ бывалъ подъ шатромъ небеснымъ, близъ большой дороги, гдѣ мѣстность позволяла имѣть подножный кормъ. Вокругъ огромнаго костра помѣщался я съ мужиками: огонь, звѣзды, предстоящая радость скораго свиданія удаляли сонъ, хотя монотонный напѣвъ эстонца ай-ду, ай-ду, ай-ду, съ малыми переливами голоса, и его монотонная бесѣда могли легко клонить ко сну. Всегдашній разговоръ крестьянъ, тогда еще крѣпостныхъ людей, имѣлъ главнымъ и исключительнымъ предметомъ—животъ и пищу. По пріѣздѣ домой, послѣ нѣжныхъ лобзаній съ родителями и сестрами, отецъ приносилъ ножницы, разрѣзывалъ нитки зашитаго кармана, повѣрялъ деньги и благодарилъ за исполненіе порученія.

Деревня лѣтомъ для мальчика, родившагося и возроще[illegible] въ этой деревнѣ, лучше и краше Неаполя и Р[illegible] лаго.—Послѣ обѣда, отецъ отдыхалъ съ часъ

палъ, я долженъ былъ читать ему или газету или изъ книги, бо́льшею частью изъ Вольтера. По вечерамъ, предъ ужиномъ, онъ слегка экзаменовалъ меня и разсказывалъ, какъ онъ шесть лѣтъ учился въ лейпцигскомъ университетѣ и кто были лучшіе его профессоры и товарищи.—Каникулы мои исчезали, какъ дымъ въ полѣ.

Въ 1814 году, отецъ мой отвезъ меня въ Петербургъ для опредѣленія въ корпусъ; но поѣздка наша была безуспѣшна по случаю продолжавшейся войны и отсутствія главныхъ начальниковъ. Я возвратился на прежнее мѣсто въ Нарву. Въ сосѣдствѣ города, въ Салѣ, жилъ добрый родственникъ нашего дома, баронъ И. О. Корфъ; съ двумя его младшими сыновьями учился я вмѣстѣ и по субботамъ иногда ѣзжалъ съ ними въ Салу на воскресенье. Старикъ, радушный хлѣбосолъ, словоохотный, смѣялся надъ неудачею моего опредѣленія и сказалъ:—«если хочешь, я опредѣлю тебя чрезъ сына моего, Николая Ивановича»—служившаго тогда въ Варшавѣ еще молодымъ офицеромъ въ гвардейской конной артиллеріи—«только съ условіемъ: ты пришлешь мнѣ къ Пасхѣ сотню свѣжихъ яицъ».—По рукамъ.— Это было въ концѣ января 1815 года, и въ первыхъ числахъ марта получилъ увѣдомленіе о зачисленіи моемъ въ 1-й кадетскій корпусъ.

Родители мои жили тогда въ Ревелѣ послѣ пожара, истребившаго двухэтажный домъ въ деревнѣ, гдѣ стояла колыбель моя. Мнѣ нужно было спѣшить въ Ревель, чтобы застать тамъ генерала Федора Федоровича барона Розена и адъютанта его, родного брата моего Отто; они возвращались изъ Парижа, ѣхали на зимнія квартиры въ Финляндію и по дорогѣ отвезли меня въ Петербургъ, гдѣ и сдали безъ малѣйшихъ затрудненій.— Чрезъ нѣсколько часовъ, братъ навѣстилъ меня и въ корридорѣ свѣтломъ, встрѣтившись со мною, не узналъ меня: я былъ уже обстриженъ подъ гребенку и въ мундирѣ.

Сначала, мнѣ было трудно по слабому знанію русскаго языка, но этому всего скорѣе можно было выучиться въ корпусѣ, гдѣ считалось съ малолѣтнымъ отдѣленіемъ до 1000 кадетъ, въ каждой ротѣ—по 200. — На другой день, за обѣдомъ, лишь только взялся за пирогъ съ кашей, какъ сосѣдъ локтемъ толкнулъ меня въ бокъ и сказалъ: — «Уродъ, развѣ не видишь, что у насъ *столбовой!*» — я отвѣтилъ ему такимъ же толчкомъ; дежурный офицеръ это замѣтилъ, разобралъ дѣло и сдѣлалъ выговоръ сосѣду моему за грубость. А дѣло было очень просто: шалуновъ и лѣнтяевъ, въ наказаніе, оставляли безъ обѣда и во время стола ставили ихъ къ столбамъ обѣденнаго зала: отдѣленіе въ 20

кадетъ прятало, въ такомъ случаѣ, пироги за рукавъ или ватрушки за пазухи и, по окончаніи стола—тайно передавали голодному товарищу, оттого и названіе *столбовыхъ*.

Директоръ корпуса былъ тогда генералъ Максимиліанъ Клингеръ, глубокомысленный ученый писатель, скептикъ, знаменитый классическій писатель Германіи, но плохой директоръ: угрюмый въ обращеніи, скупой на слова, медленный въ походкѣ, почему прозвали его бѣлымъ медвѣдемъ. Хорошо помню его, когда, черезъ два года, бывъ уже унтер-офицеромъ и дежурнымъ по корпусу, приходилось рапортовать ему до прибытія вечерней зари. Строго было приказано входить къ нему безъ доклада, осторожно, безъ шуму отпирать и запирать за собою двери, коихъ было до полдюжины до его кабинета. Всякой разъ заставалъ его съ трубкой съ длиннымъ чубукомъ, въ бѣломъ халатѣ съ колпакомъ, полулежачаго въ Вольтеровскихъ креслахъ, съ закинутымъ пупитеромъ и съ перомъ въ рукѣ. Можетъ статься онъ сочинилъ тогда своихъ «братьевъ-близнецовъ», приписываемыхъ одно время геніальному Гёте. Бывало, медленно повернетъ голову, выслушаетъ рапортъ, кивнетъ головой и продолжаетъ писать.

Душою управленія и обученія въ корпусѣ былъ инспекторъ классовъ полковникъ флигель-адъютантъ Михаилъ Степановичъ Перскій, который соединялъ въ себѣ всѣ условія образованнаго и способнаго мужа по всѣмъ отраслямъ государственной службы. Въ молодости, былъ онъ адъютантомъ великаго князя цесаревича Константина Павловича во время итальянскаго похода Суворова. Былъ самъ воспитанъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ; онъ зналъ всѣ недостатки этого заведенія, и, если онъ послѣ, бывъ директоромъ, не довелъ его до совершенства, то причиною тому были слабыя денежныя средства, отпускаемыя тогда на старинныя военно-учебныя заведенія, между тѣмъ какъ на новыя—на инженерное, на артиллерійское училище, на императорскій царскосельскій лицей—щедро отпускаемы были деньги, даже вводили удобства съ роскошью. По этому случаю, главный директоръ всѣхъ корпусовъ, графъ Коновницинъ, и директоръ Перскій часто повторяли, когда имъ ставили въ примѣръ новыя заведенія: — «1-й кадетскій корпусъ бѣденъ средствами, но честенъ!»—Перскій зналъ состояніе корпуса во время директорства принца Ангальта: особенно старался о введеніи въ употребленіе французскаго языка, поощрялъ кадетъ и учителей, самъ говорилъ съ кадетами по французски, когда посѣщалъ ихъ въ ротѣ и въ классахъ. Бывали забавныя выходки, когда онъ поутру приходилъ въ роту и кадеты стояли въ строю послѣ об-

щей молитвы и разносили имъ булки: онъ подходилъ къ нѣкоторымъ, кланялся вѣжливо и разспрашивалъ о разныхъ разностяхъ. Когда сказалъ: «bonjour, monsieur Костюринъ, comment ça va?» — тотъ спокойно отвѣтилъ: — «я—не сова, Михаилъ Степановичъ!» — Кадеты вообще трунили надъ тѣми, которымъ онъ говорилъ bonjour, и называли это масломъ къ булкѣ.

Дознано, что вездѣ, даже въ самомъ посредственномъ учебномъ заведеніи, можно многому научиться: то же самое можно сказать положительно о 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, хотя въ мою бытность тамъ бывали учителя, получавшіе не болѣе 150-ти рублей ассигнаціями жалованья въ годъ. Къ лучшему устройству корпуса не доставало хорошихъ учителей. Надзирателей, наставниковъ Перскій могъ выбирать и назначать изъ офицеровъ артиллеріи и арміи, изъ числа лучшихъ прежнихъ питомцевъ корпуса, но откуда было взять хорошихъ учителей? Однако, несмотря на все это, много славныхъ сыновъ отечества получили свое образованіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Строгая воинская исправа, дѣятельность ума и тѣла, умѣренность и простота въ пищѣ, единодушіе въ товариществѣ—вотъ главные рычаги на подъемъ и перенесеніе житейскихъ тяжестей: къ этому всему съ дѣтства пріучаются офицеры изъ кадетъ. Въ кругу такомъ многочисленномъ разнонравныхъ и разноплеменныхъ юношей открывается въ маломъ видѣ вся предстоящая жизнь общественная. Уже тогда безошибочно можно было предугадывать и предвидѣть способности и качества юныхъ товарищей, моихъ ровесниковъ, которые на дальнѣйшемъ поприщѣ оправдали мое мнѣніе о нихъ. И. Ф. Веймарнъ и Фрейтагъ-старшій не отличались ни ростомъ, ни красотою лица, ни красивою наружностью, но, по способностямъ своимъ умственнымъ, по твердости духа, могли итти далеко впереди. — Желательно, чтобы воспитанниковъ отдавали въ корпусъ не раньше 14-ти лѣтняго возраста съ запасомъ религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, потому что военные наставники и учителя не имѣютъ ни случая, ни времени заняться этою важною частью воспитанія: они ограничиваются внѣшнимъ соблюденіемъ формъ и пріемовъ, преподаваніемъ наукъ и довольствуются безотчетнымъ послушаніемъ страха ради.

Съ искреннѣйшею признательностью вспоминаю еще теперь М. С. Перскаго, А. Х. Шмита, учителя фортификаціи и артиллеріи, М. И. Талызина, учителя русской словесности и исторіи, ротныхъ моихъ командировъ — И. И. Хатова и К. К. Мердера, всегда бойкаго, бодраго, на славу учившаго свою роту ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ. — Быстро переходилъ я изъ

класса въ классъ, такъ, что, въ 1817 году, былъ въ верхнемъ классѣ и унтер-офицеромъ; по фронтовой наукѣ перещеголялъ очень многихъ.

Живо вспоминаю восторгъ мой, когда, въ сентябрѣ 1817 года, совершенно неожиданно былъ потребованъ къ директору М. С. Перскому, и онъ объявилъ мнѣ торжественно, что, получивъ предписаніе представить четырехъ кадетъ къ выпуску въ гвардію, назначаетъ меня и надѣется, что выборъ его будетъ оправданъ. Кто самъ не испыталъ, тому трудно представить себѣ счастье кадета, назначеннаго къ выпуску; для меня оно было вдвое: въ необыкновенное время, и прямо въ гвардію. По наукамъ и по экзамену, былъ я удостоенъ 2-мъ, первымъ былъ Е. И. баронъ Корфъ, а ниже меня два брата Мих. и Вл. Ланевскихъ-Волкъ. Эти товарищи мои, въ ноябрѣ 1817 года, были произведены въ прапорщики: они обмундировались и навѣщали меня въ корпусѣ. Никто не зналъ причины, по коей я былъ оставленъ или забытъ. Благородный Перскій утѣшалъ меня предложеніями и обѣщаніемъ напомнить обо мнѣ. Наступилъ 1818 годъ, прошла зима, готовили новый общій выпускъ, и снова я былъ представленъ въ сапёры по балламъ на экзаменѣ, наравнѣ съ другими. Въ маѣ мѣсяцѣ, учился нашъ баталіонъ на кадетскомъ плацу: я командовалъ баталіономъ и замѣтилъ у воротъ, между зрителями, нѣсколько офицеровъ лейб-гвардіи финляндскаго полка. Лишь окончилось ученье, они вызвали меня по фамиліи и, поздравивъ меня, какъ сослуживца и товарища, вручили мнѣ печатный приказъ Высочайшій, по коему Императоръ Александръ Благословенный, въ бытность свою на конгрессѣ въ Ахенѣ, 20-го апрѣля 1818 года, подписалъ мое производство въ прапорщики л.-гв. финляндскаго полка. Радость мою раздѣлилъ вполнѣ М. С. Перскій. Причину замедленія моего производства, по коему ниже меня стоявшіе товарищи по балламъ обошли меня, узналъ я послѣ. Въ замѣну баталіоновъ л.-гв. литовскаго и л.-гв. финляндскаго полковъ, поступившихъ въ число варшавской гвардіи, было повелѣно составить новые баталіоны, а, по недостатку въ офицерахъ, выпустить изъ 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ по четыре кадета. Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, Н. М. Сипягинъ, нашелъ, что въ полкахъ довольно юнкеровъ на то, и согласился представить только 2-хъ въ литовскій, переименованный тогда въ л.-гв. московскій, и 4-хъ въ л.-гв. финляндскій полкъ. Еслибы изъ каждаго корпуса взять по три кадета, какъ слѣдовало по всей справедливости, то пришлось бы разъединить двухъ братьевъ Ланевскихъ. Одни увѣряли, что за нихъ прос-

ники, а другіе, что Сипягинъ велѣлъ бросить жребій. Какъ бы то ни было, но я былъ обойденъ и остался въ корпусѣ еще на полгода и потерялъ старшинство. Изъ 2-го кадетскаго корпуса имѣлъ ту же участь товарищъ мой, В. М. Симборскій, который отъискивалъ старшинство, но безуспѣшно. Я помирился съ участью, съ обстоятельствомъ, по коему, несмотря на оказанную мнѣ несправедливость, все же былъ выпущенъ въ старую гвардію, между тѣмъ, какъ другіе мои товарищи кадеты, въ числѣ ихъ и достойнѣе меня, были произведены еще два мѣсяна послѣ меня въ сапёры и піонерные баталіоны, въ артиллерію конную и пѣшую, и въ армію. Этотъ исключительный случай былъ еще необыкновеннѣе тѣмъ, что, въ первый разъ отъ основанія корпуса, былъ я выпущенъ въ офицеры только одинъ одинёшенекъ, между тѣмъ какъ обыкновенные годовые выпуски считали сотни новыхъ офицеровъ.

Въ первое воскресенье моего офицерства, посѣтилъ я корпусъ, чтобы повидаться съ прежними товарищами и явиться къ Перскому; онъ принялъ меня ласково и спросилъ:—«Знаешь ли, кто теперь, послѣ Государя, важнѣйшій человѣкъ въ государствѣ?»— я отвѣтилъ не задумываясь—«Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ!»—Нѣтъ! возразилъ онъ съ улыбкой:—новый прапорщикъ важнѣе всѣхъ! — То было опроверженіе поговорки военной: Курица—не птица, а прапорщикъ—не офицеръ. — Перскій просилъ меня обращать особенное и постоянное вниманіе на малѣйшія подробности въ службѣ, во время ученій и служебныхъ обязанностей, потому что самыя ничтожныя бездѣлицы бываютъ началомъ успѣха въ службѣ или многихъ непріятностей. Онъ былъ совершенно правъ и почерпнулъ эту опытность не изъ книгъ и наставленій, а изъ дѣйствительной жизни.

Лейб-гвардіи финляндскимъ полкомъ командовалъ тогда генералъ Б. С. Рихтеръ. Баталіонами командовали тогда: М. Я. Палицынъ, А. Ф. Ахлестышевъ и К. П. Офросимовъ. Старшими капитанами были: князь А. И. Ухтомскій, А. Н. Маринъ, Веселовскій. Въ полку знакомство заводится скоро: служба въ столицѣ, хотя и трудна, но для меня, какъ питомца корпуса, она была не тягостна. Страстно люблю и любилъ я русскаго солдата, а, по знанію воинскаго устава и строевой службы, былъ я всегда въ числѣ исправнѣйшихъ офицеровъ. Отецъ мой, имѣя многочисленное семейство, не могъ мнѣ много удѣлить на расходы, почему я не имѣлъ средствъ держать экипажъ, искать знакомствъ въ частныхъ домахъ или посѣщать театры. Жизнь моя беззаботно текла среди служебныхъ обязанностей, въ кругу товарищей, и въ умственныхъ занятіяхъ, по мѣрѣ возможности

пріобрѣтенія книгъ. Въ полку, отъ полковаго командира до послѣдняго прапорщика, почти всѣ играли въ карты. Случалось мнѣ, при дежурствѣ по баталіону, рапортовать, въ 9 часовъ вечера дежурному по полку штабсъ-капитану Барону Саргѐру и подходить къ карточному столу и не быть никѣмъ примѣченнымъ, оттого, что, подходя, ступалъ я не по полу, не по ковру, а по колодамъ картъ, разбросаннымъ несчастными понтёрами и банкометами. Постепенно началъ и я принимать участіе въ игрѣ, какъ постепенно новички начинаютъ курить или нюхать табакъ и пить водку. Сначала выигрывалъ и, незамѣтнымъ образомъ, сдѣлался страстнымъ игрокомъ. Не жажда къ деньгамъ и къ прибыли увлекли меня, а легкое занятіе, развлеченіе въ безцеремонномъ кругу, угадываніе счастья были сперва наслажденіемъ, а послѣ стали потребностью.

Въ 1819 году, взялъ я отпускъ на три мѣсяца и поѣхалъ въ Ревель, вмѣстѣ съ братомъ моимъ Отто, прибывшимъ въ Петербургъ, чтобы искать перевода въ гвардію. Слишкомъ четыре года не видѣлся съ родителями, переселившимися въ городъ съ тѣхъ поръ, когда сгорѣлъ спокойный и удобный домъ ихъ въ деревнѣ. Больная мать моя, услышавъ радостный крикъ сестеръ, бросилась ко мнѣ на шею. Черезъ часъ воротился домой отецъ; всѣ мы были утѣшены свиданіемъ и сблизились сердцами, какъ будто никогда не разставались. По вечерамъ, когда оставался наединѣ съ отцемъ, пользовался умною его бесѣдою и ученостью. Мать расправшивала подробно, кàкъ провожу время, и съ нѣжною любовью предостерегла отъ любви злой и опасной. Со временемъ познавалъ всю цѣну и истину совѣтовъ и замѣчаній матери. Она въ юности не получила блестящаго воспитанія, но въ высшей степени обладала здравымъ смысломъ, тѣмъ сокровищемъ, которое справедливо называютъ геніемъ человѣчества. Чрезвычайно вѣрно она отгадывала и обсуживала людей. Предостереженія и совѣты ея всегда бывали мнѣ полезны. Съ такимъ чуткимъ знаніемъ сердца она сохраняла всегдашнее благоволеніе къ ближнему и примѣрную покорность волѣ Божіей. Въ сомнительныхъ случаяхъ, когда трудно было рѣшить дѣло, она покорялась необходимости и твердила: «какъ Богу угодно!»

Ревель тогда славился гостепріимствомъ, красавицами и танцами: балы у губернатора, барона Будберга, графа Буксгевдена, барона Деллингсгаузена, графа Мантёйфеля были изящны; рѣдко проходилъ день безъ танцевъ: просто раздолье такому охотнику танцовать, какимъ я былъ въ свое время. Изъ числа молодыхъ женъ всѣхъ болѣе блистали графиня Мантёйфель, а изъ дѣвицъ—графиня Тизенгаузенъ. Танцоры были почти исключи-

тельно одни военные всѣхъ полковъ гвардіи и арміи: на балъ являлись всегда въ чулкахъ и башмакахъ; въ красныхъ мундирахъ были два кавалергарда и шесть конно-гвардейцевъ. Лучше всѣхъ танцовали графъ Ферзенъ и баронъ Мейендорфъ, въ послѣдствіи герой гроховскій; лучшимъ мазуристомъ былъ лейбгусаръ Шевичъ.

Мнѣ было полезно и пріатно раздѣлять время отпуска съ братомъ моимъ Отто. Хотя онъ былъ пятью годами старше меня, но, съ самаго дѣтства моего, была между нами неразрывная симпатія, возроставшая съ годами и съ опытомъ. Въ Ревелѣ мы жили въ одной комнатѣ, каждый вечеръ онъ напоминалъ мнѣ, когда случалось ему замѣтить ошибку или даже когда я не держалъ себя какъ должно. Онъ обращалъ вниманіе на походку мою, на стойку, на сидѣнье; часто приводилъ мнѣ въ примѣръ генерала князя Ливена, который, во время похода или во время путешествія, когда прохаживался на квартирѣ или на станціи, ступалъ всегда граціозно носками внизъ, расправляя колѣна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ онъ меня напоминать и ему его ошибки или разсѣянности и неловкости.

Однажды обѣдали мы безъ гостей въ семейномъ кругу; во время обѣда подали мнѣ письмо съ почты; я узналъ почеркъ моего сослуживца, П. Й. Греча, и положилъ письмо въ карманъ, Отецъ мой пожелалъ, чтобы я за столомъ прочелъ его: открывъ конвертъ, увидѣлъ въ немъ печатный приказъ и мое производство въ подпоручики. Отецъ не хотѣлъ вѣрить: подлѣ него сидѣлъ братъ мой Отто, который участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года и былъ только поручикъ арміи, между тѣмъ какъ я, въ полтора года службы, имѣлъ уже старшинство штабс-капитана арміи. Отецъ предложилъ пить за здоровье новопроизведеннаго: я отвѣтилъ воинскою пѣснею. Послѣ обѣда, разсуждали о суетѣ суетствій за ширмами, подлѣ кровати больной матери, которая жалѣла о неблагодарной службѣ сына. Можетъ статься, вмѣшалась тутъ и частица материнскаго тщеславія: у ней, урожденной Сталь-де-Голштейнъ было два брата и семь сестеръ; у всѣхъ были многочисленныя семейства; у всѣхъ сыновья служили въ гвардіи. Мой старшій братъ, Владиміръ, служилъ въ конной артиллеріи, въ знаменитой баттареи Маркова, и въ 1812, 13 и 14 годахъ получилъ за отличія четыре чина и семь орденовъ; такъ мудрено-ли, что мать скорбѣла о тугомъ производствѣ втораго сына? Тутъ, среди вздоховъ, я замѣтилъ брату порусски:—«ты—малъ золотникъ, да дорогъ!» Отецъ спросилъ, что̀ это значитъ, и остался доволенъ переводомъ смысла, и мать разсмѣялась. Провидѣніе готовило брату иной путь; мы всѣ о

немъ тогда соболѣзновали, а оно готовило и таило для него лучшее земное благо—милліоны рублей.

Три мѣсяца въ отпуску, да еще въ веселомъ тогда Ревелѣ, прошли скоро. Грустное чувство тяготило меня при въѣздѣ въ столичную заставу, при проѣздѣ мимо безчисленныхъ палатъ и домовъ, въ коихъ не имѣлъ ни родного, ни знакомца. За Исаківевскимъ Мостомъ встрѣтилъ перваго солдата моего полка и пересталъ грустить. На квартирѣ дружески привѣтствовалъ меня товарищъ и соквартирантъ мой Павелъ Ивановичъ Гречъ, переведенный въ нашъ полкъ изъ артиллеріи. Онъ былъ исправный служивый, славный собесѣдникъ, величайшій шутникъ и мастеръ поострить и передразнивать, причемъ онъ такъ живо умѣлъ говорить чужимъ голосомъ, что часто случалось изъ передней комнаты слышать того или другого офицера, которыхъ вовсе тамъ и не было—а забавлялся Гречъ. День проводилъ онъ на службѣ или у брата своего, журналиста и грамматика. Вечеромъ, былъ для меня праздникъ, когда онъ, возвратившись, разсказывалъ, гдѣ онъ былъ, что̀ видѣлъ и слышалъ. Онъ ничего не пропускалъ; память и слухъ у него были такъ вѣрны и остры, что онъ помнилъ и распѣвалъ каждый маршъ каждаго гвардейскаго баталіона на большихъ парадахъ на Марсовомъ Полѣ! Въ то время, баталіоны проходили повзводно церемоніальнымъ маршемъ; каждый баталіонъ имѣлъ свой маршъ, по назначенію Дерфельдена и Фишера, главныхъ капельмейстеровъ, а баталіоновъ было тогда 26, въ томъ числѣ сапёрный и гвардейскаго экипажа — прошу упомнить и спѣть 26 маршей! Черезъ товарища и соквартиранта познакомился я съ братомъ его, Николаемъ Ивановичемъ; въ николинъ и въ варваринъ день встрѣчалъ тамъ на пирахъ много литераторовъ разнородныхъ и разностепенныхъ. Карамзинъ, Гнѣдичъ, Жуковскій пріѣзжали съ поздравленіемъ, но не оставались обѣдать, потому что или сами праздновали у себя, у родныхъ, у знати. Бесѣда за столомъ и послѣ стола была веселая, непринужденная; всѣхъ болѣе острилъ хозяинъ, отъ него не отставали Бестужевы, Рылѣевъ, Булгаринъ, Дельвигъ и другіе.

Сослуживецъ мой, П. И. Гречъ, дослужился до генеральскаго чина и умеръ въ 50-ыхъ годахъ, былъ 2-мъ комендантомъ Петербурга. Императоръ Николай любилъ и отличалъ его: мнѣ передали, что, когда государь узналъ о его смерти, то сказалъ о немъ: «Это одинъ изъ честнѣйшихъ людей, которыхъ встрѣчалъ въ моей жизни». Въ такомъ же родѣ отозвался Наполеонъ I о знаменитомъ врачѣ Ларрей, который въ походѣ, въ Египтѣ, отказался, по совѣту его, облегчить страданія зачумленныхъ

воиновъ опіумомъ, сказавъ, что его дѣло—лечить, а не морить, и съ полнымъ самоотверженіемъ, въ утомительнѣйшихъ походахъ, во время нестерпимаго жара, охотно уступалъ порцію воды и своего коня жаждавшему и устававшему солдату.

Осенью 1820 года, 16-го сентября, вбѣжалъ ко мнѣ посыльный изъ казармъ: «Ваше благородіе! извольте спѣшить, полкъ собирается на набережной». Прибѣгаю къ сборному мѣсту — солдатамъ раздавали боевые патроны. Офицеры съѣзжаются со всѣхъ концовъ, тѣснятся въ кружокъ, и каждый, по-своему, разсказываетъ, о случившейся исторіи въ лейб-гвардіи семеновскомъ полку. Мы двинулись по командѣ, солдаты перекрестились, пошли по Гороховой Улицѣ, повернули въ Малую Морскую и увидѣли, что конно-гвардейскій полкъ, подъ начальствомъ красавца А. Ѳ. Орлова, съ обнаженными палашами, конвоируетъ семеновцевъ по Невскому проспекту. Наше назначеніе было также провожать семеновскій полкъ до петропавловской крѣпости; но, какъ полкъ шелъ, не сопротивляясь и безъ оружія, то принятая предосторожность оказалась лишнею, и мы воротились въ наши казармы. Съ этого дня оставались боевые патроны на рукахъ каптенармусовъ или въ ротномъ цейхгаузѣ; за исключеніемъ пяти патроновъ изъ шестидесяти на каждаго солдата, всѣ остальные сохранялись уже въ полковомъ цейхгаузѣ.

Лейб-гвардіи семеновскій полкъ, основанный Петромъ Великимъ, былъ любимый полкъ Александра I. Когда изъ арміи переводили лучшихъ и красивѣйшихъ солдатъ въ гвардію, то императоръ лично отмѣчалъ отборныхъ людей въ любимый полкъ свой. Часто надѣвалъ мундиръ или сюртукъ этого полка—цвѣтъ воротника былъ ему къ лицу. Полковой командиръ, Я. А. Потемкинъ, отличался отъ всѣхъ прочихъ безкорыстіемъ, справедливостью и вѣжливостью въ обхожденіи съ офицерами и солдатами; станъ его былъ тогда примѣчательный, одѣвался онъ какъ кокетка. Общество офицеровъ было самое образованное и строго держалось правилъ чести и нравственности. Солдаты семеновскіе отличались не одною наружностью, не однимъ щегольствомъ въ обмундированіи, не одною только образцовою выправкою и ружейными пріемами; но они жили гораздо лучше солдатъ другихъ полковъ, потому что бо̀льшая часть изъ нихъ были отличные башмачники, султанщики и обогащали казну свою артельную. Когда Потемкинъ былъ назначенъ въ начальники 2-й гвардейской дивизіи, то полкъ его принялъ полковникъ Шварцъ, командовавшій армейскимъ гренадерскимъ полкомъ и извѣстный по своей строгости и по знанію фронтовой службы. При обученіи солдатъ, онъ, безъ сомнѣнія, перемудрилъ свою

профессію, когда онъ, на своей квартирѣ, заставлялъ заслуженныхъ гренадеръ выпрямлять и вытягивать носокъ босой ноги, иной и раненой подъ Кульмомъ, линейкой въ рукѣ трогалъ то колѣно, то щиколку, то пятку, ввелъ палочные удары, ругался самымъ площаднымъ образомъ по примѣру другихъ начальниковъ, полагающихъ, что ругательство есть лучшее средство къ оживленію и обученію солдата. Между офицерами обнаружилось неудовольствіе; чѣмъ строже училъ полковой командиръ, тѣмъ снисходительнѣе и вѣжливѣе учили ротные командиры; неудовольствіе офицеровъ перешло къ солдатамъ. Ротою его величества командовалъ старшій капитанъ Кашкаревъ, ожидавшій со всякимъ днемъ производства въ полковники, и оттого не вникалъ съ должнымъ вниманіемъ въ свою обязанность и тѣмъ увеличилъ неудовольствіе солдатъ до такой крайности, что четыре гренадера его роты обратились прямо къ корпусному командиру И. В. Васильчикову съ жалобою на своего полковаго командира; это было вечеромъ. Васильчиковъ приказалъ немедленно привести всю роту въ дворцовый экзерциргаузъ или манежъ, освѣщенный лампами, и, послѣ тщетныхъ увѣщаній и объясненій незаконнаго ихъ поступка, велѣлъ отвести всю роту въ петропавловскую крѣпость. На другой день, по очереди, слѣдовало семеновскому полку занять караулы въ городѣ; но солдаты ослушались, не одѣвались, объявляя, что, какъ ихъ первая рота, ихъ голова, находится въ крѣпости, то ихъ ноги не могутъ безъ головы идти въ караулъ. Главное начальство послало за Потемкинымъ, чтобы ихъ уговорить и напомнить имъ долгъ службы и присяги, но воины слушали его со слезами и настаивали, что безъ головы не пойдутъ въ караулъ. Никто изъ нихъ не брался за оружіе; въ шинеляхъ и фуражкахъ вывели ихъ на площадь казармъ, а оттуда проводили въ крѣпость, гдѣ они соединились съ первою своею ротою.

Императоръ былъ тогда на конгрессѣ въ Лайбахѣ, гдѣ Меттернихъ узналъ объ этомъ происшествіи 36-ю часами раньше его, потому что нашъ курьеръ, Чаадаевъ, былъ отправленъ чрезъ сутки: донесеніе написалъ генеральнаго штаба штабс-капитанъ Александръ Мейендорфъ. Императоръ былъ недоволенъ, что дипломатическій корпусъ зналъ о томъ прежде него, и былъ растроенъ непокорностью любимаго полка своего: онъ написалъ краснорѣчивый приказъ, въ коемъ высказалъ все неудовольствіе и сожалѣніе. Полкъ былъ распредѣленъ во всѣ полки арміи. Офицеры были переведены въ армейскіе полки съ повышеніемъ чиновъ по гвардейскому старшинству. Кашкаревъ былъ отданъ подъ судъ и еще нѣсколько офицеровъ, которые совершенно

были оправданы. Подозрѣвали цѣль политическую, коей не было. Полковникъ Шварцъ былъ отчисленъ состоять по арміи, и, хотя послѣ дослужился до чина генерал-лейтенанта, но поприще его, сначала блистательное, помрачилось. Такъ кончилъ старый, знаменитый и лучшій полкъ — семеновскій, отличившійся во всѣхъ походахъ Петра Великаго и стяжавшій безсмертную славу въ битвѣ подъ Кульмомъ. Изъ лучшихъ ротъ гренадерскихъ полковъ былъ составленъ новый семеновскій полкъ.

Необходимо было уничтожить всякій поводъ къ жалобамъ и натянуть ослабѣвшія струны военной дисциплины. Безпокойства въ Піемонтѣ, вообще въ Италіи, служили предлогомъ къ походу. Священный Союзъ вмѣшивался во всѣ внутреннія дѣла чужихъ государствъ, и нашъ гвардейскій корпусъ, въ апрѣлѣ 1821 года, получилъ приказаніе выступить въ походъ. Нашъ полкъ выступилъ первый; недѣлею раньше, былъ я отправленъ впередъ съ командою хлѣбопёковъ въ 60 человѣкъ. Маршрутъ велъ чрезъ Нарву, Дерптъ, въ Лемзаль. Я радовался случаю видѣть родныхъ и родныя мѣста. Въ полной формѣ въѣхалъ я верхомъ въ Нарву, чтобы явиться коменданту; праздные горожане и мальчишки глазѣли на гвардейцевъ, и, когда поравнялся съ кузницею, раздался рѣзкій голосъ: «Остановись, Р., погоди одну минуту, я скрѣплю хлябую подкову твоего коня!» — то былъ молодой кузнецъ Гессе, бывшій мой соученикъ въ народномъ училищѣ; онъ такъ мастерски это исполнилъ, что его подкова держалась лучше прочихъ. Распредѣленіе команды по квартирамъ, пріемъ провіанта оставили мнѣ довольно досужаго времени, чтобы навѣстить старыхъ учителей моихъ и нарвскихъ знакомцевъ. По прибытіи полка и по сдачѣ хлѣба и сухарей, отправился въ Дерптъ; команда шла безъ днёвокъ, имѣла подводы для аммуниціи и оттого могла прибыть къ назначенному мѣсту въ городъ или въ мѣстечко, или въ село, за четыре или за шесть дней до прихода полка. Сначала трудно было вводить порядокъ на походѣ; послѣднія происшествія въ столицѣ и дешевая крѣпкая водка эстляндская обнаруживали худыя послѣдствія и требовали большой строгости. Даже въ моей небольшой командѣ я вынужденъ былъ наказать двухъ унтер-офицеровъ. Одинъ только день провелъ я въ Ментакѣ у брата моего Отто, который тогда уже былъ въ отставкѣ и имѣлъ отцовское имѣніе Ментакъ въ арендѣ. Отецъ мой нарочно пріѣхалъ изъ Ревеля, чтобы со мною увидѣться и благословить меня въ дальній походъ.

Въ шестнадцати верстахъ, не доходя до Дерпта, на почтовой дорогѣ, повернулъ я команду въ имѣнье Фетенгофъ, къ стар-

шему брату моему Владиміру, отставному артиллерійскому полковнику. Въ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ, онъ встрѣтилъ мою команду, щедро угостилъ ее виномъ и пирогами и повезъ меня въ Дерптъ. Славный и красивый городъ по мѣстности. Площадь и улицы оживлены были студентами въ различныхъ одѣяніяхъ, поражающихъ своею странностью: кто въ тѣсной одеждѣ, кто въ широкой, разнаго цвѣта и покроя; одинъ остриженъ подъ гребенку, другой въ букляхъ, третій съ длинными волосами ниже плечъ. Головной уборъ былъ еще страннѣе: отъ шляпы до картуза всѣхъ возможныхъ формъ, у многихъ были на головѣ семеновскіе фуражки. Между студентами имѣлъ я хорошаго пріятеля, Эрнста Гётте; съ нимъ жилъ и учился я въ Нарвѣ; послѣ онъ сдѣлался извѣстнымъ докторомъ и хирургомъ въ Петербургѣ, при обуховской больницѣ. Онъ показывалъ мнѣ славный университетъ во всей подробности. Представлялся я старцу Кноррингу, бывшему главнокомандующему на Кавказѣ при императорѣ Павлѣ, во время присоединенія Грузіи къ Россіи; старый воинъ говорилъ не иначе, какъ съ закрытыми глазами. Вмѣстѣ съ братомъ моимъ, явился я полицій мейстеру полковнику Ясинскому, котораго просилъ дать приказаніе, чтобы солдатамъ моимъ отведены были хорошія квартиры съ просторными, надежными печами. Братъ мой, слушая нашъ разговоръ, замѣтилъ, что съ такими просьбами я не далеко уйду: какъ онъ, бывало, на походѣ, схватитъ полиціймейстера за воротникъ, подыметъ его на поларшина отъ земли:—и мигомъ все устроено и улажено. Блюститель порядка и тишины смутился и возразилъ: «Какъ вы можете, баронъ, давать такіе совѣты молодому офицеру?» — «Хотите ли, отвѣтилъ тотъ:—я сейчасъ васъ подыму на воздухъ за брата!» Вспомнилъ Ясинскаго по другому позднѣйшему случаю: когда императоръ Николай навѣстилъ Дерптъ, то замѣтилъ, что жандармъ или полицейскій драгунъ держалъ саблю или палашъ не по формѣ, и приказалъ арестовать Ясинскаго. А. Х. Бенкендорфъ, въ добрую минуту, разсказалъ государю, что этотъ самый Ясинскій, узнавъ о кончинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, горько заплакалъ и спросилъ: «Какъ же это, кто теперь у насъ въ Россіи будетъ вдовствующею императрицею?» Государь приказалъ тотчасъ освободить его изъ-подъ ареста.

Въ Дерптѣ видѣлъ я въ послѣдній разъ моего дивизіоннаго начальника Потемкина. За бунтъ семеновскаго полка были смѣщены оба начальника гвардейскихъ дивизій: 1-й—баронъ Г. В. Розенъ, 2-й—Я. А. Потемкинъ; обоимъ даны были армейскія дивизіи. На мѣсто перваго изъ нихъ назначенъ былъ И. Ф. Паскевичъ, на мѣсто втораго—К. И. Бистромъ. [Начальникъ корпус-

наго штаба, А. Х. Бенкендорфъ, замѣненъ былъ П. Ѳ. Желтухинымъ; И. В. Васильчикова смѣнилъ Ѳ. П. Уваровъ. Дисциплина до такой степени ослабѣла, что солдаты, при встрѣчахъ съ офицерами, не снимали фуражекъ. Нашего полка солдатъ грозилъ въ Дерптѣ полковнику своему Подобѣдову, что въ сраженіи пуститъ въ него первую пулю; солдатъ этотъ былъ прогнанъ сквозь строй. Новое начальство стало строже и взыскательнѣе.

Въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ, въ Лемзалѣ, остановился полкъ на мѣсяцъ. Тамъ жилъ я въ загородномъ домикѣ ратсгерра Миллера. Хозяева были до такой степени внимательны къ постояльцу, что, по утрамъ, прислуга подкарауливала у окна мое пробужденіе—и въ ту же минуту приносили мнѣ кофе. Хозяйка узнала, что люблю спаржу, и съ того дня за каждымъ обѣдомъ и ужиномъ для меня особо стояло блюдо на столѣ со спаржею. По субботамъ, къ вечеру пріѣзжали къ Миллеру наставники изъ окрестныхъ помѣстій, гг. Швабе и Фаберъ, питомцы германскихъ университетовъ. Бесѣда ихъ была всегда занимательна и поучительна: они отлично играли на вѣнскомъ роялѣ; въ воскресенье, вечеромъ возвращались они къ своей должности. Пребываніе мое у г. Миллера останется всегда пріятнымъ для меня воспоминаніемъ; желаю, чтобы дѣти его находили такой радушный пріемъ, какимъ я наслаждался въ домѣ ихъ родителей. Это напоминало мнѣ гостепріимство моей матери для всѣхъ квартировавшихъ и проходившихъ офицеровъ: она сама признавалась, что дѣлаетъ это не изъ одной обязанности христіанской, но также съ корыстнымъ убѣжденіемъ, что зато и ея сыновья вездѣ хорошо будутъ приняты.

Изъ Лемзаля полкъ пошелъ въ Креславль, чрезъ Полоцкъ и Дриссу; въ обоихъ этихъ городахъ видѣлъ еще свѣжіе слѣды отечественной войны 1812 года. Вокругъ Полоцка еще лежали человѣческія кости; окопы были въ хорошемъ состояніи; въ монастырской стѣнѣ корридора видно засѣвшее 6-ти-фунтовое ядро артиллерійское. Здѣсь Витгенштейнъ отрѣзалъ французамъ дорогу въ Петербургъ, и дружины дружно помогали отбить непріятеля. Въ городѣ осмотрѣлъ я бывшее училище іезуитовъ: въ храмѣ наукъ, весьма дѣятельномъ въ свое время, остались только бѣлыя стѣны и черные столы и скамейки. Въ соборѣ, переименованномъ изъ католическаго въ греко-русскій, присутствовалъ вечеромъ на бракосочетаніи чиновника. Невѣста была хороша собою, со вкусомъ одѣта и видна была чудно обутая ножка. По окончаніи обряда, при выходѣ изъ церкви, въ большомъ кругу офицеровъ-зрителей, разговоръ шелъ все объ этой чудной ножкѣ; къ разговору прислушивался внимательно начальникъ гвардей-

скихъ донскихъ казаковъ, храбрый генералъ Ефремовъ, и сказалъ въ свою очередь: «Ну, что̀ вы, господа, находите тутъ хорошаго въ невѣстѣ? талью обхватить можно четырьмя пальцами, ноги тонкія, какъ точеныя—того и гляди, что щиколка переломится, да и всю ее сдуть можно. То ли дѣло у насъ на Дону: у женщины ноги здоровыя, такъ что полѣномъ не перешибешь; сама она толстая, высокая и сочная, такъ что можно прилѣпиться и не отлѣпишься!» — «У каждаго свой вкусъ!» былъ отвѣтъ съ различныхъ точекъ круга.

Креславль, какъ и всѣ жидовскія мѣстечки, наполненъ жидами, мелкими неутомимыми торговцами, ростовщиками, піавицами окрестныхъ поселянъ. Здѣсь стоялъ я на одной квартирѣ съ штабс-капитаномъ И. В. Малиновскимъ и познакомился съ нимъ короче. Въ столицѣ офицеры видаются только на ученьяхъ, въ службѣ; на походѣ и на стоянкахъ видались мы чаще и сошлись ближе. Онъ былъ воспитанъ въ императорскомъ александровскомъ или царскосельскомъ лицеѣ, изъ числа перваго выпуска, и отличался необыкновенною свѣтскою любезностью и былъ тогда душою и сердцемъ славный товарищъ. Среди развлеченій походныхъ, шумной забавы, кутежа и картежной игры, никогда не покидало его чувство религіозное. Въ то время сомнѣній и безвѣрія, я никогда не встрѣчалъ, кто съ такою искренностью, съ такою горячностью молился Богу, какъ онъ.

По выступленіи полка изъ Креславля, встрѣтилъ насъ, на походѣ въ селѣ Ребянишкахъ, генерал-адъютантъ Дибичъ. Онъ осматривалъ войска, объявилъ, что императоръ доволенъ порядкомъ нашего похода, что въ Италіи народы усмирились и что, какъ по наступленіи осени теперь не удобно воротиться въ столицу, то назначены намъ зимнія квартиры въ смежныхъ губерніяхъ. Нашему полку, шедшему въ авангардѣ, пришлось идти въ Гродненскую Губернію. На походѣ назначены были высочайшій смотръ и манёвры всей гвардіи въ Бѣшенковицахъ. Офицеры всего гвардейскаго корпуса условились дать тамъ обѣдъ и праздникъ царю; и, дѣйствительно, праздникъ былъ единственный въ своемъ родѣ, блистательный и сердечный. По окончаніи манёвровъ, посыпались награды орденами и чинами. Мнѣ по особенному обстоятельству, не суждено было лично участвовать въ пирахъ, а только складчиною денегъ: поздно вечеромъ, прискакалъ за мною ординарецъ полковаго командира М. Я. Палицына. Я немедленно явился и былъ принятъ ласковѣе обыкновеннаго: онъ объявилъ, что полку назначено идти, послѣ высочайшаго смотра, въ Бѣлицу, Гродненской Губерніи, что на пути нѣтъ постоянныхъ казенныхъ магазиновъ, что на него возложена обя-

занность продовольствовать полкъ на походѣ, что онъ назначаетъ меня для исполненія порученія. Я отговаривался неопытностью въ этомъ дѣлѣ, но онъ умѣлъ тронуть самую тонкую струну самолюбія молодаго офицера, сказавъ, что тутъ общая польза цѣлаго полка, что онъ надѣется на меня, какъ на каменную стѣну, и проч., отсчиталъ двадцать тысячъ рублей, далъ мнѣ курьерскую подорожную, и я ускакалъ въ ту же ночь, потому что для перваго склада продовольствія имѣлъ я только четыре дня времени. По маршруту и по разстоянію, пришлось заготовить провіантъ въ четырехъ мѣстахъ. На первыхъ трехъ пунктахъ дѣло шло безостановочно и скоро, съ помощью услужливыхъ и расторопныхъ жидовъ и высокихъ цѣнъ справочныхъ. Въ послѣднемъ мѣстѣ склада встрѣтилъ я большія затрудненія: справочныя цѣны были такъ низки, что по онымъ никто продать не хотѣлъ. Въ мѣстечкѣ Воложинѣ обратился я къ богатому помѣщику, графу Тишкевичу; онъ съ внимательностью принялъ меня, пригласилъ къ обѣду, но хлѣба не продалъ. У него въ первый разъ видѣлъ я быть старинныхъ польскихъ пановъ вельможныхъ: за полчаса до обѣда, шелъ по длиннымъ корридорамъ зàмка барабаньщикъ въ особенномъ нарядѣ, въ сопровожденіи двухъ пестро одѣтыхъ слугъ; съ разныхъ сторонъ, въ разныя двери, вошли болѣе пятидесяти домашнихъ: аббатъ, подкоморжій, управители, учители, секретари, бѣдные дальные родственники и приживалки. За обиліемъ роскошной пищи, не было занимательнаго разговора, кромѣ живаго восторженнаго разсказа о подвигахъ послѣдней псовой охоты. Съ досадой поскакалъ я обратно къ полковому командиру, разъяснилъ, что, по справочной цѣнѣ, купить невозможно, что навязывалъ исправнику деньги на продовольствіе по справкѣ, но тотъ денегъ не принялъ, и спросилъ, кàкъ поступить? Палицынъ разрѣшилъ мнѣ купить по рыночной цѣнѣ; жиды свезли проворно муку, и порученіе о продовольствіи полка исполнено было благополучно. Скакалъ я по этой дорогѣ днемъ и ночью по нѣскольку разъ туда и обратно, потому что, заготовивъ запасъ въ первомъ и во второмъ пунктѣ склада, я спѣшилъ обратно къ первому, чтобы сдать провіантъ хлѣбопёкамъ, съ которыми шелъ сослуживецъ Як. Грибовскій. Жиды таинственно и ловко учили меня, кàкъ воровать: чтобы я, въ контрактѣ съ ними, выставилъ бы десять рублей за четверть муки въ девять пудъ, а имъ платилъ бы по 9-ти рублей, а они выдадутъ мнѣ росписку въ полученіи по 10-ти рублей. Я погрозилъ поколотить его за такіе совѣты; но онъ нисколько не смутился и продолжалъ: «Помилуйте! три тысячи четвертей по рублю съ четверти — вѣдь деньги! а деньги, притомъ, казенныя, отпускаются по справкамъ,

и лишнія даромъ достаются полковому командиру и квартирмейстеру». Я показалъ ему дверь, сказавъ: «Смотри! чтобы мука была хороша!» Мука была отличная, пріемщики хвалили; я пригласилъ Грибовскаго отобѣдать со мною на почтовой станціи; чрезъ нѣсколько минутъ, вошелъ жидъ съ корзинкою. «Ты зачѣмъ пришелъ?» — «Съ гостинцемъ къ вашему благородію—кушайте во здравіе!» Грибовскій перебилъ мое слово: «къ чорту»! спросивъ, что̀ въ корзинкѣ? — «Двѣ бутылки шампанскаго и два десятка лучшихъ грушъ!»—«Давай сюда!» и взятка стояла на моемъ столѣ. Я возвратилъ бутылки жиду; сослуживецъ мой задержалъ корзину съ грушами, попрекнулъ меня въ педантизмѣ, велѣлъ отнести бутылки къ себѣ на квартиру и соблазнилъ меня на грушу. И теперь досадую за эту грушу, а товарищъ мой былъ потомъ полковымъ адъютантомъ, послѣ полковникомъ гвардіи, сошелъ съ ума и умеръ въ больницѣ. Разумѣется—не отъ этого шампанскаго и этихъ грушъ. Я выставилъ этотъ случай, чтобы указать на одно изъ тысячи искушеній, коимъ подвергается молодой офицеръ, и, если не устоитъ, то—готовый взяточникъ или воръ и попадетъ въ извѣстный разрядъ людей, утверждающихъ, что, если не надуешь, то и не наживешь!

Зимнія квартиры были намъ назначены въ Гродненской Губерніи: для штаба дивизіи—въ Лидѣ, для штаба полка—въ Бѣлицѣ. Мнѣ отведена была квартира на фольверкѣ за̀мка Ищелны, принадлежавшаго тогда вдовѣ Лесковичъ, которая имѣла единственную взрослую дочь, панну Франциску. Вошедъ въ большой залъ, замѣтилъ на стѣнѣ большую золотую рамку, украшавшую не картину, а надпись на пергаментѣ: «такого-то года, мѣсяца и числа, императоръ Александръ I Благословенный удостоилъ своимъ посѣщеніемъ за̀мокъ Ищелну». Дочь хозяйки, свѣтски воспитанная, показала мнѣ брилліантовую стрѣлу, подаренную ей императоромъ, предъ которымъ она имѣла счастье играть на арфѣ. Для этого инструмента устроена была особая круглая диванная съ высокимъ сводомъ по правиламъ акустики, возлѣ гостиной. Она играла съ большимъ искуствомъ и выраженіемъ. Воскресные дни бывалъ я у нихъ въ домовой церкви. Я жилъ отъ нихъ въ трехъ верстахъ; иногда проводилъ у нихъ длинные вечера, со старушкой игралъ въ цвикъ, при чемъ она безпрестанно подстрекала: «Пане бароне, кто не азартуе, тотъ не профитуе!» Съ дочерью читали вмѣстѣ «Mathilde ou le retour du Croisé», Caroline Lichtfeld», творенія Шатобріана и думы Ламартина. Она имѣла хорошенькую служанку изъ евреекъ, которую она обратила въ католическую вѣру. Всего охотнѣе и восторженнѣе бесѣдовала она со мною о религіи: кажется, вмѣстѣ съ

аббатомъ, старались переманить меня въ католицизмъ; но я, съ небольшимъ запасомъ богословья, собраннаго въ домѣ родительскомъ и въ нарвскомъ народномъ училищѣ отъ добраго Радекера, отстаивалъ полноту и чистоту разумно-понятаго евангельскаго ученія противъ мудрствованій и толкованій всѣхъ отцовъ всѣхъ церквей, признавая только единую церковь—Христовую новозавѣтную.

Изрѣдка навѣщалъ я Малиновскаго, стоявшаго съ ротою въ Щучинѣ; тамъ была семинарія съ ректоромъ гостепріимнымъ, который угощалъ насъ по-русски отлично устроенною банею, по-нѣмецки—превосходнымъ мартовымъ пивомъ, по-польски—25-тилѣтнею водкою. Пиво это получило свое названіе отъ солода, приготовляемаго въ мартѣ, когда ячмень выдаетъ лучшіе ростки. Водка была безъ всякаго сивушнаго запаха, желтоватаго цвѣта отъ бочки и отъ времени и вкусомъ пріятнѣе рома и коньяка. Въ Щучинѣ постоянно жили два доктора: у одного изъ нихъ была прекрасная жена; она меня плѣняла своею миловидностью и скромнымъ пріятнымъ обращеніемъ. Малиновскій дразнилъ меня ею; однако, замѣтилъ, что она походила на вторую сестру его, Анну, которую я въ первый разъ увидѣлъ два года спустя и тогда не думалъ, что она будетъ моя суженая.

Въ Лидѣ были по праздникамъ и по воскресеньямъ балы, самые веселые для походнаго офицера. Жители города и окрестностей принимали меня съ особеннымъ участіемъ, потому что братъ мой здѣсь стоялъ два года, бывъ бригаднымъ адъютантомъ въ литовскомъ корпусѣ. Для бо̀льшаго простора помѣщенія, бальный залъ состоялъ изъ двухъ смежныхъ комнатъ, съ отнятіемъ поперечной капитальной стѣны, ихъ раздѣлявшей, отчего залъ въ срединѣ имѣлъ небольшую ложбину, и, вальсируя, мы кружились то подъ горку, то на горку; но это нисколько не мѣшало плясать и веселиться при освѣщеніи сальными свѣчами и подъ звуками жидовской музыки. Обыкновенно, только съ разсвѣтомъ кончались танцы, и бо̀льшею частью, прямо отъ бала, не переодѣвшись, возвращался на квартиру за 30 верстъ и болѣе; и все—ни почемъ: не зналъ простуды и сокращалъ дорогу любимыми напѣвами.

Въ декабрѣ, рота Малиновскаго занимала караулы въ Бѣлицѣ, въ полковомъ штабѣ: это время и эта мѣстность остались мнѣ навсегда памятными по непріятному воспоминанію. Въ штабѣ всѣ играли въ карты, въ банкъ и въ штосъ: съѣзжались игроки, и 1821 года, декабря 14-го, я игралъ и заигрался, проигралъ въ одинъ вечеръ или въ одну ночь всѣ мои наличныя деньги и еще порядочную сумму въ долгъ. Ослѣпленіе это, страшная

необузданность мучили меня; я искалъ случая отъиграться и только разстраивалъ свои дѣла еще хуже. Въ своемъ мѣстѣ разскажу ниже, какъ я побѣдилъ эту несчастную страсть въ началѣ 1823 года; съ тѣхъ поръ прошло пятьдесятъ лѣтъ, и я уже никогда болѣе не игралъ въ эти азартныя игры.

Въ февралѣ 1822 года, баталіонъ нашъ выступилъ для занятія карауловъ въ корпусную квартиру, въ Минскъ. Я былъ отправленъ впередъ квартирьеромъ и долженъ былъ явиться начальнику штаба, П. Ѳ. Желтухину, назначенному на мѣсто А. Х. Бенкендорфа. Тутъ былъ я свидѣтелемъ непріятной сцены. Желтухинъ, обратившись къ гевальдигеру, штаб-офицеру, и, указавъ рукой на свой письменный столъ, спросилъ его: «Отчего перекладина между ножками поставлена ребромъ, а не плашмя, какъ я приказалъ?» Гевальдигеръ отговорился невѣдѣніемъ, непониманіемъ приказанія. «Я приказалъ—и довольно; а за непослушаніе я васъ впредъ отправлю въ нужное мѣсто на веревкѣ». Такимъ обращеніемъ онъ думалъ поднять дисциплину. Въ Минскѣ мы пробыли три недѣли: плохой театръ, два бала служили намъ развлеченіемъ; на одномъ изъ нихъ паръ сорокъ становились для общей кадрили, изъ которой составились отдѣльныя, и мнѣ пришлось быть въ парѣ съ И. Ѳ. Паскевичемъ, тогда дивизіоннымъ начальникомъ 1-й гвардейской дивизіи; въ немъ тогда трудно было отгадать блестящую громкую его будущность. Котильонъ, безконечный вальсъ съ фигурами, продолжался три часа и больше; послѣ бойкаго и утомительнаго танца, захотѣлось поужинать, но въ карманѣ было пусто. Между тѣмъ, лейб-гусары приказали накрыть для себя отдѣльный столъ; за ихъ ужиномъ предсѣдательствовалъ ихъ полка флигель-адъютантъ Шепингъ; въ различныхъ углахъ сѣли ужинать офицеры различныхъ полковъ, но особо по полкамъ. Громко раздавались требованія: лафиту, сотерну, рябчиковъ, шампанскаго! Мой ротный командиръ, баронъ И. И. Саргеръ, спросилъ меня, отчего я не ужинаю? «Денегъ нѣтъ! отвѣтилъ я:—да, какъ видно, никто изъ нашего полка не ужинаетъ, вѣроятно, по той же причинѣ». «Только-то!» возразилъ Саргеръ, лихой товарищъ. По его заказу, въ одну минуту былъ накрытъ большой столъ; насъ было человѣкъ двадцать: подавали лучшія блюда, отборное вино; съ другихъ сосѣднихъ столовъ кричали: бургонскаго! Прислуга отвѣчала, что въ л.-г. финляндскій полкъ забрали все 1-го сорта. Нашъ столъ перещеголялъ всѣ столы. Саргеръ потиралъ себѣ руки, что полкъ обратилъ на себя общее вниманіе; это было ухорство по тогдашнимъ понятіямъ. Послѣ ужина, мы поблагодарили радушнаго хозяина, а онъ со смѣхомъ сказалъ, что и

его кошелекъ—пустой и что всѣхъ насъ угостила его рота. На другой день, онъ собралъ всю роту, объявилъ, что онъ вчера издержалъ все ихъ жалованье, что заплатитъ имъ сполна чрезъ три недѣли, по полученіи денегъ изъ Петербурга по почтѣ; «рады стараться для вашего высокоблагородія!» былъ отвѣтъ роты, и Саргеръ остался вполнѣ доволенъ своею выходкою.

Чрезъ мѣсяцъ, баронъ Саргеръ уѣхалъ въ отпускъ, старшій по немъ офицеръ Румянцовъ былъ боленъ; меня назначили командовать ротою Его Высочества, и для того оставилъ я Ищелну и перебрался въ мѣстечко Желудокъ, помѣщика графа Тизенгаузена. Для постоянныхъ занятій солдатъ введены были нѣсколько новыхъ ружейныхъ пріемовъ и новый шагъ, по коему учили подымать ноги живо изъ подъ себя и ударять ими въ землю съ темпомъ, отчего шагъ выходилъ не больше, какъ въ поларшина, и, такимъ образомъ, масса двигалась съ усиліемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень медленно достигала цѣли. Каждый день были ученья по два раза въ день.

Въ маѣ 1822 г., гвардейскій корпусъ получилъ повелѣніе возвратиться въ Петербургъ. Мы шли чрезъ Вильну, гдѣ манёвры въ присутствіи императора продолжались четыре дня. Городъ очень красивъ своимя зданіями и окрестными зȧмками на сосѣднихъ высотахъ. Въ Вильнѣ имѣлъ я случай осмотрѣть клинику. Два раза былъ я въ серебрянной залѣ, гдѣ акціонеры держали значительный банкъ, и главный банкометъ не сходилъ съ своего мѣста до смѣны другимъ. Метавшій банкъ похожъ былъ на мумію: лицо его блѣдно-желтоватое, безъ движенія въ чертахъ, двигались только руки съ картами, и молчаливо получалъ и раздавалъ деньги. Тамъ на мѣлокъ не играли, и лучше, потому что нельзя было проиграть больше наличной казны своей. Возлѣ банкомета лежали пачки банковыхъ билетовъ на огромныя суммы, пачки ассигнацій, свертки золота, кучи червонцевъ и цѣлковыхъ. Изъ этой серебрянной залы молодёжь, бȯльшею частью, отправлялась въ такія мѣста, гдѣ, кромѣ денегъ, могла потерять и здоровье.

Побывавъ полтора года въ Литвѣ, познакомился я нѣсколько съ этою страною и ея жителями. Тогда дворяне или помѣщики отличались вообще дерзкимъ высокомѣріемъ противъ низшихъ сословій и бѣдныхъ и лестью и искательствомъ предъ высшимъ и богатымъ. Сурово обращались они съ крестьянами, какъ съ рабами; главное и любимое занятіе была охота, а съ нею—нераздѣльныя картежничество и попойки. Зато ужь, ежели между ними встрѣтишь образованнаго, благовоспитаннаго человѣка, то такой, въ любой странѣ, былъ бы украшеніемъ лучшаго

общества. Женскій полъ въ этомъ сословіи искони отличался привлекательностью и необыкновенною любезностью. Самый языкъ польскій, жесткій и шепелеватый въ выговорѣ мужчинъ, становится звучнымъ и мягкимъ въ устахъ женщинъ. Крестьяне въ полномъ смыслѣ слова — рабы, и по своему положенію, и по своему наружному виду. Бѣдность во всемъ: ихъ давятъ, съ одной стороны, управитель или арендаторъ, а съ другой—жиды; оттого они на низшей ступени гражданственности влачатъ печальную жизнь среди невѣжества и нищеты. Духовенство утѣшаетъ ихъ въ костёлахъ по-латыни, чего они не понимаютъ, и грозитъ, и стращаетъ по-польски только во время исповѣди; оно не защищаетъ ихъ противъ помѣщика или власти судебной и полицейской, потому что получаетъ содержаніе и защиту отъ дворянъ, а съ крестьянъ нѣчего и брать. Среднее сословіе, купцы, ремесленники, трактирщики, состояли изъ многочисленной массы жидовъ-торгашей, неутомимо дѣятельныхъ. Ни днемъ, ни ночью, во время частыхъ моихъ переѣздовъ и переходовъ, я ни разу не видѣлъ спящаго жида; питается онъ бѣдно лукомъ и блинами, терпитъ ругательства и побои, готовъ бѣгать цѣлый день за пятакъ. Главный его двигатель — деньги: съ ихъ помощью, откупается онъ легко, когда самъ попадется въ бѣду. Жиды потакаютъ безпечности крестьянъ, давая имъ взаймы деньги, а въ долгъ—водку, чтобы осенью, послѣ жатвы, содрать съ нихъ по сту процентовъ и больше, чтобы снова обязать и одолжить ихъ и потомъ разорить совершенно. Такой же печальный видъ предъявляютъ села, деревни, мѣстечки, пашни, луга и стада. Рѣдко случалось видѣть благоустроенное помѣстье образованнаго владѣльца. Бо̀льшая часть изъ богатыхъ помѣщиковъ, пановъ, проживаетъ въ большихъ городахъ Европы и ввѣряетъ свои помѣстья и судьбу своихъ крестьянъ безсовѣстнымъ арендаторамъ. По истинѣ, жалкая Литва!

Обратный походъ нашъ велъ насъ по другой дорогѣ. Маршрутъ нашей дивизіи указалъ на Динабургъ, Псковъ, Лугу и Гатчино; а 1-я дивизія возвращалась по нашему первому пути, чрезъ наши Прибалтійскія Губерніи. Походъ по мѣстности, мало населенной, не представляющей никакихъ красотъ природы, ни горъ, ни рѣкъ большихъ, ни лѣсовъ сбереженныхъ, ни селъ красивыхъ, ни образцовъ обработанныхъ полей или роскошныхъ луговъ, былъ до крайности однообразенъ. Дороги въ худомъ состоянія вели по пескамъ, по болотистымъ низменностямъ, по лѣсамъ, изведеннымъ близь дорогъ и селеній, такъ что походили болѣе на кустарники, въ коихъ собирали только бруснику.

Дисциплина введена была строгая. Исчезли ожиданія и во-

сторгъ, съ коими надѣялись мы, по выступленіи изъ Петербурга, побывать въ чужихъ краяхъ, подъ синимъ небомъ живописной монументальной Италіи, и доказать непреоборимость русскаго штыка. Однообразіе переходовъ и мѣстности перерывалось только солдатскими пѣснями. Эти пѣсни, сотни голосовъ, послушныхъ запѣвалѣ, съ бубнами и треугольниками, и свистками, заставляли забывать и жаръ, и усталость, особенно когда проходили селенія и собирались жители поглазѣть на насъ.

Въ Динабургѣ навѣстилъ я въ землянкѣ бывшаго однополчанина, переведеннаго въ армейскій полкъ и находившагося при крѣпостныхъ работахъ. Отдѣланныя каменныя стѣны имѣли грозный видъ, обшивка стѣнъ тесаннымъ камнемъ стóила много денегъ и трудовъ. Солдаты за полверсты носили песокъ въ мѣшечкахъ, вмѣсто того, чтобы по постланнымъ доскамъ перекатить его на тачкахъ въ десять разъ больше и скорѣе.

Въ Псковской Губерніи ночевалъ я нѣсколько разъ въ деревняхъ раскольниковъ, и никто изъ нихъ не зналъ, отъ чего произошелъ ихъ расколъ и въ чемъ онъ состоитъ? а оправдывались въ различіи богослуженія и обрядовъ заучеными словами: «такъ насъ отцы наши учили». Въ Псковѣ путешественникъ невольно пораженъ бываетъ множествомъ старинныхъ церквей съ куполомъ въ видѣ луковицы и до того тѣсныхъ, что помѣщаютъ не болѣе ста прихожанъ. Зато на одной улицѣ десятки церквей въ близкомъ одна отъ другой разстояніи. Въ былое время, когда и Псковъ велъ торговлю съ Ганзою, каждый усердный богомолецъ желалъ выстроить свою церковь для своей семьи и для своихъ родныхъ; оттого и такое множество и такая тѣснота церквей.

Городъ Луга не красивъ; но уѣздъ богатъ водами и лугами. Рота дневала въ 10-ти верстахъ отъ города: вечеромъ поѣхалъ туда и засталъ кружокъ сослуживцевъ за рюмками. Стѣснительно и неловко человѣку трезвому явиться въ кругъ товарищей упоенныхъ, толкующихъ обо всемъ, чтò на умъ придетъ. Я выпилъ рюмку, но, чрезъ минуту, одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ на мой счетъ: «Р. іезуитствуетъ: самъ не пьетъ и надъ нами издѣвается!» Слово іезуитъ принималось за брань; съ пьянымъ нельзя объясниться, мнѣ оставалось только спросить: «Да по скольку же рюмокъ выпили вы до моего прихода?»—«По шести».—«Ну, такъ давайте шесть!», а пили прекрѣпкую тогда модную водку—гольдвассеръ — почти спиртъ съ плавающими золотыми звѣздочками. Выпилъ шесть, одну за другою, безъ остановки. «Теперь господа! не только поровнялся съ вами, но за вами остается долгъ, потому что я выпилъ рюмку, когда съ вами поздоровался!» —

«Ахъ душа! душа!», данное мнѣ прозванiе въ полку, и пошли объятія, и толки, и смѣхъ, и пѣсни; о картахъ нельзя было подумать. Послѣ полуночи, разошлись и разъѣхались. Я ѣхалъ съ барономъ Саргеромъ на лихой его тройкѣ, ночь была свѣтлая, лунная, телега надежная, а для бо̀льшей безопасности мы обхватились локтями, я правымъ, онъ лѣвымъ, чтобы центръ тяжести двухъ тѣлъ приходился на средину. Тогда всѣ курили трубку—кто изъ стамбулки, кто изъ пѣнковой; у Саргера была высокая пѣнковая, подъ названіемъ венгерской или шампанской; слышу и гляжу, что онъ пыхтитъ губами, а дымъ не идетъ. «Что̀ за чортъ, трубка погасла!» ворчитъ сосѣдъ и опять пыхтитъ пуще прежняго, а дыму не видать. Гляжу пристальнѣе и вижу, что онъ мундштукъ гнутаго чубука пялитъ все въ ухо вмѣсто рта, отчего и напрасно пыхтѣлъ и трубка его погасла. На пятой верстѣ виднѣлся длинный постоялый дворъ. Саргеръ приказалъ кучѐру тамъ остановиться для разбора жалобы на трактирщика. «Полно, И. И., сказалъ я положительно:—оставьте это до завтра; мы съ ротой здѣсь пройдемъ, и вы спокойно все разберете».—«Нѣтъ, нельзя! я ужь назначилъ; здѣсь ожидаютъ меня свидѣтели—стой!» Что̀ тутъ было дѣлать: будь мой кучеръ и мои кони, я закричалъ бы: пошелъ! Сошли мы благополучно съ повозки; у крыльца ждали два унтеръ-офицера, свидѣтели и трактирщикъ. Саргеръ стоялъ, какъ столбъ, толково и кратко разспросилъ прикосновенныхъ къ дѣлу и порѣшилъ все сразу. Мы важно сѣли опять въ повозку, и, кажется, напряженіе ума и тѣла немного протрезвило насъ. Это—одинъ изъ тысячи подобныхъ эпизодовъ военной жизни тогдашняго времени, молодёжи, участвовавшей въ войнѣ 1812 года, и молодёжи, подражавшей ей.

ГЛАВА II.

Возвращеніе гвардіи и служба.

Петергофъ.—Грубое обхожденіе. — Вступленіе въ Петербургъ.—Знакомство. — Ка̀къ отстать отъ страсти?—Ка̀къ нажить богатство?—Наводненіе 7-го ноября 1824 г. — Самоотверженіе А. Х. Бенкендорфа. — Николинъ день. — Балъ во дворцѣ.—В. Ф. Малиновскій.—А. А. Самборскій.—П. Ф. Малиновскій.—Сватовство. — Обрученіе. — Благословеніе матери. — Шагистика и темпистика.— Экзерцирмейстръ.—Форма.—Свадьба.—Лагерь.—Прощаніе. — Ораніенбаумъ. — Характеристика.

Полкъ переночевалъ въ Гатчинѣ, офицеры были угощены во дворцѣ. 20-го іюля, нашъ первый баталіонъ первый вступилъ

въ Петергофъ; на слѣдующій день былъ я наряженъ въ караулъ въ петергофской заставѣ. Ожидали императора и весь дворъ, чтобы 22-го праздновать тезоименитство вдовствующей императрицы Маріи Ѳедоровны. Временнымъ комендантомъ въ городѣ назначенъ былъ нашъ начальникъ штаба П. Ѳ. Желтухинъ, а плац-майоромъ — полковникъ лейб-гвардіи павловскаго полка Августъ Мандерштернъ, извѣстный служака; упоминаю о такихъ мелочахъ потому только, что онѣ грозили мнѣ бѣдою. Я зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и не сходилъ съ платформы до пробитія вечерней зари. Плац-майоръ и дежурный по карауламъ, полковникъ М. Ф. Митьковъ, безпрестанно извѣщали меня и повторяли свои приказанія. Казаки мои разсыльные то и дѣло, что̀ скакали съ рапортичками моими о прибытіи генераловъ. Наконецъ, въ восьмомъ часу вечера, пріѣхалъ государь; караулъ мой отдалъ ему честь, коляска его остановилась; онъ махнулъ рукою—барабанъ умолкъ—и мы первые изъ возвратившихся гвардейцевъ услышали его ласковое привѣтствіе: «Я очень радъ, ребята, что васъ опять вижу!» Казакъ поскакалъ къ коменданту съ рапортомъ; пробили вечернюю зарю, и я радовался благополучному окончанію дня. На другой день, поутру, получилъ приказаніе по смѣнѣ съ караула явиться къ коменданту. Признаюсь, что я крѣпко смутился, вспомнивъ его обращеніе съ гевальдигеромъ въ Минскѣ, въ присутствіи многихъ подчиненныхъ. Вхожу въ его квартиру въ петергофскомъ дворцѣ, остановился въ первой комнатѣ въ виду Желтухина, который, при открытыхъ дверяхъ, сидѣлъ, въ другой комнатѣ за письменнымъ столомъ; возлѣ него, по обѣимъ сторонамъ, стояли адъютанты и офицеры генеральнаго штаба: Н. М. Муравьевъ, Штернгіельмъ и другіе. Комендантъ писалъ, говорилъ съ адъютантами и поглядывалъ на меня; наконецъ, онъ пальцемъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы подойти къ нему. Я спокойно оставался на мѣстѣ, полагая, что онъ зоветъ лакея или позади меня стоявшаго ординарца; знакъ этотъ пальцемъ повторялся еще два раза; я оглянулся назадъ и не трогался съ мѣста. Тогда онъ повелительнымъ голосомъ сказалъ: «Господинъ караульный офицеръ, пожалуйте сюда!» Я подошелъ къ самому столу, и, хотя не зналъ за собой никакой вины, но страхъ боялся грубаго слова. «Какимъ образомъ, продолжалъ онъ:—пишите вы въ рапортахъ, что проѣхали чрезъ заставу генерал-адъютанты графъ Апраксинъ и Левашевъ и проч., а не отмѣтили, куда они ѣхали?» На этотъ первый запросъ, на эту пустую придирку мнѣ легко было отвѣтить: «Ваше превосходительство, въ заглавіи моихъ рапортовъ выставлено «Пріѣхавшіе въ Петергофъ»; слѣдовательно, всѣ они пріѣхали

сюда». — «Вы хотите оправдываться, сказалъ онъ громче: — но кàкъ же вы рапортуете о пріѣздѣ генерала отъ инфантеріи, князя Ливена, между тѣмъ, какъ его здѣсь нѣтъ; один князь Ливенъ посломъ въ Лондонѣ, другой—въ чужихъ краяхъ?» Я объяснилъ, что шлагбаумъ отъ караульной платформы въ 30-ти шагахъ; тамъ унтер-офицеръ останавливаетъ экипажи, распрашиваетъ о фамиліи и званіи, откуда и куда ѣдутъ, и, если генералъ, то караулу кричитъ: «вонъ»! для отданія чести, и потомъ уже приходитъ ко мнѣ съ запискою, на коей написано было: генералъ отъ инфантеріи князь Ливенъ; промчалась большая карета, въ коей не могъ распознавать лицъ, сидѣвшихъ въ глубинѣ кареты, и, сверхъ того, не имѣю чести лично знать князей Ливенъ. Желтухинъ, выслушавъ, сказалъ съ досадою: «Вижу, что вы хотите оправдываться фразами; прошу впередъ исправнѣе стоять въ караулѣ». Я вышелъ, какъ будто получилъ награду, и благодарилъ Бога. Вечеромъ, сказалъ мнѣ мой баталіонный командиръ М. Ф. Митьковъ, что Желтухинъ распрашивалъ его о моей службѣ и о моемъ поведеніи и, когда получилъ отвѣтъ въ совершенную пользу мою, то возразилъ: «Въ такомъ случаѣ, этотъ офицеръ получилъ дурное образованіе».

Я могъ бы назвать много генераловъ, которые, по неумѣнью обращаться съ подчиненными, лишились средствъ быть полезными и занять мѣсто по способностямъ своимъ: они могли пользоваться уваженіемъ къ заслугамъ своимъ, но преданностью неограниченною, но любовью — никогда! Не знаю, кàкъ военные начальники обходились съ офицерами до 1812 года, кажется, патріархально, а подчиненные отвѣчали сыновнимъ послушаніемъ. Послѣ 1812 года, появились другія притязанія, другія требованія. Мнѣ разсказывалъ старый командиръ: «Бывало, въ арміи на ученьи, во время отдыха, офицеры соберутся въ кружокъ, бесѣдуютъ и смѣются, а, какъ только командиръ скомандуетъ «смирно!» — то всѣ бѣгомъ по своимъ мѣстамъ: капитанъ бѣжитъ и толкаетъ въ шею поручика, поручикъ подпоручика, а тотъ прапорщика, и всѣ, какъ вкопанные, стоятъ на своемъ мѣстѣ. А теперь что? закричишь — смирно! да еще предъ гвардейскимъ полкомъ, и офицеры мѣрными шагами и преспокойно идутъ къ своимъ рядамъ, припѣвая или присвистывая изъ Фрейшица!» Личная честь и честь полка, въ мое время, поддерживаемы были настойчиво. Многимъ памятна исторія поручика Кошкуля, который впослѣдствіи командовалъ лейб-гвардейскимъ кирасирскимъ полкомъ Его Величества. Однажды, М. С. Лунину на ученьи, сказалъ простодушный командиръ Депрерадовичъ: «Штабс-ротмистръ Лунинъ, вы спите?» — «Виноватъ, ваше пре-

*

восходительство: спалъ, и видѣлъ во снѣ, что вы бредите!» — былъ отвѣтъ. Эти случаи достаточно высказываютъ духъ времени; лишне будетъ описать поединки полковника Уварова съ М. К. барономъ Розеномъ, Бистрома съ Карновичемъ и множество другихъ. Послѣ происшествія въ семеновскомъ полку, началась реакція. Въ лейб-гвардейскомъ егерскомъ полку, въ Вильнѣ, разжалованъ былъ полковникъ Н. Н. Пущинъ; В. С. Норовъ переведенъ былъ въ армію...

Праздникъ въ Петергофѣ былъ, въ полномъ смыслѣ слова — царскій. Освѣщеніе сада, великолѣпнаго водомета Самсона, раскрывающаго пасть льва, изъ коей въ радужныхъ цвѣтахъ подымалась и разсыпалась огромная струя воды; иллюминованные корабли на взморьѣ; повсемѣстно—музыка и пѣсни; катанье двора по освѣщеннымъ аллеямъ сада на малиновыхъ линейкахъ; тысячи народа въ различной одеждѣ—все это представляло очаровательное зрѣлище, рѣдко встрѣчающееся въ дѣйствительности, изображаемое только въ сказкахъ и невѣроятное для того, кто самъ его не видѣлъ. Но всего болѣе прельстила меня въ Петергофѣ, на другой день, поутру, встрѣча съ императрицею Елисаветою Алексѣевной, ѣхавшей на откинутыхъ парныхъ дрожкахъ къ бесѣдкѣ Монплезиру, въ одеждѣ скромной, какъ лицо частное; но черты ея лица выражали все, что называется добродѣтелью.

По вступленіи полка въ Петербургъ, въ наши казармы на Васильевскомъ Острову, на Невѣ, противъ горнаго корпуса, явились мы къ новому полковому командиру, генералу Василію Никаноровичу Шеншину, отличившемуся въ отечественной войнѣ знаменитымъ прикрытіемъ отступленія подъ Бауценомъ. Послѣ Рихтера и Палицына, онъ былъ уже третій мой полковой командиръ. Кромѣ достоинства воина, имѣлъ онъ всѣ качества честнаго, благороднаго и добраго человѣка. Служба въ городѣ и въ казармахъ продолжалась попрежнему. Съ небольшими денежными средствами, служба въ столицѣ предлагала только утомленіе, потерю здоровья и, въ добавокъ, долги. Я жаждалъ дѣятельности: Кавказъ предлагалъ мнѣ жизнь боевую, славу. Я рѣшился просить о переводѣ моемъ за Кавказъ, въ Грузію, поближе къ Ермолову, въ полкъ Попова, стоявшій тогда въ крѣпости Гори. Шеншинъ сердечно отговаривалъ меня, увѣряя, что на Кавказѣ жизнь—не жизнь и смерть—не какъ смерть, а вездѣ тоска и ужасъ. Я остался непреклоннымъ; прошеніе мое пошло дальше, и, чрезъ три недѣли, получилъ рѣшительный, но лестный отказъ отъ корпуснаго командира и денежную награду. Служба шла своимъ чередомъ. Шеншинъ предложилъ мнѣ быть

его полковымъ адъютантомъ, предложилъ мнѣ верховаго коня и экипажъ; я отказался единственно по той причинѣ, что не имѣлъ англизированнаго верховаго коня и экипажа.

Въ концѣ августа 1822 года, сослуживецъ мой И. В. Малиновскій ввелъ меня въ кругъ своего семейства, только что возвратившагося изъ Ревеля съ морскаго купанья. Три сестрицы его, круглыя сиротки, жили тогда въ домѣ дяди своего со стороны отца, П. Ф. Малиновскаго, подъ крыломъ единственной тётки своей, со стороны матери, Анны Андреевны Самборской. Я радъ былъ познакомиться въ такомъ домѣ, имѣть вѣсти объ отцѣ моемъ, съ которымъ онѣ часто видались въ Ревелѣ, и, хотя тогда не имѣлъ никакого намѣренія жениться, но средняя сестра Анна, своимъ лицомъ, наружностью, голосомъ, одеждою, скромнымъ обхожденіемъ вызвала во мнѣ чувство безотчетное. Съ перваго дня знакомства, тайный голосъ нашептывалъ мнѣ, что она должна быть моею женою, что только съ нею буду счастливъ. Бывало, на вечерахъ и балахъ, въ кадрили и котильонѣ, въ одинъ день я влюблялся не въ одну, а въ двѣнадцать хорошенькихъ женщинъ и дѣвицъ, а на слѣдующій день—поминай, какъ ихъ звали, и поутру, и по вечерамъ, вмѣсто вздоховъ любви, раздавалась моя пѣсня: «Солдатъ на рундукѣ», или: «Пусть волкомъ буду я, любите лишь меня!» Но въ этотъ разъ, по временамъ, когда я ѣзжалъ въ этотъ домъ, постоянная скромность, всегда одинаковое смиреніе, кротость постоянная не могли не плѣнить. Съ того времени, бойкая веселость моя немного приутихла, больше сидѣлъ дома, охотнѣе сталъ заниматься чтеніемъ, становился терпѣливѣе, рѣже сталъ играть въ карты, хотя страсть къ игрѣ была такъ сильна, что въ церкви и дома, сколько ни давалъ клятвъ отстать отъ игры, но въ самый день данной клятвы, вечеромъ и за полночь, игралъ, и все игралъ бы пуще прежняго.

Однажды утромъ, въ октябрѣ 1822 г., бывъ въ какомъ-то торжественномъ настроеніи души, стоялъ я долго у окна, глядѣлъ на темныя волны Невы и углубился въ размышленія. Скорбѣлъ о слабости воли при добрыхъ благородныхъ намѣреніяхъ. Сердце мнѣ твердило, что человѣкъ можетъ сдержать свое слово: стоитъ только захотѣть, и можно отстать отъ игры; разумъ отозвался, что выполненіе такого намѣренія непремѣнно послужитъ къ лучшему, что, при азартной игрѣ, пропадутъ милліоны рублей и всякое достояніе; а кто не играетъ, тотъ можетъ пріобрѣтать, и много ли, мало ли, можетъ назвать своимъ, а не пропадетъ оттого, что тузъ или десятка лягутъ направо или налѣво. Съ того дня я пересталъ играть въ азартныя игры, и это

уже не стòило мнѣ никакой борьбы, такъ что, въ тотъ же вечеръ, изъ новгородскаго подворья, въ коемъ Филаретъ, послѣ знаменитый митрополитъ московскій, служилъ всеночную, зашелъ ко мнѣ мой побѣдитель въ картахъ и предложилъ сыграть съ нимъ, представляя мнѣ возможность отыграться; но я не согласился, и теперь, когда пересматриваю мои Записки, минуло уже пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ упомянутое утро пересталъ играть въ банкъ и въ штосъ. До этой счастливой минуты, я также разсуждалъ и также чувствовалъ, но безъ успѣха. Безъ сомнѣнія, много къ тому содѣйствовала тайная любовь; но я не могъ назвать себя влюбленнымъ, сравнивая себя съ другими влюбленными, предающимися своей страсти, какъ я безотчетно предавался страсти къ игрѣ въ карты; моя любовь требовала нравственнаго усовершенствованія, такого образа мыслей, который состоитъ изъ слiянiя умственнаго и нравственнаго стремленія, и дѣйствуетъ на сердце и на характеръ. Мышленія мои становились возвышеннѣе и чище; цѣль моей жизни получила другое направленіе. И въ этомъ сознаніи, что хотя слабо и медленно человѣкъ улучшается, есть уже блаженство выше всякихъ чувственныхъ наслажденій и шумныхъ развлеченій. Вопреки этой перемѣны во мнѣ, замѣченной всѣми сослуживцами, сохранилъ я прозваніе *души* въ полку, какъ въ ротѣ лихой пѣсенникъ или запѣвала прозывается между товарищами *душею* роты.

Зимою 1823 года, получилъ я кратковременный отпускъ. На пути извѣстилъ я брата моего Отто, который имѣлъ тогда отцовское имѣніе на арендѣ. Засталъ его въ маленькомъ, низенькомъ домикѣ, занесенномъ снѣгомъ, такъ что изъ оконъ только видно было небо. Напротивъ домика стояли голыя стѣны огромнаго сгорѣвшаго каменнаго дома, въ коемъ я родился. Братъ обрадовался моему пріѣзду, принялъ меня съ обычною любовью— но наружный видъ его выказывалъ заботу и трудъ. Подали чашки; среди дружеской бесѣды, братъ часто вставалъ, ходилъ въ уголъ комнаты, нагибался, возвращался; я не могъ примѣтить, чтò онъ тамъ дѣлалъ; наконецъ, онъ принесъ оттуда чайникъ и налилъ славнаго чаю. — «Чтò ты тамъ дѣлалъ въ углу? откуда принесъ чайникъ?» — Съ усмѣшкою отвѣтилъ онъ, что фарфоровой чайникъ стоялъ накрытый на мѣдномъ чайникѣ съ кипяткомъ.—«Неужели у тебя нѣтъ самовара?» — «Нѣтъ, онъ слишкомъ для меня дорогъ».—«Помилуй, 25 рублей ассигнаціями; онъ прослужитъ, по крайней мѣрѣ, десять лѣтъ—такъ неужели не можешь употребить на то 2 руб. 50 коп. въ годъ?»—«Нѣтъ, не могу по совѣсти; имѣніе у меня на арендѣ, отцу надобно платить въ срокъ, онъ живетъ въ городѣ; моя опытность, мое

умѣнье еще очень недостаточны, потому долженъ во всемъ ограничивать мои собственные расходы». Я понялъ все дѣло: отчего мятель занесла его окна—рабочіе люди понадобились ему на другія производительныя работы; отчего въ пространной конюшнѣ въ 24 стойла стояла только тройка разномастныхъ и разнорослыхъ лошадей; отчего въ каретникѣ не было рессорнаго экипажа, а только бричка и двухколесная таратайка. Онъ во всемъ отказывалъ себѣ, зато исправно платилъ отцу; отецъ мой былъ доволенъ и рѣшился передать имѣніе сыну, отъ котораго не могъ имѣть такого обезпеченія въ исправности платежей, какъ отъ чужаго богатаго и опытнаго арендатора. Въ братѣ я видѣлъ труженика, связаннаго обстоятельствомъ, и не могъ не оправдывать его начинателя, новичка, который, прослуживъ десять лѣтъ въ арміи, участвовалъ въ войнѣ 1812 г., съ торжествомъ вступилъ въ Парижъ, но въ службѣ счастья не имѣлъ и еще во-время рѣшился употребить свои силы на другомъ поприщѣ. Въ своемъ мѣстѣ разскажу ниже, въ какой обстановкѣ и за какимъ самоваромъ я засталъ его чрезъ 18 лѣтъ. Тутъ не бережливость, не скупость, повели къ богатству; но правило — собрать собственнымъ трудомъ и изъ собственной земли свой запасной производительный капиталъ для большихъ предпріятій по сельскому хозяйству. Трудности пріобрѣтенія собственнаго капитала научаютъ дорожить пріобрѣтеннымъ добромъ и быть осмотрительнымъ и осторожнымъ; между тѣмъ какъ предпріятіе на чужія деньги, взятыя взаймы, бо̀льшею частью переходитъ опять въ чужія руки.

По возвращеніи моемъ изъ отпуска, принялъ я учебную команду. Для здоровья солдатъ и просторнѣйшаго размѣщенія ихъ въ казармахъ, повелѣно было помѣстить, по очереди, по одному баталіону съ каждаго полка въ окрестныхъ селеніяхъ вокругъ столицы. Каждое лѣто стояли мы въ лагерѣ, въ Красномъ Селѣ, отъ мая до августа; эти стоянки кончались манёврами и петергофскимъ праздникомъ. Осенью, 1824 года, стоялъ я съ учебною командою въ Новой Деревнѣ, противъ Каменнаго Острова; команда училась ежедневно въ манежѣ каменно-островскаго дворца. 7-го ноября, съ восходомъ солнца, отправился въ манежъ; вѣтеръ дулъ такой сильный и порывистый, что я въ шинели не могъ идти, и отослалъ ее на квартиру. Во время ученья замѣтили, что вода втекаетъ въ ворота, и, когда отворили ворота, то она потокомъ стала втекать въ манежъ. Немедленно повелъ команду бѣглымъ шагомъ къ мосту, котораго плашкоуты уже были подняты водою до такой высоты, что досчатая настилка съ двухъ концовъ отдѣлилась совершенно и не было сообщенія.

Тогда солдаты поставили нѣсколько досокъ на искось къ поднявшемуся мосту и съ помощью большихъ шестовъ перебрались по одиночкѣ, побѣжали по мосту и составили такую же переправку на другомъ берегу, гдѣ вода еще не выступила отъ того, что правый берегъ рѣки былъ выше лѣваго. Пока добирались до квартиръ въ крестьянскія избы, вода начинала насъ преслѣдовать. Крестьяне поспѣшно выгнали лошадей и рогатый скотъ по направленію къ парголовскимъ высотамъ; на лошадяхъ ускакали, бо̀льшая часть рогатаго скота утонула. Я собралъ мои вещи и книги; полъ моей квартиры былъ на четыре фута выше земли, и, когда вода выступила изъ подпола, перебрался на чердакъ и на крышу. Взору представилась картина необыкновенная: избы крестьянъ, дачи, дворецъ каменно-островскій съ лѣвой стороны, дворецъ елагинскій съ правой стороны, деревья, фонарные столбы — все въ водѣ средь бушующихъ волнъ. Часть Новой Деревни, съ моей квартирою, была застроена въ видѣ стараго угла: къ этому углу, по направленію вѣтра, приплыло и остановилось множество барокъ и лодокъ съ Елагинскаго Острова. Мнѣ удалось вскочить въ такую лодку и съ трудомъ пробраться вдоль деревни; солдаты мои захватили три лодки и вмѣстѣ перевезли, плавая взадъ и впередъ, всю команду, казенную амуницію на огромную барку, съ коей при постройкѣ на Елагинскомъ Острову, была выгружена известка. Тогда было около полудня: сколько могли захватить, взяли съ собою хлѣба и расположились оставаться до послѣдней возможности въ этой случайной гавани. Глубины воды было уже на шесть футовъ; а, въ случаѣ еще бо̀льшаго прилива, хотѣли выбраться изъ угла на просторъ и спастись какъ придется. Крестьяне послѣдовали нашему примѣру и пересѣли въ другія барки; бо̀льшая часть крестьянъ оставалась на крышахъ своихъ домовъ, крестились, молились вслухъ и говорили о свѣтопреставленіи. Во второмъ часу, порывистый вѣтеръ началъ утихать; вода быстро стала сбѣгать, такъ что, еще до заката солнца, могли мы оставить нашъ ковчегъ и по приставшему и накопившемуся хламу всякаго рода съ трудомъ перебрались въ наши квартиры. Печи промокли, дрова отсырѣли: цѣлую недѣлю продолжался угаръ. Отъ усталости уснулъ я на мокрой лавкѣ и спалъ богатырскимъ сномъ. На другой день, осмотрѣлъ солдатъ и казенныя вещи: не оказалось только одного погалища отъ штыка. Пошелъ въ каменно-островскій дворецъ, гдѣ вода испортила всю мебель и дошла до нижнихъ рамокъ висѣвшихъ картинъ. Книги мои промокли, особенно многотомная исторія Карамзина и Дезодоара. Полковой командиръ, узнавъ различныя подробности отъ сол-

дать и отъ крестьянъ, хотѣлъ меня представить къ наградѣ орденомъ, но я отблагодарилъ его и представилъ ему, что невидимая сила прислала мнѣ столько барокъ и лодокъ, что, еслибы я имѣлъ ихъ въ Галерной Гавани или на Васильевскомъ Острову, то могъ бы спасти людей и имущества на многія тысячи.

Кто самъ не былъ свидѣтелемъ этого наводненія въ 1824 году, тотъ едва ли можетъ себѣ представить весь ужасъ и особенность такого зрѣлища. На Невскомъ Проспектѣ богатый жилецъ проснулся поздно, подошелъ къ окну, и съ трепетомъ позвалъ слугу:—«Что ты видишь тамъ на улицѣ?»—«Графа М. А. Милорадовича, разъѣзжающаго на лодкѣ».—«Ну, слава Богу!» сказалъ хозяинъ перекрестившись: — я думалъ, что я съ ума сошелъ». Бревна, доски, полѣнья плыли по всѣмъ улицамъ. По Невѣ плыли дома противъ теченія изъ Галерной Гавани; на крышахъ этихъ домовъ окоченѣвшими руками держались люди всѣхъ возрастовъ; императоръ стоялъ на балконѣ противъ Адмиралтейства и слышалъ, какъ несчастные умоляли его: — «Если царь небесный насъ покинулъ, то ты, царь земной, спаси насъ!» Александръ въ слезахъ вымолвилъ: — «Дорого бы я далъ, еслибы могъ спасти сихъ несчастныхъ!» Довольно было этого изъявленія для А. Х. Бенкендорфа, бывшаго въ тотъ день дежурнымъ генерал-адъютантомъ и стоявшаго позади императора. Онъ, въ то же мгновеніе, сошелъ къ главному караулу; взялъ оттуда дежурнаго мичмана Петра Петровича Бѣляева 2-го и матросовъ гвардейскаго экипажа: по поясъ въ водѣ, добрались они до набережной и сѣли въ дворцовый катеръ. Они догнали несчастныхъ, спасли всѣхъ безъ исключенія и высадили ихъ въ сухопутныхъ госпиталяхъ, гдѣ дали скорую помощь этимъ людямъ, испуганнымъ, и проголодавшимся, и продрогшимъ. Бенкендорфъ о себѣ не думалъ; весь промокнувшій явился къ государю съ донесеніемъ, что желаніе *его* исполнено. Государь обнялъ его, велѣлъ ему подать бѣлье и мундиръ свой и наградилъ его по царски. Бѣляеву дали владимірскій крестъ, матросамъ—медали и денежную награду. Въ тотъ же день, назначены были въ каждой части города комитеты подъ предсѣдательствомъ генерал-адъютантовъ, которые назначали и выдавали вспомоществованія. Правительство помогало щедрою рукою; частныя лица на перерывъ другъ предъ другомъ подвизались въ благотворительности. Сердобольная супруга нашего Шеншина, съ сестрою Варварою Неклюдовой, сами кроили и шили бѣлье для бѣдныхъ неимущихъ. Улицы въ трое сутокъ были очищены отъ наплывшаго хлама и всякой скарби деревянной; все получило быстро прежній видъ опрятности и чистоты; только долго виднѣлись отсы-

рѣвшіе фундаменты и нижніе этажи домовъ, и донынѣ сохраняются красныя черты на перекресткахъ улицъ, означающія до какой высоты достигло наводненіе.

Съ наступленіемъ зимы, перевели нашъ баталіонъ въ село Мурино и Рыбацкое. Въ началѣ декабря, поѣхалъ я въ городъ, чтобы возвратиться къ 6-му числу къ ротному празднику 1-й карабинерной роты; но 4-го пошелъ ледъ; мосты были разведены, а 5-го еще не было мостковъ для пѣшихъ, и полиція внимательно сторожила, чтобы никого не пускать чрезъ Неву. Долго стоялъ я, до самаго вечера, у биржевой набережной; уже смеркалось; человѣкъ шесть мужиковъ или рабочихъ стояли близъ меня, жалѣя, что не могутъ перейти на Выборгскую Сторону. Вдругъ одинъ изъ нихъ, въ полушубкѣ, съ палкою въ рукѣ, не говоря ни слова, спустился по ступенямъ гранитной набережной, вскочилъ на ледъ и пошелъ. Я бросился за нимъ и, въ саженяхъ пяти, слѣдилъ по его стопамъ. Часто онъ останавливался на нѣсколько секундъ, постукивалъ палочкою о льдины, и ломанною линіей, то туда, то сюда, а все подвигался; я—все за нимъ и ужъ послѣ примѣтилъ, что за мною слѣдовалъ еще одинъ, и мы втроемъ благополучно достигли другого берега. Бѣгомъ догналъ я моего отважнаго вожатаго, чтобы узнать отъ него, что̀ за магическая или заколдованная палка у него въ рукахъ была?—«Я—давнишній здѣсь перевозчикъ, отвѣтилъ онъ:—насквозь знаю крѣпость и связи льдинъ, а, какъ было темно, то звукъ отъ удара палкою удостовѣрялъ меня, гдѣ понадежнѣе было перебраться».—На Выборгской Сторонѣ нанялъ извощика, и такъ на другой день могъ поздравить моихъ солдатъ и принять участіе въ ихъ празднествѣ, чѣмъ они дорожили тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ офицеровъ всего баталіона присутствовалъ я одинъ. Въ деревнѣ Рыбацкой жилъ я въ совершенномъ уединеніи: книги, гитара, пѣніе, ученіе сокращали время скучной зимней стоянки въ деревнѣ, въ восьми верстахъ отъ столицы, куда я ѣзжалъ весьма рѣдко. Въ этотъ николинъ день были важныя новыя назначенія. Начальникъ нашей дивизіи Карлъ Ивановичъ Бистромъ назначенъ былъ командиромъ всей гвардейской пѣхоты, а дивизію его получилъ великій князь Николай Павловичъ. Первую дивизію Ив. Ѳед. Паскевича получилъ великій князь Михаилъ Павловичъ, который, въ послѣдствіи въ духовномъ своемъ завѣщаніи, написалъ своему душеприкащику Я. И. Ростовцову, что такую-то шпагу его—подарить преображенскому полку, а другую — семеновскому, въ воспоминаніе счастливѣйшаго времени изъ всей его жизни, когда онъ командовалъ бригадою.

12-го декабря, былъ я въ зимнемъ дворцѣ на балу: Императрица Марія Θедоровна каждый годъ праздновала въ этотъ день рожденіе Императора Александра I. Этотъ балъ былъ самый роскошный въ году, по торжественности и по времени года. Для меня было чрезвычайно занимательно наблюдать за различными лицами. Въ этотъ день, патріотъ Н. С. Мордвиновъ получилъ андреевскую звѣзду. Кàкъ счастливы были лица, удостоившіяся улыбки царской или царскаго слова! Бальная музыка отличалась особенною пріятностью и нѣжностью. Изъ танцовавшихъ дамъ и фрейлинъ всѣ порхали граціозно; брилліантовъ было много, красавицъ было мало. Изъ кавалеровъ особенно отличался Хрущовъ, преображенскій капитанъ, и не посчастливилось офицеру конногвардейскому, о которомъ государь замѣтилъ Орлову, полковому командиру, что онъ слишкомъ подскакиваетъ, что это неприлично или пренебреженіе. На сторонѣ эрмитажной былъ устроенъ буфетъ: рядъ большихъ растворочныхъ дверей были по бокамъ развѣшены и украшены золотыми блюдами сверху до низу; тамъ просилъ я для себя чашку чаю. Каково же было мое удивленіе, когда я, принявъ чашку изъ рукъ офиціанта, увидѣлъ чью-то руку, которая просунулась сзади меня и выхватила мою чашку! Я обернулся мигомъ и увидѣлъ съ моею чашкою новаго моего дивизіоннаго начальника великаго князя Николая Павловича: онъ, отвѣдавъ чай, сдѣлалъ выговоръ офиціанту за худой чай и приказалъ мнѣ подать лучшаго. Я понялъ, что онъ желалъ оказать ласку одному изъ своихъ новыхъ подчиненныхъ; до той минуты онъ замѣтилъ меня только на разводахъ по 1-му отдѣленію, занимавшихъ караулы во дворцѣ зимнемъ и въ его, аничковскомъ. — Ужинъ былъ на славу, а царскій столъ, особо накрытый посреди столовой для царской семьи, былъ на чудо! Этотъ столъ окруженъ и украшенъ былъ цвѣтущими деревьями, лучшими цвѣтами, множествомъ гіацинтовъ и нарцисовъ. По окончаніи ужина, генералы тѣснились одинъ передъ другимъ, чтобы сорвать цвѣточикъ. Офицеры за длинными столами, въ перемежку, не по полкамъ, требовали лучшихъ винъ и ѣли, и пили на убой, и говоръ, сперва тихій, становился все громче и веселѣе по числу опорожненныхъ бутылокъ бургонскаго — кло де вужо, и шампанскаго-клико.

Мысль о женитьбѣ не покидала меня; выборъ мною былъ сдѣланъ, но кàкъ было приступить, когда я не имѣлъ независимаго собственнаго моего состоянія? Со всею любовью, со всѣми лучшими намѣреніями, я не могъ предложить моей избранной никакихъ удобствъ жизни; не знаю, гордость ли или чувство

независимоти не позволяли думать о томъ, чтобы жена питала мужа. Къ счастью моему, избранная моя была круглая сирота. Отецъ ея, Василій Өедоровичъ Малиновскій, получивъ классическое образованіе въ университетѣ, путешествовалъ съ пользою и съ научною цѣлью по Германіи, Франціи и Англіи. Онъ отлично зналъ новѣйшіе языки европейскіе, и древніе—евреевъ, грековъ и римлянъ. Чрезвычайная скромность и глубокая религіозность составляли отличительныя черты его характера. Въ досужные часы отъ службы въ иностранной коллегіи, перевелъ онъ на русскій языкъ прямо съ подлинника греческаго—новый завѣтъ, а изъ ветхаго, съ еврейскаго — псалтырь, книгу бытія, притчи Саломоновы, Эклезіаста, книгу Іова; много изъ его переводовъ и рукописей хранятся у жены моей. Въ царствованіе императора Павла былъ онъ назначенъ консуломъ въ Яссы; нѣсколько лѣтъ исправлялъ онъ эту должность такъ совѣстливо, такъ полезно, что жители Яссы долго хранили память о примѣрномъ его безкорыстіи. По интригамъ въ столицѣ, по искательству грека, былъ онъ отозванъ чрезъ пять лѣтъ, въ 1805 году, и возвратился въ Петербургъ въ иностранную коллегію, съ небольшимъ серебряннымъ кубкомъ, съ единственнымъ подаркомъ, который онъ согласился принять отъ признательныхъ жителей въ день выѣзда; между тѣмъ какъ консулы возвращались оттуда и вывозили столько денегъ и шалей турецкихъ, что покупали себѣ дома и помѣстья. Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ министромъ Чарторыжскимъ, былъ членомъ благотворительнаго общества, которое съ неутомимою дѣятельностью отъискивало бѣдныхъ и помогало имъ. Напечатавъ замѣчательную книжку свою «О мірѣ и войнѣ», издавъ небольшой журналъ—«Осенніе вечера»—и бывъ извѣстенъ своею чистою любовью къ отечеству, обратилъ онъ на себя вниманіе вліятельныхъ лицъ, такъ что императоръ Александръ, когда, въ 1811 году, основалъ разсадникъ для лучшаго воспитанія русскаго юношества, назначилъ его директоромъ императорскаго царско-сельскаго лицея. Товарищъ мой И. И. Пущинъ, воспитанникъ лицея, въ позднѣйшихъ запискахъ своихъ, напечатанныхъ въ «Атенеѣ», въ Москвѣ, въ 1858 году, описывая день открытія лицея въ присутствіи императора, выставилъ директора въ крайнемъ смущеніи. Малиновскій былъ необыкновенно скроменъ и проникнутъ важностью церемоніи, въ первый разъ въ жизни говорилъ съ государемъ и долженъ былъ произнести рѣчь, которая десятки разъ была переправлена предварительною цензурою—такъ мудрено ли, что онъ былъ смущенъ? и диво ли, что природа

не дала ему голоса лихаго баталіоннаго командира предъ фронтомъ? — Безмѣрные и постоянные труды ослабили его зрѣніе, разстроили его здоровье. Въ 1812 году, лишился онъ домашняго своего счастья, примѣрной жены своей, а въ 1814 году, пробывъ слишкомъ два года директоромъ, скончался на мѣстѣ должности, въ такой бѣдности, что родной братъ похоронилъ его 23-го марта.

Мать моей избранной, Софья Андреевна, была вторая дочь Андрея Аѳанасьевича Самборскаго, бывшаго священникомъ при нашей миссіи въ Лондонѣ до 1781 года, гдѣ женился на англичанкѣ и откуда, въ царствованіе Екатерины II, вывезъ въ Россію усовершенствованныя земледѣльческія орудія и машины, сѣмена, домашнихъ птицъ, даже свиней, такъ что еще понынѣ земледѣльческія общества и учебныя фермы съ благодарностью вспоминаютъ его заслуги по части сельскаго хозяйства; онъ былъ дѣятельнымъ и дѣйствительнымъ членомъ экспедиціи государственнаго хозяйства отъ 1787 до 1799 года. По своему образованію, имѣлъ онъ постоянно въ виду славу и пользу своего отечества. Въ Лондонѣ былъ онъ очень полезенъ для русскихъ чиновниковъ и путешественниковъ своими совѣтами и руководствомъ, по совершенному знанію англійскаго языка и по умѣнью распознавать людей. По назначенію императрицы Екатерины, сопуствовалъ онъ наслѣдника престола и супругу его, Марію Ѳеодоровну въ путешествіи ихъ по Европѣ въ 1781 году. Послѣ того назначенъ былъ наставникомъ и духовникомъ великихъ князей Александра и Константина, управлялъ школою земледѣлія близь Царскаго села, а, въ 1799 году опредѣленъ императоромъ Павломъ въ духовники къ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, эрцгерцогинѣ австрійской, палатинѣ венгерской, находился при ней въ Вѣнѣ и въ Венгріи до кончины ея, въ 1801 году. Устроивъ тамъ церковь греко-русскую, путешествовалъ по Греціи, прожилъ нѣсколько времени въ Украйнѣ, на своей родинѣ, въ пожалованномъ ему помѣстьѣ императоромъ Павломъ. Въ деревнѣ онъ всячески старался о нравственномъ и вещественномъ преобразованіи крестьянскаго быта. Выписалъ хорошаго доктора, устроилъ больницу и спасъ жителей отъ страшно распространившейся сифилистической болѣзни. Завелъ школу, хозяйство на иностранный ладъ, сырницу и проч. Еще понынѣ хранятся въ его Каменкѣ англійскіе плуги. Онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ ему дозволено было имѣть свою домовую церковь. Домъ Самборскаго, на углу Литейной и Дворцовой набережной, въ коемъ нынѣ устроена казарма артилле-

рійская, былъ его домъ, въ коемъ онъ принималъ пріѣзжихъ изъ губерній съ радушіемъ. Въ его домѣ родился С. И. Муравьевъ-Апостолъ, когда родители его прибыли въ Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Многимъ землякамъ и знакомымъ изъ всѣхъ состояній и сословій открывалъ онъ поприще: такъ — М. М. Сперанскому и Н. М. Лонгинову. Когда онъ продалъ домъ свой, то императоръ Александръ предложилъ ему квартиру въ михайловскомъ замкѣ, гдѣ онъ, на рукахъ старшей дочери своей Анны Андреевны, скончался въ 1815 году, на 76-мъ году своей подвижной и полезной жизни. О немъ можно сказать, что онъ по образованію и понятіямъ своимъ, опередилъ своихъ современниковъ на цѣлое столѣтіе. Часть духовенства православнаго соблазнялась тѣмъ, что онъ брилъ бороду и внѣ службы носилъ сюртукъ и круглую шляпу, брилліантовый крестъ на андреевской лентѣ и анненскую звѣзду, украшенную алмазами.

Изъ семейства В. Ѳ. Малиновскаго, три сына и три дочери остались бы въ совершенномъ сиротствѣ, еслибы не имѣли любящихъ покровителей въ родномъ дядѣ со стороны отца—Павлѣ Ѳедоровичѣ Малиновскомъ, и въ родной теткѣ со стороны матери—Аннѣ Андреевнѣ Самборской, которые всѣми средствами обезпечивали нужды ихъ довольствомъ, даже роскошью, и замѣняли имъ любящихъ родителей. Это обстоятельство примиряло меня съ моимъ недоумѣніемъ; влеченіе сердца придало рѣшимость; я сталъ чаще навѣщать ихъ домъ, былъ всегда ласково принятъ. Павелъ Ѳедоровичъ Малиновскій былъ младшій изъ трехъ братьевъ: старшій былъ Алексѣй Федоровичъ, сенаторъ, попечитель странноприимнаго дома графа Шереметева въ Москвѣ, и сотрудникъ Карамзина при доставленіи ему источниковъ изъ архива по русской исторіи.—П. Ѳ. въ молодости находился на службѣ при фельдмаршалѣ Салтыковѣ, участвовалъ при взятіи штурмомъ Очакова и красивою и пріятною наружностью обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины и Потемкина. По гражданской службѣ производство его въ чины шло такъ быстро, что онъ, имѣвъ съ небольшимъ тридцать лѣтъ отроду, былъ уже въ чинѣ д. с. совѣтника и назначенъ директоромъ государственнаго ассигнаціоннаго банка; теперь вижу его подпись на всѣхъ ассигнаціяхъ, замѣненныхъ, въ слѣдовавшемъ царствованіи, депозитными билетами. Особенно благоволилъ къ нему и питалъ неограниченную довѣренность графъ Н. П. Шереметевъ и, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, взявъ отъ него честное слово, назначилъ его душеприкащикомъ и попечителемъ или опекуномъ, вмѣстѣ съ Донауровымъ, къ мало-

лѣтнему единственному сыну своему графу Дмитрію Николаевичу. По кончинѣ завѣщателя, П. Θ. оставилъ службу государственную, вышелъ въ отставку и посвятилъ себя юному питомцу, съ которымъ жилъ неотлучно до его совершеннолѣтія, въ огромныхъ палатахъ на Фонтанкѣ. Большая отвѣтственность, всегдашняя принужденность, церемонность быть въ чужомъ домѣ хозяиномъ—все это тяготило его, хотя и получалъ щедрое возмездіе деньгами и дарами, пока, по достиженіи совершеннолѣтія питомца въ 1824 году, не переѣхалъ жить въ собственный домъ свой на Шестилавочной Улицѣ на зиму, а на лѣто переѣзжалъ на красивую дачу свою, на Бѣлозерку, между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, гдѣ нынѣ устроена больница для гвардейской кирасирской дивизіи, по стараніямъ великаго князя Михаила Павловича.

Близкая связь моя со старшимъ племянникомъ П. Θ.—И. В. Малиновскимъ, моимъ сослуживцемъ, придавала мнѣ надежду на успѣхъ, и я уже имѣлъ на то согласіе моихъ родителей.

Служба моя шла какъ нельзя лучше. Начальники отличали меня, товарищи любили меня, а солдатики знали, что я страстно любилъ ихъ и что въ знаніи службы, какъ выражались въ то время—собаку съѣлъ. Въ службѣ военной испыталъ я то же, что̀ бываетъ во всякой другой и во всякомъ состояніи и званіи: когда найдутъ исправнаго усерднаго человѣка, то на него наваливаютъ всѣ должности. Такъ, наряжали меня въ караулъ по 1-му отдѣленію съ чужими баталіонами, назначали всегда въ самые почетные и безпокойные караулы во дворцахъ и на видныхъ и многолюдныхъ мѣстахъ въ городѣ. Въ лагерное время, являлся всегда ординарцемъ къ государю; а, послѣ лагеря, поручали мнѣ учебныя команды. Служба всячески везла мнѣ, какъ выражались тогда: самолюбію, тщеславію, надеждѣ на блистательное поприще было пищи и задатковъ довольно; но сердце не удовлетворялось похвалами въ приказахъ, казарменною бесѣдою объ ученьяхъ, а въ карты пересталъ играть давно.

Такъ наступилъ 1825 годъ съ надеждами и ожиданіями. 14 февраля рѣшился я просить руки Анны Васильевны Малиновской. Получивъ напередъ согласіе дяди и тётки, замѣнявшихъ ей отца и мать, я обратился самъ къ избранной мною. Помню, что это было въ субботу вечеромъ: мы сидѣли въ кабинетѣ дяди; я заранѣе затвердилъ рѣчь съ предложеніемъ, которую забылъ въ эту торжественную минуту, и просто и кратко, съ чистымъ сердцемъ, предложилъ ей мою любовь и дружбу, которыя донынѣ, при пересмотрѣ моихъ записокъ, свято хранилъ въ продол-

женіе 45-ти лѣтъ, и невѣста моя также свято сдержала данное мнѣ слово. Полученное согласіе исполнило меня счастьемъ: я почувствовалъ въ себѣ новыя силы. Лихой извощикъ умчалъ меня на Васильевскій Островъ; въ казармѣ, въ квартирѣ Малиновскаго еще горѣли свѣчи; я вбѣжалъ къ нему: мы обнялись, какъ братья. Чрезъ минуту вошелъ другой сослуживецъ мой Рѣпинъ: — «Николай Петровичъ! спросилъ я: — знаешь-ли, кто изъ нашихъ товарищей свалился рожей въ грязь»?—такъ выражался онъ обыкновенно, когда извѣщали его о женитьбѣ.—«А кто»?—подхватилъ онъ съ насмѣхающейся улыбкой.—«Это—я!»—«Что ты, братецъ мой, надѣлалъ! на комъ-же?»—Когда онъ узналъ, что на сестрѣ Малиновскаго, то отрекся въ этомъ случаѣ отъ принятаго своего убѣжденія, велѣлъ подать шампанскаго и искренно поздравилъ.

19 февраля 1825 года, совершено было обрученіе протоіереемъ Н. В. Музовскимъ. Съ невѣстою моей былъ я соединенъ не однимъ обручальнымъ кольцемъ, но единодушіемъ въ нашихъ желаніяхъ и взглядахъ на жизнь. Въ тотъ вечеръ, мы долго бесѣдовали наединѣ; казалось, что уже вѣкъ были знакомы; душа откровенно слилась съ душою, и слезы полились обильно у меня, и дыханіе замирало; невѣста смутилась. Я былъ не изъ числа жениховъ театральныхъ, преклоняющихъ колѣна свои предъ невѣстою, лобызающихъ ея ручки и ножки и разсыпающихся въ клятвахъ любви и вѣрности. Нервы мои не выдержали прилива сильныхъ душевныхъ ощущеній; они разразились въ слезахъ и рыданіяхъ, а изъ слыхавшихъ это въ смежной комнатѣ, чрезъ годъ спустя, по моемъ осужденіи въ ссылку, приписывали это внутреннему упреку или раскаянію,—они взрывовъ истиннаго счастья не знали!—19 февраля вполнѣ для меня день счастливый; число это вырѣзано на обручальномъ кольцѣ моемъ, а съ 1861 года этотъ день сталъ еще счастливѣе, знаменательнѣе и славнѣе. Я ношу его на правой рукѣ, на четвертомъ пальцѣ. Странно, что въ 1860 году, лѣтомъ, этотъ палецъ такъ распухъ отъ воспаленія, что невозможно было снять колечко. Деревенскій фельдшеръ Григорій распилилъ его, а, въ февралѣ 1861 года, до появленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, онъ былъ снова спаенъ и снова увеличилъ мое счастье.—21-го февраля, послѣ ученья въ манежѣ, поздравилъ меня великій князь Николай Павловичъ, узнавъ отъ духовника своего о моемъ обрученіи.—22-го уѣхалъ я въ Ревель, чтобы раздѣлить мою радость съ родителями, получить ихъ благословеніе и помощь къ уплатѣ моего картежнаго долга, на что̀ они охотно согласились.

Добрѣйшая мать моя со всею подробностью разспрашивала меня о моей невѣстѣ, о нравѣ ея, объ образованіи, о талантахъ, о наружности съ головы до ногъ; каждымъ отвѣтомъ она осталась очень довольна. Она, по продолжительной болѣзни своей, постоянно лежала въ постели и не могла видѣть моей невѣсты въ Ревелѣ, гдѣ видалъ и узнавалъ ее отецъ мой; но она не довольствовалась описаніемъ и отзывомъ отца моего. Когда я кончилъ описаніе и, наконецъ, сказалъ ей, что моя Annette—ангелъ земной!—то она улыбнулась и замѣтила тихимъ голосомъ: «Дай Боже, чтобы всегда было такъ! а то всѣ дѣвицы, пока ищутъ себѣ жениховъ, бываютъ ангелами и голосомъ, и поступками, и обхожденіемъ,—но отчего-же жены бываютъ дьяволы?»—Я отвѣтилъ: то все отъ мужей! и мы вмѣстѣ расхохотались. Мнѣ хорошо было смѣяться, потому что я былъ увѣренъ въ моемъ лучшемъ жребіи.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, заѣхалъ сперва въ казармы къ И. В. Малиновскому, и вручилъ ему пакетъ въ синей бумагѣ съ четырьмя тысячами рублями за выкупленный мой вексель по картежному проигрышу; съ тѣхъ поръ до сегодня, Богъ миловалъ и помогалъ прожить безъ долговъ, и всѣхъ прошу остерегаться ихъ пуще дьявола.—Свиданіе съ невѣстою было чистою радостью обоюдною: я передалъ ей скромный подарокъ мой—колечко и шелковую матерію. Кажется, что никогда и нигдѣ женихъ въ моихъ обстоятельствахъ, не дарилъ такъ мало и что никогда невѣста не была такъ довольна, какъ моя.—За то я былъ женихъ безъ долговъ!

Только нѣсколько дней могъ я проводить съ невѣстою, потому что служба звала меня въ Ораніенбаумъ, гдѣ собиралась новая моя учебная команда. Въ это время, благороднѣйшій полковой командиръ мой, В. Н. Шеншинъ, назначенъ былъ бригаднымъ начальникомъ 1-й бригады, а Н. Ф. Воропановъ былъ уже четвертый мой полковой командиръ. Въ Ораніенбаумѣ удалось мнѣ два раза обращать на себя особенное вниманіе моего дивизіоннаго начальника, великаго князя Николая Павловича: въ первый разъ, когда я, въ его присутствіи, вступилъ въ дворцовый караулъ, съ параднаго мѣста повелъ караульный взводъ различными поворотами фронтомъ, а, подошедъ къ крытымъ воротамъ дворца, повелъ рядами, лѣвымъ флангомъ, и, когда поравнялся со старымъ карауломъ, скомандовалъ: Стой—во фронтъ! и потомъ—глаза на право!—то его высочество воскликнулъ:—«вотъ оно! знаетъ свое дѣло! славно!»—Всѣ остальныя продѣлки при смѣнѣ караула, при вступленіи на платформу, были мною ис-

полнены со щегольствомъ и безъ ошибки. Ружья были уже поставлены въ сошки, я съ карауломъ стоялъ за сошками; тогда его высочество подошелъ ко мнѣ, благодарилъ за знаніе дѣла, и потомъ, обнявъ обѣими руками вершину одной изъ старинныхъ неточенныхъ сошекъ, сказалъ съ чувствомъ:—«Это—еще сошка отца моего!»—До обѣда былъ присланъ ко мнѣ адъютантъ его Кавелинъ съ изъявленіемъ благодарности отъ его высочества; послѣ обѣда повторилъ то-же другой его адъютантъ Адлербергъ; а, когда его высочество садился въ свою коляску, стоявшую у крыльца, противуположнаго моей караульнѣ, то издали привѣтствовалъ меня движеніемъ руки.—Въ другой разъ, получилъ опять благодарность, когда, въ послѣднихъ числахъ марта, представилъ мою учебную команду, въ одинъ и тотъ-же день съ командами отъ полковъ измайловскаго, павловскаго и егерскаго; начальниками командъ были графъ Ламздорфъ, Сухановъ и Крыловъ; моя очередь была послѣдняя.—Они представили команду въ одной линіи, унтер-офицеровъ отдѣльно отъ рядовыхъ, отчего прямая линія, по росту людей, была переломана; они такъ и учили ихъ въ манежѣ. Я же, для лучшаго наблюденія за правильностью движеній и ружейныхъ пріемовъ, не обращалъ вниманія на унтер-офицерскій галунъ, ставилъ между ними по росту и рядовыхъ, потому что назначеніе тѣхъ и другихъ состояло въ томъ, чтобы учить другихъ. Товарищи мои предупредили меня, что за это мнѣ достанется, на чтò каждый разъ отвѣчалъ:—«А мнѣ чтò за дѣло! было-бы только хорошо!»—При осмотрѣ первыхъ трехъ командъ, его высочество подходилъ къ нимъ, здоровался, и потомъ лично передавалъ командныя словà офицеру.—Въ мою очередь, я не допустилъ его до фланга, шаговъ на пятьдесятъ, скомандовалъ: на караулъ! и подошелъ къ нему съ рапортомъ. Онъ былъ видимо доволенъ, и, чѣмъ дальше и больше училъ, тѣмъ все лучше и лучше, и слава моя прогремѣла по всѣмъ полкамъ.

Казалось, сама природа создала меня быть экзерцирмейстеромъ, потому что эта наука не стоила мнѣ ни труда, ни большихъ приготовленій, какъ бòльшей части моихъ сослуживцевъ. Глазъ, привыкшій съ малолѣтства къ порядку и къ симетріи, ростъ мой и тѣлосложеніе, звучный голосъ, знаніе устава, а, всего больше, любовь и привязаность ко мнѣ солдатъ сдѣлали изъ моей учебной команды одну изъ лучшихъ.

Иногда, во время обученья въ манежѣ, приходили смотрѣть офицеры; въ числѣ зрителей находился сапѐрный полковникъ Люце, одинъ изъ совершенныхъ знатоковъ своего дѣла, передъ ко-

торымъ я пасую. Отъучивъ часъ и распустивъ команду, я просилъ его сказать мнѣ откровенно свои замѣчанія:—Пріемы всѣ хороши и правильны, сказалъ онъ:—шагъ хорошъ, равненіе превосходно, но въ стойкѣ чего-то недостаетъ.—«А именно? научите меня, прошу васъ, критикуйте, да только скажите».—«При стойкѣ, прикажите людямъ прижать, сжимать заднія щеки, и будетъ тотчасъ другая стойка и выправка; этотъ секретъ я только вамъ передаю, потому что вижу, что вы до тонкости знаете дѣло!» Этотъ архи-профессоръ въ обученіи солдатъ отвѣтилъ генералу К. И. Бистрому, спросившему его мнѣнія объ учившемся 1-мъ баталіонѣ лейб-гвардіи егерскаго полка: — «Хорошъ! ваше превосходительство, славно учится, но, когда стоитъ на мѣстѣ, то жаль, что примѣтно дыханіе солдатъ: видно, что они дышутъ».

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ и явился новому полковому командиру, то молва о моихъ ораніенбаумскихъ подвигахъ предупредила меня, и онъ осыпалъ меня, какъ умѣлъ, пріятнѣйшими похвалами. За разводомъ по 1-му отдѣленію въ дворцовомъ экзерциргаузѣ или манежѣ, его высочество изъявилъ мнѣ свое благоволеніе. Упоминаю объ этихъ давно минувшихъ обстоятельствахъ, чтобы указать, какими, между прочимъ, достоинствами и знаніями можно было въ то время выдвинуться впередъ и получить значеніе, а также, чтобы сказать, въ похвалу моихъ сослуживцевъ, что никто изъ нихъ не обнаруживалъ зависти, но, напротивъ того, радовались моимъ успѣхамъ, какъ справедливой дани за постоянную исправность и за знаніе службы. Педантомъ не былъ никогда; хотя, въ одномъ случаѣ, можно было почитать меня таковымъ: всегда, во всякое время, даже въ ночное, когда за полночь возвращался домой по пустыннымъ отдаленнымъ линіямъ Васильевскаго Острова, соблюдалъ я строго форму въ одеждѣ; шляпу треугольную носилъ всегда по формѣ поперегъ, хотя это часто, и лѣтомъ, и зимой, вредило глазамъ моимъ. Кто судилъ меня по форменной одеждѣ, тотъ могъ называть меня педантомъ или оригиналомъ, или выскочкой, какъ прозывали тѣхъ, которые всѣми средствами старались отличиться предъ другими. У меня была на то другая причина: въ первые годы моей службы, еще въ 1818 году, когда Н. М. Сипягинъ былъ начальникомъ штаба, то онъ самъ и графъ М. А. Милорадовичъ, и Я. А. Потемкинъ, и вообще генералы щеголи или франты, а за ними и офицеры носили зеленые перчатки и шляпу съ поля. Лѣтомъ, въ теплую погоду, отправился чрезъ Исакіевскій Мостъ для прогулки; подъ разстегнутымъ мундиромъ

виденъ былъ белый жилетъ, шляпа надета была съ поля, а на рукахъ зеленыя перчатки, однимъ словомъ—все было противъ формы, по образцу тогдашняго щеголя. Съ Невскаго Проспекта повернувъ въ Малую Морскую, встретилъ императора Александра; я остановился, смешался, потерялся, успелъ только повернуть поперегъ шляпу. Государь заметилъ мое смущеніе, улыбнулся и, погрозивъ мне пальцемъ, прошелъ и не сказалъ ни слова. Я нанялъ извощика, поскакалъ на квартиру, и былъ въ нерешимости—сказать-ли о случившемся полковому командиру или выждать, когда сделаютъ запросъ по начальству? Я молчалъ, но долго съ безпокойствомъ ожидалъ последствій этой встречи: за такую вину переводили въ армейскіе полки или целый месяцъ держали на гауптвахте подъ строгимъ арестомъ. Запросовъ въ полкъ не было по этому случаю, и съ техъ поръ, я далъ себе слово свято соблюдать форму, что̀ и сдержалъ до последняго часа моей службы.

19 Апреля 1825 г., совершено было мое бракосочетаніе въ полковой церкви, въ присутствіи всехъ офицеровъ. Полковые певчіе, освещеніе полковой церкви и всей ограды полковаго госпиталя, придали всему больше торжественности. Посаженными съ моей стороны были М. С. Перскій и М. Ф. Тулубьева, а со стороны невесты—П. Ѳ. Малиновскій и Н. Ф. Плещеева. Они съ шаферами проводили насъ до новой, хорошо убранной квартиры, въ 3-й линіи между Среднимъ Проспектомъ и Малою Невою. Поднесли чаю, шампанскаго и конфекты, пили за здоровье новобрачныхъ и разъехались. Я тотчасъ наделъ старый рабочій сюртукъ мой и былъ съ женою, какъ будто всегда жили вместе. На третій день, обедали у насъ все офицеры полка. После обеда, П. И. Гречъ смешилъ всехъ, напоминая нашу совместную жизнь въ маленькихъ квартирахъ, и нашу опасность при наводненіи 7 ноября 1824 года, когда я спасся на барке, а онъ на крыше караульни въ Галерной Гавани, и вызвалъ общій смехъ лаконическимъ разсказомъ, какъ полковой нашъ священникъ съ дежурнымъ офицеромъ при полковомъ госпитале, въ день наводненія, смотрели изъ окна на Смоленское Поле, и первый сказалъ со вздохомъ: — «Ахъ! если бы я могъ достать лодку, я спасъ бы многихъ!»—«Есть лодка на заднемъ дворе, возразилъ Челяевъ: — прикажете подвести?»—«Да вёселъ нетъ!» — «Сейчасъ достану вёсла».—«Гребсти не умею!»—«Я за гребца». — «Рулемъ править не умею».

Въ четвертый день после свадьбы, назначено было делать обычные визиты; но ночью показался ладожскій ледъ на Неве,

мость былъ разведенъ, на что мы съ женою нисколько не пеняли. Наше маленькое хозяйство было хорошо устроено, прислуга была усерднѣйшая, требованія наши были скромны; мы имѣли одно желаніе взаимнаго счастья. По окончаніи визитовъ, продолжавшихся три дня, мы принимали посѣщенія, а, когда, чрезъ двѣ недѣли, окончился срокъ моего отпуска, мы перебрались въ Ораніенбаумъ къ моей учебной командѣ. Въ маѣ были дни прекрасные; мѣстность предлагала лучшія прогулки и пѣшкомъ, и на дрожкахъ, и въ лодкѣ; дни и часы всѣ были счастливые и слишкомъ скоро проходили. Однажды, засталъ жену въ слезахъ; съ безпокойствомъ спросилъ о причинѣ: ей было какъ-то неловко отвѣтить; наконецъ, призналась, что, среди безпрерывнаго счастья, иногда приходила грустная мысль, что такое счастье, какъ наше, не можетъ долго продолжаться.

Въ концѣ мая, полкъ выступилъ въ лагерь, въ Красное Село. Служба была строгая; палатка его высочества была въ шестнадцати шагахъ отъ моей палатки. Его высочество былъ взыскателенъ по правиламъ дисциплины, и потому, что самъ не щадилъ себя, особенно доставалось офицерамъ.

Лагерная стоянка и служба кончалась всегда общими манёврами, которые продолжались по четыри дни. Ночь проводили гдѣ приходилось—въ полѣ, близъ опушки лѣса, при дорогѣ, все по предварительнымъ расписаніямъ. Двѣ ночи его высочество съ адъютантами ночевалъ на сырой землѣ, въ трехъ шагахъ отъ меня и моего взвода, потому что ставка его расположена была между 1-мъ баталіономъ финляндскаго полка и 3-мъ баталіономъ егерскаго полка, нынѣ гатчинскаго. Манёвры кончились благополучно: генералъ Шеншинъ, ловкимъ занятіемъ позиціи для артиллеріи, отрѣзалъ непріятелю переправу и остался побѣдителемъ.

Къ 22-му іюля перешли мы въ Петергофъ къ празднованію маріина дня: въ этомъ году гостили во дворцѣ сестры и затья царскіе—герцогъ Саксенъ-Веймарскій съ Маріей Павловной и принцъ Оранскій съ Анной Павловной. Въ день отъѣзда гостей, стоялъ я въ караулѣ во дворцѣ и былъ свидѣтелемъ, какъ императоръ Александръ, при послѣднемъ прощаніи съ ними, не только плакалъ, но рыдалъ; это обстоятельство было въ послѣдствіи приписано его предчувствію о близкой кончинѣ своей. Въ началѣ августа, воротился я въ Ораніенбаумъ; въ день моего вступленія въ караулъ, прибылъ туда императоръ и остался ночевать. Поздно вечеромъ, по пробитіи зари, часовой вызвалъ караулъ: мы стали подъ ружье; я видѣлъ государя, прогуливав-

шагося по плоской крышѣ дворца, съ обнаженною головою, съ бѣлою фуражкою въ рукѣ. Онъ остановился въ виду караула, махнулъ фуражкой; я распустилъ караулъ, а самъ остался на платформѣ. Онъ долго, долго прохаживался и часто останавливался, погруженный въ размышленіяхъ. Невольно я тогда припоминалъ 1818 и 1819 годы, когда, стоя въ караулѣ въ любимомъ его каменно-островскомъ маленькомъ дворцѣ, походившемъ на домъ небогатаго частнаго человѣка, видалъ его часто въ саду, какъ онъ бодро и весело прохаживался по сиреневой аллеѣ, когда она цвѣла—и кàкъ онъ, для бòльшаго наслажденія благоуханіемъ, навѣвалъ его на себя бѣлымъ платочкомъ.

Въ хорошую тихую погоду поплылъ я съ женою на катерѣ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, гдѣ ласково были приняты начальникомъ порта М. П. Коробкою и благочестивою его супругою. Осмотрѣвъ гавань, мы навѣстили Авинова и Андрея Лазарева, зятей Коробки: они, съ прямодушіемъ моряковъ, показывали намъ много рѣдкостей, собранныхъ ими при кругосвѣтныхъ путешествіяхъ. Кромѣ чучелъ животныхъ и различныхъ произведеній земли всѣхъ климатовъ, имѣли они одежды различныхъ народовъ новаго материка и острововъ. Авиновъ долго жилъ и учился въ Англіи морскому искуству и выговаривалъ русскія словà съ англійскимъ произношеніемъ словъ. Андрей Лазаревъ отличался оригинальностью стараго моряка, даже въ одеждѣ своей; жена его А. М. была очень милая и пріятная женщина; старшая сестрица ея была замужемъ за Дурасовымъ, также морякомъ; единственный братъ ея готовился также въ морскую службу. Все семейство отличалось добродушіемъ и дышало счастьемъ семейнымъ. Старикъ адмиралъ, запечатавъ при мнѣ пакетъ, спросилъ у своей супруги, показывая ей приложенную печать: — «Скажи мнѣ, мамочка, хорошо ли я это сдѣлалъ?» — и потомъ, обратившись ко мнѣ, замѣтилъ: «совѣтую вамъ всегда и во всемъ сноситься и совѣтоваться съ женою, тогда лучше и спокойнѣе живется».

Ораніенбаумъ богатъ живописными окрестностями, не только прелестно расположенными дачами Жадиміровскаго, Мордвинова, Чичагова, но и подальше раскинутыми деревнями, какъ вѣнки и лаврики.

На зиму мы возвратились въ Петербургъ. Общество офицеровъ лейб-гвардіи финляндскаго палка, въ общей массѣ, далеко отстало въ образованности отъ офицеровъ семеновскаго и измайловскаго полковъ, въ свѣтскости—отъ кавалергардскаго, въ богатствѣ—отъ гусарскаго: но оно въ массѣ было единодушно,

хотя состояло изъ смѣшенія всѣхъ оттѣнковъ различныхъ достоинствъ и недостатковъ. Въ числѣ образованныхъ и начитанныхъ были М. Ф. Митьковъ, Маринъ, Рѣпинъ, Д. Ахлестышевъ; въ числѣ любезныхъ и свѣтскихъ — Малиновскій, князь Ухтомскій, Бѣлевцовъ; въ числѣ положительныхъ и неувлекавшихся—Кусовниковъ, братья Ртищевы, Гречъ, Швейкойскій, братья Насакены и Бурнашевы, въ числѣ оригиналовъ—баронъ Саргеръ, Протасовъ, братья Вяткины и Цебриковъ. Маринъ старался вводить у себя литературные вечера; къ нему собирались разъ въ недѣлю Ознобишинъ, Гречъ, братья Грибовскіе и другіе; но все это не клеилось и было какъ-то натянуто. Достаточные между офицерами имѣли свой кругъ родныхъ, знакомыхъ, посѣщая театры и балы, и только для службы пріѣзжали въ казармы.

Картёжъ въ казармахъ и на квартирахъ вольныхъ составлялъ главное развлеченіе и занятіе большинства офицеровъ. Играли съ утра до вечера и съ вечера до утра, когда только служебная должность не отвлекала. Мнѣ невозможно написать біографію каждаго сослуживца, но скажу, что, дѣйствительно, всѣ офицеры были ребята добрые и честные, безъ франтовства, безъ притязанія на мишурную блистательность. Конечно, большинство офицеровъ добивалось чиновъ, чтобы обезпечить себя службою и доходнымъ мѣстомъ, и выражало верхъ ожидаемаго блаженства своего, когда будетъ въ состояніи имѣть всегда un bon morceau и свою карету, и пугнуть, и давить встрѣчныхъ и поперечныхъ!—приговорка казарменная. Единодушіе всего общества, составленнаго изъ такой смѣси разнородныхъ частей, было примѣрное по чувству и по святости товарищества. Такъ дѣйствовало и отстаивало оно во всѣхъ трудныхъ, непредвидѣнныхъ столкновеніяхъ между начальниками и подчиненными или между старшими и младшими; такъ оно дружно общими силами выводило товарища изъ бѣды и затрудненій; такъ поступило оно и съ выбывшимъ изъ полка товарищемъ, который, бывъ казначеемъ, имѣлъ несчастье проиграть казенныя деньги, тридцать тысячъ рублей, былъ лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ Сибирь на поселеніе въ 1819 году. Когда финляндскій полкъ отличился въ 1824 году 7-го ноября, при спасеніи людей и имуществъ отъ наводненія, то государь сказалъ Шеншину:—«Проси у меня, что̀ могу сдѣлать для полка? Офицеровъ представь къ наградѣ». Все общество офицеровъ просило возвратить на родину сосланнаго товарища Калакуцкаго, и въ тотъ же день государь приказалъ это исполнить.

Съ 1822 года, по возвращеніи гвардіи съ похода въ Литву,

замѣтно было, что между офицерами стали выказываться личности, занимавшіяся не одними только ученьями, картами и уставомъ воинскимъ, но чтеніемъ научныхъ книгъ. Бесѣды шумныя, казарменныя, о прелестяхъ женскихъ, о поединкахъ, попойкахъ и охотѣ, становились рѣже, и, вмѣсто нихъ, все чаще слышны были сужденія о политической экономіи Сейя, объ исторіи, о народномъ образованіи. Мѣсто неугасимой трубки замѣнили на нѣсколько часовъ въ день—книга и перо, а, вмѣсто билета въ театръ, стали брать билеты на полученіе книгъ изъ библіотекъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЧЕРНОЗЕМЪ И ЕГО БУДУЩНОСТЬ.

Jugez Vous même, Messieurs, après cela, quel peut être l'avenir agricole d'un pays, où, après avoir détruit tous les bois, toutes les forêts, on est réduit à bruler la paille et le fumier qu'on produit pour ne pas mourir de froid et de faim pendant la saison d'hiver qui dure six mois de l'année.

1859. Paris, Société d'encouragement chez M-r Komaroff.

Съ дѣтства пріучились мы смотрѣть на черноземъ средней и восточной полосы Россіи, какъ на неистощимый источникъ богатства, какъ на палестину, какъ говорятъ въ народѣ, безъ удобренія и даже тщательной обработки производящую обломные урожаи хлѣбовъ и травъ. Отцы наши, возвращаясь изъ кратковременныхъ поѣздокъ своихъ въ степные края къ родовымъ усадьбамъ своимъ подъ Москвою и Петербургомъ устроеннымъ, бывало, разсказывали намъ про обильные урожаи бѣлотурки, кубанки, саксонки, гирки, о травахъ, выростающихъ до баснословныхъ размѣровъ и хватающихъ чуть ли не по поясъ косца. Намъ казалось, что богатства, производимыя въ этомъ благословенномъ краѣ, неисчислимы, что народъ долженъ утопать тамъ въ нѣгѣ и изобиліи и что одними лишь избытками отъ его достоянія можно накормить чуть ли не полсвѣта. Спустя какихъ-нибудь 20 лѣтъ, мы возмужали и сами стали посѣщать обѣтованные черноземные края. Увы! Какое разочарованіе!

Обстоятельства измѣнились круто; дѣвственныя земли подпахались; даровой трудъ отошелъ отъ насъ; рабочіе стали требовать платы наличными деньгами; управляющіе—значительнаго жалованья; земство, наконецъ—поземельной подати. Nolens, volens мы вооружились карандашикомъ и стали считать и разсчитывать.

Оказалось, что обломные урожаи являются только рѣдко, очень рѣдко, въ видѣ исключенія, а дѣйствительная производительность этого края не превосходитъ, въ десятилѣтней сложности, и 5 четвертей пшеницы съ десятины. Оказалось, что, за исключеніемъ поёмныхъ мѣстъ, естественные покосы, стоющіе работы, являются только тамъ, гдѣ пробивается пырей, этотъ заклятой врагъ всякой культуры, всякаго земледѣлія, и то только мѣстами, пятнами, клочками, такъ что косить приходится огромныя пространства, чтобы набрать сравнительно малое количество сѣна. На одинъ годъ урожая, причемъ цѣны на произведенія вдругъ упадаютъ до невозможности, приходится, по крайней мѣрѣ, по два или по три года совершенной засухи въ десять лѣтъ, а не то проливные дожди мѣшаютъ уборкѣ, такъ что копны остаются зимовать подъ снѣгомъ, или хлѣба̀, подмоченные въ ворохахъ, лежащихъ въ степи, не представляютъ уже изъ себя и половины дѣйствительной первоначальной своей стоимости. Оказалось, что славны бубны за горами, а что, когда глядѣли на нихъ сквозь призму крѣпостнаго права, они казались намъ еще привѣтливѣе и благообразнѣе.

Я, авторъ настоящей замѣтки, въ теченіи 25 лѣтъ, слѣдилъ за такимъ хозяйствомъ и изучалъ его во всѣхъ подробностяхъ въ Балашовскомъ Уѣздѣ Саратовской Губерніи. Послѣ долговременнаго, настойчиваго труда, я пришелъ съ братомъ моимъ къ тому убѣжденію, что, для предотвращенія засухи и столь часто случающихся совершенныхъ недородовъ, нужно улучшить систему обработки полей и перейти къ глубокому паханію, чтобы сохранять въ почвѣ зимнюю влагу, по крайней мѣрѣ, на время первоначальнаго роста хлѣбовъ весною. Но при этомъ явилось неожиданное препятствіе! Отъ глубокой, тщательной обработки полей проявленіе пырея, если не совершенно прекращалось, то значительно замедлялось, и прежніе скудные покосы стали еще рѣже и, если можно такъ выражаться, капризнѣе. На своихъ поляхъ густая трава стала рѣдкостію, такъ что брату моему пришлось нанимать покосы на сторонѣ у сосѣднихъ крестьянъ и землевладѣльцевъ, чтобы не остаться безъ сѣна, требовавшагося для большого шпенскаго овцеводства.

Затѣмъ, при совершенной несбыточности травосѣянія, положительно неудающагося тамъ по климатическимъ условіямъ, пришлось избрать одно изъ двухъ: или хорошо пахать, чтобы имѣть хлѣбъ и оставаться безъ корма, или же сохранять пырей, дурно пахавши, и быть часто безъ хлѣба. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, радикальной мѣры къ улучшенію земледѣлія и культуры принимать невозможно, и остаются доступными только пальятивныя мѣропріятія и то только временныя. Пользуясь малонаселенностію степнаго края и дешевизною земли, выгоднѣе занимать посѣвами большія пространства, не затрачивая много денегъ и труда на тщательную ихъ обработку, подвергаться риску засухи и неурожая и сохранить за собою пырьистые покосы,

чѣмъ тратиться на дорогое обзаведеніе шептелемъ и раціональную культуру, при неурожаѣ причиняющіе большіе убытки, и придти, какъ конечный результатъ, къ уничтоженію сѣнокосовъ и кормовъ. Но такая система возможна, конечно, только при изобиліи свободныхъ земель и сравнительной дешевизнѣ рукъ. Если, съ одной стороны, густаго заселенія этихъ, бо̀льшею частію, безводныхъ пространствъ не предвидится, то не подлежитъ сомнѣнію, что цѣна на рабочаго должна подняться значительно. Что̀ тогда будетъ въ этихъ краяхъ — не знаю; какой тогда выработается новый порядокъ хозяйства—не могу предсказать, но въ настоящую минуту я знаю, что нѣтъ ничего безотраднѣе этого переложнаго хозяйства, при которомъ все зависитъ отъ климатическихъ случайностей, отъ дуновенія сѣверо-восточнаго или юго-западнаго вѣтра, приносящаго то неожиданные морозы, то продолжительное ненастье, или отъ мглы и удушливаго зноя, навѣваемаго изъ среднеазіатскихъ пустырей. Чувствовать себя постоянно безпомощнымъ тягостно, а эта безпомощность убиваетъ всякое стремленіе къ улучшенію, снѣдаетъ духъ предпріимчивости. Причину такого явленія нужно искать въ географическомъ положеніи страны, во внѣшней ея формѣ, представляющей плоскую, со всѣхъ сторонъ открытую равнину, на которой не встрѣчается ни горъ, ни даже возвышеній, ни лѣсовъ, могущихъ защитить ее отъ бушующихъ постоянно вѣтровъ. Если причины эти неустранимы, то, слѣдовательно, въ будущемъ нельзя ожидать измѣненія къ лучшему; напротивъ того, вліяніе изсушающихъ почву вѣтровъ, отсутствіе лѣсонасажденій, удерживающихъ около себя влагу, истощеніе черезъ культуру, постоянно извлекающую урожаи и ничего не возвращающую землѣ, должны постепенно ухудшать экономическія условія края, и, наконецъ, онъ долженъ сдѣлаться пустыремъ, для хозяйства не пригоднымъ, въ родѣ степей Средней Азіи.

Долго ли это будетъ длиться, скоро ли совершится предвидѣнное нами измѣненіе—сказать теперь невозможно, но, судя по тому, съ какою быстротою утратилось въ этомъ краѣ то плодородіе, о которомъ съ восторгомъ упоминали еще наши родители и нынѣ уже не существующее, можно предполагать, что не Богъ вѣсть сколько вѣковъ суждено степямъ нашимъ похваляться своею производительностію и носить громкое наименованіе кормилицы Европы.

Въ иномъ положеніи находится средняя полоса Россіи, внутреннія черноземныя наши губерніи, не дошедшія еще до окончательнаго обезлѣсенія и неимѣющія еще поэтому полнаго степнаго характера. Здѣсь климатическія условія еще не такъ безотрадны. Измѣненія въ температурѣ не такъ быстры, не такъ сильны, не такъ рѣзки, хотя весною иногда и случается, что озимая пшеница, оживившаяся подъ вліяніемъ дневной теплоты, вдругъ побивается ночью злочестивымъ морозомъ. Но это случается только изрѣдка, и подобное явленіе не составляетъ здѣсь

*

нормальнаго положенія вещей, какъ въ поволжскихъ степяхъ, гдѣ культура озимой пшеницы поэтому и не производится. Травосѣяніе здѣсь доступно, потому что засухи не столь продолжительны и зловредны; ихъ вліяніе, въ нѣкоторой степени, устранимо черезъ болѣе раціональную обработку полей и углубленіе почвы. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, интенсивная культура въ этой мѣстности оплачивается съ лихвою, потому что неблагопріятныя климатическія случайности не такъ часто повторяются, не въ такой степени бываютъ губительны, а почва съ благодарностію принимаетъ даруемое ей удобреніе.

Чѣмъ болѣе мы подвигаемся на Западъ, не покидая, конечно, чернозема, тѣмъ въ лучшихъ условіяхъ представляется намъ бытъ земледѣльца, для котораго, наконецъ, Волынь и Подоль оказываются какимъ-то Эльдорадо.

Но и здѣсь явно обозначается уже вліяніе хищническихъ распоряженій человѣка. Весь животный міръ пользуется дарами природы, не нанося ей губительнаго ущерба, не нарушая устроеннаго Провидѣніемъ общаго равновѣсія: только человѣкъ, одинъ лишь человѣкъ, какъ разумное существо, не довольствуется пользованіемъ и считаетъ какъ бы обязанностію своею все истощить, все испортить, все уничтожить, ничего не оставить грядущимъ поколѣніямъ: après nous le déluge.

Въ высшей степени интересно и поучительно прослѣдить тотъ порядокъ, ту систему, по которымъ совершается процессъ такого расхищенія; а средне-россійская черноземная полоса представляетъ, въ настоящемъ своемъ положеніи, всѣ нужныя къ тому данныя, самыя удобныя къ тому средства: такъ какъ расхищеніе и его грустныя послѣдствія обрѣтаются здѣсь пока еще въ первоначальной степени, то признаки его ясно обнаруживаются повсюду, въ рѣзкихъ, весьма замѣтныхъ чертахъ и не могутъ не поразить всякаго, немного внимательнаго зрителя совершающагося переворота. Преданія о быломъ еще пока свѣжи, изрѣдка открываются даже запоздалые на свѣтѣ семъ старцы, которые видѣли прошлое и свидѣтельствуютъ о погибшей благодати. Со временемъ наружные знаки стушуются, разсказы дѣдовъ забудутся или станутъ возбуждать одно лишь сомнѣніе.

Пользуясь благопріятными обстоятельствами нынѣшняго времени, я занялся такимъ изученіемъ въ Тамб. Губ. Лебедянскомъ Уѣздѣ, и вотъ результаты моихъ наблюденій.

Когда, въ концѣ сороковыхъ годовъ, я первый разъ посѣтилъ принадлежащее мнѣ нынѣ имѣніе, село Трубетчино, вокругъ его со всѣхъ сторонъ высились крупные дубовые и березовые лѣсà. Въ какую бы сторону ни взглянуть, въ то время, съ возвышенности, на которой стоитъ усадьба моя, вездѣ горизонтъ былъ замкнутъ зеленью лѣснаго насажденія, за исключеніемъ юго-восточной его оконечности. Въ настоящую эпоху передъ вами стелется голый горизонтъ, и глазъ вашъ безпрепятственно углубляется въ безотрадную пустынную даль полей. На мою па-

мять сведены около меня, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ моего рубежа, обширные лѣса г. Новикова въ Сатинѣ, лѣсъ гг. Луниныхъ около Парая, лѣсъ г. Бартенева въ Бранномъ, лѣсъ Г. Штейна въ с. Замартиньѣ, лѣса около сс. Варварина, Тележенки, Хорошевки. Не стану говорить о рощахъ, находившихся въ бо̀льшемъ отъ меня разстояніи и погибшихъ въ теченіи того же кратковременнаго срока; скажу только, что въ имѣніи моемъ болѣе тридцати лѣтъ существуетъ свекло-сахарный заводъ и что онъ никогда не встрѣчалъ затрудненія къ пріобрѣтенію для себя топлива; правда, что въ концѣ пятидесятыхъ годовъ мы стали на заводѣ довольствоваться больше пнями, потому что гг. сводчики, срубивши у себя до послѣдняго дерева, обратились къ корчеванію пней и предлагали ихъ намъ за сравнительно низкую плату, лишь бы скорѣе очистить расчищенныя нивы и засѣять ихъ просомъ. Въ настоящую минуту, частные лѣса до того уменьшились, что я бы вынужденъ былъ прекратить производство сахароваренія, еслибы у меня не было 2 тысячъ десятинъ собственнаго своего лѣса, раздѣленнаго на правильныя лѣсосѣки, и еслибы казенное лѣсное вѣдомство не принялось въ лѣсахъ своихъ за правильное извлеченіе изъ нихъ доходовъ. Недостающее у меня количество дровъ я покупаю теперь съ торговъ въ казенномъ лѣсничествѣ; такимъ образомъ поддерживается въ странѣ промышленная дѣятельность, а казна пріобрѣтаетъ немаловажные по всему государству доходы, которые, въ былое время, безъ надобности и какой-либо пользы пропадали. Это достигается безъ всякаго для страны ущерба, безъ истощенія, а кольми паче уничтоженія лѣсовъ, казнѣ принадлежащихъ.

Еслибы подняться теперь на воздушномъ шарѣ, какъ Гамбетта, надъ моимъ имѣніемъ, то мѣстность представилась бы намъ въ видѣ обширной однообразной равнины, прорѣзанной по разнымъ направленіямъ глубокими оврагами и лощинами, въ срединѣ которой виднѣется группа моихъ лѣсовъ, тщательно охраняемыхъ и оберегаемыхъ, а кругомъ ихъ совершенное безлѣсье, на которомъ изрѣдка стоятъ еще небольшія отдѣльныя рощи, какъ бы забытыя ненасытными сводчиками и съ трепетомъ ожидающія свершенія горестной участи.

Забавнѣе всего при этомъ то обстоятельство, что владѣльцы, уничтожившіе свои лѣса, меня же корятъ за это, меня, сохранившаго свои лѣса, приписывая всю вину моему сахарному заводу. Если я дѣйствительно купилъ часть этого лѣса и сжегъ его у себя подъ паровиками [1], то не заставлялъ же я недальновидныхъ владѣльцевъ корчевать пни, обращать эти земли въ па̀хать для того, чтобы взять съ нихъ два или три урожая со-

[1] Замѣчательно, что бо̀льшая часть этихъ лѣсовъ продавалась владѣльцами не прямо мнѣ, а лѣсопромышленникамъ, купцамъ, которые являлись, такимъ бразомъ, между нами не безкорыстными посредниками.

мнительнаго по доходности проса, и, снявши, такъ сказать, пѣнку съ этой дѣвственной почвы, обратить ее въ сдачу сосѣднимъ крестьянамъ. Не я же виноватъ въ томъ, что г. Новиковъ продалъ лѣсъ свой, выкорчевалъ пни и распахалъ почву, вмѣсто того, чтобы сохранять и оберегать свой вырубъ, который, въ настоящее время, снова былъ бы покрытъ лѣсомъ 30-лѣтняго возраста; онъ могъ бы въ скоромъ времени еще разъ продать лѣсъ этотъ на срубъ и получить почтенную за него сумму; но онъ предпочелъ лѣсъ погубить и продать, наконецъ, купцу Шатилову и самое имѣніе, чтобы раздобыть денегъ и средства къ продолженію беззаботнаго житья своего въ Москвѣ и заграницей. Кажется, что сахарный заводъ мой тутъ не причемъ.

И такъ, лѣса исчезли окончательно въ какія-нибудь 25 лѣтъ; исчезли и послѣдніе признаки лѣсонасажденія на мѣстахъ, гдѣ въ сороковыхъ годахъ росли роскошныя рощи. Почва изъ-подъ этихъ лѣсонъ обращена въ пахатныя поля, сдаваемыя теперь крестьянамъ. Извѣстно, что крестьянинъ, нанявшій ниву за дорогую цѣну, старается всѣми доступными его разуму мѣрами извлечь изъ нея всевозможную пользу и что первымъ къ тому средствомъ является у него алчное стремленіе захватить подъ посѣвъ какъ можно бóльшее пространство. Мужикъ, какъ говорится, постоянно запахивается. Ни вымытая дождями лощина, ни крутой берегъ оврага, ни чтò его не останавливаетъ, и, если только кляченка его можетъ проволочить гдѣ-нибудь соху, онъ непремѣнно расцарапаетъ даже отвѣсный бугоръ и разсѣетъ на немъ сѣмена, напередъ обреченныя на погибель. Такимъ образомъ подвергаются такому царапанію всѣ уклоны, всѣ скаты, всѣ края овраговъ и лощинъ. При таяніи снѣговъ весною и даже при немного сильныхъ и продолжительныхъ дождяхъ, рыхлый пушистый слой чернозема сносится водою въ низменности, въ которыхъ онъ накопляется мало по малу толстымъ слоемъ, за нимъ увлекается песокъ, а затѣмъ и глина; поля обнажаются, теряютъ свою производительную силу, а источники—ключи — однимъ словомъ, живыя воды, въ низменностяхъ проявляющіяся, постепеннò забиваются иломъ и, наконецъ, исчезаютъ окончательно подъ давящими ихъ наносами. Подъ тягостною этою ношею вода, стремящаяся наружу, не находитъ себѣ выхода и затѣмъ пробиваетъ себѣ новые ходы въ глубь или въ сторону. Слоняющаяся безъ призора скотина затаптываетъ еле-еле дышащую еще струю воды, которая обращается сперва въ болото, потомъ въ топкое мѣстечко, пока, наконецъ, новый слой ила, нанесенный весеннимъ полноводіемъ, не покроетъ это мѣсто непроницаемой корой.

Родникъ исчезъ! Вода пропала! Хорошо, если ключъ, здѣсь забытый, пробьется гдѣ-нибудь ниже по той же лощинѣ; но это случается не всегда, бóльшею частію вода теряется окончательно. Роютъ колодцы! Но такъ какъ изъ колодца скотину поить

неудобно, а бабамъ неловко мыть бѣлье, то мужики принимаются прудить пруды.

Безобразная плотина изъ навоза и земли, сложенная поперекъ лощины, образуетъ водохранилище, въ которое набирается весною вода, отъ таянія снѣговъ происходящая, если только черезчуръ сильный напоръ этой снѣговой воды или паводокъ, нерѣдко въ этой мѣстности случающійся, не прорветъ плотины. Въ такомъ случаѣ, селенію приходится жить безъ водопоя и попрашиваться у сосѣдей. При благополучіи, въ такомъ пруду сохраняется грязная, мутная влага, которую совѣстно назвать водою и которая обыкновенно причиняетъ перемежающіяся повальныя лихорадки, если народонаселеніе рѣшится ею довольствоваться, чтобы избѣгнуть труда и затраты на копку колодцевъ. Это дѣло бывалое! Но и такіе труды недолговѣчны. Снѣговыя и дождевыя воды, сбѣгающія съ сосѣднихъ полей, увлекаютъ съ собою землистыя частицы, отстаиваются въ водохранилищѣ и покрываютъ дно пруда наносомъ; такимъ образомъ, по временамъ набираются новые слои ила; дно пруда, какъ говорится, ростетъ, подымается ежегодно выше, ёмкость водохранилища постепенно уменьшается, способность къ испаренію возростаетъ, и въ скоромъ времени вода въ пруду перестаетъ держаться, и если она не высыхаетъ окончательно въ теченіи лѣта, то, навѣрное, вымерзаетъ въ рождественскіе и крещенскіе холода. Въ степныхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще держится переложное хозяйство, пруды не подвергаются столь горестной участи, потому что, при обширныхъ пространствахъ, ежегодно покидаемыхъ въ залежѣ и остающихся непаханными, ила набирается меньше, стекающія со степей воды чище. Но и тамъ, и здѣсь законъ исчезновенія водъ тотъ же: родники заносятся, забиваются, колодцы ненадежны и скудны, пруды заростаютъ. Чтò же ожидаетъ насъ въ будущемъ? Безводіе!

И эта грозная будущность постигнетъ насъ отъ того, что мы уничтожили лѣса и что до сихъ поръ не принимается никакихъ мѣръ къ прекращенію этого преступнаго расхищенія.

Я слышалъ, что, когда извѣстный англійскій геологъ Мурчисонъ, по окончаніи своего научнаго путешествія по Россіи, въ началѣ нынѣшняго вѣка, являлся къ Государю, Императоръ спросилъ его: чтò болѣе всего привлекло его вниманіе, поразило его при обозрѣніи страны? Мурчисонъ отвѣтилъ: «Та быстрота, съ какою губятся лѣса по всему пространству вашего государства. Я не могу не заявить о томъ Вашему Величеству и умоляю васъ, во имя человѣчества, принять теперь же самыя энергическія мѣры къ прекращенію этого безразсуднаго расхищенія, грозящаго гибелью вашему прекрасному отечеству».

Чтò бы сказалъ Мурчисонъ, если бы онъ увидалъ край въ настоящемъ его состояніи.

Безводіе! возразятъ мнѣ, пожалуй. Но это осуществится н скоро; у насъ впереди еще много времени, и мы успѣемъ при

нять нужныя къ предотвращенію зла мѣры! Много ли у насъ еще впереди времени — не знаю, но считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько положительныхъ историческихъ фактовъ, изъ которыхъ можно убѣдиться, что исчезновеніе воды въ нашей мѣстности совершается съ ужасающею быстротою и настойчивостію.

Смотрите же, гг. оптимисты, не опоздайте!

Имѣніе мое, составляющее, вмѣстѣ съ крестьянскимъ надѣломъ, площадь въ 10,000 десятинъ, пересѣчено по всей его длинѣ широкой и довольно глубокой лощиной, которая тянется съ запада на востокъ. Начало свое лощина эта беретъ въ сѣверо-западной части имѣнія, около сельца Екатериновки; въ крутыхъ извилинахъ вьется она по такъ-называемому Озерному Лѣсу (600 слишкомъ десят.), затѣмъ проходитъ подъ самой усадьбой моей, гдѣ въ ней устроенъ большой глубокій прудъ, и затѣмъ достигаетъ восточнаго рубежа моихъ владѣній, гдѣ стоитъ водяная мельница о 4-хъ поставахъ. Мельница эта работаетъ скопомъ воды, доставляемымъ обильными ключами, находящимися въ моей дачѣ, версты за двѣ выше мельничной плотины. Ключи эти тщательно оберегаются отъ наносовъ и скотины, и отъ времени до времени расчищаются. Но это не ограждаетъ мельницы отъ естественныхъ послѣдствій выше объясненныхъ явленій; мельничный прудъ постепенно мелѣетъ и теперь уже густо заростаетъ кугой и тростникомъ. Ключи мои во время оно пробивались, должно быть, не на томъ мѣстѣ, гдѣ они теперь являются на свѣтъ Божій, а выходили изъ нѣдръ земли гораздо выше.

Главный мой прикащикъ, мѣстный крестьянинъ, Евсѣй Дехтеревъ, помнитъ, что въ верстахъ въ 3-хъ отъ настоящей мельницы, по тому же оврагу, торчали когда-то сваи, вбитыя въ землю и тамъ покинутыя, которыя свидѣтельствовали, что когда-то была тутъ плотина со спускомъ и затворами. Тогдашніе старожилы говаривали, что на этомъ мѣстѣ стояла мельница. Дехтереву теперь подъ 60 лѣтъ — это было въ его молодости; сваи, вбитыя въ землю, не выстоятъ подъ открытымъ небомъ болѣе 30 или 40 лѣтъ. Разсчитывайте сами!

Въ 1850 году, я провелъ все лѣто въ Трубетчинѣ, занимаясь хозяйствомъ. Помню, что недалеко отъ того мѣста, гдѣ стояли вышесказанныя сваи, подъ лѣснымъ урочищемъ, называемомъ и теперь Родники, въ лощинѣ, было потное, сырое мѣсто, поросшее густою травою. Въ этомъ году, мѣсто это косилось барщиною и на немъ было сметано штукъ пять стоговъ сѣна на небольшомъ пространствѣ. Въ 1861 году, когда я водворился на постоянное жительство въ томъ же имѣніи, лугъ подъ Родниками оказался совершенно высохшимъ, травы на немъ не росло, косить было нѣчего. Теперь мѣсто это занесено, какъ и весь логъ, толстымъ слоемъ ила, и по немъ въ раздумьи блуждаетъ крестьянская скотина, которая добываетъ здѣсь ровно только

нужное количество корма, чтобы не погибнуть голодною смертію — 10 лѣтъ!

Въ началѣ описываемой нами лощины, тамъ, гдѣ она извивается по лѣсу, во времена былыя была текучая вода, и рѣчка эта образовала довольно обширныя плёсы. Отсюда сохранившіяся по сей день названія: Озерной Оврагъ, Озерной Лѣсъ.

Въ 50 году жилъ еще въ с. Параѣ заштатный старый дьяконъ, который разсказывалъ, что онъ въ озерныхъ плёсахъ лавливалъ въ юности своей судачковъ. Въ 50 году въ Озерномъ Оврагѣ не было ни капли воды! Дьякону моему было тогда лѣтъ 90; полагая, что онъ рыболовствовалъ въ 15-лѣтнемъ возрастѣ, выходитъ, что въ 1775 году въ Озерномъ была рѣка, но теперешніе старожилы объ этомъ ничего не помнятъ. По бо̀льшей мѣрѣ—60 лѣтъ!

Въ 17-ти верстахъ отъ меня стоитъ большое село Избище (настоящее дворянское гнѣздо). Преданіе гласитъ, что, лѣтъ 70 тому назадъ, здѣсь были двѣ водяныя мельницы; теперь посреди села зіяетъ размытый, осыпающійся сухой оврагъ, а жители ѣздятъ за три версты за водою.

Въ 1861 году я видѣлъ въ глубокомъ оврагѣ села Хорошевки (7 верстъ отъ меня) выбивающіеся изъ-подъ горы обильные, студеные, какъ ледъ, ключи. Ручей бѣжалъ по дну оврага. Года три тому назадъ, плѣненный въ крымскую компанію французскій солдатъ, именемъ Пиркъ, привезъ на мой сахарный заводъ свеклу, взрощенную имъ въ этомъ оврагѣ и на его склонахъ и проданную имъ моей конторѣ. Объ водѣ нѣтъ и помину; ручей превратился въ сухую песчаную изложину — 11 лѣтъ!

Но недовольно ли этихъ примѣровъ?

Нынѣ весь край пересѣченъ сухими, пескомъ и иломъ наполненными лощинами, которыя, видимо, составляли въ давнія времена ложбины рѣчекъ и ручьевъ, теперь пересохшихъ; на нихъ изрѣдка стоятъ еще мосты, по которымъ никто не ѣздитъ, кромѣ времени весенняго половодья, и которые служатъ какъ бы указаніемъ того мѣста, гдѣ удобнѣе проѣхать въ бродъ. При этомъ вспоминаю о случившемся событіи: какой-то ямщикъ вздумалъ проѣхать по такому мосту; мостъ былъ гнилой, онъ провалился, ямщикъ поломалъ повозку и побилъ лошадей своихъ. Наѣхавшій на мѣсто событія какой-то товарищъ пострадавшаго ямщика сталъ его ругать, приговаривая: «Вольно-жъ тебѣ чорту ѣздить по мостамъ, аль дороги не знаешь!»...

Народъ пришелъ къ убѣжденію, что мосты ему ни на что̀ не нужны. Въ половодье они сидятъ дома и никуда не ѣздятъ.

Не слѣдуетъ, однакоже, воображать себѣ при этомъ, что скрывшаяся отъ глазъ нашихъ вода пропала окончательно и безвозвратно. Нѣтъ, она тутъ! но она схоронилась въ глубинѣ почвы, въ нѣдрахъ земли и за нѣкоторыми, можетъ быть, случайными измѣненіями продолжаетъ свое прежнее обычное теченіе, но въ преисподней и темнотѣ. Раздобыть ее можно и теперь, но для

этого надобно затѣять большія работы, произвести цѣнныя сооруженія, а такія значительныя затраты недоступны простому земледѣльцу, который продаетъ рожь по 3 р. 50 к., овесъ по 2 руб., пашетъ сохою и дичится всякаго удобренія и навоза. О крестьянствѣ и говорить нѣчего. Слѣдовательно, вода эта для народа пропала: онъ можетъ ею пользоваться только изъ колодцевъ, въ гемеопатическихъ пріемахъ.

Въ непреложной этой истинѣ я убѣдился по слѣдующему случаю. Желая обезпечить заводъ свой чистою ключевою водою, вмѣсто прудовой, я, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, воспользовался прибытіемъ въ Москву нѣмецкаго водоискателя, инженера Генохъ, и пригласилъ его къ себѣ. Генохъ, осмотрѣвъ мои мельничные ключи, открылъ среди большой моей лощины недавно образовавшійся въ ней земляной провалъ, подробно изучилъ всю мѣстность Озернаго Оврага, въ которомъ онъ выкопалъ штукъ десять пробныхъ колодцевъ, въ которыхъ оказался постоянный притокъ воды до извѣстнаго постояннаго уровня, нивелиромъ опредѣлилъ уклонъ мѣстности отъ Озернаго до ключей и изрекъ слѣдующій приговоръ: «Вода, появляющаяся въ ключахъ, идетъ отъ Озернаго Оврага, проходитъ подъ землею вдоль всего большого оврага, а подъ дномъ вашего пруда, противъ завода, она должна течь, приблизительно, на такой-то глубинѣ. Доказательствомъ тому служитъ открытый нами провалъ. Вода, протекающая подъ землею по указанному направленію, размыла горныя породы, сквозь которыя она текла, известняки эти обвалились, а за ними рухнулись и земляные слои, вверху лежавшіе. Съ другой стороны, колодцы, выкопаные въ Озерномъ, явно подтверждаютъ существованіе подземнаго водотока, и потому, чтобы добыть эту воду, выкопайте большой колодезь, въ родѣ шахты, у водокачальной вашей машины, такой-то глубины и штольней пройдите подъ прудомъ до встрѣчи съ ожидаемымъ тамъ водотокомъ».

Я приступилъ къ исполненію проекта и вырылъ колодезь. Но въ это время пріѣхалъ ко мнѣ горный инженеръ Лео, живущій уже давно у гр. Бобринскихъ, знающій мѣстность и геологическія ея особенности. Онъ выразилъ опасеніе, что, прорывая штольню подъ прудомъ сквозь породы девонской формаціи, отличающейся известняками, не плотно прилегающими другъ къ другу, можно обнажить трещину или возбудить провалъ въ родѣ открытаго Генохомъ, и, не дошедши до водотока ключевой воды, упустить и ту воду, которая теперь накопляется въ прудѣ.

Я струсилъ и пріостановился. Теперь мы разыскиваемъ ключи по уклонамъ Озернаго Оврага и стараемся провести ихъ въ водоемъ моего пруда, чтобы устроить такимъ образомъ постоянный притокъ воды. Кажется, что дѣло идетъ на ладъ! Чего добраго, мнѣ, пожалуй, удастся возобновить у себя теченіе рѣчки Мартынца—названіе, подъ которымъ значится на всѣхъ кар-

тахъ Тамбовской Губерніи мой нынѣшній безводный и безплодный оврагъ. Остатки древняго величія! Но пагубныя послѣдствія уничтоженія лѣсовъ тѣмъ еще не ограничиваются; въ климатическомъ отношеніи лѣса часто бываютъ спасительными для земледѣльца пособниками, а тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, человѣку приходится часто подвергаться неотвратимымъ невзгодамъ.

Такъ, напримѣръ, въ Воронежской Губерніи, около почтовой станціи Икорецъ, по острогожскому тракту, мы, среди чисточерноземной мѣстности, вдругъ неожиданно натыкаемся на сыпучіе подвижные, песчаные бугры, взгроможденные какою-то невидимою силою по верхъ плодороднаго слоя земли. Судя по неожиданности такого появленія песка, потому что бугры эти постоянно ростутъ и передвигаются, нельзя не прійти къ тому заключенію, что песка этого въ былые дни здѣсь не было, и что онъ принесенъ сюда издалека; оказывается, что эти наносы идутъ изъ ложбины рѣки Битюга, не въ очень дальнемъ разстояніи протекающей, что они приносятся сюда періодически-вѣющими вѣтрами и что такіе заносы начались съ той поры, какъ берега рѣки оголились отъ произроставшихъ на нихъ лѣсовъ.

Точно такое же явленіе замѣчено мною и въ другомъ имѣніи моемъ Павловскаго уѣзда с. н. Кисляй, прилегающемъ къ тому же Битюгу. Изъ-за оконечности моего лѣса, ростущаго вдоль берега рѣки, вѣтромъ постепенно навѣвается песокъ, который засыпаетъ мало-по-малу вблизи лежащія десятины пахотной земли, и по окраинамъ ихъ начинаютъ уже набираться точно такіе же бугры, какъ подъ станціею Икорецъ. Для огражденія себя отъ такой напасти я уже распорядился засадкою этихъ возрождающихся бугровъ соснами изъ моихъ лѣсныхъ питомниковъ.

Тамбовское мое имѣніе, село Трубетчино, дѣлится почти на двѣ равныя части пролегающею черезъ него большою дорогою, ведущею изъ Козлова въ Лебедянь. Въ сѣверной половинѣ у меня до 1,500 десятинъ лѣса, въ южной—только 500, да и тѣ сосредоточены почти всѣ въ юго-западной оконечности моего ареала. Въ сѣверной части урожаи бываютъ всегда обильнѣе, дождей выпадаетъ несравненно больше и орошеніе происходитъ равнѣе и правильнѣе. Южная часть часто страдаетъ отъ засухи, а тучи, набѣгающія урывками, случайно часто пробѣгаютъ мимо безслѣдно, а если случится имъ разразиться надъ моими полями, то дѣло кончается нерѣдко паводкомъ, побивающимъ и размывающимъ посѣвы, отъ чего они долго поправиться не могутъ.

Въ 64 или 65 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, при удушливомъ юговосточномъ вѣтрѣ, ко мнѣ налетѣла мгла, столь часто посѣщающая нашихъ степныхъ хозяевъ. Она прорвалась черезъ мой садъ, вдоль по широкой аллеѣ, случившейся ей по пути, обожгла мои молодыя вишневыя деревья, перелетѣла черезъ прудъ, опалила на той сторонѣ свеклу въ середкѣ засѣяннаго тамъ

поля, коснувшись крайнихъ десятинъ, уперлась въ далѣе лежащій лѣсъ, обожгла опушку и исчезла въ гущѣ лѣсонасажденія. Ясно, что, не будь этого лѣса, мгла полетѣла бы далѣе и продолжала бы свое опустошеніе. Ergo, еслибы въ юго-восточной части моего имѣнія былъ лѣсъ, то мгла эта остановилась бы за нимъ и не посѣтила бы ни моихъ вишень, ни моей свеклы.

Въ 1866 году, я развелъ въ сѣменномъ полѣ четвертей тридцать сандомирки на сѣмена и засѣялъ ими въ первый разъ цѣлое поле въ сѣво-оборотѣ. На 95 десятинъ у меня недостало пшеницы перваго сорта, такъ что 15 десятинъ мнѣ пришлось засѣять вторымъ, т. е. худшимъ сортомъ. Поле выбрано было хорошее, однообразное во всѣхъ частяхъ, а обработка и удобреніе по виду были одинакіе; посѣвъ произведенъ былъ рядовою сѣялкой по 4½ мѣры на десятину. Для отдѣленія ихъ другъ отъ друга, между разсѣвомъ перваго и втораго сортовъ, была оставлена полоса земли въ ¾ арш. ширины, на которой посѣва не производилось.

Зима была въ этотъ годъ малоснѣжная и суровая; сандомирка, не закрытая снѣгомъ, сильно поблекла и пожелтѣла и возбуждала серьёзныя опасенія. Но весна 67 г. оказалась благопріятною, пшеница ожила и зазеленѣлась. Навѣщая ее почти ежедневно, я внимательно слѣдилъ за развитіемъ юныхъ растеній, но, къ крайнему моему смущенію, долженъ былъ сознаться, что пшеница отъ сѣменъ втораго сорта росла быстрѣе и роскошнѣе, чѣмъ выведенная отъ отборнаго лучшаго сѣмени. Это разрушало всѣ мои завѣтныя предположенія, всѣ мои убѣжденія насчетъ вліянія доброты сѣменъ на качества самаго урожая. Я, поборникъ сортированія и очищенія хлѣба до крайнихъ предѣловъ, чтобы отбирать для посѣва самое полное, самое сильное зерно, я долженъ былъ отречься отъ своей системы, какъ отъ пустой теоріи, и покориться произволу случайности, капризу природы. Не хотѣлось мнѣ сдаваться, и я продолжалъ свои наблюденія. Разъ, гуляя пѣшкомъ вдоль моего посѣва, я случайно остановился передъ бороздою, отдѣлявшею, какъ выше было объяснено, оба сорта. Взоръ мой невольно направился вдоль по этой длинной темной полосѣ: тутъ замѣтилъ я, что полоса эта приходится какъ разъ въ уровень съ крайнимъ предѣломъ лѣса, растущаго не въ дальнемъ отъ поля моего разстояніи съ сѣверной стороны. Случилось невзначай, что пшеницѣ втораго сорта пришлось пользоваться защитою лѣса, тогда какъ остальная часть поля подвергалась всѣмъ невзгодамъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ проистекающимъ. Загадка разрѣшилась очень просто. Конечный результатъ вышелъ тотъ, что, для оживленія и возбужденія роста въ пшеницѣ перваго сорта, мы должны были прибѣгать къ боронѣнію зеленей; тѣмъ не менѣе урожай втораго сорта вышелъ обильнѣе, а по качеству зерна ни сколько не уступалъ первому сорту. Вотъ каково вліяніе лѣснаго насаж-

денія на прозябающія въ сосѣдствѣ его растенія; извѣстно, какое дѣйствіе онъ имѣетъ на здоровье животныхъ и человѣка!

Благодаря предусмотрительности и попеченію дѣда и отца моихъ, сохранившихъ въ Трубетчинѣ лѣса, я, въ настоящее время, пользуясь всѣми выгодами отъ того проистекающими; тѣмъ не менѣе, всеобщее опустошеніе, довершающееся теперь въ окрестностяхъ моего имѣнія, отражается и на немъ, и частное распоряженіе не въ силахъ предотвратить тѣхъ пагубныхъ явленій, которыя возрождаются отъ всеобщаго обезлѣсенія края. Для достиженія подобныхъ результатовъ нужно было бы дружное, общее распоряженіе, предпринятое своевременно, то есть въ такую эпоху, когда зло еще не успѣло укорениться окончательно, но и средства къ сохраненію и разведенію вновь лѣсонасажденія еще не изсякли. Казалось бы, что, если люди не сознаютъ и не понимаютъ собственныхъ своихъ выгодъ, явно стремятся къ разрушенію своего благосостоянія, къ раззоренію своихъ дѣтей, казалось бы, въ такомъ случаѣ общество обязано вмѣшаться въ это дѣло и, въ виду интересовъ большинства, обуздать неистовую расточительность отдѣльныхъ, частныхъ личностей, причиняющихъ обществу не простой только ущербъ, но окончательное раззореніе и пагубу. Если же общественныя учрежденія еще не достаточно окрѣпли и развились, чтобы сознавать такую обязанность свою и видѣть грозящую намъ опасность, казалось бы, что правительство должно бы принять на себя почвнъ такого дѣла, отъ котораго зависитъ будущность, существованіе всей страны: to be, or not to be! Таково наше убѣжденіе!

Сознавая всю важность этого вопроса, мысль о которомъ днемъ и ночью преслѣдуетъ меня и гнететъ, какъ не отвязчивый какой нибудь призракъ, я давно уже принялся за пропаганду по этому дѣлу. Говорилъ я о немъ въ земскихъ собраніяхъ, говорилъ среди общества дворянъ, отстаивалъ мои вѣрованія въ сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ, просилъ вмѣшательства правительственныхъ властей, докучалъ всѣмъ и каждому въ частномъ разговорѣ и дружеской бесѣдѣ. Постоянно встрѣчалъ я тоже возраженіе: это будетъ вмѣшательство въ частныя распоряженія, это—нарушеніе права собственности! Громкія слова, лишенныя всякаго практическаго смысла! Какъ будто бы право собственности ничѣмъ и никогда не стѣсняется, и всякій воленъ произвольничать по своему усмотрѣнію, живучи въ благоустроенномъ обществѣ! Какъ будто бы это общество не въ правѣ ограждать себя отъ причиняемаго ему зла единственно потому, что зло это наносится ему однимъ изъ его членовъ, невѣдующимъ, что̀ онъ творитъ! Не позволитъ же это общество какому нибудь домовладѣльцу пожечь, для удовольствія своего, принадлежащій ему на томъ же правѣ собственности, домъ, потому что отъ такого пользованія этимъ правомъ можетъ сгорѣть весь городъ. Отчего же должны мы молча смотрѣть на окончательный сводъ всѣхъ лѣсовъ, когда послѣдствіемъ такого примѣненія прав

собственности должна быть гибель всей страны, а не одного лишь города или деревни? Непонятно!

На московскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ вопросъ былъ поставленъ такъ: нужно ли просить вмѣшательства законодательной власти къ огражденію лѣсовъ отъ расхищенія и регулированія пользованія ими самими владѣльцами? Вопросъ рѣшенъ, конечно, отрицательно огромнымъ большинствомъ. По приглашенію г. предсѣдателя, я всталъ съ малочисленнымъ меньшинствомъ и возбудилъ удивленіе и негодованіе моихъ знакомыхъ, которые отозвались, что я будто бы всталъ съ коммунистами. У насъ стòитъ только высказать убѣжденіе, несогласное съ чьимъ-либо мнѣніемъ, чтобы быть заподозрѣннымъ въ субверсивныхъ тенденціяхъ и подвергнуться обвиненію въ государственной измѣнѣ à la Катковъ. До того настращали насъ польскіе патіроты и нѣмецкіе бароны.

Такимъ образомъ, частное лѣсовладѣніе остается у насъ по сей день внѣ закона, во имя того принципа, что нельзя же держать людей въ правительственной опекѣ, водить ихъ на помочахъ. Въ западной Европѣ народы пользуются не меньшей, чѣмъ въ Россіи, свободой, а правомъ собственности они дорожатъ, кажется, не менѣе насъ; однако же, тамъ существуютъ законы, регулирующіе эксплуатацію лѣсовъ, а Германія обязана строгости такого законодательства сохраненіемъ лѣсонасажденія своего. У насъ какъ будто боятся коснуться этого вопроса, и не только не принимается никакихъ радикальныхъ противъ пагубы мѣръ, а напротивъ того, нѣкоторыя распоряженія еще содѣйствуютъ къ вящему расхищенію и безполезному уничтоженію лѣсовъ.

Проживши два года за границей, гдѣ напрасно искалъ исцѣленія отъ недуговъ, въ іюнѣ прошлаго года, я возвратился въ свое Трубетчино. Объѣзжая свои поля и угодья, я былъ пораженъ при видѣ огромныхъ обозовъ, тянувшихся по всѣмъ окрестнымъ дорогамъ и перевозившихъ массу сосновыхъ бревенъ и дубовъ, чтò въ прежнія времена можно было встрѣтить у насъ очень рѣдко. Я сталъ допрашивать своихъ прикащиковъ и сосѣдей о томъ, чтò бы это обозначало, откуда такое изобиліе очень цѣннаго въ нашей мѣстности матеріала. Чтò же я узналъ?

Извѣстно, что у государственныхъ крестьянъ нашей мѣстности имѣются такъ-называемые крестьянскіе лѣса, составлявшіе съ поконъ вѣка собственность этихъ крестьянскихъ обществъ, но состоящіе по сей день въ вѣдѣніи лѣснаго вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ. Лѣса эти охранялись точно такъ же, какъ казенные лѣса, разбиты были на лѣсосѣки, а пользованіе ими предоставлялось крестьянамъ не иначе, какъ по каждогодно производимымъ мѣстнымъ лѣсничимъ отводамъ. Такимъ образомъ, судьба этихъ лѣсовъ была обезпечена отъ расхищенія, а въ Лебедянскомъ, по крайней мѣрѣ, Уѣздѣ, угодья эти находились дѣйствительно въ очень хорошемъ состояніи.

Въ послѣднее время, министерство, отказавшись отъ управле-

нія этими крестьянами, отреклось и отъ крестьянскихъ лѣсовъ, которые теперь поступили въ полное, безотчетное распоряженіе самихъ владѣльцевъ. Владѣльцы эти постановили на сходахъ, начать сплошное сведеніе лѣсонасажденія и принялись за исполненіе своего разумнаго постановленія. Дѣло идетъ такъ успѣшно, что года черезъ два можно надѣяться, что не будетъ и помина о когда-то существовавшихъ въ средней полосѣ Россіи крестьянскихъ лѣсахъ. Спрашивается: для чего это было нужно, къ чему такая торопливость, такая поспѣшность къ сведенію лѣсовъ, для того, чтобы воспользоваться находящимися подъ лѣсами землями? Напрасная надежда, мечта неосуществимая! Въ настоящее время, въ средней полосѣ Россіи лѣса уцѣлѣли только тамъ, гдѣ почва, подъ ними находящаяся, не обѣщаетъ особыхъ отъ земледѣлія выгодъ; съ чернозема, удобнаго для посѣва, лѣса давно уже исчезли. Слѣдовательно, когда и эти лѣса будутъ окончательно сведены, то несомнѣнно окажется, что доходы отъ земледѣлія далеко не принесутъ тѣхъ выгодъ, какія доставлялись лѣснымъ хозяйствомъ. Будетъ тоже, что̀ случилось съ тѣми лѣсами, какіе въ недавнее время отведены были по владѣннымъ записямъ тѣмъ же государственнымъ крестьянамъ и точно также безъ пользы погибли въ общемъ погромѣ. А между тѣмъ, площадь лѣсонасажденія, такимъ образомъ погубленнаго достигаетъ значительныхъ размѣровъ; теперешняя будетъ гораздо значительнѣе!

Гг. политико-экономы умозрительно вывели такой законъ, что будто бы человѣкъ занимаетъ сперва лучшія земли и обращается къ худшимъ только въ то время, когда, при усиленномъ размноженіи народонаселенія, хорошихъ угодій оказывается недостаточно. Россія стремится доказать всю несбыточность такого закона; она собирается осушать болота въ почти безплодныхъ своихъ мѣстностяхъ. А пренебрегаетъ черноземомъ и силится довести плодороднѣйшую почву Европы въ полное состояніе пустыни.

Рождается вопросъ: исправимо ли это дѣло въ настоящее время?

Мы—такой вѣры, что силою закона можно остановить дальнѣйшее опустошеніе страны, что благоразумными мѣрами, настойчивыми требованіями, поощреніемъ, примѣромъ и щедрыми пособіями можно въ нѣкоторой степени возстановить лѣсонасажденія и благотворно подѣйствовать на климатическія условія края. Но врядъ ли можно мечтать теперь о томъ, чтобы исправить весь ущербъ, нанесенный краю стародавнимъ хищничествомъ. Пропавшіе ручьи сами на свѣтъ Божій не возвратятся; искуственное разведеніе лѣсовъ въ обнаженной безводной мѣстности врядъ ли достигнетъ когда-либо такихъ размѣровъ, чтобы удовлетворять насущной потребности въ топливѣ. Владѣльцевъ одной или двухъ сотень десятѝнъ, а тѣмъ болѣе крестьянъ, врядъ ли можно подвинуть на такое дѣло, какъ лѣсоразведеніе,

хотя успѣшность такого предпріятія въ менонистскихъ колоніяхъ служитъ доказательствомъ возможности этого дѣла! Трудно уговорить цѣлое общество крестьянъ, чтобы они на 20 или 30 лѣтъ отказались отъ пользованія частію надѣла для засадки его лѣсомъ, тогда какъ и теперь надѣлъ не обезпечиваетъ всѣхъ ихъ потребностей, и всякій немного домовитый хозяинъ нанимаетъ земли на сторонѣ, съ которыхъ онъ въ особенности старается добыть яровую солому для корма скота, потому что у него покосовъ не имѣется, а озимую—чтобы было чѣмъ топить избу. Зерно играетъ при этомъ второстепенную роль.

И такъ, мелкій земледѣлецъ и крестьянинъ будутъ все-таки вынуждены сжигать свою солому и навозъ, чтобы защитить себя отъ стужи продолжительнаго зимняго времени.

Возможно ли поддержаніе плодородія почвы при такихъ условіяхъ? Конечно—нѣтъ! И въ настоящее время съ крестьянскихъ дворовъ черноземнаго края вывозится совершенно высохшій глыбообразный навозъ, весьма низкаго, по составу своему, качества. Въ немъ находятся одни лишь вывѣтрившіяся твердыя изверженія домашнихъ животныхъ, моча, т. е. лучшая часть навознаго скопа, пропала, потому что у хозяевъ нѣтъ соломы для подстилки въ хлѣвахъ, и вся жижа уходитъ въ почву, на которой стоитъ убогая усадьба.

Если такой навозъ оказываетъ еще теперь сильное дѣйствіе на урожаи тамъ, гдѣ онъ вывозится въ поле, а не сваливается въ оврагъ, какъ вредное зелье, то причина тому кроется въ томъ обстоятельствѣ, что черноземъ нашъ еще не выпахался окончательно и пока еще сохраняетъ часть производительной своей силы.

Кто поживетъ—увидитъ!

Тѣмъ не менѣе, сознавать зло, причиняемое странѣ прирожденною намъ безпечностію, упорствовать въ расхищеніи изъ эгоистическихъ стремленій и смотрѣть сложа руки на совершаемое опустошеніе—грѣшно, въ особенности, для людей, власть и силу имѣющихъ.

Такъ или иначе надобно приступить къ дѣлу.

Кто хочетъ писать, тотъ долженъ взяться за перо; кто за него не берется, тотъ въ вѣкъ ничего не напишетъ, говоритъ отецъ Гратри.

Князь Викторъ Васильчиковъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Веселое начало новаго года. — Первое засѣданіе постоянной парламентской комиссіи. — Кандидатура маршала Канробера. — Передержка 3-го параграфа закона о печати.—Циркуляръ Дюфора. — «Скандалъ» въ Фигаро.—Министерскій кризисъ 9—12-го января. — Прокламація Мак-Магона и ея различныя истолкованія.—Центральный консервативный комитетъ.

Давно уже Парижъ, да и вся Франція не встрѣчали новаго года такъ оживленно и радостно, какъ встрѣтили они 1876-й. Прошлый годъ, тянувшійся такъ безцвѣтно, напослѣдокъ-таки отличился: «несчастное» собраніе, которому, казалось, конца не будетъ, вынуждено было разойтись, и, такъ какъ оно всѣмъ надоѣло, то смерть его послужила какъ бы сигналомъ для общей радости. Близость общихъ выборовъ и неизвѣстность, къ какому они приведутъ результату, конечно, заставляли кое-кого задумываться: но, въ общемъ, масса населенія повсюду во Франціи, а въ особенности въ Парижѣ, отпраздновала новый годъ на славу и нисколько не заботясь объ «общественной опасности»—пугалѣ, сочиненномъ для ея устрашенія г-мъ Бюффè. Въ Парижѣ цѣлые три дня всѣ театры были переполнены, несмотря на то, что спектакли были составлены изо всякаго старья и пустяковъ; а вина въ этотъ промежутокъ времени было выпито такое количество, которое могло бы привести въ отчаяніе и свести съ ума всѣхъ членовъ обществъ трезвости всего міра. Если бы въ эти дни какой нибудь мыслитель луны свалился съ нея и попалъ прямо на парижскіе бульвары—между Мадленой и Бастиліей — въ безчисленныя толпы гулякющихъ всякаго пола и возраста, посреди сотенъ освѣщенныхъ бараковъ съ праздничными мелочами, то онъ пришелъ бы къ самымъ невѣрнымъ заключеніямъ о земной жизни вообще и парижской въ особенности. Онъ подумалъ бы, что на землѣ господствуетъ рай, а французы — самая счастливая нація во вселенной... Но увы! Праздникъ миновалъ, и тяжелая дѣйствительность стала вступать въ свои правà. Уже съ 3-го января начались снова представленія политической трагикомедіи. Въ этотъ день произошло первое засѣда-

ніе постоянной парламентской комиссіи, на которомъ дѣло не ограничилось одними формальностями, а произошло нѣчто весьма серьёзное. Въ виду возможности возникновенія правительственныхъ кандидатуръ, члены этой комиссіи, гг. Лепэръ и Эрнестъ Пикаръ, сочли своимъ долгомъ заявить, что они рѣшились противодѣйствовать всякимъ попыткамъ такого рода. «Комиссія наша должна быть, сказалъ Пикаръ:—вѣрной хранительницей парламентской власти». И «оберегательницей общественныхъ правъ и интересовъ», прибавилъ Лепэръ. Предсѣдатель ея, герцогъ Одиффре-Пакье, рѣшительно протестовалъ противъ требованія членовъ «консервативнаго союза» объ ограниченіи ея полномочій. Онъ отстоялъ за комиссіей право немедленнаго созванія собранія въ случаѣ, еслибы въ этомъ представилась надобность, и право высказыванія неодобренія правительственнымъ распоряженіямъ, если къ этому будетъ поводъ. Онъ высказалъ при этомъ мысль, что одного выраженія неодобренія комиссіи должно бы было быть, какъ и во всякое другое время, достаточно для того, чтобы обусловить отставку того или другого министра, навлекшаго на себя отвѣтственность.

Что такой образъ мыслей и дѣйствій постоянной комиссіи былъ какъ нельзя болѣе кстати, подтвердилось тотчасъ же фактами. Комиссіи пришлось немедленно обратить вниманіе на два обстоятельства: на бонапартистскую окраску первой оффиціальной кандидатуры и на покушеніе Бюффѐ передернуть 3-й вараграфъ новаго закона о печати.

Бонапартисты еще въ половинѣ декабря порѣшили выставить кандидатуру маршала Канробера въ сенатъ, кромѣ Лотскаго Департамента (мѣсто его рожденія), еще въ нѣсколькихъ другихъ департаментахъ. Цѣлью этого было придать какъ можно болѣе значенія личности Канробера и, въ качествѣ «представителя арміи», поставить его какъ бы соперникомъ Мак-Магона, а, въ случаѣ возможности возстановленія имперіи, воспользоваться его помощью для произведенія государственнаго переворота. Подъ давленіемъ окружающихъ Мак-Магона лицъ, по бóльшей части орлеанистовъ, глава государства рѣшился обратиться прямо къ «своему старому и дорогому брату по оружію», чтобы предостеречь его отъ неосторожнаго шага, который можетъ принять видъ анти-конституціонной манифестаціи. Канроберъ послушался Мак-Магона, и въ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ 31-го декабря, заявилъ, что онъ отклоняетъ отъ себя всѣ предлагаемыя ему кандидатуры и даже въ Лотскомъ Департаментѣ «кàкъ послѣднее ему лично ни больно». «Я не хочу, говоритъ онъ далѣе:—чтобы моя кандидатура въ сенатъ была истолкована, какъ манифестація, враждебная знаменитому главѣ государства». Но едва только письмо это было прочитано публикой, какъ Бюффѐ отправилъ къ префекту Лотскаго Департамента инструкцію, которою рекомендовалъ ему поддерживать кандидатуру Канробера въ этомъ департаментѣ, выставивъ на видъ, что своимъ

отреченіемъ Канроберъ «далъ новое доказательство своего патріотизма и самоотверженія». Всѣ оффиціозныя газеты приняли съ восторгомъ и стали поддерживать эту кандидатуру «представителя войска и Франціи»; но газеты, получающія свое вдохновеніе отъ министровъ, враждебныхъ Бюффè, за одно съ республиканскими òрганами всѣхъ оттѣнковъ, возстали противъ образа дѣйствій перваго министра, видя въ подобномъ навязываніи провинціи министерской кандидатуры нарушеніе правъ всеобщей подачи голосовъ и существующихъ конституціонныхъ учрежденій.

Неменьшій политическій шумъ одновременно съ этимъ поднялся въ газетахъ и по поводу извѣстія, полученнаго въ «Indépendance Belge» и потомъ подтвержденнаго замѣткою «Агентства Гаваса», о циркулярѣ, разосланномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ префектамъ и опредѣляющемъ правила приложенія къ практикѣ новаго закона о печати. Союзу лѣвыхъ, при пособіи нѣкоторыхъ депутатовъ правой стороны, удалось, какъ это извѣстно, провести при обсужденіи этого закона поправку Жанзè, отнимающую отъ префектовъ право произвольнаго запрещенія уличной продажи газетъ. Бюффè, въ своемъ циркулярѣ, объяснялъ префектамъ, что 3-й параграфъ закона, заключающій въ себѣ эту поправку, нисколько не служилъ къ отмѣнѣ той статьи закона о печати 1849 г., о разносной продажѣ изданій, которою префектамъ преоставлялось право не дозволять продажи такихъ произведеній печати, которыя заключаютъ въ себѣ чтò-либо «противное порядку, нравственности, религіи и общественной безопасности». При такомъ истолкованіи новаго закона, префектамъ ничего не стоило подвести каждую изъ республиканскихъ газетъ подъ любую рубрику этого опредѣленія. Бòльшая часть изъ нихъ такъ и сдѣлала. Мало того, книгопродавцамъ и розничнымъ продавцамъ было сдѣлано строгое внушеніе объ отвѣтственности, и нѣкоторые изъ нихъ до того растерялись, что отправляли назадъ въ Парижъ нераспечатанные тюки съ такими журналами, какъ напр. «Le XIX-e Siècle» или «Le petit National». Это дерзкое нарушеніе закона тѣмъ ярче еще бросалось въ глаза, что статья закона 1849 г., которою воспользовался Бюффè, относится не къ журналамъ, а *къ произведеніямъ печати непеіодическимъ*, и была, во время избирательнаго періода того же года, замѣнена, въ видахъ предоставленія свободы избирателямъ, отмѣной всякаго административнаго контроля надъ произведеніями печати. Избирателямъ было дано право свободно «раздавать, аффишировать и продавать» всякія печатныя и письменныя завленія, имѣющія отношенія къ выборамъ.

Когда въ газетахъ появились толки по поводу этого распоряженія Бюффè, то вскорѣ выяснилось, что и въ этомъ случаѣ, такъ же, какъ и въ исторіи съ кандидатурой Канробера, министръ внутреннихъ дѣлъ дѣйствовалъ помимо всякаго соглашенія съ другими своими товарищами-министрами. Въ циркулярѣ Дюфора

по судебному вѣдомству вовсе не упоминается о такомъ примѣненіи къ практикѣ поправки Жанзѐ, какое придумалъ Бюффѐ, и такимъ образомъ это истолкованіе оставляется на полной отвѣтственности Бюффѐ. Съ другой стороны, насколько Бюффѐ старался усилить значеніе репрессивныхъ мѣръ новаго закона въ своемъ циркулярѣ, настолько же Дюфоръ его смягчаетъ. Онъ рекомендуетъ генеральнымъ прокурорамъ предпочитать «осмотрительность» «усиленному рвенію» при начинаніи преслѣдованій, думая, что «новый законъ, если онъ будетъ прилагаться безъ ненужной строгости, послужитъ къ успокоенію умовъ, а черезъ это и къ укрѣпленію новыхъ учрежденій, созданныхъ для Франціи». Въ своемъ циркулярѣ Бюффѐ, по обыкновенію, не упоминаетъ слова республика. Дюфоръ слово республика снабжаетъ прилагательнымъ «окончательно-утвердившаяся».

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ заявленія Бюффѐ о солидарности всѣхъ членовъ кабинета и полномъ ихъ согласіи съ его двусмысленной программой 12-го марта, министру внутреннихъ дѣлъ приходится безпрестанно попадать въ просакъ. Факты безпрестанно его опровергаютъ; особенно яркимъ фактомъ этого рода было, какъ вѣроятно помнятъ читатели, появленіе министра финансовъ Леона Сэ въ качествѣ кандидата въ сенатъ и подпись его совмѣстно съ гг. Ферэ и Жильбертомъ Буше подъ общимъ заявленіемъ къ избирателямъ, въ которомъ встрѣчаются взгляды вполнѣ конституціонно-республиканскіе и прямо противоположные взглядамъ перваго министра. Очевидно, что это заявленіе было больно не по нутру Бюффѐ, но во, все время существованія собранія, боясь потерять портфёйль, онъ, скрѣпя сердце, молчалъ, какъ молчалъ и тогда, когда видѣлъ, что этотъ его товарищъ вотируетъ прямо противъ видовъ кабинета. Но вотъ собраніе разошлось, и Бюффѐ задумалъ отомстить. Въ ночь съ 7-го на 8-е января, онъ, черезъ посредство «бюро печати», находящагося подъ управленіемъ нѣкоего Лео, отправилъ въ редакцію «Фигаро» для напечатанія статью, написанную бывшимъ префектомъ и сотрудникомъ «Français», Лаведаномъ, подъ непосредственными внушеніями де Брольи, подъ названіемъ «Скандалъ». Статья эта представляла собою дѣйствительный скандалъ—не даромъ пресловутый Вильмессанъ отвелъ ей самое видное мѣсто въ своей газетѣ — и была нечто иное, какъ самый ярый доносъ на Леона Сэ, доносъ, замѣтьте, на министра, которому ввѣрены финансы, явившійся при содѣйствіи другого министра и въ то время, какъ надъ Парижемъ тяготѣетъ еще осадное положеніе. Въ чудесной этой статьѣ Леонъ Сэ выставленъ былъ ни кѣмъ инымъ, какъ отъявленнымъ врагомъ правительства маршала Мак-Магона и тайнымъ агентомъ всяческихъ несуществующихъ конспирацій, предателемъ и шпіономъ. Если два послѣднія названія прямо и не упоминаются, то все въ ней съ самою невѣроятною грубостью ведено такъ, чтобы эти слова сами собою возникли въ представленіи читате-

ля. Вотъ, напримѣръ, кàкъ въ ней объ немъ говорится: «Чтò-же такое г. Леонъ Сэ? Часовой ли, введенный непріятелемъ въ осаждаемую крѣпость, которою хотятъ завладѣть, и которому поручено вызнать тайны ея расположенія и лозунгъ ея начальства, чтобы, узнавъ послѣдній, онъ могъ передать его осаждающимъ? Не министръ ли это Тьера, помѣщенный въ кабинетъ маршала Мак-Магона — ухо, глазъ и рука бывшаго президента въ правительствѣ президента существующаго?» и т. д. и т. д.

Когда, по появленіи этой статьи, министръ финансовъ не потребовалъ запрещенія «Фигаро», то Бюффè съумѣлъ внушить маршалу, постоянному читателю и почитателю этой газеты, что такое равнодушіе къ своей репутаціи — непозволительное въ министрѣ, и убѣдилъ его пригласить Леона Сэ для объясненія. Леонъ Сэ, явившись на приглашеніе, высказалъ прямо, что его эта статья нисколько не интересуетъ и что онъ проситъ маршала высказать ему, чтò именно его огорчаетъ въ его образѣ дѣйствій. Мак-Магонъ растерялся и сказалъ только, что онъ желалъ бы, чтобы онъ отказался отъ кандидатуры, совмѣстной съ г. Ферэ и Буше, а явился кандидатомъ самостоятельно.

Сэ потребовалъ, прежде отвѣта, времени на размышленіе. На слѣдующій день произошло новое свиданіе. Въ этотъ разъ маршалъ, предварительно настроенный Бюффè, уже прямо протестовалъ противъ товарищей своего министра по кандидатурѣ, изъ которыхъ одинъ, Ферэ, по слухамъ, до того будто бы враждебенъ его правительству, что заранѣе обязался противодѣйствовать въ Корбейльскомъ Округѣ кандидатурѣ полицейскаго префекта Леона Рено въ пользу бывшаго при Тьерѣ префектомъ Ліона Валантена-Сэ, въ отвѣтъ на это, смѣется, говоря, что Леонъ Рено — его другъ, и въ департаменѣ Сены-и-Уазы еще и не производились распредѣленія округовъ для депутатскихъ выборовъ. Тогда Мак-Магонъ видя, что министръ не желаетъ ему уступить, намекаетъ, что, обладая портфёйлемъ, надобно дѣйствовать очень осторожно. «Вы, значитъ, желаете моей отставки?» вскрикиваетъ Сэ. Маршалъ, молча, склоняетъ голову. «Хорошо», отвѣчаетъ министръ, тòтчасъ же садится и пишетъ, что оставляетъ министерство *по требованію* маршала.

Проходитъ слѣдующій день, но объ отставкѣ Леона Сэ въ «Оффиціальномъ Журналѣ» не напечатано. Оказалось, что, узнавъ о бесѣдѣ маршала съ Сэ, Дюфоръ тоже подалъ свою отставку и, къ крайнему удивленію Мак-Магона, подалъ ее и... Леонъ Рено. Очевидно, свѣдѣнія, сообщенныя маршалу Бюффè, не отличались безукоризненною вѣрностью. Кромѣ нихъ заявили свое желаніе оставить министерство, въ случаѣ удаленія Сэ, гг. Валлонъ и Кальйо. Герцогъ Деказъ, съ своей стороны, объявляетъ, что онъ не намѣренъ участвовать ни въ какомъ правительственномъ соглашеніи, изъ котораго будетъ устраненъ либеральный элементъ 25-го февраля. А тутъ еще, въ добавокъ, въ газетѣ «Finance», òрганѣ Ротшильда, появляется статья, въ которой го-

ворится, что слухъ объ оставленіи Леономъ Сэ министерства весьма неблагопріятно принятъ въ финансовомъ мірѣ, такъ какъ оставленіе этимъ знающимъ дѣятелемъ своего пòста можетъ вызвать значительныя денежныя замѣшательства.

Такимъ образомъ, маршалу приходится убѣдиться, что разлука съ Леономъ Сэ не можетъ такъ просто и удобно совершиться, какъ напѣлъ ему объ этомъ Бюффè, и что при этомъ возникнетъ дѣло о полной реорганизаціи кабинета! Вызывать же подобный кризисъ, наканунѣ наступающихъ выборовъ, нетолько неблагоразумно, но крайне опасно. Это объяснилъ маршалу Одиффре-Пакье, извѣщающій его, что депутаты лѣваго центра и члены постоянной комиссіи уже заявили ему, что, въ случаѣ кризиса, они потребуютъ созванія чрезвычайной сессіи національнаго собранія и что онъ, въ качествѣ предсѣдателя и комиссіи и собранія, не считаетъ возможнымъ противодѣйствовать этому вполнѣ законному требованію. Такая суматоха рѣшительно можетъ при началѣ выборовъ, вызвать революцію, исходъ которой, по меньшей мѣрѣ, неизвѣстенъ.

Маршалъ Мак-Магонъ рѣшительно теряетъ голову. Въ качествѣ солдата, привыкшаго разрѣшать саблею всякіе затруднительные вопросы, онъ въ политикѣ не отличается особенною проницательностью, и ему даже на мысль не приходитъ, что все дѣло можно весьма удобно распутать, предложивъ отставку Бюффè вмѣсто Леона Сэ. Поэтому онъ, и при этомъ новомъ, упавшемъ къ нему, какъ снѣгъ на голову, затрудненіи, рѣшается прибѣгнуть къ средству, разъ уже его выручившему при подобныхъ же обстоятельствахъ: «Дѣлайте кàкъ хотите, говоритъ онъ Бюффè и Дюфору: — рѣшайтесь на что̀ угодно между собою; только оставьте меня въ покоѣ». И вотъ, на основаніи этого рѣшенія созывается совѣтъ министровъ, на двухъ или трехъ засѣданіяхъ котораго, весьма бурныхъ, обсуждаются всѣми министрами сообща возникшія въ ихъ средѣ несогласія. Результатомъ этихъ совѣщаній 12-го января въ «Оффиціальномъ Журналѣ» является не отставка одного или нѣсколькихъ министровъ, но, къ удивленію Франціи и всей Европы, два столбца крупнаго шрифта *прокламаціи къ французамъ*, подписанной президентомъ республики и *только однимъ изъ министровъ*—Бюффè.

Появленіе этой прокламаціи, въ первую минуту, вызвало испугъ и недоумѣніе. Прокламація эта—именно такой «актъ единоличной власти», какой положительно запрещенъ новою конституціею, по которой глава государства безотвѣтственъ, за исключеніемъ случаевъ измѣны съ его стороны. Кромѣ того, ея появленіе напомнило продѣлки Луи-Наполеона, когда онъ сталъ замышлять государственный переворотъ. Но всякій страхъ разсѣялся, когда публика увидала, что прокламація не сопровождается отставками министровъ и что Леонъ Сэ нетолько остается въ министерствѣ, но и не отказывается отъ своей совмѣстной кандидатуры съ гг. Ферэ и Буше (маршалу приписываютъ такія

слова: «я узналъ, что это—очень честные люди»). Стало тоже извѣстно, что на совѣтѣ рѣшено, что каждый изъ министровъ можетъ дѣйствовать самостоятельно во время выборовъ и направлять дѣйствія своихъ подчиненныхъ какъ найдетъ это нужнымъ. Такимъ образомъ, въ Оффиціальномъ «Журналѣ», вмѣсто появленія инструкціи Бюффè къ префектамъ по поводу закона о печати, стали появляться циркуляры другихъ министровъ къ ихъ подчиненнымъ, составленные въ духѣ противодѣйствія оффиціальнымъ кандидатурамъ. Такъ, ими запрещалось чиновникамъ различныхъ вѣдомствъ злоупотреблять какимъ бы то ни было образомъ ихъ вліяніемъ и положеніемъ, говорить на общественныхъ собраніяхъ или подписываться подъ заявленіями избирательныхъ комитетовъ. Въ то же время, въ печати появилось письмо Леона Рено къ мэрамъ Корбейльскаго Округа, въ которомъ приводились взгляды въ пользу «республиканскаго правительства, учрежденнаго 25-го февраля», почти съ тою же ясностью, какъ въ манифестѣ Сэ-Ферэ-Буше. «Я считаю, говорилось въ этомъ заявленіи:—что ранѣе 1880 года всякая ревизія конституціи, могущая служить къ ея ущербу, должна быть отстранена». Нѣсколько послѣ этого, и герцогъ Деказъ, явившійся кандидатомъ въ депутаты отъ VIII-го парижскаго округа, писалъ къ своимъ избирателямъ: «Вы можете быть вполнѣ увѣрены, что, подобно маршалу Мак-Магону, я рѣшился быть вѣрнымъ сторонникомъ новыхъ учрежденій. Подобно ему, я стою за то, чтобы новые законы, утвердившіе республиканское правительство, не подвергались какимъ-либо измѣненіямъ ранѣе того, чѣмъ это будетъ признано необходимымъ послѣ откровеннаго и продолжительнаго опыта». Совершенно, какъ и Сэ, Деказъ подписалъ свое заявленіе къ избирателямъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ республиканцемъ, полковникомъ Данферъ-Рошеро. Въ заявленіи этомъ говорилось, что, въ настоящее время, «конституція, только-что появившаяся, ни въ какихъ измѣненіяхъ не нуждается» и «что, если впослѣдствіи и придется прибѣгнуть къ ея пересмотру, то развѣ для упроченія, а никакъ не для ниспроверженія республиканскаго правительства». Читатели, конечно, замѣтили разницу въ этомъ опредѣленіи республики, какъ окончательнаго образа правленія, съ признаніемъ ея только временною до 1880 года, какъ высказано это Рено и Деказомъ. Дѣло въ томъ, что эти два лица дѣйствовали по соглашенію съ либеральною стороною праваго центра, полнымъ выразителемъ программы котораго явился Боше, кандидатъ въ сенаторы отъ Кальвадосскаго Департамента, который писалъ: «Согласившись на учрежденія 25-го февраля, я обязуюсь честно ихъ защищать и поддерживать и не стану думать объ измѣненіи закона страны ранѣе того срока, который этимъ самымъ закономъ обусловленъ, и прежде произведенія искренняго и серьёзнаго опыта».

Только принявъ во вниманіе всѣ приведенныя мною заявленія и обстоятельства, можно понять вполнѣ первую половину про-

кламаціи маршала, въ которой онъ, приглашая французовъ производить выборы, какъ пять лѣтъ тому назадъ, для торжества «порядка и мира», отказывается отъ предоставленной ему прерогативы ревизіи конституціи до 1880 года, такъ какъ «страна нуждается въ спокойствіи и новыя учрежденія не должны быть измѣняемы раньше, чѣмъ будутъ честно (loyalement) проведены въ практику». Только прилагать ихъ, остроумно замѣчаетъ одинъ публицистъ, надобно такъ, чтобы никто не думалъ, что слово: честно (loyalement) этимологически происходитъ отъ имени Лойолы...

Предоставивъ редакцію первой половины маршальской прокламаціи своимъ товарищамъ, современное воплощеніе Игнатія Лойолы (т. е. Бюффѐ) продиктовало ему вторую самолично. Поэтому-то въ ней и явилось выраженіе «*мое* правительство», вмѣсто «правительство *республики*», и хотя, къ слову «консервативная политика» и прибавлено «и вполнѣ (vraiment) либеральная», но при этомъ замѣчено, что таковою она и была во все время управленія Мак-Магона, какъ будто послѣ 25-го февраля обстоятельства не заставили самого маршала измѣнить свой образъ дѣйствій, въ виду паденія попытки реставраціонной политики 24-го мая! Хотя гг. Дюфоръ, Сэ и другіе министры, не подписавъ прокламаціи, и оставили ее цѣликомъ на отвѣтственность одного Бюффѐ; но всѣ любимыя фразы этого дѣятеля только потому могли появиться въ ней, что имъ приданъ широкій и весьма неопредѣленный смыслъ, ничего не выражающій. Таково приглашеніе маршала къ согласію «всѣхъ лицъ, ставящихъ защиту общественнаго порядка, уваженіе къ закону и любовь къ отечеству выше воспоминаній, стремленій и обязательствъ партій». Такова и угроза нарушителямъ общественной безопасности въ настоящемъ и будущемъ, «пропагандистамъ противуобщественныхъ доктринъ и революціонныхъ программъ», такъ какъ ее можно объяснять какъ угодно и считать ее направленной противъ коммунаровъ или бонапартистовъ, или даже противъ любителей государственныхъ переворотовъ.

Чтобы вполнѣ понять, что именно думаетъ Бюффѐ, всѣ ждали его собственнаго заявленія къ избирателямъ, такъ какъ онъ явился кандидатомъ въ сенатъ отъ Вогезскаго Департамента, въ которомъ родился. Но онъ такого заявленія не сдѣлалъ и отказался отъ всякихъ объясненій съ своими избирателями, подъ предлогомъ своихъ усиленныхъ государственныхъ занятій. Онъ согласился только, чтобы его кандидатуру выставили 58 консерваторовъ неопредѣленныхъ мнѣній, которые и заявили объ немъ, какъ и о двухъ его со-кандидатахъ, какъ о личностяхъ «консервативныхъ и вполнѣ либеральныхъ, одаренныхъ замѣчательными способностями и принесшихъ странѣ много значительныхъ услугъ». Въ то же время, въ Вогезскомъ Департаментѣ 800 другихъ избирателей выставили республиканскія кандидатуры гг. Жоржа Клода и Клодо. Мѣстный органъ Бюффѐ газета «Le Vosgien», замѣ-

тивъ, что въ числѣ этихъ 500 избирателей нашлось нѣсколько эльзасъ-лотарингцевъ, поселившихся въ Вогезскомъ Департаментѣ послѣ войны, имѣлъ неосторожность назвать ихъ *иностранцами*, что̀ значительно не понравилось публикѣ.

Въ реакціонномъ смыслѣ прокламація 13-го января объяснена до сихъ поръ только въ двухъ заявленіяхъ кандидатовъ «конституціонистовъ и консерваторовъ» Одскаго и Эрскаго Департаментовъ, Ламбера де-Сент-Круа и де-Брольи. Первый изъ нихъ заявляетъ, что «власть нынѣ въ твердыхъ и честныхъ рукахъ знаменитаго солдата» и что достоинство новой конституціи состоитъ въ томъ, что «она высвободила эту власть изъ подчиненія капризамъ одной и верховной палаты и произволу учредительнаго собранія». Другой, повторяя эти же слова̀ и увѣряя, что и онъ способствовалъ утвержденію конституціи, хотя на дѣлѣ этому противодѣйствовалъ, замѣчаетъ, что, если но̀выя учрежденія «соотвѣтствуютъ нуждамъ страны, то они сами собою утвердятся; если же окажется иначе, то сама практика покажетъ, въ какомъ смыслѣ и въ какой степени они должны подвергнуться измѣненіямъ». «Теперь же, продолжаетъ бывшій первый министръ 24-го мая:—такъ какъ правительственная политика продолжаетъ быть тою же самою, какою была и тогда, когда я находился въ средѣ управленія, задачей нашею должно быть преслѣдованіе революціоннаго духа во всѣхъ его формахъ—открытой и лицемѣрной... Къ выполненію этой-то задачи правительство маршала и приглашаетъ всѣхъ людей, дорожащихъ консервативными интересами, къ какой бы партіи они ни принадлежали безъ различія, безъ исключенія». Для тѣхъ, кто слѣдилъ за всѣми перипетіями версальскихъ интригъ, смыслъ этого заявленія ясенъ. Побѣжденные орлеанисты праваго центра, потерявъ надежду теперь же уничтожить республику, возлагаютъ свои упованія на 1880 годъ. Вмѣсто тьеровской «республики безъ республиканцевъ» и «честнаго опыта», является «временная республика на 4 года», сданная въ руки враговъ этого образа правленія и порученная наблюденію маршала, представителя «нравственнаго порядка», чтобы обратить ее, когда къ тому представится возможность, въ конституціонную монархію, и, если это не удастся, то хоть бы въ имперію, только бы навсегда покончить съ республикой. Такимъ образомъ, если только маршалъ въ эти 4 года не отдѣлается отъ вліянія этихъ крайнихъ орлеанистовъ, то они живо приведутъ его къ столкновеніямъ съ двумя новыми палатами, что̀, въ случаѣ успѣха такого рода интригъ, послужитъ только въ пользу бонапартизма, въ случаѣ же неуспѣха—можетъ вызвать анархію...

Прокламація 13-го января послужила исходнымъ пунктомъ вновь организовавшагося, подъ предсѣдательствомъ Шангарнье, «центральнаго консервативнаго комитета», задачею котораго поддерживать во время выборовъ «консервативный союзъ», какъ послѣдній измыслилъ «Фигаро». Девизомъ этого комитета слу-

жить «безусловное принятіе манифеста маршала-президента», и учредитель его желаетъ, чтобы сторонники союза явились какъ бы друзьями маршала и, къ какой бы партіи ни принадлежали, какихъ бы надеждъ не связывали съ будущимъ, принимали названіе «макмагоніанцевъ». Комитетъ этотъ такъ восхитилъ Бюффè, что послѣдній снабдилъ его, въ качествѣ дѣлопроизводителя, однимъ изъ своихъ секретарей—чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Яснѣе: комитетъ этотъ, подъ видомъ предпріятія частной иниціативы, долженъ представлять собой главную правительственную организацію для проведенія въ замаскированномъ видѣ правительственныхъ кандидатуръ, такъ какъ открытое ихъ проведеніе, по имперіалистскому способу, со времени кризиса, оставившаго въ кабинетѣ, по прежнему, рознь и сумятицу, сдѣлалось невозможнымъ. Поэтому новый комитетъ открылъ свои объятія даже для самыхъ рьяныхъ бонапартистовъ. Такъ, въ число его членовъ былъ принятъ нѣкто Леви̂, одинъ изъ главныхъ коноводовъ наполеоновскаго соціализма, посвящающій бо̀льшую часть своего времени поѣздкамъ въ Чайзльгёрстъ. Доступъ въ этотъ комитетъ закрытъ, впрочемъ, для либеральной фракціи орлеанистовъ. Чистые легитимисты тоже отказались вступить въ него, считая безчестнымъ прятать знамя своего короля въ карманъ. Въ самое послѣднее время нашлось также не мало и имперіалистовъ, которые заявили, что согласятся дѣйствовать за одно съ комитетомъ только въ такомъ случаѣ, если онъ заявитъ, что послѣ 1880 года будетъ обращеніе къ народному голосованію для рѣшенія—какой образъ правленія предпочтется народомъ. Всѣ усложненія этого рода довели дѣло только до того, что новорожденный комитетъ оказался безсильнымъ наладить свою постоянную задачу и, должно полагать, не успѣетъ, въ виду внѣшнихъ затрудненій, а, главное, внутреннихъ разногласій, достигнуть хотя какого-нибудь единства въ дѣйствіяхъ, во-первыхъ, для воскрешенія на выборной почвѣ большинства 24-го мая—того, что̀ не удалось его вдохновителямъ достигнуть на почвѣ парламентской—а во-вторыхъ—для соединенія единомышленниковъ вокругъ неопредѣленнаго знамени Мак-Магона, имя котораго не возбуждаетъ, подобно, напримѣръ, имени Наполеона, никакихъ общихъ увлеченій и рѣшительно... ничего. При такомъ положеніи вещей, ни одной изъ партій, долженствующихъ составлять пресловутый *союзъ*, нѣтъ никакихъ основаній жертвовать чѣмъ-либо изъ своихъ убѣжденій для достиженія ни для кого не ясной цѣли, и, слѣдовательно, даже предполагая самый пламенный натискъ со стороны союзниковъ, въ результатѣ для нихъ нельзя предвидѣть никакого успѣха.

Яснѣе: *союзъ*, съ самаго начала своей дѣятельности, долженъ былъ распасться на два или на три комитета. Въ комитетъ Шангарнье соглашаются вступать только или отчаянные бонапартисты, или разбитые консерваторы изъ орлеанистовъ. Молодые имперіалисты основали уже свой, подъ названіемъ «Комитета Доль-

фюса», который заявилъ уже свое появленіе на свѣтъ тѣмъ, что призналъ своимъ коноводомъ надежду партіи *молодаго бонапартизма* — Рауля Дюваля—и выставилъ его кандидатуру противъ клерикала Ріана и, съ другой стороны, противъ министра Деказа.

Въ результатѣ вышло то, что «Союзъ консерваторовъ» произвелъ своимъ появленіемъ только одну сумятицу. Различныя и противорѣчивыя толкованія образа мыслей Мак-Магона, вызванныя его появленіемъ, сдѣлали только то, что никто во Франціи не въ состояніи понимать, чего именно хочетъ *честная шпага*, а при такомъ положеніи вещей, знаменитый солдатъ лично едва ли что-либо выиграетъ, хотя изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы то, что онъ лично проиграетъ, не послужило къ чистому выигрышу чести и свободы Франціи.

II.

До какихъ границъ доводятъ республиканцы свое уваженіе къ законности.—Тьеръ является кандидатомъ и только въ одномъ округѣ Бельфора.—Народныя брошюры и движеніе мысли, вызываемое ими.—Союзъ трехъ лѣвыхъ въ выборномъ движеніи.—Рѣчь Жюля Симона, письмо Казиміра Перрье, письмо и рѣчь Гамбетты.—Письмо Виктора Гюго, въ качествѣ парижскаго делегата.—Програма 17 января.—Неудавшаяся интрига непримиримыхъ.—Несогласія въ одномъ только Парижѣ.—Единодушіе республиканцевъ рядомъ съ сумятицей въ средѣ реакціонеровъ и правительственной коррупціей.

Говоря, въ прошедшемъ обозрѣніи, о первыхъ заявленіяхъ кандидатовъ въ сенаторы—Вадингтона, Анри Мартэна и Сенъ-Валлье, въ Энскомъ Департаментѣ, и Сэ, Феррэ и Буше въ Департаментѣ Сены-и-Уазы —, я уже имѣлъ случай замѣтить, что, если Мак-Магонъ и скомпрометированъ въ избирательномъ движеніи, то благодаря только одному усердію не по разуму неудобонопремногоблагостарающагося Бюффѐ. Признавъ конституцію 25 февраля, демократія признала и права, порученныя ею Мак-Магону до 1880 г. Отъ такой, если хотите, довольно печальной необходимости никто изъ республиканцевъ, даже изъ среды самыхъ «несогласныхъ», не задумывалъ даже отстраняться. Ни въ одномъ республиканскомъ заявленіи не было и намека, что эту власть, врученную маршалу, какъ представителю надеждъ на возстановленіе монархіи, можно бы было нѣсколько и оспоривать. Напротивъ, и самый «Фигаро», еслибы только могъ быть безпристрастнымъ, долженъ бы былъ проливать слезные токи благодарности, видя, какъ повсюду въ самыхъ наиреспубликанскихъ заявленіяхъ чествуется высоко «честная шпага» въ ножнахъ земнаго, почему и неизбѣжно скудельнаго, своего олицетворенія въ образѣ маршала Мак-Магона. Роялисты, возведя немудрствующаго солдата на степень главы націи,

легкомысленно просвѣщеннѣе которой вся извѣстная исторія міра еще къ сожалѣнію до сихъ поръ не представляла—хотѣли сдѣлать изъ него Монка, но логика вещей и духъ времени, отъ которыхъ ничѣмъ не отчураешься, предоставляютъ ему полную возможность сдѣлаться, если онъ только будетъ въ состояніи это когда нибудь понять, Уашингтономъ и, притомъ, безъ всякаго съ его стороны для этого мозговаго усилія и съ сохраненіемъ удовольствія удержать въ полнѣйшемъ видѣ свою достаточно сильную власть.

И чувство этого уваженія къ установившемуся до того вошло въ плоть и кровь нынѣ существующихъ французовъ, что только шести департаментамъ изо всей территоріи Франціи пришло на мысль, что хорошо бы было одновременными заявленіями многомѣстной кандидатуры Тьера хотя морально и мысленно нанести оскорбленіе соперничества тому, кто, не съумѣвъ сдѣлаться Монкомъ, не въ состояніи быть въ тоже время и Уашингтономъ. Это обстоятельство Тьеру лично не понравилось. «Маленькій буржуа» достаточно злопамятенъ и, еслибы могъ массою своихъ избирателей, хотя и безъ практическихъ послѣдствій, раздавить авторитетъ Мак-Магона — то пошелъ бы на это съ радостью. Между тѣмъ, онъ сразу увидѣлъ, что количество избирателей шести только департаментовъ не можетъ ему предоставить, очевидно, всѣхъ побѣдъ, почему и понялъ, расчитавъ приблизительно по пальцамъ, что ему будетъ выгоднѣе, для сохраненія нравственнаго своего протеста, отказаться отъ провинціальныхъ избраній (отказался онъ отъ кандидатуры въ департаментахъ Соны-и-Луары, Гардскомъ, Дордоньскомъ и Орнскомъ), чтобы явиться въ Бельфорскомъ въ качествѣ *свободителя территоріи*. При этомъ онъ, однакоже, заявилъ, что, еслибы онъ даже былъ избранъ въ сенатъ, то (для отличенія себя отъ другихъ избираемыхъ) онъ все таки заявитъ и свою кандидатуру въ депутаты, а уже потомъ выберетъ то, что̀ найдетъ для себя болѣе удобнымъ. Для исполненія этой мысли, онъ намѣренъ явиться кандидатомъ въ депутаты или въ Сѣверномъ Департаментѣ или въ 14-мъ округѣ Парижа. За представительство отъ Парижа онъ стоитъ особенно, такъ какъ онъ хорошо понимаетъ, что не попалъ въ сенатъ въ число пожизненныхъ только потому, что не все парижское населеніе съ одинакимъ уваженіемъ относится къ его образу дѣйствій хотя бы во время коммуны. Кромѣ того, ему хотѣлось бы быть выбраннымъ именно Парижемъ въ отместку за избраніе Бародэ, пошатнувшаго его власть и значеніе—такъ, по крайней мѣрѣ, трубятъ ему его друзья и поклонники. Хотя В. Гюго и называетъ, на своемъ образномъ языкѣ, эти стремленія Тьера «привередничаньемъ старой кокетки», хотя въ Парижѣ многіе развитые люди и смотрятъ на всѣ стремленія Тьера, какъ на старческія вожделѣнія, долженствующія не оставить послѣ себя никакого слѣда—но общественное мнѣніе Европы, вѣроятно, не извинитъ республиканцевъ за то, что они

согласились доставить Тьеру полнѣйшее удовлетвореніе, ибо, какъ это ни покажется горько тѣмъ, кто пошелъ въ мысли дальше насъ, «маленькій буржуа» до сихъ поръ представляетъ собою полнѣйшее олицетвореніе средняго уровня самыхъ либеральныхъ стремленій Франціи во внутренней и внѣшней политикѣ.

Демократія, вообще, подготовляла сенаторскіе выборы исподволь цѣлымъ рядомъ брошюръ, долженствовавшихъ повліять на избирателей. Упомяну о нѣкоторыхъ изъ нихъ, принадлежащихъ перу нѣкоего Шассена: «Тетради 1789 г. и тетради настоящаго сената», «проектъ тетради общиннаго делегата», «общая тетрадь республиканскаго избирателя 1876 г.» Брошюры эти продавались по 5 и 10 сантимовъ и отправлялись значительными массами въ самыя захолустныя мѣстности Франціи. Повсюду, куда онѣ проникали, онѣ производили свое дѣйствіе. Къ сожалѣнію, ихъ нельзя было распространить въ желательномъ количествѣ, чему препятствовали различныя обстоятельства: позднее окончаніе парламентской сессіи, краткость избирательнаго періода, также состояніе департаментскихъ избирательныхъ комитетовъ, въ которое они были поставлены осаднымъ положеніемъ и развязностью безцеремонныхъ префектовъ. Брошюры эти, все таки, принесли свою долю пользы: онѣ разнесли по всюду, гдѣ это только было можно, лозунгъ: не соглашаться на ревизію конституціи прежде, чѣмъ она войдетъ въ дѣйствіе, и смотрѣть, какъ на настоящихъ консерваторовъ во время республиканскаго правленія, только на однихъ республиканскихъ кандидатовъ. Кромѣ того, онѣ формулировали для сельскихъ избирателей, по возможности, общепонятно и просто то, къ чему должна стремиться французская демократія и чего она можетъ достигнуть при настоящемъ положеніи вещей.

Такъ, сельчанамъ-избирателямъ выставлялись, какъ основные, слѣдующіе семь пунктовъ. 1) *Никакая революція не желательна*, а, такъ какъ для возстановленія любого короля или императора необходимо произвести революцію, то, слѣдовательно, республиканскій образъ правленія долженъ быть всѣми поддерживаемъ. 2) *Франція не желаетъ никакой внѣшней войны*, а, слѣдовательно, должна стремиться къ тому, чтобы во главѣ ея не встало лицо, которое изъ-за личныхъ интересовъ или капризовъ могло бы ее затѣять. 3) *Военная повинность должна быть всеобщая* и на нее, слѣдовательно, должно охотно соглашаться, подъ условіемъ, что ни для кого и ни подъ какими предлогами не будетъ дѣлаться исключеній. 4) *Необходимо добыть такихъ законодателей, которые съумѣли бы добиться введенія такой системы податей и повинностей, которая была бы какъ можно болѣе равномѣрною между гражданами.* 5) *Необходимо, чтобы общественное образованіе было повсюду распространено и изъято изъ подъ вліянія духовенства.* 6) *Необходимо противодѣйствіе всему, что хотя сколько нибудь способствуетъ возвращенію къ старымъ порядкамъ.* 7) *Право всеобщаго голосованія должно быть*

сохранено во всей своей неприкосновенности, и избирателямъ должна быть предоставлена полная свобода узнавать все, что относится до лицъ, избираемыхъ ими, такъ же какъ всѣ способы для борьбы съ давленіемъ всякихъ на нихъ вліяній, какъ частныхъ, такъ и административныхъ. Поэтому необходимо, чтобы *мэры и ихъ помощники были назначаемы муниципальными совѣтами* или, по крайней мѣрѣ, избираемы изъ ихъ среды.

Въ тоже время, появились весьма краснорѣчивыя брошюры, направленныя или противъ имперіализма исключительно, или противъ всѣхъ трехъ монархическихъ партій. Въ числѣ первыхъ укажу на письмо Анри Мартена, депутата Энскаго Департамента къ муниципальнымъ совѣтамъ. Въ числѣ вторыхъ особенно выдается: «Письмо земледѣльца *къ французскимъ крестьянамъ*». Гг. Эркмана и Шатріана. Сдѣлавъ весьма удобопонятное изложеніе современнаго состоянія Франціи, авторы дѣлаютъ въ своемъ письмѣ слѣдующее заключеніе: «Вотировать за легитимистовъ значитъ вотировать за возвращеніе правительства, которое, въ теченіе XIV столѣтій, заставляло васъ обработывать землю въ пользу дворянства и духовенства. Вотировать за орлеановъ значитъ вотировать за возвращеніе правительства, которое основывало все свое могущество на деньгахъ и которое вамъ постоянно отказывало въ правѣ голосованія, подъ тѣмъ предлогомъ, что вы не уплачивали косвенныхъ налоговъ въ количествѣ 250 франковъ. Вотировать за бонапартистовъ значитъ вотировать за возвращеніе такого правительства, которое навлекло на насъ три нашествія, которое потеряло лѣвый берегъ Рейна въ 1815 г., а Эльзасъ-Лотарингію въ 1870, не упоминая уже объ растраченныхъ имъ мильярдах Вотировать за республику значитъ вотировать за сохраненіе и улучшеніе такого образа правленія, которому вы обязаны за полученіе земли въ 1792 г. и права всеобщаго голосованія въ 1848».

Въ «проектѣ общей тетради для избирателей 1876 г.», въ которой заключаются положенія, примѣнимыя, какъ для сенаторскихъ, такъ и для депутатскихъ выборовъ, четыре параграфа тоже могли быть поняты и усвоены сельчанами. Вотъ эти параграфы.

1) Республика должна быть признана безъ всякой задней мысли. Никакое измѣненіе въ конституціи, если оно не клонится къ ея улучшенію въ смыслѣ свободы, не должно быть принимаемо.

2) Республика должна быть управляема республиканцами, и гражданамъ должны быть предоставлены необходимая свобода личности, сознанія и выраженія мнѣній помощію ли слова, или печати.

3) Народное образованіе должно представлять свѣтскій характеръ. Клерикальные законы о духовномъ образованіи должны подвергнуться пересмотру.

4) Налоги и подати должны быть демократизованы, т. е. въ системѣ ихъ должно быть достигнуто, чтобы каждый гражда-

нинъ вносилъ свою долю въ общественныя затраты вполнѣ сообразно съ количествомъ капитала, эксплуатируемаго имъ, или съ доходами, какими онъ пользуется. Остальные параграфы этой «тетради» могли быть поняты и усвоены только большими городами. Одинъ изъ нихъ говоритъ объ амнистіи, другой заключаетъ въ себѣ ту мысль, что внѣшняя политика должна стремиться къ миру и сообразоваться съ верховными принципами прогрессирующей цивилизаціи, а, слѣдовательно, разорвать всякую свою связь съ преданіями и исхищреніями ультрамонтанизма.

При распущеніи національнаго собранія, група умѣренныхъ лѣвыхъ, вмѣсто изданія, по подобію того, какъ сдѣлалъ лѣвый центръ, коллективнаго манифеста, удовольствовалась тѣмъ, что ея предсѣдатель, Жюль Симонъ, произнесъ рѣчь, въ которой резюмировалъ ея политику вплоть до побѣдоноснаго назначенія по ея плану 75-ти несмѣняемыхъ сенаторовъ. За этимъ резюмѐ слѣдуетъ опроверженіе клеветъ, какими осыпала эту групу реакція.

Наконецъ, союзъ трехъ парламентскихъ республиканскихъ групъ, при составленіи списковъ кандидатовъ въ сенаторы, постарался объяснить избирателямъ, кàкъ именно отличать «настоящихъ консерваторовъ того, чтò существуетъ» отъ конспираторовъ реставраціи и реакціонныхъ революцій, въ цѣломъ рядѣ писемъ тѣхъ изъ своихъ сочленовъ, которые уже избраны въ сенатъ въ качествѣ несмѣняемыхъ, къ своимъ бывшимъ избирателямъ. Въ числѣ этихъ писемъ особенно характерно письмо Казиміра Перрье къ избирателямъ Обскаго Департамента. «Будемъ уважать и заставимъ другихъ уважать конституцію и тѣ правà, которыя ею даны доблестному солдату, сдѣлавшемуся президентомъ республики и свободно и законно принявшему на себя ея охрану, чтò стало дѣломъ его чести. Будемъ подавать свои голоса только за тѣхъ лицъ, которыя были и останутся республиканцами, которыя хотятъ, чтобы наша республика стала безъукоризненной и тѣсно связанной съ консервативными интересами, представляла собою нераздѣльно свободу и демократію, порядокъ и свободу. Будемъ требовать отъ кандидатовъ прямого заявленія, что на право ревизіи конституціи они смотрятъ только, какъ на средство ея усовершенствованія и упроченія обусловливаемыхъ ею учрежденій, а не какъ на орудіе для ея уничтоженія».

Такимъ образомъ, тѣ правильныя идеи, подъ вліяніемъ которыхъ должны были происходить выборы, распространялись между избирателями повсюду и во всякихъ формахъ; надобно было только подумать о средствахъ, при пособіи которыхъ могъ бы ими проникнуться новый составъ избирателей сенаторовъ. Съ этой цѣлью Гамбетта, едва только прошелъ слухъ о первой оффиціальной кандидатурѣ маршала Канробера въ Кагорѣ, мѣ-

стѣ рожденія Гамбетты, отправился туда и, подъ формою письма къ одному изъ муниципальныхъ совѣтниковъ, объяснилъ неотложную необходимость немедленнаго учрежденія во всѣхъ главныхъ департаментскихъ пунктахъ центральныхъ комитетовъ, которые могли бы придавать единство дѣйствіямъ республиканскихъ избирателей всѣхъ округовъ и стремиться къ осуществленію, при выборахъ делегатовъ, слѣдующей программы: «Энергическая защита конституціи 25 февраля; безпощадная война противъ всякихъ попытокъ королевской или императорской реставраціи; отложеніе до 1880 г. исполненія закона о ревизіи конституціи, и съ единственной цѣлью упроченія и улучшенія республиканскихъ учрежденій». Черезъ 15 дней, когда деревнями были уже выбраны делегаты, Гамбетта появился въ департаментѣ Устьевъ Роны, одномъ изъ трехъ департаментовъ, гдѣ партія «непримиримыхъ» въ послѣднюю осень достигла произведенія наибольшихъ несогласій между демократами Къ сожалѣнію, осадное положеніе, сохраненное для этой мѣстности, сдѣлало то, что мѣстныя власти употребили всѣ мѣры, чтобы помѣшать его проповѣди соглашенія и практической политики. Но, несмотря, однако, на то, что его не допустили устроить ни банкета въ Марсели, ни частныхъ собраній въ Арлѣ и Эксѣ, слова его, высказанныя среди небольшаго кружка лицъ въ послѣднемъ городѣ, благодаря печати, стали какъ бы манифестомъ, объясненіемъ какъ того, чѣмъ долженъ быть въ настоящую минуту правильный конституціонализмъ, такъ и того, какъ должно понимать вторую половину прокламаціи маршала, въ противность тѣмъ толкованіямъ ея, которыя распространяли «непримиримые». Все, что только можно было сказать для уясненія настоящаго положенія вещей лицамъ, неимѣющимъ своихъ мнѣній—а такихъ навѣрное половина изъ 36,000 общинныхъ делегатовъ — и для пониманія, чѣмъ долженъ быть консерваторъ-республиканецъ—все это мастерски и до нельзя понятно проведено въ этомъ манифестѣ.

Происки партій, прикрывающихся названіемъ консерваторовъ, для возстановленія монархіи выставлены въ немъ въ настоящемъ свѣтѣ. Патріотизмъ и честь крестьянъ задѣты въ немъ за живое уясненіемъ того, какимъ образомъ въ ихъ рукахъ заключается все будущее Франціи, ея слава или паденіе и позоръ. Демократическое значеніе сената и сенаторскихъ выборовъ, которые опровергали «непримиримые», доказано тѣмъ, что выборами этими положено основаніе принципу равенства общинъ и дано имъ право, котораго до того они были лишены, участвовать въ національной политикѣ.

Въ тотъ же день, когда была напечатана эта рѣчь, появилось въ печати и «письмо парижскаго делегата къ делегатамъ 36,000 общинъ Франціи»—Виктора Гюго. Къ сожалѣнію, письмо это лишено той простоты, которая могла бы сдѣлать его понятнымъ большому числу безграмотныхъ делегатовъ, выбранныхъ

сельчанами для избранія сенаторовъ. Но тѣмъ не менѣе, письмо это громкая апологія «наиболѣе героическаго въ мірѣ города, такъ несправедливо оклеветаннаго», и горячій протестъ противъ перенесенія столицы Франціи въ Версаль. «Снявъ съ Парижа діадему столицы Франціи, говоритъ поэтъ:—враги его обнажили этимъ чело столицы міра. Это высокое, сіяющее чело Парижа стало тѣмъ болѣе на виду у всѣхъ и его величіе стало потому именно еще очевиднѣе, что чело это явилось безъ вѣнца. Отнынѣ всѣ народы должны единодушно признать, что Парижъ—главный городъ всего человѣческаго рода!» «Насъ обвиняютъ, говоритъ Гюго далѣе: — что мы задумываемся объ отомщеніи. Это обвиненіе справедливо, мы обдумываемъ глубокое отомщеніе. Назадъ тому пять лѣтъ, у всей Европы не было, кажется, другого желанія, какъ достигнуть умаленія Франціи. Франція съ настоящей минуты тоже задумалась... у ней въ отместку родилась мысль, какъ можно болѣе возвеличить Европу!»

Викторъ Гюго прошелъ въ делегаты отъ «парижской общины» въ воскресенье, 16-го января, совершенно при такихъ же условіяхъ, какъ послѣдній и самый темный делегатъ въ общинѣ, насчитывающей не болѣе 300 жителей. Онъ даже не былъ выбранъ единогласно. Изъ 73 человѣкъ — за него подали голоса только 53; по три или по четыре голоса были поданы за нѣкоего Маларме, за Распайля-отца и за Накэ; 14 голосовъ реакціонеровъ раздѣлились между академикомъ Минье, извѣстнымъ въ качествѣ друга Тьера, и негоціантомъ Гуэномъ, президентомъ комерческой палаты; при избраніи дополнительнаго делегата на случай его болѣзни—голоса пошли совершенно въ разбродъ: умѣренные вотировали за Минье, Гуэна и Дегэна, «непримиримые» — за бывшаго работника Кутюра. Прошелъ, однако (при 40 голосахъ), Спюллеръ, ближайшій изъ друзей Гамбетты, и редакторъ газеты «La République française». Такимъ образомъ, два главнѣйшихъ демократическихъ журнала, представляющіе собою два самые вліятельные оттѣнка республиканской партіи—газета Спюллера и «Rappel», органъ, находящійся подъ непосредственнымъ вдохновеніемъ Виктора Гюго—получили полное удовлетвореніе. Такое счастливое начало выборовъ заставляло всѣхъ думать, что въ первомъ же предварительномъ засѣданіи общаго собранія избирателей по праву и делегатовъ Сенскаго Департамента, на которомъ, въ средѣ делегатовъ, выбранныхъ небольшими общинами, явится и Викторъ Гюго—сразу пройдетъ списокъ пяти кандидатовъ въ сенаторы, составленный такъ, что каждое изъ лицъ, находящихся въ спискѣ, имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ. Дѣло оказалось, однако, иначе.

На слѣдующій же день по выборѣ делегатовъ, т. е. 17 января, произошло первое ихъ собраніе вмѣстѣ съ избирателями по праву, собранное по инициативѣ радикальнаго комитета. Явилось ихъ 45 и 30 дополнительныхъ делегатовъ. Собраніе про-

изошло въ залѣ конференцій на Бульварѣ Капуциновъ. Предсѣдательствовалъ вновь избранный пожизненный сенаторъ-депутатъ и поэтъ Лоранъ Пиша̀. Началось съ заявленія двѣнадцати делегатовъ о солидарности всего Сенскаго Департамента съ Парижемъ, направленнаго противъ «сепаратистскихъ тенденцій» нѣкоторыхъ изъ нихъ. Потомъ, простымъ вставаніемъ и сидѣніемъ, безо всякихъ преній, принята была слѣдующая программа: «Амнистія; окончательное и повсюдное снятіе осаднаго положенія; свобода сходокъ и ассоціацій; свобода печати; обязательное, даровое и свѣтское первоначальное обученіе; защита свѣтскаго общества противъ покушеній клерикаловъ; общеобязательная воинская повинность безъ всякихъ исключеній; избраніе мэровъ муниципальными совѣтами и освобожденіе общины отъ правительственной опеки; пересмотръ системы податей, отягощающихъ трудъ; отдѣленіе церкви отъ государства.

На слѣдующемъ собраніи (19-го), на которомъ явилось уже 168 сенаторскихъ избирателей и, въ ихъ числѣ, 46 делегатовъ и 32 ихъ помощника, начали съ обсужденія кандидатуръ. Первымъ кандидатомъ единодушно признанъ былъ Викторъ Гюго, отъ котораго никто не потребовалъ никакихъ объясненій, но который, все-таки, произнесъ взволнованнымъ голосомъ нѣсколько словъ, а именно сказалъ: «Въ моемъ возрастѣ—прошедшаго много, будущаго нѣтъ; но я думаю, что мое прошедшее можетъ отвѣчать за мое будущее, ка̀къ бы оно ни было коротко... Я твердо вѣрю въ спокойное и благопріятное развитіе республики. Если же... паче чаянія... возникнутъ новыя бури и невзгоды, то, относительно меня, по крайней мѣрѣ—все равно! Я готовъ къ нимъ. Я не отстранялся и не отстранюсь и впредь ни отъ какой крайности при исполненіи моего долга; я дойду до смерти, если намъ будетъ суждено бороться на смерть за наши идеи, и до ссылки, если мы будемъ осуждены пережить неблагопріятный для насъ исходъ нашей борьбы». Объясненіе другихъ кандидатовъ, гг. Флоке, Пейра̀ и Толэна, не было, конечно, на столько же эффектно, но не было и лишено значенія. Такъ Толэнъ, противъ котораго тяготѣло обвиненіе, что, будучи однимъ изъ учредителей французской интернаціонали, онъ оставилъ ее при образованіи коммуны и оставался въ Версали депутатомъ, объяснилъ очень скромно, что, будучи въ числѣ первыхъ рабочихъ, достигшихъ высокой чести, что передъ ними открылись двери національнаго собранія, онъ основною мыслью своей дѣятельности поставилъ, съ тѣхъ поръ, дѣйствовать такъ, чтобы ничѣмъ не скомпрометировать прежнихъ своихъ товарищей и оставить и для нихъ двери собранія открытыми. Четыре другіе кандидата рабочихъ, выставленные для соперничества съ нимъ, по крайней своей незначительности, хотя имъ и помогалъ «Rappel», провалились, а одинъ—портной Годфренъ—даже со скандаломъ. Онъ не съумѣлъ ничего отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ, достигнувъ 40-лѣтняго возраста, онъ не имѣетъ ника-

кого политическаго прошлаго, а на критическій вопросъ одного изъ присутствовавшихъ: «ужь не занимаетесь ли вы спиритизмомъ?» отвѣчалъ:—«Уважая науку во всѣхъ ея отрасляхъ, я и спиритизмомъ занимаюсь, какъ *комунизмомъ и фаланстеризмомъ.*» Кандидатура инженера Фрэйсине, личнаго друга Гамбетты, бывшаго однимъ изъ главныхъ дѣятелей военнаго министерства, во время управленія имъ Гамбеттою, вызвала личности между послѣднимъ и Бонне-Дювердье, генеральнымъ совѣтникомъ парижскаго совѣта. Умѣренные кандидаты, гг. Герольдъ и Бекларъ, оттѣнка лѣвой республиканской, были приняты лучше, чѣмъ этого можно было надѣяться. Ихъ согласились имѣть *въ виду*, въ числѣ 17 членовъ, которые послѣдовательно предлагались и въ числѣ которыхъ были Луи-Бланъ, докторъ Брока̀ и 80-тилѣтній Распайль-отецъ.

Въ воскресенье, 21-го, въ той же залѣ бульвара Капуцинокъ, по приглашенію партіи лѣваго центра избирателей, собрались на общее собраніе всѣ сенаторскіе избиратели Сенскаго Департамента, явившіеся порознь на два предъидущія собранія и не отказавшіеся отъ совмѣстнаго обсужденія кандидатуръ. На этомъ собраніи, союзъ всѣхъ республиканскихъ фракцій былъ привѣтствуемъ тѣмъ, что, кто бы ни входилъ въ залу—Тьеръ, Гамбетта или Викторъ Гюго—появленіе ихъ сопровождалось дружными кликами: «Да здравствуетъ республика!». Тоже самое происходило и на улицѣ, между толпой, собравшейся у входа—при входѣ и выходѣ каждаго изъ нихъ. То же согласіе между республиканцами выразилось и при назначеніи бюрò, куда вошли новый сенаторъ Кранцъ (Гамбеттистъ), Лоранъ Пиша̀ (непримиримый) и пасторъ Пресансе (наиумѣреннѣйшій изъ умѣренныхъ). Къ сожалѣнію, въ это же бюрò вошелъ Лабулэ, ставшій антипатичнымъ свободнымъ мыслителямъ Парижа съ тѣхъ поръ, какъ допустилъ принятіе закона о высшемъ образованіи, котораго онъ былъ докладчикомъ, въ невозможномъ, противъ доклада, искаженіи. На его обязанности было объяснить цѣль собранія. Ораторъ этотъ, обладающій, обыкновенно, замѣчательнымъ искусствомъ краснорѣчія, путался въ своей рѣчи и надѣлалъ нѣсколько промаховъ. Такъ, онъ сталъ возставать «противъ избранія сенаторовъ *исключительнымъ* большинствомъ или такихъ, избраніе которыхъ навязывается угрозами меньшинства» и видимо старался, чтобы преимущество осталось за спискомъ соглашенія, составленнымъ лѣвымъ центромъ, хотя именъ лицъ, вошедшихъ въ этотъ списокъ, не прочиталъ. Онъ былъ, впрочемъ, всѣмъ уже извѣстенъ, такъ какъ былъ уже напечатанъ въ «Journal des Débats» (Минье, Дицъ-Моннъ, Гуэнъ, Бекларъ и Ренуаръ). Поэтому, во время его рѣчи повсюду слышался ропотъ негодованія, и радикальнѣйшіе изъ генеральныхъ совѣтниковъ Парижа, Талландье и Кантагрюэль поспѣшили заявить о той разницѣ въ воззрѣніяхъ, какая существовала между версальскимъ собраніемъ, гдѣ могли преобладать воззрѣнія лѣваго центра, и

собраніемъ сенскихъ избирателей, гдѣ первенствуютъ идеи крайней лѣвой. Это заставило Пресансе съ огромнымъ тактомъ отказаться отъ списка «Journal des Débats» и низвести требованія своихъ единомышленниковъ только къ скромному предложенію предпочесть такія кандидатуры, которыя представляютъ собою наибольшую степень соглашенія между тремя лѣвыми. Другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ на этомъ собраніи было заявленіе бурнаго Бонне-Дювердье, самаго яраго агитатора и «непримиримаго» изъ членовъ парижскго муниципальнаго совѣта, заявленіе, составленное, по его словамъ, отъ имени «делегаціи двадцати округовъ избирателей первой степени, *которымъ мы должны покориться*». Это заявленіе вызвало цѣлую бурю, посреди которой раздался голосъ Гамбетты: «Мы не обязаны принимать никакихъ приказаній *ни извнѣ*, *ни откуда*!.. Мы — избирательный корпусъ... Мы — настоящіе представители парижскаго населенія. Я не знаю, что̀ такое делегація двадцати парижскихъ округовъ, не знаю даже ничего подобнаго, и такой делегаціи вовсе не существуетъ!» До самаго окончанія засѣданія, негодованіе не прекращалось, и Бонне-Дювердье не удалось произнести ни одного слова въ оправданіе своего образа дѣйствій.

Въ заявленіи же, котораго Бонне-Дювердье не удалось прочитать собранію, просто на просто, *запрещался* сенаторскимъ избирателямъ предварительный выборъ кандидатовъ. «Делегаты 20-ти округовъ, говорилось въ немъ: — сообразно демократическому принципу, желаютъ быть истолкователями передъ сенаторскими избирателями настоящихъ стремленій парижскаго населенія...» Подписано было это заявленіе тѣми же лицами, которыя были членами центральнаго комитета въ апрѣлѣ 1873 г., при выборахъ Бародэ. Но была ли ихъ иниціатива задумана и исполнена съ сохраненіемъ достодолжной правильности? Протестъ одного лица, наиболѣе извѣстнаго изъ ихъ среды, доктора Робинэ (позитивиста), обнаружилъ, что подписи подъ этимъ заявленіемъ были собраны помимо желанія и присутствія гдѣ бы то ни было для предварительнаго обсужденія такой мѣры лицъ, имена которыхъ подъ нимъ явились! Несмотря на это, сомнительная *делегація 20-ти округовъ* издала-таки приглашеніе къ сенаторскимъ избирателямъ для общаго собранія ихъ' въ залѣ Аррасъ на 22-е января, для составленія списка. Списокъ этотъ она составила и публиковала. Въ него вошли имена Виктора Гюго, Луи Блана, Флокѐ, *Пейра̀ и Маллармэ*. Два послѣднихъ имени вошли въ этотъ списокъ, какъ протестъ рабочихъ противъ Толэна и «непримиримыхъ» противъ Гамбетты за поддержку имъ Фрэйсине. Къ несчастію для *делегаціи*, ея собраніе не могло считаться правильнымъ, потому что избиратели по праву, по почину муниципальнаго совѣтника Ферэ, отказались на немъ присутствовать. Такимъ образомъ, на второмъ и послѣднемъ легальномъ общемъ собраніи сенаторскихъ избирателей, происхо-

дившемъ 26-го, въ улицѣ Бакъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Кронуа, о рѣшеніяхъ и спискѣ *делегаціи* не было даже и помину. Дѣло на этомъ собраніи весьма скромно ограничилось тѣмъ, что были выслушаны всѣ представленные и представлявшіеся кандидаты, числомъ около 20-ти, не успѣвшіе этого сдѣлать на предыдущемъ собраніи. Никто изъ представлявшихся кандидатовъ изъ рабочихъ не оказался достаточно состоятельнымъ, и кандидатура работниковъ остается, повидимому, за Толэномъ. Распайль-отецъ отъ кандидатуры отказался, заявивъ, что онъ считалъ бы честью для себя выборъ въ сенаторы, еслибы выборъ этотъ былъ произведенъ безъ ограниченія права всеобщаго голосованія. «Впрочемъ, замѣчаетъ онъ: — мой личный взглядъ нисколько не обязателенъ для другихъ, и я хотѣлъ бы, чтобы въ новый сенатъ вошло какъ можно болѣе искреннихъ республиканцевъ. Борьба, которую прогрессу придется выдерживать, будетъ жестокая, если ей и суждено происходить мирнымъ путемъ. Я, впрочемъ, не думаю, чтобы въ настоящихъ республиканцахъ былъ недостатокъ, и вамъ предстоятъ едва ли не хлопоты только выбора изъ ихъ значительнаго числа». Чтеніе этого заявленія сопровождалось единодушными аплодисментами. Собраніе, однако, разошлось, не составивъ никакого *окончательнаго* списка. Это не мѣшало, однако, тому, что парижское населеніе еще разъ заявило свое сочувствіе дружескому соглашенію трехъ лѣвыхъ: густая толпа, собравшаяся у входа дома, гдѣ происходило собраніе, при выходѣ Виктора Гюго, Тьера и Гамбетты, этихъ виднѣйшихъ представителей республиканскаго духа Франціи, привѣтствовала ихъ, какъ и во время предшествовавшихъ собраній, восторженными кликами: «да здравствуетъ республика!». Гамбетта вышелъ послѣднимъ и, въ отвѣтъ на привѣтствіе толпы, отвѣчалъ: «Друзья! не опасайтесь ничего. Республика здравствуетъ и будетъ здравствовать!»

Продѣлки «непримиримыхъ» и неудачи рабочихъ кандидатуръ произведутъ, конечно, много шума и доставятъ реакціи весьма удобный матеріалъ для того, чтобы помѣшать правильности предстоящихъ депутатскихъ выборовъ; но съ этимъ дѣлать нѣчего, и остается только радоваться, что въ Парижѣ здравый смыслъ и практичность даже самыхъ передовыхъ умовъ могли побѣдить честолюбивые разсчеты нѣкоторыхъ и увлеченіе многихъ, виновныхъ только въ томъ, что ихъ честная горячность не выдержала еще искуса охлаждающаго опыта жизни, особенно политической, въ которой «не держащіе уха востро» въ бо̀льшей части случаевъ оказываются неумѣющими чего бы то ни было практически достигать.

Радость реакціонеровъ, впрочемъ, ослаблена значительно тѣмъ обстоятельствомъ, что борьба между отрицающими всякія компромиссы и считающими, что только при ихъ печальномъ содѣйствіи практически возможно чего либо достигать, произошла въ одномъ только Парижѣ. Даже въ Марсели, гдѣ Накэ посѣялъ не мало

сѣменъ разногласія, довольно было пріѣзда Гамбетты, чтобы развѣять самый ихъ слѣдъ. Въ Ліонѣ, гдѣ продѣлки Дюкро оправдывали бы проявленіе самыхъ крайнихъ мнѣній, избиратели высказали такое единодушіе въ подчиненіи единовозможной во Франціи, въ настоящее время, умѣренно-республиканской дисциплинѣ, что списокъ кандидатовъ въ сенаторы, составленный тамошними избирателями, представляетъ собою образецъ необходимой умѣренности. Заключается онъ именемъ бывшаго префекта Валантена, и, если онъ будетъ избранъ сенаторомъ, то само собою падаетъ его соперничество въ качествѣ кандидата въ депутаты въ департаментѣ Сены-и-Уазы съ полицейскимъ префектомъ Леономъ Рено.

Вообще, составленіе республиканскихъ списковъ кандидатовъ въ сенаторы во всей Франціи произошло весьма согласно. Отдѣльныхъ и не поддерживаемыхъ цѣлымъ департаментомъ кандидатуръ нѣтъ почти нигдѣ. Совершенно обратное явленіе происходитъ въ лагерѣ реакціонномъ. Комитетъ центральный (орлеанистскій) на каждомъ шагу сталкивается съ *комитетомъ національнымъ* (бонапартистскимъ), отчего происходятъ несогласія, путаница и сумятица невообразимыя. И тому, и другому, сверхъ того, портятъ дѣло и «несогласные» легитимисты. И, какъ вѣнецъ всего, правительственное вмѣшательство Бюффè для нѣсколькихъ оффиціальныхъ кандидатуръ, невозможное во всей своей красотѣ и прямотѣ, какъ оно могло происходить во время имперіи, но не останавливающееся ни передъ какой коррупціей, вызываетъ повсюду ропотъ, неудовольствіе и протесты. Укажу, для примѣра, на Лотскій Департаментъ, гдѣ кандидатъ Лимэйракъ, доведенный до неистовства «продѣлками префекта и министерства» и ставшій жертвою «низости, скандаловъ и цинической лиги» административныхъ дѣятелей, вынужденъ былъ обратиться съ протестомъ къ своимъ избирателямъ противъ «безстыдства и жосткости проведенія оффиціальной кандидатуры» и, раздраженный до нѣльзя, доводитъ свой протестъ до послѣднихъ границъ радикализма. Этотъ случай показываетъ, что, если нѣкоторымъ изъ оффиціальныхъ кандидатовъ при настоящихъ выборахъ и удастся пройти, то имъ предстоитъ горькая участь быть нравственно осужденными, а легально—кассированными въ весьма близкомъ будущемъ. Отъ сравненія съ кандидатурами республиканцевъ они, конечно, также едва ли много выиграютъ.

III.

Неудавшійся планъ изобрѣтателей сената.—Избраніе делегатовъ 16-го января.—Выборы сенаторовъ 30-го.—Скандалъ при выборѣ де-Брольи.—Неудача Бюффè.—Тьеръ и Бельфоръ.—Пять сенаторовъ отъ Парижа.—Города, затертые деревнями.—Пробужденіе сельчанъ.—Статистика и результаты сенаторскихъ выборовъ.

Для того, чтобы ясно понять результаты сенаторскихъ выборовъ, необходимо припомнить, что учрежденіе сената было измышлено правымъ центромъ въ видахъ противодѣйствія демократіи. Сенатъ, по мысли гг. де-Брольи и Батби, долженъ былъ представлять собою верхнюю палату, члены которой отчасти были бы назначены маршаломъ, отчасти избраны привилегированными избирателями. Онъ долженъ былъ выражать интересы высшихъ классовъ противъ интересовъ «числа» или демократіи и быть, такъ сказать, цитаделью консерватизма, жаждущаго монархической реставраціи. Прямою его обязанностью предстояло помогать «честной шпагѣ» въ распущеніи палаты депутатовъ, еслибы послѣдняя оказалась республиканскою, и способствовать скорѣйшему пересмотру конституціи въ смыслѣ монархическомъ, чтобы, въ случаѣ смерти Генриха V, Луи-Филиппъ II могъ какъ можно скорѣе и удобнѣе воспользоваться своимъ наслѣдіемъ. Добросовѣстные изъ легитимистовъ и нѣсколько бонапартистовъ, обусловивъ паденіе министерства де-Брольи, помѣшали осуществленію сената въ такомъ видѣ. Поправка Валлона—объ избраніи 75-ти пожизненныхъ сенаторовъ—собраніемъ, а 225—страною, сдѣлала возможнымъ согласіе республиканцевъ на это учрежденіе, и только опасеніе правительственнаго кризиса заставило Паскаля Дюпрà взять назадъ свое предложеніе о томъ, чтобы 225 сенаторовъ избирались всеобщею подачею голосовъ. Республиканцы сдѣлали эту уступку изъ опасенія потерять все, чтò сулило соглашеніе 25-го февраля, и приняли довольно нелогическую систему выборовъ при пособіи особаго «избирательнаго состава», куда входили въ каждомъ департаментѣ избиратели по праву, выбывавшіе депутаты, генеральные и окружные совѣтники и *по одному* делегату-выборному отъ 36,000 общинъ Франціи. При такомъ способѣ, при которомъ Парижъ, какъ община, могъ имѣть только одного делегата, какъ какая нибудь несчастная деревенька, версальскіе ретрограды мечтали, что при сенаторскихъ выборахъ городскіе голоса повсюду будутъ заглушены многочисленностью сельскихъ голосовъ и, при управленіи перваго министра, небрезгающаго оффиціальными кандидатурами, можно достигнуть, что въ сенатъ не пройдетъ почти никто изъ демократовъ.

Мы уже видѣли, что въ самомъ собраніи, выборомъ 75 сена-

торовъ, изъ которыхъ около 60 республиканцевъ, этимъ соображеніямъ нанесенъ былъ значительный ударъ. Ретрограды думали, однако же, что ихъ дѣло поправится при выборѣ остальныхъ сенаторовъ, что̀ казалось весьма вѣроятнымъ при существованіи закона де-Брольи о мэрахъ, благодаря которому, въ теченіи двухъ лѣтъ, всѣ мэры республиканскихъ мнѣній были отставлены, а, такъ какъ было очевидно, что мэровъ повсюду станутъ выбирать делегатами, то и можно было надѣяться, что, при пособіи настоящаго ихъ состава, ими будутъ выбираться представители всякихъ партій, за исключеніемъ республиканской. Когда въ числѣ делегатовъ, послѣ выбора ихъ 16-го января, оказалось, дѣйствительно, громадное число мэровъ, а, сверхъ того въ качествѣ ихъ помощниковъ не мало также и священниковъ, то надежды эти превратились въ полнѣйшую увѣренность успѣха, и «Агентствомъ Гаваса» даже былъ сообщенъ предварительный разсчетъ на полный тріумфъ «консерватизма» въ смыслѣ Бюффѐ. Разсчетъ этотъ, однако, вызвалъ много опроверженій со стороны республиканскихъ газетъ; но правительственные о̀рганы этимъ не смутились, и въ тонѣ ихъ отвѣтовъ слышалось довольство побѣдою и устрашеніе сомнѣвающихся.

Къ невыгодѣ республиканцевъ клонилось еще слѣдующее обстоятельство. По закону о сенаторскихъ выборахъ, между избраніемъ делегатовъ и самыми выборами назначенъ промежутокъ *не менѣе мѣсяца*. Такого срока было бы достаточно на то, чтобы демократы могли повліять на делегатовъ и объяснить имъ, чего отъ нихъ желательно при выборахъ въ видахъ ихъ же собственной пользы. Но, видя, ка̀къ республиканцы торопятся распущеніемъ собранія, реакціонеры коварно воспользовались ихъ торопливостью и успѣли провести добавочный къ закону параграфъ, что, для выигрыша времени, при первомъ избраніи въ сенатъ, срокъ этотъ можетъ быть сокращенъ. Такимъ образомъ, зимой, при испорченныхъ дорогахъ, въ короткій 15-ти дневный срокъ, республиканцы не успѣли устроить достаточнаго числа, собраній и многіе делегаты отдаленныхъ мѣстностей пріѣзжали къ пунктамъ вы̀боровъ въ сенатъ, не составивъ никакого предварительнаго мнѣнія о соперникахъ-кандидатахъ, часто не видавъ ихъ въ глаза и не слыхавъ ни одной ихъ рѣчи. Префекты, съ своей стороны, приняли всѣ мѣры, чтобъ помѣшать всякому сближенію делегатовъ съ кандидатами. Такъ, напримѣръ, они, по соглашенію съ желѣзно-дорожными компаніями, организовали особые поѣзды для делегатовъ, привозившихъ ихъ и отвозившихъ въ тотъ же день къ выборнымъ пунктамъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, чтобы помѣшать всякому сношенію делегатовъ съ оппозиціею, имъ отводили помѣщеніе въ самомъ зданіи префектуры; между часомъ подачи голосовъ и перебаллотировкою, если въ ней оказывалась необходимость, угощали завтраками, на которыхъ появлялись и кандидаты-консерваторы. Въ другихъ — чтобы отнять досугъ у делегатовъ, пріѣхавшихъ

слишкомъ рано—префектами наканунѣ устраивались для нихъ балы, начинавшіеся въ 6 часовъ и продолжавшіеся до глубокой ночи.

У меня недостаетъ мѣста, чтобы передать подробно всѣ значительныя и незначительныя ухищренія, на какія поднималась администрація, вся будущность которой ставилась на карту сенаторскими выборами, чтобы «не кривить»—по выраженію Бюффè, когда онъ еще стоялъ въ либеральной оппозиціи противъ Имперіи—«избирательный аппаратъ» и безъ того кривой, по своему устройству въ новомъ законѣ. Но намъ объ этомъ придется еще говорить, когда собравшіяся палаты приступятъ къ провѣркѣ полномочій. Можно ждать по этому поводу самыхъ скандальныхъ обличеній. Пока, въ смыслѣ скандала, на самомъ виду стоитъ выборъ де-Брольи въ Эрскомъ Департаментѣ. Этой злосчастной личности, которой, конечно, никакъ не пришлось бы добиться избранія въ депутаты всеобщимъ голосованіемъ, приходилось или возвратиться къ пріятностямъ частной жизни, или во что бы то ни стало быть выбраннымъ въ сенатъ. Положеніе его было печально и одиноко: республиканцы не соглашались занести его кандидатуру въ свой списокъ, несмотря на его лицемѣрное признаніе конституціи, а явиться открыто въ спискѣ бонапартистовъ—онъ также не могъ; при первой подачѣ голосовъ, онъ не прошелъ, такъ какъ два республиканца далеко превысили его числомъ полученныхъ имъ голосовъ. Но оказалось, что къ этой неудачѣ онъ былъ хорошо приготовленъ и всѣ свои шансы возложилъ на перебаллотировку. Оказалось, что онъ привезъ съ собою напечатанные въ Парижѣ бюллетени съ его именемъ и именемъ бонапартиста, адмирала Ла-Ронсьера-ле-Нури! Между тѣмъ, тотчасъ послѣ подачи голосовъ, отъ кондидатуры отказался второй бонапартистскій кандидатъ, герцогъ д'Альбюфера, и до перебаллотировки объ этомъ отказѣ было возвѣщено афишами *бѣлаго цвѣта*, т. е. такого, на какомъ, по закону, разрѣшается дѣлать только оффиціальныя заявленія. На такомъ же цвѣтѣ бумаги появилось и приглашеніе, не только отъ д'Альбюфера, но и отъ роялиста де-Шамбрэ къ ихъ сторонникамъ подавать ихъ голоса не за нихъ, а за де-Брольи и Ла-Ронсьера. Въ тоже время, делегатовъ угощали виномъ въ изобиліи и успѣли убѣдить въ томъ, что подавать голоса за республиканцевъ значитъ способствовать разрушенію общества и вступать въ открытую борьбу съ Мак-Магономъ!

Не съ меньшимъ усердіемъ, хотя, къ счастію, безуспѣшно производились выборы Бюффè въ Вогезскомъ Департаментѣ. Неуспѣху этому немало способствовалъ неудачный эпитетъ «иностранцевъ», придуманный мѣстнымъ органомъ министра для эльзас-лотарингцевъ. Перебаллотировки не было, и при первой подачѣ голосовъ, были прямо выбраны три республиканца. Такимъ образомъ, Бюффè, побитый собраніемъ, еще разъ былъ побитъ и тѣмъ «избирательнымъ корпусомъ», который, какъ онъ

заранѣе былъ увѣренъ, весь, какъ одинъ человѣкъ, примкнетъ къ признанію его избирательной программы!

Такъ какъ Сэ и его товарищи по кандидатурѣ были выбраны огромнымъ большинствомъ въ самой столицѣ правительства—Версали, то не оставалось бы ничего дѣлать, какъ закончить кризисъ, возбужденный имъ въ началѣ января, личною подачею въ отставку. Но ему помогли выдти изъ затруднительнаго положенія его бонапартистскіе друзья Нижне-Шарантскаго Департамента, которымъ, не безъ пособія, конечно, префектовъ, подпрефектовъ и мэровъ, удалось достигнуть того, что Дюфоръ—лицо, которое должно бы было замѣнить его въ главѣ кабинета, еслибы онъ его оставилъ—тоже не былъ выбранъ. Такимъ образомъ, министерство, которому нанесенъ ударъ въ лицѣ его главнѣйшихъ представителей обоихъ направленій, какъ бы обязывается оставаться въ ожиданіи того времени, когда въ двухъ новыхъ палатахъ образуется какое нибудь опредѣленное большинство. Успѣхъ Сэ, сверхъ того, нѣсколько затушевывается тѣмъ обстоятельствомъ, что, кромѣ него, еще два министра, де-Мо и Кальйо, удостоились выбора въ сенаторы. Но вообще правительство, если считать тѣхъ кандидатовъ изъ легитимистовъ и бонапартистовъ, которымъ оно оказывало оффиціальную поддержку, понесло значительную неудачу. «Мак-магоніанцовъ», по мысли Бюффѐ, прошло всего на все 50 человѣкъ.

Тьеръ въ Бельфорѣ прошелъ при 97 голосахъ, изъ 111. Но его «національная кандидатура, въ качествѣ освободителя территоріи», прошла не безъ борьбы съ замаскированнымъ противодѣйствіемъ правительства. Чтобы она могла пройти, необходимо было, чтобы три кандидата—бывшіе депутаты, Вильяръ-Межонъ и Келлеръ, и генеральный совѣтникъ Кёхлинъ Шварцъ—объявили своимъ избирателямъ, что просятъ ихъ подавать за него свои голоса.

Въ Парижѣ понадобились двѣ баллотировки, чтобы выборы состоялись не совсѣмъ такъ, какъ должно было ожидать. Викторъ Гюго, котораго кандидатура казалась безспорною, котораго на всѣхъ предварительныхъ собраніяхъ привѣтствовали всѣ такъ единодушно и который наканунѣ выборнаго дня, на погребеніи великаго артиста Фредерика Леметра, своимъ появленіемъ вблизи монмартрскаго кладбища, вызвалъ единодушную демонстрацію цѣлой массы парижскаго населенія, не прошелъ первымъ, какъ этого слѣдовало бы ожидать. Выбранъ онъ былъ только при первой перебаллотировкѣ и только 115 голосами изъ 209. При второй баллотировкѣ, и не безъ труда, радикалы получили отчасти нѣкоторыя удовлетворенія выборомъ Пейра. Луи Бланъ, выборъ котораго казался безспорнымъ, не выбранъ вовсе!

Въ этомъ не безгрѣшенъ Гамбетта, который вошелъ въ сношеніе съ партіею лѣваго центра сенскаго генеральнаго совѣта, что и обусловило какъ то, что первымъ прошелъ и не е-

неръ Фрэйсине, при большинствѣ 142 голосовъ, успѣхомъ котораго Гамбетта дорожилъ какъ бы своимъ собственнымъ, такъ и то, что, вмѣсто Флокэ, выбранъ былъ Герольдъ, а Толенъ побѣдилъ всѣ другія рабочія кандидатуры. Хотя парижскіе выборы и обнаружили нѣкоторыя несогласія въ самой средѣ республиканцевъ, но, говоря вообще, они все-таки удачны, такъ какъ, представляя собою характеръ полнѣйшей умѣренности, они въ то же время безспорно демократичны.

Выборы въ департаментѣ Устьевъ Роны—вполнѣ опредѣленно республиканскіе. Въ департаментѣ Роны—полу-республиканскіе: прошли Жюль Фавръ и Валантенъ, за которыхъ вотировали ліонскіе радикалы и, съ другой стороны, умѣренные конституціонисты, такъ какъ за нихъ вотировали подгородные делегаты, число которыхъ было значительно. Въ Жирондскомъ Департаментѣ, голосъ Бордо былъ заглушенъ голосами окрестныхъ деревень, и большинство оказалось за бонапартистовъ, которые и были выбраны. Тоже повторилось и съ Нантомъ, гдѣ выбранъ крайній легитимистъ Эспиванъ де-Вильбуане.

Руанъ и Гавръ испытали туже участь, и, такимъ образомъ, представительство департамента Нижней Сены въ сенатѣ выражается двумя роялистами и двумя бонапартистами! Наконецъ, Лиль и большіе сѣверные промышленные города были жестоко побѣждены населеніемъ жалкихъ мѣстечекъ, ихъ окружающихъ. Вообще можно сказать, что въ департаментахъ, гдѣ находятся значительные и населенные города, коварная система, преведенная въ новомъ законѣ о сенатскихъ выборахъ, принесла всѣ плоды, какіе ожидала отъ нея реакція, и настоящее большинство, какое даетъ всеобщая подача голосовъ, было задавлено подтасованнымъ большинствомъ общиннаго голосованія.

Но зато—и этого-то никакъ не ожидала реакція!—въ департаментахъ чисто земледѣльческихъ, небольшія общины, жителей которыхъ не считали способными имѣть въ политикѣ какое нибудь собственное мнѣніе, помимо навязанныхъ имъ мэрами и священниками, оказались рѣшительно республиканскими! Изъ двадцати примѣровъ, остановлюсь хотя на Энскомъ Департаментѣ. Этотъ департаментъ, считавшійся самымъ отсталымъ изъ отсталыхъ еще въ 1870 г. и бывшій такимъ на самомъ дѣлѣ, выбралъ прямо, огромнымъ большинствомъ голосовъ, двухъ сенаторовъ-радикаловъ, одинъ изъ которыхъ—некто иной, какъ членъ института, Шарль Робэнъ, позитивистъ и сотрудникъ журнала Литтрэ! Такимъ образомъ, если реакціи удалось, съ одной стороны, почти уничтожить вліяніе на выборы бо̀льшихъ населенныхъ центровъ, то, съ другой, ей пришлось увидать политическое пробужденіе сельскаго населенія, обнаружившееся съ такою яркостью и энергіей, что, можно сказать безо всякаго преувеличенія, Франція не представляла ничего подобнаго съ самой революціи 1789 г. Если крестьяне во Франціи нѣкогда создали и поддержали имперію, изъ ненависти къ Бурбонамъ и

опасенія «partageux», то теперь они являются сторонниками республики. Фактъ этотъ заставилъ значительно и не безъ основанія задуматься и пріуныть монархистовъ.

Это обращеніе крестьянъ въ республиканцевъ до того неожиданно, что, напримѣръ, въ двухъ департаментахъ Жерскомъ и Па-де-Калэ, которые, еще восемь дней тому назадъ, считались безусловно бонапартистскими, почему и носили названіе «материковой Корсики» —бонапартисты побѣждены. Въ первомъ могъ пройти конституціоналистъ, во второмъ не выбраны депутаты Леверъ и Сансъ, избраніе которыхъ нѣкогда опредѣлило возрожденіе имперіи.

Сравнительно, впрочемъ, съ представителями другихъ монархическихъ партій, для бонапартистовъ, результаты сенатскихъ выборовъ довольно благопріятны. Число бонапартистовъ имѣющихъ войти въ сенатъ, болѣе числа ихъ, вошедшаго въ собраніе 1871 г.—именно около 40 (побито 86).

Непримиримые и трехцвѣтные легитимисты вмѣстѣ насчитываютъ 53 успѣха и 51 неудачу.

Орлеанизмъ совершенно исчезъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ чистомъ видѣ: часть его обратилась въ «консерваторовъ» на манеръ Бюффè-де-Брольи (34 выбора, всего на все); часть сдѣлалась «конституціоналистами», типомъ которыхъ могутъ служить герцогъ Одиффре-Пакье и Леонъ Рено, изъ которыхъ послѣдній, въ рѣчи своей къ избирателямъ въ Брюнуà, засвидѣтельствовалъ свое окончательное присоединеніе къ республикѣ, даже и послѣ 1880 г.

Въ «République Française» помѣщенъ поименный списокъ всѣхъ 295 сенаторовъ, выбранныхъ собраніемъ и департаментами. Общее число ихъ 295, а не 300, потому что одинъ изъ «пожизненныхъ», именно де-Ла-Рокеттъ, успѣлъ уже умереть, а 4 сенатора отъ колоній еще неизвѣстны (должно ожидать выбора навѣрное 3-хъ республиканцевъ). Я пользуюсь этимъ спискомъ, чтобы составить для читателя такую таблицу, гдѣ прямо было бы видно, на основаніи группировки, сообразной съ существовавшей въ версальскомъ собраніи, съ какой стороны и какого характера можно ожидать большинства въ будущемъ сенатѣ.

Выбрано членовъ «республиканскаго союза» (радикаловъ).	25	136
» » республиканской лѣвой	55	
» » лѣваго центра	56	
» » конституціоналистовъ республиканскаго оттѣнка группы Валлона.	11	26
» » конституціоналистовъ изъ бывшей либеральной фракціи праваго центра (какъ герцогъ Одиффре Пакье, Боше и т. д.)	15	
		162

Выбрано	Мак-магоніанцовъ (коституціонныхъ консерваторовъ до 1880 г).	3	69
»	членовъ праваго центра, какъ гг. де-Брольи или Дарю	24	
»	правой монархической (трехцвѣтной). . . .	36	
·	Чистыхъ легитимистовъ (бѣлыхъ). . . .	27—	27
›	Эрве де-Сэзй, мнѣній неопредѣленныхъ и одиночныхъ.	1—	1
›	Бонапартистовъ	36—	36
			133

Такимъ образомъ, за республику, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, а отчасти даже и за прогрессивную, оказывается большинство 29 голосовъ. Замѣтьте при томъ, что въ 1879 г., т. е. ранѣе легальнаго срока для ревизіи конституціи, произойдетъ возобновленіе цѣлой четверти состава сената, такъ что, если предположить, что демократическое движеніе будетъ продолжаться въ томъ же размѣрѣ, какъ оно идетъ съ 1873 г., должно думать, что, ко времени ревизіи, въ сенатѣ, окажется значительное большинство настоящихъ республиканцевъ.

Въ настоящемъ своемъ составѣ, сенатъ, предоставляя собою, по счастливому выраженію Тьера, «мягкость тѣста», все-таки уже не можетъ быть орудіемъ для произведенія coup d'état или реставраціи, какъ о томъ мечтала монархическая коалиція. Уже одинъ такой результатъ представляетъ собою громадное значеніе и достаточно объясняетъ какъ скорбь враговъ республики, такъ и спокойную радость ея сторонниковъ.

Выборы 30-го января положили рѣшительный конецъ «правительству борьбы». Дѣломъ депутатскихъ выборовъ 20-го февраля будетъ возвратить націи право стремленія къ прогрессу и свободѣ. Съ сенатомъ, темперамента мягкаго и спокойнаго, но готовымъ поддерживать существующія учрежденія противъ покушеній на нихъ, откуда бы они ни появились, и съ нижнею палатою, темперамента болѣе горячаго — если, какъ можно ожидать, демократическій элементъ войдетъ въ нее въ достодолжномъ количествѣ — можно имѣть нѣкоторый шансъ на то, во-первыхъ, что республика продлится, а во-вторыхъ—и на то, что изъ худшихъ изъ существующихъ республикъ она можетъ, мало по малу, преобразоваться и въ достойную своихъ старшихъ сестеръ.

Людовикъ.

Парижъ, 2 февраля 1876 г.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

БОРЬБА РАСЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

(White conquest, by William Hepworth Dixon. London. 1875.

IV.

Негры, не говоря уже объ индійцахъ, не представляютъ еще наибольшаго затрудненія для американской цивилизаціи. Часть ихъ войдетъ въ цивилизацію бѣлыхъ; между неграми и теперь встрѣчаются индивидуумы, далеко ушедшіе отъ своего племени; другая часть погибнетъ или, какъ взрослыя дѣти, будетъ находиться въ нравственномъ подчиненіи бѣлымъ; въ средѣ послѣднихъ человѣкъ ограниченный также подчиняется людямъ съ высшимъ развитіемъ, когда задачи общежитія и культуры для того и другого однѣ и тѣ же, какъ это можно сказать про европейца и негра, не имѣющаго самостоятельной цивилизаціи. Но какой результатъ можетъ получиться, если будетъ продолжаться приливъ *желтой* расы въ Америку, расы не дикарей, какъ индійцы, не полудѣтей, какъ негры, расы, изжившей цѣлые вѣка, унаслѣдовавшей вѣковую, своеобразную цивилизацію вмѣстѣ съ пороками, наконецъ, не только не требующей, чтобъ бѣлые поднимали ее до себя, но еще вытѣсняющей ихъ повсюду своими изумительно скромными привычками и непомѣрнымъ трудолюбіемъ.

Наплывъ китайцевъ на ближайшія страны южнаго и восточнаго материковъ составляетъ одно изъ крупнѣйшихъ явленій новѣйшаго времени въ экономической исторіи нашихъ антиподовъ. Замкнутая цѣлыя столѣтія отъ всего остальнаго міра, не пускавшая къ себѣ и изъ себя никого, Срединная Имперія была какъ бы прорвана англійскими пушками; съ тѣхъ поръ изъ нея полился потокъ эмиграціи, наводнившій Австралію, чуть не завоевавшій Калифорнію и нашедшій откликъ даже въ рѣчи президента Гранта къ конгресу, несмотря на всю кутерьму, поднятую луизіанскими дѣлами и вообще негритянскимъ вопросомъ.

По сознанію самихъ американскихъ государственныхъ людей, приводимому и въ книгѣ Диксона, «желтый» вопросъ грозитъ

республиканскимъ учрежденіямъ бо́льшею опасностью, чѣмъ «черный». Въ счетахъ съ краснокожими и чернокожими конечнымъ выводомъ всегда бываетъ превосходство бѣлой расы, передъ которой исчезаютъ, которой подчиняются цвѣтныя. Но, при столкновеніи съ желтой расой, происходитъ нѣчто неожиданное: бѣлые, хотя и не исчезаютъ, но уступаютъ ей мѣсто, благодаря изумительному искуству желтокожихъ приспособляться къ самымъ скуднымъ жизненнымъ условіямъ. Китаецъ можетъ жить въ каждомъ климатѣ, въ каждой странѣ, можетъ жить тамъ, гдѣ мрутъ всякія другія племена, даже краснокожіе Уты и Шошоны; не зная ни слова по англійски, онъ идетъ въ рудокопные округа̀ Невады, къ неизвѣстному хозяину, выполняя безропотно самую тяжелую работу. Холодъ и жаръ, засуха и ливень, дурное или ласковое обхожденіе, повидимому, безразличны для китайца. Питается онъ очень умѣренно, почти только рисомъ и рыбой, съ прибавкою, въ видѣ роскоши, глотка чая и затяжки опіума; можетъ ѣсть даже дохлую дичь, къ которой не прикоснется и краснокожій. Заботясь о наживѣ и сберегая деньги, китаецъ, однакожь, дешево цѣнитъ свой трудъ, можетъ цѣнить его дешевле и за мѐньшую цѣну дѣлать больше, чѣмъ бѣлый рабочій, которому нужны и мясная пища, и кружка пива, и фляжка водки. Притомъ, китаецъ берется за всякую работу и переимчивъ неимовѣрно. «Джонъ» (такова народная кличка китайцевъ) съ одинаковою невозмутимостью строитъ дома, прислуживаетъ въ ресторанахъ, стряпаетъ въ кухнѣ, моетъ и утюжитъ бѣлье, доитъ корову, работаетъ въ каменоломнѣ, плавитъ металлическую руду, ходитъ за дѣтьми, качаетъ колыбель. Если можно выбирать, то онъ охотнѣе выберетъ домашнія занятія, но не откажется ни отъ какихъ. Китаецъ отбилъ работу не только у мужчинъ, но даже у женщинъ. «Пока этотъ язычникъ не казалъ къ намъ своей грязной морды, такъ жаловался автору обиженный ирландецъ:—до тѣхъ поръ человѣкъ могъ заработывать по шести долларовъ въ день, а теперь мы добываемъ не больше двухъ. Четыре доллара пропали—и все по милости этихъ свиныхъ хвостовъ! Да и хозяева-то нѣкоторые не лучше: объявили, что не будутъ платить бѣлому больше двойной цѣны противъ той, что̀ платятъ желтокожему. Какъ будто бы христіанинъ въ состояніи прожить на двѣ горсти рису потому только, что язычникъ китаецъ можетъ голодать на одной. Прежде, моя старуха добывала кое-что̀, мыла и гладила—всетаки, годилось, хотя на глотокъ водки; теперь что̀ же? Этотъ мошенникъ ограбилъ и женщинъ такъ же чисто, какъ мужчинъ!» Понятно, что капиталисты этимъ пользуются, и китайскій трудъ, во многихъ отрасляхъ, вытѣснилъ уже бѣлый. Остановка пока еще только за тѣмъ, что китайцы не сразу могутъ выполнять тонкую работу, какъ, напримѣръ, часовое мастерство, по поводу котораго и вышли препирательства между Корнелемъ и Рольстономъ, директорами компаній по часовой фабрикаціи, и бѣлыми рабочими. Адресъ

послѣднихъ съ указаніемъ на то, что имъ нужно кормить женъ и дѣтей, не былъ принятъ въ уваженіе. Рольстонъ объяснилъ депутаціи, что компанія будетъ нанимать рабочихъ той расы, какую сочтетъ за лучшее, хотя готова оказать великодушіе и къ положенію прежнихъ рабочихъ, т. е.: если найдутся молодые рабочіе изъ американцевъ, которые могутъ дѣлать столько же и такъ же хорошо, какъ китайцы, то имъ будетъ дано преимущество, но, разумѣется, плата не выше той, какая дается китайцамъ. Въ результатѣ: китайцы нанимаются, бѣлые отпущены. Подобно часовому мастерству, въ руки китайцевъ перешло сапожное, строительное, выдѣлка сигаръ, на которую прежде въ Сан-Франциско употреблялись тысячи бѣлыхъ рукъ.

Вотъ два образчика, какъ тихо, вкрадчиво овладѣваютъ монгольскіе выходцы народнымъ трудомъ:

Въ Санъ-Хосе (городъ гибридовъ, потомства праздношатающихся испанцевъ и индіанокъ) явился впервые, съ поѣздомъ желѣзной дороги, нѣкій Го-Лингъ. Онъ нанялъ шалашъ, повѣсилъ вывѣску: «мытье и утюженье». Въ Сан-Хосе грязнаго бѣлья было много; Го-Лингъ былъ занятъ день и ночь и послалъ за Чу-Пингомъ, но и двое «лунnолицыхъ» едва могли справиться съ дѣломъ. Го-Лингъ сталъ копить деньги. Проживъ въ Сан-Хосе три мѣсяца, онъ призвалъ плотника и спросилъ его цѣну за постройку десяти деревянныхъ домиковъ, если онъ, Го-Лингъ, доставитъ доски и жерди отъ себя. Тотъ запросилъ сто долларовъ. Го-Лингъ видоизмѣнилъ условіе, назначивъ по десяти долларовъ за домъ, а между тѣмъ, пріѣхали еще семь лунолицыхъ, которые, повидимому, сонными глазами смотрѣли за работой. Когда первый домъ былъ конченъ, десять долларовъ заплачены плотнику, и онъ отпущенъ. Го-Лингъ объявилъ, что больше не требуется; «сами все сдѣлаемъ». Китайцамъ нужно было только принаровиться къ новому матеріалу (кедровому — вмѣсто бамбука) и къ новымъ орудіямъ, нужнымъ для этого матеріала, къ способу выводить крышу. Затѣмъ Го-Лингъ не только выстроилъ всѣ дома на своей улицѣ, но и отбилъ у соперника всѣ работы по постройкамъ въ Сан-Хосе.

Йинъ-Юнгъ, лучшій сапожникъ въ Калифорніи, также явился съ желаніемъ выучиться ремеслу, но до тѣхъ поръ никогда не видалъ англійскихъ сапоговъ (китайскій купецъ ходитъ по улицѣ въ деревянныхъ башмакахъ, мандаринъ носитъ туфли). Замѣтивъ требованіе рабочихъ къ нѣкоему Аарону Исааку, сапожнику, онъ явился туда и условился поступить въ работу почти за ничто̀. Почтенный Ааронъ не стѣсняется различіемъ расы и религіи, если дѣло идетъ о дешевой уплатѣ, и впускаетъ къ себѣ китайца, надѣясь, что успѣетъ еще поналиться, пока тотъ отобьетъ работу, а, между тѣмъ, китаецъ—рабочій смирный, безотвѣтный; можно его и надуть при разсчетѣ, даже и побить, не опасаясь получить сдачи. Мало-по-малу, еврейскія мастерскія наполнились желтокожими, а бѣлые рабочіе покинули Аарона, дѣла

котораго шли отлично до тѣхъ поръ, пока не оставилъ его и самъ Йинъ-Юнгъ, чтобъ заняться дѣломъ самостоятельно. Теперь онъ—богатый человѣкъ, имѣетъ большую мастерскую и пользуется отличной репутаціей. За брань и щелчки Аарона онъ отомстилъ тѣмъ, что подорвалъ его издѣлія, пустивъ свои дешевле. Еврей пытался бороться, набирая новыхъ китайцевъ-рабочихъ, но напрасно: изъ рабочихъ выходили только новые соперники, умѣвшіе превосходно шить англійскіе сапоги.

Ненависть къ китайцу, естественно питаемую рабочими, раздѣляютъ иногда даже хозяева и все-таки берутъ его, а не ирландца и не нѣмца. Женственная фигура, одѣтая въ нарядное платье, плавныя движенія, покорная улыбка, постоянное безмолвіе дѣлаютъ Джона незамѣнимымъ въ качествѣ прислуги, далеко оставляющей за собою неповоротливаго ирландца и «грубіяна, лѣнивца»—негра.

«Повѣрьте, что у этого бездѣльника два ножа на готовѣ подъ платьемъ, чистенькимъ, какъ только что выпавшій снѣгъ, говорилъ автору джентльменъ, который, несмотря на отвращеніе къ желтолицымъ, имѣлъ превосходнаго повара-китайца.—Даю вамъ слово, что мой Гоп-Ки на родинѣ былъ воромъ, преступникомъ или рабомъ, хотя негодяй и увѣряетъ, будто ни одного дня въ жизни не сидѣлъ въ тюрьмѣ, но, если вы хотите имѣть хорошій обѣдъ все-таки должны пригласить повара-китайца. Моя жена увѣритъ васъ, что нашъ Гоп-Ки замѣняетъ самую лучшую бѣлошвейку, горничную и прачку, и, говоря по правдѣ, этотъ язычникъ обладаетъ нѣкоторыми качествами, совсѣмъ неизвѣстными какой нибудь ирландкѣ или нѣмкѣ. Онъ ничего не пьетъ, не уходитъ никуда ни на ночь, ни по воскресеньямъ когда уходитъ въ свою молельню—придетъ въ срокъ; къ нему не таскается никакихъ кумушекъ; онъ не употребляетъ никакихъ неприличныхъ словъ, по крайней мѣрѣ, понятныхъ для моей жены и дочери. Правда, негодяй не чистъ на руку, но не черезъ мѣру, и гораздо меньше, чѣмъ ирландецъ или нѣмецъ, и имѣетъ, по временамъ, угрызенія совѣсти, которыхъ тѣ никогда не имѣютъ. Иногда онъ приходитъ ко мнѣ, со слезами на глазахъ, и проситъ дать ему хорошаго тумака. Разумѣется, я соглашаюсь, находя это полезнымъ для обоихъ насъ. Но и у этого молодца тоже своя гордость: я долженъ его называть не Гоп-Ки, а Ах-Ки (*Ах* соотвѣтствуетъ англійскому слову *master*); это—одна изъ трехъ тысячъ китайскихъ церемоній, соблюдая которую, я сберегаю 5 долларовъ въ мѣсяцъ».

Разумѣется, безобидный китаецъ сдѣлался забавою уличныхъ забіякъ и мальчишекъ; послѣдніе до того привыкли считать китайца чѣмъ-то низменнымъ и грязнымъ, что даже удивляются, если кто останавливаетъ ихъ продѣлки: «вѣдь, это—Джонъ!»

«Разъ, въ дождливую погоду, китаецъ, разряженный въ красномъ атласномъ платьѣ и мѣховой пелеринкѣ, пробирался по о щечкѣ черезъ улицу Сан-Франциско. Встрѣчному гражданину

доставило удовольствіе столкнуть эту «нарядную куклу» съ мостковъ, и бѣдный китаецъ растянулся въ лужѣ. Образовалась толпа зрителей, которые приходили въ восторгъ. «Представьте же себѣ безстыдство этого лунноліцаго, разсказывалъ автору тотъ же джентльменъ.—Китаецъ поднялся, нѣсколько отряхнулъ грязь съ атласнаго платья, кротко посмотрѣлъ вокругъ себя, присѣлъ, какъ дѣвочка, и сказалъ: «вы — христіане, я — язычникъ, прощайте!» Китаецъ сразу непріятно дѣйствуетъ, быть можетъ, именно этимъ безмолвнымъ сознаніемъ своего превосходства. Авторъ впервые видѣлъ его на балтиморскомъ рынкѣ: «постоянно жуя свой бетель, китаецъ смотритъ равнодушно, не шевельнувъ бровью, безъ улыбки, на лавки и курятни, на рѣшетки и полки, на рыбу и мясо, на плоды и зелень; но, отходя прочь, имѣетъ такое выраженіе лица, что онъ самъ могъ бы построить эти лавки, выставить всѣ эти полки съ товарами, приготовить рыбу и мясо и продать эти плоды и зелень». Не только въ Америкѣ, но и въ Австраліи, китаецъ также служитъ предметомъ презрѣнія и нелюбви, какъ извѣстно читателямъ нашего журнала [1]. И въ той и въ другой странѣ китайцы дѣлаютъ необходимыми предупредительныя мѣры противъ своего появленія, но сами все-таки предпочитаютъ Америку, именно Калифорнію: переѣздъ туда дешевъ и удобенъ, климатъ подходящій, плата выше и рынокъ шире, чѣмъ гдѣ-нибудь. Изъ Калифорніи китайцы распространяются по всѣмъ болѣе крупнымъ центрамъ страны, выбирая самые тѣсные, людные и грязные кварталы городовъ: даже въ Городѣ Соленаго Озера они толпятся вокругъ рынка, хотя вообще въ землѣ мормоновъ китайцамъ не посчастливилось: мормоны — не такой народъ, чтобъ въ области грубаго труда ихъ могъ опередить даже трудолюбивый и трезвый китаецъ.

Политическое значеніе китайской иммиграціи выясняется не сразу и, притомъ, преимущественно людямъ, спеціально занимающимся этимъ предметомъ. Но и человѣка, непосвященнаго въ политику, ужасаетъ ихъ непомѣрная многочисленность, которая съ каждымъ годомъ усиливается. Сперва китайцы являлись по два—по три человѣка, потомъ по 10 ти—по 20-ти, затѣмъ—сотнями и тысячами; теперь наѣзжаютъ уже десятками тысячъ. Перевозка эмигрантовъ строго организована особыми компаніями, у которыхъ переселенцы находятся какъ бы въ кабалѣ, и есть основаніе предполагать, что китайскіе мандарины просто высылаютъ изъ своей, небольшой по пространству, но переполненной населеніемъ страны, во-первыхъ, лишніе рты, пролетаріевъ, которымъ нѣчѣмъ дома питаться, а во вторыхъ — преступниковъ всякаго рода: по крайней мѣрѣ, женщины, переселяющіяся изъ Китая, почти всѣ принадлежатъ къ разряду невольницъ и проститутокъ, скупаются въ Кантонѣ торговцами, которые ихъ и

[1]) См. статьи «Общество и природа въ Австраліи», №№ 1-й и 2-й 1875 г.

пересылаютъ въ Сан-Франциско именно съ цѣлями проституціи. Эта торговля тѣмъ болѣе прибыльна, что въ Америкѣ чувствуется значительный недостатокъ бѣлыхъ женщинъ, особенно въ западныхъ штатахъ—Калифорніи, Канзасѣ, Миннесотѣ, Уайомингѣ. Мужчины-китайцы, съ малыми исключеніями, также являются въ страну не для того, какъ говорилъ президентъ въ своемъ посланіи, чтобъ водвориться въ странѣ и своимъ трудомъ способствовать усиленію ея процвѣтанія, но, по контрактамъ съ подрядчиками, которые владѣютъ ими безусловно; и даже имѣютъ и осуществляютъ надъ ними право жизни и смерти (вопреки правилу американской конституціи, что каждый человѣкъ, ступившій на почву республики, свободенъ) и страна заражается всякаго рода преступниками и грязью. Китайскій кварталъ въ Сан-Франциско представляетъ нѣчто ужасающее по грязи, тѣснотѣ и зловонію. Привыкнувъ на родинѣ тѣсниться, китайцы (составляющіе седьмую часть населенія Сан-Франциско), повидимому, находятъ удовольствіе лѣпиться въ конурахъ, подвалахъ, издающихъ отвратительный запахъ смѣси опіума съ различными испареніями. Въ самомъ хорошемъ изъ такихъ отелей, содержимомъ богатымъ китайцемъ съ цѣлью сдавать въ наймы, по комнатамъ, землякамъ-жильцамъ нѣсколько лучшаго сорта, лавочникамъ, слугамъ, клеркамъ, агентамъ, находятъ себѣ пріютъ не менѣе 1500 китайцевъ среди невообразимаго смрада, натисканные какъ попало. Въ узкихъ же и мрачныхъ переулкахъ, гдѣ обитаютъ «лунноличые» низшаго разбора со своими подругами-проститутками, можно натолкнуться на такіе вертепы, проходить около которыхъ небезопасно даже днемъ. Правда, и прочіе бѣлые эмигранты также снабжаютъ Америку преступниками, но особенно вредная сторона китайской эмиграціи именно та, что Америка является для желтолицыхъ какъ бы пенитенціарной колоніей; проѣздъ переселенцевъ оплачивается, и за эту плату китайцы потомъ отработываютъ компаніямъ подрядчикамъ, у которыхъ переселенцы находятся въ кабалѣ, и за всякое уклоненіе отъ данныхъ приказаній поплатятся смертью отъ невидимой руки: короче, китайцы образовали государство въ государствѣ, съ тайными учрежденіями, подобными средневѣковому Vehmgericht'у. У китайцевъ завѣдываютъ дѣломъ переселенія такъ называемыя «Шесть компаній».

Переселеніе китайцевъ, систематизированное какъ нельзя болѣе' составляетъ цѣлую легенду, для ознакомленія съ которой авторъ собралъ свѣдѣнія при помощи консула, у зажиточныхъ китайцевъ.

«Изъ небольшой групы богатыхъ и образованныхъ китайцевъ, живущихъ въ Сан-Франциско, намъ казался самымъ подходящимъ Ли-Уонгъ, купецъ очень богатый и испытанной честности. Ли-Уонгъ чѣмъ-то обязанъ нашему консулу по своимъ дѣламъ и готовъ уплатить нѣкоторую часть своего долга, сообщивъ намъ свѣдѣнія, какія нужно. Въ назначенный часъ онъ является въ консульство, и, послѣ формальныхъ комплиментовъ, мы усажи-

ваемъ его на кресло, такъ что портретъ королевы Викторіи отражается прямо въ его азіятскихъ глазахъ.

— «Не будете ли такъ добры, Ли-Уонгъ, сообщить намъ что-нибудь о вашихъ шести компаніяхъ?

— «Шесть компаній! Вашъ народъ ошибается относительно этихъ компаній. На самомъ дѣлѣ у насъ пять компаній, а не шесть. Пять компаній имѣютъ пребываніе въ Китаѣ и носятъ названія по мѣстностямъ, въ которыхъ живутъ ихъ члены. Эти пять компаній собираютъ эмигрантовъ, перевозятъ ихъ въ Кантонъ и Хон-Конгъ, дѣлаютъ всѣ приготовленія къ переѣзду чрезъ океанъ и наблюдаютъ, какъ эмигранты сядутъ на корабли. Шестая компанія (или комитетъ) находится въ Сан-Франциско, обязана принимать эмигрантовъ, и наблюдать за выполненіемъ всѣхъ ихъ договоровъ и обязанностей. Американцы называютъ насъ язычниками, но мы имѣемъ свою религію; наша религія существуетъ для всѣхъ, а не только для тѣхъ, кто хочетъ и когда хочетъ ее исповѣдывать, какъ у американцевъ. Наша религія существуетъ и пока мы живемъ и когда умремъ. Такъ, если пять компаній условятся перевезти человѣка въ Калифорнію—это одно дѣло; если онѣ условятся перевезти его прахъ обратно въ Китай—это другое дѣло. Условіе перевезти китайца въ Америку есть договоръ; условіе привезти назадъ его прахъ—есть обязанность».

— «Такъ всѣ пассажиры связаны одинаковыми обязательствами?

— «Не всѣ. Въ нашихъ спискахъ значатся два разряда лицъ: въ первомъ—переѣзжающіе на нашъ счетъ и имѣющіе къ намъ обязательства; во второмъ—тѣ, которые сами платятъ путевые расходы въ Хонг-Конгѣ и высаживаются въ Сан-Франциско свободными. Мы заключаемъ договоры только съ лицами перваго разряда, но имѣемъ обязанности также и относительно лицъ втораго разряда, такъ какъ мы обязаны перевезти и тѣхъ назадъ въ случаѣ смерти.

«Наше дѣло начинается такъ. Пять компаній посылаютъ своихъ агентовъ по провинціямъ, какъ близь моря, такъ и внутри страны, разсказать бѣдному люду, который бьется изъ-за риса и чая, объ огромныхъ рынкахъ на трудъ, какіе открываются въ Калифорніи, Орегонѣ и Невадѣ. Разумѣется, агенты много прибавляютъ отъ себя. Американцы любятъ прихвастнуть, а китайцы умѣютъ еще больше ихъ. Эти агенты наговорятъ, что въ Америкѣ горы сдѣланы изъ серебра, а рѣки текутъ золотомъ. Они предлагаютъ пособія, даютъ паспорты желающимъ двинуться. Они располагаютъ всѣми средствами перевозки и сухимъ путемъ, и водой, и, такъ какъ дѣлу обезпечено содѣйствіе многихъ богатыхъ людей, то желающихъ и перевозятъ до берега за меньшую цѣну, чѣмъ тѣ заплатили бы, дойдя пѣшкомъ. За пять долларовъ агенты берутъ китайца изъ деревни и доставляютъ его въ Хонг-Конгъ. Если онъ—бѣднякъ, то за эти 5 долларовъ берется обязательство, и путникъ снабжается пищею и питьемъ, за которыя берется второе обязательство. По прибытіи

въ Хонг-Конгъ, агенты берутъ свидѣтельство эмигранта и добываютъ ему мѣсто. Плата за проѣздъ 45 долларовъ, которые ими уплачиваются, вмѣстѣ съ высадочной пошлиной въ 5 долларовъ, а эти потомъ переплачиваются пароходною компаніею нашему комитету въ Сан-Франциско. Эти 5 долларовъ поступаютъ въ особый «фондъ для умершихъ».

— «Слѣдовательно, общее правило таково; что каждый переселенецъ изъ Хонг-Конга въ Сан-Франциско — не только бѣднякъ, но еще и связанный обязательствами крѣпостной?

— «Гм! китаецъ привыкъ ко всему этому, онъ не тревожится, онъ работаетъ сильно и сберегаетъ много денегъ, а потомъ свободенъ. Обыкновенный пассажиръ, съ начала до конца переселенія, должаетъ своей компаніи, среднимъ числомъ, 90 или 100 долларовъ, и всѣ эти деньги онъ долженъ отработать, выполнить свое обязательство, а потомъ уже можетъ поступать какъ хочетъ.

— «Пять компаній въ Китаѣ довольствуются личнымъ обязательствомъ переселенца, довѣряя шестой компаніи въ Сан-Франциско получить деньги обратно?

— «Онѣ принимаютъ семейное поручительство. Въ Китаѣ каждый имѣетъ кого-нибудь — отца, дядю, брата, который готовъ дать поручительство. Мы не похожи на американцевъ. Наша семейная система дѣлаетъ легкимъ полученіе такихъ обязательствъ, такъ какъ каждый членъ семьи имѣетъ свое мѣсто въ священной линіи родства, восходящей и нисходящей. Если имѣется домъ и земля, мы беремъ ихъ въ закладъ, а семейство выдаетъ намъ закладную и назначаетъ проценты въ размѣрѣ 24 или 36 на сто. Если у эмигранта нѣтъ ни дома, ни земли, мы беремъ личное ручательство его отца и дѣда; предки — самое священное, что̀ китайцы могутъ заложить. Когда ручательство только личное, то мы беремъ 10 долларовъ въ мѣсяцъ вмѣсто двухъ. Впрочемъ, эти ручательства рѣдко бываютъ неудачны, хотя, разумѣется, мы подвергаемся нѣкоторому риску. Нашъ переселенецъ можетъ умереть, заболѣть и — хуже всего — можетъ совершить преступленіе; если попадетъ въ тюрьму, то его работа потеряна. Также и обязательство можетъ оказаться плохимъ. Но, вѣдь, и каждое дѣло имѣетъ свою счастливую и несчастную сторону.

— «Человѣкъ съ такимъ долгомъ, въ сущности — невольникъ?

— «Въ Кантонѣ — да̀; въ Сан-Франциско — нѣтъ. Мы никогда не употребляемъ такихъ словъ. Мы — его хозяева, родственники. Послѣ высадки эмигрантами завѣдываютъ наши два большія общества въ Сан-Франциско, Вингъ-Юнгъ и Фукъ-Тингъ-Тонгъ, завѣдываютъ при жизни и по смерти. Вингъ-Юнгъ — это общество, относящееся до живыхъ: когда корабли прибываютъ, мы ведемъ нашихъ людей въ Вингъ-Юнгъ, гдѣ мы ихъ помѣщаемъ, кормимъ, даемъ взаймы денегъ. Фукъ-Тингъ-Тонгъ — общество для умершихъ, гдѣ мы складываемъ прахъ нашихъ людей, пока онъ не будетъ отосланъ обратно въ Китай.

— «Многіе изъ вашихъ обязанныхъ должниќовъ убѣгаютъ?

— «Они не могутъ убѣжать; они не имѣютъ ни пищи, ни денегъ, не говорятъ по-англійски ни слова, не знаютъ никакихъ американскихъ властей. Почти всѣ жители Сан-Франциско считаютъ ихъ дурными людьми—нищими, арестантами, бунтовщиками. Ни одно семейство не найметъ китайца, пока мы не дадимъ ему аттестацію и ручательство за его поведеніе. Потому-то переселенцы должны или держаться насъ, или умирать на улицахъ. Мы помѣщаемъ ихъ на наемныя мѣста, получаемъ за нихъ плату, и выдаемъ имъ самимъ столько-то въ мѣсяцъ на прожитокъ, пока не выплаченъ нашъ долгъ.

— «А втораго разряда переселенцы, переѣзжающіе на собственный счетъ, свободны ли отъ всякаго контроля, кромѣ контроля американскихъ судовъ?

— «Мы несемъ нравственную обязанность возвратить ихъ кости въ Китай; потому и облагаемъ пятью долларами. Пока мы не дадимъ удостовѣренія, компанія пароходства по Тихому Океану не выпуститъ переселенцевъ на берегъ. Такой договоръ съ нею заключенъ нашими пятью компаніями. Когда пассажиръ уплатилъ свою пошлину, онъ воленъ оставить корабль, но не прежде, какъ докажетъ, что уплатилъ золотомъ или обязательствами.

— «А потомъ вы слѣдите за нимъ, какъ и за должниками?

— «Точно также. Иначе кто же позаботится о его костяхъ? Мы вездѣ имѣемъ шпіоновъ и старшинъ. Въ Сан-Франциско у насъ много шпіоновъ. Шпіономъ быть хорошо; онъ служитъ китайцамъ. Посредствомъ шпіоновъ мы узнаемъ все, что происходитъ въ каждомъ домѣ; знаемъ имя каждаго человѣка, гдѣ онъ живетъ и чѣмъ занимается. Вывѣдывать, ка̀къ и что—наша обязанность. Даже когда человѣкъ умеръ, мы должны найти его кости и отослать ихъ домой. Иначе онъ будетъ похороненъ и забытъ, какъ собака.

— «Говорятъ, ваша компанія владѣетъ такою тайною властью, что можетъ захватить повсюду, даже на глазахъ мѣстныхъ властей, китайца, который бы нарушилъ правила шести компаній. Я слышалъ, что двое изъ вашихъ жили въ горахъ Невада; одинъ изъ нихъ получилъ приказаніе убить товарища за подобное нарушеніе, и это было сдѣлано такъ ловко, что слѣды преступленія до сихъ поръ не открыты. Правда это?

— «Кто знаетъ? Есть добрые китайцы, есть злые. Въ Хонг-Конгѣ, если вы убили человѣка, то будете повѣшены, хотя бы имѣли много денегъ. Въ Сан-Франциско, если убили и имѣете много денегъ, вы освободитесь. Такой законъ не хорошъ. Въ Китаѣ всякія тайныя общества истребляются мандаринами. Здѣсь же дурной китаецъ основываетъ масонскую ложу. Мы просили американцевъ закрыть ихъ. Они отвѣчаютъ, что законъ дозволяетъ такія ложи. Шестая компанія должна сама истреблять ихъ; но тайныхъ властей у насъ нѣтъ. Мы имѣемъ только обязательства и закладныя, пользуемся только вліяніемъ кредитора въ

отношеніи къ должнику. Все остальное заключается въ нравственной силѣ. Мы—сами китайцы и понимаемъ своихъ братьевъ. Главная наша власть состоитъ въ контролѣ надъ «фондомъ для умершихъ». Человѣкъ, который не остановился бы предъ убійствомъ, не рѣшится досаждать трибуналу, имѣющему силу на цѣлые мѣсяцы и годы задержать отсылку его костей въ Хонг-Конгъ. Ни одинъ пароходъ не повезетъ труповъ иначе, какъ по нашему свидѣтельству, а нѣкоторые капитаны и совсѣмъ не хотятъ перевозить ихъ. Англійскіе моряки не любятъ возить трупы. Ихъ религія не требуетъ, какъ наша, чтобъ человѣкъ былъ погребенъ тамъ же, гдѣ родился.

— «Ваши земляки всѣ возвращаются на родину?

— «Да̀, всѣ хорошіе люди. Развѣ только какіе нибудь мошенники-татары, не имѣющіе почтенія къ своимъ предкамъ, обрѣзываютъ косу и надѣваютъ американское платье. Это—не люди, а собаки. Кромѣ нихъ, всѣ китайцы возвращаются на родину, когда умрутъ.

— «А вы все-таки сюда наѣзжаете»?

— «Да̀, больше и больше, каждый годъ больше прежняго. Въ прошломъ году было 5,000, въ нынѣшнемъ году 13,000, въ слѣдующемъ, быть можетъ, 25,000. Въ Америкѣ много земли, мало народу; въ Китаѣ много народу, немного земли. Потому-то китайцы любятъ жить въ Америкѣ, а послѣ смерти возвращаться въ Китай».

Понятно, что, при подобной организаціи, при десяткахъ тысячъ каждогодно являющихся въ страну китайцевъ, американцамъ приходятъ на мысль опасенія за будущность республики, въ случаѣ, если какая нибудь мѣстная болѣзнь, въ родѣ болѣзни картофеля въ Ирландіи, усилитъ эмиграцію бѣдняковъ изъ Срединной Имперіи до бо̀льшихъ размѣровъ. Изъ тамошняго 360-милліоннаго населенія хлынетъ такой потокъ, съ которымъ трудно будетъ справиться 40-милліонному населенію свободной республики; придется такъ или иначе считаться съ этими своеобразно-цивилизованными варварами, китайскими понятіями о рабствѣ, о полной покорности деспотизму, о шпіонствѣ, объ убійствахъ.

Вопросъ въ томъ: что̀, если эти милліоны, покинувъ заботу о поклоненіи предкамъ, водворятся въ странѣ окончательно и потребуютъ себѣ правъ американскаго гражданства, права голоса? Можно ли будетъ имъ отказать въ тѣхъ правахъ, какія даны неграмъ?

Мы находимъ у Диксона интересный образчикъ китайской колоніи скваттеровъ, которые, не обязываясь компаніямъ капиталистовъ, поселились съ женами и дѣтьми, на берегу Тихаго Океана и занимаются рыбною ловлею. Особенно лѣтомъ живутъ они очень хорошо, какъ разсказывалъ автору одинъ изъ поселенцевъ, Ах-Тимъ. Рыбы всегда довольно, топлива также, а кругомъ, на маленькихъ разчисткахъ, посажены кой-какія домаш-

нія растенія. Продажа сушеной рыбы снабжаетъ ихъ запасомъ чая, опіума; въ каждомъ шалашѣ находится изображеніе Будды, передъ которымъ зажжено нѣсколько кедровыхъ спичекъ и поставлена чашка съ чаемъ, необходимое условіе китайскаго богопочитанія. Всѣ китайскія привычки, даже грязь соблюдаются въ этомъ свободномъ поселеніи. Но—вотъ что̀ важно—Ах-Тимъ уроженецъ Калифорніи и вовсе не желаетъ видѣть Кантонъ, не ведетъ никакихъ дѣлъ съ «пятью компаніями» и уже думаетъ о политикѣ; онъ требуетъ себѣ и сосѣдямъ политическихъ правъ права голоса, права быть выбраннымъ въ общественную должность. Если это будетъ признано въ принципѣ, то Ах-Тимъ можетъ соперничать съ Грантомъ при выборѣ въ президенты. Ах-Тимъ разсуждаетъ логично: говорятъ, что американскими гражданами могутъ быть только бѣлые люди. А негры? Развѣ африканская раса лучше монгольской?

«Желтый призракъ» уже теперь начинаетъ страшить американскихъ государственныхъ людей: негры, ка̀къ бы то ни было, всѣ на глазахъ и на счету; прекратилось невольничество, прекратился и подвозъ ихъ. У негровъ нѣтъ никакихъ своихъ понятій; все, что̀ нужно, это—возвысить ихъ до уровня бѣлаго, котораго они копируютъ во всемъ. Наконецъ, изъ негровъ уже были образчики, хотя крайне рѣдкіе, образованныхъ людей, способныхъ быть политически-полноправными. Не то китайцы: у нихъ свои понятія, которыя, пожалуй, хуже африканскихъ именно потому, что выше, самостоятельнѣе и составляютъ порожденіе цивилизаціи, хотя и варварской и невыносимой по «бѣлымъ» понятіямъ. Но эта цивилизація не означаетъ развитія; она означаетъ только навыкъ къ практическому дѣлу и умѣнье голодать, не умирая. Поневолѣ американцамъ приходитъ на умъ библейское сновидѣніе о семи тощихъ коровахъ, пожравшихъ семь тучныхъ коровъ. Въ экономической области поле пока остается за тѣмъ работникомъ, который, при равномъ трудѣ, меньше потребляетъ, а трудъ китайца, гдѣ дѣло касается грубыхъ производствъ, превосходитъ не только трудъ негра, но даже и трудъ бѣлаго; въ сферѣ политической опасность, на первый взглядъ, также не малая: по американской теоріи публичнаго права, власть переходитъ къ массамъ; права̀ всѣхъ и каждаго одинаковы, все рѣшается большинствомъ. И, еслибы не новое ученіе о групировкѣ по національностямъ, въ которомъ авторъ видитъ спасеніе (въ смыслѣ подчиненія низшихъ расъ высшимъ), то, при подачѣ голосовъ, несомнѣнный перевѣсъ останется за монгольскими выходцами, съ ихъ преклоненіемъ предъ церемоніями, съ ихъ враждой къ точнымъ наукамъ, ко всему, усвоенному уже и развитому далѣе американцами духу европейской цивилизаціи. Теперь интересно взглянуть, какія силы выработала въ себѣ, въ теченіи столѣтняго существованія, свободная американская республика для противодѣйствія наплыву варварскихъ, деспотическихъ элементовъ.

V.

Америкѣ не въ первый разъ уже приходится переживать тяжелые кризисы, изъ которыхъ, однакожь, она каждый разъ выходитъ съ новыми силами. Если, вообще, прочный прогрессъ вырабатывается путемъ ошибокъ, испытаній, то этихъ послѣднихъ на долю республики выпало уже не мало; притомъ ошибки эти даже нельзя назвать плодами ея собственной вины, а скорѣе результатомъ старо-европейскаго порядка вещей, который частію унаслѣдованъ Америкою и на ней отражается.

Когда кончилась война за независимость, многіе граждане новорожденной республики—и въ томъ числѣ Уашингтонъ—не безъ грусти смотрѣли на будущее. Страна была опустошена; города лежали въ развалинахъ; пути сообщенія были не безопасны; повсюду скитались раненые, оборванные люди или недисциплинированные солдаты; мирныя гражданскія занятія были прерваны; раззоренный, задолжавшій народъ, казалось, совсѣмъ отвыкъ отъ правильной общественной жизни. Чрезвычайное напряженіе силъ для отстаиванія независимости смѣнилось междоусобными распрями. О воспитаніи наростающихъ поколѣній, даже о развитіи гражданской нравственности не могло быть и рѣчи среди общей неурядицы. Черезъ семь лѣтъ послѣ деклараціи независимости, Уашингтонъ говорилъ: «духъ свободы уже давно изсякъ и замѣнился эгоистическими страстями». Внѣшнія обстоятельства тоже были не особенно хороши; устье Миссисипи находилось въ чужихъ рукахъ: Франція и Испанія стояли твердо на американскомъ материкѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ городъ Цинциннати, гдѣ множество школъ, церквей, фабрикъ, желѣзныхъ путей, тамъ курились индійскіе костры и слышались военные крики краснокожихъ воиновъ. Но важнѣе всего то, что, съ перваго же времени своего существованія, республика не отступилась отъ рабства, существовавшаго уже въ южныхъ англійскихъ колоніяхъ, и даже сдѣлала его «домашнимъ учрежденіемъ». Этимъ учрежденіемъ прикрывалось больное мѣсто формировавшагося американскаго строя—вопросъ о рабочихъ рукахъ. Благодаря постоянному подвозу людей африканской расы, одинъ вопросъ подмѣнялся другимъ, какъ и теперь продолжаютъ дѣлать: вопросъ экономическій, вопросъ труда и заработной платы, покрывался вопросомъ о положеніи черной расы, которая, будто бы, совмѣстно съ высшею, бѣлою расою, можетъ жить только въ состояніи рабства: въ физіологическихъ, климатическихъ и даже религіозныхъ объясненіяхъ этого тезиса не было недостатка. Республика росла и развивалась внѣшнимъ образомъ: Франція, Испанія изгнаны съ материка; индійцы оттѣснены къ самымъ послѣднимъ предѣламъ своей территоріи и частію истреблены; политическая система штатовъ сложилась

счастливо; американская національность заявила свои правà на господство на своемъ материкѣ въ извѣстной формулѣ Монроэ. Промышленная дѣятельность американцевъ заняла видное мѣсто въ исторіи послѣдняго столѣтія. Списокъ сдѣланныхъ американцами техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованій, приводимый Диксономъ, довольно длиненъ; если даже оставить въ сторонѣ, какъ спорныя, ихъ претензіи на честь изобрѣтенія пароходовъ и электрической проволоки, то остается еще много второстепенныхъ, но также важныхъ изобрѣтеній—таковы: трепальная машина, строгальная машина, усовершенствованный печатный станокъ и т. п. Подробное перечисленіе подвиговъ американцевъ въ практической дѣятельности сюда не относится: достаточно указать на мостъ чрезъ ніагарскій водопадъ, на желѣзную дорогу чрезъ громадную горную цѣпь, на неимовѣрно быстрый ростъ городовъ (Филадельфія 50 лѣтъ назадъ была не больше Эдинбурга; теперь она, по величинѣ—четвертый городъ въ цивилизованномъ свѣтѣ, послѣ Лондона, Парижа и Нью-Йорка). Соединенные Штаты представили Европѣ первый примѣръ огромной республики, самостоятельной, могущественной и долговѣчной. Федеративное начало, положенное въ ея основаніе, указало Старому Свѣту прочный базисъ политической свободы, которая не боится революцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повысилась гражданская нравственность американцевъ, несмотря на ежегодныя подмѣси чуждыхъ, пропитанныхъ иными началами элементовъ: преторіанскіе образчики европейскихъ республикъ, анархія мексиканской и южно-американскихъ республикъ не нашли здѣсь отклика. Прогрессъ за сто лѣтъ существованія политическаго организма—безпримѣрный. Невольничество, составлявшее печальное наслѣдіе прошлаго и своеобразную аналогію съ европейскими рабочими порядками, рушилось, и люди, которые радовались распаденію великой республики или сокрушались объ этомъ распаденіи, видятъ ее вышедшею изъ страшной борьбы такою же крѣпкою, какъ прежде. Вотъ уже больше десяти лѣтъ, какъ черные стали полноправными гражданами; но, при всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ успѣхахъ, при осязательномъ торжествѣ «бѣлой расы», Диксонъ видитъ, что ей начертана библейская «надпись на стѣнѣ», т. е., что будущность Америки опять поставлена на ставку, опять предстоитъ республикѣ пережить тяжелое испытаніе, причинами котораго являются: «желтый призракъ», неравенство половъ, малые успѣхи школьнаго дѣла, наконецъ, прекращеніе прилива европейской эмиграціи, съ одной стороны, и истощеніе американскихъ необъятныхъ пространствъ — съ другой.

Америка уже не первый разъ служитъ для Европы школою для опредѣленія значенія того или другого элемента въ политической жизни народа. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ свойства расъ и политическаго полноправія до сихъ поръ составляетъ въ Америкѣ насущный вопросъ: недавнее луизіанское

столкновеніе показываетъ, что страсти еще горячи, и что джентльмэны юга не могутъ примириться съ политическими правами своихъ бывшихъ рабовъ; еще въ бо́льшихъ размѣрахъ тотъ же вопросъ является въ лицѣ «китайскихъ варваровъ», нашествіе которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Джентльмэны юга успокоиваются на вырожденіи негритянской расы, на неспособности негровъ, индійцевъ и различныхъ метисовъ устоять противъ условій жизни высшей, бѣлой расы. Поставленный, такимъ образомъ, вопросъ становится неразрѣшеннымъ, такъ какъ всякіе толки о превосходствѣ бѣлой расы, какъ расы, an und für sich, рушатся передъ грознымъ нашествіемъ желтой расы, которая, при своей многочисленности и стойкости, будетъ въ состояніи задавить бѣлую. Но противъ такой перспективы возмущается мысль европейца: и такъ, геній кавказскаго племени, геній англо-саксонской расы, прославившій человѣчество въ разныхъ сферахъ, можетъ отступить передъ «лунnолицыми» потому только, что они многочисленны и обладаютъ азбучными добродѣтелями—терпѣніемъ, трудолюбіемъ, настойчивостью, воздержностью и т. п. Очевидно, при такомъ разсчетѣ, забытъ нравственный элементъ, та сила, которая дается народу не потому, что онъ бѣлой расы, а потому, что онъ, принадлежа къ этой расѣ, выработалъ въ себѣ общественныя, гражданскія условія, высшія противъ условій, среди которыхъ живутъ другія расы. Соединять со словомъ «раса» понятіе о народѣ высшемъ или низшемъ сравнительно съ другими народами такъ же несправедливо, какъ производить изъ религіи народа тѣ или другія его нравственныя качества. Какъ религія только усиливаетъ признаки уже существующаго въ народѣ характера, такъ раса служитъ только показателемъ условій, при какихъ воспитались общественные и нравственные навыки человѣка. Толкующіе о безусловномъ превосходствѣ бѣлой расы забываютъ, что ихъ теорія рушится при сопоставленіи какого нибудь (хотя и рѣдкаго) усвоившаго себѣ образованныя понятія негра и бѣлокожаго, но забитаго неволей, бывшаго русскаго холопа или мекленбургскаго поселянина. Вопросъ о совмѣстимости политическаго существованія разноцвѣтныхъ расъ превращается въ вопросъ укладки экономическихъ отношеній между людьми, привыкшими къ различнымъ общественнымъ порядкамъ, пока, вслѣдствіе воздѣйствія высшаго общественнаго порядка, не выработалась въ такъ-называемой низшей расѣ способность ассимилироваться съ новыми, лучшими формами общежитія. Выработаютъ ли сами американцы такія лучшія формы—это теперь вопросъ. Избитый вопросъ о превосходствѣ расъ закрывалъ отъ насъ то, что американцы, выработавъ себѣ, сравнительно, совершенныя политическія формы, оставили прежній строй, европейскій порядокъ отношеній между трудомъ и капиталомъ. Рабочій вопросъ, для котораго Америка была до сихъ поръ terra incognita, теперь начинаетъ касаться и ея. Европейскіе пролетаріи, всегда переплывавшіе

океанъ безвозвратно, теперь, по свидѣтельству Диксона, начинаютъ показываться обратно, а многіе не возвращаются только по недостатку средствъ. Руки, до тѣхъ поръ дорогія въ Америкѣ, теперь подешевѣли подъ вліяніемъ конкурренціи китайцевъ; фабриканты и предприниматели съ жадностью бросились на дешевый трудъ, не особенно далеко ушедшій отъ невольничьяго труда; приливъ «низшихъ расъ» отъ этого усиливается по мѣрѣ уменьшенія бѣлой иммиграціи, а между тѣмъ, благодаря крайнему численному неравенству половъ, побуждающему вступать въ связи съ индіанками, естественный приростъ бѣлаго цивилизованнаго населенія уменьшается. Выходитъ, что, благодаря дешевѣющей заработной платѣ и распложенію въ Америкѣ пролетаріата съ европейско-азіятскими формами, благодаря недостатку единогласія, порождаемому въ южныхъ штатахъ джентльменскими и кавалерскими преданіями, а въ сѣверныхъ—духомъ наживы и коммерческой эксплуатаціи ближняго, грозитъ опасность бѣлой расѣ выродиться или, говоря иными словами, понизить ту сумму успѣховъ цивилизаціи и, слѣдовательно, гражданственности, какая достигнута. Какъ негритянскій вопросъ былъ вопросомъ о замѣнѣ невольничьяго труда свободнымъ, такъ китайскій вопросъ обозначаетъ слѣдующую фазу того же общаго вопроса, т. е. регулированіе отношеній между хозяевами и рабочими, означаетъ болѣе точное опредѣленіе свободнаго труда. Остаются затѣмъ нелишенныя на первое время основательности опасенія за политическое направленіе, какое привнесутъ съ собою желтокожіе, неимѣющіе понятія о человѣческихъ, даже въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, не только о политическихъ правахъ. Но подобныя опасенія можно высказать и за бѣлокожихъ пришельцевъ, пока не началось ихъ политическое воспитаніе самою жизнью, для чего нужны одно-два поколѣнія, взросшія на туземной почвѣ. Уже китаецъ Ах-Тимъ, калифорнскій уроженецъ, во многомъ не похожъ на своихъ одноплеменниковъ, не заботится о пріобщеніи своихъ костей къ костямъ предковъ и проникнутъ кое-какими политическими желаніями, которыхъ у пріѣзжихъ китайцевъ вовсе не имѣется. Притомъ, если человѣкъ одно-два поколѣнія прожилъ свободно, полноправно, не подчиняясь чужому гнёту, кромѣ борьбы съ природой и жизненными условіями, не эксплуатируя другихъ, то онъ получаетъ умѣнье выбирать чтò для него лучше. Политическія формы американской гражданственности также не создались по какому-нибудь чуждому шаблону, навязанному со стороны; онѣ держатся цѣлое столѣтіе единственно потому, что соотвѣтствуютъ потребностямъ жителей, которыя именно эти формы признали для себя болѣе удобными. Калифорніецъ Ах-Тимъ чувствуетъ только неясныя политическія стремленія, но, если не сынъ его, то внукъ, подъ условіемъ обладанія здравыми человѣческими способностями, будутъ ревностными приверженцами той же американской конституціи: это—плоды того, что Ах-Тимъ—не кабаль-

никъ, не рабъ, а свободный поселенецъ. Опасность, грозящая отъ желтокожихъ, сводится, такимъ образомъ, во-первыхъ, къ опасности отъ законтрактованныхъ своимъ особымъ повелителямъ рабочихъ, которые, распложаясь въ свободной странѣ, остаются рабами, во-вторыхъ—къ тому же вопросу, который мучитъ Европу, къ вопросу о пролетаріатѣ, создаваемомъ здѣсь искуственно путемъ организаціи перевоза китайцевъ въ Америку, быть можетъ, одобренной китайскими мандаринами. Наконецъ, помимо необходимости обратить временное, пришлое наѳеленіе въ постоянное, которое бы прониклось мѣстными интересами (это уже и понято американскими властями), помимо воспитательнаго значенія учрежденій, существуетъ еще необходимость устранить замѣченное и Диксономъ зло—малый уровень просвѣщенія народа. Авторъ видитъ это зло именно въ существованіи огромнаго процента безграматнаго населенія. Однакожь, китайцы почти всѣ по своему грамотны, и необходимая реформа не исчерпывается одною граматностью, а только начинается ею и въ дальнѣйшемъ развитіи ведетъ, напримѣръ, къ тому, что будутъ невозможны печальная отчужденность негровъ въ школѣ отъ бѣлыхъ, пренебреженіе къ дѣтямъ смѣшанныхъ породъ потому только, что они родились внѣ брака и отецъ ихъ неизвѣстенъ и т. п., ведетъ къ возвышенію сознанія о достоинствѣ человѣка, какъ человѣка, а не какъ бѣлокожаго. Современная трудность негритянскаго вопроса, послѣ политическаго полноправія, состоитъ именно въ этомъ. А пока въ образовательномъ отношеніи замѣтны печальныя явленія: американцы, хорошо знающіе свою страну, говорили автору, что молодое поколѣніе ростетъ болѣе невѣжественнымъ, чѣмъ ихъ отцы тридцать лѣтъ назадъ, и это не только подъ вліяніемъ пришлыхъ невѣжественныхъ элементовъ, какъ, напримѣръ, ирландскаго или африканскаго. Въ Нью-Йоркѣ, несмотря на систему принудительнаго посѣщенія школъ, болѣе 70,000 обитателей не умѣютъ подписать своего имени. Въ цѣлой республикѣ 5.600,000 человѣкъ не умѣютъ ни читать, ни писать, и изъ нихъ пришельцы изъ чужихъ странъ составляютъ только три четверти милліона; затѣмъ, если еще исключить видный контингентъ черныхъ, у которыхъ невѣжество является пока результатомъ недавняго рабства, и индійцевъ, остается 2.800,000 на долю бѣлыхъ туземцевъ. При разсмотрѣніи этой цифры по мѣстностямъ, оказывается, что старые и богатые штаты стоятъ въ этомъ отношеніи вовсе не выше остальныхъ. Неудивительно, если въ спискѣ граматности низко помѣщены Техасъ или Новая Мексика, но достойно вниманія, что низко же стоятъ: Нью-Йоркъ, въ которомъ 240,000 человѣкъ не умѣютъ ни читать ни писать, и слѣдующая за нимъ непосредственно Пенсильванія. Ядро невольничьихъ штатовъ, Вирджинія, при населеніи въ милліонъ съ четвертью, считаетъ около полумилліона безграматныхъ; за нею слѣдуютъ обѣ Каролины, Джорджія и Теннесси. Въ общей суммѣ, при валовомъ итогѣ населенія въ 40 милліоновъ, насчитывается

5 милліоновъ природныхъ американцевъ, не умѣющихъ читать и писать.

«Республики могутъ держаться только на образованіи и просвѣщеніи народа», выразился президентъ Грантъ; а генералъ Итонъ, завѣдывающій уашингтонскимъ бюро народнаго образованія, выразился еще категоричнѣе: «существованіе республики является признанною невозможностью, пока всѣ ея граждане не будутъ обладать просвѣщеніемъ». Приведенныя цифры взяты именно изъ собранныхъ имъ свѣдѣній, и, слѣдовательно, мысль о неотложности мѣръ въ этомъ направленіи вошла уже въ сознаніе руководителей республики.

Просвѣщеніе ускоритъ ростъ того общественнаго чувства, которое и теперь свободно подаетъ свой голосъ противъ всякой опасности свободнымъ учрежденіямъ, плодомъ которыхъ само является. Такъ, продажность администраціи, погоня за наживой вызвали жесткія сатиры въ литературѣ (съ которыми наши читатели знакомы по роману «Мишурный вѣкъ»); злоупотребленіе спиртными напитками породило цѣлые крестовые походы со стороны американскихъ женщинъ. Результатомъ этого движенія было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенное прекращеніе продажи такихъ напитковъ или ограничительная продажа ихъ, подобно нѣкоторымъ лекарственнымъ ядамъ. Таковы порядки въ Вермонтѣ, гдѣ находится мѣстечко С.-Джонсбёри, названное у автора «раемъ рабочаго». Въ этомъ уголкѣ, между прочимъ, сдѣлана попытка разрѣшить задачу, изъ-за которой бьются европейскіе рабочіе классы: работники здѣсь обращены въ собственниковъ: въ бо̀льшинствѣ случаевъ они владѣютъ коттеджами, въ которыхъ живутъ. Если, дѣйствительно, свободныя пространства для новыхъ поселеній въ Америкѣ въ непродолжительномъ времени истощатся, какъ увѣряетъ авторъ, то, благодаря тому же общественному сознанію, которое возможно только при свободномъ складѣ общества, рабочій вопросъ будетъ имѣть хорошій прецедентъ для своего разрѣшенія.

Сто̀итъ ли упоминать о мнимой опасности цезаризма? Взрывъ общественнаго мнѣнія по поводу луизіанскихъ дѣлъ и посольства генерала Шеридана показываетъ, что серьёзной опасности тутъ быть не можетъ. Уже и третья кандидатура, имѣющая противъ себя примѣръ Уашингтона, подвергается нещадному осмѣянію въ каррикатурахъ, которыми политическіе противники стараются привлечь вниманіе президента Гранта, не читающаго ни книгъ, ни журналовъ, кромѣ вырѣзокъ, приготовляемыхъ для него секретаремъ. Каррикатуры изображаютъ Гранта въ дѣтской, на деревянной лошадкѣ, въ бумажной коронѣ, съ надписью «Цезарь» и съ ящикомъ игрушечныхъ кирпичиковъ, изъ которыхъ онъ пытается построить себѣ тронъ; демократъ, сенаторъ Кернанъ, привѣтствуетъ грядущаго Цезаря, отъ имени своей партіи, замѣчая, что онъ стоитъ очень низко. Вотъ Дядя Самъ [1], въ видѣ

[1] Uncle Sam—прозваніе Соединенныхъ Штатовъ—United States.

разнощика, идетъ смѣлою поступью въ Бѣлый Домъ, держа на плечѣ гробъ съ надписью: «третій срокъ». Разнощикъ, указывая на свой товаръ, спрашиваетъ президента: «хотите?»

Не съ цезаризмомъ предстоитъ справляться великой республикѣ, не побѣды надъ цвѣтными расами слѣдуетъ добиваться бѣлой расѣ, а добиваться уравненія расъ путемъ разработки въ своей странѣ общечеловѣческихъ вопросовъ народнаго образованія и народнаго труда, поставленныхъ въ Америкѣ въ своеобразныя условія, о которыхъ, въ связи съ поставленными авторомъ расовыми вопросами, мы скажемъ въ слѣдующей статьѣ.

Н. П—ій.

ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ ПРУДОНА О ЖЕНЩИНАХЪ

и

ЕГО ВЗГЛЯДЪ НА НИХЪ.

La pornocratie ou les femmes dans les temps modernes. P. J. Proudhon. 1875. Paris.

I.

Книга Прудона о женщинахъ благодаря пикантности и доступности сюжета, оригинальности заглавія царство и авторитету имени автора, вѣроятно возбудила любопытство и такихъ читателей, которые никогда прежде не интересовались Прудономъ; но едва лй она кого-нибудь удовлетворила. Тотъ, кто знакомъ съ статьей Прудона о женщинахъ въ сочиненіи «La Justice», не найдетъ въ первой, отдѣланной части Pornocratie ничего новаго; это сводъ тѣхъ же мыслей, но безъ внутренней связи и всякаго raison d'être. Въ «Justice» соціологическій этюдъ о женщинахъ входитъ какъ часть стройной системы, которая хоть и производитъ впечатлѣніе фикціи, тѣмъ не менѣе поражаетъ своей цѣльностью, заставляющей отчасти простить автору цинизмъ, съ которымъ онъ относится къ нѣкоторымъ вещамъ и научныя погрѣшности. Въ Pornocratie же, кромѣ того, что этотъ этюдъ представляется отрывкомъ, вырваннымъ изъ цѣлаго и стало быть не даетъ полнаго понятія о взглядѣ Прудона на предметъ, онъ еще пересыпанъ переходящей всякія границы бранью, которая роняетъ въ общественномъ мнѣніи Прудона, какъ человѣка и писателя. Поэтому мы думаемъ что еслибъ онъ ожилъ, то не поблагодарилъ бы издателей за ихъ неумѣстное рвеніе. Печатая его книгу въ ея неопрятномъ видѣ, чѣмъ особенно отличается вторая половина ея,

издатели поступили какъ люди которые, подслушавъ горячечный бредъ больного, записали бы произнесенный имъ вздоръ и выдали бы этотъ вздоръ за настоящія его мнѣнія.

Прудонъ дѣйствительно былъ боленъ въ то время, когда писалъ Pornocratie. Симптомы болѣзни, которая началась уже давно, онъ самъ описываетъ такъ: «я испытываю странное ощущеніе; иногда мнѣ кажется, что у меня мозгъ парализованъ, пульсъ слабѣетъ, дыханіе становится короткимъ, голова кружится, я шатаюсь какъ пьяный. Это состояніе похоже на каталепсію; пока оно длится, мнѣ кажется что голова моя пуста, какое-то безпокойство овладѣваетъ мною, я не могу ни спать, ни думать... Всякій припадокъ гнѣва, горячій разговоръ, кофе, чай, водка, дилижансъ, пароходъ, желѣзная дорога повергаютъ меня въ такое состояніе. Но прежде оно находило минутами и затѣмъ исчезало; теперь не покидаетъ меня. Я рѣшительно не могу работать и, что̀ еще хуже, мои силы быстро падаютъ».

Понятно, что при такомъ нервномъ состояніи человѣкъ легко приходитъ въ раздраженіе и можетъ наговорить или надѣлать такихъ вещей, отъ которыхъ самъ потомъ откажется.

Этимъ болѣзненнымъ раздраженіемъ и объясняется происхожденіе Pornocratie.

Статья Прудона въ «Justice» о женщинахъ вызвала цѣлый рядъ нападокъ на него, ка̀къ со стороны женщинъ, такъ и со стороны мужчинъ; эти нападки, будучи вполнѣ справедливы, не могли, конечно, отличаться всегда спокойнымъ тономъ. Больной, раздраженный Прудонъ тогда же возвѣстилъ друзьямъ о своемъ намѣреніи обработать вопросъ въ отдѣльномъ сочиненіи и началъ писать Pornocratie, которая такъ и осталась неоконченною; но, къ несчастью для своей репутаціи, Прудонъ написалъ слишкомъ много. Особенно вторая половина книги, состоящая изъ отдѣльныхъ замѣтокъ и афоризмовъ, носитъ на себѣ слѣды мозговыхъ страданій автора. Это—ужасъ къ женщинамъ, прорывающійся съ болѣзненной яростью, и превознесеніе мужчинъ, переходящее въ безсмысленное фатовство.

Въ самомъ дѣлѣ, какое понятіе можно имѣть объ умственномъ здоровьѣ и нравственныхъ принципахъ человѣка, который дѣлаетъ такія предложенія: «Выдавать мужчинамъ дипломъ на вступленіе въ бракъ, причемъ требовать отъ нихъ способности къ занятію промысломъ и мускульной силы; истреблять всѣхъ женщинъ съ дурной природой и обновить полъ уничтоженіемъ плохихъ экземпляровъ, подобно тому, какъ англичане обновляютъ породу быковъ, барановъ, свиней, путемъ выкармливанія; безъ жалости устранять порочныхъ, лѣнивыхъ, созданныхъ для роскоши, туалетовъ и любви тварей».

А вотъ образчики мыслей и языка: «Женщина, выдѣляющаяся изъ своего пола, становится самкой, болтуньей, безстыдной, лѣнивой, грязной, безобразной, сумасшедшей, непотребной, потаскухой, агентомъ разврата, публичной отравительницей, Локу-

стой, чумой для семьи и общества... Она теряетъ нравственный и здравый смыслъ и становится *опять* дикимъ звѣремъ...

Во всякой женщинѣ, даже самой милой и добродѣтельной, есть ехидство, т. е. инстинктъ дикаго звѣря; въ концѣ концовъ, женщина—прирученное животное, по временамъ возвращающееся къ своему инстинкту.

Источникъ домашняго мира въ беременности и слѣдующихъ за нею болѣзняхъ женщины; въ нихъ великій смыслъ — покой мужчины и покорность женщины.

Право силы все, внѣ его нѣтъ ничего. Сердце мужчинъ должно быть полно сладострастіемъ власти; безъ него онъ исчезаетъ».

Основываясь на такихъ нравственныхъ принципахъ, Прудонъ даетъ молодому мужскому поколѣнію слѣдующіе совѣты: «даже въ любви ты долженъ быть господиномъ; это первое условіе. Если, познакомившись съ женщиной, ты признаешь себя, въ общей сложности твоихъ способностей, слабѣе ея, то не женись. Если съ ея стороны есть состояніе, а у тебя его нѣтъ, ты долженъ быть вчетверо сильнѣе ея. Если она очень умна, образована или обладаетъ талантомъ—въ семь разъ. Для мужчины нѣтъ покоя, если его будутъ подвергать критикѣ; его достоинство будетъ страдать, если онъ допуститъ жену возражать ему; отсюда ему грозитъ неминуемая опасность быть съ рогами—это высшій стыдъ и позоръ. Нужно во что бы то ни стало имѣть верхъ надъ женою; даже тогда, когда ты неправъ, ты не долженъ терпѣть ни упрековъ, ни увѣщаній со стороны ея. Если жена возстанетъ противъ тебя открыто, то во что бы то ни стало уничтожь ее (il faut l'abattre à tout prix).

Ты долженъ поглощать жену и помнить, что женщина любитъ, чтобъ ее обуздывали [1], что она имѣетъ наклонность къ распущенности, разврату, любитъ неблагопристойности и что мужчина импонируетъ ей своей силой.

Со стороны жены должно быть полное довѣріе къ мужу; онъ имѣетъ право его *требовать;* самъ же долженъ довѣрять женѣ только до извѣстныхъ границъ.

Вернуть къ себѣ невѣрнаго мужа есть торжество для жены. Взять невѣрную жену, для мужа значитъ унизить себя.

Недурно употреблять при случаѣ насиліе надъ женой — на словахъ, дѣйствіяхъ, даже жестахъ... На сторонѣ мужчины сила—онъ долженъ ею пользоваться; въ противномъ случаѣ женщина презираетъ его; дать ей почувствовать свою силу — это способъ привлечь и понравиться ей.

Если она будетъ претендовать на равенство, не женись. Оставь этого дикаго звѣря глупцу, который захочетъ его взять. Если связь завязана, если есть дѣти, если твое несчастіе неотразимо,

---

[1] Не похоже ли это мнѣніе философа на убѣжденіе той кухарки, которая говорила, что карась *любитъ*, чтобъ его въ сметанѣ жарили?

о, тогда не колеблись! Убѣжденіемъ или силой она должна согнуться предъ тобою.

Мужъ можетъ убить жену въ слѣдующихъ случаяхъ: прелюбодѣйства, наглости, измѣны, пьянства и разврата, расхищенія имущества и кражи, упорной, повелительной, презрительной непокорности съ ея стороны. Позоръ нашего общества въ томъ, что оно даетъ женщинѣ право требовать развода по несходству характеровъ или за жестокости, нанесенныя ей мужемъ. Пока со стороны послѣдняго нѣтъ ненависти къ женѣ, безнравственности, неспособности, важныхъ пороковъ, до тѣхъ поръ жалующаяся на мужа жена должна быть признаваема виновной и отсылаема къ мужу.

Онъ же имѣетъ право развестись съ женою ad libitum.

Любовникъ можетъ оказывать своей любовницѣ привязанность, покровительство, помощь, но больше ничего. Такъ какъ на немъ не лежитъ отвѣтственности за ея поведеніе, то онъ не имѣетъ никакой власти надъ нею, не можетъ ждать отъ нея ни покорности, ни жертвъ, точно также и самъ не обязанъ жертвовать ей ничѣмъ.

Уважающій себя человѣкъ можетъ убить невѣрную жену; но я не рѣшусь сказать, что онъ смѣетъ дать щелчокъ невѣрной любовницѣ. Она свободна, ты хотѣлъ, чтобъ она была такою; свобода—это характеръ наложничества. Въ этомъ отношеніи свободная любовница тоже, что куртизанка; *она не имѣетъ права на смерть отъ кинжала* (!). Въ наложничествѣ измѣна оскорбляетъ самолюбіе, тщеславіе, гордость. Въ бракѣ — право. Вотъ почему невѣрность любовницы предвидится при заключеніи свободнаго союза; любовникъ не имѣетъ права мстить за нее; убійство же невѣрной жены есть актъ супружеской справедливости.

Будьте справедливы, мужчины, и обладайте женщинами, вполнѣ подчиняя ихъ; справедливость, которая вашъ атрибутъ, выше любви—атрибута женщины; безъ справедливости вы не можете ни любить, ни быть любимы съ достоинствомъ. Всякое ученіе, противное этому, есть проституція и отрицаніе права; оно должно быть преслѣдуемо и наказано. Не пугайтесь безпрестанныхъ требованій вашихъ женъ: въ ихъ природѣ лежитъ стремленіе къ владычеству и я даже скажу, что ихъ право заключается въ безпрестанномъ испытаніи нашей власти надъ ними и справедливости, чтобъ провѣрять, достойны ли мы ихъ любви...

Всякій честный отецъ семейства, посѣщающій театръ, болѣе или менѣе способствуетъ проституціи, если водитъ туда жену или дочь...»

Мы могли бы продолжить эти выписки еще на нѣсколькихъ листахъ, но это значило бы перепечатать половину книги; думаемъ, что и приведенныхъ достаточно для того, чтобъ оцѣнить ту услугу, которую оказали Прудону издатели «Pornocratie». Конечно трудно сказать какъ поступилъ бы онъ самъ съ этими

замѣтками, писанными подъ минутнымъ впечатлѣніемъ; но, судя по нѣкоторымъ изъ нихъ, есть полное основаніе думать, что онъ уничтожилъ бы ихъ, такъ какъ онѣ подрываютъ въ самомъ корнѣ его теорію брака, «единственнаго учрежденія, оставшагося отъ старыхъ временъ, говоритъ самъ Прудонъ въ предисловіи къ «Pornocratie», которое я люблю и уважаю».

Но и помимо этого, Pornocratie въ цѣломъ достигаетъ цѣлей, прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя имѣлъ въ виду Прудонъ писавъ ее. «Мишле прислалъ мнѣ свою книгу о «Любви», говоритъ онъ въ письмѣ къ Сент-Беву. Я получилъ также сочиненіе г-жи J. L. все на туже тэму; не имѣю еще книги г-на Луи Ж. Я долженъ опять вернуться къ этому сюжету, который мнѣ противенъ, но это необходимо. Все стремится къ блуду, только онъ и остается. Если никто не беретъ на себя труда очистить эту гниль, то я рѣшился сдѣлать это самъ». И далѣе въ другомъ письмѣ къ Гарнье: «я не забылъ своего обѣщанія отвѣтить à ces dames; это очень серьёзная вещь, къ которой нельзя отнестись слегка, если мы хотимъ прочнаго результата... Я долженъ покончить съ вопросомъ о «любвяхъ», вопросомъ, на которомъ влачится и гніетъ наше поколѣніе какъ это было у грековъ и римлянъ». Изъ этихъ словъ Прудона видно, что онъ вовсе не задавался только цѣлью хорошенько отдѣлать «этихъ дамъ», напротивъ, думалъ серьёзно ополчиться противъ того, что̀ ему казалось гибельнымъ и безнравственнымъ. А между тѣмъ, что̀ такое въ концѣ концовъ Pornocratie, какъ не краснорѣчивая защита проституціи? «Женщина должна быть хозяйкой или куртизанкой—середины нѣтъ», проповѣдуетъ Прудонъ. И въ тоже время хозяйкѣ, т. е. въ его понятіяхъ законной женѣ, онъ сулитъ долю рабыни, а за неповиновеніе ея мужу даетъ послѣднему право жизни и смерти надъ нею; куртизанкѣ же онъ предоставляетъ полную свободу; любовникъ не смѣетъ ее тронуть. Какъ тутъ колебаться еще въ выборѣ? Онъ недологъ и понятенъ...

Не желая конечно защищать взгляда Прудона на женщинъ и крайнюю невоздержность его языка, невоздержность, оскорбляющую нравственное чувство и человѣческое достоинство, думаемъ, однако, что какъ бы ни казались намъ дикими его взгляды на какой бы то ни было предметъ, мы не должны относиться къ нему слегка. Прудонъ не Дюма. Когда послѣдній, провозгласивъ невинность дѣвушки капиталомъ, принадлежащимъ будущему ея мужу, даетъ послѣднему право преслѣдовать похитителя этого капитала какъ и всякой другой «собственности», а жену убить на томъ основаніи, что ея тѣло принадлежитъ не ей, а мужу, то такая эксцентричная мысль можетъ остановить наше вниманіе на минуту, но она ни въ комъ не возбудитъ желанія узнать мотивы, приведшіе Дюма въ очевидной нелѣпости. Личность Прудона ручается за то, что онъ не способенъ руководствоваться частными интересами въ вопросахъ морали;

что бы онъ ни проповѣдывалъ, мы знаемъ, что онъ это дѣлаетъ во имя идеи, которая можетъ быть ложной, но въ убѣжденіи Прудона истинной, и всегда высшей—идеи общественнаго счастья и порядка. Такая увѣренность обязываетъ всякаго интересоваться тѣмъ, почему у него сложился извѣстный взглядъ и во имя какой идеи онъ нашелъ нужнымъ его высказать.

Вотъ почему мы считаемъ недобросовѣстнымъ остановиться на приведенныхъ изъ Pornocratie безобразныхъ клочкахъ его мыслей о женщинахъ, мыслей, близко напоминающихъ Домостроя отца Сильвестра; судить по нимъ о Прудонѣ, какъ человѣкѣ и мыслителѣ, было бы тѣмъ болѣе несправедливо, что эти обрывки далеко не исчерпываютъ, а представляютъ лишь одну сторону его мысли.

Сочиненія Прудона читались у насъ мало; большинство судило о немъ по тѣмъ ярлыкамъ, которые онъ любилъ привѣшивать къ своимъ сочиненіямъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Онъ прослылъ врагомъ женщинъ потому, что, когда въ 1830 году во Франціи началось движеніе умовъ, вызванное ученіемъ сен-симонистовъ, то ополчился противъ него. Все въ этомъ ученіи было ему противно и казалось вреднымъ. Приписывая тогдашнее состояніе Франціи главнымъ образомъ скептицизму и его слѣдствію—упадку нравовъ, Прудонъ пришелъ въ ужасъ отъ ученія, проповѣдывавшаго возстановленіе плоти и одинаковую эссенцію ея съ духомъ. Его возмущалъ и іерархическій принципъ, положенный сен-симонистами въ основу общественной организаціи съ ея знаменитой формулой: всякому по его способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ. Въ этомъ принципѣ Прудонъ видѣлъ уничтоженіе личности, оскорбленіе ея достоинства, такъ какъ оцѣнивать способности и дѣла каждаго сен-симонисты предоставляли избранной членами общества брачной парѣ, «верховному жрецу и жрицѣ».

«Еслибъ я имѣлъ счастье, говоритъ Прудонъ:—принадлежать къ сен-симонистской церкви, то первымъ моимъ дѣйствіемъ было бы дать пощечину верховному жрецу». Но онъ не замѣтилъ, что впалъ въ туже ошибку, за которую осуждалъ с. симонистовъ, когда, находя вызванное ихъ ученіемъ движеніе въ пользу женщинъ лишеннымъ всякой юридической основы и вреднымъ для общественной нравственности, онъ выступилъ противъ защитниковъ женской эмансипаціи и взялъ на себя роль верховнаго жреца, произвольно опредѣляя мѣсто женщины на землѣ. Это возстановило противъ него цѣлую часть общества, которая въ его нападкахъ на женскую эмансипацію видѣла даже то, чего въ нихъ не было. Несомнѣнно, что Прудонъ, будучи человѣкомъ анализа и сомнѣнія по преимуществу, въ своихъ воззрѣніяхъ на бракъ и семью былъ просто мистикомъ и такимъ же мистикомъ былъ во взглядахъ на женщинъ. Это знаетъ всякій, кто знакомъ съ его сочиненіемъ la Justice. Женщина у него является существомъ ультра-идеальнымъ и въ тоже время совершенно обез-

личена. Такая двойственность взгляда Прудона объясняется тѣмъ, что, когда онъ, согласно принятому имъ при изслѣдованіи вопросовъ общественной жизни методу, анализировалъ природу женщины, бравъ ее самою въ себѣ, отдѣльно отъ общества, то, справедливо или несправедливо—это другой вопросъ, пришелъ къ заключенію, что по природѣ своей женщина ничто, даже хуже, чѣмъ ничто. Когда же затѣмъ онъ перешелъ къ опредѣленію ея роли въ обществѣ и сталъ разсматривать ее въ связи съ послѣднимъ, то поставилъ ее на такую высоту, съ которой она является не человѣкомъ, даже и не ангеломъ, а силой, движущей и управляющей всѣмъ міромъ. Тотъ и другой взглядъ по нашему мнѣнію ложенъ; но задача наша не въ томъ, чтобы полемизировать съ Прудономъ, а чтобы понять его. Разсматривая женщину, какъ абстрактную силу, онъ заставляетъ ее служить обществу и забываетъ, что это сила живая, что женщина человѣкъ, стало быть, имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ природныхъ потребностей, какъ и всѣ люди, что неудовлетвореніе этихъ потребностей причиняетъ ей страданіе. А онъ ей говоритъ: «откажись отъ личныхъ стремленій, желаній, потребностей, отъ всего, что составляетъ жизнь, однимъ словомъ, перестань быть человѣкомъ и за это довольствуйся сознаніемъ, что безъ тебя жизнь остальной половины человѣческаго рода будетъ пуста, что общество погибнетъ». Но и тутъ Прудонъ, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ противорѣчіе; такого сознанія у женщины быть не можетъ если природа ея такова, какою онъ ее изображаетъ. Сознаніе бываетъ у человѣка, а женщина, по его воззрѣніямъ, не человѣкъ; это—une espèce à part, слѣпая сила, орудіе, которое, будучи дурно направлено, ведетъ къ несчастію человѣка, т. е. въ понятіяхъ Прудона, мужчины, и на оборотъ, при должномъ направленіи, обусловливаетъ его благосостояніе.

Очевидно, что для убѣдительности такой теоріи Прудонъ долженъ былъ дѣлать натяжки. Еслибы для него такъ-называемый женскій вопросъ былъ вопросомъ частнымъ, еслибъ разрѣшеніе его въ томъ или иномъ смыслѣ не вело, по мнѣнію Прудона, къ существеннымъ перемѣнамъ въ цѣломъ строѣ общественной жизни, — однимъ словомъ, еслибъ Прудонъ не поставилъ его центромъ всей соціальной этики, то, по всей вѣроятности, онъ не счелъ бы нужнымъ высказываться о немъ. Но вся его теорія брака, какъ органа Справедливости—идеи, которая, по мнѣнію Прудона, должна управлять всѣмъ міровымъ процессомъ, основана на идеальности женщины. Это даетъ намъ право заключать, что основное воззрѣніе Прудона на женщинъ было—идеализація ихъ до обезличенія, и если онъ можетъ казаться врагомъ ихъ, то сталъ имъ невольно, въ силу, если можно такъ выразиться, законовъ своего ума, подчиняясь не столько, скажемъ, логикѣ мысли, сколько механизму логики, отъ котораго отрѣшиться онъ былъ не въ состояніи. Чтобы провести свое убѣжденіе, онъ принужденъ былъ впасть въ крайность, не жалѣть красокъ для того,

чтобъ увѣрить самаго себя и сторонниковъ женской эмансипаціи, которую считалъ гибельною для самихъ женщинъ и цѣлаго общества, въ томъ, что требованіе реальныхъ правъ для женщины въ обществѣ противно ея природѣ и, слѣдовательно, гибельно для нея самой. Какъ сказать человѣку: перестань быть человѣкомъ! если передъ тѣмъ не употребить всѣхъ средствъ, чтобъ доказать ему, что онъ ошибается, считая себя за человѣка? Это былъ бы такой абсурдъ, котораго здравый мыслитель не допустилъ бы даже наединѣ съ самимъ собою, а тѣмъ болѣе не рѣшился бы высказать публично. Но точно также несомнѣнно, что всѣ доводы Прудона, всѣ средства, которыми онъ старался доказать, что женщина — не человѣкъ, даже тотъ лучезарный ореолъ, которымъ онъ ее окружаетъ, не могли никого убѣдить въ этомъ, какъ не могутъ самыя краснорѣчивыя доказательства убѣдить насъ, что мы сыти, когда мы чувствуемъ голодъ. Понятно, что такой взглядъ Прудона долженъ былъ оскорбить не только женщинъ, но и чувство справедливости въ болѣе развитой части общества. Но еслибъ передъ тѣмъ Прудонъ не высказался съ обычной своей рѣзкостью противъ женской эмансипаціи, то, по всей вѣроятности, къ нему отнеслись бы, какъ къ мистику, утописту, не болѣе, но не увидѣли бы въ немъ врага, какимъ онъ въ дѣйствительности не былъ.

II.

Прудонъ, по своей натурѣ, былъ человѣкъ страстный, но его доминирующая страсть была чисто-интеллектуальнаго свойства: «видѣть, знать, формулировать прекрасное и истинное—это все» говоритъ онъ самъ, «любовь ничто». И дѣйствительно онъ страстно относился ко всему, что̀ казалось ему истиннымъ и прекраснымъ, а любовь, какъ страсть, не играла никакой роли въ его жизни; онъ ея не зналъ, считалъ за временное кипѣніе крови, которое легко можетъ быть побѣждено разсудкомъ и недостойно вниманія мыслящаго существа. Зная личность Прудона, можно повѣрить, что онъ обладалъ однимъ изъ тѣхъ высокихъ характеровъ, которые, при столкновеніи чувства съ долгомъ, способны пожертвовать первымъ послѣднему; но также несомнѣнно и то, что его личная организація значительно облегчала ему такую борьбу. Даже болѣе: въ этомъ отношеніи, онъ представлялъ собою одно изъ тѣхъ психологическихъ явленій, которыя не поддаются никакому объясненію. Есть люди, обладающіе всевозможными качествами ума и сердца и оставляющіе тѣмъ не менѣе какое-то неполное впечатлѣніе, точно будто имъ чего-то недостаетъ. Трудно опредѣлить, въ чемъ именно состоитъ это отсутствіе чего-то — недостатокъ ли это ума, воображенія или сердца; но вы видите, что цѣлая сторона человѣческой приро-

ды для нихъ закрыта, и всякій разъ, какъ они приходятъ въ столкновеніе съ явленіями извѣстнаго порядка, они прямо говорятъ, что не понимаютъ васъ. Таковъ былъ Прудонъ во всемъ, что̀ касалось любви, какъ страсти.

Говоря такъ, мы не думаемъ умалять нравственную заслугу Прудона. Онъ не былъ человѣкомъ сухимъ, добродѣтельнымъ отъ рожденія; онъ работалъ надъ собою и старался побѣждать въ себѣ инстинкты, которые его разумъ признавалъ низшими. Мы хотимъ только сказать, что всѣ условія, изъ которыхъ слагается нравственная личность человѣка—природныя наклонности, воспитаніе, теченіе жизни—все въ этомъ отношеніи благопріятствовало борьбѣ Прудона, борьбѣ, которая такъ трудно дается множеству людей.

Выросши среди суровой домашней обстановки, въ нуждѣ и лишеніяхъ, имѣя передъ собою примѣръ матери, женщины простой, но, по увѣренію знавшихъ ее, высокаго, даже героическаго характера, Прудонъ съ самаго дѣтства получилъ такой нравственный закалъ, который долженъ былъ отразиться на всемъ складѣ его міросозерцанія. Еще будучи юношей, онъ слѣдилъ за собою, и, когда въ возрастѣ страстей имъ овладѣвали по ночамъ сладострастныя мечты, онъ влѣзалъ на чердакъ и старался возвыситься надъ ними созерцаніемъ неба, звѣздъ, торжественной тишины природы. Ужъ взрослымъ человѣкомъ Прудонъ также боролся съ своей природой, стараясь убить въ себѣ воображеніе и чувственность серьёзными занятіями.

Подъ такими условіями у него сложился особый взглядъ на любовь—идеальный, духовно-мистическій, оставшійся при немъ на всю жизнь. Къ матери онъ относился даже съ культомъ. Однажды, когда Прудонъ ужь пользовался извѣстностью, одинъ пріятель засталъ его стоящимъ на колѣняхъ передъ кресломъ, на которомъ она заснула среди дня, и охраняющимъ ея сонъ. Также мистическій, но ужь совершенно непонятный культъ къ женщинѣ онъ проповѣдывалъ друзьямъ. Одному изъ нихъ, потерявшему жену и сокрушавшемуся о ней, онъ пишетъ: «Обращайте къ ней каждое утро и вечеръ мысль любви и принимайтесь затѣмъ весело за работу».

Дѣвушкѣ, которую онъ любилъ первой любовью и съ которою разстался, не разлюбивъ ея, онъ пишетъ, узнавъ, что она тоскуетъ: «Посмотрите вокругъ себя; вы кротки, чисты, трудолюбивы, честны. Отчего же вы живете чуть не въ нищетѣ, а толпы проститутокъ живутъ среди роскоши и нагло́ щеголяютъ ею? Я объясню вамъ эту тайну: Богъ хотѣлъ, чтобы хорошіе люди прежде другихъ испытали страданіе отъ порока и зла; онъ хотѣлъ этого съ тою цѣлью, чтобъ они же первые очнулись и удержали потокъ, готовый поглотить всѣхъ. Во Франціи есть сотни тысячъ молодыхъ людей, которые, какъ и я, поклялись выполнить эту священную миссію, и, рано или поздно, они съумѣютъ побѣдить или умереть. Люди мужественные должны

сражаться головой и руками, а вы, бѣдная дѣвушка, молите Бога, чтобъ онъ благословилъ наше рвеніе и далъ своему дѣлу восторжествовать надъ зломъ».

Развѣ тутъ есть что-нибудь похожее на любовь, какъ мы ее понимаемъ? Это письмо—скорѣе проповѣдь; въ немъ слышится, пожалуй, участіе, но никакъ не любовь, и, если ужь допустить тутъ любовь, то у Прудона она была особаго рода: это—какое-то общее, чисто-духовное чувство.

Понятно, что, не зная страсти, Прудонъ не испыталъ и того страшнаго отчаянія, моральнаго упадка, которые неизбѣжно слѣдуютъ за сильными пароксизмами ея, и, благодаря этому, могъ всегда оставаться человѣкомъ цѣльныхъ, строгихъ убѣжденій. Онъ анализировалъ, однако, страсть и пришелъ къ заключенію, что чувственная любовь медленно убиваетъ человѣка, расшатывая весь внутренній міръ его и реагируя не только на чувства, но и на идеи, вѣрованія и убѣжденія. Поэтому, въ чувственности онъ видѣлъ такой порокъ, противъ котораго нужно бороться, какъ противъ главнѣйшаго зла, мѣшающаго человѣческому счастію. При этомъ онъ впадалъ въ крайность и, думая дисциплинировать любовь, что̀ казалось ему дѣломъ легкимъ, проповѣдывалъ молодому поколѣнію такіе суровые принципы, которые, еслибъ даже и могли быть проведены въ жизнь, сдѣлали бы ее еще бѣднѣе, а людей еще болѣе несчастными. Прудонъ вооружался противъ всего, что̀ будитъ страсть, дѣйствуетъ на воображеніе, и изгонялъ изъ жизни всѣ чисто-эстетическія наслажденія: театръ, искуство, литературу, требуя отъ нихъ служенія однѣмъ высшимъ цѣлямъ; а людямъ оставлялъ лишь исполненіе долга, суля за такое самоубійство одну награду—спокойствіе совѣсти. Это былъ суровый моралистъ, незнавшій сдѣлокъ съ тѣмъ, что̀ въ его убѣжденіи было истиною, и презиравшій человѣческія слабости. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Прудонъ былъ человѣкомъ съ сердцемъ, способнымъ и на нѣжность; у него даже была та особенная тонкость и деликатность чувства, которая свойственна только людямъ съ глубокими привязанностями. Эти качества въ особенности проявлялись у него въ дружбѣ, для которой онъ былъ созданъ и которую цѣнилъ чрезвычайно высоко. Читая его переписку съ друзьями, удивляешься тонкому пониманію и нѣжному участію, которыхъ трудно было ожидать отъ человѣка съ такой суровой, мужественной природой.

Вообще, въ частныхъ сношеніяхъ, суровость Прудона смягчалась сердцемъ, а такъ какъ онъ дѣйствовалъ словомъ и примѣромъ, то его вліяніе на молодые умы должно было быть благодѣтельно. Сент-Бёвъ справедливо замѣчаетъ, что, когда онъ говоритъ о вопросахъ морали, въ немъ слышенъ библейскій патріархъ. Убѣжденіе было его религіею, звучало въ каждомъ его словѣ и придавало даже общимъ мѣстамъ морали, которую онъ читалъ молодому поколѣнію, особое значеніе. Немудрено, что репутація его, какъ высоконравственной личности, была такъ

распространена, что одно время, въ разгарѣ литературной извѣстности Прудона, къ нему часто обращались незнакомые люди, какъ къ медику за лекарствомъ противъ нравственныхъ страданiй. Къ чести Прудона надо сказать, что онъ никогда не оставлялъ подобныхъ писемъ безъ отвѣта, «всегда предполагая въ пишущемъ какое-нибудь хорошее намѣренiе», говоритъ онъ самъ. Мы приведемъ три письма, характеризующiя какъ взглядъ его на обязанности человѣка, такъ и манеру относиться къ людямъ.

Первое изъ этихъ писемъ Прудонъ писалъ юношѣ, который, подъ влiянiемъ любви къ одной дѣвушкѣ, пришелъ въ негодованiе на Мишле за его воззрѣнiе на женщинъ въ книгѣ «Amour» и хотѣлъ написать возраженiе на нее. Прудонъ пишетъ: «Вы хотите отвѣчать Мишле... и не замѣчаете, что ваше негодованiе противъ него исходитъ изъ одинаковаго съ нимъ источника, культа къ женщинѣ; правда, вашъ культъ—основанъ на иномъ идеалѣ, но и такой культъ дурной вдохновитель... Вы знаете, что, если я и одобряю такую любовь, какъ та, какою вы мнѣ описываете вашу, то все-таки не допускаю, чтобъ вы жертвовали ей всѣмъ: долгомъ и будущностью...

«Вы должны отказаться отъ вашей страсти и возвратиться къ отцу или услышите отъ меня, что вы—дурной сынъ, человѣкъ безъ сердца, ложный демократъ.

«Неужели вы думаете, что вы — первый человѣкъ, который жертвуетъ любовью долгу?... Перечитайте начало моего десятаго этюда (въ Justice, глава Amour et mariage) и, если умѣете читать между строкъ, то увидите, что я самъ перешелъ черезъ то испытанiе, къ которому теперь приглашаю васъ. Обожанiе женщины, какова бы она ни была — порокъ; принесенiе ей въ жертву своихъ обязанностей—беззаконiе. Вы—человѣкъ честный, трудолюбивый; вы могли бы, за невозможностью жениться на той дѣвушкѣ, которую избрало ваше сердце, найти другую, достойную вашего уваженiя; скажу больше: истинный демократъ, истинно справедливый человѣкъ долженъ жениться именно на той женщинѣ, которая обладаетъ меньшими достоинствами, съ тѣмъ, чтобъ возвысить ее до себя или, по крайней мѣрѣ, предупредить ея паденiе.

«Я порицаю ту любовь, которую вы считаете высокою, но которая не признаётъ ничего, кромѣ любимаго человѣка, и утверждаю, что это—замаскированная чувственность, чистый блудъ, порочное идолопоклонство.

«Я знаю, чего стòитъ побѣда надъ подобнымъ чувствомъ; я самъ испилъ всю горечь этой чаши; но тѣмъ не менѣе думаю, что отказываться отъ нея было бы безсовѣстно: это значитъ поступить противъ совѣсти, противъ человѣчества.

«Вотъ ужъ годъ, какъ вы въ Парижѣ, и что̀ вы сдѣлали? — Ничего. Вы лишали общество полезнаго работника, внесли отчаянiе въ семью. До сихъ поръ васъ извиняла сильная любовь;

но теперь это извиненіе начинаетъ терять силу; остается только фактъ, а фактъ—тотъ, что, по вашей винѣ, благодаря вашей жаждѣ любви, въ деревнѣ однимъ работникомъ стало меньше, общинѣ недостаетъ гражданина, отцу—сына, семьѣ—главы.

«Когда человѣкъ такимъ образомъ уклоняется съ пути, сбивается съ толку, онъ теряетъ голову, разумъ его оставляетъ—берегите совѣсть!

«Вы задумали написать книгу, вы чувствуете вдохновеніе—я это допускаю и вѣрю, что ваши мысли вѣрны, здравы, что ваша логика будетъ непобѣдима—пусть такъ. Но неужели вамъ надо еще говорить, что этого мало, что надо все это обработать, а вы въ такомъ дѣлѣ и азбуки не знаете.

«Да извѣстно ли вамъ, что я, крестьянинъ, какъ вы, всю молодость проведшій съ народомъ, занимаясь, въ тоже время, и наукою, знаете ли вы, что я началъ свою литературную карьеру, имѣя за собою 7 лѣтъ занятій въ коллегіи, 3 года въ Парижѣ, гдѣ я учился на средства моего роднаго города, 10 лѣтъ жизни въ типографіяхъ, гдѣ я проглотилъ массы томовъ, и что, послѣ всего этого, я не могъ добиться, чтобъ меня читали цѣлыхъ 8 лѣтъ?

«Слушайте меня хорошенько. Вы на краю пропасти потому, что вы становитесь смѣшнымъ, а отъ смѣшнаго до позорнаго часто не далеко...

«Вы должны, повторяю, возвратиться къ отцу; на этомъ условіи я согласенъ поддерживать отношенія съ вами; вы должны исполнить желаніе отца—тогда я буду уважать васъ, выберу васъ своимъ мѣстнымъ корреспондентомъ; я сдѣлаю больше: чтобъ доказать вамъ мою дружбу теперь же, я прошу у васъ рукопись вашей статьи о любви, какъ только она будетъ кончена, и обѣщаю взять изъ нея все, что̀ можно, для отвѣта Мишле, которому я буду возражать самъ.

«Исполните то, что̀ я говорю, и я буду считать васъ честнымъ человѣкомъ; если же вы не послушаете моихъ совѣтовъ, то сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, избавивъ меня отъ своихъ писемъ, и, пожалуйста, не посылайте мнѣ никакихъ подарковъ; я все равно возвращу ихъ вамъ. Повторяю—въ моихъ глазахъ есть одно живое слово и одно имѣющее цѣну дѣло: исполненіе долга, и я требую, чтобъ вы исполнили свой, иначе прерву съ вами всякія сношенія...

«Можетъ быть, и я даже это подозрѣваю, любимая вами особа отвергла васъ именно за слишкомъ сильную экзальтацію; можетъ быть, она знаетъ, что вы живете въ Парижѣ, ничего не дѣлая, и радуется своему рѣшенію; въ этомъ она несовсѣмъ ошибается. Докажите ей, что, по силѣ души, величію, справедливости, вы стоите выше ея, выше любви, и что человѣкъ, принадлежащій къ новой демократіи, умѣетъ уважать себя и быть счастливымъ, женившись на самой смиренной дѣвушкѣ.

«Пора вамъ кончить цыганскую жизнь; вы должны это сдѣлать

для себя, а я обязанъ былъ высказать вамъ свое мнѣніе столько же ради себя, сколько ради нашего дѣла».

Въ этомъ письмѣ особенно поражаетъ мысль Прудона о томъ, что истинный демократъ долженъ жениться не по свободному влеченію, а по долгу; но это—не случайныя слова въ устахъ Прудона; таково было его убѣжденіе, которое вытекало изъ взглядовъ его на бракъ. Онъ самъ женился по этому принципу и, что̀ не дѣлаетъ ему чести, ставилъ себѣ такую женитьбу въ заслугу.

Второе письмо, которое мы считаемъ нужнымъ привести, написано въ отвѣтъ какому-то Габріэлю В., молодому человѣку, незнакомому съ Прудономъ, но обратившемуся къ нему за совѣтомъ, ка̀къ избавиться отъ отчаянія, овладѣвшаго имъ вслѣдствіе смерти его любовницы.

Вотъ отвѣтъ Прудона: «Я получилъ письмо, которымъ вы меня удостоили и въ которомъ просите у меня совѣта или, лучше сказать, утѣшеній въ вашемъ горѣ и отчаяніи. Такъ, по крайней мѣрѣ, вы описываете мнѣ свое состояніе.

«Что̀ до меня касается, то, давъ себѣ трудъ внимательно прочесть ваше письмо, я увидѣлъ, что, въ сущности, ваше положеніе не такъ печально, какъ вы его представляете и что, если факты, которыми вы желали со мною подѣлиться, вѣрны, то вы болѣе достойны порицанія, нежели сожалѣнія.

«Прежде всего, ваше письмо написано въ такихъ общихъ выраженіяхъ, которыя могутъ относиться къ цѣлой массѣ людей и не заключаютъ въ себѣ рѣшительно ничего исключительнаго или личнаго. Если не подвергнуть сомнѣнію правдивость вашихъ признаній, то я долженъ придти къ заключенію, что такой методическій, склонный къ обобщенію умъ, какъ вашъ, такъ подробно проникающій въ суть вещей, не останавливаясь на частностяхъ, долженъ самъ въ себѣ имѣть столько силы, чтобъ побѣдить меланхолическое настроеніе души и не нуждаться ни въ докторѣ, ни въ Параклетѣ.

«Тамъ и сямъ у васъ проглядываютъ антитезы, противоположенія словъ и мыслей, изложенныя въ ироническомъ тонѣ и, очевидно, разсчитанныя на эфектъ. Ка̀къ же вы хотите, чтобъ я серьёзно отнесся къ такому разсудочному, эстетическому горю?

. . . .

«Фраза, которою вы извѣщаете меня о смерти вашей любовницы, такъ забавна, что она рисуетъ васъ самымъ оригинальнымъ, шутовскимъ любовникомъ. Увѣрены ли вы, что когда нибудь любили?..

«Вы раздѣляете, говорите вы, мои взгляды на религію. Это было бы большою для меня честью; я гордился бы ею. Но вы не можете знать окончательныхъ моихъ взглядовъ на этотъ предметъ и, еслибы вы, въ самомъ дѣлѣ, читали мои сочиненія, то знали бы, что я ставлю вопросы и задачи, но не разрѣшаю

ихъ... Мое мнѣніе можно будетъ узнать только тогда, когда я выскажусь.......

«Согласенъ, что философія можетъ казаться нѣкоторымъ умамъ алгебраическою и холодною, точно также, какъ теологія кажется другимъ загадочною и баснословною. Я и не допускаю, чтобы для васъ она была утѣшеніемъ, и сомнѣваюсь, чтобы вы читали или, по крайней мѣрѣ, поняли Спинозу. Вы почувствовали бы тогда, какъ я, что нѣтъ ничего болѣе морализующаго, возвышеннаго и утѣшительнаго, какъ созерцаніе подобнаго генія въ борьбѣ съ нищетой, находящаго счастіе, блаженство въ наукѣ, трудѣ, неизвѣстности и служеніи добру.

«Но надлежитъ ли вамъ произносить имя Спинозы? Потерявъ любимую женщину, вы погрузились въ пьянство и развратъ для того, говорите вы, чтобъ забыться. Это свидѣтельствуетъ о ничтожности вашей любви и даетъ мнѣ еще поводъ думать, что въ вашемъ горѣ больше фантазіи и безумія, больше эгоизма и безнравственности, чѣмъ истинной любви. Любовь, милостивый государь, это—также религія, приправа души, залогъ добродѣтели. Глубокая и несчастная любовь можетъ привести человѣка къ самоубійству, но никогда не приведетъ къ разврату; вы любили самого себя, и только этимъ можетъ объясниться распутство, о которомъ вы говорите. Что̀ сказать о подробностяхъ, въ которыя вы затѣмъ вдаетесь, о ночныхъ рыночныхъ кабакахъ, о позорныхъ домахъ, гдѣ вы проводите дни и ночи? А вы молоды, молоды и богаты!.. Кто же взялъ на себя роль вашего руководителя въ распутствѣ? Кромѣ васъ, во всемъ Парижѣ не найдется другого молодого человѣка съ достаткомъ и, подобно вамъ, гоняющагося за животными удовольствіями, который проводилъ бы жизнь въ рыночныхъ кабакахъ и домахъ съ дурной репутаціей. Нынѣшняя молодежь еще не дошла до этого, и вы заставляете меня все болѣе и болѣе сомнѣваться въ точности вашихъ сужденій, чтобъ не сказать, въ вашей искренности.

«Послѣ этихъ замѣчаній, кончу письмо прямымъ отвѣтомъ на ваши вопросы.

«Вы спрашиваете: какое утѣшеніе могу я предложить человѣку, подавленному любовнымъ горемъ и покидаемому религіей и философіей?

«Спрошу васъ въ свою очередь: сохранили ли вы еще нравственное сознаніе? Если да̀—то съ Богомъ: вы не нуждаетесь въ моихъ утѣшеніяхъ. Служеніе нравственности удовлетворитъ васъ. Будьте добрымъ сыномъ, вѣрнымъ другомъ, хорошимъ гражданиномъ; дѣлайте добро ближнимъ; усыновите сироту, женитесь на бѣдной и честной дѣвушкѣ; боритесь противъ порока и преступленія всюду, гдѣ случится—и вы утѣшитесь. Не забывайте той, которую вы оплакиваете: это было бы новою мерзостью. Такими дѣлами вы почтите ея память болѣе, чѣмъ заглушеніемъ горя низкими средствами и эгоистичнымъ отчаяніемъ. А нравственность!.. это—какъ философія, которую вы находите алгебраическою и холодною,

какъ религія, которую вы также мало знаете, какъ трудъ, къ которому, повидимому, не имѣете склонности. Нравственность полюбитъ не всякій и не сразу: для того, чтобъ полюбить ее, нужно общество честныхъ людей и сильная ненависть къ порочнымъ. Все это можетъ быть пріобрѣтено не вдругъ; а, когда молодой человѣкъ, подъ предлогомъ несчастной любви, упалъ до равнодушія къ добру, философіи и религіи, то тутъ я не знаю лекарства. Онъ погибъ и, воля ваша, жалѣть объ этомъ нѣчего.

«Примите, милостивый государь, мой привѣтъ и самый искренній».

Тонъ этого письма рѣзокъ и оскорбителенъ, но Прудонъ въ немъ искрененъ. Онъ безпощадно относится ко всему, что̀, по его мнѣнію, было безнравственно; но ужъ одно то, что, вѣчно заваленный работою, онъ, какъ мы сказали, отрывался онъ нея, чтобъ отвѣчать на письма незнакомыхъ ему людей по вопросамъ, лично и исключительно ихъ самихъ касавшимся, говоритъ въ его пользу. Такою довѣрчивостью Прудона злоупотребляли нечестные люди, а прямой и рѣзкій тонъ, съ которымъ онъ высказывалъ свои мнѣнія, создавалъ ему много враговъ. Такъ было и съ авторомъ письма, Габріэлемъ В., отвѣтъ которому мы только что привели. Можетъ быть, самое письмо было мистификаціей, или, если оно не было ею, то, разсерженный ироническимъ тономъ и жесткими истинами отвѣта Прудона, Габріэль В. вздумалъ отмстить ему и съ этой цѣлью написалъ ему новое письмо, но ужъ не отъ своего имени, а за подписью какой-то наѣздницы цирка, думая этимъ поставить Прудона въ неловкое положеніе. Но Прудонъ, подозрѣвая тутъ мистификацію, отвѣтилъ, однако, на него съ обычной своей искренностью, какъ будто имѣлъ дѣло съ женщиной, дѣйствительно нуждающейся въ его совѣтахъ. Конечно, когда потомъ мистификація обнаружилась, когда о ней заговорили въ газетахъ, то Прудонъ оказался смѣшнымъ; но можно сказать, что это-то смѣшное, которое граничитъ съ великимъ. Вотъ это письмо:

«Милостивая государыня, я не знаю, что̀ думать о вашемъ оригинальномъ посланіи. Припадокъ ли бѣшеной веселости внушилъ вамъ мысль искусить благоразуміе бѣднаго отца семейства, который гораздо ниже своей репутаціи, или, можетъ быть, васъ побудила къ тому нестерпимая скука, которою горько искупаются наслажденія вашей профессіи? По тону, полу-отчаянному, полу-ироническому вашего письма, я, право, не знаю, что̀ думать, и слишкомъ мало знакомъ съ міромъ, въ которомъ вы живете, чтобъ угадать, что̀ можетъ происходить въ мозгу бывшей наѣздницы цирка.

«Въ такой неизвѣстности я рѣшаюсь, милостивая государыня, послѣдовать вашему примѣру; я отвѣчу на ваши вопросы, какъ будто вы ихъ дѣлаете серьёзно, и, мало по малу, дамъ волю своему перу, предполагая, что вамъ больше хочется посмѣяться, чѣмъ обратиться на путь истинный.

«Установимъ сначала нѣкоторые принципы. Вы не вѣрите, говорите вы, въ добродѣтель женщинъ, не вѣрите и въ добродѣтель мужчинъ. Этому я не удивляюсь, принимая во вниманіе жизнь, которую вы вели. Но—въ сторону мизантропію и ригоризмъ; о добродѣтели можно сказать тоже, что и о здоровьѣ. По моему убѣжденію, добродѣтель есть не болѣе, какъ здоровье сердца, подобно тому, какъ здоровье есть добродѣтель тѣла. А много ли совершенно здоровыхъ людей?..........................

....

«И такъ, милостивая государыня, развѣ вы будете декламировать противъ здоровья на томъ основаніи, что совершенно здоровыхъ людей мало? Станете ли вы утверждать, что наше естественное состояніе — болѣзнь? Заподозрите ли вы въ двуличіи тѣхъ немногихъ, которые пользуются здоровьемъ? и выведете ли изъ этого заключеніе, что нужно предоставить себя всѣмъ случайностямъ простуды и дурнаго питанія?

«Конечно—нѣтъ; что-то говоритъ намъ напротивъ, что здоровье—законъ для людей, что имъ обусловливается наша жизнь, что, потерявъ его, нужно стараться возвратить его, а не глупо допустить себя умереть, вслѣдствіе бездѣйствія и лѣни.

«Тоже и относительно добродѣтели; ея вездѣ понемногу, и нигдѣ она не проявляется вполнѣ. Я не знаю, милостивая государыня, кто далъ первый складъ вашимъ воззрѣніямъ на добродѣтель; должно быть, вы получили ихъ, еще будучи молодой дѣвушкой, въ какомъ-нибудь монастырѣ. Но, такъ какъ вы обладаете здоровьемъ, даже мощью (ею проникнуто ваше письмо), точно также, я готовъ въ этомъ поклясться, у васъ есть и добродѣтель; только печаль, досада на свои слабости, униженіе отъ неудачъ мѣшаютъ вамъ видѣть это.

«Оставимъ въ сторонѣ Агнесъ и Магдалинъ, эти вѣчные типы невинности и раскаянія; у васъ есть добродѣтель, говорю я вамъ, и основываюсь на отличныхъ данныхъ—на собственномъ вашемъ свидѣтельствѣ, на сильномъ желаніи вашемъ быть еще добродѣтельнѣе. Въ этомъ вы похожи на выздоравливающаго больнаго, который жадно стремится къ полному здоровью.

«Думаю, что этотъ первый принципъ не приведетъ васъ въ отчаяніе. Вотъ другой, на который обращаю ваше вниманіе.

«Это—фактъ, что животныя—я не дѣлаю сравненій, будьте покойны—что животныя, говорю я, не знаютъ ни скуки, ни отвращенія, ни пресыщенія, ни отчаянія, ни одной изъ тѣхъ нравственныхъ болѣзней, которыя слѣдуютъ за потерею нравственнаго здоровья, т. е.—если вы позволите мнѣ въ данномъ случаѣ употребить это слово—добродѣтели.

«Это потому, что животныя безконечно менѣе страстны, чѣмъ люди, что они повинуются инстинкту и его непреклоннымъ законамъ, не имѣютъ, такъ сказать, случая потерять то равновѣсіе, то здоровье души, безъ котораго мы, люди, не могли бы жить. Съ этой стороны жизнь животныхъ обезпечена именно ихъ

животностью; я не хочу сказать, что они—простыя машины, но говорю, съ точки зрѣнія высшей жизни, что у нихъ нѣтъ души.

«Къ чему привожу я всѣ эти свѣдѣнія изъ естественной исторіи? Вотъ къ чему. Въ природѣ, масса аналогій; такъ же, какъ это бываетъ съ животными, люди, занятые серьёзнымъ даже тривіальнымъ—то, что простой человѣкъ называетъ серьёзнымъ, артистъ называетъ тривіальнымъ—дѣломъ, эти люди, говорю я, землепашцы, рабочіе, ученые, чиновники и др., не знаютъ скуки или, по крайней мѣрѣ, знаютъ ее очень мало. Они испытываютъ отвращеніе къ дѣлу, пресыщеніе жизнью, моральный упадокъ, однимъ словомъ—всѣ симптомы, характеризующіе глубоко испорченнаго человѣка, только тогда, когда бросаютъ занятія и предаются праздности, наслажденію жизнью, распутству.

«Развѣ эти люди—животныя, а вы сами, милостивая государыня, и ваши подруги по цирку и тѣ праздношатающіеся, которыя вѣчно жуируютъ въ жизни съ вами, развѣ вы—благородныя, привилегированныя созданія, цари и царицы творенія?...

«Попробуйте отвѣчать мнѣ утвердительно; вы предчувствуете, что я вамъ на это скажу.

«И такъ, вотъ что рѣшено: люди трудящіеся, занимающіеся наукой, дѣлами, борющіеся, мало или совсѣмъ не подвержены скукѣ и порождающимъ ее порокамъ, и, напротивъ того, люди, вѣчно забавляющіеся, праздные, дурачащіеся, занимающіеся любовью, мечтающіе, жуирующіе жизнью, пьющіе, танцующіе и поющіе, поэты, ораторы, вся литературная богема, скажу даже духовные, включая сюда и траппистовъ—весь этотъ людъ, называемый высшимъ, неминуемо обреченъ на пресыщеніе жизнью, распутство и позоръ, худшій, нежели самая смерть.

«Еще немного терпѣнія, сударыня, и я приду къ выводу.

«Въ вашемъ письмѣ есть курьёзная фраза, вполнѣ васъ обрисовывающая: «происходя изъ почтеннаго семейства, я могла бы, какъ многія другія, выйти замужъ за честнаго буржуа, имѣть дѣтей и пр. Но, ба! меня испугала скука такого монотоннаго существованія, и я, очертя голову, бросилась въ круговоротъ жизни изо-дня въ день».

«Вы сдѣлали огромную глупость, сударыня; но, такъ какъ въ ней вы не вполнѣ виноваты, то и зло еще поправимо.

«Всѣ ваши разочарованія исходятъ, прежде всего, изъ благороднаго источника: сознанія человѣческаго достоинства, чувства, которое должно примирить васъ съ собою и возвратить вамъ мужество. Вы наслаждаетесь сознаніемъ, что свободны, и питаете ужасъ къ тому однообразію, рабству, предписываемому намъ природою, которое резюмируется словомъ: трудъ. Вѣрьте, что я говорю это безъ ироніи. Я порицаю васъ за то, что вы пренебрегли законами труда, который удержалъ бы васъ на пути, проложенномъ вашимъ отцомъ; но я хвалю васъ за то, что вы поняли, хотя и смутно, что, подчиняясь законамъ труда, человѣкъ долженъ непрестанно бороться съ тривіальными сторонами жиз-

ни. Несчастіе ваше состоитъ въ томъ, что вы раздѣлили мыслью эти двѣ вещи: трудъ и свободу, трудъ и искуство, трудъ и любовь. Вы сказали себѣ: я отброшу въ сторону рабство труда и всю его тривіальность, все условное обыденной жизни, и посвящу себя исключительно свободѣ, искуству, любви. И вы сдѣлались женщиной свободной, артистской, занялись любовью; вы стали существомъ, живущимъ фантазіями, и страстью распаляли свое воображеніе до истощенія...

«Послѣдствія вамъ извѣстны: гонясь только за прекраснымъ и идеаломъ, вы дошли до грубаго и низкаго; изъ человѣка свободнаго, какимъ вы были, вы сдѣлались рабомъ, а наслажденія искуствомъ, любовью, не будучи поддерживаемы ничѣмъ реальнымъ, живымъ, сильнымъ, оставили вамъ по себѣтолько грязь, пустоту, униженіе.

«Чтò дѣлать теперь? спрашиваете вы меня. Тутъ, сударыня, я не могу васъ убѣдить ни разсудкомъ, ни вашимъ личнымъ опытомъ, потому что вы сами поставили себя внѣ условій нормальной жизни. По этому вы послушаетесь моего совѣта или пренебрежете имъ по усмотрѣнію; но помните, что дѣло идетъ о вашей жизни или смерти, или, чтò еще серьёзнѣе, какъ я вамъ сказалъ, о чести или позорѣ.

«Вамъ 28 лѣтъ; первый періодъ молодости прошелъ, остается второй: 12 лѣтъ средняго возраста для женщины—отъ 28 до 40. Это—еще будущность.

«Начните съ того, что откажитесь отъ любви всякаго рода и научитесь владѣть собою. А вы, несчастная, до сихъ поръ были рабой другого! Сначала это покажется вамъ труднымъ; вы должны къ этому приготовиться; но, если борьба тяжела, то побѣда будетъ пріятна. Владѣть собою, слышите ли? т. е. освободить, облагородить свое тѣло и сердце, управлять чувствами, это—то, чтò называется быть цѣломудренной. Вы не невинны, пусть; это можетъ быть поправлено; вы еще можете быть цѣломудренной.

«Два года такого режима необходимы. Искушенія будутъ сильны: люди, знавшіе васъ прежде, увидятъ происшедшую въ васъ перемѣну; тѣ, которые не знали вашего прошлаго, услышатъ о немъ; всѣ найдутъ пикантнымъ одержать надъ вами побѣду и пустятъ въ ходъ всѣ средства, чтобы снова подвесть васъ подъ ярмо. Не слабѣйте—или все потеряно. Презирайте тѣхъ, кто будетъ смѣяться надъ вами; кàкъ бы ни мало вы знали человѣческое сердце, вы догадаетесь, что въ сарказмахъ тѣхъ людей будетъ больше досады, чѣмъ добродѣтели. Наѣздница цирка бросаетъ любовниковъ прежде, чѣмъ они ее бросили! это непростительно.

«При полномъ воздержаніи отъ любви, предписываю вамъ умѣренную, трудолюбивую жизнь. Не дѣлайте уступокъ чувственности и даже питайтесь скудно. Это—то, чтò духовные называютъ умерщвленіемъ плоти, которое я совѣтую вамъ не потому, чтобы въ такомъ режимѣ заключалось какое нибудь магическое

свойство, а потому, что онъ будетъ служить для васъ упражненіемъ въ побѣдѣ надъ свой природой и, такъ сказать, о духотворить все ваше существо.

«Вы не говорите, каковы ваши рессурсы въ жизни; но, каковы бы они ни были, ихъ нужно еще увеличивать, развивать, примѣнять избраніемъ профессіи, карьеры.

«Вы богато одарены со стороны разсудка; у васъ есть даже умъ; вы безукоризненно правильно пишете, у васъ есть стиль, красивый почеркъ; я не говорю о другихъ талантахъ, которые мнѣ неизвѣстны. У васъ есть много, чтобъ отличаться въ дѣйствительной жизни, столько же и еще больше, чѣмъ вы отличались на подмосткахъ.

«Представьте себѣ, что вы очутились среди общества въ томъ же положеніи, какъ Робинзонъ на своемъ острову, одна, съ нѣкоторыми рессурсами, оставленными вамъ судьбой. Нужно жить, и, если ваша жизнь ужъ обезпечена, то нужно все болѣе и болѣе расширять ее, возвысить...

. . . .

«Исключите изъ вашего чтенія романы и стихи. Ваше воображеніе требуетъ чего нибудь болѣе укрѣпляющаго, чистаго. Вамъ останется исторія, путешествія, географія, науки; присоедините еще философію, если хотите.

«Однимъ словомъ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ создала васъ природа— артистской—работайте, занимайтесь, предпринимайте и перенесите въ новую жизнь вашъ талантъ артистки, безпрестанно облагораживайте имъ вашу работу и предпріятія. Вы не любите домашняго хозяйства! Это—потому, что вы изъ него видѣли только объѣдки и дымъ. Знаете ли, что женщинѣ нужно имѣть много таланта, чтобъ превратить свою квартиру въ картину и пейзажъ? А къ этому всѣ онѣ должны стремиться: развѣ прикасаться къ мискамъ, горшкамъ, мёбели противнѣе, чѣмъ къ краскамъ и кистямъ?—А потомъ что̀? спросите вы меня—какая цѣль, какой результатъ всего этого?—Послѣ, сударыня?.. Прежде повѣрьте мнѣ на слово: ужь если вы избрали меня своимъ докторомъ, то примитесь за леченіе съ рѣшимостью, а, когда выздоровленіе ваше подвинется, я укажу вамъ высшую цѣль жизни— цѣль, въ споспѣшествованіи которой вы будете видѣть свое счастіе.

«Примите увѣреніе, сударыня, душевнаго уваженія».

Подобнаго письма всего менѣе можно было ожидать отъ Прудона или представлять его себѣ такимъ, какимъ большинство знаетъ его по наслышкѣ. Къ наѣздницѣ цирка, т. е. — если судить объ его взглядахъ на женщинъ по послѣдней его книгѣ—къ куртизанкѣ, дикому звѣрю, котораго надо истребить, Прудонъ относится какъ къ человѣку, совѣтуетъ ей заниматься наукой, даже философіей, считаетъ ее способною понять высшую цѣль жизни и въ служеніи ей найти свое счастье! Очевидно, тутъ есть недоразумѣніе. Если Пру-

донъ презиралъ женщинъ, считая ихъ существами низшаго порядка, то надо заподозрѣть его искренность въ этомъ письмѣ. Если же не сомнѣваться въ послѣдней, то надо допустить, что онъ уважалъ въ женщинѣ человѣка и относился къ ней безъ предразсудковъ.

Письмо къ наѣздницѣ Прудонъ писалъ въ то время, когда уже оканчивалъ свое сочиненіе la Justice, въ которомъ высказалъ двойственный взглядъ на женщинъ, поставивъ ихъ, съ одной стороны—чуть не на ряду съ животными и надѣливъ самыми низкими свойствами, съ другой—идеализировавъ ихъ такъ, какъ никто ихъ не идеализировалъ. Въ этомъ же письмѣ Прудонъ является просто человѣкомъ; но, если ужъ непремѣнно видѣть въ немъ отраженіе того или другого взгляда его, то надо признать скорѣй ужъ идеализацію женщины, чѣмъ презрѣніе къ ней.

Остается еще одна сторона жизни Прудона, на которую обыкновенно ссылаются въ подтвержденіе того, что въ воззрѣніи на женщинъ онъ былъ грубымъ консерваторомъ; это—его отношеніе къ женѣ. Конечно, отношеніе къ женщинѣ въ значительной степени характеризуетъ человѣка; но, говоря о Прудонѣ, мы не считали бы нужнымъ касаться его семейной жизни, еслибъ онъ не прослылъ заклятымъ врагомъ женщинъ и еслибъ ложно понятый его взглядъ на нихъ не служилъ бы авторитетомъ для многихъ. Кромѣ того, Прудонъ былъ человѣкомъ не о двухъ моралахъ. Поэтому и отношенія его къ женѣ могутъ служить къ объясненію настоящаго его взгляда на женщинъ. Каковъ же былъ Прудонъ, какъ мужъ?

Онъ женился не по любви, а изъ того принципа, которымъ, по его мнѣнію, долженъ въ подобныхъ случаяхъ руководствоваться истинный демократъ. Самъ Прудонъ говоритъ, что женился для того, чтобъ жить полной жизнью, чтобъ испытать отцовскія чувства, чтобъ отдыхать отъ вихря той жизни, въ которую онъ бросился, созерцаніемъ подлѣ себя образа материнской простоты и скромности. Это, конечно—очень эгоистическая цѣль, не внушающая особенной симпатіи, но, поступая такъ, Прудонъ былъ вѣренъ себѣ. Жена его была простая, необразованная и не развитая дѣвушка изъ рабочаго класса, надъ которою властвовать такому человѣку, какъ Прудонъ, было, конечно, не трудно. Онъ говоритъ, что она умѣла любить и больше ничего не знала, но прибавляетъ, однако, что былъ бы очень доволенъ, еслибъ она была образована. Жена его занималась хозяйствомъ; это была ея сфера, отъ которой она ни за что̀ сама не отказалась бы; она родила Прудону трехъ дочерей, за которыми очень усердно ходила, и, стало быть, удовлетворяла главнымъ требованіямъ его. Конечно, онъ цѣнилъ въ ней, прежде всего, хозяйку и мать своихъ дѣтей; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что смотрѣлъ на нее свысока; если не былъ наружно особенно нѣженъ съ нею, то это потому, что такая нѣжность вообще не

была въ его характерѣ. А, между тѣмъ, въ доказательство того, что Прудонъ смотрѣлъ на жену сверху внизъ, приводятъ и то, что онъ называлъ ее просто: жена (femme!). Но развѣ это что-нибудь доказываетъ? Есть много мужей и женъ, которые называютъ другъ друга не по имени, а «мужъ, жена», говорятъ одинъ другому «вы», и это не мѣшаетъ имъ уважать другъ друга; и съ другой стороны есть много мужей и женъ, называющихъ другъ друга нѣжными, уменьшительными именами и отравляющихъ одинъ другому жизнь. Насколько можно судить по письмамъ Прудона, онъ ни въ чемъ не проявлялъ своего превосходства надъ женою и былъ по своему нѣженъ съ нею. Почти въ каждомъ интимномъ письмѣ къ друзьямъ онъ упоминаетъ о ней, говоритъ, что они во всемъ сходятся, подробно описываетъ ея болѣзни, жалѣетъ, что ей приходится все дѣлать въ домѣ самой за невозможностью нанять прислугу, а въ одномъ письмѣ съ торжествомъ объявляетъ, что, наконецъ, онъ въ состояніи нанять няньку для дѣтей и сдѣлаетъ такой сюрпризъ женѣ въ день ея именинъ. Этимъ исчерпывались всѣ ея интересы, и сказать о ней было больше нѐчего. Самъ Прудонъ удивлялся ея терпѣнію, самоотреченію. Это, скажутъ намъ—такія добродѣтели, которыя должны были особенно нравиться ему; положимъ—такъ, но, если онъ требовалъ отъ жены исполненія тѣхъ обязанностей, которыя, по его мнѣнію, входили въ кругъ женскихъ добродѣтелей, то признавалъ и за собою обязанности нравственнаго свойства, а не только доставленіе семьѣ средствъ къ жизни. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ высказываетъ сожалѣніе о смерти своего знакомаго, кончившаго жизнь самоубійствомъ и передъ тѣмъ оставленнаго женою. Прудонъ оправдываетъ послѣднюю, говоря, что жизнь ея была невыносима съ человѣкомъ такого тяжелаго характера.

Своей женѣ Прудонъ предоставлялъ полную свободу дѣйствій и довѣрялъ ей, какъ другу. Когда онъ уѣхалъ въ Брюссель, то поручилъ ей распоряжаться получаемыми на его имя письмами и даже распечатывать ихъ; это видно изъ одного его письма, гдѣ онъ говоритъ, что не знаетъ, почему жена нашла нужнымъ, не сообщивъ ему, разорвать то письмо, въ которомъ неизвѣстный ему господинъ предлагаетъ переправить его въ Испанію. Прудонъ шутливо прибавляетъ: «вѣрно, она побоялась, что я увезу ее за Пиренеи». Въ другой разъ онъ пишетъ, что самъ не имѣлъ возможности быть на представленіи комедіи одного изъ друзей, и просилъ жену сходить за него, а затѣмъ, полагаясь на ея слова̀, передастъ вынесенное ею впечатлѣніе отъ піесы. Это показываетъ довѣріе къ ея уму и сужденію. Вообще, по всему видно, что онъ старался заслужить ея привязанность, читалъ ей вслухъ, во время ея болѣзни, продолжавшейся 6 недѣль, ухаживалъ за нею и за больной дочерью, велъ хозяйство, приготовлялъ кофе, варилъ супъ, топилъ печи, убиралъ комнаты и пр., хотя для этого долженъ былъ отложить свои литературныя

занятія, которыя для него значили очень много. Онъ обращалъ вниманіе и на нравственное состояніе жены и въ этомъ отношеніи поступалъ не по тому рецепту, который въ «Pornocratie» рекомендуетъ мужьямъ, совѣтуя имъ не обращать ни малѣйшаго вниманія на тоску, часто овладѣвающую женщинами въ томъ періодѣ ихъ жизни, когда бо̀льшая часть ея прожита и онѣ подводятъ ей итогъ. Но, когда его жена въ Брюсселѣ стала жаловаться на тоску и наивно сказала ему: «Вамъ хорошо, вы погрузитесь въ свои идеи и все за ними забываете, а у меня никакихъ идей нѣтъ», то Прудонъ встревожился и поспѣшилъ развлечь ее поѣздкой въ Парижъ.

Приводя эти подробности, мы никакъ не имѣемъ въ виду изобразить Прудона образцомъ современнаго мужа. Далеко нѣтъ. Въ семьѣ онъ былъ не болѣе, какъ честный буржуа; его отношенія къ женѣ не представляютъ ничего особеннаго и едва ли удовлетворили бы развитую женщину; но въ нихъ нѣтъ ничего грубаго, презрительнаго. Въ женѣ онъ видѣлъ человѣка и уважалъ ея достоинство. Такое отношеніе къ ней служитъ новымъ подтвержденіемъ той разницы, которая была между Прудономъ-авторомъ «Pornocratie» и Прудономъ-человѣкомъ. Какъ авторъ «Pornocratie», онъ ограничиваетъ кругъ дѣйствій женщины дѣтской и кухней и заходитъ такъ далеко, что даже предлагаетъ ей модель особаго, вплотную охватывающаго руки костюма, въ которомъ она безпрепятственно можетъ рыться въ навозѣ — занятіе, на которое онъ заранѣе ее благословляетъ. Прудонъ-человѣкъ пишетъ другу: «Женщина — ангелъ для мужчины: безъ жены я не былъ бы въ состояніи работать столько, сколько теперь работаю». Говоря такъ, онъ былъ вѣренъ своей теоріи. Къ ней мы теперь и перейдемъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1876 Г.

и

ОТЧЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ ЗА 1874 ГОДЪ.

I.

Каждый разъ, когда мнѣ приходится разсматривать эти акты, публикуемые двумя нашими вѣдомствами, я не могу не вспомнить съ благодарностью и глубокимъ чувствомъ уваженія имени замѣчательнаго государственнаго человѣка, который такъ много потрудился для установленія реформы въ законахъ о порядкѣ удовлетворенія государственныхъ потребностей. Будущій историкъ, безъ сомнѣнія, поставитъ высоко имя покойнаго Валеріана Алексѣевича Татаринова, какъ человѣка, который положилъ основаніе порядка среди полнаго хаоса и внесъ свѣтъ гласности въ потемки канцелярской тайны. Если вспомнить то время, въ которое онъ началъ дѣйствовать, и принять въ соображеніе ту массу предразсудковъ и интересовъ, съ которыми ему приходилось бороться, то нельзя не согласиться, что надо было имѣть много силы воли, много энергіи и такта, чтобъ провести въ жизнь тѣ общія начала, которыя составляли сущность предложенной имъ реформы. Мысль объ установленіи какихъ либо предѣловъ неограниченной свободѣ распорядителей въ распоряженіи средствами государства была на столько далека отъ обычаевъ тогдашняго времени, что введеніе только нѣкоторыхъ формальностей казалось и невозможнымъ, и стѣснительнымъ на практикѣ; мало этого, нѣкоторыя лица административныхъ вѣдомствъ считали тогда соблюденіе этихъ формальностей просто оскорбительнымъ для своего достоинства. При такихъ условіяхъ понятно, что о дѣйствительномъ ограниченіи правъ распорядителей по существу не могло быть и рѣчи: достаточно было и того, чтобъ создать форму, предоставляя времени съ перемѣною взглядовъ наполнить эту форму извѣстнымъ содержаніемъ. Но для того, чтобы эта перемѣна взглядовъ состоялась, было необходимо, чтобы мракъ, покрывавшій до той поры наше финансовое положеніе, разсѣялся и опредѣлились вполнѣ ясно какъ наши потребности, такъ и средства къ ихъ удовлетворенію. Съ

этою цѣлію установлено опубликованіе не только государственной росписи, но и отчета государственнаго контроля по ея исполненію.

Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, что дѣятельность государственнаго контроля не имѣла тѣхъ важныхъ послѣдствій, которыхъ отъ нея ожидали, такъ какъ нашъ бюджетъ не только не сократился, но постоянно возростаетъ и возростаетъ даже быстрѣе, нежели прежде. Конечно, я не могу отвергать этого факта, но обращу вниманіе читателя, во-первыхъ, на то обстоятельство, что потребности государства не одинаковы въ разное время, а, во-вторыхъ—на тѣ слова̀, которыя мною только что сказаны, что реформой въ законахъ о порядкѣ распоряженія средствами государственнаго казначейства создана лишь фо̀рмальная сторона дѣла и что только время можетъ дать душу этой формѣ, влить въ нея извѣстное содержаніе. Покойному Валеріану Алексѣевичу Татаринову не удалось дождаться этого времени, такъ какъ при его жизни, въ какія нибудь пять лѣтъ, самая форма еще не вполнѣ могла установиться. Въ настоящей статьѣ не мѣсто говорить о причинахъ, по которымъ дѣятельность государственнаго контроля не достигаетъ тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, на которыя было бы позволительно расчитывать, а потому я отсылаю читателя къ книгѣ моей «Десять лѣтъ реформъ». Въ этой книгѣ (отдѣлъ 1 глава IV) я, по мѣрѣ возможности, старался разъяснить эти причины, которыя мѣшаютъ дѣятельности государственнаго контроля. Конечно, это разъясненіе не вполнѣ удовлетворительно, но я думаю, что и въ настоящее время еще не наступила пора всесторонней оцѣнки относящихся сюда вопросовъ. Но, чтобы познакомить читателя съ тѣмъ значеніемъ, которое я придаю, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ порядкѣ вещей, государственному контролю въ общей системѣ государственнаго управленія, я позволяю себѣ выписать изъ моей книги одно мѣсто, которое, несмотря на то, что было писано пять лѣтъ назадъ, имѣетъ и въ настоящее время тоже самое значеніе. «Раціональное устройство системы ревизіи составляетъ весьма существенную обязанность государственнаго контроля, но, какъ намъ кажется, не въ этомъ состоитъ его главная задача. Весь ревизіонный трудъ контроля долженъ быть только средствомъ для разрѣшенія другой болѣе важной задачи. Вооруженный всѣми фактами, открывающимися при подробной ревизіи исполненія государственной росписи, государственный контроль является самымъ компетентнымъ о̀рганомъ для критической оцѣнки бюджета и нетолько въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыя поставлена эта оцѣнка сметными правилами,... а съ разныхъ точекъ зрѣнія и не въ интересахъ одного фиска, а въ интересахъ цѣлаго государства и его будущности. Здѣсь нельзя ограничиться одной юридической стороной дѣла. Пора оставить ту точку зрѣнія, что предполагаемый расходъ правиленъ, если онъ оправдывается существующими постановленіями, такъ какъ всѣ

постановленія объ извѣстныхъ расходахъ имѣютъ свое оправданіе только во времени и должны считаться постановленіями временными. Государственный бюджетъ есть также временный законъ и, конечно, можетъ отмѣнять всѣ предшествовавшіе законы. Намъ кажется, что всѣ государственные сборы и расходы должны получать окончательную законную санкцію не иначе, какъ утвержденіемъ государственнаго бюджета, а, при отсутствіи его не должны имѣть никакого другого законнаго основанія. Только при усвоеніи нашимъ законодательствомъ этого принципа можетъ, быть обезпечено правильное развитіе финансоваго дѣла. Вѣрная оцѣнка всякаго налога и всякой денежной траты можетъ быть сдѣлана только въ виду общихъ средствъ и общихъ потребностей государства. Вотъ почему мы думаемъ, что при каждомъ новомъ разсмотрѣніи бюджета слѣдовало бы относиться критически ко всѣмъ тѣмъ законоположеніямъ, которыя служатъ основаніемъ сметныхъ назначеній. Эта критическая оцѣнка должна имѣть въ виду не только экономическое и соціальное положеніе страны, но и ея отношеніе къ другимъ державамъ; слѣдовательно, должна обнимать какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю политику государства. Кромѣ государственнаго контроля (при настоящемъ порядкѣ вещей), ни отъ какого другого органа правительственной власти нельзя ожидать безпристрастной оцѣнки бюджета съ этой высшей точки зрѣнія. Всякое министерство необходимо будетъ увлекаться интересами своего вѣдомства и тѣмъ болѣе, чѣмъ оно добросовѣстнѣе относится къ своему дѣлу. Министерство финансовъ можетъ также увлекаться интересами фиска, и только одинъ государственный контроль, не имѣя въ своемъ завѣдываніи ни одной отрасли государственнаго управленія, можетъ относиться безпристрастно ко всѣмъ государственнымъ потребностямъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что государственный контроль можетъ выполнить эту задачу вполнѣ удовлетворительно; нѣтъ, мы очень далеки отъ этой мысли, какъ потому, что erare humanum est, такъ и потому, что государственный контроль не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться представителемъ всѣхъ общественныхъ интересовъ. Мы говоримъ только, что онъ можетъ выполнить эту задачу удовлетворительнѣе другихъ вѣдомствъ, не будучи связанъ спеціальными интересами, которые значительно съуживаютъ взгляды на дѣло. Что же касается государственнаго совѣта, то мы говорили уже прежде, и теперь опять повторяемъ, что онъ, по своему высокому положенію, не можетъ быть призванъ къ подробному изслѣдованію: онъ долженъ быть только рѣшителемъ тѣхъ вопросовъ, которые возникнутъ при разсмотрѣніи бюджета въ министерствѣ финансовъ и государственномъ контролѣ».

Вотъ какое значеніе, какъ мнѣ кажется, долженъ бы имѣть бюджетъ и въ какомъ отношеніи къ нему долженъ бы стоять государственный контроль. Конечно, было бы желательно, чтобы

государственный контроль дѣйствительно занялъ такое положеніе, но, къ сожалѣнію, это далеко не такъ по нашему законодательству. На основаніи сметныхъ правилъ, повѣрка нашей государственной росписи производитея въ министерствѣ финансовъ противъ существующихъ законоположеній и штатовъ, въ государственномъ контролѣ—противъ дѣйствительнаго исполненія предыдущихъ сметъ и въ государственномъ совѣтѣ—въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства. Что̀ же касается самаго бюджета, то онъ до сихъ поръ остается сводомъ прежде изданныхъ законоположеній о доходахъ и расходахъ государства, и въ числѣ основаній сметныхъ назначеній мы не рѣдко встрѣчаемъ постановленія истекшаго столѣтія, хотя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ разрѣшены подобные расходы, давно уже измѣнились. Покойному государственному контролёру не случилось придать нашему бюджету то значеніе, какое онъ имѣетъ въ другихъ государствахъ: онъ долженъ былъ довольствоваться и тѣмъ, что бюджетъ разсматривался съ бо̀льшимъ вниманіемъ, а по утвержденіи публиковался во всеобщее свѣденіе.

Конечно, участіе государственнаго контроля въ разсмотрѣніи сметъ на практикѣ никогда не могло оставаться въ тѣспыхъ предѣлахъ, опредѣляемыхъ сметными правилами. такъ какъ государственный контролёръ, вмѣстѣ съ тѣмъ—и членъ государственнаго совѣта, который разсматриваетъ бюджетъ въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства. На этомъ основаніи, замѣчанія государственнаго контролёра, выходящія изъ предѣловъ его власти на основаніи сметныхъ правилъ, не теряли своей юридической компетентности, какъ сдѣланныя въ качествѣ члена государственнаго совѣта. Въ сиду подобнаго обстоятельства, мнѣ бы казалось, что разграничивать различные роды повѣрки бюджета между государственнымъ совѣтомъ, министромъ финансовъ и государственнымъ контролёромъ не предстоитъ ни какой надобности, и подобное постановленіе не можетъ имѣть никакого практическаго значенія, тѣмъ болѣе, что различные роды этой повѣрки представляютъ только отдѣльныя части одного и того же дѣла.

Ка̀къ ни серьёзно отличается характеръ нашего бюджета отъ бюджетовъ западныхъ народовъ, опередившихъ насъ въ дѣлѣ развитія гражданской жизни, тѣмъ не менѣе, при сравненіи того, что̀ было за какія нибудь 12 или 13 лѣтъ, нельзя не сказать что сдѣлано много. Мы имѣемъ въ виду, въ настоящее время, не только опубликованные бюджеты съ 1863 года, но также и отчеты объ ихъ исполненіи съ 1866-го года. Девять отчетовъ государственнаго контроля обнимаютъ уже довольно значительный періодъ времени и представляютъ достаточныя данныя для обобщеній и выводовъ, не лишенныхъ практическаго значенія, которые я и постараюсь сдѣлать въ настоящей статьѣ. Но прежде, нежели я приступлю къ этимъ обобщеніямъ и выводамъ,

считаю нужнымъ указать на существенную и непосредственную пользу введенія гласности въ систему нашихъ бюджетовъ.

Опубликованіе государственной росписи, хотя и началось съ 1863 года, но не имѣло того серьёзнаго значенія, которое имѣетъ нынѣ, такъ какъ государственная роспись представляетъ только предположенія болѣе или менѣе близкія къ дѣйствительности, которыя, однакожъ, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, нетолько могли, но и должны были измѣняться на практикѣ. Только изучивъ практически характеръ и степень возможныхъ уклоненій отъ первоначальныхъ сметныхъ предположеній, становится возможнымъ дѣлать правильное заключеніе о степени вѣроятности этихъ предположеній. На этомъ основаніи, опубликованіе отчетовъ государственнаго контроля имѣетъ двоякое значеніе: они не только указываютъ дѣйствительное финансовое положеніе государства, но и даютъ возможность судить насколько были правильны сдѣланныя на тотъ годъ предположенія. Наблюдая такимъ образомъ подобныя уклоненія за нѣсколько лѣтъ, возможно составить себѣ понятіе о той поправкѣ, которую слѣдуетъ дѣлать при оцѣнкѣ цифръ государственной росписи на будущее время. Такимъ образомъ, опубликованіе государственной росписи получаетъ практическое значеніе только со времени опубликованія отчетовъ государственнаго контроля, т. е. съ конца 1867 года, когда былъ опубликованъ первый отчетъ за 1866-й годъ.

Положеніе нашихъ финансовъ, хотя и представляется по этому отчету весьма печальнымъ, но опубликованіе этихъ фактовъ принесло дѣйствительную пользу нашему кредиту. Наши доходы въ 1866 году дали только 352.695.835 р. 97 коп., тогда какъ расходы достигли 413.298.011 р. 52 коп., такъ что дефицитъ составилъ 60.602.175 руб. 55 коп., т. е. расходъ превысилъ доходъ на 17%. Несмотря, однакожъ, на это неблагопріятное отношеніе этихъ общихъ итоговъ, разсмотрѣніе отдѣльныхъ цифръ отчета прямо указывало, что въ нашемъ финансовомъ положеніи нѣтъ ничего безнадежнаго, какъ привыкли тогда думать подъ вліяніемъ положительной неизвѣстности и тѣхъ финансовыхъ затрудненій, на которыя указывали предшествовавшіе выпуски кредитныхъ билетовъ и постоянные займы. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая смету доходовъ съ дѣйствительнымъ исполненіемъ, мы, хотя и видимъ, что недоборъ въ доходахъ достигаетъ почти 10 мил. руб.; но, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ цифръ, оказывается, что этотъ недоборъ происходитъ отъ несвоевременнаго перечисленія пособій государственному казначейству изъ государственнаго земскаго сбора въ суммѣ 11½ мил. руб.; поэтому, если эту сумму, которая въ дѣйствительности находилась въ кассахъ государственнаго казначейства, прибавить къ суммамъ показанныхъ доходовъ, то сумма ихъ будетъ равняться 364 м. руб., каковую сумму обыкновенные расходы, исчисленные по сме-

тѣ на 1866 годъ въ количествѣ 376 мил., превышаютъ только на 12 мил. руб., что̀ составляетъ съ небольшимъ три процента. Кромѣ того, изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ цифръ дохода оказывалось, что нѣкоторыя статьи должны прогрессировать, какъ необходимое послѣдствіе только что совершившагося освобожденія крестьянъ и начинавшейся постройки желѣзныхъ дорогъ: отдѣльныя же цифры расхода указывали, что, кромѣ обыкновенныхъ расходовъ, было еще разрѣшено сверхсметныхъ расходовъ болѣе, чѣмъ на 49 мил. рублей. Стало быть, все неблагопріятное отношеніе цифръ расхода къ доходу въ 1866 году было слѣдствіемъ разрѣшенія сверхсметныхъ и дополнительныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, если всѣ обыкновенные расходы, предусматриваемые сметою могли покрываться самымъ незначительнымъ увеличеніемъ дѣйствительныхъ доходовъ, то, стало быть, только нѣкоторый порядокъ въ расходахъ—порядокъ, не допускающій распорядителей выходить изъ предѣловъ общей суммы сметнаго назначенія—обезпечивалъ вполнѣ равновѣсіе доходовъ съ расходами даже на первое время, а затѣмъ, съ установленіемъ болѣе правильной отчетности какъ въ доходахъ, такъ и расходахъ, позволялъ надѣяться на увеличеніе первыхъ и уменьшеніе послѣднихъ, т. е. на возможность сбереженій. Подобныя сбереженія могли бы служить для отмѣны наиболѣе обременительныхъ налоговъ.

Такого исхода можно было ожидать въ началѣ 1867 года съ полнымъ основаніемъ и нисколько не увлекаясь, еслибы только сверхсметные расходы не сдѣлались въ нашихъ бюджетахъ явленіемъ, такъ сказать, хроническимъ. Подобное заключеніе подтверждается вполнѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что именно съ опубликованія отчета за 1866 годъ нашъ кредитъ на заграничныхъ рынкахъ начинаетъ упрочиваться, и, конечно, онъ установился бы еще тверже, еслибъ сверхсметныя ассигнованія не поглощали средствъ государственнаго казначейства. Несмотря на ежегодное расширеніе сметныхъ предположеній, оправдываемое отчасти желаніемъ избѣгать сверхсметныхъ расходовъ, послѣдніе все-таки представляютъ обыкновенное явленіе въ нашихъ бюджетахъ и, повидимому, неизбѣжны. За время съ 1866 по 1874 годъ включительно они составляютъ громадную сумму 299.504.241 руб. или около 33,8 мил. руб. въ годъ. Хотя цифра эта, въ попослѣднее время уменьшается, но все же и за 1874 годъ она представляется весьма значительной, превышая 23½ мил. рублей. Такое явленіе дѣйствительно изумительно, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ годомъ сметы всѣхъ министерствъ расширяются спеціально съ цѣлью прекращенія сверхсметныхъ ассигнованій. Подобный порядокъ вещей необходимо долженъ затруднять министерство финансовъ и останавливать его на пути необходимыхъ реформъ, заставляя откладывать ихъ до болѣе удобнаго времени, между тѣмъ, какъ эти реформы становятся съ каждымъ днемъ

все болѣе и болѣе неотложными. Гдѣ же причина этого явленія, тормозящаго наши финансовыя реформы? Вотъ вопросъ, о которомъ стоило бы подумать серьёзно гдѣ нибудь и повыше кабинета сотрудника журнала. Я не думаю, что подобный вопросъ приходитъ мнѣ первому въ голову, и вполнѣ убѣжденъ что онъ заставлялъ задумываться многихъ изъ нашихъ финансовыхъ дѣятелей; но на него можно смотрѣть съ такихъ различныхъ точекъ зрѣнія, что я считаю отнюдь не лишнимъ побесѣдовать о немъ съ читателемъ. Поверхностный наблюдатель, конечно, разрѣшитъ его очень легко. Замѣтивъ въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего управленія недостатокъ бережливости и непроизводительныя траты, онъ готовъ будетъ и эту характеристическую черту нашихъ бюджетовъ отнести тоже къ малой заботливости объ охраненіи казеннаго интереса. Отчасти онъ конечно, будетъ правъ, потому что, дѣйствительно, у насъ нельзя отрицать иногда недостатка бережливости и небрежности въ распоряженіи средствами государственнаго казначейства; но, мнѣ кажется, что такое постоянное явленіе, несмотря на то, что къ устраненію его направлены совокупныя усилія министерства финансовъ, государственнаго контроля и государственнаго совѣта, никакъ нельзя объяснять только этой одной причиной. Мнѣ кажется, что здѣсь есть другая, болѣе глубокая причина, которая лежитъ внѣ власти даже всѣхъ министерствъ. Она состоитъ въ постоянномъ вздорожаніи всѣхъ средствъ къ жизни и въ развитіи роскоши между достаточными классами. Уровень потребностей, вслѣдствіе этого, возвышается съ каждымъ днемъ, такъ что содержаніе чиновника, которому завидовали многіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время едва достаточно для скуднаго существованія. Вотъ въ этомъ-то вздорожаніи жизненныхъ потребностей, въ этомъ развитіи роскоши прежде всего слѣдовало бы искать причины постояннаго недостатка бюджетныхъ назначеній. Десять лѣтъ только прошло съ тѣхъ поръ, какъ введена судебная реформа; вспомните, читатель, какими значительными окладами казалось содержаніе чиновъ судебнаго вѣдомства. Что же оказывается теперь? Только одни молодые люди, неимѣющіе семьи, могутъ жить безбѣдно на жалованье товарища прокурора окружнаго суда, судебнаго слѣдователя или члена окружнаго суда. Человѣку же семейному на одни эти средства не только думать о комфортѣ, но и существовать безбѣдно, даже въ провинціи, нѣтъ никакой возможности.

Если такъ измѣнились условія жизни и продолжаютъ измѣняться съ каждымъ днемъ, то спрашивается: есть ли какая-нибудь возможность обойтись тѣми кредитами, которые заявляются на предстоящій годъ въ половинѣ текущаго года? Всѣ распорядители кредитовъ, по необходимости, должны усиливать вознагражденіе чиновъ своего вѣдомства разными дополнительными выдачами и прибѣгать къ сверхсметнымъ и дополнительнымъ

кредитамъ, даже по содержанію личнаго состава служащихъ. Что же касается до расходовъ операціонныхъ, зависящихъ отъ измѣненія цѣнъ на припасы, матеріалы и заработную плату, а не отъ штатовъ, установленныхъ закономъ, то объ удержаніи подобныхъ расходовъ въ предѣлахъ сметнаго назначенія нельзя и думать. Я не отрицаю этимъ *нехозяйственности*, встрѣчающейся у насъ въ распоряженіяхъ средствами государственнаго казначейства — этого отрицать невозможно человѣку, знакомому съ нашею практикою — но вѣдь эти обстоятельства существовали и прежде и не могутъ постоянно усиливаться, быть единственной и постоянной причиной возникновенія новыхъ и возвышенія старыхъ расходовъ. Необходимо предположить другую причину, и этой причиной въ моихъ глазахъ представляются наша система денежнаго обращенія и выпускъ кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на золото. Это золото обошлось государственному казначейству очень дорого, если принять въ разсчетъ, насколько возрасли госудаственные расходы, вслѣдствіе излишняго выпуска въ обращеніе 175 милліоновъ рублей новыхъ кредитныхъ билетовъ, употребленныхъ на покупку этого золота. Не считая даже, насколько потерпѣли всѣ частныя лица, и принимая въ соображеніе только тѣ потери, которыя явились слѣдствіемъ дороговизны, порожденной на рынкѣ, мы дойдемъ до громадной цифры, которая будетъ рости до тѣхъ поръ, пока эти денежные знаки будутъ оставаться въ обращеніи. Точно опредѣлить эту цифру, конечно, нѣтъ никакой возможности, но, если принять, что выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ имѣлъ вліяніе на возвышеніе цифры расходовъ, то, относя извѣстную часть передержекъ съ 1867 года на счетъ этого вліянія, мы можемъ опредѣлить дѣйствительную цифру потерь, къ которымъ привела государственное казначейство система покупки золота въ обмѣнъ на кредитные битеты. Излишекъ расходовъ съ 1867 года, когда началась подобная покупка, по 1876 годъ, въ сравненіи съ 1866 годомъ, равняется 776 милліонамъ руб., и, если три четверти этой суммы отнести къ вліянію другихъ причинъ на возрастаніе цифры расходовъ и только одну четвертую часть на счеть послѣдствій усиленія денежнаго обращенія, то и тогда потери государственнаго казначейства будутъ равняться 194 милл. руб., которые оно переплатило въ эти 9 лѣтъ, въ видѣ, такъ сказать, процентовъ на безпроцентный долгъ государственнаго банка въ 175 милл.—долгъ, сдѣланный съ цѣлью увеличенія металлическаго запаса. Послѣдній не приноситъ никому никакой пользы, а, напротивъ, порождаетъ только биржевую игру, ни съ чѣмъ несообразное развитіе кредитныхъ сдѣлокъ и, наконецъ, тѣ банковыя катастрофы, которыя частію уже совершились, а частію предстоятъ еще намъ въ будущемъ.

Такое мнѣніе, конечно, встрѣтитъ возраженіе, я въ этомъ убѣжденъ, но я все-таки его буду поддерживать и сложу мое

оружіе только тогда, когда мнѣ докажутъ, что усиленіе денежнаго обращенія не могло имѣть никакого вліянія на возрастаніе цѣнъ всѣхъ предметовъ потребленія и что послѣднее явилось слѣдствіемъ только возрастанія населенія и развитія общаго народнаго благосостоянія. До тѣхъ же поръ я буду утверждать, что цифра передержекъ противъ 1866 года, отнесенная мною на послѣдствіе излишнихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, представляется очень умѣренною. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить цѣны жизненныхъ потребностей тогда и теперь, то ежегодная передержка въ 21 милл., въ теченіи 9 лѣтъ, представляетъ только 5% съ общей суммы издержекъ. Читатель можетъ убѣдиться въ справедливости высказанной мною мысли по собственному опыту, такъ какъ его собственныя издержки возростали за это время, конечно, въ бо́льшей степени, даже если потребности его и ограничены противъ прежняго времени. Ниже, разсматривая отдѣльныя статьи нашего бюджета, я постараюсь привести и цифры въ подтвержденіе высказаннаго мною мнѣнія.

И такъ, читатель, наше финансовое положеніе въ 1867 году, несмотря на значительный дефицитъ 1866 года, не представляло ничего тревожнаго. Напротивъ того, произведенная реформа по государственному счетоводству и отчетности позволяла разсчитывать на бо́льшій порядокъ въ государственномъ хозяйствѣ, а ходившіе слухи о податной реформѣ, въ связи съ прогрессирующими статьями установленныхъ налоговъ, представляли наше ближайшее будущее въ довольно благопріятномъ свѣтѣ. Съ этого времени нашъ заграничный кредитъ, упавшій передъ этимъ до такихъ крайнихъ предѣловъ, что пришлось пришлось бѣгнуть къ двумъ выигрышнымъ займамъ, начинаетъ установляться на прочныхъ основаніяхъ. Казалось бы, что такое положеніе обязывало нашихъ финансовыхъ дѣятелей, наученныхъ опытомъ предъидущихъ лѣтъ, относиться весьма осторожно къ денежному обращенію и удержать, по крайней мѣрѣ, установившееся statu quo, изыскивая мѣры къ улучшеніямъ положенія государственныхъ финансовъ не въ рискованныхъ операціяхъ, измѣняющихъ значеніе денежной валюты, а въ *коренныхъ реформахъ* нашей податной системы. Недостатки этой системы, доставшейся намъ въ наслѣдство отъ блаженной памяти крѣпостнаго права и проникнутой его духомъ, были очевидны и находились въ явномъ противорѣчіи не только съ потребностями новѣйшаго времени, но и съ общимъ характеромъ уже совершенныхъ реформъ. Стало быть, стоило только взглянуть на дѣло безъ всякихъ широкихъ замысловъ, и главная задача становилась весьма ясной и опредѣленной. Необходимо было предоставить времени улучшеніе нашего денежнаго обращенія, измѣняя его самымъ нечувствительнымъ образомъ; все же вниманіе обратить на введеніе реформъ, которыя имѣли бы въ виду перенести центръ тяжести нашей податной

системы съ труда на имущество. Каждый шагъ на этомъ пути ставилъ бы средства государственнаго казначейства въ зависимость отъ развитія народнаго богатства и приводилъ бы къ тому положенію, при которомъ возростаніе или уменьшеніе государственныхъ доходовъ могло бы служить дѣйствительнымъ мѣриломъ развитія народнаго богатства и указателемъ на возможность преслѣдованія тѣхъ или другихъ полезныхъ государственныхъ цѣлей. Вмѣстѣ съ этимъ, подобная система дала бы возможность, безъ всякой торопливости, исправить и денежную систему. Такое измѣненіе могло бы произойти двоякимъ путемъ. Съ одной стороны, постепенное развитіе промышленности вызвало бы спросъ на денежные знаки, съ другой—нѣкоторое ежегодное уменьшеніе кредитныхъ билетовъ въ обращеніи сократило бы ихъ предложеніе и подняло бы ихъ цѣну, т. е. было бы препятствіемъ къ возвышенію цѣнъ на предметы внутренняго производства, а это, въ свою очередь, дало бы, наконецъ, доступъ звонкой монетѣ на нашъ рынокъ и, слѣдовательно, возможность открыть размѣнъ. Къ сожалѣнію, такой взглядъ на дѣло не былъ усвоенъ нашимъ финансовымъ управленіемъ, а, напротивъ того, было признано необходимымъ прежде всего сосредоточить въ кладовыхъ государственнаго банка значительный запасъ звонкой монеты, пріобрѣтая его съ извѣстнымъ лажемъ въ обмѣнъ на новые выпуски кредитныхъ билетовъ. Послѣдствіе подобной мѣры у всѣхъ на глазахъ. Новые денежные знаки, не находя себѣ помѣщенія во внутреннихъ оборотахъ, развили спекуляцію бумагами, подняли всѣ цѣны на предметы внутренняго производства, повели къ увеличенію нашего доходнаго бюджета въ теченіи 10 лѣтъ съ 352 до 559 милл. рублей, т. е. болѣе, чѣмъ на 58%, посредствомъ возвышенія цифры обложенія; затѣмъ вызвали цѣлую массу частныхъ банковъ, безъ всякой въ нихъ надобности, могутъ повести къ банковому кризису, предупредить который не въ состояніи будетъ и государственный банкъ, если только онъ не прибѣгнетъ къ новымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ. Если же и эту чашу придется намъ выпить, въ виду недостаточности или отсутствія другихъ средствъ къ устраненію банковаго кризиса, то послѣдній, конечно, будетъ только отсроченъ, а не устраненъ. Позволяю себѣ думать, что опытъ недавняго прошлаго не допуститъ насъ до этого безнадежнаго мѣропріятія: и безъ него выпуски бумажныхъ денегъ произвели не малую пертурбацію на нашемъ рынкѣ. И такъ, предположенія и надежды, возникавшія въ концѣ 1867 и началѣ 8168 года, не осуществились, и я утверждаю это, несмотря на очень благопріятное, повидимому, положеніе нашихъ финансовъ по отчету за 1874 годъ.

Для болѣе нагляднаго понятія о возростаніи нашего бюджета, представляю таблицу нашихъ доходовъ и расходовъ за послѣднія 9 лѣтъ.

Годы.	Доходъ руб.	Разница въ сравненіи съ 1866 г.	Расходъ.	Разница въ сравненіи съ 1866 г.	Избытокъ дохода.	Недостатокъ дохода.
1866	352.695,835	—	413.298,011			
1867	419.838,426	67.142,591	424.904,090	11.606,079	—	5.065,664
1868	421.560,459	68.864,624	441.282,998	27.984,987	—	19.722,539
1869	457.496,341	104.800,506	468.797,909	55.499,898	—	11.301,568
1870	480.558,831	128.852,996	485.482,085	72.184,074	— .	4.923,254
1871	508.187,576	155.492,741	499.734,632	86.436,621	8.452,944	—
1872	523.057,196	170.361,361	523.077,475	109.779,464	—	23,279
1873	537.942.323	185.246,488	539.140,337	125.842,326	—	1.198,014
1874	557.733,591	205.037,756	543.317,034	130.019,023	14.416,557	—
		1.085.799,063		619.352,463	22.869.501	32.234,318

недостатокъ 9.364,817.

При взглядѣ на итоги третьяго и пятаго столбца, невольно поражаетъ значительная разница между цифрой увеличенія поступленій и цифрой увеличенія расходовъ; но эта значительная разница является слѣдствіемъ того, что 1866 годъ былъ, очевидно, ненормальный, такъ какъ онъ далъ значительный дефицитъ, вслѣдствіе значительнаго недопоступленія дохода. Исключивъ его изъ сравнительной таблицы и производя сравненіе съ 1867 годомъ, придется для полученія цифры излишняго поступленія вычесть разницу между 1866 и 1867 годомъ, умноживъ ее на 9 лѣтъ. Такимъ образомъ, общая цифра излишнихъ поступленій, въ теченіи 7 лѣтъ, въ сравненіи съ 1867 годомъ, сократится до 548.658,332 руб., а сумма излишнихъ расходовъ въ теченіи того же періода времени и въ сравненіи съ тѣмъ же годомъ будетъ простираться до 524.503,831 руб.

Изъ этой таблицы можно сдѣлать слѣдующіе выводы: государственный доходъ въ 1874 году, въ сравненіи съ 1867 годомъ, возвысился на 32,8%, т. е. почти на 1/3 часть, а расходъ на 28%. Сумма излишнихъ поступленій за семь лѣтъ, въ сравненіи съ доходомъ 1867 года, составляетъ слишкомъ 133% и почти равняется доходу 1874 года. Сумма излишнихъ противъ 1867 года расходовъ за семь лѣтъ, въ сравненіи съ расходомъ этого года, составляетъ 123,7%, а въ сравненіи съ расходомъ 1874 года 96,5%. Затѣмъ, въ 1874 году доходъ превышаетъ расходъ на 14.416,557 руб. или на 2,6%. Если разсматривать всѣ эти цифры и выводы только поверхностнымъ образомъ, то наше финансовое положеніе представляется въ самомъ благопріятномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, государственный доходъ въ теченіи семи лѣтъ увеличился на одну треть, и, хотя расходъ также увеличился, но въ меньшей пропорціи, а именно на 28 процентовъ; затѣмъ, по дѣйствительному исполненію государственной росписи за послѣдній годъ разсматриваемаго нами періода времени, представляется излишекъ доходовъ надъ расходами въ 2,6%. Повидимому, лучшаго положенія ожидать нельзя. Хотя это хорошее впечатлѣніе и ослабляется нѣсколько двумя послѣдними

столбцами составленной мною таблицы, изъ которыхъ, не считая 1866 года, какъ выходящаго изъ ряда, въ теченіи послѣднихъ 8 лѣтъ, шесть лѣтъ представляются съ дефицитомъ и только два года съ избыткомъ доходовъ надъ расходами, но, въ общей сложности, недостатокъ доходовъ надъ расходами за всѣ восемь лѣтъ не достигаетъ и десяти милліоновъ, что̀, при доходахъ въ 557 милл:, не представляетъ почти никакого значенія.

Въ такомъ видѣ представляются цифры нашего бюджета человѣку, привыкшему довольствоваться одной стороной дѣла и не обращающаго вниманія на обстоятельства, нарушающія это пріятное впечатлѣніе. Но кто хоть сколько-нибудь привыкъ отдавать себѣ отчетъ въ значеніи цифръ, тотъ изъ разсмотрѣнія составленной мною таблицы, даже съ ея внѣшней стороны, не можетъ вынести заключенія, что наша финансовая политика находится на вѣрной дорогѣ. Прежде всего, безпристрастнаго наблюдателя поражаетъ то, что, несмотря на такое громадное и постоянное возвышеніе доходовъ, общій результатъ за восемь лѣтъ представляетъ, всетаки, дефицитъ въ 9 слишкомъ милліоновъ рублей. Вовторыхъ, наблюдатель поражается колебаніями между дефицитами и остатка̀ми, что̀ указываетъ на отсутствіе у насъ общаго и безусловно необходимаго правила въ каждомъ хозяйствѣ — при обстоятельствахъ обыкновенныхъ, производить расходы, соображаясь съ дѣйствительными доходами. Обстоятельство это поражаетъ наблюдателя тѣмъ болѣе, что дѣйствительное поступленіе доходовъ за всѣ годы разсматриваемаго періода постоянно и значительно превышало цифру сметнаго предположенія расходовъ; слѣдовательно, еслибъ въ нашей финансовой практикѣ наблюдалось вышеозначенное правило, и расходы, не предусмотрѣнные сметою, допускались бы лишь въ мѣрѣ дѣйствительнаго превышенія сметныхъ доходовъ, тогда дефициты не имѣли бы мѣста. Втретьихъ, вниманіе наблюдателя останавливается и на томъ обстоятельствѣ, что въ 1871 году государственное казначейство, повидимому, пришло въ такое положеніе, что образовался остатокъ доходовъ надъ расходами почти въ 8½ мил. руб., но такое положеніе удержаться не могло, несмотря на возроставшую въ слѣдующіе годы сумму доходовъ, и вновь явился дефицитъ, который былъ устраненъ только въ 1874 году возвышеніемъ доходовъ разомъ на 20 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ, заключая отъ предъидущаго къ послѣдующему и не видя никакихъ мѣръ противъ хроническаго возростанія нашихъ расходовъ, нельзя разсчитывать на прочность положенія и ручаться за то, что оно удержится и въ 1875 году; напротивъ, очень можно ожидать, что расходы этого года опять поглотятъ всѣ доходы, а на 1876 годъ снова явится дефицитъ. Если эти опасенія сбудутся, то наше финансовое положеніе будетъ гораздо хуже, нежели было въ 1867 году, на томъ простомъ основаніи, что цифра бюджета въ то время была гораздо ниже и, слѣдовательно, платежныя силы

страны не были въ такомъ напряженіи, какъ теперь. Наконецъ, въ-четвертыхъ, внимательному наблюдателю представляются слѣдующіе вопросы: на сколько выгодно, въ экономическомъ отношеніи вообще и въ финансовомъ въ особенности, такое быстрое возвышеніе государственныхъ доходовъ? Въ состояніи ли платежныя средства страны развиваться такъ быстро, какъ увеличивался государственный доходъ? Другими словами: это увеличеніе дохода, вмѣсто того, чтобъ представлять часть народнаго дохода, не представляетъ ли части народнаго капитала, которымъ пополнена увеличенная сумма дохода? Чѣмъ оправдывается необходимость такого быстраго и постояннаго возростанія государственныхъ расходовъ, несмотря на то, что, во весь этотъ періодъ времени, Россія наслаждалась полнымъ спокойствіемъ и не имѣла никакихъ внѣшнихъ замѣшательствъ? Всѣ эти вопросы бросаются въ глаза при первомъ внимательномъ взглядѣ на внѣшнюю сторону составленной мною таблицы и безъ всякаго отношенія къ тѣмъ мѣрамъ, которыми вызвано было повышеніе доходовъ.

Если читатель потребуетъ отъ меня отвѣта на эти вопросы, то я постараюсь удовлетворить его любопытству въ настоящую минуту, руководствуясь только общими соображеніями, имѣя въ виду представить, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи подробностей, болѣе вѣскія доказательства.

Въ отвѣтъ на первый вопросъ мнѣ приходится замѣтить, что трудно предположить, чтобъ народный доходъ въ этотъ періодъ времени возвысился въ той же степени, въ какой возвысился доходъ государственный, въ особенности, если принять въ соображеніе, что главную статью нашего народнаго дохода представляетъ земледѣльческая промышленность, между тѣмъ, какъ отовсюду несутся извѣстія, что у крестьянъ она находится въ положительномъ застоѣ, а у землевладѣльцевъ упала въ значительной степени. По свѣдѣніямъ, собраннымъ комиссіей подъ предсѣдательствомъ г. министра государственныхъ имуществъ для изслѣдованія сельскаго хозяйства, оказалось, что скотоводство въ послѣдніе 20 лѣтъ нисколько не увеличилось, а овцеводство положительно упало. Между тѣмъ, положеніе этихъ двухъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности представляетъ вѣрнѣйшій признакъ для сужденія о выгодности послѣдней, которую, слѣдовательно, нельзя считать въ хорошемъ положеніи. Недавно собирался съѣздъ горныхъ и металургическихъ заводчиковъ, а также машиностроителей, и представлялъ эти отрасли промышленности далеко не въ благопріятномъ свѣтѣ. Наши желѣзно-дорожныя кампаніи, за исключеніемъ четырехъ или пяти, ведутъ свои дѣла такъ неудовлетворительно, что не только не даютъ дивиденда по акціямъ, но не выплачиваютъ даже правительству процентовъ съ облигаціоннаго капитала. Все это—признаки, не доказывающіе развитія промышленности и увеличенія народнаго дохода. Стало быть, увеличенія народнаго дохода въ

послѣднія восемь лѣтъ на 32% предположить нельзя, и, слѣдовательно, часть государственнаго дохода должна покрываться изъ оборотнаго капитала страны, такъ какъ другого источника для поступленій въ виду не имѣется. Уменьшеніе же народнаго оборотнаго капитала должно имѣть своимъ послѣдствіемъ сокращеніе производства и, слѣдовательно, уменьшеніе платежныхъ средствъ страны, т. е. самыхъ источниковъ государственнаго дохода. Ниже, разсматривая отдѣльныя статьи дохода, я постараюсь указать и тотъ путь, которымъ часть оборотнаго капитала страны переходитъ въ кассы государственнаго казначейства, а теперь буду продолжать мой отвѣтъ на поставленные выше вопросы. Всѣ лучшіе экономисты, и между ними наиболѣе уважаемый и солидный Джонъ Стюартъ Миль, говоря о возможномъ возвышеніи государственнаго дохода, признаютъ очень вредной для экономическаго развитія страны даже такую систему, при которой это возвышеніе поглощаетъ значительную часть народныхъ сбереженій, такъ какъ подобный порядокъ вещей ослабляетъ въ народѣ стремленіе къ сбереженіямъ, ведетъ къ непроизводительнымъ тратамъ самихъ плательщиковъ, а затѣмъ и къ ослабленію порядочности и нравственности. Для поддержанія и поощренія этого стремленія къ накопленію богатствъ Миль совѣтуетъ, при подоходномъ налогѣ, облагать только ту часть дохода, которая потребляется плательщикомъ, и избѣгать обложенія той части дохода, которая обращается въ сбереженіе, т. е. присоединяется къ народному капиталу. Миль не предполагалъ даже и возможности такого порядка вещей, при которомъ государственный доходъ могъ бы падать на народный капиталъ, между тѣмъ, возвышеніе нашего государственнаго дохода въ теченіи 8 лѣтъ на цѣлую треть, не считая возвышенія земскихъ сборовъ и городскихъ доходовъ, прямо указываетъ, что это возвышеніе падаетъ не на доходъ, а на капиталъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ признаковъ, которые бы указывали на возвышеніе народнаго дохода въ такой значительной пропорціи. Предположить же, что русскій народъ для уплаты налоговъ могъ сократить свое потребленіе противъ прежняго времени положительно невозможно, такъ какъ ограниченныя потребности нашего работника всѣмъ извѣстны, и на Западѣ удивляются, что человѣкъ можетъ довольствоваться такими условіями жизни. Подобное явленіе было бы тѣмъ болѣе печальнымъ, что оно могло бы ухудшить и безъ того плохія гигіеническія условія жизни народа и вызвать бо̀льшую смертность. Поэтому, я не дохожу до подобнаго предположенія и допускаю только возможность увеличенія государственнаго дохода на счетъ оборотнаго капитала страны.

Мнѣ могутъ сдѣлать одно возраженіе: могутъ сказать, что, еслибъ такое мнѣніе было справедливо, еслибы вся сумма, излишне поступившая въ казну, въ сравненіи съ доходомъ 1867 года, взята была изъ оборотнаго капитала страны, то такое явленіе не могло бы остаться безъ послѣдствій, бросающихся въ

глаза: оно необходимо вызвало бы сильное сокращеніе производства и сильный упадокъ заработной платы—упадокъ, пропорціональный извлеченному изъ оборотовъ капиталу. Но, такъ какъ этихъ послѣдствій мы не видимъ, то и предположеніе, что увеличеніе государственнаго дохода поглощаетъ народный капиталъ — не вѣрно.

На это возраженіе я позволю себѣ замѣтить, что его могутъ сдѣлать только люди, никогда не анализировавшіе экономическихъ явленій и не замѣчавшіе той связи, которая существуетъ между всѣми сторонами этихъ явленій. Въ сложномъ государственномъ организмѣ, въ особенности, если онъ не отдѣленъ китайской стѣной отъ другихъ такихъ же организмовъ, всѣ экономическіе интересы такъ тѣсно переплетаются между собою, что нельзя тронуть одного изъ нихъ, чтобъ это не отозвалось прямо или косвенно на другихъ, посредствомъ которыхъ данный толчекъ отзовется на третьихъ и т. д., до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Такая солидарность экономическихъ интересовъ обусловливаетъ особенную способность ихъ приспособляться къ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ и ослаблять вредное вліяніе послѣднихъ, обусловливаетъ, если можно такъ выразиться, ихъ особенную живучесть. Чѣмъ обширнѣе область экономическихъ сношеній и связей, тѣмъ незамѣтнѣе съ перваго раза вліяніе неблагопріятныхъ условій на производительность страны, но тѣмъ на бо̀льшій районъ и періодъ времени остается ихъ вліяніе. Теряя въ силѣ въ первую минуту, они выигрываютъ во времени. Но, ка̀къ бы ни былъ ослабленъ на первое время этотъ вредъ неблагопріятныхъ условій, вслѣдствіе существующей солидарности экономическихъ интересовъ, онъ будетъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ на бо̀льшій періодъ времени онъ разложится, такъ какъ причины, его вызывающія, могутъ остаться долго незамѣченными и подтачивать исподволь производительныя силы страны.

Примѣняя эти общія положенія къ занимающему меня въ настоящую минуту вопросу, легко доказать неосновательность предположеннаго мною возраженія. Еслибъ Россія была государствомъ изолированнымъ и не имѣла бы никакихъ сношеній съ европейскими рынками, то, конечно, упадокъ производства и заработной платы былъ бы необходимымъ и немедленнымъ послѣдствіемъ такого сильнаго возрастанія государственнаго дохода, какой мы пережили. Но этого нѣтъ. Россія находится въ связи со всѣми рынками Европы, на которыхъ капиталъ накапливается въ значительныхъ размѣрахъ вслѣдствіе сильнаго развитія промышленной дѣятельности. Капиталъ же, по своему характеру, имѣетъ космополитическія тенденціи и стремится туда, гдѣ онъ цѣнится выше, гдѣ онъ приноситъ бо̀льшій процентъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ возвышеніе государственнаго дохода производило убыль въ оборотномъ капиталѣ страны, эта убыль постоянно пополнялась съ заграничныхъ рынковъ при посредствѣ выпуска различныхъ процентныхъ бумагъ въ видѣ

акцій, облигацій, закладныхъ листовъ и выигрышныхъ займовъ. Это движеніе заграничныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ происходило, по всей вѣроятности, даже въ бо̀льшей степени, чѣмъ убыль оборотнаго капитала, вслѣдствіе возвышенія государственнаго дохода, такъ что, въ общей сложности, количество оборотныхъ капиталовъ въ странѣ, несмотря на усиленныя ихъ затраты на покрытіе государственныхъ расходовъ, по всей вѣроятности, не только не уменьшилось, но увеличилось; мало этого, мы видимъ, что движеніе этихъ капиталовъ было на столько сильно, что оно дало возможность сосредоточить въ кладовыхъ государственнаго банка металическій запасъ на 175 милліоновъ рублей болѣе, въ сравненіи съ прежнимъ и выстроить до 20 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ. Правда, подобная затрата не представляется производительной, такъ какъ металическій запасъ государственнаго банка не приноситъ ровно никакой пользы, а желѣзныя дороги не оплачиваютъ процентовъ съ затраченнаго на нихъ капитала и этотъ убытокъ постоянно пополняется средствами государственнаго казначейства; но это—другой вопросъ, къ которому мы еще возвратимся впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ, эти факты указываютъ на движеніе заграничныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ — движеніе, давшее возможность пополнить убыль въ оборотномъ капиталѣ страны, произведенную увеличеніемъ государственнаго дохода; это извлеченіе изъ оборотовъ необходимаго для народной промышленности капитала и пополненіе его на счетъ заграничныхъ капиталовъ, конечно, не обходится даромъ, и народная промышленность платитъ за нихъ тѣмъ бо̀льшій процентъ, чѣмъ болѣе употреблено усилій для его пріобрѣтенія. Принимая же въ соображеніе, что, по обширности нашего отечества и разъединенности мелкихъ потребителей капиталовъ, между послѣдними и заграничными капиталистами должна была явиться цѣлая серія посредниковъ, услуги которыхъ должны быть также оплачены, необходимо придти къ заключенію, что этотъ кредитъ достался русской промышленности не дешево. Доказательство этому мы видимъ въ тѣхъ барышахъ, которые получаютъ какъ заграничные, такъ и наши банки и банкиры. Вотъ причина, читатель, вслѣдствіе которой поверхностному наблюдателю, непривыкшему анализировать экономическія явленія и останавливающему свое вниманіе только на одной сторонѣ медали, можетъ показаться, что увеличеніе государственнаго дохода есть всегда результатъ увеличенія дохода народнаго. Между тѣмъ, если перевернуть медаль и посмотрѣть на это явленіе съ другой стороны, то, во-первыхъ, окажется, что возрастаніе народнаго дохода въ такой быстрой степени едва ли возможно допустить, а, во-вторыхъ, что, въ силу космополитическихъ свойствъ капиталовъ и существующей солидарности экономическихъ интересовъ различныхъ странъ, убыль капиталовъ въ одной мѣстности пополняется изъ другихъ, хотя и не безъ жертвъ со стороны нуждающейся въ капиталахъ мѣст-

ности. Такимъ образомъ, убыль капиталовъ, пополняемая извнѣ, очень часто не бываетъ замѣтна.

Остановимся, читатель, на этомъ явленіи. Доказавши его возможность, я позволю себѣ взглянуть на послѣдствія занимающаго насъ факта быстраго возвышенія государственнаго дохода, и притомъ, все-таки, разсматривая такое возвышеніе только съ внѣшней его стороны, то-есть нисколько не касаясь тѣхъ мѣропріятій, которыми оно достигнуто. Выше я указалъ на признаки, по которымъ можно заключить, что это возвышеніе происходитъ на счетъ оборотнаго капитала; теперь я представилъ читателю новыя соображенія, въ силу которыхъ установившаяся промышленность не можетъ оставаться безъ оборотныхъ средствъ и во чтò бы то ни стало добываетъ ихъ на заграничныхъ рынкахъ и тѣмъ за бòльшій процентъ, чѣмъ болѣе является затрудненій для реализаціи этихъ капиталовъ. Такимъ образомъ, изъ этихъ послѣдствій оказывается, что возвышеніе государственнаго дохода, если оно не покрывается возвышеніемъ народнаго дохода, реализуется, въ концѣ концовъ, все-таки, посредствомъ заграничнаго займа, но только заемъ этотъ дѣлается не правительствомъ, а частными лицами, и не въ моментъ поступленія суммъ въ государственное казначейство, а нѣсколько позднѣе, когда промышленность почувствуетъ недостатокъ въ оборотномъ капиталѣ. Если это такъ — а это и не можетъ быть иначе—то представляется вопросъ: какія же послѣдствія возникаютъ изъ этого въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи? Вотъ вопросъ, на который, по крайней мѣрѣ, у насъ обращается очень мало вниманія, между тѣмъ, какъ онъ имѣетъ громадное значеніе въ цѣломъ строѣ государственнаго хозяйства. Прежде всего, возвышеніе государственнаго дохода, извлекая изъ обращенія часть оборотныхъ средствъ страны, затрудняетъ обороты промышленности; для отклоненія этихъ затрудненій каждый промышленникъ долженъ прибѣгать къ краткосрочнымъ займамъ, которые обходятся дорого, и такимъ образомъ часто приходится жертвовать всѣми доходами, чтобъ только избѣжать капитальныхъ потерь. Когда подобныя затрудненія разовьются въ значительныхъ размѣрахъ и процентъ за ссуды возрастетъ значительно, тогда, но только тогда, эта убыль оборотнаго капитала въ странѣ можетъ быть пополнена приливомъ заграничныхъ капиталовъ, такъ какъ для такого пополненія нужна особая организація цѣлаго ряда посредниковъ и посредническихъ обществъ. До этого же времени промышленность во многихъ случаяхъ несетъ потери и доходы страны должны уменьшиться. Затѣмъ, даже и при восполненіи этой убыли капиталовъ, частный заемъ всегда обходится гораздо дороже правительственнаго, и, слѣдовательно, страна выплачиваетъ высшій процентъ, нежели въ томъ случаѣ, когда недостатокъ государственныхъ доходовъ покрывается прямо внѣшнимъ государственнымъ займомъ. Изъ этихъ общихъ соображеній слѣдуетъ выве-

сти одно практическое правило, которое едва ли когда соблюдается, между тѣмъ какъ необходимость его соблюденія очевидна, а именно: *при недостаткѣ государственныхъ доходовъ на удовлетвореніе возникающихъ потребностей и при отсутствіи положительныхъ признаковъ возрастанія народнаго дохода, гораздо выгоднѣе удовлетворять эти потребности посредствомъ внѣшняго государственнаго займа, чѣмъ прибѣгать къ возвышенію цифры государственныхъ доходовъ какими бы то ни было путями.* Выгода въ этомъ случаѣ будетъ двойная: промышленность не потерпитъ стѣсненій и страна заплатитъ менѣе высокій процентъ. Возвышеніе цифры государственнаго дохода для покрытія вновь возникающихъ государственныхъ потребностей можетъ оправдываться только въ томъ случаѣ, когда существуютъ несомнѣнные признаки возрастанія народнаго дохода и полная увѣренность, что это возвышеніе не только не касается оборотнаго капитала страны, но что оно поглотитъ только пропорціональную часть возрастанія народнаго дохода. Если же возрастаніе народнаго дохода будетъ поглощено возвышеніемъ налога вполнѣ или въ бо́льшей его части, то и тогда это возвышеніе принесетъ громадный вредъ, такъ какъ оно будетъ уничтожать въ корнѣ всякое стремленіе къ накопленію богатства и къ дальнѣйшему развитію благосостоянія страны.

Но вредъ финансовой политики, стремящейся къ возвышенію цифры государственнаго дохода при отсутствіи пропорціональнаго возвышенія народнаго дохода, этимъ не ограничивается. Я представилъ выше только одну и, притомъ, слабую сторону этого вреда. Самая серьёзная сторона его заключается въ томъ, что возвышеніе государственнаго дохода въ этомъ случаѣ маскируетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, бюджетъ представляетъ равновѣсіе между доходами и расходами государства, иногда даже избытокъ первыхъ надъ послѣдними; въ сущности же, это не такъ: извѣстная часть расходовъ покрывается изъ оборотнаго капитала страны, и страна, внеся эту часть своего капитала на покрытіе государственныхъ потребностей въ текущемъ году, принуждена будетъ въ слѣдующемъ прибѣгнуть къ заграничному займу по высокимъ процентамъ. Такимъ образомъ, является національный долгъ въ видѣ акцій и облигацій разныхъ банковъ и другихъ промышленныхъ обществъ, помимо государственнаго, между тѣмъ какъ значительная часть этого долга пошла вовсе не на развитіе промышленности, а на покрытіе суммы, взятой изъ ея средствъ на издержки государственнаго казначейства.

Такое положеніе дѣлъ не остается безъ вліянія на экономію страны. Когда въ государственномъ бюджетѣ представляется открытый дефицитъ, всякій его видитъ; всѣ признаютъ его неудобства, и, разумѣется, люди, власть имѣющіе, стараются устранить это неудобство прежде всего экономіею въ расходахъ. Возвышеніе государственнаго долга на покрытіе текущихъ рас-

ходовъ ни для кого не желательно, и каждый министръ финансовъ, при требованіи отъ него средствъ на покрытіе новыхъ государственныхъ издержекъ, имѣетъ прямое возраженіе въ указаніи на неблагопріятное положеніе государственнаго бюджета. Необходимость заставляетъ относиться критически ко всѣмъ видамъ государственныхъ издержекъ, строго изслѣдуя ихъ полезность и неотложность. Но совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется положеніе дѣлъ, когда доходы государства прогрессируютъ, хотя бы и на счетъ убыли въ народномъ капиталѣ. Немногимъ дано оцѣнить вполнѣ ту безусловно неизбѣжную связь между доходами государственнымъ и народнымъ, изъ которыхъ послѣдній является *единственнымъ* источникомъ перваго, и едва ли кто-нибудь въ состояніи дать себѣ отчетъ, въ какомъ отношеніи должны находиться эти доходы одинъ къ другому. Еслибы и была какая-нибудь возможность, хотя бы теоретически и совершенно a priori, опредѣлить это отношеніе, то, за отсутствіемъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія цифры народнаго дохода, нѣтъ возможности указать, какая цифра государственнаго дохода не будетъ обременительна для народа. Въ силу такихъ обстоятельствъ, большинство людей, и притомъ даже серьёзныхъ, не привыкло отдавать себѣ ясный отчетъ, изъ какихъ источниковъ покрывается государственный бюджетъ. Положеніе дѣлъ считается благопріятнымъ, если государственные расходы покрываются доходами, и блестящимъ, если представляется избытокъ доходовъ при постоянномъ ихъ прогрессѣ, отъ какихъ бы причинъ ни зависѣлъ этотъ прогрессъ. Такое мнѣніе установилось въ практикѣ большинства европейскихъ государствъ. Но если финансовое положеніе государства считается благопріятнымъ, тогда бережливость и экономія вовсе не считаются достоинствомъ государственнаго человѣка. Напротивъ того, тогда каждый государственный человѣкъ старается расширить свой бюджетъ съ цѣлію улучшенія той части государственнаго управленія, которой онъ завѣдуетъ, такъ какъ для всякаго улучшенія нужны новыя средства. При такихъ взглядахъ на дѣло, полезные расходы легко переносятся въ разрядъ необходимыхъ, а излишніе представляются полезными. Весьма естественное стремленіе привлечь въ управленіе лучшія силы порождаетъ необходимость возвышенія окладовъ служащихъ лицъ, что̀ возвышаетъ уровень потребностей не только въ средѣ служащихъ, но и въ цѣломъ обществѣ. Это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, порождаетъ необходимость новаго возвышенія окладовъ и т. д. Что̀ касается министерства финансовъ, которое одно можетъ быть заинтересовано въ сокращеніи расходовъ, то оно, при прогрессированіи доходовъ, и въ особенности при ихъ избыткѣ, не имѣетъ никакихъ основаній отказывать въ средствахъ, которыя состоятъ на лицо. Потребности же всегда являются прежде, чѣмъ средства къ ихъ удовлетворенію. Такимъ образомъ, если государственный доходъ возвышается на счетъ

народнаго капитала, то подобный дефицитъ рѣдко замѣчается на практикѣ и, за отсутствіемъ побудительныхъ причинъ для сокращенія расходовъ, продолжаетъ возрастать. Подобныя послѣдствія тѣмъ болѣе возможны, что расширить расходъ при наличныхъ средствахъ очень легко, но сократить его чрезвычайно трудно, въ виду того обстоятельства, что всякій государственный расходъ порождаетъ извѣстные интересы, нарушеніе которыхъ всегда вызываетъ затрудненія. Увеличить, напримѣръ, оклады служащихъ очень легко, но убавить ихъ почти невозможно.

Подобное положеніе дѣлъ представляется особенно вреднымъ именно потому, что людямъ, непривыкшимъ анализировать экономическія явленія, трудно представить неоспоримыя доказательства не только положительнаго существованія скрытаго дефицита, но даже его возможности; опредѣлить же его размѣры нѣтъ никакихъ средствъ, за отсутствіемъ всякихъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія количества народнаго капитала въ данный моментъ. Въ этомъ отношеніи существуютъ только общія соображенія и косвенные признаки, понятные далеко не всѣмъ. При такомъ положеніи вопроса, люди, заинтересованные въ расширеніи государственнаго бюджета (а такіе люди существуютъ въ каждомъ обществѣ), стараются всѣми силами доказать неизбѣжность и необходимость тѣхъ или другихъ расходовъ въ видахъ государственной или народной пользы, отрицаютъ обременительность налоговъ и ихъ несоразмѣрность съ средствами плательщиковъ и доходятъ до того, что вмѣняютъ правительству въ непремѣнную обязанность собранныя посредствомъ налога суммы тратить на выдачу премій и субсидій для развитія извѣстныхъ отраслей промышленности, прикрывая всѣ подобные возгласы патріотическими чувствами.

Такія мнѣнія, конечно, очень понятны въ практической жизни, такъ какъ практика очень часто довольствуется поверхностнымъ взглядомъ на дѣло, но меня всегда удивляетъ оптимизмъ нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, которые восхищаются тѣмъ, что бюджетъ сводится безъ дефицитовъ, а отчетъ государственнаго контроля указываетъ на постоянное возрастаніе доходовъ. Казалось бы, что люди, берущіеся за обсужденіе подобныхъ вопросовъ въ печати, должны бы понимать дѣйствительное значеніе экономическихъ явленій, но на повѣрку выходитъ иначе, и Митрофаны Простаковы не вывелись у насъ даже въ литературѣ.

Изъ сказаннаго выше читатель можетъ видѣть, что быстрое возвышеніе нашихъ государственныхъ доходовъ, даже если разсматривать только общіе ихъ годовые итоги, нельзя отнести къ быстрому возвышенію народнаго дохода, а, слѣдовательно, въ этомъ явленіи нельзя видѣть ничего утѣшительнаго. Я прихожу къ этому заключенію вслѣдствіе отсутствія тѣхъ признаковъ, которые могли бы свидѣтельствовать о быстромъ развитіи нашей промыш-

ленности. Еслибъ послѣдняя развивалась такъ же быстро, какъ увеличивается нашъ бюджетъ, то-есть болѣе, чѣмъ на 30 процентовъ въ теченіи семи лѣтъ, то заработная плата, конечно, поднялась бы еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Этого мы, однакожь, не видимъ, а, напротивъ, встрѣчаемъ такіе факты, что обработка озимовой десятины въ нашихъ черноземныхъ и довольно густо населенныхъ мѣстностяхъ доходитъ до пяти рублей, иногда же падаетъ до четырехъ рублей. Гораздо вѣрнѣе предположить, что такое возвышеніе государственнаго дохода вызывалось возрастаніемъ государственныхъ потребностей. При такихъ условіяхъ, несмотря на видимое равновѣсіе между доходами и расходами, невозможно отрицать существованія скрытаго дефицита, пополняемаго займами промышленности, которые обходятся странѣ, конечно, гораздо дороже, чѣмъ прямые правительственные займы на покрытіе явныхъ дефицитовъ.

Если таково наше финансовое положеніе (подтвержденіе чего я съ бо̀льшей убѣдительностію постараюсь представить при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи сметы), то-есть, если возрастаніе доходовъ вызывалось только возрастаніемъ нашихъ потребностей, то разсмотрѣніе общихъ итоговъ нашего бюджета наводитъ еще на одинъ весьма существенный вопросъ: достигла ли цифра бюджета своей нормальной величины, при которой она можетъ оставаться постоянной, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторый періодъ времени, или же она должна возрастать въ той же пропорціи, какъ это было въ послѣдніе годы? Постараюсь отвѣчать на этотъ вопросъ, также руководствуясь только общими соображеніями и всѣмъ извѣстными фактами.

Самое богатое изъ нашихъ министерствъ, это—военное: на удовлетвореніе потребностей его опредѣляется по сметѣ 1876 года 180 мил. руб. изъ 559 мил. дохода, т. е. слишкомъ 32%, не считая расходовъ на военныя издержки по другимъ вѣдомствамъ. По отношенію къ этому вѣдомству, такъ богато одаренному, было признано возможнымъ опредѣлить даже нормальный бюджетъ на извѣстный періодъ времени, стало быть, нужды его считались вполнѣ предусмотрѣнными. Но ка̀къ же это въ дѣйствительности и можно ли сказать, что потребности нашей арміи удовлетворены вполнѣ? Кто хотя мало знакомъ съ нашими порядками, тотъ, конечно, не остановится дать на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Для этого достаточно указать на положеніе медицинской части въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ. Можетъ ли считаться нормальнымъ такой порядокъ, при которомъ военный врачъ получаетъ жалованья 330 руб. и столовыхъ 129 руб. въ годъ? Вѣдь, этотъ человѣкъ долженъ былъ приготовлять себя для подобной дѣятельности въ теченіи пяти лѣтъ, въ высшемъ учебномъ заведеніи. Всякій десятникъ на работахъ или старшій дворникъ петербургскаго дома, отъ которыхъ ничего не требуется, кромѣ граматности, получаетъ болѣе, чѣмъ полковые врачи. Каждый прапорщикъ въ арміи, отъ котораго тре-

буются свѣдѣнія не болѣе, какъ отъ ученика третьяго класса гимназіи, получаетъ содержаніе на 80 руб. выше, нежели человѣкъ, получившій высшее и, притомъ, спеціальное образованіе. Говорятъ, что медикъ имѣетъ возможность добывать средства къ существованію практикой. Но для всѣхъ ли военныхъ медиковъ возможна практика? Послѣдняя создается временемъ и постояннымъ жительствомъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, на что̀ разсчитывать полковой врачъ никогда не можетъ; да и возможно ли требовать отъ человѣка добросовѣстнаго исполненія его обязанностей по службѣ, если средства его существованія зависятъ отъ постороннихъ занятій? Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о медицинской части и взглянемъ, насколько обезпечены строевые чины арміи. Всѣ оберъ-офицеры арміи, хотя и получаютъ болѣе, чѣмъ полковые врачи, тоже находятся на весьма скудномъ содержаніи, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ привлечь людей способныхъ и образованныхъ, и въ военной службѣ въ арміи остается только тотъ, которому нѣкуда дѣваться: всякій же мало-мальски способный человѣкъ, даже еслибъ судьба и заставила его пойти въ военную службу, при первой возможности оставляетъ ее, потому что жить нѣчѣмъ. Въ виду этого несомнѣннаго факта, нельзя сказать, что нужды нашей арміи удовлетворены. Нѣтъ, она нуждается, и притомъ очень сильно въ образованныхъ и способныхъ офицерахъ. Исторія послѣднихъ войнъ показала намъ, что армія, гдѣ корпусъ офицеровъ болѣе образованъ, имѣетъ громадныя преимущества. Ка̀къ велика сумма, необходимая для улучшенія положенія офицеровъ въ арміи, можно судить изъ того, что послѣдняя прибавка, возвысившая оклады оберъ-офицеровъ только на 80 руб. въ годъ и ротныхъ командировъ на 300 руб. въ годъ, потребовала до 3-хъ милліоновъ руб. Конечно, такая прибавка не могла улучшить составъ корпуса офицеровъ и привлечь въ него людей образованныхъ; для этого необходимо, если не утроить, то, по крайней мѣрѣ, удвоить ихъ оклады, для чего мало и десяти милліоновъ руб. Но одна прибавка содержанія, все-таки, не создастъ образованнаго корпуса офицеровъ. Для достиженія этой цѣли необходимо увеличеніе числа военно-учебныхъ заведеній и созданіе такихъ условій жизни, которыя не изгоняли бы образованныхъ людей изъ этого рода службы. Поэтому, необходимо прекратить размѣщеніе войскъ по деревнямъ, гдѣ офицеры должны отказываться не только отъ всякаго общества, но часто жить въ курныхъ избахъ и оставить всякую претензію на какія бы то ни было удобства жизни. При подобныхъ условіяхъ жизни, молодые люди, даже получившіе образованіе, могутъ отупѣть и заскорузнуть въ нѣсколько лѣтъ. Устройство же казармъ можетъ потребовать громадныхъ издержекъ. Что̀ касается послѣднихъ распоряженій о поощреніи къ постройкѣ казармъ частной промышленностію и обращеніи на пособіе съ этой цѣлію 28 милліоновъ, накопившихся въ военномъ вѣдомствѣ отъ про-

даже рекрутскихъ квитанцій въ прежнее время, то мнѣ кажется, что мѣра эта можетъ сильно повредить развитію нашей производительной промышленности отвлеченіемъ отъ нея капиталовъ, въ которыхъ она такъ нуждается. Льготы, которыя могутъ быть даны въ этомъ случаѣ частнымъ промышленникамъ, и хорошая наемная плата лицамъ, которыя возьмутся за устройство казармъ, дѣйствительно могутъ привлечь частные капиталы къ этого рода операціямъ, но эти капиталы будутъ отвлечены отъ производительнаго дѣла, которое должно будетъ искать новыхъ средствъ путемъ займовъ и скрытый дефицитъ возвысится еще болѣе.

Таковы нужды военнаго вѣдомства только при самомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣло даже со стороны неспеціалиста, и безъ всякой ошибки можно сказать, что человѣкъ, изучившій дѣло спеціально, найдетъ много другихъ нуждъ арміи, которыя не менѣе настоятельны.

Но не одно военное вѣдомство нуждается въ средствахъ. Морское вѣдомство, при существующемъ бюджетѣ, не можетъ также думать о значительномъ развитіи морскихъ силъ на Черномъ Морѣ. Между тѣмъ это развитіе необходимо должно совершиться, потому что не даромъ же была провозглашена отмѣна условій парижскаго трактата объ ограниченіи нашихъ морскихъ силъ на югѣ; при нынѣшнихъ же нашихъ силахъ, мы не могли бы защитить нашихъ портовъ даже при нападеніи на нихъ со стороны Турціи.

Наша желѣзнодорожная сѣть далеко не закончена, и, слѣдовательно, проценты по консолидированнымъ облигаціямъ будутъ постоянно возрастать, а, такъ какъ они далеко не поступаютъ въ той же цифрѣ отъ желѣзнодорожныхъ обществъ, то эта разница должна падать на общіе доходы государства все въ бòльшихъ и бòльшихъ размѣрахъ.

Средства министерства народнаго просвѣщенія, въ сравненіи съ потребностію образованія въ Россіи, также ничтожны, въ особенности по отношенію къ числу народныхъ школъ и приготовленію народныхъ учителей.—Даже удвоеніе этихъ средствъ, какъ мнѣ кажется, не удовлетворило бы потребности —такъ ощутителенъ недостатокъ образованія во всѣхъ классахъ общества и такъ велика потребность въ немъ. Чтò касается министерства юстиціи, то бюджетъ его также подлежитъ значительному расширенію, такъ какъ судебная реформа далеко еще не введена во всей Россіи. Новыхъ судебныхъ учрежденій еще нѣтъ въ остзейскихъ губерніяхъ, въ Западномъ Краѣ, въ привислянскихъ, въ Астраханской и Оренбургской Губерніяхъ, а также въ Сибири. При повсемѣстномъ ихъ введеніи, бюджетъ министерства юстиціи долженъ значительно возвыситься. Кромѣ того, и личный составъ многихъ учрежденій долженъ увеличиться, такъ какъ въ настоящее время онъ крайне недостаточенъ. Наконецъ, государственный контроль, при настоящихъ своихъ средствахъ, оставать-

ся рѣшительно не въ состояніи. Необходимо принять въ соображеніе, что средства государственнаго контроля образовались изъ кредитовъ по разнымъ вѣдомствамъ, опредѣленныхъ согласно штатамъ тридцатыхъ годовъ, и расходъ на этотъ предметъ въ тѣхъ размѣрахъ, которые нынѣ установлены представляется мнѣ безполезною тратою казенныхъ средствъ. Ревизія отчетности должна производиться или съ полнымъ вниманіемъ къ дѣлу, и тогда учрежденія государственнаго контроля должны быть для этого вооружены и средствами, и правами, или все должно быть предоставлено усмотрѣнію распорядителей, отвѣтственныхъ только передъ своимъ начальствомъ. Средней мѣры я въ этомъ случаѣ не понимаю. Но, еслибъ правà государственнаго контроля и были въ настоящее время расширены, въ виду сознанія необходимости подобнаго учрежденія, то я долженъ сказать, что настоящія средства этихъ учрежденій на столько ограничены, что они не въ состояніи вести дѣло съ тѣмъ вниманіемъ котораго оно требуетъ.

Изъ сказаннаго читатель видитъ, что цифра нашего бюджета далеко еще не достигла той нормальной величины, при которой ее можно считать приблизительно достаточной и постоянной, по крайней мѣрѣ, на извѣстный періодъ времени, но что она должна возвышаться съ каждымъ годомъ, и гдѣ такое возвышеніе остановится, этого предугадать рѣшительно невозможно. Между тѣмъ, для каждаго правильнаго хозяйства, а въ томъ числѣ и для государственнаго, должна существовать опредѣленная, хотя приблизительная цифра, которая можетъ быть издержана на расходы по государственному управленію безъ вреда для экономическихъ интересовъ страны. Правило, что доходъ государственный долженъ установляться въ такихъ размѣрахъ, чтобъ быть достаточнымъ на покрытіе государственныхъ издержекъ, представляется мнѣ чрезвычайно шаткимъ. Конечно, въ жизни государствъ бываютъ критическіе моменты, которые влекутъ за собою внезапные и чрезвычайные расходы, покрываемые займами, вслѣдствіе чего доходы государства должны быть увеличены во чтò бы то ни стало; но подобные случаи встрѣчаются рѣдко. Такъ, Франція не могла покрывать изъ обыкновеннаго своего бюджета процентовъ по займамъ, образовавшимся вслѣдствіе послѣдней войны съ Пруссіей, и создала новыхъ налоговъ на 487 мил. франковъ. Въ обыкновенное же мирное время, государственные расходы должны быть строго соразмѣрены съ существующими доходами, и дальнѣйшее расширеніе полезныхъ расходовъ должно допускаться только въ томъ случаѣ, когда доходы государства возвышаются путемъ естественнымъ, вслѣдствіе развитія благосостоянія страны и увеличенія народнаго дохода. Достоинство финансовой системы состоитъ во все не въ томъ, чтобы найти средства для производства извѣстнаго количества расходовъ, даже не въ томъ, чтобы взять съ народа все, чтò онъ можетъ заплатить, но въ томъ, во первыхъ, чтобъ суммы, достав-

ляемыя налогами, не превышали дѣйствительной стоимости удовлетворенія тѣхъ потребностей, которымъ можетъ и должно удовлетворять государственное устройство, а, во-вторыхъ—въ томъ, чтобъ эти налоги распредѣлялись правильно, а взимались и расходовались со всевозможною бережливостію.—По этому основаніемъ для опредѣленія общей суммы расходовъ ни въ какомъ случаѣ нельзя принимать существующія потребности: онѣ всегда найдутся и всегда гораздо прежде, чѣмъ явятся средства къ ихъ удовлетворенію. Этимъ основаніемъ всегда должно служить количество дохода, получаемаго въ данный моментъ, помня русскую пословицу, что необходимо *по одёжкѣ тянуть ножки*. Разъ это правило забывается, тогда во всякомъ хозяйствѣ, и еще скорѣе въ государственномъ, представляется положительная безпредѣльность, такъ какъ наши потребности прогрессивны и безграничны, точно такъ же, какъ и мысль человѣка. Если предѣлъ расходовъ опредѣляется количествомъ доходовъ, тогда всѣ вопросы о порядкѣ удовлетворенія различныхъ потребностей въ этихъ предѣлахъ разрѣшаются сравнительно по степени ихъ необходимости и полезности, но, какъ скоро смета доходовъ не ставитъ предѣла расходамъ, тогда расходный бюджетъ можетъ рости въ безконечность, и не будетъ никакихъ основаній, чтобъ остановиться на какой либо цифрѣ: доказать полезность удовлетворенія извѣстной общественной потребности всегда возможно.

Для подтвержденія нашихъ словъ обратимся къ примѣрамъ другихъ государствъ. Такъ, Англія въ 186⁶/₇ году имѣла 69 мил. фунтовъ стерлинговъ дохода, который, несмотря на уменьшеніе цифры обложенія по нѣкоторымъ статьямъ, въ 18⁶⁹/₇₀ возвысился до 75 мил. Расходъ же, возвысившійся въ предыдущемъ году до 74 мил., въ этомъ году снова понижается до 68 мил., а за тѣмъ въ слѣдующемъ, т. е. 187⁰/₁ году, и самый доходъ, вслѣдствіе новыхъ и значительныхъ уменьшеній въ размѣрѣ обложенія, понижается болѣе, чѣмъ на 5½ мил. фунтовъ стерлинговъ. Несмотря, однакожъ, на это пониженіе, въ слѣдующемъ 187¹/₂ году онъ снова возвышается до 74 мил. и вызываетъ новое пониженіе налоговъ на 187²/₃ годъ. Такимъ образомъ въ Англіи постоянная бюджетная цифра установилась около 70 мил. фунтовъ стерлинговъ, и, какъ скоро доходы превышаютъ эту цифру, министерство предлагаетъ пониженіе налоговъ. Поэтому Англія въ своей финансовой политикѣ идетъ далѣе того, чтобъ соразмѣрять цифру своихъ расходовъ съ цифрой дѣйствительнаго дохода: она уменьшаетъ налоги на всю сумму избытка доходовъ истекшаго года. Государственные люди Англіи не довольствуются тѣмъ, чтобъ ограничивать государственный доходъ извѣстнымъ процентомъ съ народнаго дохода; нѣтъ, они стараются взять въ государственный доходъ возможно меньшій процентъ съ народнаго дохода. Въ силу такой политики, англійскій канцлеръ казначейства является передъ палатою ежегодно съ новымъ избыткомъ доходовъ надъ расходами и съ

предложеніемъ новаго пониженія налоговъ.—Отсюда можно вывести два заключенія: во-первыхъ, что *для государства отнюдь не представляется выгоднымъ брать съ народа все, что онъ можетъ заплатить*, а гораздо расчетливѣе, напротивъ, *оставлять въ рукахъ народа наибольшій процентъ его дохода*, такъ какъ, вслѣдствіе этого, возрастаетъ самый источникъ государственнаго дохода; во-вторыхъ, что *уменьшеніе цифры обложенія уменьшаетъ цифру дохода лишь на первое время, а затѣмъ развитіе благосостоянія усиливается до такой степени, что доходъ снова возрастаетъ и даже превосходитъ прежнюю цифру поступленій.* — Я прошу читателя обратить особенное вниманіе на эти два правила англійской финансовой практики, такъ какъ они, повидимому, вовсе не практикуются у насъ, и я постараюсь ниже указать и тѣ послѣдствія, которыя происходятъ отъ этого.

Сравненіе общихъ итоговъ нашего бюджета съ итогами прусскаго еще менѣе выгодно. Пруссія, при незначительномъ бюджетѣ, который до 1866 года не превышалъ, по изслѣдованію Г. Заблоцкаго-Десятовскаго, 150 мил. таллеровъ, умѣла, отнюдь не прибѣгая къ займамъ, развить свои военныя силы и двинуть народное образованіе въ такой степени, какъ ни одно изъ государствъ Европы. Даже въ настоящее время, послѣ присоединенія завоеванныхъ въ 1866 германскихъ государствъ, увеличившихъ населеніе Пруссіи на 30%, послѣ такихъ войнъ, какъ прусско-французская, бюджетъ Пруссіи на 1871 годъ не превышаетъ 236 мил. вмѣстѣ съ тѣми доходами, которые идутъ на покрытіе издержекъ Германской Имперіи, а, за исключеніемъ ихъ, равняются только 187 мил. таллерамъ.—Если же принять въ соображеніе, что налоги въ Пруссіи остаются въ прежнихъ размѣрахъ, то нельзя не удивляться результатамъ, достигнутымъ Пруссіею при такихъ ничтожныхъ пожертвованіяхъ.

Если мы взглянемъ на бюджетъ Соединенныхъ Штатовъ Америки за финансовый годъ, оканчивающійся къ 1-му іюлю 1871 года, мы увидимъ, что, въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ, всѣ внутренніе налоги понижены на 42 мил. долларовъ, а между тѣмъ, изъ поступившаго дохода 383 мил. долларовъ издержано только 292 мил., и является экономія въ 91 мил. долларовъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ находитъ возможнымъ погасить государственный долгъ на сумму 130 мил. долларовъ, и такое погашеніе въ размѣрѣ, превышающемъ экономію, оно производитъ на счетъ остатка наличности отъ предъидущаго года.

Сравненіе общихъ цифръ нашего бюджета съ бюджетами другихъ государствъ прямо указываетъ, что наша финансовая система далеко уступаетъ системамъ этихъ государствъ, но, чтобы указать, въ чемъ заключаются ея недостатки, необходимо разсмотрѣть, какими средствами достигнуто у насъ возвышеніе государственныхъ доходовъ, что мы и сдѣлаемъ въ слѣдующей статьѣ, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ видовъ дохода.

А. Головачовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дѣло Кронеберга.—Желѣзныя дороги.—Оскорбленія личности.—Воровство.—Хаосъ и безпорядокъ въ товароотправленіи.—Кочеванья въ степи.—Крушеніе поѣздовъ.—Тилигульская катастрофа.—Смыслъ ея для Россіи.

«Есть люди, говоритъ г. Спасовичъ въ своей защитительной рѣчи за г. Кронеберга,—которые, по натурѣ своей, болѣе склонны къ жизни семейной; есть люди, которые могутъ прожить цѣлую жизнь холостяками. Тѣхъ, которые принадлежатъ къ первому разряду, такъ и клонитъ къ браку»; а, какъ скоро человѣка начнетъ клонить къ браку, то онъ непремѣнно женится или, если будутъ непреодолимыя препятствія къ женитьбѣ, познакомится съ какою-нибудь дѣвицею или вдовою. Послѣдствія такого знакомства могутъ быть иногда совершенно одинаковы съ женитьбою: могутъ явиться также дѣти. Но у дѣтей есть свои склонности: ихъ, какъ и нѣкоторыхъ людей къ браку, такъ и клонитъ къ черносливу, сахару, и, если встрѣтится препятствіе на пути къ этому, то они не прочь, подобно означеннымъ людямъ, склоннымъ къ браку, обойдти препятствіе и стащить нѣсколько кусочковъ сахару, черносливу. Но вотъ тутъ-то, по мнѣнію г. Спасовича, и лежитъ начало всякаго зла, распространяющагося потомъ на весь міръ; тутъ-то и нужна строгость, и строгость, и строгость. «Говорятъ, ораторствуетъ г. Спасовичъ, защищающій г. Кронеберга противъ обвиненія въ жестокомъ взысканіи съ ребенка за воровство чернослива, сахара: —за что̀ же? развѣ можно такъ строго взыскивать за нѣсколько штукъ черносливу, сахару?» «Я полагаю, отвѣтствуетъ г. Спасовичъ на такое возраженіе людей легкомысленныхъ:—что отъ чернослива до сахара, отъ сахара до денегъ, отъ денегъ до банковыхъ билетовъ путь прямой, открытая дорога!!» Вонъ оно куда пошло! И такъ, благо—такъ философствуетъ г. Спасовичъ —ребенку, если его отецъ, воспитанный на наполеоновскомъ кодексѣ, понимаетъ, какое это ужасное зло—воровство черносливу и сахару, и, чтобы уничтожить корень такого зла не останавливается ни передъ какими наказаніями! Таковъ, по словамъ г. Спасовича, именно г. Кронебергъ, воспитанный на наполеоновскомъ кодексѣ и понимающій, что «государство тогда только и крѣпко, когда оно держится на крѣпкой семьѣ».

Но у насъ, въ Россіи, и такой отецъ, воспитанный на на-

полеоновскомъ кодексѣ, не всегда обезпеченъ въ исправленіи ребенка, показывающаго наклонность къ похищенію чернослива и сахара. Потому, говоритъ г. Спасовичъ, что «бываетъ такъ, что отецъ ребенка занятъ и пріѣзжаетъ домой только по вечерамъ, уѣзжаетъ утромъ; замѣняющая ребенку мать можетъ быть женщина больная, занятая леченіемъ, малоподвижная (какъ была г-жа Жезингъ у г. Кронеберга). Ребенокъ рѣзвится, бѣгаетъ къ дворнику и прислугѣ, заводитъ съ ними знакомство и попадаетъ подъ дурное вліяніе прислуги, научается разнымъ пакостямъ, воровству». Вотъ онъ гдѣ настоящій-то корень зла!

Извѣстно, что у насъ благородные люди — адвокаты, дворяне, чиновники и т. д., и т. д. — недоступны ни для какихъ пакостей, и въ особенности для воровства. Боже сохрани! Это все—Козьмы безсребренники! Всѣ эти пакости, вся грязь сосредоточивается въ черни непросвѣщенной, въ народѣ. И представьте, читатель—о ужасъ!—всѣ мы все наше дѣтство проводили не на рукахъ нашихъ отцевъ и матерей, а на рукахъ нашихъ русскихъ нянь, взятыхъ прямо изъ этой черни непросвѣщенной—нянь, которыя не имѣютъ никакого понятія о наполеоновскомъ кодексѣ, которыя, за немногими исключеніями, такъ добры и ласковы, что не только не ударятъ дитя, ввѣренное ихъ попеченію, а даже кошку или собаку, которыя скорѣе согласятся сами помочь ребенку утащить сахару или черносливу и быть за это побитыми, чѣмъ ударить ребенка за то, что онъ *потихоньку* взялъ сахару или черносливу.

Я думаю, что самое выраженіе «*взять потихоньку*» выработано любящими, болѣзными о своихъ питомцахъ русскими нянями. Во время крѣпостнаго права, когда, при страшномъ мотовствѣ денегъ на показъ при разныхъ торжествахъ, во многихъ барскихъ домахъ, въ будничной жизни, господствовало безсмысленное скопидомство въ родѣ Плюшкинскаго все выдавалось съ вѣсу и въ обрѣзъ, самый хлѣбъ отпускался фунтами, эти няни брали тайкомъ, безъ спросу, кусочки хлѣба, яблоки, лакомства для своихъ питомцевъ и смотрѣли сквозь пальцы, когда послѣдніе и сами дѣлали тоже. Любовь русскихъ няней съ этимъ урываніемъ потихоньку разныхъ гостинцевъ для воспитываемыхъ ими дѣтей скрывала передъ послѣдними безобразную постановку прежней русской семьи и очень часто, вѣроятно, была причиною того, что изъ барчатъ выходили люди, а не звѣри въ человѣческомъ образѣ. Такимъ образомъ, русскія няни, нетолько не знакомыя съ кодексомъ Наполеона, но не знавшія даже русской граматы, вполнѣ невѣжественныя, своимъ любящимъ сердцемъ понимали, что брать иногда потихоньку какой-нибудь кусокъ лакомства въ родительскомъ домѣ не значитъ еще воровать и что если дитя и само сдѣлаетъ это, то тутъ еще никакой нѣтъ порчи.

И вдругъ, передъ нами является признанный у насъ столпъ *юридической* науки, г. Спасовичъ, который старается увѣрить насъ,

что отъ взиманія потихоньку чернослива и сахара въ родительскомъ домѣ до похищенія банковыхъ билетовъ—прямая, открытая дорога, и рисуетъ намъ г. Кронеберга нѣкоторымъ образомъ, какъ героя, который, жестокимъ наказаніемъ своего ребенка за подобные пустяки, спасалъ будто бы его отъ каторжныхъ работъ въ будущемъ и, мало того, укрѣплялъ—*слушайте*! — укрѣплялъ будто бы государство, ибо укрѣплялъ семью!!?? Нѣтъ, почтенный экс-профессоръ! г. Кронебергъ не укрѣплялъ этимъ русской семьи, а расшатывалъ ее. Какъ скоро семья поставлена такимъ образомъ, что ребенокъ не можетъ себѣ достать иначе сахару или черносливу, какъ потихоньку—то тутъ, въ случаѣ воровства ребенка, если и нужно кого-нибудь сѣчь, то отнюдь не ребенка, а, прежде всего, отца, а потомъ мать или ту женщину, которая замѣняетъ ему мать. И когда вы усиливаетесь доказать противное этому, то вы насилуете вашу науку, заставляете ее прелюбодѣйствовать съ вашей адвокатскою мыслію. Г. Кронеберга вы могли и имѣли полное право защищать, нисколько не конфузясь, какъ въ виду будущаго самой дѣвочки, такъ и потому, что изъ слѣдствія видно, что г. Кронебергъ дѣвочку эту по своему, все-таки, любитъ; но при этомъ вы должны были прямо и откровенно сказать, что онъ, г. Кронебергъ, по своимъ педагогическимъ воззрѣніямъ и пріемамъ и по своему характеру, не долженъ лично браться не только за воспитаніе дѣтей, а даже и собакъ. Тоже самое вы имѣли полное право сказать и о замѣняющей для дѣвочки мать г-жѣ Жезингъ. Еслибъ она горячо любила дѣвочку, хоть такъ же, какъ любятъ дѣтей русскія няни, и также заботилась о ней, то, навѣрное, и г. Кронебергу никогда не понадобилось бы проявлять своихъ педагогическихъ талантовъ. А то вы, не имѣя въ рукахъ никакого факта, вмѣсто г. Кронеберга и г-жи Жезингъ, бросаете ни съ того, ни съ сего грязью въ простой русскій людъ, объясняете испорченность дѣвочки тѣмъ, что она бѣгаетъ къ дворнику и прислугѣ, подпадаетъ подъ ихъ, якобы, дурное вліяніе, научается будто бы у нихъ разнымъ пакостямъ и воровству, совершенно забывая при этомъ, что дѣвочка вовсе и по русски не умѣетъ говорить ни одного слова и что, по вашимъ собственнымъ словамъ, она испорченною уже была и въ Швейцаріи. «Она, говорите вы сами:—воспитывалась (въ Швейцаріи) между мужицкими дѣтьми безъ присмотра; у де-Комбà (пасторъ, которому отдалъ ее г. Кронебергъ, взявъ у мужиковъ) ея не перевоспитали: когда отецъ привезъ ее къ себѣ (т. е. въ Петербургъ на дачу, гдѣ случилось происшествіе), то нашелъ въ ней много недостатковъ: неопрятность, неумѣнье держать себя, начатки болѣзни отъ дурной привычки, но главное, что̀ тутъ возмущало отца, это—постоянная, даже безцѣльная ложь». При-чемъ же тутъ, спрашивается, русскій людъ: дворникъ, прислуга и т. д? Ужь если въ испорченности дѣвочки и виноваты мужики, то никакъ не русскіе, а швейцарскіе!

Не могу, при этомъ, кромѣ того, не замѣтить, что меня пора-

жаетъ аристократичность воззрѣній г. Спасовича. Я никакъ до сихъ поръ не подозрѣвалъ, чтобы человѣкъ, бывшій профессоромъ русскаго университета и болѣе или менѣе знакомый съ исторіею развитія русскаго народа, могъ думать, что какъ скоро ребенокъ входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, онъ непремѣнно портится, и что единственное средство гарантировать его отъ всякой порчи, это—воспитывать его совершенно изолированно отъ народа. Мнѣ казалось, что, даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на нашу исторію, для всякаго должно быть очевидно, что спасеніе Россіи состоитъ именно въ томъ, что привилегированные классы въ ней никогда не могли изъять своихъ дѣтей изъ подъ непосредственнаго вліянія народа, что volens nolens они поставлены были въ необходимость воспитывать ихъ на рукахъ и въ средѣ народа и что, благодаря этому, даже крѣпостное право оказалось безсильнымъ для того, чтобы уничтожить въ нихъ человѣческія чувства по отношенію къ народу и заставить смотрѣть на него какъ на быдло, какъ это сдѣлалось въ другихъ странахъ. Мнѣ кажется, что народъ нашъ хорошо сохранился и до сихъ поръ, что онъ настолько простъ въ своей жизни, искрененъ въ своихъ чувствахъ, справедливъ въ отношеніяхъ, что каждый ребенокъ среди простыхъ людей скорѣе отучится отъ лжи, если и привыкъ къ ней, а не то, что заразится ею здѣсь, какъ разрисовываетъ это г. Спасовичъ.

Желая оправдать жестокость г. Кронеберга къ дѣвочкѣ за такіе пустяки, какъ похищеніе чернослива и сахару, г. Спасовичъ усиливается изобразить намъ его какимъ-то необыкновеннымъ правдолюбцемъ, который не можетъ безъ страданія выносить ни въ чемъ, такъ сказать, и тѣни лжи. «Главное, что возмущало его, говоритъ г. Спасовичъ о г. Кронебергѣ:—это — постоянная, безцѣльная даже, ложь. Правильно или неправильно, но Кронебергъ считаетъ, что ложь есть мать всѣхъ пороковъ и что всѣ недостатки людей, главнымъ образомъ, происходятъ оттого, что они не правдивы. Для него правдивость есть абсолютная обязанность всѣхъ, безъ исключенія. Въ написанномъ письмѣ, въ іюнѣ 1871 года, къ г-жѣ де Комба, задолго до того, какъ онъ взялъ дочь, онъ выражается, что ложь есть подлость ума и сердца— lâcheté de coeur et d'esprit». Правильно ли прочелъ г. Спасовичъ французскую фразу? Не стоитъ ли въ письмѣ, вмѣсто lâcheté, lucidité? Во всякомъ случаѣ, для насъ любопытно было бы знать, у какого источника, когда успѣлъ развить въ себѣ г. Кронебергъ такое тонкое и нѣжное чувство правды? Тогда ли, когда, клонимый, какъ выражается о немъ г. Спасовичъ, къ браку и встрѣчая препятствія къ этому со стороны отца, онъ *скрытно* отъ отца бросался въ объятія женщинъ? Тогда ли, когда скрывалъ отъ отца и семьи своей узаконеннаго имъ ребенка, имѣвшаго, однако, право на долю въ семейномъ наслѣдствѣ? Или, наконецъ, тогда, когда, по порученію отца, сталъ у желѣзнодорожныхъ дѣлъ

привислянской желѣзной дороги? Согласитесь, что, если ложь дѣйствительно такъ ненавистна г. Кронебергу, какъ это расписываетъ г. Спасовичъ, то трудно представить, какимъ образомъ г. Кронебергъ могъ—нисколько не смущаясь—стоять постоянно въ ложномъ положеніи по отношенію къ своему отцу и семьѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выходить изъ себя и бѣсноваться, когда его собственное дитя-малютка, дѣйствующее несамосознательно, по влеченію животныхъ инстинктовъ, допускало случайно какую нибудь ложь въ своихъ рѣчахъ или поступкахъ?

Кстати здѣсь упомянуть о нелишенномъ, какъ мнѣ кажется, основанія соображеніи фёльетониста «Новаго Времени» о знаменитомъ французскомъ изреченіи г. Кронеберга, что ложь — lâcheté de coeur et d'esprit. Изреченіе это произнесено г. Кронебергомъ въ іюнѣ 1871 года, а дѣвочка родилась въ 1868 году. Дѣвочкѣ было тогда всего два года—третій, когда, слѣдовательно, вовсе не могло возникнуть вопроса о ея лжи или испорченности. Если же г. Кронебергъ записалъ эту фразу, подобно Іисусу сыну Сирахову, какъ общую моральную истину, безотносительно къ тѣмъ или другимъ качествамъ своей малютки дочери, то, вѣдь, это—такая прописная фраза, о которой и упоминать не стоило. Нѣтъ, вѣроятно, такого человѣка, не исключая даже и Хлестакова, который бы не произносилъ ея много разъ въ своей жизни, въ тѣ моменты, когда находило на него моральное настроеніе.

Наши желѣзныя дороги день ото-дня дѣлаются болѣе и болѣе невозможными. Отправляющійся по этимъ дорогамъ ни въ чемъ не гарантированъ. Объ удобствахъ, конечно, и говорить нѣчего: на счетъ удобства пассажиръ долженъ быть во всему готовъ: лѣтомъ нынѣ какъ-то писали даже, что на одной — не помню какой уже дорогѣ—блохи такъ доняли пассажировъ перваго класса, что они искали спасенія въ третьемъ!? Вотъ до чего доходитъ дѣло! Но при этомъ и безопасности нѣтъ никакой. Никто, отправляясь въ путь, не можетъ быть увѣренъ, что его не побьютъ, не высадятъ гдѣ нибудь на дорогѣ, не заморозятъ, не уморятъ голодомъ, не обокрадутъ, не лишатъ жизни и т. д., и т. д. Каждый почти день помѣщаются въ газетахъ корреспонденціи о безчисленныхъ злостраданіяхъ и несчастіяхъ, претерпѣваемыхъ пассажирами на разныхъ желѣзныхъ дорогахъ. И никто на это не обращаетъ никакого вниманія. По крайней мѣрѣ, не бываетъ никакихъ извѣстій отъ подлежащаго начальства, что по такому-то заявленію сдѣланы такія-то взысканія или распоряженія, что для предупрежденія такихъ-то случаевъ приняты такія общія мѣры.

Мало того: до сихъ поръ не существуетъ никакихъ правилъ, которыя бы опредѣляли права пассажировъ и ихъ отношенія къ чинамъ желѣзно-дорожнаго и жандармскаго управленія. Вступая на желѣзную дорогу, пассажиръ дѣлается какъ бы лишеннымъ правъ состоянія, поступаетъ въ полную волю двухъ этихъ

управленій и трактуется ими въ родѣ тѣхъ невольниковъ, которые изъ Африки перевозились къ южно-американскимъ плантаторамъ. Ни честь пассажира, ни имущество, ни здоровье, ни самая жизнь—ничто здѣсь не обезпечено отъ произвола или совершенной случайности.

Пріѣзжаетъ, напримѣръ, на одну станцію пассажирскій поѣздъ. Одинъ изъ служащихъ усматриваетъ, что въ одномъ изъ вагоновъ сидитъ его жена, и обращается къ начальнику станціи съ просьбою высадить его жену. Начальникъ станціи преспокойно беретъ жандарма, идетъ въ вагонъ и высаживаетъ изъ вагона женщину, несмотря на ея сопротивленіе и совершенное нежеланіе видѣться и быть вмѣстѣ съ своимъ супругомъ.

Что̀ сдѣлано по этому случаю начальствомъ и сдѣлано ли что-нибудь—публикѣ ничего неизвѣстно. Происшествіе, сколько помнится, было нынѣшней осенью на варшавской желѣзной дорогѣ! На этой же дорогѣ недавно, какъ извѣстно всѣмъ, жандармскій офицеръ, съ своею командою, вынесъ изъ вагона на рукахъ г. фон-Дервиза. Фон-Дервизъ — уже по одному имени своего ниццскаго брата—такая крупная въ желѣзно-дорожномъ мірѣ личность, что вынутіе его изъ вагона произвело общій шумъ. На сей разъ правленіе желѣзной дороги не могло не заявить о своемъ существованіи и оно дало отвѣтъ, но — Боже мой, какой отвѣтъ!—Видите ли—сѣлъ, говоритъ, г. фон-Дервизъ въ Варшавѣ въ дамское отдѣленіе вагона и, такъ какъ отъ Варшавы до Вильна дамъ не было, то и сидѣлъ онъ въ немъ спокойно; но въ Вильнѣ явились дамы, и отдѣленіе, занимаемое г. фон-Дервизомъ, понадобилось для нихъ, потому его и просили *честью* выйдти изъ вагона, но онъ не пошелъ... Ну, тогда, натурально, жандармскій офицеръ тоже *честью* (безъ всякаго боя и тѣлесныхъ поврежденій) совершилъ вынутіе его изъ вагона. Но—прибавляетъ желѣзно-дорожное управленіе—въ этомъ вынутіи оно, управленіе, нисколько уже не повинно. Это жандармскій офицеръ вынулъ, а не оно. — Помилосердуйте, господа желѣзно-дорожное управленіе! Ка̀къ вамъ не стыдно это писать? Ка̀къ же вы не повинны? Развѣ жандармскій офицеръ для собственнаго удовольствія вынесъ г. фон-Дервиза изъ вагона? Развѣ онъ могъ бы, осмѣлился бы это сдѣлать, еслибы къ нему не предъявило требованія начальство дороги? Я полагаю, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ уголовнаго преступленія, жандармскій офицеръ есть лицо только исполнительное и не можетъ сдѣлать ничего безъ желанія или согласія начальства дороги? Затѣмъ, если начальство желѣзной дороги посадило г. фон-Дервиза въ дамское отдѣленіе, то какое оно имѣло право извлекать его оттуда?—Что̀-нибудь одно: или не сади пассажира въ отдѣленіе, имѣющее особое назначеніе, или, если находишь выгоднымъ для себя въ данномъ поѣздѣ измѣнить это особое назначеніе и садишь сюда обыкновеннаго пассажира, то не трогай его до мѣста его отправленія. Дамы могли явиться не въ Виль-

нѣ только, а на второй, на третьей и т. д. станціи отъ Варшавы. Нельзя же пассажира на каждой станціи перекидывать изъ вагона въ вагонъ, какъ какой нибудъ куль. Но въ томъ-то и дѣло, что начальства желѣзныхъ дорогъ никогда не смотрятъ иначе на пассажировъ, какъ на кули, которые можно, по произволу, перебрасывать изъ вагона въ вагонъ хоть на каждой станціи. Такъ обыкновенно это и дѣлается. И нетолько пассажиры третьяго, но и второго и даже перваго класса, въ виду неизвѣстности своихъ правъ по отношенію къ начальству желѣзной дороги или, правильнѣе сказать, въ виду отсутствія всякихъ правъ, въ виду скандала, который, въ случаѣ пререканія, можетъ учинить надъ ними всякій начальникъ желѣзной дороги, въ виду украшающихъ каждую станцію жандармовъ, безпрекословно исполняютъ всякія произвольныя требованія начальства желѣзныхъ дорогъ— мало того: нерѣдко, въ виду самаго возмутительнаго насилія и звѣрства начальства желѣзной дороги по отношенію къ кому нибудь изъ пассажировъ, только жмутся другъ къ другу, какъ овцы, но не смѣютъ проронить ни слова въ ихъ защиту. Назадъ тому два года, ѣхавши по той же варшавской желѣзной дорогѣ заграницу, я былъ свидѣтелемъ такого варварскаго поступка со стороны начальника одной изъ станцій, что, случись это заграницей, гдѣ угодно—въ Германіи, Австріи, Франціи—я увѣренъ—всѣ пассажиры поѣзда повыскакали бы изъ своихъ вагоновъ, какъ одинъ человѣкъ, и немедленно обуздали бы начальника станціи, а что этотъ начальникъ былъ бы потомъ съ позоромъ выгнанъ изъ службы — объ этомъ и говорить нѣчего; у насъ же ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ поѣздѣ не сказалъ ни слова противъ самаго наглаго самоуправства. Признаюсь откровенно, что въ числѣ этихъ забитыхъ съ дѣтства россійскихъ овецъ былъ и я, и потомъ, когда по отъѣздѣ со станціи, я опомнился, какую гнусную вещь мы допустили совершить на нашихъ глазахъ, я чувствовалъ себя нѣсколько часовъ опозореннымъ самымъ жалкимъ образомъ.

Дѣло было вотъ какъ. Пріѣхали мы на станцію; послѣ перваго звонка, одна изъ пассажирокъ втораго класса, старая-престарая еврейка, отправилась за нѣкоторой нуждой. Пробилъ второй звонокъ. Всѣ стали усаживаться въ вагоны; пока усаживались — пробилъ третій; вмѣстѣ съ нимъ явилась и старуха; двери вагоновъ еще не были заперты, и она свободно входила въ свой вагонъ, какъ вдругъ въ это время явился начальникъ станціи и вытаскиваетъ уже ее изъ дверокъ вагона—вытаскиваетъ за то, что она явилась поздно!! Вытаскиваетъ, дверцы вагона захлопываетъ—и поѣздъ отправляется. Въ вагонѣ, гдѣ сидѣла старуха-еврейка, гдѣ былъ и я и въ которомъ находилось много евреевъ, начался шумъ, гвалтъ съ отходомъ поѣзда. Оказалось, что еврейка—очень богатая женщина—ѣхала не одна; съ ней ѣхалъ ея братъ, сѣдой старикъ. Всѣ деньги, всѣ вещи были у него—съ еврейкой не было ничего. Въ чемъ она вышла изъ вагона, въ томъ

и осталась на станціи. Братъ долженъ былъ нетолько вылѣзть на слѣдующей станціи и остаться, но и ѣхать немедленно на лошадяхъ назадъ на станцію, гдѣ осталась сестра, чтобы не оставить ея безпомощной. Вотъ какія звѣрства, безъ всякой нужды, совершаются на нашихъ лучшихъ желѣзныхъ дорогахъ! За границей, гдѣ угодно, на любомъ курьер-и-шнелль-цугѣ будутъ ждать одну, даже двѣ минуты послѣ третьяго звонка случайно опоздавшаго пассажира—и никогда не бросятъ. У насъ, пассажира, сѣвшаго уже въ вагонъ, вытаскиваютъ изъ вагона на обыкновенномъ пассажирскомъ поѣздѣ потому только, что онъ явился не до третьяго звонка. Однимъ словомъ, только человѣкъ, занимающій какой-нибудь значительный государственный постъ или имѣющій хорошую протекцію, гарантированъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ отъ оскорбленій. Болѣе рѣшительно никто. Съ каждымъ пассажиромъ нетолько каждый начальникъ станціи, но каждый обер-кондукторъ, даже кондукторъ распоряжается, какъ съ принадлежащею ему вещью.

Обращаюсь теперь къ воровству на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Въ сентябрьскомъ моемъ обозрѣніи я писалъ, что правленіе петербургско-варшавской желѣзной дороги устанавливаетъ произвольный курсъ на талеръ по чисто личному усмотрѣнію, и такимъ образомъ, собираетъ съ каждаго отправляющагося за границу пассажира дикую пошлину. Сумма набираемыхъ такимъ образомъ излишнихъ денегъ у правленія петербургско-варшавской дороги должна быть громадная. На это ни правленіе петербургско-варшавской желѣзной дороги, ни наблюдающее надъ нимъ начальство не дали никакого отвѣта. Я желалъ бы, однакожъ, знать: правъ я или не правъ? Если то, о чемъ я извѣщалъ, есть злоупотребленіе, то его надобно было немедленно прекратить; если же это — не злоупотребленіе, а совершается въ силу закона, никому, однакожъ, до сихъ поръ неизвѣстнаго, то надобно объявить во всеобщее свѣдѣніе, что, дескать, правленіе петербургско-варшавской желѣзной дороги установляетъ произвольный курсъ съ пассажировъ въ силу такого-то закона. Тогда же писалъ я, что управленіе сестрорѣцкой желѣзной дороги присвоило себѣ монополію выгрузки провозимыхъ ею товаровъ, назначивъ за выгрузку каждаго вагона безобразную и произвольную цѣну въ 1 р. 50 к. серебромъ, причемъ, въ дѣйствительности, товаровъ не выгружаетъ, а деньги взимаетъ, а, если и выгружаетъ, то за поломку и повреждение вещей нанятыми имъ неискусными рабочими никакой отвѣтственности на себя не принимаетъ. И на это опять никакого заявленія не послѣдовало ни съ чьей стороны. Въ газетахъ, въ прошедшемъ году, много также писали о кражахъ въ сундукахъ и чемоданахъ, сдаваемыхъ въ багажъ. Пріѣзжая на мѣсто, пассажиръ получалъ изъ багажа свой сундукъ или чемоданъ, по наружности въ совершенной исправности. Но потомъ, когда привозилъ ихъ въ гостинницу или домой и отпиралъ, не находилъ тамъ

лучшихъ вещей изъ платья, бѣлья и т. п. Подобныя же расхищенія, и гораздо въ бо́льшихъ, конечно, размѣрахъ производятся, въ отправляемыхъ по желѣзнымъ дорогамъ товарахъ. Желѣзнодорожныя управленія ничего не умѣютъ или не хотятъ хранить какъ слѣдуетъ и ни за что̀ не отвѣчаютъ—и никакого суда на нихъ не найдешь. «Знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ, отвѣчаютъ они обворованному пассажиру:—вы получили все въ томъ видѣ, какъ было сдано вами, и дѣло съ концемъ».

Еще болѣе, можетъ быть, убытковъ, чѣмъ эти тайныя расхищенія багажа и товаровъ, причиняетъ долговременное неотправленіе товаровъ по назначенію, а, по временамъ, небрежное отправленіе ихъ не въ то мѣсто, куда они должны слѣдовать. Товароотправитель привозитъ на станцію товаръ, который, можетъ быть, подъ страхомъ большой неустойки, онъ обязанъ отправить въ срокъ, и проситъ отправить его немедленно. Ему говорятъ: вагоновъ нѣтъ. Иногда вагоновъ и дѣйствительно нѣтъ. Количество подвижнаго состава на бо́льшей части дорогъ у насъ очень недостаточно. Но вѣдь, въ сущности, это нисколько не можетъ служить ни оправданіемъ, ни даже извиненіемъ для управленій дорогъ. Кто получилъ монополію на провозъ грузовъ по извѣстному направленію и на извѣстномъ разстояніи, кому дали эту монополію, единственно на томъ условіи, чтобы онъ вполнѣ удовлетворилъ потребности всѣхъ товароотправителей, тотъ не имѣетъ права даже заикаться о томъ, что у него нѣтъ вагоновъ. Нѣтъ вагоновъ—ну, значитъ, и разговаривать нѐчего: плати товароотправителямъ вознагражденіе за все то время, которое простоитъ товаръ на станціи за недостаткомъ вагоновъ, плати также всѣ тѣ неустойки, которыми они обязались передъ третьими лицами на случай несвоевременной доставки товара. Такъ бы оно должно было быть по здравому смыслу и по точному смыслу закона. У насъ дѣло стоитъ совсѣмъ не такъ. Желѣзно-дорожныя управленія дѣлаютъ съ товароотправителями что̀ имъ вздумается, отправляютъ товаръ когда захотятъ и сколько захотятъ, иногда вовсе не принимаютъ товара для отправки (обо всемъ этомъ читатель прочтетъ ниже подробно, въ приведенной нами корреспонденціи) и за все это ни передъ кѣмъ и ничѣмъ не отвѣчаютъ. Просто не житье, а лафа желѣзно-дорожнымъ управленіямъ. Вотъ еще недавно, отъ 24-го января, пишутъ изъ Царицына въ «Голосъ», что въ городѣ лежитъ неотправленной съ 18-го декабря мерзлой и частію соленой рыбы до полутора милліоновъ пудовъ. «Нетолько вся платформа, но и весь товарный дворъ желѣзно-дорожной станціи и весь спускъ къ нему—все завалено рыбой, которая такъ и лежитъ безъ движенія. Дорога не выдаетъ отправителямъ квитанцій на принятый товаръ и тѣмъ заставляетъ ихъ лично ждать отправки ихъ груза, которая можетъ совершиться развѣ въ мартѣ. Всѣ отправители въ отчаяніи, и многіе побросали свой товаръ. Убытки милліонные, и жалобы въ министерство отправляются каждый день». Корреспондентъ прибавляетъ, что «причина застоя

здѣсь—снѣжные заносы», т. е., нѣкоторымъ образомъ, воля Божія. Но эту причину мы можемъ признать, какъ увидитъ читатель ниже, только нѣкоторымъ образомъ. Главная же причина и здѣсь, вѣроятно—недостатокъ вагоновъ. Впрочемъ, какъ кажется, и недостатокъ вагоновъ у насъ долженъ быть причисленъ также къ волѣ Божьей? Ибо едва ли есть у насъ такая желѣзная дорога, которая имѣла бы достаточное количество вагоновъ. Кромѣ того, вошло въ обычай, что, въ случаѣ недостатка вагоновъ, управленія желѣзныхъ дорогъ считаютъ себя необязанными отвѣчать ни за что передъ отправителями, точно какъ будто недостатокъ вагоновъ есть нѣчто, отъ нихъ независящее, въ родѣ снѣжныхъ заносовъ, наводненія, землетрясенія и т. п. Также точно, повидимому, смотритъ на это и публика, и начальство. По крайней мѣрѣ, по газетамъ извѣстно, что изъ нѣкоторыхъ городовъ отправлялись цѣлыя депутаціи, чтобы просить объ увеличеніи числа вагоновъ на нѣкоторыхъ дорогахъ. Этого одного, повидимому, за глаза было довольно, чтобы поднять общій вопросъ о подвижномъ составѣ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ и настоять на томъ, чтобы каждое желѣзно-дорожное общество, въ назначенный срокъ, завело такое количество вагоновъ, которое вполнѣ удовлетворяло бы потребностямъ дороги. Ничего, однакожъ, этого не случилось.

Впрочемъ, не одинъ только недостатокъ вагоновъ служитъ препятствіемъ къ правильному товарному движенію на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Еще болѣе вреда въ этомъ отношеніи приноситъ отсутствіе всякихъ точныхъ и опредѣленныхъ правилъ для товароотправленія, отсутствіе всякаго навсегда установленнаго порядка, который былъ бы обязателенъ для управленій желѣзныхъ дорогъ и могъ бы гарантировать для товароотправителей исправную и благовременную отправку товаровъ. Здѣсь все случайно; царитъ полный хаосъ и произволъ. Чтобы читатель осязательно почувствовалъ тѣ безобразія, которыя существуютъ по товароотправленію на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, мы сдѣлаемъ здѣсь извлеченіе изъ недавней, очень замѣчательной корреспонденціи съ кіево-брестской желѣзной дороги («Голосъ», № 23), писанной человѣкомъ, повидимому, близко знакомымъ съ этимъ дѣломъ.

«Въ прежнее время, говоритъ онъ: — когда товары перевозились извощиками, извощики охотно обязывались доставлять ихъ на срокъ; брали они за это дороже, но грузъ доставляли въ срокъ. Теперь же, при существованіи желѣзныхъ дорогъ, доставка на срокъ грузовъ составляетъ часто дѣло, совершенно немыслимое. Еще если товаръ отправляется на станцію, находящуюся на той же дорогѣ, гдѣ и станція отправленія, тогда какъ-нибудь тюкъ попадетъ въ одинъ изъ первыхъ отходящихъ, послѣ сдачи его, поѣздовъ, и, слѣдовательно, скоро достигнетъ мѣста назначенія, но, если, къ несчастью, въ пути случается перегрузка, т. е. передача товара на другую дорогу, какъ это въ бо́льшей части

случаевъ и бываетъ, тогда грузъ останется въ пути столько времени, что средняя скорость его движенія составитъ иногда не болѣе 20-ти верстъ въ сутки. Это—фактъ. Вотъ вамъ и усовершенствованные пути сообщенія!

«Мало пользы приноситъ и отправка товара по «большой скорости». Еслибъ провѣрить книги нашихъ желѣзно-дорожныхъ управленій, то едва ли много найдется въ нихъ случаевъ доставленія посылокъ большой скорости на срокъ, для этой скорости опредѣленный. Сверхъ того, эта, такъ-называемая большая скорость стоитъ крайне дорого: за нее взимаютъ 1/6 коп. съ пуда и версты, а на нѣкоторыхъ дорогахъ, какъ, напримѣръ, на кіево-брестской, требуютъ уплаты за полные три пуда, хотя бы, въ дѣйствительности, отправлялось меньше. Такимъ образомъ, отправляя съ большою скоростью изъ Кіева въ Брестъ посылку въ одинъ пудъ, надо заплатить за 608 верстъ 3 руб. 4 коп., и посылка дойдетъ по назначенію сутокъ черезъ трое; между тѣмъ, за отправку той же посылки по почтѣ платится всего 2 руб. 40 коп. (6 коп. съ фунта), и она достигнетъ мѣста назначенія въ 20 часовъ.

«Но этого мало. Вы являетесь на станцію желѣзной дороги сдать грузъ для отправки на какую-нибудь другую дорогу. Тутъ вы нескоро добьетесь толку. Вамъ отвѣтятъ: «наша дорога не находится въ прямомъ сообщеніи съ тою дорогой, куда отправляется грузъ» или: «хотя прямое сообщеніе и существуетъ, но не съ тою станціей, куда посылку слѣдуетъ доставить». Если, наконецъ, со стороны прямого сообщенія нѣтъ препятствій, то начинаются другого рода возраженія и придирки: «вашъ грузъ не такъ-де упакованъ, какъ слѣдуетъ, укупорка непрочна (хотя бы онъ былъ задѣланъ въ желѣзо)»; требуется отъ васъ такъ-называемая, «подписка обезпеченія» въ томъ, что вы не будете простирать претензіи, если вашу посылку совсѣмъ размозжатъ въ дорогѣ, такъ какъ все это относится къ «непрочности укупорки»; то опять: «вашего груза нельзя застраховать», а, между тѣмъ, въ случаѣ пропажи, составляющей, какъ извѣстно, далеко не рѣдкость, вамъ выдадутъ всего пять рублей за пудъ, хотя бы дѣйствительная стоимость пуда товара составляла и тысячу рублей. Вы не знаете, что̀ дѣлать, на что̀ рѣшиться, какъ тутъ подвертывается всеобщій въ подобныхъ случаяхъ утѣшитель и помощникъ — еврей. «О чемъ вы хлопочете?» спрашиваетъ онъ. Вы сообщаете, въ чемъ дѣло. «Ну, я вамъ дѣло устрою», утѣшаетъ еврей: «я—агентъ транспортной компаніи «Двигатель» и отправлю вашъ грузъ куда вы пожелаете». Вы хватаетесь за этого благодѣтеля, и грузъ дѣйствительно отправляется, но за двойную, если не больше, противъ тарифа желѣзныхъ дорогъ плату, причемъ медленность доставки дѣлается чуть ли еще не больше, потому что компанія «Двигатель» съ своими отправителями не церемонится.

«Въ назиданіе всѣмъ отправителямъ, обращающимся къ аген-

тамъ «Двигателя», я приведу слѣдующіе три примѣра изъ разныхъ мѣстъ. Посылка, сданная агенту «Двигателя» въ Симферополѣ въ половинѣ октября 1875 года, доставлена въ Петербургъ только 18-го или 20-го ноября, что составляетъ скорость движенія по желѣзнымъ дорогамъ около 56-ти верстъ въ сутки. Другая посылка сдана была въ контору «Двигателя» въ Петербургѣ, въ Большой Морской, около 20-го ноября прошлаго года, для отправки на станцію кіево-брестской желѣзной дороги Попельня (разстояніе 1,530 верстъ) и не была еще туда доставлена 3-го января; не знаю, получена ли она тамъ теперь. Наконецъ, третья посылка, вѣсомъ въ 68 фунтовъ, сдана въ ту же контору въ Петербургѣ 19-го декабря, для доставки съ пассажирскимъ поѣздомъ въ Ровно (тоже кіево-брестской желѣзной дороги; разстояніе отъ Петербурга 1,259 верстъ), за что контора взыскала, какъ за полные два пуда, 8 р. 20 к.; пасажирскій поѣздъ идетъ изъ Петербурга въ Ровно 45 часовъ, а посылка выдана въ Ровнѣ получателю только 29-го декабря, т. е. ровно чрезъ десять дней послѣ отправленія. Все это, въ случаѣ надобности, я могу подтвердить документами.

«Какимъ образомъ достигнуть срочнаго и скораго доставленія товаровъ, если даже грузы, отправляемые съ пассажирскими поѣздами за непомѣрно дорогую плату, проходятъ всего 126 верстъ въ сутки, и возможна ли, при такихъ условіяхъ, правильная торговля, напримѣръ, если купецъ ожидаетъ товаровъ къ ярмаркѣ. празднику, большому съѣзду и т. п., а получитъ ихъ мѣсяцомъ позже, или, если товары, подлежащіе скорой порчѣ, напримѣръ, свѣжіе фрукты или другіе съѣстные припасы, пробудутъ въ дорогѣ лишній мѣсяцъ? Разъ, вагоны съ виноградомъ, отправленные изъ Крыма въ Харьковъ и Москву, простояли въ Лозовой (пунктъ соединенія курско-харьково-азовской и лозово-севастопольской дорогъ) болѣе недѣли, такъ что, наконецъ, изъ вагоновъ пошолъ виноградный сокъ. Въ 1874 году, сдѣлана была попытка отправлять крымскій виноградъ въ Варшаву. Занявшійся этимъ дѣломъ торговецъ сообразилъ, что виноградъ стоитъ въ Варшавѣ 8 рублей, а въ Крыму только 2 руб. за пудъ; доставка обойдется не дороже двухъ рублей съ пуда; слѣдовательно, барышъ, приблизительно, составитъ рубль на рубль. Разсчетъ былъ вѣренъ, но не была принята въ соображеніе исправность желѣзныхъ дорогъ и русскаго общества пароходства и торговли: виноградъ, пробывъ въ дорогѣ семь недѣль, сгнилъ совершенно, и торговецъ лишился всего употребленнаго на эту операцію капитала. Подобныхъ примѣровъ на разныхъ желѣзныхъ дорогахъ можно привести сотни».

Понятно, что, при томъ хаосѣ и произволѣ, которые господствуютъ по товароотправленію на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, здѣсь неминуемо должно быть множество вопіющихъ злоупотребленій. Говорятъ, напримѣръ, что на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ товары не отправляются во-время, гніютъ на станціяхъ

иногда безъ всякихъ предлоговъ, просто по притѣсненію. Есть и вагоновъ достаточное число, и упаковка признается годною, однимъ словомъ, все въ исправности, но товаръ, всетаки, не отправляется во-время. Все дѣло зависитъ отъ того: успѣетъ ли товароотправитель понравиться агентурѣ по отправкѣ товаровъ, или нѣтъ? Если понравится, то вагоны найдутся и товаръ пойдетъ въ срокъ; не понравится—товаръ будетъ гнить на станціи. хотя бы и были вагоны. Объ этихъ злоупотребленіяхъ слухи давно уже ходятъ. И очень жаль, что ничего противъ нихъ не предпринимается или, по крайней мѣрѣ, не дается знать объ этомъ публикѣ. Желѣзныя дороги не могутъ идти въ сравненіе ни съ какими другими дѣлами; по другимъ дѣламъ можно до времени хранить таинственное молчаніе, можно дѣлать распоряженія негласно. Желѣзныя дороги—совсѣмъ другое дѣло. Это—пульсъ ежедневной экономической жизни народа. У насъ теперь ихъ считается около 20,000 верстъ. Каждый день приливаютъ сюда милліоны капиталовъ, которые требуютъ безопасности, порядка, точности въ своемъ движеніи. Все, что дѣлается для этого дѣла, должно дѣлаться публично, въ виду всѣхъ. Отъ такой или другой дѣятельности въ этомъ направленіи, отъ такого или другого взгляда публики на дѣятельность и способность въ этомъ случаѣ подлежащаго начальства можетъ увеличиваться и уменьшаться біеніе этого экономическаго пульса страны.

Наконецъ, самое главное и ужасное зло нашихъ желѣзныхъ дорогъ состоитъ въ томъ, что мы, выражаясь словами покойнаго Добролюбова, никакъ не можемъ выбить *духа* и *свободы* изъ нашихъ желѣзно-дорожныхъ машинъ, никакъ не можетъ пріучить ихъ къ тому, чтобы онѣ, подобно нѣмецкимъ, *не свертывали съ колеи рутинной*. Болѣе пятнадцати лѣтъ прошло съ того времени, какъ написано извѣстное стихотвореніе Добролюбова: «*Въ прусскомъ вагонѣ*», которое почиталось тогда каррикатурой, а теперь всѣ убѣдились самымъ несомнѣннымъ образомъ, что это — ни чуть не каррикатура, что, дѣйствительно,

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ пойдетъ нѣмецкой:
То соскочитъ съ рельсовъ
Съ силой молодецкой;

То обвалитъ насыпь,
То мостокъ продавитъ,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухарски направитъ.

То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За мятелью станетъ
Сутки трое въ полѣ.

А иной разъ просто
Часика четыре
Подождетъ особу,
Сильную въ семъ мірѣ.

Нынѣшняя зима съ особенною очевидностію показала всѣмъ, какимъ вольнымъ духомъ оживлены наши машины. Зима была очень снѣжная. Сильные снѣжные заносы были вездѣ, въ особенности, на югѣ и юго-востокѣ Россіи, на дорогахъ курско-харьковско-азовской, воронежско-ростовской и грязе-царицынской. Машины рѣшительно отказывались двигаться по занесеннымъ снѣгомъ рельсамъ, останавливались и не хотѣли трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно очищенъ снѣгъ. Желѣзно-дорожныя управленія, съ своей стороны, на такой отказъ машинъ двигаться по занесеннымъ снѣгомъ рельсамъ взглянули, какъ на стачку, не хотѣли бросать денегъ на разсчистку дорогъ въ угоду машинамъ и требовали, чтобы послѣднія шли и по снѣгу, который посланъ Богомъ. Но машины упорствовали и стояли тамъ, гдѣ онѣ остановились. По мѣрѣ увеличенія снѣжныхъ заносовъ, ожесточеніе съ той и другой стороны, т. е. со стороны машинъ и желѣзно-дорожныхъ управленій другъ противъ друга, увеличивалось: ни тѣ, ни другія не хотѣли уступить, желая, каждый, во что̀ бы то ни стало поставить на своемъ. Благодаря этой борьбѣ, по словамъ «Донской Газеты», одинъ путникъ ѣхалъ по желѣзной дорогѣ отъ Царицына до Новочеркаска 26 дней!! Та же газета разсказываетъ, что остроумные начальники станцій на владикавказской желѣзной дорогѣ стали отправлять поѣздъ за поѣздомъ—хотя и знали очень хорошо, что на дорогѣ существуютъ страшные заносы и что прежде отправленные ими поѣзды засѣли въ этихъ заносахъ. Дѣлали это они, я полагаю, не съ иною какою цѣлію, какъ съ тою, чтобы образумить и устыдить засѣвшія въ снѣгу машины и заставить ихъ двинуться въ путь. Но машины упорно стояли на мѣстѣ. Вслѣдствіе этого, вышло то, что «четвертый поѣздъ, на девятый день, нагналъ первый, въ который послѣ сплотилъ пассажировъ изъ трехъ поѣздовъ. Въ третьемъ классѣ не было возможности не только сидѣть, но даже выйдти изъ вагона. Дрова и уголь вышли, почему пассажиры оборвали всю драпировку въ вагонахъ 1-го и 2-го классовъ, кололи дерево и топили печи, обогрѣвая себя. Хлѣбъ весь вышелъ, большинство голодало болѣе двухъ дней. Булка продавалась, если была, дороже рубля. Раздраженные этимъ пассажиры на двухъ станціяхъ избили начальниковъ. Рабочіе изъ сосѣднихъ селеній не идутъ на работы послѣ плохаго съ ними разсчета, да, притомъ же въ кассахъ станцій денегъ ни копейки. Послѣ 10-дневнаго голоданія и странствованія, поѣздъ достигъ до батайской станціи, куда изъ Ростова было выслано болѣе 100 подводъ, и пассажиры добрались до Ростова на лошадяхъ». Другой поѣздъ шелъ пять дней, и пассажиры сидѣли въ степи двое сутокъ. Рабочаго люда въ третьемъ классѣ было много, но не чѣмъ и нѐ за что было взяться за работу. Встрѣчались иногда и такіе благоразумные пассажиры, которые знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло: они знали, конечно, что вольнодумныя машины не тронутся съ мѣста, если не разсчистить снѣга, но знали также, что имъ

въ своемъ упорствѣ не уступятъ и желѣзно-дорожныя начальства и снѣга разсчищать не будутъ, потому благоразумно принимались за разсчистку снѣга на свой счетъ. Такъ, «Азовскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что «на станціи Армавиръ, пассажиры, прождавъ понапрасну двое сутокъ, сами наняли 60 рабочихъ изъ новобранцевъ, ѣхавшихъ въ Петербургъ, купили имъ на свой счетъ лопаты, взяли съ собою буфетъ и, только благодаря такой самопомощи, добрались до Ростова».

Я передалъ лишь нѣсколько недавнихъ и выдающихся фактовъ злостраданій отъ снѣжныхъ заносовъ. Но еслибъ я захотѣлъ перечислять всѣ ихъ, я исписалъ бы цѣлый печатный листъ, если не болѣе. Такъ ихъ было много. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ, останавливалось совсѣмъ товарное и пассажирское движеніе. Конечно, снѣжные заносы, такъ сказать—власть Господня, и совершенно избавиться отъ нихъ никакое желѣзно-дорожное начальство не можетъ. Но, еслибы желѣзно-дорожное начальство, въ виду заносовъ, имѣло въ запасѣ достаточное количество рабочихъ для очистки снѣга, даже еслибы оно только исправно платило деньги жителямъ окрестныхъ мѣстъ за очистку снѣга, а не обманывало ихъ, какъ то неоднократно случалось, не платя имъ вовсе ничего или платя только половину, то, конечно, вмѣсто 10 дней, какъ теперь, поѣзды сидѣли бы въ снѣгу много-много 10, а можетъ быть и менѣе часовъ; а просидѣть 10 дней въ снѣгу или 10 часовъ—большая разница. Потому, мнѣ кажется, справедливость требовала бы всѣ случаи сидѣнія поѣздовъ въ снѣжныхъ заносахъ точно изслѣдовать и разузнать: принимало ли начальство желѣзной дороги всѣ должныя мѣры для того, чтобы освободить пассажировъ изъ подъ снѣгу, или нѣтъ? Если нѣтъ, то непремѣнно слѣдовало бы виновныхъ оштрафовать *чувствительно*, дабы чинить подобныя вещи и впредь никому было неповадно. Тутъ церемониться нѣчего, а надобно поступать также основательно, какъ это дѣлается въ Америкѣ; иначе наши поѣзды будутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ кочевать зимою въ поляхъ, занесенныхъ снѣгомъ. А какъ поступаютъ съ желѣзнодорожными управленіями въ подобныхъ случаяхъ въ Америкѣ—это можно видѣть изъ слѣдующаго случая, бывшаго въ Филадельфіи, о которомъ недавно сообщали «Петербургскія Вѣдомости». «Нѣкая Элиза Бензонъ подала искъ на общество филадельфійско-ридинской желѣзной дороги, требуя вознагражденія за то, что, въ мартѣ прошлаго года, поѣздъ означенной линіи, помимо ея воли, повезъ ее далѣе того мѣста, въ которое она хотѣла отправиться; вслѣдствіе чего, она простудилась и совершенно разстроила свое здоровье. Судъ призналъ основательность иска и приговорилъ желѣзно-дорожное общество къ уплатѣ истицѣ 4250 долларовъ».

А, впрочемъ, и то сказать: зачѣмъ и мы всѣ заботы о нашемъ благополучіи на желѣзныхъ дорогахъ хотимъ свалить на админи-

страцію? У насъ есть такъ же суды, какъ и въ Америкѣ. Отчего пассажиры, такъ или иначе потерпѣвшіе на желѣзныхъ дорогахъ, не обращаются въ судъ съ своими исками и жалобами на желѣзно-дорожное начальство? Я полагаю, что каждый пассажиръ, просидѣвшій по винѣ желѣзно-дорожнаго начальства въ полѣ то или другое число дней, имѣетъ право требовать съ него за все это время вознагражденіе, равное тому, какое онъ получилъ бы, занимаясь своимъ дѣломъ—вообще, всѣхъ тѣхъ убытковъ, какіе онъ понесъ отъ задержанія его на пути долѣе узаконеннаго времени. Подобные иски и жалобы, еслибы всѣ потерпѣвшіе пассажиры вели ихъ неупустительно и настоятельно, навѣрное, заставили бы желѣзно-дорожныя начальства быть внимательнѣе къ своему дѣлу.

Обращаюсь, наконецъ, къ самому главному и ужасному, хотя на нашихъ дорогахъ очень обыкновенному, злу — крушенію поѣздовъ. Частыя крушенія на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ происходятъ, главнымъ образомъ, отъ дурной ихъ постройки. Со времени передачи постройки желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки и со времени перваго образца, даннаго для такихъ построекъ г. фон-Дервизомъ въ рязанско-козловской желѣзной дорогѣ, наши желѣзныя дороги строятся, такъ сказать, на живую нитку—лишь бы только сдать ихъ—и, чѣмъ далѣе, тѣмъ постройки производятся небрежнѣе. Полотно дороги, насыпи, мосты, рельсы, шпалы и т. д.—все это устроивается въ такомъ видѣ, что требуетъ постоянной починки или, точнѣе сказать, постояннаго, никогда неоканчивающагося продолженія постройки дороги. Чтобы сдѣлать такія дороги вполнѣ безопасными, правленія желѣзныхъ дорогъ должны были бы, дѣйствуя добросовѣстно, весь чистый доходъ отъ эксплуатаціи, въ продолженіи многихъ лѣтъ, употреблять исключительно на перестройку дорогъ. Но само собою разумѣется, что на такую жертву не согласится ни одно акціонерное общество, и желѣзнодорожныя управленія не заботятся о фундаментальной поправкѣ дурно построенныхъ дорогъ, а дѣлаютъ кое-какія исправленія только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ѣзда становится уже рѣшительно невозможной. Оттого путникъ, отправляющійся по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, долженъ возлагать свое упованіе не на князи, не на сыны человѣческіе, строившіе дороги и управляющіе ими, а единственно на Бога. Не изломаются гнилыя шпалы при проѣздѣ того поѣзда, на которомъ онъ ѣдетъ, не согнутся дрянные желѣзные рельсы, приготовленные патріотическимъ усердіемъ русскихъ желѣзнозаводчиковъ, не осыплются насыпи, не провалятся мосты, устроенные не менѣе патріотичными русскими инженерами—ну, и говори: слава Богу, ускочилъ, значитъ, по добру, по здорову! Но и за то благодари Бога, если гдѣ кое-что изломалось, провалилось, осыпалось, а ты отдѣлался только ушибомъ, но жизни не лишился, ни руки, ни ноги не сломалъ, вообще не искалѣченъ ...тался—и это хорошо. Наши дороги находятся вообще въ та-

комъ состояніи, что надобно всякому путнику всегда ко всему быть готовымъ. По поводу недавней катастрофы на одесской желѣзной дорогѣ одинъ корреспондентъ пишетъ въ «Биржу»: «отъ проѣзжавшихъ по одесской желѣзной дороги вы постоянно услышите, что еще странно, какъ катастрофы, въ родѣ недавней, не случаются чаще. Насыпь у станціи *Бирзулы* всегда грозила опасностью. Проѣзжая по ней черепашьимъ шагомъ, пассажиры постоянно могли на досугѣ наблюдать, какъ внизу насыпи копошились десятки возовъ и лошадей, подвозившихъ мусоръ и землю для укрѣпленія насыпи, вѣчно осыпавшейся и осѣдавшей. Дешевизна постройки, при безконечномъ ремонтѣ, обошлась строителямъ дороги дороже, чѣмъ еслибы они сразу сдѣлали чугунный или каменный мостъ».

Если имѣть въ виду тотъ надзоръ, который существуетъ у насъ надъ желѣзными дорогами, то становится непонятнымъ: какимъ образомъ все это дѣлается и даже можетъ дѣлаться? Извѣстно, что для пріема каждой вновь выстроенной дороги у насъ командируются инженеры нарочитой честности, что на всѣхъ дорогахъ имѣются для наблюденія за ихъ исправностію инспекторы, которые назначаются также изъ инженеровъ не менѣе нарочитой честности. И, несмотря на это, скверно построенныя дороги принимаются и нужныхъ исправленій на дорогахъ не дѣлается.

Этого мало: самое движеніе на этихъ дорогахъ, дурно построенныхъ и остающихся безъ всякаго призора, производится такимъ образомъ, какъ будто никакого ни начальства, ни порядка тутъ не существуютъ, и всякій низшій чинъ распоряжается всѣмъ и дѣйствуетъ, какъ ему заблагоразсудится. Посмотрите: отъ какой страшной небрежности, отъ какой невѣроятной распущенности нижнихъ чиновъ происходитъ у насъ крушеніе поѣздовъ? Вотъ три факта крушенія самаго послѣдняго времени:

24-го декабря прошедшаго года, идетъ изъ Курска курьерскій поѣздъ № 2-й въ Москву. Передъ Орломъ, между станціями Михайловскою и Становымъ Колодцемъ, на 373 верстѣ отъ Москвы, пассажиры почувствовали такой страшный толчекъ, что попадали съ своихъ мѣстъ. «Объ обстоятельствѣ этомъ было заявлено въ Орлѣ по прибытіи сюда курьерскаго поѣзда, и говорятъ, что приняли «какія-то мѣры»; тѣмъ не менѣе, въ слѣдъ за этимъ былъ отправленъ изъ Становаго Колодца товарный поѣздъ № 82-й. Подъѣзжая къ этому мѣсту и почувствовавъ страшный толчекъ на всемъ ходу поѣзда, помощникъ машиниста немедленно спрыгнулъ съ паровоза; послѣдствіемъ этого толчка было: паровозъ полетѣлъ подъ откосъ, одиннадцать вагоновъ разбились въ дребезги и образовали груду обломковъ, кочегаръ убитъ на мѣстѣ, помощникъ машиниста раненъ, обер-кондукторъ поѣзда, Скребцовъ, находившійся въ одномъ изъ разбившихся вагоновъ, оказался послѣ толчка подъ грудой обломковъ, но какимъ-то чудомъ былъ освобожденъ здравъ и невредимъ. Прочая поѣздная

прислуга сидѣла на заднемъ тормазѣ и отдѣлалась только ушибами. Причина крушенія поѣзда объяснялась лопнувшимъ рельсомъ» («Бирж. Вѣдом.», № 22-й). Корреспондентъ прибавляетъ, что этимъ случаемъ сходы поѣздовъ съ рельсовъ на этой самой дистанціи не ограничились, что въ январѣ были сходы пассажирскихъ поѣздовъ: № 3-й—10-го января, между Бастыевымъ и Чернью, и № 5-й—9-го января, между Бастыевымъ и Мценскомъ. Но о послѣднихъ сходахъ, какъ «о пустякахъ», не считается даже нужнымъ и заявлять въ печати.

Въ «Русскомъ Мірѣ» (№ 82-й) разсказывается слѣдующій недавній случай крушенія поѣзда на воронежско-ростовской желѣзной дорогѣ, близь станціи Чертковской. «Во время хода поѣзда, локомотивъ, по причинѣ сильнаго холода и по недостатку паровъ, не могъ продолжать путь. Рельсы были не вездѣ очищены отъ снѣга. Машинистъ призналъ необходимымъ облегчить поѣздъ, отцѣпивъ нѣсколько заднихъ вагоновъ; черезъ нѣкоторое разстояніе принуждены были отцѣпить еще два вагона, затѣмъ и всѣ остальные. На станцію отправился одинъ локомотивъ, чтобы запастись парами и возвратиться за оставленными вагонами. Машинистъ былъ въ нетрезвомъ видѣ. Возвращаясь, онъ помнилъ только про оставленные передніе и задніе вагоны; о среднихъ же забылъ, а потому, взявъ первые, быстро поѣхалъ далѣе; предъ забытыми вагонами произошли оглушительные выстрѣлы отъ положенныхъ на рельсы сигнальныхъ зарядовъ, послѣ которыхъ поѣздъ долженъ былъ тотчасъ же остановиться; но машинистъ до того былъ пьянъ, что ничего не видѣлъ и не слышалъ, и такимъ обрзомъ произошло на полномъ ходу столкновеніе. Носомъ машины захвачены два рабочихъ, очищавшихъ рельсы, и затерты до смерти. Были или нѣтъ убитые между пассажирами — пока неизвѣстно; но что многіе получили ушибы и даже увѣчья—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія».

Наконецъ, вотъ и третье, знаменитое *тилигульское* крушеніе (24-го декабря прошедшаго года), по сообщенію инженера Лишина въ одесскомъ техническомъ обществѣ, какъ это сообщеніе передано корреспондентомъ «Голоса» (№ 27-й):

«Тилигульская насыпь—десяти саженъ вышины (отвѣсно). Труба находится посрединѣ. Выемки, чрезъ которыя подъѣзжаютъ къ насыпи—отъ 5-ти до 15-ти саженъ; сверхъ того, онѣ идутъ по кривой линіи, такъ что насыпь съ дороги видно только на самомъ близкомъ разстояніи.

«Еслибъ поѣздъ шелъ получасомъ ранѣе, онъ нашелъ бы *пятнадцать рельсовъ* снятыми. О перемѣнѣ рельсовъ, какъ работѣ ничтожной, никогда не сообщалось начальникамъ прилежащихъ станцій. Машинисту также не дали знать на станціи отправленія, что идетъ починка, потому что, по принятому обычаю, легко смотрятъ на эти «пустыя» работы.

«Такимъ образомъ, поѣздъ, не то смѣшанный, не то военный, —ъ съ обычною скоростью, съ вѣсомъ 24,000 пудовъ. Прибли-

жаясь къ насыпи, на уклонѣ, машинистъ затормозилъ тендеръ, но, видя, что ходъ не убавляется, далъ свистокъ тормозить кондукторамъ, которыхъ, какъ видно изъ слѣдственнаго акта, было не законное число (четыре вмѣсто шести). Въ это время на насыпи укладывались послѣдніе пять рельсовъ. Когда рабочіе услышали свистокъ машиниста, дорожный мастеръ съ флагомъ въ рукѣ бросился на встрѣчу поѣзда, все еще невидимаго съ насыпи; машинистъ тоже замѣтилъ одинъ изъ поставленныхъ флаговъ, далъ задній ходъ и началъ давать свистки «крайней опасности» (одинъ за другимъ). Всѣ кондукторы повыскакали изъ вагоновъ, тормозили и не могли уменьшить ходъ поѣзда, который довольно скоро подвигался по насыпи, такъ что рабочіе перебѣжали на другой путь. Локомотивъ сошелъ съ рельсовъ, взялъ влѣво по обрыву насыпи, покачнулся и полетѣлъ, увлекая за собою 11 вагоновъ съ новобранцами (419 человѣкъ), два вагона съ пассажирами 3-го класса и платформы съ пшеницей и кукурузой, принадлежащей частнымъ лицамъ.

«Изъ слѣдственнаго акта видно, что размѣщеніе вагоновъ съ людьми и грузовыхъ было противно принятымъ правиламъ и сдѣлано небрежно, на-авось. Вслѣдъ увлеченнымъ паровозомъ 11-ти вагонамъ полетѣло 5,000 пудовъ хлѣба. Все это свалилось въ груду и загорѣлось отъ лежащаго внизу тендера, наполненнаго каменнымъ углемъ.

«Никто изъ спасшихся *не можетъ припомнить*, кàкъ и чтò съ нимъ случилось, не можетъ объяснить, кàкъ онъ спасся. «Свистковъ тревоги» они, разумѣется, не понимали и о спасеніи не думали; сколько можно понять, послѣдній вагонъ оторвался отъ общей цѣпи и направленія вагоновъ при паденіи, и они «высыпались». Очутясь какъ-то въ снѣгу, они бросились *бѣжать*... Куда, зачѣмъ—они не помнили и пришли въ себя часа черезъ два. Такъ, изъ 419-ти новобранцовъ остались въ живыхъ, какъ говоритъ оффиціальное заявленіе, 290 человѣкъ. Слѣдовательно, погибшихъ около 140. Въ заключеніе, лекторъ выяснилъ разныя мѣры, принимаемыя обыкновенно на заграничныхъ желѣзныхъ дорогахъ, и указалъ на то, что ни одной изъ нихъ не было принято на одесской дорогѣ.

«Сопоставляя факты несчастья съ правилами, установленными министерствомъ путей сообщенія для безопасности движенія, лекторъ пришелъ къ заключенію, что, при движеніи поѣзда, потерпѣвшаго крушеніе, а также на пути во время перемѣны рельсовъ, не были соблюдены слѣдующія правила: 1) Поѣздная прислуга не имѣла надлежащаго числа людей. Вмѣсто четырехъ кондукторовъ, согласно правиламъ, должно было быть шесть: изъ нихъ четверо должны были стоять на тормозахъ, а двое — наблюдать за исправностью поѣзда и его хода. 2) На первомъ вагонѣ за паровозомъ и на послѣднемъ пассажирскомъ не было тормозильщиковъ, какъ это требуется правилами. 3) На пути не было уложено хлопушекъ со стороны Балты, какъ это положено

министерскими правилами и циркуляромъ управляющаго дорогой. 4) Поѣздъ былъ отпущенъ часомъ раньше со станціи Балта, безъ причинъ, при которыхъ правила допускаютъ это. Служба пути не была предупреждена о несвоевременномъ движеніи поѣзда. Для исполненія этого на одесской дорогѣ не имѣется другихъ приспособленій, кромѣ пересылки депешъ черезъ сторожей пѣшкомъ; но способъ этотъ до того неудобенъ, что даже невозможенъ въ практикѣ. На всѣхъ заграничныхъ дорогахъ и на нѣкоторыхъ русскихъ имѣются для этого электрическіе сигналы по сторожевымъ будкамъ. 5) Машинистъ не былъ предупрежденъ о томъ, что по тилигульской насыпи должно ѣздить со скоростью 10-ти верстъ въ часъ».

Пусть читатель внимательно вникнетъ въ сообщенные нами случаи крушеній и сообразитъ: ка́къ мало требовалось для того, чтобы устранить эти крушенія!

Еслибы начальникъ орловской станціи, получившій извѣстіе о толчкѣ, полученномъ курьерскимъ поѣздомъ № 2-й, на 373-й верстѣ московско-курской желѣзной дороги, далъ немедленно *толкомъ* знать объ этомъ начальнику станціи Становаго Колодца, то этотъ послѣдній не отправилъ бы товарнаго поѣзда № 82-й прежде, чѣмъ былъ бы перемѣненъ тотъ рельсъ, отъ котораго былъ полученъ толчекъ, и крушенія не было бы.—Далѣе, еслибы начальникъ чертковской станціи потрудился посмотрѣть лично на машиниста, пріѣхавшаго запастись пара́ми, то навѣрное, онъ не позволилъ бы ему ѣхать за оставленными вагонами, а отправилъ бы, вмѣсто него, другого машиниста, и крушеніе опять было бы предупреждено. Точно также, въ тилигульской катастрофѣ, еслибы поѣздъ не былъ отправленъ часомъ ранѣе изъ Балты, еслибы машинистъ былъ, по крайней мѣрѣ, предупрежденъ, что на тилигульской насыпи идутъ работы, крушенія также не было бы. Вы видите, что во всѣхъ трехъ крушеніяхъ *непосредственно* виноваты низшіе чины желѣзнодорожнаго движенія. Если вести дѣло обыкновеннымъ, рутиннымъ способомъ изслѣдованія, то именно эти только чины и окажутся виноватыми. Виноватъ будетъ одинъ начальникъ станціи, что не далъ знать, другой—что не присмотрѣлъ, машинистъ—что былъ пьянъ и т. д., и т. д.

Но, вѣдь, для всякаго очевидно, что корень дѣла не тутъ, не въ этихъ Ивановыхъ, Петровыхъ, Трифоновыхъ и т. п., которые не дали знать, не присмотрѣли, были пьяны и т. д. Накажите ихъ и поставьте вмѣсто нихъ другихъ, и другіе также не дадутъ знать, не присмотрятъ, будутъ пьяны. Когда солдаты какого-нибудь полка начинаютъ пьянствовать, воровать, нападать на мирныхъ гражданъ и т. п., то, сколько бы вы ни ловили изъ нихъ по одиночкѣ того или другого и не предавали суду и наказанію — дѣло отъ этого нисколько не поправится. Тоже самое будутъ продолжать дѣлать другіе, вами непойманные и не подвергшіеся наказанію. Тутъ виноваты, очевидно, не столько част-

ныя лица, сколько тотъ или другой духъ полка, та или другая дисциплина въ немъ. Перемѣните этотъ духъ, введите другую дисциплину, и тогда не будетъ въ полку ни пьянства, ни воровства, ни грабежей—ничего подобнаго. Точно тоже самое должно сказать и о чинахъ желѣзной дороги. Тутъ виноваты не тѣ или другіе низшіе чины, тутъ виноватъ духъ и дисциплина вообще желѣзно-дорожнаго управленія, существующая здѣсь общая крайняя распущенность и небрежность, которою и пользуются низшіе чины.

Думали, что ужасное тилигульское крушеніе, въ которомъ погибло и отчасти сгорѣло живьемъ — легко сказать! — 140 человѣкъ солдатъ, крушеніе, какъ громомъ поразившее всю Россію, думали, говорю, что это крушеніе вызоветъ къ энергической дѣятельности противъ вопіющихъ злоупотребленій на желѣзныхъ дорогахъ и положитъ конецъ существующей здѣсь анархіи. Къ сожалѣнію, ограничились по поводу тилигульской катастрофы только отправленіемъ генерала Серебрякова для изслѣдованія на мѣстѣ причинъ катастрофы. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что этотъ достойный генералъ совершенно основательно обслѣдовалъ причины катастрофы, отыскалъ всѣхъ виновниковъ ея и что всѣ эти виновники будутъ достойно наказаны въ той мѣрѣ, какъ они заслуживаютъ. Но спрашивается: какая польза ѣздящей по желѣзнымъ дорогамъ Россіи изъ того, что будутъ, положимъ, даже тяжко наказаны 5, 6, 8 или 10 виновниковъ тилигульской катастрофы? Черезъ это не возвратятся къ жизни 140 человѣкъ убитыхъ и живьемъ сгорѣвшихъ новобранцевъ, не облегчатся страданія раненыхъ и искалѣченныхъ, а, главное — въ виду чего только наказаніе и можетъ имѣть смыслъ — не возрастетъ ни въ комъ ни на одну йоту увѣренность въ безопасности на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Потому что — повторяемъ — всякому, сколько-нибудь вникающему въ дѣло, доподлинно извѣстно, что причина какъ тилигульской катастрофы, такъ и всѣхъ бывшихъ до нея, такъ и безчисленнаго множества новыхъ, имѣющихъ несомнѣнно быть при нынѣ существующихъ порядкахъ на желѣзныхъ дорогахъ, кроется не въ единичной небрежности и распущенности нѣкоторыхъ чиновъ дорогъ, а въ томъ, что эта небрежность и распущенность составляетъ общій духъ нынѣшней желѣзно-дорожной администраціи, дѣйствующей во всемъ анархически, произвольно, съ наглостію и цинизмомъ и, однакожъ, совершающей самыя возмутительныя свои дѣйствія не только безнаказанно, но даже безъ всякаго публичнаго неодобренія со стороны власть имѣющихъ.

Вотъ — другое дѣло, еслибы по поводу тилигульской катастрофы учреждена была самая строгая слѣдственная коммиссія, составленная не изъ чиновниковъ только министерства путей сообщенія, но изъ чиновниковъ всѣхъ министерствъ и изъ представителей отъ тѣхъ земствъ, гдѣ есть желѣзныя дороги,

для раскрытія всѣхъ существующихъ злоупотребленій по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ; еслибы этой комиссіи поручено было выработать такія правила для желѣзно-дорожной администраціи, которыя устранили бы въ ней возможность всякихъ злоупотребленій, мало-по-малу влили бы въ нее другую жизнь и другіе нравы и гарантировали на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ безопасность чести, имуществъ, здоровья, жизни; еслибы, наконецъ, во всеобщее свѣдѣніе было объявлено, что употребятся всѣ усилія, чтобы достигнуть этой послѣдней цѣли — тогда Россія видѣла бы, по крайней мѣрѣ, что урокъ тилигульской катастрофы не пропалъ безслѣдно, и могла бы хоть немножко надѣяться и вѣрить, что въ недалекомъ будущемъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ послѣдуютъ нѣкоторыя улучшенія.

Теперь же, тилигульская катастрофа получила иной смыслъ. Съ одной стороны, она представляетъ выставленное на всю Россію грозное *memento mori*, напоминающее каждому отправляющемуся по россійскимъ желѣзнымъ дорогамъ путнику о необходимости предсмертнаго покаянія, о прощаніи навсегда со всѣми близкими. Я не удивляюсь, что многіе изъ солдатъ, спасшихся во время тилигульской катастрофы, предпочли идти пѣшкомъ до Кіева, чѣмъ ѣхать по желѣзнымъ дорогамъ. Еще одна, двѣ такія катастрофы — и половина Россіи, подобно этимъ солдатамъ, предпочтетъ совершать передвиженіе пѣшкомъ, на лошадяхъ, водою — однимъ словомъ, какъ только возможно, только бы миновать желѣзныя душегубки. Съ другой стороны, трудно найти болѣе надежное и вѣрное средство для такого глубокаго и повсемѣстнаго развращенія народа, какое производятъ въ немъ катастрофы, въ родѣ тилигульской, свидѣтельствуя передъ цѣлой Россіей о полной безнаказанности у насъ каждаго золотого мѣшка. Г. Достоевскій, въ своемъ «Дневникѣ писателя», если не ошибаемся, въ первый разъ освѣтилъ съ этой стороны вліяніе нашей желѣзно-дорожной анархіи, совершающейся на глазахъ всѣхъ и совершенно безнаказанно, на народъ, и замѣчаній его нельзя не признать глубоко вѣрными:

«Матеріализмомъ, говоритъ онъ:—я называю, въ данномъ случаѣ, преклоненіе народа передъ деньгами, предъ властью золотаго мѣшка. Въ народъ, какъ бы вдругъ, прорвалась мысль, что мѣшокъ теперь—все, заключаетъ въ себѣ всякую силу, а что все, о чемъ говорили ему и чему учили его доселѣ отцы—все вздоръ. Бѣда, если онъ укрѣпится въ такихъ мысляхъ; а какъ ему и не мыслить такъ? Неужели, напримѣръ, это недавнее крушеніе поѣзда на одесской желѣзной дорогѣ съ царскими новобранцами, гдѣ убили ихъ болѣе ста человѣкъ — неужели, вы думаете, что на народъ не подѣйствуетъ такая власть развратительно? Народъ видитъ и дивится такому могуществу: «что̀ хотятъ, то̀ и дѣлаютъ»—и поневолѣ начинаетъ сомнѣваться: «вотъ она гдѣ зна-

чить настоящая сила, вотъ она гдѣ всегда сидѣла; стань богатъ— и все твое, и все можешь». Развратительнѣе этой мысли не можетъ быть никакой другой. А она носится и проницаетъ все мало по малу. Народъ же ничѣмъ не защищенъ отъ такихъ идей, никакимъ просвѣщеніемъ, ни малѣйшей проповѣдью другихъ противоположныхъ идей. По всей Россіи протянулось теперь почти двадцать тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, и вездѣ, даже самый послѣдній чиновникъ на нихъ стоитъ пропагаторомъ этой идеи, смотритъ такъ, какъ бы имѣющій беззавѣтную власть надъ вами и надъ судьбой вашей, надъ семьей вашей и надъ честью вашей, только бы вы попались къ нему на желѣзную дорогу. Недавно одинъ начальникъ станціи вытащилъ, собственною властью и рукой, изъ вагона ѣхавшую даму, чтобъ отдать ее какому-то господину, который пожаловался этому начальнику, что это—жена его и находится отъ него въ бѣгахъ— и это безъ суда, безъ всякаго подозрѣнія, что онъ сдѣлать это не вправѣ: ясно, что этотъ начальникъ, если былъ и не въ бреду, то все же какъ бы ошалѣлъ отъ собственнаго могущества. Всѣ эти случаи и примѣры прорываются въ народъ безпрерывнымъ соблазномъ и онъ видитъ ихъ каждый день и выводитъ неотразимыя заключенія. Я прежде осуждалъ-было г. Суворина за случай его съ г. Голубевымъ. Мнѣ казалось, что нельзя же такъ вывести совсѣмъ неповиннаго человѣка на позоръ, да еще съ описаніемъ всѣхъ душевныхъ его движеній. Но теперь я нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ даже и на этотъ случай. И какое мнѣ дѣло, что г. Голубевъ не виноватъ! Г. Голубевъ можетъ быть чистъ, какъ слеза, но за то Воробьевъ виноватъ. Кто такой Воробьевъ? Совершенно не знаю; да и увѣренъ, что его нѣтъ вовсе, но это—тотъ самый Воробьевъ, который свирѣпствуетъ на всѣхъ линіяхъ, который налагаетъ произвольныя таксы, который силой выноситъ пассажировъ изъ вагона, который крушитъ поѣзды, который гноитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ товары на станціяхъ, который безпардонно вредитъ цѣлымъ городамъ, губерніямъ, царству и только кричитъ дикимъ голосомъ: «Прочь съ дороги, я иду!» Но главная вина этого пагубнаго пришельца въ томъ, что онъ сталъ надъ народомъ, какъ соблазнъ и развратительная идея».

ВЫБОРЫ

ВЪ ДОЛЖНОСТИ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ ФОНДУ.

Ревизіонная коммисія, разсматривавшая отчетъ комитета литературнаго фонда за прошедшій годъ, сдѣлала, между прочимъ, одно замѣчаніе, которое нетолько смутило, но, вѣроятно, и возмутило многихъ изъ среды литературнаго персонала. Такъ, по крайней мѣрѣ, подѣйствовало оно на меня. Я говорю о замѣчаніи комиссіи относительно ссуды комитетомъ, подъ поручительство, 1,500 р. одному больному литератору, который оказался потомъ несостоятельнымъ къ уплатѣ этихъ денегъ, но за котораго, впрочемъ, ссуда была потомъ внесена его поручителями полностью. Комиссія по этому поводу отозвалась, что комитетъ не имѣлъ права производить такой большой ссуды *третьестепенному* литератору.

Вотъ это-то разграниченіе литераторовъ на первостепенныхъ, второ и третьестепенныхъ, до сихъ поръ неслыханное въ литературномъ фондѣ, и есть тотъ *cardo rei*, который задѣлъ меня за живое и заставилъ взяться за перо.

Прежде всего, меня непріятно поразилъ букетъ самаго слова, выхваченный прямо изъ табели о рангахъ и во всей его свѣжести перенесенный въ литературный фондъ—букетъ, которому, по моему крайнему разумѣнію, не подобаетъ быть не только въ литературномъ, но и ни въ какомъ благотворительномъ фондѣ. Даже въ современномъ, основанномъ на табели о рангахъ обществѣ есть положенія, въ которыхъ всѣ уравниваются. Это — смерть, болѣзнь, нищета, бѣдность. Въ этихъ положеніяхъ, какъ для дѣйствительнаго статскаго совѣтника, такъ для коллежскаго секретаря, такъ, наконецъ, и для человѣка, совершенно безчиновнаго, священникъ, врачъ, христіанинъ, а тѣмъ болѣе христіанинъ-филантропъ, одинаково обязаны сдѣлать все, что заповѣдаетъ имъ, по принадлежности, религія, наука, христіанская любовь. Если литературный фондъ находитъ себя въ правѣ давать въ ссуду деньги, то я не понимаю, почему онъ съ бо̀льшимъ основаніемъ можетъ сдѣлать ссуду первостепенному литератору, чѣмъ третьестепенному, предполагая, что, по его усмотрѣнію,

тотъ и другой равно въ этой ссудѣ нуждается? Мнѣ кажется, напротивъ, что фондъ скорѣе долженъ удовлетворить третьестепеннаго литератора, чѣмъ первостепеннаго, потому что послѣднiй легче можетъ найдти денегъ и помимо фонда. А, главное, мнѣ кажется, что, при просьбѣ въ ссуду денегъ, фондъ вовсе не имѣетъ права задаваться и мыслiю о томъ: какой передъ нимъ литераторъ предсталъ съ просьбою — первостепенный или третьестепенный? У него должно быть только одно въ виду: имѣетъ ли тотъ литераторъ, который проситъ, дѣйствительную нужду въ деньгахъ и надежны ли тѣ ручательства, которыя онъ представляетъ? Если оба эти условiя есть, то болѣе ему ничего и знать не нужно. Разсуждать о первостепенности или третьестепенности того или другого литератора—дѣло критики, а дѣло литературнаго фонда—помочь просящему въ чемъ онъ можетъ, такъ точно, какъ дѣло доктора—помочь больному, не входя въ разсмотрѣнiе, дѣйствительный ли статскiй совѣтникъ этотъ больной, или человѣкъ совсѣмъ безчиновный, благонамѣреннаго ли онъ ὀбраза мыслей, или неблагонамѣреннаго и т. п.

Помимо непрiятнаго букета табели о рангахъ, въ замѣчанiи ревизiонной комиссiи я вижу личное себѣ оскорбленiе и, кромѣ того, посягательство на мои неотъемлемыя права̀. Я самъ — третьестепенный литераторъ и смѣю думать, что литературный фондъ созданъ и существуетъ именно для меня, третьестепеннаго литератора. Не будь меня, и литературнаго фонда было бы не нужно. На что̀, спрашивается, литературный фондъ профессору, прокурору, вообще какому бы то ни было чиновнику — предположимъ, что они написали многоволюмныя ученыя сочиненiя и, eo ipso, должны быть поставлены въ ликъ первостепенныхъ или, по крайней мѣрѣ, второстепенныхъ писателей—когда всѣ эти лица—и профессоръ, и прокуроръ, и каждый чиновникъ, получаютъ постоянное жалованье и имѣютъ въ виду пенсiю? На что̀ литературный фондъ писателю-адвокату, хотя и не получающему ни жалованья, ни пенсiи, но имѣющему такую запасную кубышку, которая въ нѣсколько разъ превышаетъ всѣ суммы литературнаго фонда? Литературный фондъ нуженъ именно только для третьестепеннаго литератора, который не получаетъ никакого жалованья, никакихъ доходовъ, не имѣетъ въ виду пенсiи, который, какъ поденщикъ, живетъ ежедневной платой за то, что̀ напишетъ; сегодня есть мѣсто, гдѣ писать, есть что̀ писать — и онъ сытъ, одѣтъ и обрѣтается въ авантажѣ; завтра запретятъ или прекратится изданiе, въ которомъ онъ могъ писать, завтра онъ сдѣлался боленъ или неспособенъ писать—и завтра онъ нищiй, которому ѣсть нѣчего, не во что одѣться, негдѣ главы приклонить. А онъ, этотъ несчастный третьестепенный литераторъ, несмотря на такую жалкую судьбу, ежеминутно его ожидающую, осмѣливается еще и семью имѣть, иногда очень большую! Мало того: осмѣливается иногда голову свою подымать противъ всѣхъ, не взирая на лица, раздражать противъ себя

всѣхъ и тѣмъ приготовлять себѣ еще худшую участь. По истинѣ— catilinarische Existenz! какъ выразился о третьестепенныхъ литераторахъ князь Бисмаркъ.

Вотъ эти-то поденщики, пролетаріи литературы и суть настоящіе, истые представители литературы не для литературнаго только фонда, а и вообще, ибо на языкѣ всѣхъ европейскихъ народовъ они только и носятъ названіе *литераторовъ*. Ни писатели-профессоры, ни писатели-прокуроры и чиновники вообще, ни писатели-адвокаты и т. д., какія бы они глубокомысленныя сочиненія ни написали, не удостоиваются названія литераторовъ. Литераторомъ называется именно только тотъ, кто не занимаетъ мѣста ни въ государственной, ни въ общественной службѣ, не имѣетъ вообще никакихъ другихъ занятій для своего существованія, кромѣ литературы, и кто не пишетъ ученыхъ сочиненій.

Вы этому не вѣрите? Привожу вамъ à la lettre опредѣленіе литератора изъ Conversations-Lexicon'а Брокгауза:

Literat ist der Name, mit dem man in neuerer Zeit solche Schriftsteller zu bezeichnen pflegt, welche ohne amtliche Stellung oder sonstige bestimmte Lebensthätigkeit nur für und von literarischer Thätigkeit leben, namentlich wenn sich dieselbe auf Tagesschriftstellerei, Romane, publicistische Broschüren und Theilnahme an Zeitschriften beschränkt, nicht über sich zu umfassenden wissenschaftlichen Werken erhebt.

По-русски это значитъ:

«Именемъ литераторовъ, въ новѣйшее время, принято называть тѣхъ писателей, которые, не состоя на службѣ и не имѣя никакой иной опредѣленной профессіи въ жизни, посвятили себя исключительно литературной дѣятельности и ею только добываютъ себѣ средства пропитанія. Причемъ, подъ литературною дѣятельностію, въ данномъ случаѣ, разумѣется именно такая дѣятельность, которая ограничивается ежедневною журнальною работою, романами, публицистическими брошюрами, участіемъ въ газетахъ, но за эту черту до какихъ нибудь объемистыхъ ученыхъ сочиненій не восходитъ».

Мнѣ могутъ сказать: «какое намъ дѣло до того, кому въ Европѣ усвоено имя литераторовъ? Тамъ называютъ литераторами исключительно тѣхъ, которые, не будучи ни чиновниками, ни даже учеными, работаютъ въ ежедневной прессѣ и ею только живутъ. А мы называемъ литераторами всѣхъ, кто пишетъ: и чиновниковъ, ученыхъ, и заводчиковъ и т. п., о чемъ бы они ни писали — хоть бы о дубленіи кожъ, о драгунскихъ лошадяхъ или о собачьихъ кличкахъ. И самое различеніе между ними производимъ не по европейски, а посвоему: кто написалъ очень толстую книгу или даже нѣсколько таковыхъ, того мы называемъ первостепеннымъ литераторомъ; кто написалъ книгу потоньше, тому даемъ имя второстепеннаго литератора, а кто никакой книги не написалъ, работаетъ изо дня въ день въ ежедневной прессѣ, того мы, пожалуй, и литерато-

ромъ не признаёмъ, и только изъ жалости включаемъ въ разрядъ третьестепенныхъ литераторовъ. Это—ужъ наше дѣло».

Ну, это несовсѣмъ такъ. Нетолько не особенно богатыхъ средствъ литературнаго фонда, а даже и широкаго любящаго сердца его не достанетъ на то, чтобы призрѣть всѣхъ писателей нашего времени. Нынѣ нѣтъ почти педагога, который бы чего не написалъ и не издалъ, нѣтъ чиновника «высшихъ соображеній», который бы чего нибудь не настрочилъ и не напечаталъ; наконецъ, ученыхъ самыхъ разнообразныхъ фаховъ и наименованій развелось такое множество, что, если литературный фондъ возьметъ на себя заботу помогать всѣмъ имъ на томъ основаніи, что каждый изъ нихъ написалъ какую нибудь книгу хоть на степень, то долженъ будетъ раздавать весь свой ежедневный доходъ имъ однимъ, а тѣмъ, кому онъ долженъ дѣйствительно помогать — литераторамъ въ европейскомъ смыслѣ слова или, что̀ тоже, третьестепеннымъ литераторамъ—ему и давать нѐчего будетъ, да и нельзя будетъ давать, потому что у бо̀льшей части этихъ литераторовъ нѣтъ никакихъ отдѣльныхъ изданныхъ въ свѣтъ сочиненій, слѣдовательно, по взгляду фонда, они менѣе будутъ достойны помощи, чѣмъ ученые. Очевидно, для того, чтобы дѣйствовать разумно и съ толкомъ, фондъ долженъ выработать себѣ опредѣленное понятіе о томъ: кого назвать литераторомъ и кого ученымъ? И изъ ученыхъ — всѣхъ ли отраслей и наименованій ученыхъ признавать имѣющими право на пособіе литературнаго фонда, или только нѣкоторыхъ и, въ такомъ случаѣ, какихъ именно? А также—въ число послѣднихъ включать ли всѣхъ извѣстнаго разряда ученыхъ, хотя бы они занимали мѣста съ жалованьемъ на государственной и частной службѣ, или тѣхъ только, которые живутъ исключительно своими учеными трудами? Всѣ эти вопросы литературный фондъ долженъ разрѣшить для себя ясно и точно и потомъ не отступать отъ принятыхъ имъ опредѣленій ни на одну йоту; иначе онъ будетъ постоянно путаться и впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою, что̀ онъ теперь и дѣлаетъ на каждомъ шагу.

Путается фондъ и впадаетъ въ противорѣчіе потому, что уставъ, которымъ онъ руководствуется, давно устарѣлъ и совершенно не соотвѣтствуетъ современному положенію литературы. Уставъ этотъ написанъ хотя и недавно—не полные еще двадцать лѣтъ назадъ—но написанъ во время самое неудобное для составленія устава—именно, когда условія и формы, въ которыхъ существовала старая литература, оканчивались и начиналось развитіе ея въ новыхъ формахъ и условіяхъ. Въ то время, когда писался уставъ, литература была еще преимущественно дворянская; разночинецъ только едва начиналъ проникать въ нее; преобладающій характеръ ея былъ эстетическій, отчасти ученый; тогда нельзя было предвидѣть ни нынѣшняго направленія литературы по преимуществу публицистическаго, ни элементовъ и численности нынѣшняго литературнаго персонала, ни, наконецъ,

тѣхъ соединеній, въ которыхъ персоналъ этотъ долженъ будетъ замкнуться и дѣйствовать въ силу развитія новой жизни и вызванныхъ ею условій. Горизонтъ литературы, который имѣли въ виду составители устава литературнаго фонда, былъ очень узокъ и не давалъ никакого представленія о томъ образѣ литературы, въ какой она преобразилась въ теченіи какихъ-нибудь 15—18 лѣтъ.

Оттого уставъ стоитъ на устарѣлой, чисто *барской* точкѣ зрѣнія на литературу. Онъ имѣетъ въ виду не кровныя нужды, не насущный хлѣбъ, можетъ быть, не особенно даровитыхъ, но необходимыхъ въ ежедневной прессѣ силъ—силъ, живущихъ единственно однимъ поденнымъ заработкомъ, а поощреніе талантовъ и заслугъ. По его воззрѣнію, на пособіе фонда лично имѣютъ право только: 1) «заслуженный литераторъ и ученый»; 2) «авторъ полезнаго ученаго или литературнаго произведенія, не имѣющій самъ средствъ издать его въ свѣтъ»; 3) «ученый или литераторъ, которому для усовершенствованія нужно ѣхать за границу и у котораго нѣтъ на это средствъ»: 4) «молодые люди, выказавшіе несомнѣнную даровитость или призваніе къ ученой или литературной дѣятельности, не имѣющіе средствъ къ довершенію своего образованія». Вы видите, что, кромѣ перваго пункта, здѣсь нѣтъ нигдѣ и мысли о насущномъ хлѣбѣ.—Такимъ образомъ, личное право на пособіе для насущнаго хлѣба имѣютъ только заслуженные литераторы и ученые и, затѣмъ, вдовы и сироты только такихъ-же литераторовъ и ученыхъ или, какъ выражено въ уставѣ, «вдовы и сироты литератора и ученаго, трудами своими пріобрѣтшаго почтенную извѣстность въ публикѣ».

Еслибы литературный фондъ держался строго своего устава, то ему давно уже пришлось бы закрыть свою лавочку или дѣлать дѣла̀ совсѣмъ безполезныя. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же тѣ заслуженные ученые и литераторы, которые могутъ нуждаться у насъ въ пособіи фонда? Наши заслуженные ученые состоятъ обыкновенно на правительственномъ жалованьи или пенсіи. Наши заслуженные литераторы—не знаю, ка̀къ будетъ дальше, но до сихъ поръ — имѣютъ сами настолько, что къ пособію фонда не прибѣгаютъ. Фонду оставалось бы только покровительствовать молодымъ даровитымъ ученымъ и литераторамъ: помогать имъ издавать свои сочиненія, отправлять ихъ за границу и т. п. Но еслибы такія пособія и были нужны, то распредѣленіе ихъ было бы не по силамъ фонду. Предугадать въ томъ или другомъ молодомъ человѣкѣ ученое и литературное дарованіе и не только предугадать, а приблизительно опредѣлить степень его силы въ будущемъ, ибо тогда только и есть резонъ тратиться на его усовершенствованіе—дѣло не очень легкое и, во всякомъ случаѣ, никакъ не можетъ быть дѣломъ комитета благотворительнаго фонда, составляемаго самымъ случайнымъ образомъ.

Понятно, послѣ этого, что для того, чтобы имѣть право на существованіе и чтò-нибудь дѣлать, комитетъ литературнаго

фонда долженъ былъ отступить вполнѣ отъ устава. Вмѣсто помощи заслуженнымъ литераторамъ и ученымъ, которые въ помощи не нуждались, вмѣсто поощренія молодыхъ талантовъ и силъ, каковыхъ ему не примѣтить бы, еслибы они и были, онъ сталъ помогать третьестепеннымъ литераторамъ, нуждающимся въ кускѣ хлѣба и ихъ осиротѣлымъ семействамъ. И поступилъ въ этомъ случаѣ очень разумно; онъ сталъ дѣлать то, чего требовали условія времени и положеніе литературнаго персонала. Противъ такой дѣятельности комитета, хотя она составляетъ прямое отступленіе его отъ устава, никогда никто не возражалъ и не возражаетъ.

Почему же, спрашивается, нынѣшняя комиссія сочла нужнымъ сдѣлать свое замѣчаніе по поводу ссуды денегъ третьестепенному литератору, когда, въ общемъ, комитетъ только третьестепеннымъ почти литераторамъ и помогаетъ, а больше и помогать рѣдко кому приходится?

Я думаю, подобныхъ странностей ничѣмъ другимъ нельзя объяснить, какъ существующимъ въ настоящее время хаосомъ понятій о томъ, кого считать литераторомъ и ученымъ, кому слѣдуетъ помогать или не помогать—хаосомъ, который нисколько не разрѣшается дѣйствующимъ уставомъ, а, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается привлеченіемъ къ литературнымъ дѣламъ силъ совсѣмъ нелитературныхъ.

Послѣднее обстоятельство есть великое зло въ нашемъ литературномъ фондѣ, совершаемое — неизвѣстно для чего и почему—вполнѣ вопреки уставу. Въ уставѣ § 17 прямо сказано, что «избираемые въ должности по обществу могутъ быть только литераторы и ученые». Подъ должностью по обществу уставъ разумѣетъ должности членовъ комитета и членовъ ревизіонной комиссіи; о послѣдней, сверхъ общаго указанія, въ уставѣ даже нарочито еще сказано, что члены ея «назначаются *исключительно* изъ литераторовъ и ученыхъ». (§ 42).

Между тѣмъ, это разумное постановленіе устава никогда почти не соблюдается. Вотъ и нынѣ въ ревизіонную комиссію вошли, между прочими, слѣдующія лица: гг. Арсеньевъ, Тютчевъ, Рѣпинскій, Кидошенковъ и Утинъ. Четверо изъ этихъ лицъ состоятъ на государственной службѣ, одинъ—адвокатъ, и ни котораго изъ пяти нельзя отнести ни къ литераторамъ, ни къ ученымъ. Подобные странные выборы можно объяснять только тѣмъ, что почтенные члены общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ—не въ обиду будь имъ сказано—устава этого общества никогда не читали, а выборы производятъ. Точно такіе же выборы совершаются и въ члены комитета литературнаго фонда. На половину, иногда даже и бо́льшая часть членовъ его слагается изъ чиновниковъ и вообще людей, совершенно чуждыхъ и литературѣ, и наукѣ. Говорю это я нисколько не въ обиду лицамъ, вопреки уставу избираемымъ въ должности по литературному фонду. Напротивъ, сколько мнѣ извѣстно, въ эти должно-

сти всегда почти избирались и избираются лица, достойныя всякаго уваженія. Но, вѣдь, можно быть человѣкомъ хорошимъ, и даже очень хорошимъ и не имѣть права на должности въ литературномъ фондѣ.

Мнѣ могутъ сказать: «если, по вашимъ собственнымъ словамъ, въ комитетъ постоянно избираются люди хорошіе, то не все ли вамъ равно, изъ кого бы они ни избирались—изъ литераторовъ ли, ученыхъ ли, чиновниковъ? Чиновникъ, по исполнительности, можетъ быть въ фондѣ еще гораздо полезнѣе литератора». Совершенно согласенъ, но исполнительность—вовсе не такое рѣдкое качество, чтобы для пріобрѣтенія лица, имъ обладающаго, нужно было отправляться, какъ за какимъ-нибудь кладомъ, въ чиновничій міръ. Исполнительныхъ лицъ, если поискать, можно много найти и среди литераторовъ. А потомъ для меня главное въ комитетѣ литературнаго фонда—его внутренняя сторона, его болѣе или менѣе тѣсная связь съ литературнымъ персоналомъ, его чуткость къ нуждамъ и потребностямъ послѣдняго, его полная доступность для каждаго нуждающагося. Въ такомъ же видѣ комитетъ явится только тогда, когда онъ будетъ составленъ исключительно изъ литераторовъ, участвующихъ въ ежедневной прессѣ и живущихъ исключительно своимъ литературнымъ заработкомъ. Только такой комитетъ будетъ понимать нужды и потребности своего брата-литератора, будетъ знать: кому и чѣмъ, и когда нужно помочь, и кàкъ помочь, не оскорбляя самолюбія. Тогда только комитетъ литературнаго фонда не будетъ выдѣляться изъ литературнаго персонала и стоять какимъ-то особнякомъ отъ него, не будетъ служить ареной для карьеристовъ разнаго вида и наименованій, а будетъ слитъ съ литературнымъ обществомъ и будетъ дѣйствительнымъ его òрганомъ.

До тѣхъ же поръ, пока выборы на должности литературнаго фонда будутъ производиться такъ же, какъ они производятся теперь, пока въ числѣ членовъ комитета и ревизіонныхъ коммиссій будутъ красоваться люди, неимѣющіе никакого прикосновенія къ литературѣ, до тѣхъ поръ, говорю, литературный фондъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе будетъ принимать типъ извѣстныхъ въ Россіи человѣколюбивыхъ учрежденій для вдовъ и сиротъ, которыя обыкновенно слагаются изъ двухъ частей: изъ группы благодѣтелей, прославившихся своими христіанскими добродѣтелями и, главное, нищелюбіемъ, вообще—милостивцевъ, стоящихъ во главѣ управленія; потомъ—изъ сирыхъ, убогихъ, маломощныхъ, равно нуждающихся какъ въ призрѣніи, такъ и руководствѣ. Мы, кòнечно, ничего не можемъ сказать противъ персонала нынѣшняго комитета литературнаго фонда. Кàкъ онъ ни страненъ по своему составу, если имѣть въ виду, что главная цѣль его и обязанность — попеченіе о литературныхъ рабочихъ, но, во всякомъ случаѣ, всѣ члены его — люди, болѣе или менѣе близкіе къ литературѣ. Но не должно забывать, что мы стоимъ еще только, такъ сказать, на водораздѣлѣ стараго лите-

ратурнаго времени отъ новаго. А ужь и теперь было недавно, какъ извѣстно, сдѣлано предложеніе кандидатомъ въ члены комитета г. Баймакова, и предложеніе это было поддержано большинствомъ членовъ бывшаго комитета, такъ что г. Баймаковъ былъ выбранъ первымъ кандидатомъ, а г. Салтыковъ послѣднимъ!? Когда я спросилъ одного изъ членовъ комитета: почему они такъ стремительно простерли свои объятія къ г. Баймакову, то онъ мнѣ отвѣчалъ: «а какъ же! г. Баймаковъ былъ бы очень полезенъ комитету!» Вы видите, что и изъ засѣдающихъ въ комитетѣ есть такіе, которые нечужды мысли, что они засѣдаютъ въ сиропитательномъ заведеніи и что тутъ первый принципъ для выбора — ожидаемыя въ томъ или другомъ видѣ благотворенія отъ избираемаго лица. Предположимъ же, что въ литературный фондъ будутъ давать каждогодно по тысячѣ рублей: какой-нибудь нисколько неприкосновенный къ литературѣ присяжный повѣренный, участковый приставъ, богатый фруктовщикъ или кондиторъ, два или три издателя-спекулятора, явившіеся въ литературу только вчера и ставшіе во главѣ литературныхъ предпріятій — и вотъ, эти лица, вслѣдствіе ихъ щедраго благотворенія, сдѣлатся членами комитета литературнаго фонда. Не правда ли, что такой составъ комитета, который не былъ бы нисколько ни страненъ, ни чрезвычаенъ во всякомъ сиропитательномъ учрежденіи, показался бы крайне забавенъ во главѣ литературнаго фонда? Почему? Потому что общество литераторовъ вовсе не состоитъ изъ убогихъ, сирыхъ, вдовицъ, вообще нуждающихся въ чужомъ интелектѣ и руководствѣ, для управленія дѣлами которыхъ надобно бы было приглашать людей свѣдущихъ изъ чиновничьяго міра, изъ полиціи, изъ сословія адвокатовъ, банкировъ, промышленниковъ. Оно, слава Богу, само можетъ вѣдать и вести свои дѣла и гораздо, конечно, лучше, чѣмъ кто-нибудь изъ лицъ сторонниxъ вѣдомствъ. Кромѣ того, тутъ есть сторона очень тонкаго свойства, которая является опять именно потому, что и въ получающихъ благотвореніе вы имѣете здѣсь дѣло не съ сирыми, убогими, вдовицами, а съ людьми интеллигентными — и, притомъ, съ интеллигенціей очень развитой и съ самолюбіемъ, изъязвленнымъ до невозможности. Чтобы благотворить такимъ людямъ, не оскорбляя ихъ, надобно соблюдать большую осторожность и деликатность. Правда, у насъ на это пока мало обращается вниманія и въ отношеніи просящихъ пособія допускается еще патріархальная простота и безцеремонность. Не очень давно одинъ господинъ, бывавшій членомъ литературнаго фонда и, повидимому, очень гуманный, доказывалъ, говорятъ, въ одномъ обществѣ, что нѣтъ ничего оскорбительнаго и унизительнаго для человѣка, просящаго пособія, въ томъ, если членъ комитета придетъ къ нему и произведетъ нѣкоторое обозрѣніе его обстановки и положенія, поговоритъ съ нимъ—говоря проще, сдѣлаетъ обыскъ и маленькій допросецъ. Конечно, ему, оному бывалому члену ко-

митета, и книги въ руки. Но признаюсь, что, судя по личному чувству, въ виду подобнаго нѣкотораго обозрѣнія и допроса, производимаго нарочито наряженнымъ для того членомъ комитета, я скорѣе согласился бы голодать, чѣмъ обратиться къ комитету за пособіемъ. Точно также, представляя себѣ нѣкоторыхъ лицъ, я думаю, что скорѣе согласился бы сидѣть голодомъ, чѣмъ принять отъ нихъ хоть одинъ рубль! Конечно, все это я говорю, не испытавъ тѣхъ мученій, которыя испытываетъ человѣкъ голодающій. По всей вѣроятности, и я тогда не устоялъ бы въ моей теперешней философіи и принялъ бы рубль отъ кого угодно. Но тѣмъ противнѣе для меня, тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ мучительнѣе было бы мое положеніе. А я думаю, что каждый истинный благотворитель долженъ имѣть въ виду нетолько матеріальное положеніе, но и чувства того, кому онъ помогаетъ, и не дѣлать изъ него жертвы для своей грубости.

Послѣ этихъ краткихъ поясненій, я обращусь теперь къ предположенному мною комитету. Въ немъ присяжный повѣренный, участкобый приставъ и кондиторъ могутъ быть людьми очень хорошими и очень расположенными къ литературѣ, но имъ, какъ стоящимъ внѣ литературнаго міра, міръ этотъ совершенно неизвѣстенъ: неизвѣстно его настоящее положеніе и его нужды вообще и, тѣмъ болѣе, неизвѣстны лица, въ немъ вращающіяся, ихъ жизнь, обстановка, ихъ литературная дѣятельность. Потому въ комитетѣ, гдѣ все это требуется знать, ихъ присутствіе будетъ, по меньшей мѣрѣ, безполезно. Немногимъ больше свѣдѣній о литературномъ мірѣ имѣютъ и помянутые два или три спекулятора - издателя. Они никогда не были литературными рабочими. Они вошли въ литературный міръ господами и хозяевами. У нихъ нѣтъ и не было, и быть не можетъ никакой внутренней, сердечной связи ни съ литературою, ни съ ея персоналомъ. Для нихъ литература и персоналъ ея—то же, что̀ богиня Талія и ея служители для содержателя театра Бу̀ффъ. Потому имъ, какъ собирателямъ капиталовъ, добываемыхъ литературными силами, прилично быть самыми щедрыми жертвователями въ литературный фондъ, но, при этомъ, я думаю, простое чувство деликатности должно предсказывать имъ, что ихъ появленіе въ качествѣ раздавателей чужихъ лептъ, собираемыхъ на бѣдныхъ литераторовъ, можетъ иногда, пожалуй, раздражительно и непріятно дѣйствовать на послѣднихъ. Я не говорю уже о томъ, что тѣ или другія отношенія къ сотрудникамъ могутъ оставлять въ издателѣ извѣстную горечь и, безсознательно для него самого, отзываться на дѣлахъ комитета. Все это мы говоримъ, конечно, по отношенію къ будущему, нисколько не касаясь того, что̀ было и есть. Относительно всѣхъ комитетовъ литературнаго фонда со времени его основанія мы можемъ заявить одно—что всѣ они, каковъ бы ни былъ ихъ составъ, вели свое дѣло всегда самымъ добросовѣстнымъ и самымъ усерднымъ образомъ, выполняли со всею заботливостію все, что̀, по ихъ разумѣнію, требова-

лось для дѣла. Мы никакъ не можемъ обвинять ихъ за то, что въ томъ порядкѣ, гдѣ они дѣйствовали, недоставало иногда той тонкости и чуткости въ дѣлѣ благотворенія, о которыхъ говоримъ мы. У каждаго человѣка есть свои дѣла̀, и каждый, принимая на себя стороннее дѣло, въ правѣ думать, что закономъ предусмотрѣно все, что̀ нужно для наилучшаго устройства дѣла. Исполнивъ то, что̀ требуется закономъ, онъ имѣетъ полное право считать себя вполнѣ исполнившимъ свой долгъ. Но законъ — другое дѣло. Онъ долженъ все предусмотрѣть и всему дать форму, точно соображенную съ положеніемъ и требованіями дѣла. И потому именно, что такой предусмотрительности оказывается недостаточно въ существующемъ уставѣ литературнаго фонда, мы и почитаемъ его устарѣвшимъ для нашего времени. Правильная постановка литературнаго фонда будетъ тогда, когда онъ будетъ составленъ, главнымъ образомъ, изъ литературныхъ рабочихъ силъ, которыя живутъ исключительно литературнымъ трудомъ и при этомъ не состоятъ a) ни издателями, b) ни редакторами, c) ни даже членами редакцій. Но, такъ какъ дѣла̀ комитета могутъ касаться и издателей, и редакторовъ, то въ немъ къ означенному главному контингенту долженъ быть присоединенъ еще одинъ редакторъ, одинъ издатель и, сверхъ того, одинъ членъ изъ лицъ, занимающихъ извѣстное, болѣе или менѣе высокое, оффиціальное положеніе, какъ были, напримѣръ, покойный Ковалевскій, Десятовскій-Заблоцкій. Присутствіе такого члена будетъ служить охраною литературнаго фонда отъ разныхъ неосновательныхъ нареканій и сомнѣній, которыя могли бы распространиться разными злонамѣренными людьми въ оффиціальныхъ кругахъ. Затѣмъ, въ почетные члены комитета съ правомъ присутствія въ его засѣданіяхъ, но безъ права голоса, могли бы избираться лица всѣхъ званій и сословій, которыхъ общество литературнаго фонда, за ихъ заслуги и пожертвованія въ пользу фонда, сочло бы справедливымъ почтить этимъ званіемъ. Поставленный такимъ образомъ комитетъ потерялъ бы видъ комитета сиропитательнаго заведенія, былъ бы навсегда огражденъ отъ вторженія въ него элементовъ, чуждыхъ литературѣ, и не издавалъ бы того непріятнаго букета вдовьяго заведенія, который онъ издаетъ по временамъ, совсѣмъ не къ чести литературной интеллигенціи. Когда-нибудь объ этомъ букетѣ я еще поговорю, а теперь только, чтобы дать о немъ понятіе, упомяну объ одномъ недавнемъ фактѣ, сообщенномъ въ отчетѣ, читанномъ въ общемъ собраніи литературнаго фонда 3-го мая прошедшаго года.

Въ этомъ отчетѣ, между прочимъ, сказано, что, «согласно постановленію общаго собранія 2-го февраля сего года, относительно составленія проекта устава ссудосберегательной кассы литераторовъ, комитетъ обратился къ членамъ общества: Е. И. Ламанскому, М. Н. Островскому и Н. Ѳ. фон-деръ-Фли-

ту, которыми въ настоящее время и разрабатывается этотъ проектъ».

Всякому, понимающему дѣло, извѣстно, что, при составленіи устава ссудосберегательной кассы для какого бы то ни было сословія или корпораціи, главное дѣло не въ сочиненіи устава, которое, при существующихъ многочисленныхъ образцахъ подобныхъ уставовъ, ничего не стóитъ, а въ приспособленіи его къ потребностямъ и условіямъ той среды, для которой пишется уставъ. Такъ какъ нужды и условія литературнаго міра никому не могутъ быть лучше извѣстны, какъ самимъ литераторамъ, то я полагаю, что никто лучше ихъ не можетъ намѣтить и указать тѣ приспособленія, какія нужнó сдѣлать въ уставѣ ссудосберегательной кассы, проектируемой для литераторовъ. Если бы общество литераторовъ состояло изъ сирыхъ, убогихъ, разумомъ обиженныхъ, тогда, конечно, для составленія устава для литераторовъ надобно было бы, по необходимости, пригласить лицъ стороннихъ, но и имъ надобно было бы все-таки порекомендовать не составлять устава иначе, какъ предварительно познакомившись съ литературнымъ міромъ и пораспросивъ, кàкъ для него будетъ удобнѣе поставить дѣло. Но общество литераторовъ — мы опять должны повторить это — слава Богу, не представляетъ изъ себя собранія сирыхъ, убогихъ, вдовицъ и т. п. У нихъ, почти ежедневно занимающихся критическимъ разсмотрѣніемъ самыхъ сложныхъ бюджетовъ государственныхъ городскихъ, общественныхъ и всякаго рода уставовъ, и въ частности уставовъ ссудосберегательныхъ товариществъ и ссудныхъ кассъ, конечно, хватило бы умѣнья склеить для себя вовсе нетребующій никакой мудрости подобный уставъ. Но комитетъ предпочелъ обойти литераторовъ и поручить разработку проекта устава тремъ стороннимъ лицамъ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что Е. И. Ламанскій и М. Н. Островскій—Н. Ѳ. фон-деръ-Флита мы не знаемъ—въ составленіи уставовъ люди компетентные, и не отрицаемъ, что замѣчанія ихъ относительно общихъ началъ устава могутъ быть очень дѣльны. Потому воспользоваться ими было бы можно и должно. Но правильный ходъ дѣла для этого былъ бы слѣдующій: слѣдовало образовать комиссію исключительно изъ литераторовъ для разработки проекта устава. По окончаніи дѣла комиссіей, можно было обратиться къ М. Н. Островскому и Е. И. Ламанскому съ просьбою разсмотрѣть этотъ проектъ и сдѣлать свои замѣчанія; затѣмъ, въ общемъ собраніи съ комиссіей могло быть окончательно рѣшено: примѣнимы ли ихъ замѣчанія къ кассѣ для литераторовъ и, если дà, то кàкъ ихъ примѣнить. Привлеченіе къ дѣлу въ такомъ видѣ означенныхъ компетентныхъ лицъ было бы для всѣхъ понятно; дѣло отъ этого, по всей вѣроятности, могло бы выиграть; во всякомъ случаѣ, оно было бы удобоисполнимо и для Е. И. Ламанскаго, и М. Н. Островскаго и, пожалуй, даже не безъинтересно. Посмотрите же, чтò должно выйти при по-

рядкѣ, принятомъ комитетомъ. И у М. Н. Островскаго, и Е. И. Ламанскаго дѣлъ своихъ по горло; нельзя отъ нихъ требовать, чтобы они сами стали сочинять мизерный уставъ ссудосберегательной кассы литераторовъ. Очевидно, что они поручатъ это сочиненіе какому-нибудь подвѣдомственному имъ чину, набившему руку въ составленіи подобныхъ уставовъ. Чинъ этотъ можетъ составить прекрасный шаблонный проектъ устава, который, однакожъ, можетъ оказаться недостаточно приспособленнымъ къ условіямъ литературной среды. Между тѣмъ, проектъ можетъ быть санкціонированъ и Е. И. Ламанскимъ, и М. Н. Островскимъ. И что̀-жъ тогда будетъ дѣлать комитетъ, если замѣтитъ въ немъ недостатки? Вѣдь, согласитесь, что слишкомъ передѣлывать проектъ устава тогда будетъ несовсѣмъ ловко...

Но почему же, спрашивается, комитетъ не пошелъ тѣмъ естественнымъ путемъ, который ему представлялся и о которомъ мы сказали, а сдѣлалъ самый несообразный скачокъ, который, въ концѣ-концовъ, можетъ повредить дѣлу?

Почему? Вотъ и смекайте: когда военные хотятъ что̀-нибудь у себя устроить, они обращаются къ своимъ братьямъ военнымъ; когда чиновники что̀-нибудь устроиваютъ, обращаются къ чиновникамъ, ученое сословіе—къ ученымъ, адвокаты—къ адвокатамъ и т. д. Но когда начинаютъ устроивать что̀-нибудь для себя литераторы, они обращаются ко всѣмъ: и къ военнымъ, и къ гражданскимъ чинамъ, и къ ученымъ, и къ адвокатамъ и т. д. — однимъ словомъ, ко всѣмъ, кромѣ литераторовъ.

Вотъ это и есть то самое, что̀ я называю букетомъ вдовьяго учрежденія!

Но, гг. литераторы, если вы сами себя такъ мало цѣните и игнорируете, то кто-жъ васъ будетъ уважать?

ВЪ ПЕРЕМЕЖКУ.

(Фантазія, дѣйствительность, воспоминанія, предсказанія).

II.

Г. Заурядный Читатель, литературный хроникёръ «Биржевыхъ Вѣдомостей», почтилъ меня открытымъ письмомъ (№ 29). Лестно!... Было бы еще болѣе лестно, еслибы я могъ понимать мотивы этого письма. А теперь выходитъ такъ лестно, такъ лестно, что даже совсѣмъ не лестно. Выходитъ, какъ будто г. Заурядный Читатель только поощрить хотѣлъ меня, новичка на литературномъ поприщѣ. Благодарю, впрочемъ, и за то—все таки вниманіе—и, какъ человѣкъ вѣжливый, благовоспитанный, все-таки постараюсь извлечь изъ письма г. Зауряднаго Читателя какой нибудь матеріалъ для отвѣта.

Г. Заурядный Читатель полагаетъ, что Николай Семеновичъ, слова̀ котораго показались мнѣ такими пошлыми, гнусными, подлыми—съ своей точки зрѣнія, правъ. Въ этомъ я, впрочемъ, ни малѣйше не сомнѣвался, потому что нѣтъ такой точки зрѣнія, съ которой кто нибудь не былъ бы правъ, и обратно—нѣтъ такой гнусности, которая не оправдывалась бы какою нибудь точкою зрѣнія. Николаи Семеновичи, продолжаетъ мой благосклонный корреспондентъ, «не правы только въ томъ же смыслѣ, какъ не правы были Донъ-Кихоты, Вальтеръ-Скотты и Де-Местры, т. е. въ смыслѣ мечтаній о возможности воскресить сгнившіе въ могилахъ трупы и исполнить ихъ снова жизни и молодости; но они правы по отношенію къ переживаемому нами моменту, потому что, ка̀къ ни мизеренъ самъ по себѣ тотъ поэтическій апоѳеозъ, въ который они облекаютъ отжившія, до-реформенныя формы культурнаго слоя—все таки, какой ни на есть, а апоѳеозикъ. А какой же вы можете противопоставить этому апоѳеозику поэтическій апоѳеозъ нашего момента? Вы указываете на покаяніе? Положимъ, что покаяніе—вещь очень почтенная и въ общественномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Но, съ поэтиче-

ской точки зрѣнія, съ какой именно и ставятъ вопросъ Николаи Семеновичи, все-таки оно представляетъ зрѣлище довольно жалкое. Вы сравните только прежняго Николая Ростова (объ немъ у Заурядкаго Читателя раньше рѣчь была) и нынѣшняго. Прежде это былъ, какъ есть, юпитеръ-громовержецъ: всесовершенный, вседовольный и даже грозный; а теперь этотъ самый Николай Ростовъ уже не на тройкѣ ухарски скачетъ, а бредетъ растерзанный сомнѣніями, сбившійся со всякаго пути, растерянный, съ уныло опущенной головой—и жиды уже не прячутся отъ него по норамъ, а прозаически тащутъ его къ мировому. Куда какъ респектабеленъ и поэтиченъ подобный современный образъ. Прежде дѣвушки

Разстилали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны,

и весело, развесело было при этомъ и имъ самимъ, и ихъ женихамъ, и ихъ родителямъ, а нынѣ эти самыя дѣвицы, съ опечаленными, озабоченными лицами и съ книжками подъ мышкой, все куда-то спѣшатъ, въ умѣ массы неразрѣшенныхъ вопросовъ, на сердцѣ масса невыполненныхъ плановъ и намѣреній; женихи не знаютъ, чѣмъ пособить ихъ горю, родители оплакиваютъ ихъ участь—и сколь многія изъ нихъ успѣли уже увянуть, состарѣться въ уныніи и отчаяніи; отъ тщетныхъ поисковъ и неудачъ сколь многія покончили чахоткой, выстрѣломъ или, еще того хуже, примиреніемъ съ какою нибудь пошленькою золотою серединочкою. Это—трагедія, г. Темкинъ, страшная подчасъ трагедія, въ которой, конечно, и тѣни нѣтъ того поэтическаго апоѳеоза, котораго ищутъ Николаи Семеновичи».

Я буду спорить. «Это—трагедія»—вѣрно, но, откровенно говоря, я въ первый разъ слышу, что трагедія и поэтическій апоѳеозъ взаимно исключаются. Шекспиръ, я думаю, не сказалъ бы этого, Бѣлинскій—тоже. Николаи Семеновичи ищутъ совсѣмъ не того, что̀ можемъ представить мы, кающіеся дворяне, въ какомъ бы то ни было отношеніи—это опять вѣрно. Но я не думаю, что на Николаяхъ Семеновичахъ свѣтъ клиномъ сошелся, что они представляютъ собою высшую судебную инстанцію хотя бы въ одной только области красоты и поэтическаго апоѳеоза. Я буду спорить, потому что изъ этого спора могутъ возникнуть очень важныя и благотворныя послѣдствія. Я—человѣкъ маленькій и не имѣю въ помышленіи лично перевернуть вкусы читающей и пишущей публики. Но я очень склоненъ думать, что отъ копеечной свѣчки происходятъ иногда, при благопріятныхъ условіяхъ, огромные пожары. Придутъ другіе маленькіе люди и разскажутъ, такъ же откровенно и такъ же безъ претензій, какъ я, все, что̀ они пережили и видѣли. А потомъ придетъ большой человѣкъ, которому мы, маленькіе, недостойны развязать ремень у сапога, придетъ, подберетъ всѣ наши мелочи, сгрупируетъ

*

ихъ, освѣтить и такую поразительную красоту вамъ предъявить, что вы ахнете. Я потому беру на себя смѣлость предсказывать появленіе этого большого человѣка, что уже теперь чую—нѣтъ мало этого—вижу, осязаю дивную красоту въ сферѣ своего покаянія. Пожалуйста, не подумайте, что я стану хвастаться какими нибудь подвигами. Нѣтъ, я лично ихъ не совершалъ и, напротивъ, даже много гадостей дѣлалъ, но кругомъ себя я видѣлъ не одинъ подвигъ, достойный поэтическаго апоѳеоза. Понимаете: именно поэтическаго апоѳеоза, а не только форменнаго похвальнаго листа, выданнаго однимъ изъ романистовъ, эксплуатирующихъ «новыхъ людей» и «молодое поколѣніе». Прекрасные и преблагонамѣренные молодые люди эти романисты (теперь ужь они, впрочемъ, выводятся); я многихъ изъ нихъ коротко знаю и въ свое время, какъ съумѣю, представлю читателю. Но они дѣлали огромную ошибку, предоставляя поэтическій апоѳеозъ, подобно г. Заурядному Читателю, въ полное и исключительное владѣніе Николаевъ Семенычей и ему подобныхъ. Они остановились на той ступени покаянія, которая отрицаетъ красоту и поэтическій апоѳеозъ, какъ роскошь, какъ достояніе барства. И я очень понимаю законность этой ступени, потому что самъ ее пережилъ. Но я пережилъ ее и теперь страстно хотѣлъ бы внушить всѣмъ читателямъ и писателямъ, что нетолько истина и право на нашей сторонѣ, а и красота, что мы, кающіеся, «красивѣе» нераскаянныхъ, что поэтическаго апоѳеоза мы до сихъ поръ не имѣемъ только по недоразумѣнію и, можетъ быть, по случайному недостатку творческихъ силъ.

Конечно, было бы всего лучше прямо предъявить этотъ поэтическій апоѳеозъ. Но на это моихъ силъ не хватитъ; это сдѣлаетъ тотъ большой человѣкъ, который скоро придетъ (можетъ быть, не одинъ). Я, съ своей стороны, могу только намѣтить кое-какіе кирпичики для будущаго художественнаго зданія. Ихъ на святой Руси не мало; но именно потому, что мы привыкли отводить всякую красоту въ исключительное пользованіе Николаевъ Семеновичей (собственно, тѣхъ «культурныхъ людей», которымъ Николаи Семеновичи покланяются, «какъ красивому типу»), именно поэтому означенныхъ кирпичиковъ никто не замѣчаетъ. Ихъ топчутъ, плюютъ на нихъ, толкаютъ ногами, въ полной увѣренности, что изъ Виѳлеема ничего путнаго не выйдетъ. Такъ поступаетъ и г. Заурядный Читатель, объ чемъ я очень сожалѣю. Онъ приводитъ изъ «Героевъ времени» г. Некрасова одинъ глубоко трагическій эпизодъ, который и я долженъ напомнить читателю:

«Слухъ по столицѣ пронесся одинъ —
Сдѣлано слишкомъ ужь дерзкое дѣло!
Входитъ къ Зацѣпѣ единственный сынъ:
«Правда ли? правда ли?» юноша смѣло
Сыплетъ вопросы—и нѣтъ имъ конца.
Вспыхнула ссора. Зацѣпа сбѣсился.

Чтобъ не встрѣчать и случайно отца,
Сынъ непокорный въ Москву удалился.
Тамъ онъ оканчивалъ курсъ, голодалъ,
Письма и деньги отцу возвращая.
Втайнѣ Зацѣпа о немъ толковалъ...
Вдругъ телеграмма пришла роковая:
«Раненъ твой сынъ». Черезъ сутки письмомъ
Другъ объяснилъ и причину дуэли:
«*Воромъ отца обозвали при немъ...*»
Черныя мысли отцомъ овладѣли,
Утромъ онъ къ сыну поѣхать хотѣлъ,
Но и другая пришла телеграмма...

Т. е. телеграмма о смерти сына. Приведя это мѣсто, г. Заурядный Читатель продолжаетъ: «Вы только подумайте, г. Темкинъ, что̀ за невообразимый, чудовищный хаосъ представляетъ подобнаго рода картина? Вѣдь это—краски мрачнѣе ювеналовскихъ... Чего же дивиться, что Николаи Семеновичи платонически вздыхаютъ о той достославной эпохѣ, когда въ крещенскій вечерокъ дѣвушки гадали и Николай Ростовъ летѣлъ, подбоченясь на тройкѣ»...

Право, я тутъ очень затрудняюсь: объ чемъ собственно предлагаетъ мнѣ подумать г. Заурядный Читатель? Во исполненіе, впрочемъ, его желанія, я подумалъ... Что Николаи Семеновичи, «совершенно не дворяне», вздыхаютъ о достославной эпохѣ—это для меня остается вполнѣ удивительнымъ, потому что достославная эпоха въ томъ именно, между прочимъ, и состояла, что на спинахъ Николаевъ Семеновичей продѣлывались различныя увеселенія.

Меня эта черта холопства давно уже въ «дяденькѣ-нѣмцѣ» поражала. Я понимаю, что дѣвицы, которыя гадали въ крещенскій вечерокъ и «за ворота башмачокъ, снявъ съ ноги, бросали», я понимаю, что онѣ и всѣ близкіе ихъ ничего выше своего времяпровожденія въ достословную эпоху себѣ представить не могутъ. Но ка̀къ можетъ согласиться съ ними дяденька-нѣмецъ, отецъ котораго, честный митавскій сапожникъ, только шилъ башмаки, а не увеселялъ себя ими? Фактъ существуетъ, значитъ есть ему и причина и объясненіе. Но откровенно сознаюсь—я ихъ не знаю, не понимаю. Не понимаю, ка̀къ можетъ человѣкъ говорить кому бы то ни было: вамъ красота, поэтическій апоѳеозъ и законченныя формы чести и долга, а мы и въ грязи за ваше здоровье поваляемся. Еще менѣе понимаю я, почему г. Заурядный Читатель увидѣлъ въ эпизодѣ съ Зацѣпой только невообразимый, чудовищный хаосъ. Ка̀къ! по поводу этого эпизода вы соглашаетесь еще разъ отдать поэтическій апоѳеозъ и законченныя формы чести и долга въ вѣдѣніе культурныхъ людей и достославной эпохи! Вы ни во что̀ не цѣните ту форму чести и долга, которая побудила сына Зацѣпы разорвать съ отцомъ и добровольно терпѣть всевозможныя лишенія; ту си-

лу покаянія, которая даже въ гробъ свела юношу?! Надѣюсь, что эта форма чести вполнѣ закончена, потому что нѣтъ конца конечнѣе смерти, нѣтъ пробы вѣрнѣе ея. По крайней мѣрѣ, согласитесь, что не съ веселою же торопливостью оторвался юноша отъ жизни и что онъ умеръ не отъ «свинства», въ чемъ г. Достоевскій уличаетъ всѣхъ нашихъ самоубійцъ... (Дневникъ писателя, № 1). Неужто, даже съ поэтической точки зрѣнія, о которой говорятъ и Николай Семеновичъ, и Заурядный Читатель, образъ юноши Зацѣпы ниже, блѣднѣе, слабѣе какихъ-то дѣвицъ, разстилающихъ бѣлый платъ и поющихъ подблюдныя пѣсни? Остановитесь, въ самомъ дѣлѣ, только на поэтической точкѣ зрѣнія. Нынѣ, по поводу дѣла дворянина Кронеберга и жалобы профессора Бутлерова на своего сына, который женился безъ его, отцовскаго, позволенія, много говорятъ о предѣлахъ родительской власти и дѣтскаго повиновенія. И Боже! что̀ говорятъ по этому поводу!... Оставимъ это совсѣмъ въ сторонѣ. Пусть сынъ Зацѣпы—дерзкій мальчишка, наглый подростокъ, единственно по «свинству» своему становящійся судьей отца и по свинству же умирающій на дуэли. О, да̀ — пусть по свинству: покойникъ и не такую еще брань стерпитъ и промолчитъ, его ротъ полонъ могильныхъ червей. Но, какъ сюжетъ для поэтическаго произведенія, этотъ юноша все-таки не хуже бѣлаго плата и бѣшеной тройки. Не говорите, что образъ юноши Зацѣпы принадлежитъ еще доброму старому времени, когда дескать, семейныя узы еще не поколебались подъ тлетворнымъ дыханіемъ и проч. Не говорите этихъ «благонамѣренныхъ рѣчей», потому что они тутъ совсѣмъ неумѣстны. Юноша Зацѣпа не отрицалъ, что его отецъ—воръ, не пряталъ этого факта ни отъ себя, ни отъ другихъ, и все-таки вызвалъ на дуэль человѣка, заявившаго этотъ фактъ. Онъ взялъ на себя грѣхъ отца и изнемогъ подъ его тяжестью: покаялся, но за покаяніемъ слѣдуетъ причащеніе, и измученный юноша не нашелъ ничего лучшаго, какъ причаститься смерти. Я не одобряю этого исхода и знаю, что другіе находили и находятъ иной исходъ. Но, вѣдь, чѣмъ сложнѣе душевная жизнь, тѣмъ выгоднѣйшій поэтическій сюжетъ она представляетъ. А недостаточно развѣ была сложна душевная мука юноши Зацѣпы?

Между тѣмъ, посмотрите, что̀ дѣлается. Съ одной стороны, Николаи Семеновичи и всякіе Голопузенки и Авсѣенки прямо объявляютъ: нѣтъ красоты и поэзіи внѣ нормальной жизни культурныхъ людей. Съ другой стороны, является г. Заурядный Читатель и говоритъ: да̀, дѣйствительно, что̀ другое, а красота и поэзія вся тамъ, въ прошедшемъ; мы ничего не можемъ выставить поэтически равнаго бѣшеной тройкѣ и бѣлому плату. Чортъ знаетъ что̀ такое!. Въ концѣ концовъ, каждое амурное похожденіе, каждое чиханіе князя Юхотскаго или ка̀къ ихъ тамъ зовутъ, героевъ романовъ Голопузенки и комп., сопровождается

поэтической иллюминаціей, а мы, кающіеся, какія бы сложныя душевныя комбинаціи ни переживали, какою бы красотою ни блистали, не получаемъ отъ литературы ни привѣта, ни отвѣта? За что̀?

Я написалъ, вамъ покажется, хвастливую фразу: «какою бы мы красотою ни блистали». Но это—вовсе не хвастовство. Во-первыхъ, это я не объ себѣ лично, а во-вторыхъ, истинно говорю вамъ: съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ святая Русь, никто, болѣе насъ, поэтическаго апоѳеоза не заслуживалъ. И мы его, наконецъ, получимъ. Ахъ, еслибы я былъ первоклассный художникъ, еслибы я могъ разлиться въ звукахъ, въ образахъ, въ краскахъ — я воспѣлъ бы васъ, братья по духу, изобразилъ бы васъ, мученики исторіи, и изломалъ бы затѣмъ перо, рѣзецъ и кисти, потому что, отвѣдавши сладкаго, не захочешь горькаго, не запоешь подблюдныхъ пѣсенъ... Но дѣло такъ ярко говоритъ само за себя, что даже я, вполнѣ сознавая ничтожество своихъ силъ, надѣюсь дать вамъ, по крайней мѣрѣ, намекъ на дивную красоту нашего покаянія. Лгать и прикрашивать я не буду, не скрою ни ошибокъ, ни увлеченій, ни глупостей, ни даже нѣкоторыхъ дрянностей. И все-таки вы увидите...

Мнѣ было, должно быть, лѣтъ двѣнадцать, когда отецъ умеръ. Тутъ—большой пробѣлъ, лучше сказать, провалъ въ моихъ воспоминаніяхъ: Ѳедька, Яковъ, Ида Ѳедоровна, дяденька-нѣмецъ, старый деревянный домъ, родной городъ и проч. и проч.—все это именно куда-то провалилось, и я очутился въ Петербургѣ, въ одномъ полу-военноучебномъ заведеніи. (Кое-что̀ изъ стараго, какъ увидите, потомъ опять вынырнуло). Такъ рѣшилъ дяденька-генералъ, сдѣлавшійся моимъ и Сонинымъ опекуномъ. Онъ явился вскорѣ послѣ смерти отца. Это былъ строгій, величественный, какъ мнѣ тогда казалось, человѣкъ, съ большими сѣдыми усами, нависшими впередъ на губы, съ выпяченною грудью, блиставшею орденами и звѣздами. Онъ внушалъ мнѣ какое-то странное, сложное, смѣшанное чувство. То безграничное подобострастіе, съ которымъ всѣ относились къ дяденькѣ-генералу, не могло не отразиться отчасти и на мнѣ, да и звѣзды и ордена на его выпяченной груди и тяжелые эполеты на плечахъ производили впечатлѣніе. Онъ представлялся мнѣ чѣмъ-то высокимъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это высокое вовсе не было очень хорошимъ. Во-первыхъ, дяденька-генералъ билъ прислугу и чаще всего почему-то Якова, который постоянно ходилъ въ синякахъ. Бывало, сдѣлаетъ Яковъ что̀ нибудь не такъ, дяденька, безъ особеннаго, кажется, гнѣва — бацъ! бацъ! или ткнетъ какъ-то всѣмъ кулакомъ впередъ, и Яковъ судорожно хватается за карманъ, достаетъ грязный платокъ и прикладываетъ къ носу,

а самъ ни съ мѣста; скоро платокъ напитывается кровью, кровь бѣжитъ по пальцамъ Якова, и дяденька грозно гонитъ его вонъ, чтобы онъ не запачкалъ пола... Гадость... Кàкъ ни былъ я неразумен, но понималъ, что это—гадость... Кромѣ того, дяденька-генералъ нестерпимо надменно относился къ дяденькѣ-нѣмцу, а тотъ, бѣдный, и безъ того весь съежился послѣ смерти отца... Все это, впрочемъ, я помню очень смутно. Дяденька-генералъ распорядился по-военному и очень скоро свезъ Соню въ Москву, въ институтъ, а меня—въ Петербургъ.

Кàкъ мнѣ жилось въ школѣ, разсказывать не стòитъ. Все это давнымъ-давно описано, а особеннаго со мной ничего не случалось вплоть до одного весьма для меня важнаго разговора съ дяденькой-генераломъ. Скажу только одно: я былъ своекоштный и не мало этимъ гордился — своекоштныхъ у насъ было мало— хотя рѣшительно не умѣлъ бы сказать, чтò тутъ собственно лестнаго. Съ такимъ же неопредѣленнымъ внутреннимъ удовлетвореніемъ принималъ я вновь возникшія клички: «Потемкина», «сына роскоши», «великолѣпнаго князя» и проч.

Дяденька-генералъ въ Петербургѣ не жилъ. Помѣстивъ меня въ школу, онъ уѣхалъ во свояси, и съ тѣхъ поръ я его не видалъ лѣтъ пять, даже не слыхалъ объ немъ ничего, такъ что и о существованіи его забылъ. Разъ мнѣ говорятъ, что въ пріемной меня ждетъ какой-то генералъ. А, надо вамъ сказать, что меня до тѣхъ поръ никогда никто въ пріемной не ждалъ, потому что внѣ школьныхъ стѣнъ у меня не было ни души знакомой. Не торопитесь дѣлать изъ этого обстоятельства выводы и заключенія; не торопитесь говорить, что тѣ пока еще нѣсколько необычныя чувства и мысли, которыми я живу и которыя вамъ, можетъ быть, не совсѣмъ нравятся, обязаны своимъ происхожденіемъ уродливому воспитанію въ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія. Это фактически не такъ было. Первый толчокъ къ теперешнимъ моимъ чувствамъ и взглядамъ далъ не кто иной, какъ дяденька-генералъ, конечно, нисколько не подозрѣвая этого и совершенно безсознательно. Стѣны же закрытаго заведенія были въ акустическомъ отношеніи такъ основательно устроены, что сквозь нихъ развѣ чуть-чуть доносилось то, чтò на вольной волѣ дѣлалось, а тамъ происходили любопытныя вещи: крымская война кончалась и кончилась... Тѣ изъ моихъ товарищей, которые, благодаря существованію родныхъ и знакомыхъ, имѣли сношенія съ внѣшнимъ міромъ, кое-чтò и выносили оттуда. Но я былъ всецѣло погруженъ во внутреннія школьныя дѣлà: ѣлъ съ невѣроятнымъ аппетитомъ пироги и булки, строилъ разныя каверзы учителямъ, игралъ въ лапту и городки, сдавалъ экзамены— словомъ, былъ настоящимъ школяромъ—здоровымъ, всеяднымъ и дикимъ.

Въ пріемной я увидалъ генерала, котораго сразу же призналъ за дяденьку, не столько по памяти объ немъ самомъ, сколько

по тому, что онъ былъ очень похожъ на отца. Но странное дѣло: лобъ и глаза у дяденьки-генерала были чуть-чуть поменьше, чѣмъ у отца, а носъ, усы и нижняя часть лица чуть-чуть побольше; и эти «чуть-чуть» дѣлали то, что, несмотря на сходство съ красивымъ, выразительнымъ, пріятнымъ лицомъ отца, дяденька-генералъ былъ очень непривлекателенъ на видъ. Вдобавокъ, онъ сильно постарѣлъ, сморщился, согнулся и далеко не имѣлъ того величественнаго вида, съ которымъ онъ у меня остался въ памяти. По всей вѣроятности, онъ даже никогда не былъ величественъ, и воспоминанія мои были просто обманъ дѣтскаго зрѣнія, подкупленнаго эполетами, звѣздами и всеобщимъ подобострастіемъ. Во всякомъ случаѣ, въ пріемной я нашелъ сморщеннаго, желтаго старикашку, развѣ чуть-чуть повыше меня ростомъ. Встрѣча была, какъ всѣ quasi-родственныя встрѣчи: обнялись, поцѣловались; онъ мнѣ сказалъ, что я совсѣмъ молодецъ сталъ, я промолчалъ. Оказалось, что дяденька выходитъ въ отставку, поселяется на жительство въ Петербургѣ и намѣренъ брать меня къ себѣ по воскресеньямъ и вообще на праздники. На томъ мы и порѣшили. Дяденька-генералъ отправился къ генералу, бывшему моимъ верховнымъ начальникомъ, а тотъ, въ свою очередь, призвалъ меня къ себѣ и объявилъ, во-первыхъ, объ удовольствіи, которое ему доставило знакомство съ дяденькой-генераломъ, а, во-вторыхъ, о томъ, что онъ очень радъ, что я, наконецъ, «увижу свѣтъ». «Ступай, шутливо заключилъ генералъ: — ступай, людей посмотри и себя покажи», и милостиво потрепалъ меня по плечу.

Дà, я, наконецъ, «увидѣлъ свѣтъ»... Событіемъ огромной важности было для меня уже самое мое появленіе въ салонахъ дяденьки-генерала. Я былъ, должно быть, очень похожъ на тѣхъ дикихъ готовъ, бургундовъ и лонгобардовъ, которые чуть не прямо изъ лѣсу попадали въ омутъ римскаго великолѣпія и роскоши. Мраморный каминъ съ зеркаломъ въ золоченной рамѣ; ея превосходительство Анна Сергѣевна Темкина, вторая жена дяденьки-генерала, красивая, худощавая и вертлявая женщина лѣтъ тридцати-пяти; трельяжи, зеленѣвшіе плющемъ; мои кузены—молодой гвардеецъ и еще болѣе молодой правовѣдъ, дѣти первой жены дяденьки; мягкая мёбель; лакеи во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ; длинные и сложные обѣды; соотвѣтственные гости и гостьи и проч., и проч., и проч. — все это я увидѣлъ непосредственно послѣ пироговъ съ говядиной, лапты и экзаменовъ. Это было тяжело, особенно присутствіе женщинъ, а онѣ, какъ нарочно, старались приласкать меня. Какъ дикій звѣрь какой-нибудь, забивался я въ уголъ и оттуда пугливо выглядывалъ на людей и прислушивался къ ихъ рѣчамъ. Рѣчи все были очень хорошія—тогда вѣдь всѣ хорошія рѣчи говорили: въ салонахъ дяденьки-генерала фигурировалъ, между прочимъ, одинъ писатель, нынѣ стоящій на стражѣ «культуры», а тогда онъ

былъ еще очень молодъ и тоже хорошія рѣчи говорилъ. Я, однако, очень мало цѣнилъ эти хорошія рѣчи и больше норовилъ пристроиться къ картинкамъ и къ ѣдѣ. Въ этихъ вкусахъ мы сошлись съ дяденькой-генераломъ. Этого я никакъ не ожидалъ, и, вообще, на первыхъ же порахъ, былъ до чрезвычайности пораженъ положеніемъ дяденьки въ домѣ и его нравственной физіономіей. По старой памяти, я разсчитывалъ встрѣтить громовержца, разсыпающаго во всѣ стороны брань и удары и заставляющаго всѣхъ трепетать. На дѣлѣ, однако, въ домѣ дяденьки-генерала никто не трепеталъ, кромѣ его самого. Это, впрочемъ— не совсѣмъ вѣрное слово: онъ не трепеталъ, а сокращался, умалялся, съеживался нетолько передъ своей супругой, а и передъ сыновьями и передъ гостями. «Генералъ Темкинъ», коротко рекомендовала его Анна Сергѣевна своимъ знакомымъ...

Еслибы я писалъ что̀-нибудь въ родѣ романа, да даже и просто въ видахъ обстоятельности и послѣдовательности, я долженъ бы былъ представить здѣсь общій характеръ либеральнаго салона генеральши Темкиной и хоть нѣсколько экземпляровъ изъ числа его обычныхъ посѣтителей. Но, по предоставленной мнѣ самимъ собой вольности, я сдѣлаю это, можетъ быть, позже, когда придется къ слову, а, можетъ быть, и вовсе не сдѣлаю. Теперь же тороплюсь подойти къ чрезвычайно важному для меня эпизоду. Приведу только одно выраженіе одного изъ гостей Темкиныхъ, такъ какъ оно, можетъ быть, освѣтитъ вамъ кое-что̀. Въ числѣ обычныхъ посѣтителей салона былъ нѣкто Андрей Андреевичъ Башкинъ, удивительно красивый брюнетъ, лѣтъ тридцати, съ чудесными мягкими, лѣнивыми глазами и круглой бородкой. Описывать его, впрочемъ, не буду, потому что ниже онъ появится на сцену во весь ростъ. Вотъ съ этимъ-то Башкинымъ и еще съ двумя-тремя молодыми людьми мнѣ пришлось разъ вмѣстѣ выйти отъ дяденьки-генерала. Одинъ изъ молодыхъ людей съ восторгомъ говорилъ объ Аннѣ Сергѣевнѣ, называлъ ее «идеаломъ современной женщины» и еще какъ-то. Башкинъ, лѣниво усмѣхаясь, остановилъ этотъ каскадъ восторга словами: «Э, полноте, батюшка! она—просто madame Мессалина Рекамье». Молодой человѣкъ ахнулъ и принялся съ жаромъ спорить...

И такъ, дяденка-генералъ любилъ картинки и ѣду, преимущественно сласти. Я—тоже. Но на счетъ картинокъ мы не съ разу сошлись. Генералъ Темкинъ любилъ изображенія парадовъ, смотровъ, сраженій, штурмовъ, вообще—войскъ въ дѣйствіи и бездѣйствіи, а также голыхъ женщинъ. Картинки баталическаго свойства любилъ и я, но голыхъ женщинъ сначала конфузился... Впрочемъ, мало по малу, привыкъ. Принесетъ, бывало, дяденька въ свой маленькій, увѣшанный оружіемъ, кабинетъ кипу картинокъ, книгъ, кипсековъ и корзинку какихъ-нибудь сластей — сласти дяденькѣ выдавались дешевыя: изюмъ, пастила, марме-

ладъ—и начинается у насъ пиршество, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ: матеріальное и нравственное. Я очень живо помню эти пиршества, и, еслибы обладалъ беллетристическимъ талантомъ и не хотѣлъ бы такъ страстно поскорѣе добраться до моего покаянія, то могъ бы доставить читателю большое эстетическое наслажденіе изображеніемъ нашего съ дяденькой времяпровожденія.

Со стороны салона доносится смѣшанный гулъ голосовъ, изъ котораго по временамъ выдѣляются «хорошія» слова какого-нибудь разгорячившагося оратора, чаще всего молодаго писателя, который нынѣ благополучно стоитъ на стражѣ культуры. Шумъ, смѣхъ, аплодисменты, пѣніе, споры, чтеніе, декламація... А въ маленькомъ кабинетѣ, у маленькаго круглаго стола, на которомъ горитъ маленькая лампа — пируемъ мы съ генераломъ Темкинымъ. Онъ—сѣдой старикъ, выраженіемъ лица смахивающій на Наполеона III, въ орденахъ и звѣздахъ; я—семнадцатилѣтній малый, краснощекій, вихрастый, выросшій изъ казеннаго мундира... Мы смотримъ картинки и ѣдимъ пастилу и мармеладъ. Когда картинки всѣ пересмотрѣны, дяденька подхватываетъ какое-нибудь хорошее слово, доносящееся изъ салона, и начинаетъ его беззубо-зло комментировать: онъ отводитъ душу, онъ радъ, что и у него есть слушатель, передъ которымъ онъ можетъ излить свою желчь, опорожнить свою нравственную утробу отъ ежедневно, ежечасно получаемыхъ имъ въ своемъ домѣ оскорбленій и огорченій. А я, въ самомъ дѣлѣ—слушатель превосходнѣйшій: молчу и жую мармеладъ... Иной разъ—я начинаю разсказывать объ учителяхъ, товарищахъ, начальствѣ, о послѣднихъ школьныхъ событіяхъ, и дяденька-генералъ слушаетъ съ видимымъ интересомъ и время отъ времени вставляетъ свои одобрительныя или порицательныя замѣчанія.

Разъ, однако, когда мы такимъ образомъ сидѣли и благодушествовали, произошелъ у насъ разговоръ совершенно неожиданный. Сначала мы старое перебирали, вспоминали отца, Соню, домъ, и отъ этихъ воспоминаній нѣсколько размякла моя заматерѣлая на пирогахъ и булкахъ душа, размякла и подготовилась къ принятію новой мысли. Когда очередь дошла до воспоминаній о дяденькѣ-нѣмцѣ, дяденька-генералъ прочиталъ мнѣ маленькую нотацію.

— Э-э-э, началъ онъ, по обыкновенію басомъ и съ оттяжкой:— э-э-э, послушай, Гриша, я давно хотѣлъ сказать... какой тебѣ дяденька этотъ Карлъ Ивановичъ?..

— Карлъ Карловичъ, поправилъ я.

— Э-э-э, ну, какъ его... все равно—сапожникъ... Онъ—сапожникъ, а ты, братецъ—дворянинъ, онъ—Фишеръ, а ты—Темкинъ... Разница!

Я протестовалъ, ссылаясь на всѣхъ домашнихъ, въ томъ числѣ на отца, которые всегда признавали Карла Карловича моимъ

дяденькой. Дяденька-генералъ упорно стоялъ на своемъ, доказывая, что̀, какъ гусь—свиньѣ не товарищъ, такъ и Фишеръ—Темкину не родня. Я опять протестовалъ, потому что, несмотря на всѣ его странности, я любилъ добраго, мягкаго дяденьку-нѣмца; и этотъ споръ все по маленьку вызывалъ искру божію изъ-подъ груды пироговъ, школьнаго озорничества и всякой грубости и пошлости. Наконецъ, искра блеснула...

Продолжая развивать свою тэму, дяденька-генералъ сталъ доказывать, что и Темкина-то не всякаго онъ признаетъ своей родней, а не то что̀ Фишера, и что, конечно, всякій проходимецъ радъ лѣзть въ родство къ благороднымъ людямъ. Въ доказательство, дяденька-генералъ разсказалъ слѣдующій случай. Будучи еще полковникомъ и полковымъ командиромъ, онъ стоялъ съ полкомъ въ одной южной губерніи. Однажды, деньщикъ ему докладываетъ, что пришли «казакъ съ казачкой» и желаютъ видѣть его высокородіе. Его высокородіе велѣлъ-было сначала гнать незваныхъ гостей въ шею, но деньщикъ объяснилъ, что «казакъ» утверждаетъ, будто онъ—племянникъ его высокородія. Его высокородіе потребовалъ объясненія. Оказалось слѣдующее. Родной братъ моего отца и дяденьки-генерала, значитъ, мнѣ дядя, былъ когда-то въ тѣхъ мѣстахъ мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ. Онъ сманилъ у богатаго и властнаго сосѣда гувернантку и женился на ней. Но сосѣдъ самъ имѣлъ виды на гувернантку и потому сталъ мстить. Сначала шли мелочныя пакости, но разъ у дяди случился пожаръ, причемъ сгорѣли всѣ документы. Властный сосѣдъ—должно быть, не хуже былъ Темкина-лютаго — воспользовался этимъ и, деньгами и вліяніемъ, добился того, что дядя, Темкинъ, потомокъ князей Темкиныхъ - Ростовскихъ, оказался, будто бы, исконнымъ его крѣпостнымъ человѣкомъ. Въ качествѣ таковаго, онъ былъ затѣмъ проданъ другому помѣщику, вмѣстѣ съ женой. Дяденька-генералъ не съумѣлъ мнѣ хорошенько разсказать всю эту исторію, отчасти по недостатку сообразительности и краснорѣчія, а отчасти потому, что и самъ подробностей не зналъ: «казакъ» плохо толковалъ. Казакъ этотъ былъ некто иной, какъ плодъ любви несчастнаго дяди и гувернантки, послужившей яблокомъ раздора, то-есть, мой двоюродный братъ. Онъ успѣлъ уже вполнѣ «омужичиться», какъ говорилъ дяденька-генералъ, и женатъ былъ на породной крестьянкѣ. Ка̀къ ни былъ, однако, неудовлетворителенъ разсказъ дяденьки-генерала, онъ меня глубоко взволновалъ. Въ душѣ у меня точно что̀ раздвинулось, расширилось. Я жадно ловилъ слова̀, рѣдко, съ оттяжкой вылетавшія изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ усовъ дяденьки-генерала. Я ждалъ конца романической исторіи и уже предвкушалъ этотъ конецъ: я ждалъ, что дяденька явится мстителемъ и благодѣтелемъ...

— Ну, и что̀-жъ? нетерпѣливо спросилъ я, когда дяденька-генералъ остановился.

— Э-э-э, ну, и что̀-жъ? переспросилъ онъ, посасывая усатымъ, беззубымъ ртомъ пастилу.—Ну, и прогналъ...

— Ка̀къ, прогнали?!

— Э-э, такъ и прогналъ... Можетъ, онъ все навралъ... Ну, наврать, впрочемъ, не посмѣлъ бы... Не племянникомъ же мнѣ его признать, когда отъ него дегтемъ воняетъ на цѣлый домъ... Хамъ ужъ онъ настоящій, ка̀къ тамъ ни вертись... Ужъ кто, братецъ, въ хамствѣ родился, тотъ хамъ и есть... кто въ навозѣ выкупался... Можетъ быть, вонъ и у моего Сергушки или у вашего Якова... такъ, что̀-ли звали, любимца-то твоего отца, царство ему небесное (дяденька перекрестился)... Э-э-э, что̀ бишь я?.. Да̀, такъ у Яшки, можетъ быть, отецъ тоже какой-нибудь принцъ былъ...

Дяденька еще много подобнаго вздора говорилъ (даже съ точки зрѣнія культурныхъ людей, это, кажется—вздоръ, а, впрочемъ, не знаю), но я только до Якова и помню. Какъ сказалъ дяденька это имя собственное, такъ и сталъ мнѣ глубоко омерзителенъ, и не слушалъ ужъ я его больше...

Слезы, первыя благодатныя слезы сочувствія и негодованія подступили мнѣ къ горлу и душили меня...

Я, кажется, не идеализирую себя, не говорю, что я отъ младыхъ ногтей былъ переполненъ высокими чувствами и глубокими думами. О, нѣтъ! я не хочу врать. Прямо говорю, что до семнадцати лѣтъ я былъ балбесъ-балбесомъ, да и первый взрывъ душевный произошелъ во мнѣ при совсѣмъ особенныхъ обстоятельствахъ. Нужно было, чтобы кто-нибудь изъ близкихъ моихъ, дядя, двоюродный братъ, потерпѣлъ крупную несправедливость... Ну, что̀-жъ дѣлать? каковъ есть, такого и берите. Но все-таки скажу: чудно «красивъ» былъ мой душевный міръ въ моментъ этого взрыва. Я не о внѣшности говорю. Внѣшность была совсѣмъ некрасива. Помню, что я, глотая слезы, опрокинулъ вазу съ пастилой и обозвалъ дяденьку-генерала какимъ-то грубымъ кадетскимъ словомъ. Затѣмъ, совершенно безсознательно, машинально пошелъ въ переднюю: оставаться у дяденьки я не могъ. Прошелъ я почему-то черезъ салонъ, хотя могъ бы пройти и болѣе короткимъ, и болѣе удобнымъ путемъ. Помню, какъ сзади меня дяденька-генералъ шипѣлъ задыхающимся голосомъ: «ахъ— ты пащенокъ!» помню, какъ я неуклюже, неровно переставляя ноги, прошелъ черезъ салонъ, набитый народомъ, ни съ кѣмъ не прощаясь и наступая на ноги и подолы. Помню, наконецъ, какъ кто-то изъ гостей, когда я вышелъ въ переднюю, громкимъ шепотомъ съострилъ сосѣду: «пастилы объѣлся, животъ заболѣлъ», и какъ кто-то громко захохоталъ...

И дорога до дому, и ночь, и слѣдующій день, и опять ночь и опять день—были поглощены моимъ братомъ-мужикомъ. Я не

иначе называлъ его мысленно, какъ братомъ, и не могъ себѣ представить его иначе, какъ въ видѣ Якова, когда тотъ лежалъ окровавленный въ людской или когда онъ, послѣ побоевъ дяденьки, держалъ у носа окровавленный платокъ. Почему это такъ выходило—не знаю. Но отдѣлаться отъ этого образа я не могъ, да и не хотѣлъ, не пытался, потому что онъ мнѣ новую жизнь далъ. Къ семнадцати годамъ у человѣка много силъ накапливается, но, благодаря моему воспитанію въ четырехъ высокихъ стѣнахъ, силы эти находились въ потенціальномъ состояніи, если вы позволите мнѣ такъ выразиться: на пироги съ говядиной, лапту и долбню много силъ не израсходуешь. И вдругъ, всѣ эти силы перешли въ состояніе активное, заработали. Естественное дѣло, что хаосъ у меня въ головѣ былъ ужаснѣйшій, и только двойной образъ брата и Якова ярко горѣлъ въ этомъ хаосѣ, какъ нѣкогда духъ Божій носился надъ бездной. Я былъ до такой степени балбесъ, что, несмотря на свои семнадцать лѣтъ и несмотря на всѣ вѣянія времени, впервые остановился на дикомъ смыслѣ словъ: продать человѣка, купить человѣка. Я былъ до такой степени грубъ, что впервые задалъ себѣ вопросы: гдѣ теперь Яковъ? что съ нимъ? гдѣ дяденька-нѣмецъ? гдѣ Соня? какъ она живетъ? Я ихъ всѣхъ перезабылъ. А вопросъ тянулся за вопросомъ, какъ крючокъ за петлей. Гдѣ Яковъ? Гдѣ Ѳедька? Я былъ до такой степени невѣжда, что не зналъ этого; не зналъ, что они, мои друзья-пріятели, проданы и что этою цѣною отчасти оплачиваются мои пироги съ говядиной и моя лапта. Да и теперь это мнѣ не было вполнѣ ясно. Я только смутно догадывался... Зналъ ли отецъ, что его братъ взятъ въ кабалу и проданъ? Должно быть, зналъ. Какъ же онъ-то не вступился? О, я разыщу брата, я куплю его... нѣтъ, это—гадость... я вырву его изъ омута и приведу въ салонъ дяденьки-генерала и скажу: вотъ...

Эхъ, доля моя горькая! Назвался груздемъ, такъ и полѣзай въ кузовъ. Взялся разсказывать, такъ и разсказывай. А, между тѣмъ, чувствую, какъ у меня все это выходитъ блѣдно, неумѣло, далеко отъ дѣйствительности. Просто руки опускаются и перо вываливается... Приходи же ты скорѣе, большой человѣкъ, ты, умный, талантливый и любящій, приходи, желанный, и разскажи за меня и за другихъ, какъ зараждается покаяніе. Заткни глотки всѣмъ, кто говоритъ, что красота погибла, что ея нѣтъ, покажи, что та красота, которую художники испоконъ вѣка выслѣживаютъ въ первой любви—ничто, плоскость въ сравненіи съ красотой перваго проблеска покаянія. А первая любовь, вѣдь это—лучшее, чистѣйшее, что вы можете выставить, вы, нераскаянные...

Я опять о красотѣ, и вы, пожалуй, опять подумаете, что я хвастаться начну. Ничуть не бывало. Даже совсѣмъ напротивъ. Отъ того момента, когда въ моемъ мозгу поселился двойной образъ Якова и брата-мужика, была прямая дорога къ тому,

чѣмъ я теперь дышу и живу. Но я это только теперь вижу, а тогда я не пошелъ этой дорогой, уклонился отъ нея, пошелъ путемъ окольнымъ, на которомъ встрѣтилъ много препятствій и опасностей. И это, кажется—не случайное уклоненіе, а типическое, въ которомъ грѣшны почти всѣ мы, кающіеся дворяне, хотя, разумѣется, въ моей исторіи были кое-какія личныя особенности. Я не назову этого уклоненія старымъ философскимъ терминомъ «моментъ развитія», потому что терминъ этотъ какъ бы узаконивает, санкціонируетъ то, безъ чего легко было обойтись и безъ чего позднѣйшіе кающіеся дворяне обходятся и должны обходиться.

Сначала шло все какъ слѣдуетъ. Двойной образъ Якова и брата ярко горѣлъ въ сознаніи и продолжалъ дѣлать свое дѣло. Для разрѣшенія задаваемыхъ имъ вопросовъ я сталъ припоминать разныя хорошія словà, слышанныя однимъ ухомъ въ либеральномъ салонѣ Анны Сергѣевны; сталъ прислушиваться къ тому, чтò говорилось товарищами, раньше меня «увидѣвшими свѣтъ»; сталъ читать книги, которыми тогда зачитывался весь образованный русскій людъ. Работа шла быстро. Лапта и пироги съ говядиной помаленьку утратили свою прелесть. Кое-что мнѣ выяснилось. Въ салонъ Анны Сергѣевны меня очень тянуло, но, съ другой стороны, дяденька-генералъ былъ глубоко противенъ, да и конфузился я своего неуклюжаго ухода и остроты: «пастилы объѣлся, животъ заболѣлъ»... Пропустилъ одно воскресенье, два, три, четыре. На слѣдующее воскресенье рѣшилъ уже-было идти, какъ вдругъ мнѣ говорятъ, что меня желаетъ видѣть какой-то «вольный»—такъ дядька звалъ всѣхъ статскихъ. «Вольный» оказался красавцемъ Башкинымъ. Онъ явился отъ имени Анны Сергѣевны.

— Тётушка ваша, говорилъ онъ оффиціально-вѣжливо, но чуть-чуть насмѣшливо улыбаясь:—поручила мнѣ узнать о причинахъ вашего долго отсутствія. Генералъ Темкинъ почему-то вами очень недоволенъ и требуетъ, чтобы вы извинились...

— Я извиняться не буду... нè въ чемъ, перебилъ я.

— Это и не нужно, продолжалъ, еще насмѣшливѣе улыбаясь, Башкинъ.—Тётушка ваша не безъ основанія полагаетъ, что, кто прогнѣвалъ генерала Темкина, тотъ имѣетъ шансы угодить ей. Но генералъ упорно отказывается разсказать, въ чемъ дѣло. Вы, надѣюсь, не будете такъ упорствовать?

Я молчалъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, чтò у васъ тамъ вышло? Вѣдь, вы такіе пріятели были, пастилу вмѣстѣ ѣли, а?

Послѣ нѣкотораго настоянія, я, конфузясь, краснѣя, путаясь и запинаясь, разсказалъ. Башкинъ очень внимательно слушалъ и пересталъ улыбаться. Это придало мнѣ бодрости, подняло въ собственныхъ глазахъ, такъ что я кончилъ даже не безъ увлеченія и краснорѣчія. Башкинъ, впрочемъ, кажется, не совсѣмъ

меня понялъ, потому что спросилъ:—«а кто же это—Яковъ?» (я и Якова, и ка̀къ его дяденька билъ ввернулъ въ разсказъ). Я вновь сталъ объяснять.

— Извините, сказалъ въ заключеніе Башкинъ очень серьёзно:—извините, мнѣ не совсѣмъ все-таки ясно... притомъ же, вы немного взволнованы. Мнѣ кажется, однако, что вы слишкомъ строго относитесь къ генералу Темкину. Онъ—человѣкъ стараго вѣка... пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ. На вашемъ мѣстѣ, я не стоялъ бы за извиненіемъ... Виноватъ, это—мое личное мнѣніе, и вамъ вовсе не предстоитъ надобности имъ руководствоваться. Извиняться, пожалуй, вовсе не нужно. Просто приходите... Я передамъ вашей тётушкѣ все, что̀ отъ васъ слышалъ. Она, вѣроятно, пожелаетъ васъ видѣть... Подумайте, а?

— Я подумаю...

— Да̀, подумайте и приходите...

А чего «подумайте!» Я ужь и до Башкина рѣшилъ, что пойду къ дяденькѣ, то-есть собственно къ тётенькѣ. А теперь, когда этотъ умный, насмѣшливый красавецъ простился со мной съ такимъ серьёзнымъ уваженіемъ ко мнѣ, такъ мнѣ показалось—да и въ самомъ дѣлѣ, нѣчто подобное, кажется, было — теперь, разумѣется, и сомнѣнія быть не можетъ, что я пойду въ слѣдующее же воскресенье. Мнѣ, сознаюсь, льстило смутное предчувствіе, что и Анна Сергѣевна, и весь ея салонъ, со включеніемъ остряка, который сказалъ, что я пастилы объѣлся, будутъ со мной говорить такъ же серьёзно, почтительно, какъ Башкинъ.

Предчувствіе не обмануло. Анна Сергѣевна, буквально съ распростертыми объятіями, меня встрѣтила и тотчасъ же увела въ свой маленькій будуаръ, сказавъ мимоходомъ гостямъ, что она «должна серьёзно поговорить съ этимъ молодымъ человѣкомъ». Серьёзнаго разговора, впрочемъ, никакого не вышло. Мы сидѣли въ небольшой, густо заставленной низенькою, мягкою мёбелью комнатѣ, въ которой было очень жарко и очень пахло духами. Анна Сергѣевна посадила меня очень близко къ себѣ и все время держала мои руки въ своихъ. Мнѣ было такъ неловко, душно и конфузно; притомъ же Анна Сергѣевна говорила такъ быстро, что я почти ничего не слышалъ. Она говорила что-то о своемъ сочувствіи къ моему «благородному порыву», о любви къ «меньшему брату», объ томъ, что «генералъ Темкинъ—извѣстный ретроградъ, но, впрочемъ, добрый и нисколько на меня не сердится». Во всякомъ, случаѣ она, Анна Сергѣевна, всегда готова быть моей защитницей и совѣтницей.

— Будемъ друзьями, Grégoire, заключила Анна Сергѣевна, тряся меня за руки и стараясь заглянуть мнѣ въ глаза, а я упорно опускалъ ихъ внизъ и смотрѣлъ на тигровую шкуру, разосланную въ ногахъ, и на подолъ лиловаго шелковаго платья тётеньки:—будемъ друзьями, Grégoire. Если васъ посѣтятъ ка-

кія-нибудь душевныя тревоги, какія-нибудь сомнѣнія или книги вамъ понадобятся, приходите ко мнѣ. Я васъ пойму. Я много виновата передъ вами. Я должна бы была прямо ввести васъ въ кругъ мыслящихъ и развитыхъ людей, но я... вы простите меня? дà? я считала васъ мальчикомъ и думала, что вамъ веселѣе ѣсть мармеладъ и смотрѣть картинки съ генераломъ Темкинымъ... ха, ха, ха! Анна Сергѣевна весело разсмѣялась надъ своимъ предположеніемъ о преимуществѣ мармелада передъ бесѣдой мыслящихъ людей, но тотчасъ же серьёзно прибавила:— этого больше не будетъ! пойдемте...

Мы вышли изъ будуара подъ-руку. Я былъ красенъ, какъ ракъ, и до того вспотѣлъ, что чувствовалъ, какъ цѣлыя струи льются у меня по спинѣ. Гости и гостьи очень внимательно, даже до неприличія, осматривали меня. Скоро пришелъ Башкинъ и дружески поздоровался со мной. Явился дяденька и молча кивнулъ головой на мой неуклюжій поклонъ. Онъ имѣлъ видъ совершенно обиженнаго человѣка. Подойдя къ двери, которая вела въ кабинетъ, гдѣ мы такъ часто наслаждались картинками и пастилой, онъ оглянулся въ мою сторону не то съ упрекомъ, не то съ приглашеніемъ. Я отвернулся. Когда я опять взглянулъ въ ту сторону, дяденьки-генерала уже не было: онъ сидѣлъ у себя и въ одиночку ѣлъ пастилу и смотрѣлъ картинки...

Благодаря всеобщему вниманію — очевидно, всѣ уже знали мою исторію—и въ особенности любезности Анны Сергѣевны и Башкина, я скоро разошелся и имѣлъ даже нѣкоторый успѣхъ въ салонѣ, довольно, впрочемъ, двусмысленный и меня самого поразившій. Разговаривая съ Башкинымъ, я, между прочимъ, сказалъ ему, что дядька назвалъ его «вольнымъ», то-есть штатскимъ. Сидѣвшій тутъ же молодой писатель, нынѣ благополучно стоящій на стражѣ культуры, очень громко расхохотался и сказалъ, что «это чрезвычайно метко». Захохотали и другіе, поднялись остроты надъ бывшими тутъ двумя офицерами — они, впрочемъ, и сами шутили на эту тэму — и при этомъ всѣ относились ко мнѣ такъ, какъ будто я сказалъ какую-нибудь замѣчательную остроту. А я... должно быть, я очень глупый видъ имѣлъ, потому что чувствовалъ себя совершенно невиннымъ въ остроуміи, а, между тѣмъ, не хотѣлъ отклонить отъ себя то, что̀ мнѣ такъ любезно навязывали...

Съ этихъ поръ я сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ салона Анны Сергѣевны и скоро вошелъ во вкусъ его. Не вдругъ, однако. Сначала меня нѣсколько коробило слѣдующее обстоятельство. Ка̀къ ни краснорѣчиво бесѣдовала со мной Анна Сергѣевна въ будуарѣ, да и потомъ не одинъ разъ, но я отъ нея не узналъ рѣшительно ничего, непосредственно къ взволновавшей

меня исторіи относящагося. Я въ простотѣ душевной думалъ, что она поможетъ мнѣ отыскать брата и Якова, а отыскать ихъ обоихъ я считалъ необходимымъ, хоть и не знаю, зачѣмъ. Но она, кажется, даже и не знала, въ чемъ собственно состояла та исторія, которая возбудила въ ней такую симпатію ко мнѣ. По крайней мѣрѣ, меня она не разспрашивала, а Башкинъ меня въ тотъ разъ не понялъ, значитъ, и ей не могъ сообщить что̀-нибудь опредѣленное. Анна Сергѣевна удовлетворилась просто тѣмъ, что я сказалъ генералу Темкину грубость по какому-то благородному поводу, въ которомъ была замѣшана «меньшая братія» и кулачная расправа генерала. Этого съ нея было довольно. Но мнѣ-то было этого мало. Завести съ Анной Сергѣевной серьёзный разговоръ — я въ этомъ скоро убѣдился — не было никакой возможности: она тараторила свое, разсыпалась въ общихъ фразахъ и отвлеченностяхъ, но къ фактамъ не спускалась. Притомъ же, ея манера хватать за руки и сажать очень близко къ себѣ очень смущала меня, даже просто отталкивала. Я рѣшилъ, что надо обратиться къ дяденькѣ. Это было нетрудно сдѣлать. Онъ, акуратно каждое воскресенье, пройдя поперегъ салона, останавливался у дверей кабинета и взглядывалъ на меня укоризненно-пригласительнымъ взглядомъ. Наконецъ, я рѣшился откликнуться на этотъ молчаливый зовъ...

Опять передо мной стояла на маленькомъ кругломъ столѣ корзинка съ мармеладомъ и пастилой, опять я видѣлъ полуосвѣщенные свѣтомъ маленькой лампы огромные сѣдые усы, прикрывавшіе беззубый ротъ. Сначала, разговоръ естественнымъ образомъ не клеился, но дяденька самъ направилъ его на интересовавшіе меня пункты. Мнѣ удалось выспросить слѣдующее. Отъ продажи нашего дома, людей, то-есть Якова, Ѳедьки и прочей дворни, лошадей и всякаго имущества, была выручена сумма, которая, вмѣстѣ съ небольшими деньгами, оставшимися послѣ отца, составила десять тысячъ. Проценты съ этой суммы шли на уплату за мое и Сонино воспитаніе. Люди были проданы всѣ въ одни руки — помѣщику Короваеву. Дяденька-нѣмецъ уѣхалъ въ Митаву, и что̀ съ нимъ теперь — неизвѣстно. Относительно брата-мужика дяденька, за безпамятствомъ, ничего сообщить не могъ, кромѣ названія губерніи, гдѣ онъ его встрѣтилъ. Вотъ и все. Но и это немногое я принялъ съ страннымъ равнодушіемъ. Какъ-то холодно взглянулъ я мысленно по направленію къ недавно еще такъ мучившему меня двойному образу. Это—странно, но такъ было. Я сначала такъ страстно хотѣлъ разсѣять мракъ, окружавшій Якова и брата, и мои къ этому существу отношенія, но, когда получилъ нѣкоторые, хотя скудные, положительные матеріалы, вышло такъ, какъ будто я исполнилъ какое-нибудь формальное, вовсе не глубоко меня задѣвающее обязательство...

Это—проклятый духъ либеральнаго салона Анны Сергѣевны

сказывался. Тамъ всѣ были такъ веселы, такъ довольны собой, другъ другомъ и всѣмъ салономъ (можетъ быть, одинъ Башкинъ составлялъ нѣкоторое исключеніе, но онъ велъ себя очень сдержанно и не имѣлъ до меня никакого касательства), что я поневолѣ заразился тѣмъ же. Я убѣдился, что, въ сущности, я — прекраснѣйшій молодой человѣкъ, умный, либеральный, обуреваемый весьма высокими мыслями и глубокими чувствами, и что, если мнѣ чего не достаетъ, такъ только продолженія того, чѣмъ я уже обладаю: знаній, «развитія». Не ловите меня на словѣ, не говорите, что я и теперь все о своей красотѣ толкую. Разница огромная! Во-первыхъ, я объ красотѣ покаянія потому такъ настоятельно говорю, что объ ней никто не говоритъ, а красота салона Анны Сергѣевны гремѣла въ тѣ времена по всему Петербургу. Во-вторыхъ, тогда было самообольщеніе, самопоклоненіе и самослуженіе, а теперь ничего этого нѣтъ. Теперь я вамъ прямо говорю: я хорошъ постольку, поскольку чисто, искренно, глубоко и рѣшительно приношу мое покаяніе. Я бы очень хотѣлъ выяснить вамъ чрезвычайно рѣзкую границу между тогдашнимъ и теперешнимъ моимъ образомъ мыслей. Это — очень важная вещь. Надѣюсь, что дальше это будетъ вполнѣ ясно. Если, относительно меня, по крайней мѣрѣ, справедливъ упрекъ въ *«веселой* торопливости», такъ онъ всецѣло относится къ этому періоду моего развитія, хотя, надо замѣтить, я тогда еще вовсе не «отрывался». Единственный осязательный результатъ, вынесенный мною изо всей передряги изъ-за Якова-брата, сводился въ ту пору къ отреченію отъ «темкинства». Это ужь осталось прочно и навсегда; но, вѣдь, во мнѣ эта гордость родствомъ съ Владиміромъ Святымъ была, въ сущности, просто ребячествомъ. Серьёзно я не былъ никогда ею зараженъ. Затѣмъ, посмотрите: такъ ошеломившій меня, на первыхъ порахъ, наплывъ новыхъ мыслей очень быстро разсѣялся въ какихъ-то отвлеченностяхъ и самослуженіи. Во времена посѣщенія салона Анны Сергѣевны, я, конечно, очень хорошо понималъ, вмѣстѣ со всѣми благомыслящими русскими людьми, что̀ такое крѣпостное право. И, однако, я могъ бы построить такое умозаключеніе: мои друзья-пріятели, Ѳедька и Яковъ, проданы и этою цѣною оплачивается мое воспитаніе; такимъ образомъ создается образованный, гуманный, развитой, либеральный молодой человѣкъ, который, выйдя на стезю жизни, еще болѣе расширитъ предѣлы образованности, гуманности развитія и либерализма. Въ этомъ умозаключеніи непріятная сторона моихъ отношеній къ Якову и Ѳедькѣ не то, что вычеркнута, а проглочена, пройдена съ чрезмѣрною быстротою, сказана скороговоркою въ томъ родѣ, какъ въ извѣстномъ разговорѣ: что̀ твое, то мое, а что̀ мое, то мое. Или еще какъ хохлы говорятъ: або ти, тату, іdь у ліс, а я зостанусь дома, або я, тату, зостанусь дома, а ти іdь у ліс. Очень скоро сказано, такъ что незамѣтно.

Здѣсь позволю себѣ маленькое отступленіе, собственно для того, чтобы привести пояснительный примѣръ скороговорки, вычитанный мною въ томъ же любезномъ открытомъ письмѣ ко мнѣ г. Зауряднаго Читателя. Онъ пишетъ мнѣ, что несовсѣмъ доволенъ статьей г. Михайловскаго «Борьба за индивидуальность». Онъ полагаетъ, именно, что ихтіозавры вовсе не представляютъ высшаго типа развитія, сравнительно съ рыбами и ящерами, на которыхъ они распались; что ихтіозавры одинаково плохо ворочались и на сушѣ, и въ водѣ, а рыбы и ящерицы, избравъ себѣ спеціальную стихію, весьма въ ней сильны. Я думаю, говоритъ г. Заурядный Читатель, что совокупленіе физическаго и умственнаго труда въ одномъ лицѣ можетъ сдѣлать только то, что лицо это будетъ одинаково плохо въ обоихъ отношеніяхъ. Будущій, говоритъ, человѣкъ грезится мнѣ въ видѣ «геніальнаго комка нервовъ», окруженнаго машинами. Насчетъ ихтіозавровъ, хорошо ли или дурно они справлялись съ стихіями, мнѣ неизвѣстно. Это гг. Заурядный Читатель и Михайловскій пустъ промежъ себя рѣшаютъ. Но такъ собственно, не съ научной, а съ житейской и, отчасти съ художественной точки зрѣнія, мнѣ ихтіозавры г. Михайловскаго очень понравились. Можетъ быть, впрочемъ, я ихъ неправильно толкую. Мнѣ народъ, и въ особенности русскій народъ, представляется въ видѣ ихтіозавра, котораго разные проходимцы стараются пріурочить къ разнымъ спеціальнымъ стихіямъ... Это, впрочемъ, я—такъ, мимоходомъ. А скороговоркой у г. Зауряднаго Читателя сказано слѣдующее: для того, чтобы изъ меня геніальный комокъ нервовъ выработался, нужно кому-нибудь снять съ меня весь физическій трудъ, необходимый въ данную минуту, то-есть нужны Ѳедьки и Яковы, не крѣпостные, такъ «вольные», но, во всякомъ случаѣ, приспособленные къ стихіи физическаго труда и превосходно съ ней справляющіеся. Вотъ именно это самое и я когда-то говорилъ скороговоркой: на виду былъ только «геніальный комокъ нервовъ»—чудеснѣйшая, вѣдь, штука,—а Ѳедьки, и Яковы гдѣ-то въ полумракѣ были. Я не мошенничалъ, не подтасовывалъ, а просто говорилъ скороговоркой, почти безсознательно проглатывалъ нѣкоторыя подробности умозаключенія.

И было мнѣ, дѣйствительно, весело. На меня свободой пахнуло и хорошими, очень хорошими словами. Я много читалъ и пріобрѣталъ свѣдѣнія, но вовсе не тѣ, которыя входили въ программу школы, гдѣ я воспитывался. Школа эта мнѣ стала ненавистна. Я мечталъ быть «вольнымъ» въ томъ, нѣсколько каламбурномъ смыслѣ, который произвелъ фуроръ въ салонѣ Анны Сергѣевны. Я мечталъ быть адвокатомъ, такъ какъ тогда уже ходили слухи о новомъ судѣ. Не корите меня за это. Тогда ни я и никто вообще не ожидалъ, что цвѣтъ и краса адвокатуры, г. Спасовичъ, будетъ защищать розги и пощечину, какъ педагогическое средство. Напротивъ, около этого времени была на-

печатана знаменитая статья «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами», а также былъ ошельмованъ въ печати Миллеръ-Красовскій, предвосхитившій у г. Спасовича защиту пощечины, какъ педагогическаго средства. Никто не ожидалъ также гг. Потѣхина, Языкова и Соколовскаго, а также многихъ другихъ подобныхъ вещей. Поэтому мои мечты объ адвокатурѣ были чисты и законны. Въ нихъ порывъ къ идеалу сказывался, чего, разумѣется, нельзя будетъ сказать такъ безусловно о теперешнихъ юношахъ, стремящихся въ адвокаты. Теперь идеалъ достаточно опозоренъ и оплёванъ. Впрочемъ, мечты объ адвокатствѣ были только мечты, и я ровно ничего не дѣлалъ для ихъ осуществленія. Меня просто тянуло на волю, dahin, dahin, wo die Zitronen blühen... Это ужъ тогда такое повѣтріе было, и не одинъ я стремился dahin. Въ результатѣ получилась школьная революція, въ которой я принялъ самое дѣятельное, горячее участіе и былъ замѣченъ. Революціи описывать не стану, потому что она ровно ничѣмъ не замѣчательна, кромѣ безпредметнаго молодого задора. Но, въ концѣ-концовъ, однако, изъ школы, благодаря этой революціи, было выброшено на улицу человѣкъ тридцать, въ томъ числѣ и я. Впрочемъ, во вниманіе къ личности генерала Темкина, я былъ уволенъ «по прошенію». Бѣдный генералъ подавалъ это прошеніе съ великимъ сердечнымъ сокрушеніемъ. Я не знаю, что̀ онъ говорилъ наединѣ съ генераломъ-начальникомъ, но мнѣ лично не осмѣлился сказать ни одного укорительнаго слова: за меня горой стояла ея превосходительство Анна Сергѣевна. Она вполнѣ сочувствовала и моимъ «благороднымъ порывамъ», и моимъ мечтамъ объ адвокатствѣ. Рѣшено было, что я поступлю въ университетъ. Приходилось, однако, подождать: университетъ былъ какъ разъ въ это время закрытъ...

Вотъ я—«вольный», обладатель 300 рублей ежегоднаго дохода, то-есть 25-ти рублей въ мѣсяцъ. Сумма! Я живу въ маленькой комнаткѣ съ двумя крошечными окнами, въ мансардѣ, на Васильевскомъ Острову. Плачу̀ 8 рублей въ мѣсяцъ. Тутъ же получаю столъ за девять рублей. Прелесть ка̀къ хороша казалась мнѣ эта грязная, темная, душная комната, въ которой я впервые въ жизни могъ дѣлать все, что̀ хотѣлъ! Вотъ я справляю новоселье. У меня въ гостяхъ Анна Сергѣевна (она пришла «благословить меня на свободную трудовую жизнь»), генералъ Темкинъ и Башкинъ. Хотѣли еще быть сыновья генерала, да не пришли. Анна Сергѣевна привезла бутылку шампанскаго, дяденька—пастилы и мармеладу, Башкинъ—калачъ. Очень весело; всѣхъ веселѣе, конечно, мнѣ. Мы хохочемъ и надъ разномастными стаканами и бокалами, которые притащила грязная кухарка Василиса, и надъ Василисой, которая, ослѣпленная не-

виданнымъ зрѣлищемъ генерала, называетъ дяденьку «ваше происходительство», и надъ самимъ его происходительствомъ, и надъ собой. Анна Сергѣевна разливаетъ чай и даетъ мнѣ разные хозяйственные совѣты, въ которыхъ, впрочемъ, оказывается сама слаба. Василиса бѣжитъ за второй бутылкой шампанскаго. У насъ начинаетъ шумѣть въ головахъ, то-есть у меня и у Анны Сергѣевны: генералъ не пьетъ, только пастилу жуетъ, а Башкинъ не пьянѣетъ.

Въ сосѣдней комнатѣ тоже весело. Изъ-за тонкой досчатой перегородки слышенъ пьяный говоръ двухъ голосовъ. У насъ все слышно. Изъ разговора видно, что это—студенты, которые должны завтра уѣхать изъ Петербурга: они кутятъ на прощанье. Одинъ зоветъ другого въ какое-то мѣсто, гдѣ веселѣе... Анна Сергѣевна, будучи въ игривомъ настроеніи духа, проектируетъ пригласить сосѣдей къ намъ. Я согласенъ; генералъ въ ужасѣ; Башкинъ тоже протестуетъ. Въ это время, въ сосѣдней комнатѣ сначала все замолкаетъ, а затѣмъ слышится сердитый шопотъ Василисы:

— У-у-у, безпутные! Тамъ его происходительство генералъ сидитъ, а они словно въ кабакѣ... Сейчасъ хозяйкѣ пожалуюсь...

— Прр-рроисходительство!? раздается громкій пьяный басъ.— Кккков происходитство?

— Извѣстно какое: генералъ у новаго жильца... не тебѣ чета, — генералы ходятъ...

— Вввашe прроисходитство, кричитъ обладатель баса и начинаетъ колотить кулаками ко мнѣ въ стѣну.

— Александръ Иванычъ, брось, оставь, пойдемъ, унимаетъ другой голосъ, но безуспѣшно: басъ продолжаетъ грохотать. Анна Сергѣевна теряется и даже нѣсколько блѣднѣетъ; генералъ хмурится и сжимаетъ кулаки; Башкинъ лѣниво улыбается; я смѣюсь. Между тѣмъ, за перегородкой продолжается возня. Наконецъ, одинъ голосъ говоритъ:

— Ну, чортъ съ тобой! я пойду, цалуйся съ своимъ генераломъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по коридору раздаются неровные шаги быстро удаляющагося человѣка.

— С-с-счасъ, кричитъ ему вслѣдъ басъ:—с-с-счасъ, я только къ его прроисходит-ству проститься...

И вдругъ, къ общему нашему удивленію, къ намъ вломилась высокая, плотная фигура, въ грязномъ пальтò съ бараньимъ воротникомъ и въ шапкѣ съ козыремъ. Человѣкъ этотъ остановился посреди комнаты, медленно снялъ шапку и молча, мутными глазами обводилъ присутствующихъ. Глядя на его широкое лицо въ веснушкахъ, обрамленное коротенькой рыжеватой бородкой, на вздернутый носъ, густыя, сросшіяся брови и массу всклоченныхъ, рыжеватыхъ волосъ на головѣ, я чтò-то припомнилъ. Какъ будто я гдѣ-то этого человѣка видѣлъ. Анна Сергѣевна

прижалась къ генералу; тотъ всталъ и величественно выпятилъ грудь. Табло!

— Гдѣ же генералъ? спросилъ, наконецъ, пьяный человѣкъ.

— Я, милостивый государь, генералъ — генералъ Темкинъ! Что̀ вамъ угодно?

— Тттемкинъ... Ттемкинъ.. Темкинъ-Потемкинъ... Въ сараевской гимназіи были? вдругъ быстро спросилъ онъ, глядя въ упоръ на дяденьку.

— Не извольте шутить! грозно началъ тотъ, а я вдругъ вспомнилъ:

— Нибушъ! Нибушъ, это я былъ въ сараевской гимназіи, Григорій Темкинъ, помнишь? родственникъ Владиміра Святого?

Я очень обрадовался Нибушу, обнялъ его, чему онъ не противился, и сталъ разсказывать публикѣ, ка̀къ меня «дразнили» родственникомъ Владиміра Святого. Нибушъ все время молчалъ, тупо поглядывая на всѣхъ и опираясь на мое плечо. Онъ сильно пошатывался.

— Значитъ, отввергаешь? спросилъ онъ, уразумѣвъ изъ моего тона, что я ужъ не горжусь родствомъ съ Владиміромъ Святымъ. От-ввергай, а, все-таки, фактич-ски, понимаешь, фактич-ски, ты, все таки—родственникъ... А я—семибатьковичъ, обернулся онъ неожиданно къ дяденькѣ:—семибатьковичъ, ваше ппроисходит-ство... семь батекъ... незаконный, значитъ. Ну, прощай, генералъ... Я т-тебя тоже от-ввергаю...

И, хлопнувъ дяденьку-генерала по плечу, Нибушъ быстро повернулся и ушелъ. Вслѣдъ затѣмъ явилась Василиса съ пространными извиненіями передъ «его происходительствомъ» и предо мной. Эпизодъ этотъ нѣсколько разстроилъ наше веселье, и гости тотчасъ же ушли. Я завалился спать и спалъ, какъ убитый. Когда я, на другой день, справился о Нибушѣ, его уже не было: онъ уѣхалъ...

Сталъ я, такимъ образомъ, жить, да поживать на вольной волѣ. Дѣлать я, собственно, ничего не дѣлалъ, потому что университетъ былъ закрытъ. И братъ, и Яковъ совсѣмъ скрылись въ туманѣ; я ихъ даже рѣдко вспоминалъ. Съ Темкиными я тоже разошелся, вотъ по какому случаю. Шатаясь отъ бездѣлья по разнымъ мѣстамъ, я столкнулся съ дѣвушкой, которую... не знаю, впрочемъ, любилъ ли я ее когда-нибудь, но она меня, кажется, нѣкоторое время любила. Во всякомъ случаѣ, ходила ко мнѣ. Повадилась ко мнѣ тоже ходить Анна Сергѣевна; приходила одна и садилась ближе прежняго и держала мои руки въ своихъ дольше, чѣмъ когда нибудь... Я чувствовалъ, что мои, тогда еще красныя щеки играютъ тутъ значительную роль и вспоминалъ слова Башкина: madame Мессалина Рекамье. Но

эти мысли я старался гнать отъ себя. Разъ Анна Сергѣевна застала у меня рано утромъ дѣвушку. Произошелъ скандалъ, какого я и не ожидалъ отъ благовоспитанной дамы. Она была точно фурія, меня назвала «развратнымъ мальчишкой» и негодяемъ, а дѣвушку обругала самымъ площаднымъ словомъ. Съ тѣхъ поръ наше знакомство кончилось... Жилъ я, стыдно сказать, такъ дрянно и пусто, хотя продолжалъ считать себя прекраснымъ и очень либеральнымъ молодымъ человѣкомъ. Бездѣлье, кутежи—подобрались соотвѣтственные пріятели—мерзость, однимъ словомъ, такая мерзость, что противно и не стòитъ разсказывать. Но одну подробность я чувствую потребность разсказать. Ежемѣсячно являлся ко мнѣ лакей отъ Темкиныхъ, вручалъ мои двадцать пять рублей и бралъ росписку. Капиталъ этотъ немедленно проѣдался и пропивался съ Наташей (такъ звали мою дѣвушку) и пріятелями, а остальное время до слѣдующаго перваго числа жилось отчасти въ долгъ, отчасти чортъ знаетъ какъ, вообще—впроголодь. Въ одну изъ подобныхъ проголодей Наташа принесла десятокъ соленыхъ огурцовъ, десятокъ печеныхъ яицъ и кусокъ ситнаго хлѣба... Правда, я былъ страшно голоденъ, но вѣдь я зналъ, какою цѣной Наташа купила эти огурцы и яица... Зналъ и ѣлъ, и съ пріятелями дѣлился, и тѣ ѣли, и не становились у насъ поперегъ горла эти соленые огурцы и печеныя яйца... Мало того: мы были увѣрены, что изъ насъ выйдутъ «геніальные комки нервовъ». Это — ужь верхъ мерзости...

Всѣ эти мерзости кончились съ пріѣздомъ Сони. Съ появленіемъ этого свѣтлаго созданія, начинается настоящая красота, сперва съ нѣсколько комическимъ оттѣнкомъ, а потомъ—трагическая...

Г. Темкинъ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЛѢСНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

„ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ"

выходитъ въ 1876 году разъ въ два мѣсяца, въ февралѣ, апрѣлѣ, іюнѣ, августѣ, октябрѣ и декабрѣ, выпусками не менѣе семи печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Въ программу **«Лѣснаго Журнала»** входятъ:

1) Статьи по всѣмъ отраслямъ лѣснаго хозяйства.

2) Вліяніе законовъ и обычаевъ на успѣхи лѣснаго хозяйства.

3) Лѣсоторговый отдѣлъ. Движеніе лѣсной торговли въ разныхъ мѣстностяхъ, рыночныя цѣны на лѣсной матеріалъ и т. п.

4) Лѣсохозяйственная библіографія. Разборъ важнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій по лѣсному хозяйству.

5) Лѣсная хроника и смѣсь.

6) Извѣстія о дѣятельности лѣснаго общества.

7) Обзоръ вновь выходящихъ постановленій по лѣсному управленію.

8) Объявленія, касающіяся предметовъ лѣснаго хозяйства.

«Лѣсной Журналъ» разсылается **безплатно** всѣмъ гг. членамъ лѣснаго общества; для **не членовъ** подписная цѣна за шесть выпусковъ 1876 года **четыре рубля** съ пересылкою и доставкою.

Подписка принимается въ **С.-Петербургѣ**: въ **Лѣсномъ обществѣ**, у Синяго моста, въ домѣ министерства государственныхъ имуществъ; у комиссіонера «Лѣснаго Общества» М. П. Надѣина, въ **«Книжномъ магазинѣ для иногородныхъ»**; въ книжныхъ магазинахъ **Черкесова, Базунова, Колесова** и **Михина** (въ Гостинномъ дворѣ), у **А. Ф. Девріена** (Васильевскій Островъ, по Большому проспекту, д. № 8, кв. № 11) и у **редактора «Лѣснаго Журнала», Н. С. Шафранова**, на Выборгской Сторонѣ, въ зданіи земледѣльческаго института; въ **Москвѣ**: въ **Центральномъ книжномъ магазинѣ** (Славянскій базаръ) и въ книжныхъ магазинахъ **Соловьева, Васильева** (на Страстномъ бульварѣ); въ **Одессѣ**: въ конторѣ

Мосягина и К° (на Соборной площади, въ домѣ Папудова); въ **Ригѣ**: въ книжномъ магазинѣ **Киммеля**.

Объявленія, помѣщаемыя въ «**Лѣсномъ Журналѣ**» оплачиваются по **4 рубля** за цѣлую печатную страницу и по 2 р. за полстраницы.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Лѣснаго Журнала» за 1872, 1873, 1874 и 1875 гг. (по 6 выпусковъ), продаются тамъ же, по 4 руб., съ пересылкою, за годовое изданіе.

Редакторъ **Н. ШАФРАНОВЪ**.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

1) **Альбомъ** тончайшихъ поперечныхъ разрѣзовъ древесины 50 древесныхъ породъ, для изученія анатомическаго ея строенія, съ объяснительною брошюрою, проф. Нердлингера. Русское 2-е изданіе Н. С. Шафранова. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 3 р. 70 к.; съ пересылкою 4 р. (Рекомендованъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ). Для училищъ уступка 10%.

2) **Атласъ лѣсостатистическій** Россіи. Изданіе лѣснаго общества. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 8 р. съ пересылкой.

3) **Нердлингеръ**. Техническія свойства древесины. Руководство для лѣсничихъ, инженеровъ, архитекторовъ и древодѣловъ. Съ нѣмецкаго перевелъ Н. С. Шафрановъ. С.-Петербургъ, 1868 г., 444 стр. Цѣна 1 р.; вѣсовыхъ за 2 фунта.

4) **Шафрановъ**, Н. С. Лѣсохраненіе. С.-Петербургъ, 1875 г. Второе дополненное изданіе. Цѣна съ пересылкою 2 р.

5) **Шафрановъ**, Н. С. Лѣсовозращеніе (Ученіе о производствѣ продуктовъ лѣснаго хозяйства). С.-Петербургъ, 1875 г. Цѣна 3 р. 50 к. съ пересылкою.

6) **Шлейденъ**, М. Дерево и лѣсъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Рудзкаго. Изданіе лѣснаго общества. С.-Петербургъ, 1873 г., 95 стр. Цѣна 60 к. съ пересылкой.

7) **Буркгардъ**. Посѣвъ и посадка лѣса. Переводъ съ нѣмецкаго Н. С. Шафранова. С.-Петербургъ, 1876 г., 701 стр. Цѣна 5 р. съ пересылкой.

въ 1824 г. — XV. Замѣтки о воспроизведеніи гравюръ и рисунковъ геліографіей.

Приложенія. I. Портретъ Екатерины II, точный снимокъ съ гравюры Чемезова 1762 г. — Портретъ **В. Г. Бѣлинскаго**, гравировалъ академикъ **Л. А. Сѣряковъ.**

(Къ первой книгѣ «Русской Старины» 1876 г. приложены портреты **Лжедимитрія 1-го** и **И. И. Михельсона**, гравировалъ на мѣди акад. **Пожалостинъ**).

Отпечатано и поступило въ продажу **третье изданіе** перваго года «Русской Старины», т. е. 1870 г., въ трехъ томахъ, 2,700 страницъ, съ двумя гравированными портретами, шестьюдесятью рисунками и снимками. Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой, а въ переплетахъ **10** р.

Подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» **1876** г. (седьмой годъ изданія) продолжается. Цѣна за 12 книгъ, съ портретами русскихъ достопамятныхъ людей,—гравированными на мѣди и на деревѣ, также съ рисунками, снимками и проч. приложеніями, **восемь** рублей съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ у **Базунова** (Невскій, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ **Соловьева** — на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

☞ Гг. **Иногородныхъ** подписчиковъ просятъ **исключительно** обращаться въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ С.-Петербургъ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Coppée. Olivier, poème. 1 vol. in-12°; prix 80 c.
Topin. Louis XIII et Richelieu. Étude historique. 1 vol. in-8°; prix 3 r.
Hurel (abbé). Flavia. Scènes de la vie chrétienne au IV-e siècle, 1 vol. in-8°; prix 2 r. 80 c.
Narjoux (Felix). Notes de voyage d'un architecte dans le Nord-Ouest de l'Europe. Croquis et descriptions. 1 très-beau volume gr. in-8° orné de gravures; prix 10 r.
Victor Hugo. Actes et paroles. Pendant l'exil. 1 vol. gr. in-8°, avec restr.; prix 2 r. 40 c.
Imitation de Jésus-Christ. précédée d'une préface de Louis Veuillot. **Magnifique édition** d'amateur, ornée d'un grand nombre d'eaux-fortes. 1 vol. in-8°; prix 20 r.
Lavallée. Histoire des Français depuis les temps des Gaulois jusqu'à nos jours, développée de 1814 à 1848, et continuée sur le même plan jusqu'en 1875 par Frédéric Lock. Tome VI, 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.
Dutour (Gén.). Campagne du Sonderbund et événements de 1856, avec cartes. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 60 c.
Fonssagrives. Dictionnaire de la santé ou Répertoire d'hygiène pratique à l'usage des familles et des écoles. 1 vol. gr. in-8° relié; prix 7 r. 20 c.
Malot. Ida et Carmélita. (3-me série de l'auberge du monde). 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Assollant (Alfred). Léa. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Ulbach. La princesse Morani. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Diguet. Histoire galante de Henri IV. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.
Reville (Albert). Le major Franz. Scène de la vie néerlandaise. 1 vol. in-12; prix 1 r.
Siebecker. Les fédérés blancs. Episode de la défense de l'Alsace en 1814 et 1815. 1 vol. in-12; prix 1 r. 20 c.
Bungener (Félix). Souvenirs de Noël. Huit récits. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 cop.
Le Page (M-me). Henry et le génie savantin. 1 vol. in-12°; prix 1 r. **(Ouvrage pour la jeunesse).**
Ballantyne. Le canot de sauvetage. 2 vol. in-12°; prix 2 r. id.
Nelly Lieutier. Les hommes de demain. 1 vol. in-12°: prix 1 r. 20 c. id.
Conscience (Marie). La pièce de vingt francs. 1 vol. in-12°; prix 60 c. id.
Sur le roc. Fragments de journal et lettres d'Alice Whitall. Traduit de l'anglais. 1 vol. in-12; prix 1 r. id.
Maurice le Parisien. Nouvelle pour la jeunesse. 1 vol. in-12; prix 60 c.
Vincent (Sophie). Lina ou illusions et réalités. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.
Gael (M-me). Le foyer. Scènes de la vie de famille aux États-Unies. 1 vol. in-12°; prix 60 c.

Ouvrages anglais nouveaux:

Mortimer Collins. Sweet and twenty. 2 vol.; price 1 r. 40 r.
Melville (Whyte). Sister Louise. 1 vol; price 70 c.
Newman. Jéan. (by the author of «Too late»). 2 vol.; price 1 r. 40 c.
Yates. A silent witness. 2 vol.; price 1 r. 40 c.
Dixon. White conquest. 2 vol; price 1 r. 40 c.

N. B. Le port pour l'intérieur s'ajoute aux prix indiqués d'après le tarif de la poste.

Перваго февраля вышла и разослана гг. подписчикамъ ФЕВРАЛЬСКАЯ (2) книжка ежемѣсячнаго историческаго иллюстрированнаго сборника

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ СЛѢДУЮЩЕЕ:

Текстъ. I. Екатерина II и Густавъ III. Акад. **Я. К. Грота.**—II. Восточный вопросъ 50 лѣтъ назадъ. Ст. I. Акад. **С. М. Соловьева.**—III. Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, ректора университета св. Владиміра и вице-предсѣдателя кіевской археографической комиссіи. Гл. V. Проф. **А. В. Романовича-Словатинскаго.**—IV. Михаилъ Петровичъ Погодинъ (1800—1875). Некрологъ. Проф. **К. Н. Бестужева-Рюмина.**—V. «С.-Петербургскія Вѣдомости» во время французской революціи. Гл. IV и V (Окончаніе). Проф. **А. Г. Брикнера.**—VI. Суворовъ въ народной поэзіи. **Д. Л. Мордовцева.** — VII. Осударева дорога въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи **В. Н. Майнова.** — VIII. Критика и библіографія. I. Исторія россійской академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ второй. Спб. 1875. **Л. Н. Майкова.** II. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сергѣя Соловьева. Т. XXV. М. 1875. **Е. А. Бѣлова.** — IX. Историческіе матеріалы. Письмо князя Б. А. Голицына къ Лефорту. — Письмо князя В. В. Долгорукаго къ Петру Великому. — Письмо кабинетъ-секретаря Макарова къ Екатеринѣ I. — Письмо оберъ-фискала Нестерова къ князю Меншикову.—Приказъ канцлера Головкина дьякамъ посольскаго приказа. — Письмо канцлера Головкина о. дьяку Родосталкову.—Списокъ прислуги Екатерины I.—Письмо императрицы Анны Ивановны С. А. Солтыкову.—Отвѣтъ Солтыкова императрицѣ. — X. Юбилей Крылова (отрывокъ изъ записокъ Н. И. Греча). — XI. Бѣлинскій въ Симферополѣ. **И. А. Шмакова.** — XII. Послѣднее слово моимъ противникамъ-норманистамъ. I. В. Г. Васильевскому. Проф. **Д. И. Иловайскаго.**

Рисунки. I. Екатерина II (съ гравюры проф. Уткина). — II. Густавъ III. — III. М. П. Погодинъ.—IV. Осударева дорога въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. — V. Рисунокъ креста, проектированнаго въ память полтавской битвы.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ: **12** р. **50** к., съ доставкою на домъ; **12** р. безъ доставки; **для ино-**

городныхъ: 1) въ Москвѣ: **13** р. **50** к. съ доставкою на домъ, **12** р. **50** к. безъ доставки; 2) въ губерніи: **13** р. **50** к. съ пересылкою; **для заграничныхъ: 14** р. вся Европа (кромѣ Франціи), **16** р. Франція.

Подписка принимается въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторѣ редакціи сборника, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ, домъ № 46-й, при *хромолитографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго*; **въ МОСКВѢ**: при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается по соглашенію съ конторою редакціи.

Сборникъ **«Древняя и Новая Россія»** за 1875 годъ, состоящій изъ трехъ томовъ, по четыре книжки въ каждомъ, и заключающій около 150 печатныхъ листовъ большого формата, in-4°, въ два столбца печати на страницѣ, съ 65 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромолитографіями, можно получать въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: **въ папкѣ 13** р., **въ бумажной обложкѣ 12** р. Пересылка 1 р. 50 к.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„ДѢТСКІЙ САДЪ".

Въ 1876 г. **«Дѣтскій Садъ»** будетъ издаваться по той же программѣ, въ двухъ отдѣлахъ: педагогическомъ и отдѣлѣ для дѣтскаго чтенія. Особенное вниманіе будетъ обращено на статьи по воспитанію вообще и отдѣлъ критики и библіографіи. Въ отдѣлѣ для дѣтскаго чтенія будутъ помѣщены разсказы, біографіи, этнографическіе очерки, въ первыхъ шести книжкахъ для дѣтей старшаго возраста, въ послѣднихъ—для младшаго.

Въ журналѣ будутъ принимать участіе **Е. И. Конради**, **А. Михайловъ** (Шеллеръ), **О. Н. Поповъ**, **А. Плещеевъ**, **С. Самойловичъ**, **М. Артемьева** (псевдонимъ).

Въ первыхъ книжкахъ будутъ помѣщены статьи: «О характерѣ», «Нравственное чувство». Въ отдѣлѣ для дѣтскаго чтенія: «Маленькій батракъ». Жизнь Мери Соммервиль.

Въ продолженіи года редакція надѣется дать рядъ статей о воспитаніи характера и воспитаніи женщины и матери.

Цѣна 5 р. съ пересылкой и доставкой.

Редакція помѣщается въ Петербургѣ: Галерная, домъ № 46, кв. № 10.

Подписка принимается преимущественно въ редакціи и у всѣхъ главныхъ книгопродавцевъ. Для городскихъ подписчиковъ контора журнала «въ Магазинѣ иногородныхъ», Невскій проспектъ, домъ № 44.

Редакторъ Е. Н. Бороздина.
Издатель В. И. Угла.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1876 г.

(По общей нумераціи тома CCXXIV).

Январь № 1.

Февраль № 2.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Январь № 1.

Февраль № 2.

въ снѣгу, и молодой дѣвушки, Грэсъ Конрой, съ ея маленькой сестрой на рукахъ.

— А какъ вы признали молодую дѣвушку? спросилъ Филиппъ, пристально взглянувъ на доктора.

— По мѣткамъ на ея одеждѣ.

Филиппъ вспомнилъ, что Грэсъ перемѣнилась одеждою съ своимъ младшимъ братомъ, который недавно передъ тѣмъ умеръ.

— Только по этому? снова спросилъ онъ.

— Нѣтъ; докторъ Деваржъ въ своихъ бумагахъ называетъ по именамъ всѣхъ обитателей его шалаша. Мы всѣхъ нашли, кромѣ брата молодой дѣвушки и какого-то Ашлея.

— А гдѣ же они по вашему? спросилъ мрачно Филиппъ.

— Убѣжали! Чего ожидать отъ такихъ людей? отвѣчалъ докторъ, презрительно пожимая плечами.

— Какихъ людей? произнесъ Филиппъ почти грубо.

— Вы, любезный другъ, знаете ихъ такъ же хорошо, какъ я, продолжалъ докторъ:—помните, они постоянно проходили мимо форта, гдѣ мы стояли. Чего они не могли выпросить, они крали, а потомъ жаловались въ Уашингтонъ на отказъ въ помощи со стороны военныхъ. Вѣчно бывало заведутъ ссору съ индѣйцами, а потомъ дадутъ тягу, и намъ приходилось за нихъ расхлебывать кашу. Развѣ вы не помните? мужчины—всѣ грубые, болѣзненные, самаго низкаго класса, женщины—грязныя, старообразныя?

Филиппъ старался вызвать прелестный юный образъ Грэсъ въ противоположность отвратительной картинѣ, рисуемой докторомъ, но ему какъ-то это не удавалось. Въ послѣдніе полчаса, его инстинктивная надменность и чванство взяли верхъ надъ всѣми другими чувствами. Онъ взглянулъ на доктора и отвѣчалъ:

— Дà.

— Еще бы. Здѣсь были тѣже люди. Чего отъ нихъ ожидать? Они сильны только физически и, потерявъ эту силу, никуда не годятся. Мы видимъ передъ собою ясные слѣды эгоизма, жестокости, быть можетъ, убійства.

— Дà, дà, сказалъ поспѣшно Филиппъ:—но вы чтò-то говорили о молодой дѣвушкѣ, Грэсъ Конрой, чтò вы знаете о ней?

— Только то, что мы нашли ее мертвой съ одѣяльцемъ ея маленькой сестры въ рукахъ, словно послѣ смерти у нея вырвали еще живаго ребенка. Но, Артуръ, какъ вы попали сюда? Вы здѣсь вблизи стоите съ полкомъ?

— Нѣтъ, я въ отставкѣ.

— Неужели! А вы здѣсь...

— Одинъ.

— Хорошо, мы послѣ поговоримъ обо всемъ. Вы должны мнѣ помочь составить донесеніе. Наша экспедиція—оффиціальная, хотя и основана на такъ называемыхъ ясновидящихъ способностяхъ нашего друга Блунта. Во всякомъ случаѣ, мы доказали справедливость этого факта, если и не могли сдѣлать ничего болѣе.

Вслѣдъ за тѣмъ, докторъ весело разсказалъ Филипу ихъ экспедицію, начиная отъ сна Блунта, который ясно видѣлъ, что извѣстное число эмигрантовъ умирало съ голоду въ горахъ, и до встрѣчи съ нимъ, причемъ онъ выказалъ столько циническаго юмора и сатирическаго таланта, развлекавшихъ обыкновенно всѣхъ офицеровъ въ фортѣ Бобадилѣ, что молодые люди вскорѣ оба захохотали. Нѣкоторые изъ людей отряда, приготовлявшіе мертвецовъ къ погребенію и разговаривавшіе между собою шепотомъ, видя, что джентльмэны смѣются надъ роковой экспедиціей, стали сами шутить, конечно, грубѣе и неприличнѣе. Филипъ насупилъ брови, а докторъ засмѣялся.

Черезъ нѣсколько времени, они рядомъ выѣзжали изъ мрачной долины. Молчаніе Филипа на счетъ причины его появленія въ этомъ странномъ мѣстѣ не возбуждало подозрѣнія въ умѣ его пріятеля. Докторъ былъ очень радъ, что его встрѣтилъ, и думалъ только объ удовольствіи, которое ему доставитъ общество человѣка, равнаго ему по образованію, вкусамъ и привычкамъ. Онъ гордился своимъ пріятелемъ, гордился впечатлѣніемъ, произведеннымъ Филипомъ на грубыхъ, невѣжественныхъ людей, съ которыми онъ принужденъ былъ поневолѣ брататься при демократическихъ условіяхъ пограничной жизни. Чтò касается до Филипа, то онъ, несмотря на свою юность, привыкъ, чтобы друзья имъ гордились. Онъ даже находилъ чрезвычайно похвальнымъ, что такъ рѣдко пользовался этимъ обстоятельствомъ. Онъ былъ увѣренъ, что, еслибъ разсказалъ доктору о своемъ участіи въ несчастной экспедиціи эмигрантовъ и бѣгствѣ съ Грэсъ, то докторъ почелъ бы его за героя, а потому скрылъ этотъ фактъ; онъ чувствовалъ тѣмъ менѣе укоровъ совѣсти.

Путь ихъ лежалъ мимо Монументнаго Пика и разбросанной груды камней. Филипъ тутъ уже однажды проѣхалъ по дорогѣ къ ущелью и былъ очень радъ, что неожиданная трагедія освободила его отъ необходимости исполнить обѣщаніе, данное умершему натуралисту. Однако, онъ не могъ удержаться отъ вопроса и, обращаясь къ доктору, произнесъ:

— А стòитъ чтò нибудь сохранить изъ этихъ бумагъ и коллекцій?

— Нѣтъ, отвѣчалъ рѣзко докторъ, который уже нѣсколько

мѣсяцевъ не имѣлъ случая выказать свой обычный скептицизмъ:—еслибъ мы могли возвратить ихъ самому доктору Деваржу, то, вѣроятно, онѣ доставили бы ему большое удовольствіе. Но, право, я не вижу здѣсь ничего достойнаго его пережить.

Тонъ доктора такъ походилъ на тонъ самого Деваржа, что Филиппъ какъ-то странно улыбнулся и почувствовалъ себя гораздо спокойнѣе. Достигнувъ до разбросанной груды камней, онъ увидалъ, что сама природа раздѣляла этотъ циническій взглядъ: металлическій ящикъ глубоко погрузился въ снѣгъ, вѣтеръ далеко разнесъ бумаги, и даже камни едва сохранили свои очертанія.

IX.

Слѣды исчезли навѣки.

Палящее, майское солнце жгло бѣлыя стѣны комендантскаго дома въ *Presidio* Сан-Романа, красныя черепицы его крыши и черныя плиты двора, откуда мулы и погонщики только-что вернувшагося каравана бѣжали подъ тѣнь длинной галлереи. Самъ комендантъ предавался полуденной *siesta* въ маленькой, низенькой комнатѣ близь караульни. Сонъ коменданта никогда еще не былъ прерываемъ, и потому онъ съ испугомъ вскочилъ, когда его неожиданно разбудилъ секретарь. Его первая мысль была схватить свой вѣрный толедскій клинокъ, но случилось, что въ это самое утро кухарка взяла шпагу коменданта, чтобъ вынуть *tortillas* изъ печи, и Донъ-Жуанъ Сальватьера удовольствовался тѣмъ, что строго спросилъ о причинѣ подобнаго нарушенія заведенныхъ имъ порядковъ.

— Сеньорита... американка желаетъ васъ немедленно видѣть, произнесъ секретарь.

Донъ-Жуанъ снялъ съ головы черный, шелковый платокъ, которымъ были повязаны его посѣдѣвшіе волосы, и привсталъ. Но, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ принять болѣе оффиціальную позу, дверь отворилась, и въ комнату вошла молодая дѣвушка скромно, застѣнчиво.

Несмотря на ея скудную, грубую, дурно сидѣвшую одежду, впалые глаза, отуманенные слезами, и тяжелое горе, изсушившее ея хорошенькія щечки, она была такъ прелестна, молода, невинна, довѣрчива и безпомощна, что комендантъ быстро вскочилъ и низко поклонился почти до земли.

Повидимому, они взаимно произвели другъ на друга хорошее

впечатлѣніе, потому что молодая дѣвушка, поспѣшно взглянувъ на худощавую, но благородную фигуру коменданта и добрые глаза, свѣтившіеся надъ густыми, сѣдыми усами, съ неожиданнымъ пыломъ бросилась передъ нимъ на колѣни.

Комендантъ хотѣлъ ее нѣжно поднять, но она отстранила его рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ, выслушайте меня. Я—только бѣдная дѣвушка безъ друзей и крова. Мѣсяцъ тому назадъ, я оставила свою семью въ горахъ и отправилась искать помощи, чтобъ спасти ихъ отъ голодной смерти. Со мною былъ братъ. Господь сжалился надъ нами, синьоръ, и мы, послѣ долгаго странствія, нашли, наконецъ, кусокъ хлѣба и пріютъ въ хижинѣ поселенца. Братъ мой Филиппъ возвратился къ нашимъ съ помощью. Я съ тѣхъ поръ ничего о немъ не знаю. О, синьоръ! онъ, можетъ быть, умеръ; они, можетъ быть, всѣ умерли. Три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, а я все одна, синьоръ, одна на чужой сторонѣ. Поселенецъ былъ очень добръ ко мнѣ и послалъ меня къ вамъ за помощью. Вы мнѣ поможете, я въ этомъ увѣрена. Вы ихъ найдете, моихъ друзей, мою маленькую сестру, моего брата.

Комендантъ, терпѣливо дождавшись конца ея словъ, нѣжно поднялъ ее и посадилъ рядомъ съ собою. Потомъ онъ обратился къ секретарю, который поспѣшно по испански отвѣчалъ на безмолвный вопросъ коменданта. Молодая дѣвушка была ужасно разочарована при видѣ, что ея пламенныя слова были непонятны Донъ-Жуану, и съ какимъ-то вызывающимъ тономъ, совершенно ей непривычнымъ, обернулась къ секретарю, который принялъ на себя роль переводчика.

— Вы—американка?

— Да, рѣзко отвѣтила молодая дѣвушка, которая вдругъ почувствовала, съ чисто женскимъ инстинктомъ, странное, неотразимое отвращеніе къ этому человѣку.

— Сколько лѣтъ?

— Пятнадцать.

Комендантъ почти безсознательно положилъ свою загорѣлую руку на ея юную головку.

— Имя?

Она взглянула на коменданта и съ минуту колебалась.

— Грэсъ.

Она снова замолчала и черезъ минуту прибавила, бросая вызывающій взглядъ на секретаря:

— Грэсъ Ашлей.

— Назовите мнѣ кого-нибудь изъ вашей партіи эмигрантовъ, ...эсъ Ашлей.

Молодая дѣвушка снова колебалась нѣсколько мгновеній.

— Филипъ Ашней, промолвила она:—Гэбріель Конрой, Питеръ Думфи, мистрисъ Дженни Думфи.

Секретарь открылъ конторку, вынулъ печатныя листокъ и быстро пробѣжалъ его. Потомъ онъ подалъ его коменданту со словами.

— Виспо.

— Виспо, повторилъ комендантъ и добродушно взглянулъ на Грэсъ, стараясь ее ободрить.

— Экспедиція изъ верхняго *Presidio* напала на слѣды партіи американцевъ въ горахъ, сказалъ секретарь: — между ними находятся подобныя имена.

— Это—наша партія! радостно росkликнула Грэсъ.

— Вы увѣрены? спросилъ подозрительно секретарь.

— Да̀.

Секретарь снова взглянулъ на бумагу, а потомъ на Грэсъ.

— Здѣсь нѣтъ имени миссъ Грэнашли.

Грэсъ поблѣднѣла и опустила глаза. Черезъ мгновеніе она бросила умоляющій взглядъ на коменданта. Еслибъ она могла прямо говорить съ нимъ, то на колѣняхъ созналась бы въ своемъ невинномъ обманѣ; но она не могла рѣшиться, чтобъ ея исповѣдь была передана секретаремъ. Поэтому она прибѣгла къ хитрости.

— Это—ошибка, сказала она: — но вѣдь есть имя Филипа, моего брата?

— Да̀, такое имя значится, отвѣчалъ секретарь мрачно.

— Онъ живъ и здоровъ! воскликнула Грэсъ, забывая все отъ радости.

— Онъ не найденъ.

— Ка̀къ не найденъ? спросила Грэсъ, широко открывая глаза.

— Его тамъ не было.

— Конечно, не было, промолвила Грэсъ съ нервнымъ истерическимъ смѣхомъ:—онъ былъ со мною; но потомъ онъ вернулся.

— 30 апрѣля, Филипъ Ашлей не былъ найденъ.

Грэсъ громко застонала и всплеснула руками. Забывая все отъ отчаянія, она бросилась на колѣни передъ комендантомъ и со слезами воскликнула:

— Простите меня, синьоръ, но я обманула васъ безъ всякаго дурнаго намѣренія. Филипъ—мнѣ не братъ, но другъ, добрый, преданный. Онъ просилъ меня назваться его именемъ, и я согласилась. Меня зовутъ не Ашлей. Я не знаю, что̀ въ этой [illegible] магѣ; но въ ней должно быть упомянуто о мо[illegible]

лѣ и сестрѣ. О, синьоръ! живы они или умерли? отвѣчайте мнѣ, вы должны мнѣ отвѣтить... Я... Грэсъ Конрой.

Секретарь опять развернулъ печатный листокъ, пробѣжалъ его, какъ-то странно взглянулъ на Грэсъ и подалъ бумагу коменданту, указывая въ ней на одно мѣсто. Они переглянулись; комендантъ закашлялъ и, вставъ, отвернулся отъ Грэсъ. Секретарь подошелъ къ ней и, по приказанію коменданта, подалъ ей бумагу.

Молодая дѣвушка взяла ее дрожащими руками. Морозъ пробѣжалъ по ея тѣлу. Это былъ документъ на испанскомъ языкѣ.

— Я не могу этого прочесть! воскликнула она, нетерпѣливо топая своей маленькой ножкой: — скажите мнѣ, что̀ тутъ написано!

Комендантъ махнулъ рукой, и секретарь взялъ бумагу у молодой дѣвушки. Свѣтъ изъ глубокой амбразуры окна падалъ прямо на Грэсъ, которая, опустивъ немного голову и раскрывъ свои прелестныя губки, пламенно, жалобно смотрѣла на коменданта, хотя онъ и стоялъ къ ней спиной и, повидимому, глядѣлъ въ окно. Секретарь прокашлялся и началъ надменнымъ тономъ безупречнаго лингвиста переводить по англійски испанскій документъ:

Донесеніе.

Его превосходительству, коменданту Сан-Фелипе.

«Имѣю честь донести, что экспедиція, посланная на помощь несчастнымъ эмигрантамъ въ Сіеррѣ-Невадѣ, согласно показанію Дона Хозе-Блуента изъ Сан-Геранито, нашла въ ущельѣ, къ востоку отъ Чертова Прохода, доказательства о недавнемъ существованіи этихъ эмигрантовъ, погребенныхъ въ снѣгу, а также открыла исторію ихъ страданій и смерти. Письменный документъ, оставленный несчастными, знакомитъ насъ съ именами и организаціей партіи капитана Конроя, а потому прилагаю копію съ этого документа.

«Тѣла пяти несчастныхъ, найденныя въ снѣгу, не могли быть признаны, кромѣ двухъ, которыя и погребены согласно церковнымъ обрядамъ.

«Наши солдаты дѣйствовали въ этомъ случаѣ съ мужествомъ, хладнокровіемъ, патріотизмомъ, непреодолимой стойкостью и искренней набожностью, отличающими мексиканскаго воина. Нельзя достаточно выразить похвалъ добровольной помощи, оказанной нашему предводителю въ этомъ человѣколюбивомъ дѣлѣ однимъ путешественникомъ, Домомъ Артуромъ Пайнестомъ, отставнымъ поручикомъ сѣверо-американской арміи.

«Несчастные, повидимому, умерли отъ голода, хотя одна жен-

щина сдѣлалась жертвою яда. Къ сожалѣнію, среди погибшихъ былъ знаменитый въ наукѣ докторъ Поль Деваржъ, натуралистъ и набиватель чучелъ».

Секретарь остановился, понизилъ голосъ и, пристально смотря на Грэсъ, продолжалъ:

«Тѣла признанныя принадлежатъ Полю Деваржу и Грэсъ Конрой».

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Грэсъ, дико всплеснувъ руками:— это—ошибка! Вы хотите испугать меня, бѣдную, безпомощную дѣвушку! Вы наказываете меня за обманъ. Сжальтесь надо мною. Господи!.. Спаси меня, Филиппъ!

Съ дикимъ отчаяннымъ крикомъ, она вскочила, схватила себя за волосы обѣими руками и грохнулась безъ чувствъ на полъ.

— Пошлите сюда Мануелу, сказалъ поспѣшно комендантъ и, нетерпѣливо оттолкнувъ секретаря, поднялъ съ полу безчувственную Грэсъ.

Въ ту же минуту въ комнату вбѣжала индійская служанка и помогла коменданту положить на диванъ молодую дѣвушку.

— Бѣдное дитя! сказалъ онъ, пока Мануела поспѣшно разстегивала ей платье:—Бѣдное дитя! безъ отца и матери.

— Бѣдная женщина! промолвила Мануела въ полголоса: — и безъ мужа.

X.

Одноконный Станъ.

Одноконный Станъ пользовался неслыханнымъ благоденствіемъ. Еслибы его основатель, такъ безнадежно окрестившій свое дѣтище въ минуту пьянаго отчаянія, не сдѣлался жертвою «хитрыхъ смѣшеній» въ тавернахъ Сан-Франциско задолго до процвѣтанія стана, то, конечно, онъ призналъ бы всю несправедливость сочиненнаго имъ названія. «Держись Джимъ одной волжи, говорилъ мѣстный критикъ:—онъ открылъ бы богатую руду подъ самымъ своимъ шалашемъ». Но Джимъ поступилъ иначе; выручивъ тысячу долларовъ изъ первоначально-занятой имъ земли, онъ полетѣлъ въ Сан-Франциско и тамъ, роскошно одѣваясь, пилъ все, что̀ ни попало, быстро переходя отъ шампанскаго къ коньяку, отъ джина къ пиву, пока, наконецъ, не окончилъ своей мишурной, эфемерной жизни въ городской больницѣ.

Одноконный Станъ пережилъ не только своего крестнаго отца, но и его безнадежное предсказаніе, что въ немъ не будетъ бо-

лѣе одного коня. Это цвѣтущее селеніе рудокоповъ имѣло свою гостинницу, Домъ Трезвости, почтовую контору, нѣсколько тавернъ, два четыреугольника низенькихъ деревянныхъ строеній на главной улицѣ, групы тѣсно скученныхъ хижинъ на скатахъ горы, массы свѣжо срубленныхъ пней и рядъ недавно очищенныхъ участковъ земли. Несмотря на свое недавнее существованіе, онъ уже гордился древностями и историческими воспоминаніями. Первый шалашъ, построенный Джимомъ Войтомъ, все еще стоялъ на своемъ мѣстѣ; слѣды пуль ясно виднѣлись на ставняхъ таверны Качуги, гдѣ произошло знаменитое побоище между Бастономъ Джо, Гарри Вартомъ и Томсономъ изъ Анджеля; изъ крыши таверны Ватсана все еще торчала балка, на которой, въ предъидущемъ году, былъ повѣшенъ рудокопъ послѣ неформальнаго слѣдствія по подозрѣнію въ принадлежности ему нѣскольких муловъ. Вблизи находилось скромное четыреугольное строеніе, въ которомъ происходило знаменитое собраніе, избравшее делегатовъ, которые, въ свою очередь, выбрали почтеннаго мистера Бланка представителемъ Калифорніи въ конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Шелъ дождь; но не прямо, честно, какъ обыкновенно въ этой горной странѣ, а неопредѣленно, нерѣшительно, какъ-бы предоставляя себѣ право каждую минуту превратиться въ туманъ и тѣмъ отнимая возможность у всякаго держать пари, что это—дождь. Во всякомъ случаѣ, было мокро какъ сверху, такъ и снизу, что̀ доказывалось облаками пара, стоявшаго вокругъ нижнихъ оконечностей нѣсколькихъ зѣвакъ, грѣвшихся у печки въ лавкѣ Бригса. Эти посѣтители, отъ недостатка вкуса или капитала, избѣгали публичныхъ притоновъ игры и пьянства и довольствовались гостепріимнымъ боченкомъ Бригса, причемъ набивали свои трубки его табакомъ и ясно обнаруживали своимъ тономъ глубокое сознаніе, что ихъ общество вполнѣ удовлетворяло Бригса за понесенные расходы.

Они курили молча; только по временамъ раздавалось глухое шипѣнье отъ плевковъ, искусно направленныхъ на раскаленныя стѣнки желѣзной печи. Неожиданно, дверь изъ внутренней комнаты отворилась, и вошелъ Гэбріель Конрой.

— Ка̀къ его здоровье, Гэбъ? спросилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— По маленьку, отвѣчалъ Гэбріель и прибавилъ, обращаясь къ Бригсу:—вамъ придется, до прихода доктора, перемѣнить ему компрессы. Я самъ вернулся бы черезъ часокъ, но мнѣ надо навѣстить Стивена, а, вѣдь, это—двѣ мили отсюда.

— Но онъ говоритъ, что никого не допуститъ къ себѣ, кромѣ васъ, замѣтилъ Бригсъ.

— Знаю, отвѣчалъ Гэбріель: — но это пройдетъ. Вѣдь, Стимсонъ говорилъ то же, когда ему стало хуже, но вскорѣ забылъ обо мнѣ; а я только подоспѣлъ, чтобы положить его въ гробъ.

Бригсъ долженъ былъ, хотя и неохотно, согласиться, что Гэбріель правъ. Послѣдній уже направился къ дверямъ, какъ его остановилъ одинъ изъ грѣвшихся рудокоповъ.

— Ей, Гэбъ! Вы знаете вновь прибывшее семейство въ шалашѣ по ту сторону рудника. Ребенокъ у нихъ умеръ вчера ночью.

— Неужели? спросилъ Гэбріель съ сочувствіемъ.

— Дà, и бѣдная мать въ большихъ хлопотахъ. Будьте такъ добры, зайдите къ ней по дорогѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ задумчиво Гэбріель.

— Я полагалъ, что, сказавъ объ этомъ, доставлю вамъ обоимъ удовольствіе, продолжалъ рудокопъ, снова обернувшись къ печкѣ съ видомъ человѣка, исполнившаго свой долгъ цѣною большого труда и самопожертвованія.

— Вы всегда думаете о другихъ, Джонсонъ, замѣтилъ Бригсъ съ явнымъ восхищеніемъ.

— Дà, отвѣчалъ Джонсонъ съ скромнымъ самодовольствомъ: — я полагаю, что въ Калифорніи всѣмъ необходимо думать не только о себѣ, но и о другихъ. Нѣсколькихъ словъ съ моей стороны, вы видите, было достаточно, чтобы успокоить это бѣдное семейство.

Между тѣмъ, смиренное орудіе самоотверженнаго человѣколюбія Джонсона исчезло во мракѣ и въ дождѣ. Гэбріель такъ добросовѣстно исполнялъ свои разнообразныя обязанности, что только къ часу ночи вернулся въ свое скромное жилище на горномъ скатѣ. Эта срубленная изъ сосновыхъ бревенъ хижина была такъ проста и первобытна, такъ близко подходила къ природѣ, что виноградная лоза свободно вилась по крышѣ изъ древесной коры, птицы гнѣздились въ разсѣлинахъ стѣнъ, а бѣлка безбоязненно грызла желуди на конькѣ кровли.

Тихо отодвинувъ деревянную задвижку, замѣнявшую желѣзный засовъ, Гэбріель вошелъ въ дверь своей обычной осторожной едва слышной поступью. Онъ зажегъ свѣчу въ каминѣ, гдѣ еще свѣтились красные уголья, и внимательно посмотрѣлъ вокругъ себя. Хижина раздѣлялась на двѣ части холщевой занавѣской; на сосновомъ столѣ лежала одежда, очевидно, принадлежавшая дѣвочкѣ семи или восьми лѣтъ: платье, разорванное во многихъ мѣстахъ, бѣлая фланелевая юбка съ красными за-

платками и чулки, до того перештопанные, что не оставалось почти ни одного цѣльнаго мѣстечка. Гэбріель грустно взглянулъ на эти несчастные предметы туалета и очень серьёзно, заботливо сталъ ихъ перебирать. Потомъ, снявъ сюртукъ и сапоги, онъ усѣлся передъ столомъ; но не успѣлъ вынуть изъ ящика иголку и нитки, какъ изъ-за холщевой занавѣски раздался дѣтскій голосъ:

— Это—ты, Гэбъ?

— Дà.

— Я устала и легла спать, Гэбъ.

— Вижу, отвѣчалъ Гэбріель сухо и вынулъ изъ юбки иголку съ ниткой, которая, повидимому, была брошена послѣ безнадежной попытки зашить прорѣху.

— Право, Гэбъ, всѣ мои платья такъ стары.

— Стары! воскликнулъ Гэбъ съ упрекомъ:—они почти также хороши теперь, какъ были сначала. Юбка положительно стала крѣпче, чѣмъ въ первый день, когда ты ее надѣла, прибавилъ онъ, смотря на заплатки съ гордостью художника.

— Да, вѣдь, съ тѣхъ поръ, Гэбъ, прошло пять лѣтъ.

— Ну, такъ что̀-жъ? отвѣчалъ Гэбріель съ нетерпѣніемъ, обращаясь къ занавѣскѣ:—еслибы даже...

— Я выросла.

— Выросла! повторилъ Гэбріель презрительно:—а развѣ я не выпустилъ рубцовъ и не наставилъ лифа на три пальца? Ты меня просто раззоришь своей одеждой.

Олли разсмѣялась; но, не слыша сочувственнаго отклика со стороны безмолвно работавшаго Гэбріеля, она просунула въ отверстіе занавѣски свою курчавую головку. Черезъ секунду, маленькая, худенькая дѣвочка, въ коротенькой ночной рубашкѣ, подбѣжала къ столу и старалась взобраться на колѣни къ Гэбріелю.

— Поди прочь, сказалъ онъ строгимъ голосомъ, но на лицѣ его ясно виднѣлось желаніе приласкать ребенка: — поди прочь! Ты обо мнѣ не думаешь! Я могу работать до смерти, чтобы водить тебя въ шелкахъ и бархатахъ, а ты непремѣнно залѣзешь во всякую лужу или заберешься въ лѣсную чащу. Ты не бережешь платье, Олли. Я десять дней тому назадъ сковалъ его какъ-бы желѣзными обручами, а теперь посмотри, на что̀ оно походитъ?

И онъ презрительно указывалъ на платье. Но дѣвочка не обращала вниманія на его слова̀, а, вскарабкавшись къ нему на колѣни, прижалась головкою къ его груди.

— Ты—совсѣмъ сумасшедшій, Гэбъ, совсѣмъ сумасшедшій, повторяла она, не поднимая глазъ.

Гэбріель не удостоилъ ея отвѣтомъ, а молча продолжалъ работать.

— Кого ты видѣлъ въ городѣ? спросила Олли, нисколько не сконфуженная.

— Никого, отвѣчалъ рѣзко Гэбріель.

— Неправда! воскликнула Олли, качая головой: — отъ тебя пахнетъ мятой и мазью. Ты былъ у Бригса и у новыхъ поселенцевъ.

— Да̀, отвѣчалъ Гэбріель: — мексиканцу лучше, но ребенокъ умеръ. Напомни мнѣ завтра посмотрѣть въ вещахъ матери, не найдется ли чего нибудь для бѣдной женщины.

— А ты знаешь, Гэбъ, что̀ о тебѣ говоритъ мистрисъ Маркль? произнесла Олли, неожиданнно поднимая голову.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гэбріель, стараясь, но совершенно неудачно, придать себѣ равнодушный видъ.

— Она говоритъ, продолжила Олли:—что ты приносишь себя въ жертву другимъ, а самъ нуждаешься болѣе всѣхъ въ попеченіяхъ. Она говоритъ также, что необходимо завести для меня женщину.

Гэбріель положилъ на столъ юбку и, взявъ обѣими руками кудрявую головку Олли, повернулъ ее лицомъ къ себѣ.

— Олли, сказалъ онъ серьёзно: — когда я бѣжалъ съ тобою изъ Голоднаго Стана, несъ тебя на спинѣ милю за милей, двѣ недѣли кормилъ тебя рыбой и дичью въ долинѣ, тебѣ, кажется, было не хуже оттого, что не было при тебѣ женщины. Пробравшись сюда, я выстроилъ этотъ домъ и, кажется, никакая женщина не сдѣлаетъ лучше. Впрочемъ, если мнѣ докажутъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ тебѣ была бы полезнѣе женщина, то я призна̀ю, что мистрисъ Маркль права.

Олли стало неловко; но женскій инстинктъ ее выручилъ, и она снова возобновила аттаку.

— Мнѣ кажется, что ты, Гэбъ, очень нравишься мистрисъ Маркль.

Гэбріель взглянулъ съ испугомъ на маленькую дѣвочку. Самыя юныя представительницы женскаго пола часто инстинктивно угадываютъ то, что̀ ускользаетъ отъ самыхъ проницательныхъ, умныхъ мужчинъ.

— Поди спать, Олли, произнесъ Гэбріель, не отвѣчая на слова̀ сестры.

Но Олли хотѣла еще посидѣть и потому перемѣнила разговоръ.

— Мексиканецъ, за которымъ ты ухаживаешь—не мексиканецъ, а чиліецъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ мистрисъ Маркль.

— Можетъ быть, но это все равно, отвѣчалъ равнодушно Гэбріэль:—я его называю мексиканцемъ.

— А разспрашивалъ онъ тебя еще о... старомъ времени?

— Дà; онъ желалъ узнать всѣ подробности объ исторіи Голоднаго Стана. Онъ особенно интересовался нашей бѣдной Грэсъ и спрашивалъ многое о ней. Ея исчезновеніе, повидимому, его огорчило такъ же, какъ и насъ. Я никогда не видывалъ, Олли, чтобы кто нибудь такъ сильно сочувствовалъ чужому горю. Можно, право, подумать, что онъ принадлежалъ къ нашей партіи. Онъ также разспрашивалъ меня подробно о докторѣ Деваржѣ.

— И о Фйлипѣ? спросила Олли.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гэбріель.

— Гэбріель, я не желала бы, чтобы ты разсказывалъ всякому нашу исторію, произнесла дѣвочка неожиданно.

— Отчего? спросилъ Гэбріель съ удивленіемъ.

— Потому что не хорошо объ этомъ говорить. Мнѣ кажется иногда, что на насъ здѣсь какъ-то странно смотрятъ. Маленькій мальчикъ новыхъ поселенцевъ не хотѣлъ со мною играть, а дѣвочка мистрисъ Маркль говоритъ, что мы въ снѣгу дѣлали чтò-то страшное. Этотъ мальчишка сказалъ, что мы съ тобою...

— Шш! перебилъ ее Гэбріель, вспыхнувъ: — я ему задамъ трезвону.

— Но, Гэбріель, никто...

— Ступай спать Олли, а то ты простудишься, и нè къ чему говорить о пустякахъ, сказалъ Гэбріель рѣзко, опуская ее на полъ:—дѣвочка мистриссъ Маркль—дрянь; всегда заведетъ тебя въ грязь и перепортитъ твое лучшее платье, а я потомъ чини его всю ночь.

Олли возвратилась за холщевую занавѣску, а Гэбріель принялся снова за работу; но нитка у него какъ-то ежеминутно рвалась, и онъ мысленно кололъ иглою обнаженныя ноги дряннаго мальчишки, вмѣшавшагося не въ свое дѣло.

— Гэбъ, произнесъ черезъ нѣсколько минутъ голосъ Олли.

— Что? спросилъ онъ нетерпѣливо, откладывая свою работу.

— Кàкъ ты думаешь... Фйлипъ... съѣлъ Грэсъ?..

Гэбріель быстро вскочилъ и побѣжалъ за холщевую занавѣску. Но не успѣлъ онъ скрыться, какъ дверь въ хижину отворилась, и вошелъ незнакомецъ. Онъ остановился на порогѣ и

окинулъ пытливымъ взоромъ всю комнату. За занавѣской слышались голоса. Незнакомецъ постоялъ немного и потомъ кашлянулъ.

Черезъ мгновеніе, Гэбріель очутился подлѣ него. Лицо его выражало неудовольствіе, но, взглянувъ пристально на неизвѣстнаго гостя, онъ остановился, какъ вкопанный. Незнакомецъ слегка улыбнулся и, нѣсколько хромая, подошелъ къ креслу.

— Вы меня извините, сказалъ онъ, садясь съ тяжелымъ вздохомъ:—вы удивлены? Вы видѣли меня часовъ шесть тому назадъ въ постели совершенно безъ ногъ и такъ нѣжно, мило ухаживали за мной. А теперь я здѣсь. Вы думаете, что я сошелъ съ ума!

Онъ поспѣшно поднесъ правую руку ко лбу, указывая знакомъ, что рехнулся, и продолжалъ съ улыбкой.

— Выслушайте меня. Часъ тому назадъ, я получилъ важное извѣстіе. Мнѣ необходимо сегодня же ночью отправиться въ Мэрисвилъ. Дѣлать нѣчего—я всталъ и одѣлся. Вы видите, мнѣ гораздо лучше, и я могу владѣть ногами. Но я сказалъ себѣ: Викторъ, ты долженъ прежде всего засвидѣльствовать свое почтеніе и пожать руку великодушному, доброму рудокопу, который тебя вылечилъ. *Виспо*! Вотъ я и здѣсь.

Онъ протянулъ свою тонкую, мускулистую, загорѣлую руку и устремилъ на Гэбріеля пытливые, черные глаза, которые дотолѣ быстро бѣгали по всѣмъ окружавшимъ его предметамъ.

— Но, вѣдь, вы еще недостаточно оправились, промолвилъ Гэбріель внѣ себя отъ изумленія: — вы не можете ходить. Вы себя убьете.

— Вы думаете? Ничего; меня ждетъ у вашихъ дверей лошадь. Сколько, вы полагаете, миль до ближайшаго города? Пятнадцать? Это—пустяки. Черезъ два часа идетъ оттуда дилижансъ, и я поспѣю во-время.

Говоря это, онъ махнулъ рукой, какъ бы отстраняя отъ себя всѣ препятствія, но, въ тоже время, глаза его остановились на маленькомъ старомодномъ дагеротипѣ, стоявшемъ на полочкѣ, надъ печкой. Онъ всталъ и, прихрамывая, дошелъ до предмета, приковывавшаго его вниманіе.

— Это—чей портретъ? спросилъ онъ.

— Грэсъ, отвѣчалъ Гэбріель, просіявъ: — его сняли въ тотъ самый день, когда мы выступили изъ Сентъ-Джо.

— Давно?

— Шесть лѣтъ тому назадъ; ей было тогда четырнадцать лѣтъ, произнесъ Гэбріель, вытирая рукавомъ стекло портрета и

смотря на него гордо, хотя съ влажными глазами:—не было дѣвушки красивѣе во всемъ Миссури. А, что вы сказали?

Незнакомецъ произнесъ поспѣшно нѣсколько словъ на иностранномъ языкѣ, но, вѣроятно, они выражали комплиментъ, потому что онъ немедленно прибавилъ громко:

— Прелестная! Восхитительная! Ангелъ! и походитъ на брата.

Послѣднія слова онъ произнесъ задумчиво, перебѣгая глазами отъ портрета къ лицу Гэбріеля и обратно. Молодому человѣку это очень польстило, хотя всякій, не столь простой, какъ онъ, легко отгадалъ бы въ этомъ замѣчаніи простую свѣтскую любезность. Дѣйствительно, честное, грубое лицо брата нисколько не напоминало нѣжныхъ, поэтическихъ чертъ молодой дѣвушки.

— Драгоцѣнная вещь, продолжалъ незнакомецъ: — и у васъ нѣтъ ничего болѣе?

— Ничего.

— Не осталось ни одного письма, ни одной записки? Это было бы настоящее сокровище!

— Она ничего не оставила, кромѣ своего платья. Вы знаете, что она ушла въ мужской одеждѣ брата Джона. Поэтому я всегда удивлялся, какъ ее признали, найдя мертвой.

Незнакомецъ не произнесъ ни слова, и Гэбріель продолжалъ:

— Я возвратился къ нимъ не прежде мѣсяца, и тогда уже не было ни снѣга, ни слѣда всей нашей партіи. Потомъ мнѣ разсказали, что отрядъ, посланный къ намъ на помощь, нашелъ всѣхъ мертвыми, а, между прочими, и Грэсъ. Я рѣшительно не понимаю, какъ она вернулась одна, потому что никто не упоминалъ о человѣкѣ, съ которымъ она ушла. Грустно подумать, что она, бѣдная голубушка, вернулась къ Олли и ко мнѣ и не нашла никого. Эта мысль просто сводитъ меня съ ума. Она умерла не отъ голода и холода, г. Рамиресъ. Ея сердце было разбито.

Незнакомецъ какъ-то странно взглянулъ на Гэбріеля, но ничего не промолвилъ.

— Болѣе года я тщетно старался получить донесеніе о дѣйствіяхъ отряда, посланнаго къ намъ на помощь, продолжалъ Гэбріель, отирая глаза юбочкой Олли: — потомъ я сталъ искать миссіонерную станцію или *presidio*, откуда отправился этотъ отрядъ. Но тутъ вскорѣ началась золотая лихорадка, и американцы овладѣли всѣми миссіонерными селеніями и *presidios*, такъ что, когда я достигъ до Сан... Сан... Сан...

— Геронимо, поспѣшно подсказалъ Рамиресъ.

— Развѣ я вамъ называлъ его? спросилъ Гэбріель:—кажется, нѣтъ.

Рамиресъ утвердительно улыбнулся, оскаливъ зубы, и знакомъ просилъ его продолжать.

— Достигнувъ до Сен-Геронимо, я тамъ не нашелъ никого— ни людей, ни архива. Тогда я напечаталъ объявленіе въ газетахъ Сан-Франциско, прося Филипа Ашлея—такъ звали молодого человѣка, который помогъ ея бѣгству—дать о себѣ вѣсточку. Но не получилъ никакого отвѣта.

— Вы не богаты, другъ Гэбріель? спросилъ неожиданно Рамиресъ, вставая.

— Нѣтъ.

— Но вы надѣетесь разбогатѣть?

— Дà, надѣюсь, какъ всѣ, найти руду.

— Гдѣ ни попало?

— Гдѣ ни попало, отвѣчалъ съ улыбкой Гэбріель.

— *Adios*, сказалъ незнакомецъ, направляясь къ двери.

— *Adios*, повторилъ Гэбріель: — но развѣ вамъ непремѣнно надо ѣхать ночью? Чтò за спѣхъ? Вы правду говорите, что вамъ гораздо лучше?

— Лучше! отвѣчалъ Рамиресъ съ странной улыбкой:—конечно, лучше. Посмотрите, кàкъ я силенъ.

Онъ выпрямился во весь ростъ, поднялъ голову и торжественно пошелъ къ дверямъ.

— Вы вылечили меня отъ ревматизма, другъ Гэбріэль, сказалъ онъ:—прощайте.

Затворивъ за собою дверь, онъ быстро вскочилъ на лошадь, стоявшую на улицѣ, и поскакалъ во всю прыть, такъ что, несмотря на темноту и грязь, черезъ два часа достигъ сосѣдняго города, черезъ который проходилъ дилижансъ въ Сакраменто. На слѣдующее утро, онъ уже былъ въ Мэрисвилѣ и, войдя въ контору Международнаго Отеля, подалъ одному изъ служащихъ свою карточку, говоря:

— Велите подать миссъ Грэсъ Конрой.

XI.

Г-жа Деваржъ.

...ъ Рамиресъ послѣдовалъ за слугой на верхъ по лѣст... длинному корридору, до большой залы, гдѣ слуга

попросилъ его подождать, а самъ исчезъ въ другомъ, темномъ корридорѣ. До его возвращенія, Рамиресъ занялся разсматриваніемъ стѣнъ, на которыхъ, между прочимъ, красовалась таинственная надпись: «Просятъ не спать на лѣстницахъ»; наконецъ, слуга явился и, подозрительно махнувъ рукой Рамиресу, повелъ его по темному корридору, гдѣ остановился передъ одной изъ дверей, и слегка постучался въ нее. Несмотря то, что этотъ стукъ былъ очень слабъ, онъ какимъ-то магическимъ образомъ заставилъ всѣ двери въ корридорѣ отвориться, и въ каждой изъ нихъ показалась мужская голова. Рамиресъ мрачно насупилъ брови. Онъ хорошо зналъ, что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Калифорніи, каждый человѣкъ, посѣщающій даму, возбуждалъ зависть и подозрѣніе въ другихъ людяхъ.

За дверью раздались легкіе шаги, и она отворилась. Слуга на минуту остановился, чтобъ посмотрѣть, довольно ли прилично произойдетъ свиданіе между мужчиной и женщиной, а потомъ мрачно удалился. Рамиресъ вошелъ въ комнату; дверь за нимъ захлопнулась, и онъ очутился лицомъ къ лицу съ таинственной обитательницей Международнаго Отеля.

Это была худощавая блондинка, небольшаго роста; когда исчезла съ ея лица улыбка, показавшаяся на немъ при открытіи двери, она казалась обыкновенной, ничѣмъ не замѣчательной женщиной. Еслибъ она не поражала излишней мягкостью своихъ граціозныхъ манеръ и слишкомъ смиренной покорностью, которыя всегда опасны въ женщинахъ, едва ли бы она чѣмъ нибудь могла возбуждать восхищеніе мужчинъ или опасеніе женщинъ.

Рамиресъ поспѣшно протянулъ къ ней обѣ руки, но она застѣнчиво отшатнулась и спокойно сказала, указывая на потолокъ и стѣны.

— Полотно и бумага.

Смуглое лицо Рамиреса омрачилось. Наступило продолжительное молчаніе. Наконецъ, блондинка разсѣяла улыбкой облако, заволакивавшее его лицо, и сказала, указывая на стулъ:

— Садитесь, Викторъ, и разскажите, отчего вы такъ скоро возвратились?

Викторъ молча сѣлъ. Блондинка смотрѣла на него мягко и покорно, но не промолвила ни слова. Онъ хотѣлъ-было послѣдовать ея примѣру, но пламенная натура взяла свое, и онъ воскликнулъ:

— Вамъ бы лучше вычеркнуть изъ книги отеля имя—Грэсъ Конрой и вписать свое собственное.

— Отчего, Викторъ?

